

O'ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

36 - NASHRI

FAN

**ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ**

**ЎЗБЕКИСТОН
МОДДИЙ
МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ**

36 - НАШРИ

Ш.Р. Пидаев умумий тахрири остида

Тошкент
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
“Фан” нашриёти
2008

Бош мухаррир

Ш.Р. Пидаев

Тахририят кенгаши:

т.ф.д., профессор А.А. Абдуразоқов, ЎзР ФА академиги А.А. Асқаров,
ЎзР ФА академиги Ю.Ф. Буряков, т.ф.д., профессор М.Ж. Журақулов,
ЎзР ФА академиги У.И. Исломов, ЎзР ФА академиги А.Р. Муҳаммаджонов,
ЎзР ФА академиги Э.В. Ртвеладзе, т.ф.д., профессор Р.Х. Сулаймонов,
т.ф.д., профессор Т.Ш. Ширинов, т.ф.д., профессор В.Н. Ягодин

Мухаррирлар:

т.ф.н. А.А. Раимкулов, т.ф.н. А.А. Грицина, т.ф.н. Д.К. Мирзаахмедов,

Такризчилар:

Тарих фанлар доктори Т.К. Ходжайов,
Тарих фанлар доктори М. Жўрақулов

Мазкур тўплам Ўзбекистондаги археология фанининг асосчиларидан бири академик Я.Ғ. Ғуломовнинг хотирасига бағишланган. Унда Ўзбекистон Республика ҳудудида олиб борилган археологик тадқиқотларнинг энг сўнги натижалари акс эттирилган. Мақолалар даврий санаси тош даври ёдгорликларидан бошлаб то сўнги ўрта асрларгача бўлган узоқ масофани қамраб олган. Тадқиқотларнинг мавзуси турлича: тош даври қурулмалари, қадимий ва ўрта асрлар хунармандчилиги, манзиллар ва шаҳарлар топографияси, диний меъморчилик, тасвирий санъат, мафкуравий ва маънавий масалалар, сиёсий тарих муаммолари ва ҳоказо.

Тўплам археологлар, тарихчилар, Олий ўқув юртлари тарих факультетлари талабалари, юртшунослар ҳамда Ўрта Осиёнинг қадимиятига қизиқувчилар учун мўлжалланган.

ISBN 978-9943-09-688-2

© ЎзР ФА «ФАН» нашриёти, 2008 й.

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА**

ВЫПУСК 36

Под общей редакцией Ш.Р. Пидаева

Ташкент
Издательство «Фан»
Академии наук Республики Узбекистан
2008

Главный редактор
Ш.Р. Пидаев

Редакционный совет

Д.х.н., профессор А.А. Абдуразаков, академик АН РУз А.А. Аскарлов,
академик АН РУз Ю.Ф. Буряков, д.и.н., профессор М.Д. Джуракулов,
академик АН РУз У.И. Исламов, академик АН РУз А.Р. Мухамеджанов,
академик АН РУз Э.В. Ртвеладзе, д.и.н., профессор Р.Х. Сулейманов,
д.и.н., профессор Т.Ш. Широнов, д.и.н., профессор В.Н. Ягодин

Редакционная коллегия

к.и.н. А.А. Раимкулов, к.и.н. А.А. Грицина, к.и.н. Д.К. Мирзаахмедов

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.К. Ходжайов
доктор исторических наук М. Джуракулов

Сборник посвящен памяти академика Я.Г. Гулямова—одного из основоположников археологической науки в Узбекистане. В нем отражены результаты новейших археологических исследований на территории республики Узбекистан. Хронологически публикация охватывает период от памятников эпохи палеолита до позднего средневековья. Тематика исследований - индустрия каменного века, древнее и средневековое ремесло, топография и планировка городов и поселений, погребальная и культовая архитектура, изобразительное искусство, вопросы развития идеологических воззрений, проблемы политической истории и т.д.

Сборник предназначен для археологов, историков, студентов исторических факультетов ВУЗов, краеведов и всех интересующихся прошлым Средней Азии.

ISBN 978-9943-09-688-2

© Издательство «ФАН» АН РУз, 2008 г.

ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
BRANCH OF SAMARKAND
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN**

36 EDITION

Edited by Sh.R. Pidaev

Tashkent
“Fan” Publishing House
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
2008

Editor-in-Chief

Dr. Sh.R. Pidaev

Permanent Staff:

Prof. A.A. Abdurazzakov, Academician of Uzbekistan Academy of Sciences A.A. Askarov
Academician of Uzbekistan Academy of Sciences Y.F. Buryakov, Prof. M.D. Djurakulov
Academician of Uzbekistan Academy of Sciences U.I. Islamov, Academician of Uzbekistan
Academy of Sciences A.R. Muhamedjanov, Academician of Uzbekistan Academy of Sciences E.V. Rtveladze
Prof. R.H. Suleymanov, Prof. T.Sh. Shirinov, Prof. B.H. Yagodin

Additional Staff:

Dr. A.A. Raimkulov, Dr. A.A. Gricina, Dr. D.K. Mirzaahmedov

Reviewers:

Prof. T.K. Hodjayov

Prof. M. Jurakulov

This publication is dedicated to the memory of Yahya Gulyamov, member of the Academy of Sciences of Uzbekistan, who greatly contributed to establishing of the archeological science in Uzbekistan. It presents the latest results of archeological investigations and covers a period from the Paleolithic to the Late Medieval Period in Uzbekistan. These reviews cover various topics such as industry in the Stone Age, crafts and trade in ancient and medieval times, topology and planning of towns and settlements, burial and cult architecture, performing arts, development of ideology, as well as issues of political history. This collection of articles is designed for archeologists, historians, scholars of other historical sciences and for all interested in history of Central Asia.

ISBN 978-9943-09-688-2

© “Fan” Publishing House Academy of
Sciences of Republic of Uzbekistan, 2008.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА Я.Г. ГУЛЯМОВА

Жизнь и деятельность известного узбекского археолога, историка и востоковеда, специалиста по древней и средневековой истории Узбекистана, доктора наук, профессора, действительного члена Академии наук, заслуженного деятеля науки Республики Узбекистан, Я.Г. Гулямова неразрывно связана с становлением и развитием отечественной исторической науки. Талантливый исследователь и организатор науки, энтузиаст своего дела, он свыше сорока лет трудовой и научной деятельности посвятил развитию археологии Узбекистана.

Яхья Гулямович Гулямов родился 1 мая 1908 г. в г. Ташкенте в семье преподавателя медресе. Он рано лишился отца и воспитывался матерью – учительницей детской школы для девочек, а с 1921 года - в детском доме-интернате. По окончании шестого класса начальной школы Я.Г. Гулямов поступил в Узбекский мужской институт просвещения – Узинпрос (1923-1926 гг.), а затем начал самостоятельную трудовую деятельность учителем начальной школы в Ташкенте.

В 1927-1930 гг. он продолжил образование на общественно-экономическом отделении Узбекской Государственной педагогической академии, располагавшейся в первой столице – Самарканде.

Одновременно с 1929 – по 1931 гг. Я.Г. Гулямов, проявивший большой интерес к истории края, был рекомендован преподавательским советом в качестве ассистента Кабинета истории Средней Азии, а затем аспирантом Узбекского научно-исследовательского института при Кабинете Министров республики.

С 1931 года началась систематическая преподавательская деятельность Я.Г. Гулямова в Ташкентском педагогическом техникуме, а в 1933-1940 гг. он – научный сотрудник и ученый секретарь Узбекского комитета по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис). С этого времени Яхья Гулямов приобщается к археологическим исследованиям, участвует в научных экспедициях и разведочных рекогносцировках.

В 1933 г. он совместно с М.Е. Массоном принял участие в работе Термезской экспедиции, в 1934 – Зарафшанской экспедиции, возглавлявшейся А.Ю. Якубовским. Самостоятельные археологические исследования Я.Г. Гулямова в Хорезме относятся к 1936 г., а с 1938 г. он работает в составе Хорезмской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Союзной Академии наук под руководством С.П. Толстова.

г. Ташкент. Я.Г. Гулямов в рабочем кабинете

В 1940 г. наступает новый этап в биографии Я.Г. Гулямова, он становится заведующим отделом Узбекского филиала Союзной Академии наук, а с 1943 г. – заведующим Отделом истории древних и средних веков Института истории и археологии во вновь образовавшейся АН Узбекистана. В научном плане в 1943 году им была защищена кандидатская диссертация: «Хива и ее памятники», а в 1950 г. докторская работа: «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней».

В 1955 г. Я.Г. Гулямов был утвержден в звании профессора. В 1956 г. он был избран член-корреспондентом, а в 1966 г. академиком Академии наук Узбекистана. И хотя Я.Г. Гулямов был чужд административной карьеры, тем не менее с 1956 по 1959 гг. он проработал и в должности директора Института истории и археологии АН Узбекистана.

Первый интерес к истории родного края проявился у Я.Г. Гулямова еще во время учебы в школе-интернате, а затем и Узинпросе. Поэтому, поступив в Узбекскую Государственную педагогическую академию, он начал с большим интересом слушать лекции известных для своего време-

ни историков, востоковедов и просветителей – Булата Солиева, Мусы Саиджанова, Абдурауфа Фитрата. Но основополагающую роль в его дальнейшей жизненной биографии все же сыграли лекции археолога Василия Лаврентьевича Вяткина. В.Л. Вяткин с самого начала почувствовал незаурядный интерес молодого студента, попытался привлечь его к археологическим раскопкам на Афрасиабе и знакомству с первоисточниками на арабском, персидском и староузбекском языках. Поэтому Я.Г. Гулямов оказался впоследствии не только в ряду известных учеников В.Л. Вяткина, но и той старой школы ориенталистов, совмещавших археологию с блестящими знаниями восточных языков и этнографии.

Все это способствовало выдвижению его в ряд корифеев археологии Центральной Азии старшего поколения, таких как С.П. Толстов, М.Е. Массон, А.Ю. Якубовский, А.М. Беленицкий, А.Н. Бернштам, В.А. Шишкин, М.М. Дьяконов. При этом каждый из них имел свое особое направление изысканий, характеризующееся региональными, хронологическими и иными разносторонними аспектами, не сталкивавшимися их интересы.

К таковым основополагающим направлениям сфер деятельности Я.Г. Гулямова можно отнести историю одной из жизненно важных проблем древних восточных цивилизаций – ирригации и, в частности, историю ирригации древнего Хорез-

*г. Самарканд. Городище Афрасиаб. 1976 г.
Рядом стоят, слева направо: М.Р. Касымов, М. Садиев,
Ш. Ташходжаев*

ма или шире - Республики.

Также значителен вклад Я.Г. Гулямова и его учеников в изучение древних первобытных обществ каменного века и эпохи бронзы, первых шахтных промышленных выработок каменного сырья первобытными племенами, истоков ирригационных систем и оазисной стены Кампыр-Дувала в Бухарском оазисе, возглавлявшейся им Махандарьинской экспедицией.

Значимую роль в археологической науке приобрели и работы руководимых им экспедиций в Ташкентском оазисе и Ферганской долине, выявивших ряд стоянок первобытной эпохи, где были впервые обнаружены свидетельства освоения территории Узбекистана первыми насельниками в палеолите, многие сотни тысячелетий назад.

Еще одним жизненно важным направлением деятельности Я.Г. Гулямова была подготовка квалифицированных научных кадров. Будучи сам первым археологом - узбеком, он дал направление в археологию целой группе известных ныне специалистов, которые не только продолжили, но и значительно углубили и расширили области деятельности своего учителя. К их числу можно отнести специалиста по истории ирригации Узбекистана академика АН РУз А.Р. Мухамеджанова, специалистов по эпохе камня академика АН РУз У.И. Исламова, проф. Р.Х. Сулейманова, проф. М.Р. Касымова, специалиста по эпохе бронзы академика АН РУз А.А. Аскаророва и многих других. Под его руководством около 20 ученых и преподавателей защитили кандидатские и докторские диссертации. В его доме постоянно бывали историки и археологи, видные ученые и научная молодежь. Их привлекали не только радующие и широкое гостепреимство хозяина, но и возможность обменяться мнениями, познакомиться с последними археологическими открытиями, узнать о ближайших перспективах и планах научных работ в Узбекистане.

Я.Г. Гулямову принадлежит более 90 различных публикаций и в их числе ряд монографий и коллективных исследований.

Руководя работой коллектива исследователей в Институте истории и археологии АН РУз и ряда специалистов из других научных учреждений,

г. Баку. Рядом стоят слева направо:
А.Р. Мухамеджанов, У.И. Исламов, Л.К. Каюмов

читая лекции в ВУЗах, готовя аспирантов и соискателей, Я.Г. Гулямов стал создателем собственной школы узбекских археологов и историков, изучавших многовековое прошлое народов Узбекистана и их богатое культурное наследие.

Под редакцией Я.Г. Гулямова вышло в свет немало монографий, учебников и сборников научных трудов, несколько изданий «Истории материальной культуры Узбекистана». В течении многих лет Я.Г. Гулямов являлся председателем Объединенного Ученого Совета Отделения истории, языкознания и литературоведения АН РУз по приему и защите докторских диссертаций и председателем Ученого совета Института истории и археологии по защите кандидатских диссертаций.

В целом, его основополагающие исследования в области истории ирригации, земледелия, изучения становления производящей экономики первобытных обществ, большая работа по подготовке квалифицированных кадров, популяризации исторической науки и охраны памятников культурного наследия создали ему непререкаемый авторитет одного из главных флагманов археологии Узбекистана.

Добрая память о видном ученом, неутомимом исследователе историко-культурного прошлого народов Средней Азии нашла отражение в названиях улиц селений и городов, школ, Института археологии АН РУз, в памяти соратников, коллег младшего поколения и сердцах всех соотечественников.

Д.К. Мирзаахмедов.

Б.К. Сайфуллаев

РОЛЬ СЫРЬЯ В РАЗВИТИИ ТЕХНИКИ ОБРАБОТКИ КАМНЯ В КУТУРБУЛАКЕ

Одним из базовых памятников среднего палеолита в Самаркандской впадине является местонахождение Кутурбулак, находящееся в 100 км на северо-запад от г. Самарканда, вблизи села Чархин. Стоянка Кутурбулак располагается в узкой предгорной долине левобережья среднего течения р. Зарафшан, вблизи одноименного родника, бьющего у подножия Зирабулакских гор. Памятник открыт в 1971 г. отрядом ИА АН РУз под руководством Ю.Ф. Бурякова (Буряков, Крикис, Равшанов, Ростовцев, 1972. С. 507-508). Исследования памятника проводились в течение 1971-72 гг. Н.Х. Ташкенбаевым, а результаты опубликованы в ряде статей и монографии (Ташкенбаев, 1971. С. 8-13; Ташкенбаев, 1972. С. 4-16; Ташкенбаев, 1972а. С. 212; Ташкенбаев, 1973. С. 9-18; Ташкенбаев, 1973а. С. 11-14; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. С. 36).

Для расщепления древние мастера на Кутурбулаке использовали песчаники (41%), кварц (31,6%), кремьен (12,2%), кремнистый известняк (9%) и сланец (6%) (табл. 1).

На первом месте стоят песчаники, на втором кварц и за ними следуют другие породы камня. Вместе с тем, нуклеусы, оформленные из кремнистых пород, сильно сработаны и имеют сравнительно малые размеры, в то время как нуклеусы из кварца всегда имеют большие габариты. Отсюда следует вывод о том, что кутурбулакцы высоко ценили более качественные породы сырья и срабатывали их до предела. Кварц и песчаники встречались в окрестностях стоянки в изобилии, и использовались менее экономично, тем более, что они имели низкие «потребительские» свойства.

Теперь проследим на материалах стоянки, как характер сырья мог влиять на технику расщепления: 36,8% всех радиальных нуклеусов сделаны из кварца, еще 37% – из песчаника, из кремния – 14,5%, кремнистого известняка – 9,7% и сланца – 2% (табл. 2).

Если посчитать эту долю внутри каждой породы, то получатся следующие цифры: кварц – 46%, кремнистый известняк – 42%, кремьен – 37%, песчаник – 35,6% и сланец – 35% (табл. 3).

Отсюда видно, что кварц в технике радиального расщепления применялся более массово.

Среди ядрищ параллельного принципа расщепления почти половину (49%) составляют песчаники, за ними следуют кварц (25,2%), кремнистый известняк (10%), кремьен (8,5%) и сланец

(6,8%) (табл. 4).

Теперь проследим эти показатели внутри каждой породы: песчаники – 48,4%, сланец – 45,8%, кремнистый известняк – 45%, кварц – 32% и кремьен – 28% (табл. 5).

Видно, что кварцевое сырье активно использовалось и при изготовлении параллельных нуклеусов. При анализе кварцевых нуклеусов с параллельным принципом скалывания видно, что они «неудачные», сколы ломались, не доходя до основания. Большое количество таких ядрищ, видимо, объясняется стремлением древних кутурбулакцев получить пластинчатые сколы даже при использовании сырья плохого качества.

Среди материала, использованного для изготовления леваллуазских нуклеусов, первое место занимают песчаники (47%), за ними следуют кремьен (29,4%), кварц (10%), кремнистый известняк (7,3%) и сланец (5,9%) (табл. 6).

Если рассматривать представленности этой категории ядрищ непосредственно по группам сырья, то среди кварцевых нуклеусов их доля составляет 2,7%, среди песчаников – 9,5%, кремня – 20%, кремнистых известняков – 6,7% и сланцев – 5,9% (табл. 7).

Таким образом, при использовании леваллуазской техники чаще всего расщеплению подвергались кремни, за ними следуют песчаники, сланцы, кремнистый известняк, а самый редкий материал – кварц.

В наборе сырья для многоплощадочных нуклеусов на первом месте выступает кварц (60%), за ним следуют песчаники (30%), кремьен (6,6%), кремнистый известняк (3,3%) и сланец (3,3%) (табл. 8).

Проследим теперь процентное соотношение внутри каждой породы: кварц – 7%, песчаники – 2,6%, сланцы – 2,6%, кремьен – 2% и кремнистый известняк – 1,3% (табл. 9).

Как видно, при использовании этой техники расщепления наиболее часто использовался кварц. Большинство из многоплощадочных ядрищ являются шарообразными нуклеусами, где плоскость негатива одного скола служила ударной площадкой для снятия другого, т.е. они представлены одной из самых распространенных и примитивных техник расщепления, которая, возможно, является и самой удобной для утилизации кварца и подобных ему пород.

Проанализируем категорию аморфных нуклеусов. Эти ядрища, расщепленные без какой-либо

Таблица 1. Сырьевой состав артефактов Кутурбулака

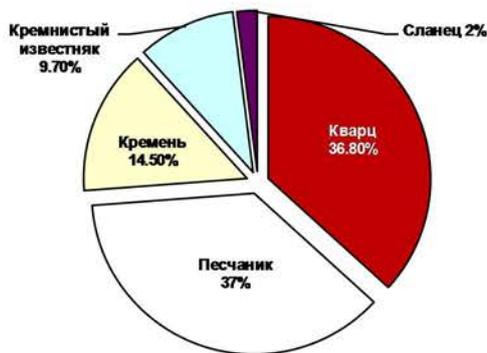

Таблица 2. Сырьевой состав радиальных нуклеусов Кутурбулака

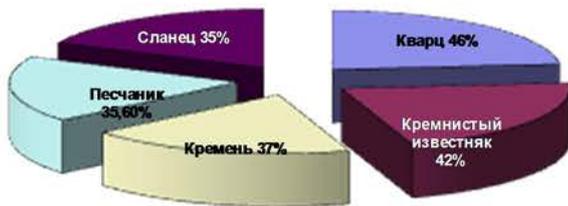

Таблица 3. Соотношение сырьевого состава радиальных нуклеусов внутри каждой породы

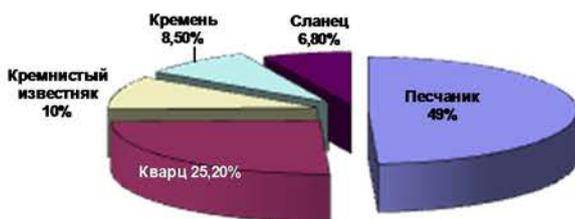

Таблица 4. Соотношение сырьевого состава параллельных нуклеусов Кутурбулака

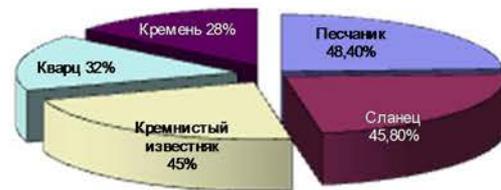

Таблица 5. Соотношение сырья параллельных нуклеусов Кутурбулака внутри каждой породы

Таблица 6. Сырьевой состав леваллуазских нуклеусов Кутурбулака

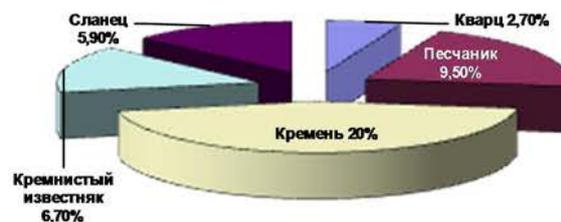

Таблица 7. Соотношение сырьевого состава леваллуазских ядрищ внутри каждой породы

Таблица 8. Соотношение сырьевого состава многоплощадочных нуклеусов Кутурбулака

Таблица 9. Соотношение многоплощадочных нуклеусов Кутурбулака внутри каждой породы

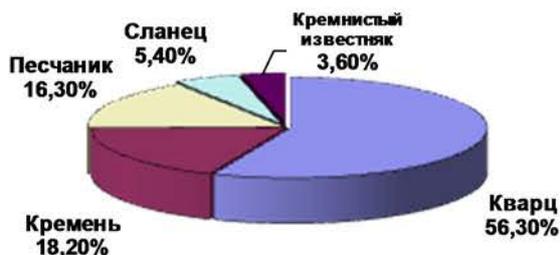

Таблица 10. Сырьевой состав аморфных нуклеусов Кутурбулака

Таблица 15. Распределение леваллуазских сколов Кутурбулака внутри каждой породы сырья

Таблица 11. Соотношение сырья аморфных нуклеусов Кутурбулака внутри каждой породы

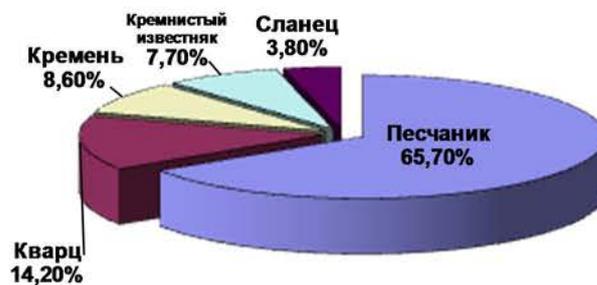

Таблица 16. Сырьевой состав отщепов Кутурбулака

Таблица 12. Сырьевой состав пластин Кутурбулака

Таблица 17. Распределение отщепов Кутурбулака внутри каждой породы

Таблица 13. Распределение пластин Кутурбулака внутри каждой породы сырья

Таблица 18. Распределение орудий Кутурбулака внутри каждой породы

Таблица 14. Сырьевой состав леваллуазских сколов Кутурбулака

системы, часто истощенные. Среди сырья из них первое место занимает кварц – 56,3%, за ним следуют кремь – 18,2%, песчаники – 16,3%, сланец – 5,4 % и кремнистый известняк – 3,6% (табл. 10).

Теперь проследим процентное соотношение внутри каждой породы: кварц – 7%, песчаники – 2,6%, кремь – 10%, сланцы – 6,2% и кремнистый известняк – 2,7% (табл. 11).

Как видно, наиболее массовым материалом является кремь. Это может объясняться тем, что кремь расходовали очень экономно, и даже когда ядрища срабатывались до предела, то в целях получения с них как можно большего количества заготовок расщепление продолжалось, но уже без какой-либо системы.

В целом, анализируя технику первичного расщепления индустрии Кутурбулака, можно сделать вывод о большом дефиците высококачественного каменного сырья, что заставляло кутурбулакцев очень экономно расходовать высококачественный материал и широко использовать сырье с низкими «потребительскими» свойствами. Такая «сырьевая политика», в свою очередь, достаточно сильно повлияла как на особенности первичного расщепления, так и на облик индустрии в целом.

Сколы в коллекции Кутурбулака представлены 4281 экз. Из них пластин – 19,1%, леваллуазских сколов – 1,9% и отщепов – 79%. Несмотря на доминирующее положение ядрищ параллельного принципа снятия и заготовок с параллельной огранкой дорсала, пластины составляют сравнительно малый процент. Это также может объясняться экономией сырья, т.к. в процессе интенсивной утилизации габариты ядрищ сильно уменьшались, в результате чего получались укороченные сколы.

Больше всего пластин изготовлялось из песчаников – 85,8%, за ними следуют кремнистый известняк – 5,9%, кремь – 4,6%, кварц – 2,6% и сланцы – 1,1% (табл. 12).

Отдельно, внутри каждой породы пластины составляют: кварц – 4,2%, песчаники – 30,3%, кремнистый известняк – 15%, кремь – 11,1% и сланцы – 6,2% (табл. 13).

Как видно, доля кварца очень незначительна, т.к. с кварцевых нуклеусов параллельного принципа снятия получались, в основном, «неудачно» сколотые пластины. Ранее в литературе отмечалось, что на Кутурбулаке вообще отсутствуют пластины из кварца (Гречкина, Ташкенбаев, 1990. С. 13). Наши исследования показали, что они имеются, но в малом количестве.

Леваллуазские заготовки составляют около

2% всех сколов. Кутурбулакцы прекрасно владели этой техникой расщепления, о чем свидетельствуют отдельные экземпляры леваллуазских нуклеусов и сколов из низкокачественных пород (кварц), которые ничем не отличаются от классических образцов. Но все же для использования и развития леваллуазской техники требуются высококачественные породы камня. Как показали экспериментальные данные Г. Келли (Kelly, 1954. P. 149-169, 13 fig.), чтобы получить один желаемый леваллуазский отщеп, приходится выбрасывать в отходы в среднем 60 сколов. При дефиците качественного материала кутурбулакцы не могли позволять себя такую «роскошь». Больше всего леваллуазских сколов на Кутурбулаке изготавливалось из песчаника (60%), затем следует кремь (15,3%), сланцы (9,4%) и кварц (2,3%) (табл. 14).

Внутри каждой породы леваллуазские сколы получались: из кварца – 0,4%, песчаника – 1,7%, кремнистого известняка – 3,4%, сланца – 5,5% и кремня – 3,8% (табл. 15).

Следовательно, несмотря на то, что более половины леваллуазских сколов изготовлено из песчаника, при сравнении распределения их по отдельным категориям сырья, наибольший процент леваллуазских изделий падает на долю кремнистых пород.

Отщепы в большинстве случаев изготовлялись из песчаников (65,7%), за ними следуют кварц (14,2%), кремь (8,6%), кремнистый известняк (7,7%) и сланцы (3,8%) (табл. 16).

Теперь проследим эти показатели по каждой породе сырья: кварц - 95,4%, песчаник - 77,4%, кремь - 85,1%, кремнистый известняк - 85,5% и сланцы - 82,2% (табл. 17).

Видно, что очень высока доля кварца. Вместе с тем, при подсчете мелких отщепов на первое место выступает кремь, а кварц в этой категории практически не представлен. Видимо, это связано с меньшей интенсивностью его утилизации и, как следствие, более крупными размерами кварцевых ядрищ.

Орудийный набор Кутурбулака представлен 420 экз. Среди сырья, использованного в производстве орудий, на первом месте оказались песчаники – 68,6%, за ними следуют кремь – 23%, кремнистый известняк – 19,5%, сланцы – 10% и кварц – 3,3% (табл. 18).

Таким образом, в Кутурбулаке жили неандертальцы – прекрасные знатоки свойств камня и техники его обработки. Как известно, одной из наиболее сложных техник расщепления была леваллуазская. Кутурбулакцы ею хорошо владели, о чем свидетельствует присутствие в коллекции ядрищ и сколов леваллуа. Однако особенности

сырьевой базы, определявшиеся низким качеством массового материала, а также дефицитом и малыми размерами имеющихся желваков пород с высокими «потребительскими» свойствами (в первую очередь кремня), препятствовали широкому применению и развитию этой техники. По всем признакам, индустрия Кутурбулака относится к развитому мустье. В технике расщепления, судя по характеру дорсальной огранки сколов, господствовал параллельный способ скалывания (78,7%). Вместе с тем, интенсивная срабатанность ядрищ, связанная, видимо, с экономией сырья, и, как следствие, уменьшение их габаритов, приводили к доминированию при расщепле-

нии непластинчатых сколов. Изделия со вторичной обработкой очень разнообразны и представлены почти всеми типами орудий, характерных для комплексов развитого мустье. Вопрос о культурной принадлежности памятника очень сложен и мы воздерживаемся от однозначного отнесения его к какому-либо из известных вариантов мустьерских культур. С наибольшей долей вероятности, тем не менее, можно предполагать, что индустрия Кутурбулака представляет собой развитый вариант типичного мустье с примесью леваллуазской техники и значительной ролью зубчатых элементов.

Использованная литература

- Буряков Ю.Ф., Крикис Я.К., Равшанов Р., Ростовцев О.М. Работы в Самаркандской области 1971 г. // АО. М., 1972.
- Ташкенбаев Н.Х. Новые памятники древнекаменного века в Самаркандской области // ОНУ, 1971. № 11.
- Ташкенбаев Н.Х. Исследование новой мустьерской стоянки Кутурбулак (Самаркандская область) // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
- Ташкенбаев Н.Х. О новых памятниках эпохи палеолита на территории Самаркандской области // УСА. Вып. 2. Ташкент, 1972а.
- Ташкенбаев Н.Х. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак // ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
- Ташкенбаев Н.Х. Кутурбулак - новый мустьерский памятник Узбекистана // ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973а.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
- Гречкина Т.Ю., Ташкенбаев Н.Х. К вопросу о кварцевых изделиях Кутурбулака (3 слой) // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.
- Kelly (H). Contribution a l'etude de la technique de la taille levalloisienne, 1954. B.S.P.F., t. 51.

Б.К. Сайфуллаев, И.М. Қурбонбоев

ҚИЗИЛҚУМДАГИ ҚАДИМГИ ТОШ ДАВРИ УСТАХОНАЛАРИНИ ЎРГАНИШИГА ДОИР

(Есен 2 ва Кўкаез 1, 2, 3 ёдгорликлари мисолида)

Қадимги тош асрида яшаган ибтидоий одамларнинг кундалик эhtiёжлари учун ичимлик суви, овчилик ҳамда теримчилик маҳсулотлари захиралари билан бир қаторда, меҳнат қуролиларини ишлаб чиқариш учун нафақат яроқли, балки сифатли хомашё – тош конларининг ҳам мавжудлиги муҳим аҳамият касб этган.

Табиатда тош қуролилар яшаш учун энг сифатли хомашё кремний, яъни чакмоқтош ҳисобланади. Ўзбекистон ҳудудида кремний конлари сероб бўлиб, уларнинг яшил, жигарранг, кулранг, оқ, қора ва бошқа турлари учрайди. Кремний ўта мўртлиги ва чакмоқланганда жуда кесгир қирра ҳосил қилиши билан ажралиб туради. Тошга ишлов беришнинг қадимги технологияларини ўрганиш соҳасининг асосчиларидан бири С.А. Семеновнинг: “табиатда ҳозиргина чакмоқланган кремнийдан ўткирроқ нарсани топиш қийин” (Семенов, 1980. С. 15), деган сўзлари айна ҳақиқатдир. Кремнийдан кейинги ўринларни сифатига кўра кремнийлашган тош жинслари, сланец, қайроқтош, кварцит кабилар эгаллайди. Ибтидоий усталар тошларнинг бундай сифат хусусиятларини яхши билишганлар ва кремний топа олмаган пайтларида тошларнинг юқорида қайд этилган, бошқа турларидан фойдаланиш билан қаноатланганлар.

Маълумки, қадимги тош даври одамлари ғорларни, сув ҳавзалари бўйларини макон тутганлар. Бу жойлар яшаш учун қулай ва озиқ-овқат захираларига бой бўлган. Бироқ, бу ҳудудларда ҳамаша ҳам ишлов беришга яроқли, сифатли тош конлари бўлавермаган. Бундай ҳолларда, тош даври усталари сифатли хомашё топиш илинжида ўнлаб чақирим масофаларни босиб ўтганлар ва бундай конларни қидириб топганлар.

Ўзбекистонда палеолит давриданок одамларга маълум бўлган бундай тош конлари тоғларда ва уларнинг ёнбағрларида жойлашган. Ёдгорликларнинг гувоҳлик беришича, сифатли тош конларини кашф этган ибтидоий усталар бу жойлардан хомашё бўлақларини ташиб кетишдан кўра, уларни чакмоқлаб, яъни бирламчи, баъзан, иккиламчи ишлов беришиб, ўз маконларига тайёр иш қуролиларини олиб кетишни афзал билганлар. Бундай фаолиятнинг натижаси ўлароқ, тош даври устахоналарида нуклеуслар, учириндилар, пластиналар, паррахалар ва тош қуролилар қол-

диқлари сақланиб қолади. Бундай топилмалар тош даври одамлари эришган технологик ютуқлари, маданий-даврий анъаналари ҳақида муҳим маълумотларни беради.

Ўзбекистоннинг катта қисмини ҳосил қилган Қизилқум чўли тош даври устахоналарига жуда бой ҳудудлардан ҳисобланади. Уларга Есен 2, Қорақудуқ, Шахпахти, Кўкаез 1, 2, 3, Кўкча, Султон-Увайс тоғдаги 23, 24 - пунктлар ва бошқаларни мисол келтириш мумкин.

Есен 2 манзилгоҳ – устахонаси 1977 йили Борса-келмас пасттекислигининг жануби-ғарбий чеккасидан топилган (Виноградов, Бижанов, 1977. С. 522). Есен 2 да материаллар маҳаллий жинслардан ҳосил бўлган кичик тепалик қолдиғидаги юзага чиқиб турган ва бузилган, кремнийлашган оҳақтош пластларидан йиғиб олинган. Бу ердан йиғилган тош артефактларнинг рангги ўчмаган, ғадир-будир ва ўткир қиррали, малла-кулранг еки кулранг кўринишларга эга. 1977 йили Есен 2 дан 80 та ишлов берилган тош буюмлар топилган. Тўпламда радиал йўнилган гардишсимон ва параллел равишда чакмоқланган бир майдонли призматик нуклеуслар ҳамда уларга мос йўнилғилар учрайди (Бижанов, 1979).

Ёдгорликдан топилган 15 та тош қуролиларнинг асосий қисми – булар бифасиал ишланган бодом шаклидаги йирик пойнақлардан иборат. Уларнинг катта қисми синган, табиийки, бу ёдгорликнинг устахона бўлганлигидан далолат беради. Уларнинг 1977 йилда топилган бир дона бутун нусхаси асосида ушбу қуролиларнинг ҳажмини тасаввур қилиш мумкин (14,6x7,7x3 см). Қолган бифасларнинг ҳажми нисбатан кичикроқ. Айрим қуролилар тугалланмаган. Бифасларни тайёрлашда кремнийлашган оҳақтош плиткаларидан фойдаланилган (Виноградов, Бижанов, 1981. С.55-56).

Дастлабки маълумотларда Есен 2 сўнгги палеолит даври билан саналанган (Виноградов, Бижанов, 1981. С.55-56). Бундай саналаш учун ҳали етарлича чоп қилинмаган Марказий Қозоғистон материаллари асос қилиб олинган. Бироқ, А.В. Виноградовнинг таъкидлашича, бундай саналаш етарлича асосга эга эмас. Е.Б. Бижанов эса ўзининг кейинги ишларида юқоридаги далилларга асосланиб, Есен 2 материалларини илк мустъе ва хатто, ашел даври билан саналаган (Бижанов,

1979. С.522). Шунинг учун Есен 2 материаллари-га ҳамда унинг Қозоғистондаги аналогларига ҳам ҳали аниқлик киритилиши лозим (Виноградов, 1981. С. 56).

Таъкидланганидек, ёдгорликда 3 хил техник аънаа элементлари мавжуд: мустъе (гардишсимон нуклеуслар ва учириндилар), леваллуа (параллел равишда чақмоқланган полюсли нуклеуслар ва уларга мос йўнилгилар) ҳамда кремнийлашган оҳактош плиткаларидан бифаслар яшаш. Бифаслар яшаш аънааси мустақил аҳамиятга эга эмас ва бу мустъе даври аънааси деб қаралиши лозим. Леваллуа элементи эса сезиларли аҳамият касб этмайди. Эҳтимол, бу ёдгорликнинг характери билан боғлиқ бўлиб, бу ерда нуклеусларни фақатгина тайёрлаш ишларигина амалга оширилган (тўпламдаги ҳар учала нуклеуслар ҳам тановор ёки чақмоқлашга тайёрланиш босқичида қолдирилган). Аммо, полюсли нуклеусларнинг типологик хусусиятлари ва йўнилгиларнинг тўғри характердалиги бу ерда леваллуа аънааларининг юқори даражада тараққий қилганлигидан гувоҳлик беради ҳамда бу нарса Есен 2 тўпланини ашел даври билан саналаш мумкин эмаслигини кўрсатади (Виноградов, 1981. С. 56).

Е.Б. Бижанов томонидан Есен 2 тўпланини ашел ёки илк мустъе даврлари билан саналаш Жанубий Қозоғистондаги (Бўриқозғон, Танирқозғон ва ҳ.) илк палеолит даври ёдгорликлари материалларига таққослаш асосида амалга оширилган (Бижанов, 1979. С. 522). А.В. Виноградовнинг фикрича, юқорида тилга олинган Қозоғистон ёдгорликлари билан Есен 2 материаллари орасида ўхшашликлардан кўра тафовутлари кўпроқдир. Чунки, айниқса, Жанубий Қозоғистоннинг Қоратов худуди бутунлай бошқача маданий-техник аънаалари билан характерланади (Алписбаев, 1979. С. 189-190). А.А. Алписбаев томонидан чоп этилган илк палеолит даври материаллари орасидан фақат бир дона қўл чўқмори (Аққол ёдгорлигидан топилган) баъзи жихатларига кўра Есен 2 материаллари билан таққосланиши мумкин. Қолганлари эса ностандарт ва типологик жихатдан галкали кўндокқа эга чопперлар еки гардишсимон қуроллардир (Виноградов, 1981. С. 56).

Есен 2 ҳамда Устюртнинг бошқа ёдгорликларидан топилган бифасларни кўриб чиқар эканмиз, аввало, уларнинг шакллантирилишига, ўта юққалаштирилганлигига, бутун периметри бўйлаб ўткир қирра ҳосил қилинганлигига ва кўндокларининг йўқлигига эътибор бериш лозим. Уларни қирғичлар еки чўқморлар деб аташ хато бўлур эди (Бижанов, 1979. С. 69-71), гарчи, афтидан, бу қуроллар полифункционал аҳамиятга эга

бўлса-да. Бу тош қуролларни пойнак (наконецник) – бифаслар дейиш мантиқан тўғри бўлади (Виноградов, 1981. С. 56).

А.В. Виноградов томонидан материалларни саналаш учун топилмаларнинг ташқи кўриниши муҳим аҳамиятга эга фактор деб қаралади. Палеогеографик маълумотлар шунингдек, материалларнинг геоморфологик жойлашуви, Есен 2 манзилгоҳи ҳеч қачон кейинги даврлар қатламлари билан қопланмаганлигини кўрсатди. Топилма жойнинг бундай “очиқ” қолиши Ўрта Осиё ва Қозоғистоннинг ярим чўл ва чўл зоналари учун характерлидир. Бундай шароитларда мустъе ва ундан олдинги даврлар материаллари юзасининг жуда ўнгиб кетган бўлиши уларни ажратиб турувчи хусусият ҳисобланади. Қизилқумдаги мустъе даври материалларининг барчаси ўта патинизациялашган ва ўнгиб кетгандир (Виноградов, 1981. С.57). Материаллар юзасининг ўнгиб кетганлиги ва қалин патинизациялашуви Марказий Қозоғистоннинг ашел ва мустъе даврлари учун ҳам хосдир. Сўнги палеолит даври материаллари эса анчайин янги кўриниши билан ажралиб туради (Медоев, 1964. С. 204). Материаллар юзасининг ўнгиб кетганлиги Қоратовдаги энг қадимги топилмалар учун ҳам характерлидир (Алписбаев, 1979. С. 39).

Шундай қилиб, А.В. Виноградов, Есен 2 материалларини мустъе даврининг охири ва сўнги палеолитнинг бошлари билан саналаш мумкинлигини таъкидлади ва Марказий ҳамда Ғарбий Қозоғистондаги палеолит даври материалларининг келажакда чоп этилиши, шунингдек, Устюртда олиб бориладиган янги тадқиқотлар Есен 2 санаси масаласини янада аниқлик билан белгилаш имконини беришига умид боғлади (Виноградов, 1981. С. 57).

Л.Б. Вишняцкий ўзининг “Палеолит Средней Азии и Казахстана” (Вишняцкий, 1996) номли монографиясида Есен 2 ёдгорлиги материалларига тўхталар экан, уларнинг турли мутахассислар томонидан турлича, ашел-мустье (Бижанов, 1983) ҳамда мустъе даврининг охири ва сўнги палеолитнинг бошлари (Виноградов, 1981. С. 57) билан саналанганлигини таъкидлайди. Унинг фикрича, хаддан ташқари юққалаштирилган, тархи анчайин симметрик бўлган айрим бифасларнинг ишланиш характери Есен 2 коллекциясининг барча материалларини ашел даври билан саналаниши шубҳа остига қўяди; иккинчи тарафдан, бу материалларни худудий жихатдан олиш ва чоп этилмаган ҳамда санаси йўқ йиғма артефактларга таққослаш асосида сўнги палеолит даври билан саналаш ҳам етарлича асосга эга эмас (Вишняцкий, 1996. С.33). Ёдгорликни саналаш

яна шунинг билан ҳам мураккаблашадики, Есен 2 бу устахонадир. Ёдгорлик тош инвентари таркибига кўра (нуклеусларнинг йўқлиги¹ ретушланган ўнилғиларнинг жуда камчилиги, бифасларнинг кўпчиликни ташкил этиши) устахонани айнан бифасиал ишлов берилган қуроллар яшаш учун мўлжалланганлигини кўрсатади. Ҳар қандай устахонада бўлгани сингари, Есен 2 да ҳам асосан ташландиқ материаллар учрайди (едгорлик қанчалик муҳим ва қизиқарли бўлишидан қатъи назар), яъни синган, исталган натижа бермаган еки тугалланмаган буюмлар бу ерда кўпчиликни ташкил қилади (Вишняцкий, 1996. С. 33).

Бундан ташқари, устахонани қанча вақт фаолият кўрсатганлиги ҳақида ҳам бирор нарса айтиш қийин. Бу ердаги барча тош буюмлар юзасининг бир хиллиги, коррозияга учрамаганлиги, фақат патинизация изларига эгаллиги ва айрим ҳолларда термик чакмоқланишга учраганлиги артефактлар асосий қисмининг даврий жиҳатдан бир-бирига яқин эканлигини кўрсатади. Аммо, бу ҳам уларни саналаш масаласидаги барча шубҳаларни тарқатиб юборолмайди. Юқорида айтилган фикрлар Есен 2 материалларини саналашнинг ниҳоятда мураккаб эканлигини яна бир бор тасдиқлайди. Шундай фикрлар баенидан сўнг Л.Б. Вишняцкий Есен 2 санаси масаласида: “уни энди бирор бир ишонч билан ҳал қилиш мумкин бўлмаса керак” деб, тушқун хулосага келади (Вишняцкий, 1996. С. 34).

Бирок юқорида таъкидлаганимиздек, А.В. Виногоградовнинг “Қизилқум ҳудудларидан топиладиган янги материаллар Есен 2 ёдгорлигини аниқроқ саналаш имконини беради”, деган башорати 1999 йили амалга ошди. Шу йили Ўзбек-Фаранг географик-археологик экспедицияси аъзоси М. Хўжаназаров томонидан Қизилқумдаги Кўкаёз дарёсининг қуриган ўзани соҳилидан 15 км радиусда жойлашган 3 та пункт аниқланди (Хўжаназаров, Сайфуллаев, 1999).

Кўкаёз 1 пунктдан 20 та тош артефакт йиғиб олинган бўлиб, улар орасида бир дона кўп зарб майдонли, битта икки зарб майдонли ва бир дона леваллуа (тошбақасимон) типидagi нуклеуслар мавжуд. Уларнинг барчаси ҳар хил ҳажмдаги учириндилар синдириб олишга мўлжалланган. Улар орасида 2 та йирик, 4 та ўрта ва 1 та майда ҳажмдаги бутун учириндилар бор. 4 дона учиринди эса проксимал томонидан синган. Тўпلامда бундан ташқари, 2 дона леваллуа типидagi йўнилғилар ҳам бўлиб, улардан бири леваллуа типидagi учиринди, иккинчиси эса псевдолеваллуа типидagi тигли учириндидир. Кўкаёз 1 материаллари орасида 1 дона бифасиал ишлов берилган қурол парчаси ва 1 та йирик учиринди-

дан ишланган қирғич мавжуд.

Кўкаёз 2 пунктдан 65 та тош буюм йиғиб олинган бўлиб, улар орасида 4 та нуклеус, 48 та учиринди, 2 та пластина, 2 та қурол, бир дона галка ва 9 та чиқит тошлар бор. Тўпلام ўзаклари орасида кўп зарб майдонли (2 дона) ва бир ҳамда икки тарафлама йўнилган гардишсимон (2 дона) нуклеуслар учрайди. Кўкаёз 2 дан 50 та йўнилғи йиғиб олинган ва улардан 2 таси пластина, 24 таси бутун ҳамда 24 таси проксимал қисми синган учириндилардан иборат. Бутун йўнилғилар зарб майдончаларининг характериға кўра текис (11 дона), икки қиррали (6 дона), фasetкаланган (8 дона) ва чизиксимон (1 дона) типларига ажратилган. Кўкаёз 2 даги йўнилғилар дорсал қисмининг характерлари тахлилиға кўра едгорликда узунасига униполяр (10 дона), баъзан биполяр (2 дона) чакмоқлаш услуби нисбати радиал гардишсимон йўниш услуби билан тенг (12 дона) равишда амалга оширилган. Аммо, тўпلامда ортогонал чакмоқлаш услуби ҳукмрон позицияни эгаллади (24 дона). Баъзан радиал гардишсимон синдириш леваллуа техникасига ўсиб ўтган.

Кўкаёз 2 нинг қуроллари 2 дона бўлиб, улардан бири бифасиал ишлов берилган қурол парчаси ва иккинчиси плиткадан ишланган чоппер шулар жумласидандир.

Кўкаёз 3 пунктдан 15 та артефакт йиғиб олинган. Шулардан 5 таси нуклеуслардир: призматик, призмасимон, энсиз томонидан чакмоқланган нуклеуслар, кўп зарб майдонли ва битта йирик учиринди синдириб олишга мўлжалланган леваллуа типидagi ўзаклар шулар жумласидандир. Тўпلام йўнилғилари орасида 3 та пластина ва 4 та учиринди аниқланган бўлиб, учириндилардан 3 таси леваллуа типидадир.

Кўкаёз 3 индустриясида 3 дона бифасиал ишланган ўткир тигли қуроллар бўлақлари топилган.

Кўкаёзнинг ҳар учала пунктларидан топилган материаллар дастлабки тадқиқотлардаёқ Есен 2 топилмаларига ўхшашлиги аниқланган эди (Хўжаназаров, Сайфуллаев, 1999). Ҳар иккала топилмажойда ҳам бир хил тош жинсларидан – малла-қулранг еки қулранг кремнийлашган оҳактошдан фойдаланилган. Бу ёдгорликлар, юқорида таъкидланганидек, асосан бифасиал ишлов берилган қуроллар яшашга ихтисослашган.

Бирок, Кўкаёз пунктлари ва Есен 2 ёдгорлигининг материаллари аниқ ёки ягона бир тўхтама саналанмаган. Есен 2 материалларини Марказий Қозоғистон материаллари билан саналаш мутахассислар томонидан яроқсиз деб топилган. Уларни даврлаштириш масаласида турли хил фикрлар мавжуд. Бу ёдгорликларда ишлаб чиқа-

рилган асосий тош қуроллари бўлган “бифас”лар ёки “бифасиал ишланган пойнак”лар, деб номланган буюмлар классик адабиётларда “баргсимон пайконлар” (pointe foliacée) деб аталади. Бундай қуроллар Марказий ва Шарқий Европада ўрта палеолит даврининг охирларида пайдо бўлади (Blatspitzen), Ғарбий Европада эса улар сўнги палеолитнинг ўрталари учун хос бўлиб, солютре маданиятининг белгиловчи элементлари ҳисобланади. Айрим мутахассисларнинг фикрича (Марсел Отт, Белгия), Кўкаёз пунктлари материаллари, коллекцияларидаги баргсимон пайконлар ҳамда “крестлашган” чакмоқлаш техникасининг мавжудлигига кўра, неолит даври билан саналаш

лозим. Аммо, биз Кўкаёз комплексларида учраган ягона “крестлашган” чакмоқлаш техникасини абсолютлаштиришдан йироқмиз. Бундан ташқари, Есен 2 ва Кўкаёз пунктларидаги баргсимон пайконлар қанчалик юқори даражада тараққий этган техникада ишланганлигига қарамасдан, уларнинг ишланиш даражаси классик солютре ҳамда неолит даври ёдгорликларида учрайдиган аналогик қуроллар билан тенглаша олмайди. Бирок, ушбу ёдгорликлар санасига янада кўпроқ аниқлик киритиш учун бу материаллар замонавий услублар ёрдамида қайтадан, янада чуқурроқ ўрганилиши лозим.

Изоҳлар

1. Гап шундаки, А.В. Виноградов томонидан нуклеуслар деб аниқланган материаллар (Виноградов, 1981. С. 55, рис. 14, фиг. 10, 11) Л.Б. Вишняцкий фикрича, бифасиал ишланган қуроллар бўлаклари, деб талкин қилинади (Вишняцкий, 1996. С. 33).

Фойдаланилган адабиётлар

- Алпысбаев Х.А. Палеогеография Южного Казахстана (хребет Каратау) // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Алпысбаев Х.А. 1979. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Бижанов Е.Б. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте // Вестник КФАН Уз. Нукус, 1979. №3.
- Бижанов Е.Б. Палеолит Устюрта // Вестник КФАН Уз. Нукус, 1988. №1.
- Виноградов А.В. 1981. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981.
- Виноградов А.В., Бижанов Е.Б. Первые палеолитические находки с юго-восточного Устюрта // АО. Ташкент, 1978.
- Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. Л., 1996.
- Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Семенов С.А. Первобытная техника. Л., 1979.
- André Leroi-Gourhan. Dictionnaire de la Préhistoire. France, 1988.
- Jean-Luc-Desruisseaux. 2002. Outils Préhistoriques. Paris, 2002.

Н.У. Холматов, К.А. Крахмаль

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ ОЧИЛГОР

В процессе изучения многослойного пещерного памятника Очилгор, расположенного на северных склонах Зарафшанского хребта, в бассейне р. Сазаган, был использован комплексный метод исследования археологических, палеогеографических, геолого-геоморфологических, палеоэкологических и ряда других научных направлений. Изучение особенностей условий обитания древнего человека и уровня развития его материальной культуры в районе исследований, определяется полнотой информационных данных, привлекаемых для реконструкций. Для реализации поставленной задачи используются практически все основные методы изучения четвертичных и голоценовых отложений, применяемых для реконструкции палеогеографических и палеоэкологических условий антропогена. Результаты комплексного исследования взаимно дополняют и контролируют друг друга, позволяют создать наиболее полную картину динамики развития природных условий в периоды обживания памятника Очилгор. Основу полевых исследований представляет комплексный анализ самого археологического объекта, его пространственное положение, особенности закарстованности района, литолого-фациальных, стратиграфических, палеогеографических и ряда других характеристик.

Поскольку данный памятник является не только носителем археологической информации, но и геологическим образованием, в которое включены культурные отложения, проводились геолого-геоморфологические и литолого-фациальные исследования. Это позволило изучить особенность формирования осадков, включающих культурные горизонты, последовательность событий, историю геологического формирования.

Одной из важнейших задач является реконструкция природных условий, на фоне которых происходило обживание района исследований и формирование материальной культуры, поэтому при изучении антропогенных отложений также использовались методы палеобиологии. Отложения всех горизонтов многослойного памятника Очилгор подвергались сплошному просеиванию с целью сбора артефактов, костей мелких млекопитающих и других позвоночных. Данные по составу и динамике фауны, легли в основу реконструкции биоты района исследований, и прилегающего ландшафта от раннего плейстоцена, до современного периода.

Традиционное изучение морфологических особенностей каменных артефактов дополнялось детальным анализом их петрографического состава, а также определением петрографии обломочного материала, собранного в результате маршрутных исследований в бассейне р. Сазаган и склонов северных отрогов Зарафшанского хребта. Полученные результаты позволили полнее и глубже понять хозяйственный уклад древних обитателей в районе исследований. Используемые методы аккумулируют и отражают достижения как археологического, исторического, так и ряда естественных наук. Таким образом, целью комплексного междисциплинарного изучения археологического памятника, с применением новейших достижений, является получение максимальной информации по истории раннего обживания данного региона.

Методы археологического исследования многослойного памятника Очилгор направлены на комплексное изучение геологических отложений, включающих культурные горизонты, с учетом геолого-геоморфологических особенностей локализации стоянки. Кроме того, в конкретной ситуации, касающейся непосредственного изучения многослойного памятника Очилгор, стандартные методы исследований дополнялись определенными модификациями. Для разметки площади раскопа использовалась система прямоугольных декартовых координат. Оси абсцисс (X), ординат (Y) и аппликат (Z) проведены через условную нулевую отметку “репер”, установленную в полости пещеры, выше отложений, как антропогенных, так и склоновых, с учетом того, чтобы раскапываемая площадь памятника находилась в положительных значениях абсцисс, ординат и аппликат. Координаты точки, отвечающие целым значениям в метрах на системе координат, дают цифровое и алфавитное обозначение квадрату (1x1 м), расположенному в возрастающих абсолютных значениях по осям абсцисс и ординат. При нумерации квадратов сначала указывается значение абсцисс, затем — ординат. Направления линии разметки зафиксированы от истинного меридиана горным компасом. Квадраты подразделяются на субквадраты 10x10 см (рис. 1).

На раскопе установлены системы подвешной и наземной разметки, с делением площади на квадраты со стороной 1 м и субквадраты. Системы разметок согласованы между собой за мерами ко-

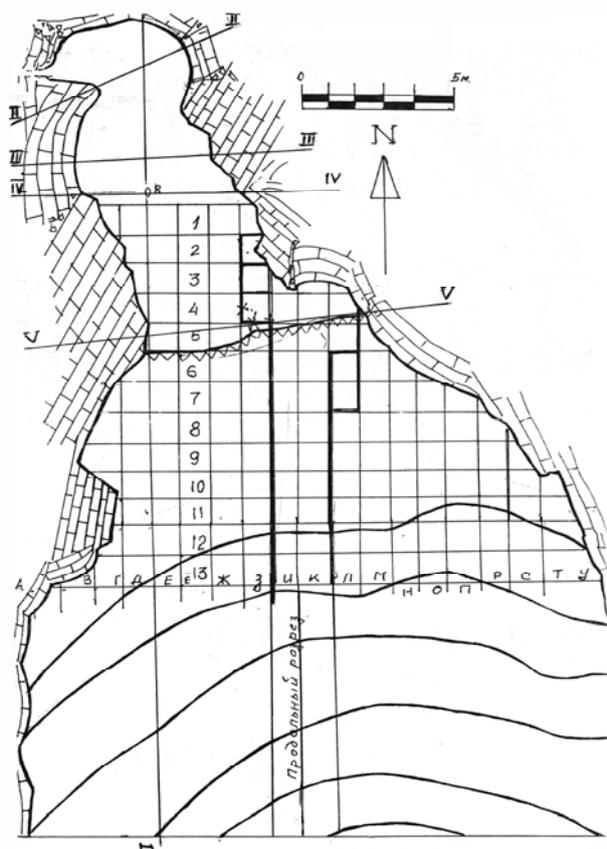

Рис. 1

ординат, а превышений нивелировкой. Результаты измерений округлялись до 0,5 сантиметра. Разборка и фиксация культурных отложений производилась по квадратам (размер 1x1), субквадратам и уровням (глубина от 1 до 0,5 см) в пределах одного литологического слоя. При необходимости более детального анализа площадь квадрата делилась на субквадраты (10x10 см). В процессе изучения культурных отложений по квадратам и уровням, находки (артефакты и костный материал) оставались на вскрытой поверхности слоя в первичном залегании. Производилось детальное определение количественных характеристик вскрытого уровня, выполнялась фотофиксация и подробное описание в полевом документе.

Для каждой находки определялось направление горизонтальной ориентации, угол вертикальной ориентации и нивелировочная отметка глубины залегания. Определение горизонтальной и вертикальной ориентации артефактов и обломочного материала литологического субстрата проводилось по длине плоскости, измерялся угол падения плоскости, на которой залегали находки, относительно горизонта системы ординат раскопа с точностью до градуса. Горизонтальная ориентация определялась от оси ординат против часовой стрелки до направления максимального склона плоскости, на которой залегает наход-

ка по горизонтальной шкале горного компаса. Вертикальная ориентация находки определялась по вертикальной угломерной шкале (эклиметру) горного компаса как максимальный угол между горизонтальной плоскостью и плоскостью, на которой залегает находка. Глубина залегания артефактов и костного материала указывается в сантиметрах от условной нулевой отметки раскопа (репера).

Весь грунт, выбранный в процессе раскопок по квадратам и уровням в пределах одного слоя, тщательно просеивался. Материал разбирался по категориям (артефакты, фаунистические остатки, обломочный заполнитель по фракциям), фиксировался в полевой документации, шифровался и упаковывался в отдельные пакеты по квадратам, уровням и слоям.

Главной задачей геолого-геоморфологических исследований являлось изучение истории развития рельефа, как морфолитогенной основы палеоландшафта и его (генезиса) развития. Методы традиционного геоморфологического анализа дополнялись теоретическими разработками и практическими достижениями современной литологии, седиментологии, динамической геоморфологии, морфометрии, неотектоники.

Эмпирической основой в процессе разработок палеоморфологических реконструкций служили результаты изучения строения рельефа и его современной динамики в районе исследований. При описании и классификации современного рельефа использовались морфометрические данные. Изучались генетические типы отложений и определялась их приуроченность к определенным формам рельефа, что обусловило, в свою очередь, привлечение широкого спектра комплексных методов изучения осадков новейшего геологического времени. Некоторые методики были специально разработаны для исследования пещерных стоянок и принесли положительные результаты. В частности, методика анализа форм обломочного материала, генезис и разрушение карстовой полости в результате эндогенных и экзогенных процессов, позволила определить наиболее перспективные участки для изучения.

Опираясь на физическую природу рельефообразующих и склоновых процессов, были выявлены следы движения потоков литологического субстрата в рельефе и осадках. По данным результатам восстановлен ход истории образования рельефа, процесс и генезис осадконакопления. Определяющим критерием достоверности полученных палеогеографических реконструкций являются данные по эволюции рельефа, учитывающие его взаимосвязь со всеми известными компо-

нентами экосистемы.

Геоморфологические исследования включают северную часть отрогов Зарафшанского хребта, от предгорной равнины бассейна реки Зарафшан до верховий бассейна реки Сазаган. Для данной территории характерны четвертичные отложения, представленные главным образом пролювиальными, аллювиальными осадками, сформировавшимися на склонах и водоразделах, которые достаточно сложно поддаются стратиграфическому расчленению и корреляции с региональными геохронологическими схемами из-за отсутствия фаунистических остатков.

Из этого следует, что информативность археологического многослойного памятника Очилгор требует чрезвычайно дробного стратиграфического литолого-фациального расчленения отложений в весьма ограниченном возрастном диапазоне. В связи с этим необходимо отметить особую специфичность дробления антропогенных разрезов на большое количество слоев, а также применения самого термина «слой», для стратиграфических единиц, характеризующихся относительно малой мощностью, материальной невыдержанностью, постседиментационными деформациями и эпигенетическими преобразованиями, особенно характерными для пещерных отложений. Согласно рекомендациям стратиграфического кодекса, термины: «слой», «пласт», «пачка», «горизонт», «толща» являются литостратиграфическими подразделениями свободного пользования, т.е. широко принятыми и часто употребляемыми. При этом в основу членения осадочных толщ были положены комплексные признаки: литологические, палеонтологические, минералогические, физические, а также показатели непрерывности или несогласного залегания отложений, цикличности осадконакоплений и других особенностей. На основании данных рекомендаций в процессе археологических исследований многослойной стоянки Очилгор в самостоятельные литологические слои также выделялись осадки, различные по цвету, оттенку, гранулометрическому составу, плотности, наличию характерных включений новообразований текстурно-структурных особенностей и внутренних седиментационных перерывов, по наличию следов биогенной и антропогенной деятельности.

В проведенных исследованиях палеоэкологические материалы антропогенных и природных отложений, в пещерной стоянке Очилгор, определялись на основе фациального анализа, который позволяет выделить элементы слоя, имеющие различный генезис.

Так как при археологических исследованиях

стратиграфических разрезов производится детальное изучение самых мелких слоев, то используемый для их обособления метод данного анализа определяется как микрофациальный. Проблемы, определяемые микрофациальным анализом, заключаются в изучении факторов (агентов слоеобразования) — культурного и природного формирования, каждый из которых отличается своим диапазоном генетических разновидностей. Оба фактора, действуя параллельно, доставляют слоеобразующий материал, которым определяется структура слоя, и участвуют в сортировке, распределении этого материала, т.е. в создании текстуры слоя. Соотношение активности этих факторов для отдельных слоев различное и, соответственно, степень антропогенности и отдельные фации также различны.

Необходимость выявления результатов воздействия выделенных факторов при формировании культурных слоев обуславливает актуальность микрофациального анализа в решении ряда проблем. Например, проблемы оценки переотложения культурного материала, т.е. обособление культурных слоев из сложной системы культуросодержащих отложений. Было определено, что в некоторых частях стоянок происходило перемещение антропогенного материала в процессе формирования культурного слоя. При данном изучении памятника решался вопрос, насколько отлично такое первичное перемещение культурного материала, возникающее в процессе обживания стоянки от последующих его переотложений, обусловленных вторичностью залегания (остаточная или вторичная концентрация), когда антропогенный фактор уже не принимает участия в слоеобразовании.

Выявлялась степень оценки антропогенности культурного слоя, при которой учитывалось не только наличие культурного материала, но и воздействие обитателей на формирование текстуры слоя (утоптанность, очаги и другие следы обживания). Устанавливалась связь деятельности обитателей с микрорельефом памятника, что, в свою очередь, обусловило необходимость произвести геоморфологическое изучение, с целью получения данных для проведения палеоэкологических реконструкций. Изучение текстурных особенностей культурного слоя позволяет также произвести некоторые выводы относительно длительности, непрерывности и активности обитания стоянки.

Учитываются такие явления, как утрата информативности участков стоянки с малой мощностью культурного слоя, обусловленного особенностями обживания данного памятника длитель-

ностью проживания и численностью. С целью решения данной проблемы выполнена детальная планиграфия изученных участков стоянки, которая характеризует нестабильное антропогенное воздействие на каждый участок слоя (рис. 2).

Перечисленные проблемы изучаются в тесной взаимосвязи, поэтому полученные результаты микрофациального анализа позволяют решить комплекс проблем.

Так как культурный слой является одновременно антропогенным и естественно-природным образованием, его изучение проводится комплексно археологическими и геологическими методами. Это, в свою очередь, обусловлено необходимостью реконструкции условий природной среды в периоды обитания стоянки.

В процессе исследования стоянки Очилгор, по генетическому разнообразию установлено, к настоящему времени 13 разнообразных слоев, в том числе и включающих культурные отложения. Поэтому считается целесообразным произвести определения понятиям: более широкое — «культуросодержащие отложения» и более детальное — «культурные слои». В связи с тем, что для эпох каменного века широко известны не только местонахождения, образовавшиеся на месте поселений и различной деятельности древнего человека, но и слои, содержащие переотложенный культурный (антропогенный) материал. Подобное явление широко распространено на склонах в районе исследований. Поэтому необходимо в данном

изучении руководствоваться более конкретными определениями категории «культуросодержащие» отложения, как содержащие первичный погребенный культурный материал, так и отложения с разным генезисом его перемещения. На основании данных определений производится и соответствующее разделение местонахождений.

В процессе исследований памятника Очилгор основное внимание уделялось собственно культурным отложениям и определению первичной концентрации антропогенного материала. При этом культурный слой обособлялся только в породах однородного генезиса. Смена генезиса отложений, вмещающих культурный материал, свидетельствует о существенном изменении палеогеографических условий обитания древнего человека. Полнота восстановления условий обитания определяется материалом, привлекаемым для реконструкции природной среды. Литологический состав культурного отложения, в свою очередь, уже представляет определенную палеоэкологическую информацию, в частности климатические характеристики. Но эта информация многократно увеличивается с изучением особенностей геологического залегания слоя. Поэтому в данных исследованиях особое внимание уделялось обособлению культурных слоев памятника Очилгор разных археологических эпох от верхнего палеолита до античности включительно.

Основное внимание при изучении культурного слоя уделяется комплексам, среди которых

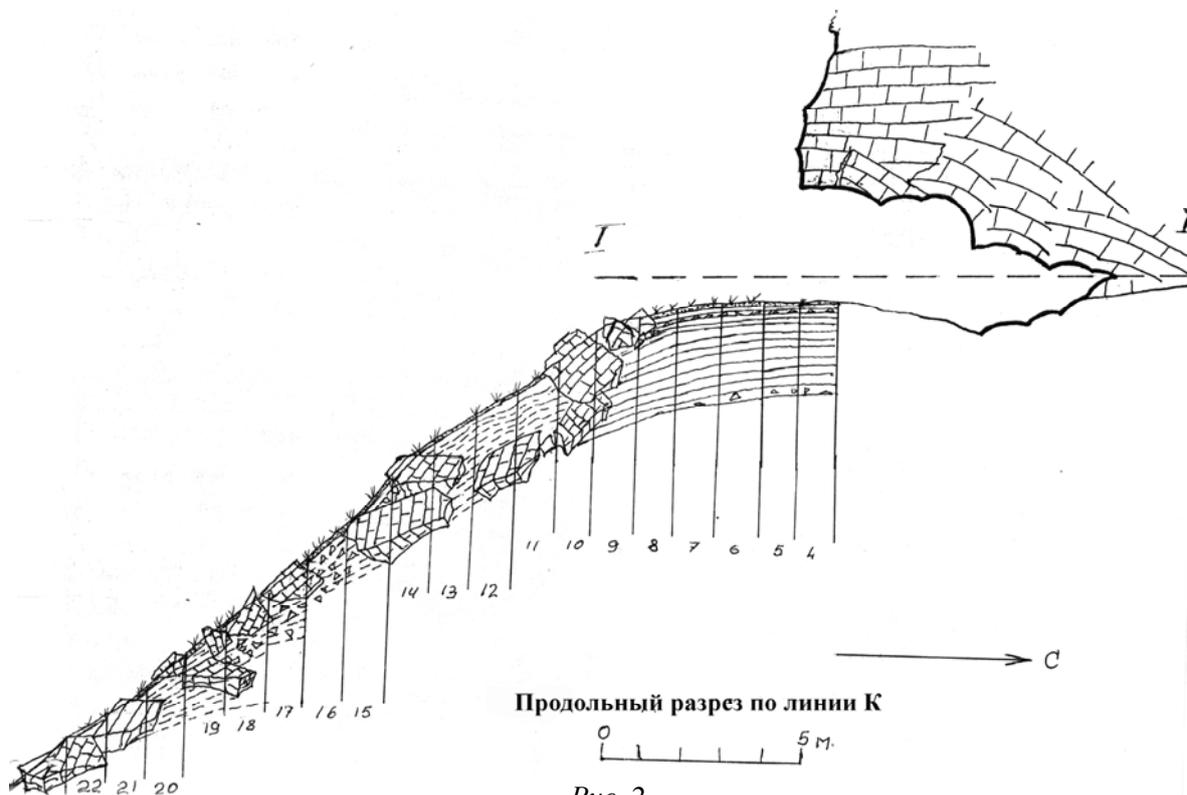

Рис. 2

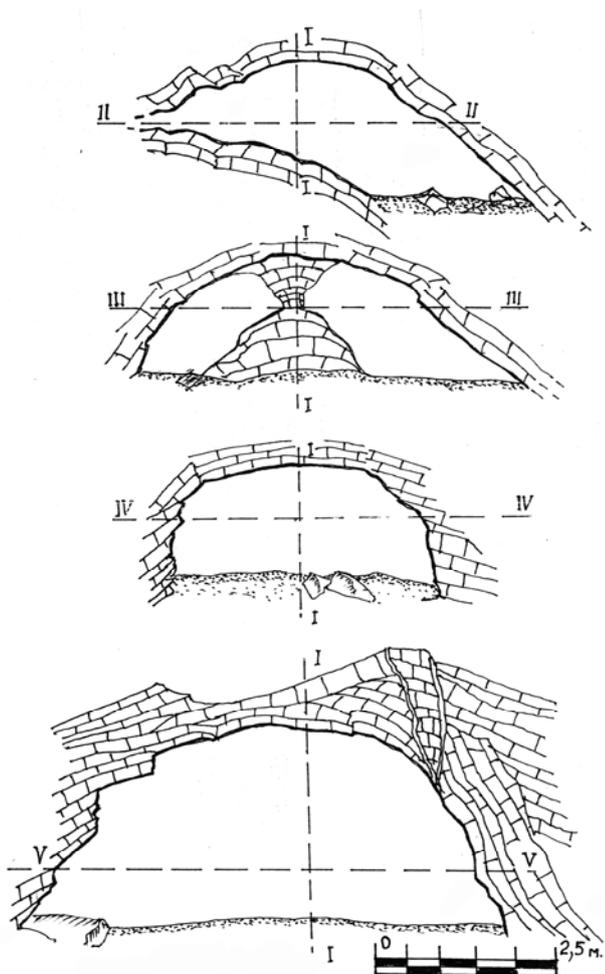

Рис. 3

различаются жилищный, производственный, (место изготовления орудий) кухонный и др. Обособление частей культурного слоя — археологических фаций, базируется на основании набора и различным соотношением основных типов культурного материала, среди которых удается выделить: артефакты - все изделия, отходы производства, вовлеченные в производство, отдельные естественные предметы; манупорты—все предметы, которые принесены человеком на поселение (стоянку), но не подвержены обработке и не вовлечены в конкретный производственный процесс; кухонные остатки - обычно кости животных, не подвергавшиеся обработке, кроме расщепления и разлома; кострища, очаги - уголь, зола обожженные камни и др. Каждому из перечисленных комплексов соответствуют своеобразные типы культурных материалов.

Кроме косвенных характеристик проведена статистическая оценка диапазона самостоятельности наборов, отвечающих каждому культурному слою пещерной стоянки Очилгор. При этом учитывалось разнообразие строения каждого комплекса, включая эпохи античности, бронзы,

неолита, мезолита, верхнего палеолита. Главным аспектом, влияющим на специфику культурного слоя является определение антропогенного воздействия, характеризующегося особенностями обитания стоянки — стабильностью, интенсивностью и т.д. Стабильность обитания выражена в понятиях «оседлость» и «случайность пребывания», то есть сезонные или связанные с региональными климатическими изменениями. Интенсивность обитания определяется преимущественно численностью населения, а также зависит от специфики хозяйственной деятельности.

В результате проведенных исследований антропогенных отложений пещерного памятника Очилгор, были выявлены следующие закономерности:

1) Изменение горизонтального залегания каждого отдельного культурного горизонта зависит от поздних эндогенных и экзогенных воздействий, от водного режима, климатических изменений, тектонической активности в региональном плане. В толще отложений образуются трещины, которые заполняются более поздним материалом, также довольно часто содержащим орудия труда, но относящиеся к другим периодам обживания пещеры. Подобное явление было выявлено в результате дифференцированных методов изучения поперечного и продольного (до 23 м) профилирования стратиграфического разреза (рис. 2).

2) Изучены карстовые проседания слоя, изгибы и его деформации. С практической точки зрения при плоскостной системе раскопок трудно определить крутизну падения слоев, содержащих культурные отложения. Кроме того, при активном карстовом проседании, в результате тектонической активности, как в регионе, так и в локальном плане происходит смещение всех предметов находящихся в слое, и соответственно с этим, частичное или полное нарушение первичного залегания.

3) В пристенных участках пещеры, в результате десквамации, отслаивания блоков скальной породы (рис. 3), образуются вертикальные трещины, достигающие значительной величины. Они также заполняются различными артефактами из выше расположенных культурных слоев. Недостаточная четкость разграничения таких участков при исследовании каждого культурного слоя может привести к смешению комплексов и как следствие, к неверным выводам.

Таким образом, комплексное междисциплинарное исследование проблем генезиса формирования антропогенных отложений пещерного многослойного памятника Очилгор, который может

по праву считаться эталонным в центрально-азиатском регионе позволяют изучить историю каменного века на его заключительных этапах в широком плане. Также необходимо отметить, что

наиболее полную информацию по истории каменного века в Узбекистане, по определению культурной принадлежности и особенностей развития, представляют пещерные памятники.

Использованная литература

- Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Палеоэкология древнего человека Заравшанского бассейна и проблема жилища. Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. Самарканд, 1992. С. 13-16.
- Джуракулов М.Д., Зуева О.В. Мамедов Э.Д., Трофимов Г.Н., Холматов Н.У. Полевая практика в горах Каратюбе. Самарканд, 1992.
- Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. Геология археологических памятников Зарафшана. Каменный век. Ташкент, 1986.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Заравшана. Ташкент, 1991.
- Холматов Н.У. Мезолит и неолит Нижнего Заравшана. Ташкент, 2007.

А.П. Деревянко, У.И. Исламов, К.А. Колобова, Д. Фляс, А.И. Кривошапкин,
С.В. Лецинский, К.А. Крахмаль, С.В. Звинц, К.К. Павленок, Г.А. Мухтаров

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКЕ КУЛЬБУЛАК В 2007 ГОДУ¹

Введение

Многослойная стоянка открытого типа Кульбулак (41°00'31" с.ш. - 70°00'22" в.д.) находится на длинном мысу, на правом берегу устья р. Джарсай, впадающего в реку Кызылалма, в долине правого притока р. Ахангаран. В более широком географическом контексте памятник находится на юго-восточных склонах Чаткальского хребта в Ташкентской области Республики Узбекистан. Стоянка была открыта в 1962 г. О.М. Ростовцевым. Стационарные раскопки, проводившиеся на ней с перерывами вплоть до 1993 г. (Анисюткин, Исламов, Крахмаль и др., 1995; Касымов, 1990), вскрыли толщу четвертичных отложений мощностью 19 м. Общая площадь раскопок превысила 600 кв.м. Согласно интерпретации исследователей, проводивших работы, были вскрыты отложения, относящиеся к нижнему палеолиту (22 слоя), среднему палеолиту (24 слоя) и верхнему палеолиту (3 слоя). Таким образом, стратиграфическая колонка памятника отражает все этапы расселения и освоения древним человеком северо-западных отрогов Тяньшаньского хребта в палеолите.

Возобновление работ на памятнике было предпринято с целью получения новых четко стратифицированных коллекций каменных артефактов, уточнения стратиграфии памятника, отбора образцов на абсолютное датирование и изучения стоянки с привлечением методов естественнонаучных дисциплин. В течение полевого сезона 2007 г. на памятнике Кульбулак были проведены раскопки силами Центральноазиатского палеолитического отряда, в составе которого работали сотрудники Института археологии Академии наук Республики Узбекистан, сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), сотрудники Королевского музея искусств и истории (г. Брюссель) и института Макса Планка (г. Лейпциг), студенты и аспиранты из России, Кыргызстана и Казахстана. В результате работ предыдущих исследователей практически все перспективные участки памятника были уже в той или иной мере затронуты раскопками. Поэтому площадь работ заложена на различных, уже частично вскрытых на разную глубину, участках памятника. Раскоп площадью 6 м, расположенный в северной части памятника,

на участке с ранее вскрытым первым литологическим слоем, был предназначен для раскопок, начиная со второго литологического слоя. Включая стенку сохранившегося шурфа №3 раскопок М.Р. Касымова, была сделана зачистка, для уточнения стратиграфии, благодаря которой появилась возможность проанализировать отложения десяти литологических слоев, начиная с дневной поверхности. Дерновый слой был уничтожен в процессе предыдущих работ. Сводное стратиграфическое описание вскрытых отложений (рис. 1) выглядит следующим образом:

Слой 1. Светло-серый (белесый) суглинок эолового происхождения—лесс. В кровле (до 0,2 м) — масса корней современных растений—дерновина. На полную видимую мощность отложения пронизаны ходами землеройных животных (средний 0-5 см, камеры до 0,6х0,3 м), в т.ч. муравьев и ос (верхние 2/3 слоя). Ходы заполнены светлокоричневым суглинком с «комочками» (до 1 см). Из-за биогенных нарушений текстура слоя пятнистая, но на неизмененных участках (не более 20 % объема слоя) — массивная. Лесс очень пористый (гигроскопичен), при намокании — вязкий, пластичный. Подошва слоя имеет небольшое, видимое падение (на 10 м горизонтали до 0,5 м по вертикали) по азимуту в секторе ~ 180 - 230°. В слое неравномерно, хаотично встречаются редкие артефакты (в подошве - значительно чаще). Поверхность напластования подстилающими отложениями нарушена ходами землеройных животных. Отложения, вероятно, с перерывом перекрывают нижележащие.

Слой 2. Светлый зеленовато-серый легкий суглинок-супесь с разнозернистым песком, гравием, дрсевой и редкими щебнем с отдельными мелкими глыбами (до 0,3х0,2х0,2 м) грубозернистого темно-коричневого с вишневым оттенком песчаника (=андезит-порфира). Кроме того, встречаются окатыши карбонатных стяжений/конкреций и плотных глин. Обломки и окатыши псефитовой размерности приурочены к средней и нижней частям слоя и составляют до 10% всего объема слоя. Сортировка и окатаность крупнообломочного материала практически отсутствует, но иногда щебень залегает на одном уровне, формируя в разрезе разорванные цепочки псевдопрослоек что, возможно, говорит о мелких селях.

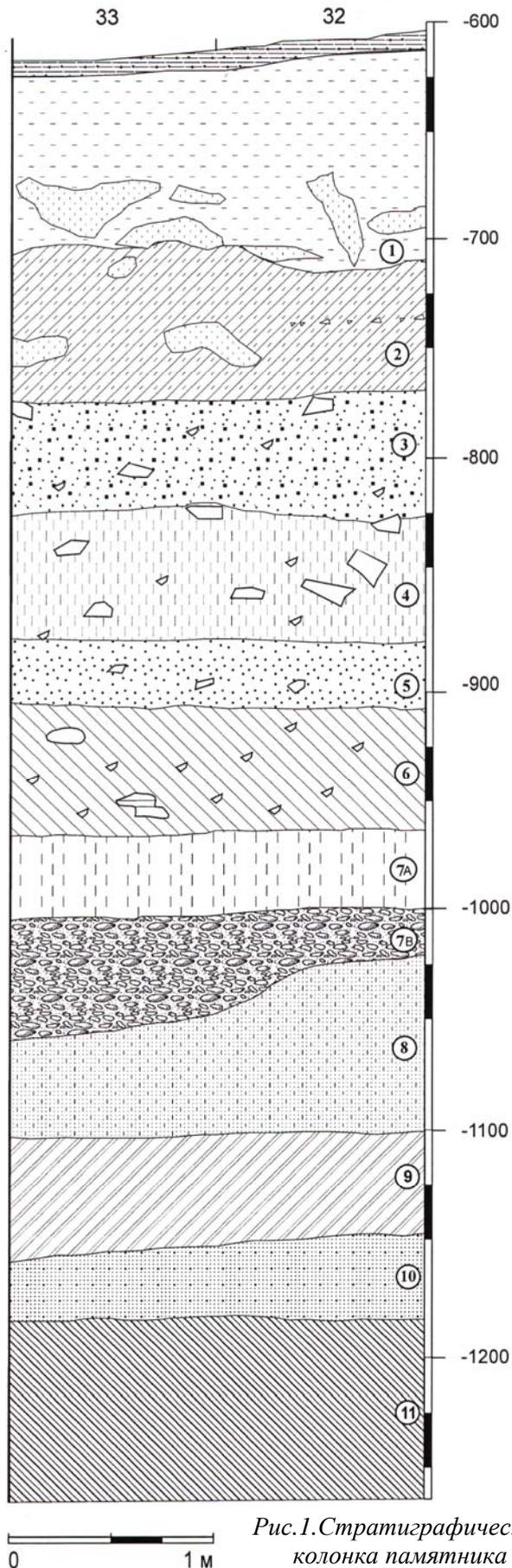

Рис.1. Стратиграфическая колонка памятника Кульбулак

К таким «прослойкам» приурочено множество светло-серых кремневых артефактов, которые по всему слою встречаются значительно реже. Самый явный выдержанный прослойок залегает практически горизонтально на уровне ~ 0,2-0,3 м ниже кровли слоя. В отложениях (чаще в подошве) встречаются пятна окислов железа, поэтому облик породы иногда становится пятнистым (желтовато-коричневые пятна на общем зеленовато-сером фоне). Слои также нарушены биотурбациями, но в гораздо меньшей степени (не более 40-50% общего объема), чем перекрывающий. В верхней части слоя (~ 0,2 м и 0,5 м ниже кровли) встречаются серо-черные прослойки (длина до 0,3 м, истинная мощность до 4 см) угля или Fe-Mn-соединений. В средней части (раскоп 2) и иногда - кровле (раскоп 1) наблюдаются небольшие линзы (длина до 0,5 м, истинная мощность до 0,2 м) мелко-, среднезернистого полимиктового песка. В генетическом отношении описываемые образования, по-видимому, формируют конус выноса древних временных водотоков с участием низкоэнергетических селей и, несомненно, большой ролью эоловых процессов. Вероятно, верхняя часть слоя представляет собой преимущественно пролювиальные осадки, что подразумевает возможность небольшого латерального перемещения культурных остатков. В средней и нижней частях слоя заметна селевая деятельность в виде «висячих» щебня и глыб андезита. Подошва слоя очень неровная, волнистая - с западинами, возможно, отражает эрозионную деятельность (промоины), но также, вероятно - изначальную генетическую «бугристость» кровли подстилающих отложений. Поверхность напластования нечеткая, но достаточно ясная - диагностируется по значительно большей плотности подстилающих образований (повышенное содержание дресвы и щебня). Отложения, вероятно, без значительного перерыва залегают на подстилающих образованиях.

Слой 3. Дресвяно-щебнистые отложения с примесью мелких глыб (до 0,4x0,3x0,2 м). Обломки представлены преимущественно магматическими породами. Заполнитель представлен светло-коричневым суглинком (местами с зеленоватым или серым оттенком), разнозернистым песком и полуокатанным гравием. Доля псефитовой фракции составляет более 30%. Иногда встречается мелкая (до 5 см) уплощенная окатанная галька андезита и песчаника (из размытых палеоген-неогеновых отложений). Сортировка обломков полностью отсутствует, что указывает на отложения грязекаменного (селевого) потока. Эоловая деятельность, несомненно, имела место,

но ее роль, как и процессов пролювиального осадконакопления в формировании данного слоя имели минимальное значение. Каменные артефакты встречаются по всему слою, но большинство их приурочено к верхней части, причем, часто они залегают на ребре (под различными углами к горизонту - до 70-90°). Состав артефактов несколько отличен от вышележащих - становится больше изделий из эффузивов. П.н. со слоем 4 имеет слабое падение по азимуту ~ 200°, под углом менее 5°. Поэтому истинная мощность слоя в южном направлении немного увеличивается. Подошва слоя нечеткая, но ясная - отложения без видимого перерыва перекрывают нижележащие.

Слой 4. Дресвяно-щебнистые отложения (обломки до 0,2x0,1x0,1 м; средние — 5-10 см). Состав обломков псефитовой фракции аналогичен вышележащим, но их доля увеличивается и составляет более 40 %, особенно, в нижней половине слоя. Уплотненный щебень часто залегают «на ребре» (вертикально или под большими углами к горизонту). Заполнитель представлен светло-серым суглинком с зеленоватым оттенком (напоминает отложения слоя 2), разнозернистым песком и полуокатанным гравием. Сортировка обломков также отсутствует, что указывает на отложения селевого потока. Процессы эолового и пролювиального осадконакопления в формировании данного слоя имели минимальное значение. Истинная мощность слоя на участке исследований выдержанная и составляет ~ 0,5 м. Подошва нечеткая, более-менее ровная, также имеет слабое падение на юг. Отложения без видимого перерыва перекрывают нижележащие образования.

Слой 5. Дресвяно-щебнистые отложения (размер обломков ~ 7-8 см). Состав псефитовой фракции аналогичен вышележащему, но ее доля увеличивается и только для щебня составляет более 50%. Заполнитель представлен разнозернистым песком и серым суглинком. Сортировка обломков также отсутствует, что указывает на отложения селевого потока. Процессы эолового и пролювиального осадконакопления в формировании данного слоя имели минимальное значение. Истинная мощность слоя на участке исследований составляет ~ 0,25-0,3 м. Подошва нечеткая, неровная, имеет очень слабое падение на юг (как и во всех нижележащих слоях видимого разреза). Отложения, возможно, с некоторым перерывом перекрывают нижележащие образования.

Слой 6. Отложения по текстуре и цвету (светло-серый) основной массы очень близки образованиям слоя 4. Отличие - в меньшей доле (менее 20%) и меньших размерах (максимальные - до 0,1 м, при средних значениях ~ 3 см) псефитовых

обломков. Сортировка обломков также отсутствует, что, вероятно, указывает на преобладание отложений селевого генезиса. Процессы эолового и пролювиального осадконакопления в формировании данного слоя, возможно, играли существенную роль. Истинная мощность слоя на участке исследований составляет ~ 0,45-0,5 м. Подошва нечеткая, неровная, но ясная. Отложения, возможно, с некоторым перерывом перекрывают нижележащие образования.

Слой 7. Состоит из двух прослоев. Верхний (1) - фациальный аналог отложений слоя 5, но в составе меньше щебня (не более 30-40%) и он более мелкий (до 0,13x0,11x0,07 м; при средних значениях до 3 см). Сортировка и окатанность обломков отсутствует, что указывает на селевую природу отложений. Истинная мощность прослоя ~ 0,25 м. Нижний (2) - представлен грубозернистым полимиктовым песком, дресвой и редким мелким щебнем (до 3 см) андезит-порфира и т.д. Встречаются полуокатанный гравий кремнистого состава и окатыши карбонатных конкреций (0 до 5 мм). Глинистая составляющая практически отсутствует. Сортировка осадка слабая - к кровле прослоя размер обломков увеличивается (обнаружены единичные обломки гранита - до 0,1 м), что говорит об увеличении силы потока. Генетически отложения, по-видимому, соответствуют русловой фации аллювия временного горного водотока. Прослой не выдержан по простиранию - представлен линзой. Истинная мощность слоя на участке исследований постепенно увеличивается к югу от 0,3 до 0,65 м и, возможно, более. Подошва слоя неровная, не всегда четкая (при отсутствии прослоя 2), но ясная. Отложения с некоторым перерывом, а местами — с размывом, перекрывают нижележащие образования.

Слой 8. Пролувиально-селевые отложения, практически аналогичные таковым слоев 4 и 6. Состав — светло-серый суглинок с дресвой и мелким щебнем (объем псефитовых обломков до 10%). В подошве единично встречается крупный щебень грубо-, крупнозернистого песчаника и андезит-порфира. Истинная мощность слоя на участке исследований увеличивается к северу от 0,2 до 0,45 м (из-за выклинивания прослоя 2 слоя 7). П.н. неровная, нечеткая. Отложения без видимого перерыва перекрывают нижележащие.

Слой 9. Отложения русловой фации аллювия небольшой горной речки с временным стоком или временного водотока. Представлены плохо сортированными дресвой, щебнем и мелкими глыбами. Состав обломков довольно разнообразен, но преобладают (более 90%), как и прежде, андезит-порфиры и песчаники. Ориентировка

плоских обломков близка к горизонтали. Крупные обломки, в основном, залегают в подошве слоя. Заполнителем между ними выступают мелкая дресва, полуокатанный гравий, разнозернистый полуокатанный и неокатанный песок. Цвет отложений -коричневый с серо-черными пятнами (из-за соединений Fe и Mn). Подошва четкая, более-менее ровная, но с плавными, редкими западинами. Наблюдается минимальное падение п.н. на юг (азимут ~ 200°). Истинная мощность слоя на участке исследований ~ 0,4-0,5 м, но в западинах подошвы до 0,9 м и, возможно, более. Отложения, вероятно, с размывом перекрывают нижележащие.

Слой 10. Отложения сложного (субаэрально-аквального) генезиса с очевидным преобладанием пролювиальной седиментации (более 80%). Светло-коричневый суглинок с примесью разнозернистого песка, редкой дресвы и единичного щебня. Иногда (особенно в нижней видимой части разреза) встречаются прослои, и линзы гравия, и дресвы с включением щебня, вероятно, представляющие собой отложения небольших меандрирующих рукавов/ручьев на наземной дельте реки с временным стоком или конусе выноса временных водотоков. Истинная мощность прослоев и линз обычно не превышает 0,1 м при простирании до 0,5 м, но встречаются единичные тела истинной мощностью ~ 0,5 м и длиной более 1,5 м. В нижней (видимой) части слоя, приблизительно с уровня 1,25-1,3 м ниже кровли, выделяется прослой/линза (возможно, это слой 11) руслового аллювия временного водотока или постоянного небольшого источника. Видимая мощность слоя более 1,6 м (ниже - непрокопанный отвал шурфа XX века).

Проведенный петрографический анализ на материалах стоянки дал следующие результаты (личное сообщение Кулик Н.А., 2008). Материал большей части артефактов представляет собой кремний, преимущественно светло-серый до белого и желтоватого, реже коричневый и темно-серый. Кремни имеют скрытокристаллическое, реже — тонкозернистое сложение, во многих из них присутствуют зерна обломочного неокатанного кварца размером до 0,5 мм. Кремни неоднородны, и нередко наблюдается переход к хорошо просвечивающим светлым халцедонам с концентрической зональной структурой, в отдельных артефактах в кремнях наблюдаются тонкие жилки и изометричные гнезда мелкокристаллического кварца. Меньшее количество кремней обнаруживают реликтовую флюидальную текстуру, и кроме того значительная часть артефактов изготовлена из флюидальных кислых эффузивов в

разной степени окремнения. Эффузивы слабо порфиновые, в идиоморфных вкрапленниках присутствует полевой шпат и кварц. Последний встречается также в виде неправильных порфировых зерен или их обломков. Часть эффузивов содержит растянутые обломки также эффузивной породы, которые огибаются флюидальностью, а также обломки фенокристов полевого шпата, т.е. представляют собой туфолавы тех же кислых эффузивов. Основная масса в эффузивных породах скрытокристаллическая или очень тонкозернистая, твердость же во всех случаях выше 5 по шкале Мооса. Среди пород, присутствующих на месте сбора артефактов, встречены те же породы, что отмечены в артефактах, а также обломки плотного, тонкозернистого до скрытокристаллического, желтоватого известняка (низкая твердость, хорошая реакция с HCl), содержащего равномерно рассеянную вкрапленность обломочного кварца, совершенно идентичного таковому в светлых кремнях. Это позволяет сделать вывод, что кремни с обломочным кварцем образовались за счет окремнения такого известняка. Присутствуют также обломки среднезернистого биотитового гранита и его краевая фация, близкая к кварцевому порфиру - полевой шпат образует идиоморфные зерна, кварц - ксеноморфные зерна, соизмеримые с кристаллами полевого шпата, присутствует биотит, и эти минералы разделены более мелкозернистым кварц-полевошпатовым агрегатом, создавая видимость порфировой структуры. Среди артефактов встречено два, аналогичных такой краевой фации кварцевых порфиров. Присутствуют кроме того породы, не имеющие себе аналогов в артефактах. Это обломок серицитового сланца и два обломка метаморфической породы эпидот-серицитового состава, возможно являющиеся метаморфитами по магматической породе, один обломок кварц-полевошпатовой породы с участком кварц-полевошпатовой графики, вероятно краевая часть жилы гранитного пегматита, обломок светлого жильного кварца.

Каменная индустрия верхнепалеолитического слоя 2

На площади раскопа были вскрыты 3 м с исключительной насыщенностью каменным инвентарем. Все артефакты позиционировались внутри второго литологического слоя, генезис которого связан с сильной обводненностью ландшафта. Судя по положению находок в слое, имело место некоторое незначительное перемещение материала.

В качестве основной методики описания ка-

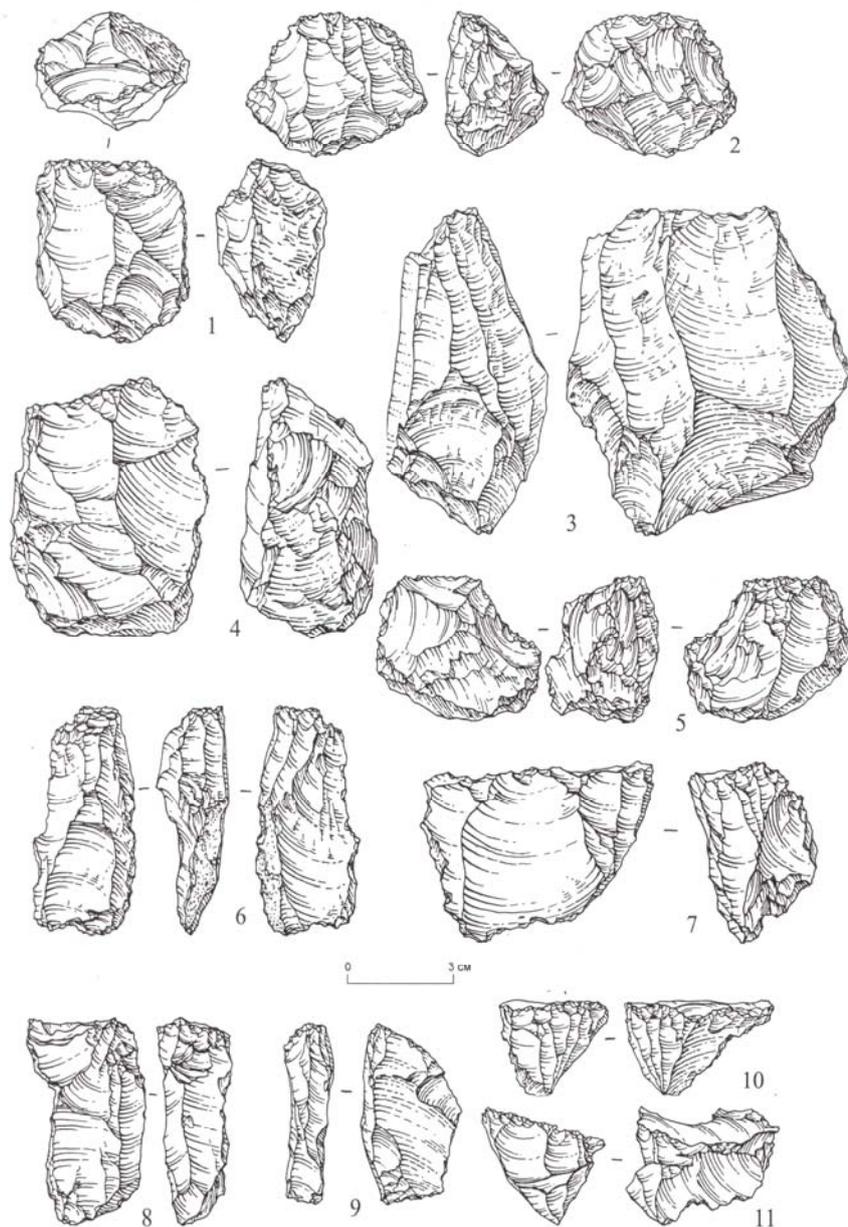

Рис. 2. Нуклеусы слоя 2 стоянки Кульбулак

менных коллекций использованы разработки С.А. Васильева (1996) и Дж. Тиксье (1963). В силу специфики памятника уточним некоторые методологические нюансы. Пластина принималась нами как скол с параллельной огранкой дорсала, чья длина превышает ширину в два и более раз. Мелкая пластина имеет длину, не превышающую 5 см. Пластинка - это скол с пластинчатыми пропорциями, чья ширина составляет 1,2 см и менее. Микропластинка - это скол с пластинчатыми пропорциями и с шириной менее 0,6 см. В категорию отходов производства были включены обломки, осколки, чешуйки и мелкие отщепы (менее 2 см в наибольшем измерении).

Вся коллекция каменного инвентаря составляет 9156 экз., большую часть из которых составляют продукты отхода - чешуйки, обломки, осколки и мелкие отщепы (более 80% от количества всех находок).

Процесс первичного расщепления в большей мере был направлен на получение пластинчатых заготовок с торцовых, призматических и плоскостных нуклеусов.

Всего было найдено 44 нуклеидных изделия (5,3%), включая преформы (4 экз.).

Самой многочисленной категорией являются плоскостные нуклеусы параллельного принципа расщепления - 21 экз.

Плоскостные монофронтальные биплощадочные нуклеусы параллельного принципа расщепления для пластинчатых сколов — 3 экз. В качестве заготовок для таких ядрищ использовались прямоугольные в плане заготовки, на противоположных концах которых образовывались ударные площадки. С них реализовывались во встречном направлении пластинчатые снятия. Наиболее типично овальное в поперечном сечении ядрище из серо-белого кремня. Получение заготовок велось по длинной оси. Две ударные площадки созданы на противоположных концах нуклеуса путем нанесения нескольких коротких сколов с плоскости фронта скалывания. С них реализовывались во встречном направлении заготовки с пластинчатыми пропорциями. После серии коротких сколов с обеих ударных площадок в центре фронта образовалась выпуклость, которую убрать не удалось, после чего расщепление было прекращено (рис 2, 7). На другом ядрище расщепление велось по короткой оси заготовки. Одна ударная площадка являлась основной и с нее реализовано большинство пластинчатых заготовок. Вторая ударная площадка скорее служила для поддержания выпуклости фронта (рис 2, 2).

Двуплощадочные монофронтальные параллельного принципа расщепления нуклеусы для пластинок — 2 экз. Ядрища данной категории создавались на овальных в плане небольших заготовках. Ударные площадки оформлены на противоположных концах пренуклеусов путем нанесения серии широких плоских скалов с плоскости фронта. С них производились снятия пластинок во встречном направлении. Вероятнее всего, они представляют собой двуплощадочные монофронтальные ядрища для пластин, однако в более поздней стадии сработанности.

Плоскостные моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинчатых сколов - 5 экз. Наиболее показательно крупное ядрище (рис. 2), из окремненного песчаника, подпрямоугольное в плане и в поперечном сечении. Ударная площадка образована под острым углом по отношению к плоскости фронта несколькими широкими плоскими сколами. С нее реализовывались пластинчатые сколы среднего размера. Выпуклость фронта поддерживалась, в том числе и благодаря сколам, направленным с основания ядрища, однако второй ударной площадки образовано не было. Другое ядрище обладает сходными характеристиками. Расщепление велось по длинной оси заготовки. Ударная площадка оформлена под острым углом по отношению к фронту расщепления. С нее велось получение отщепных и пластинчатых форм в параллельной системе снятий

(рис. 2, 4). Только на одном изделии получение пластин велось по короткой оси, таким образом, ударная площадка была образована на длинном торце пренуклеуса.

Плоскостные одноплощадочные монофронтальные нуклеусы параллельного принципа расщепления на сколах — 2 экз. Заготовкой для первого ядрища послужил массивный в поперечном сечении отщеп средних размеров. На дорсальной плоскости произведена попытка снятия пластинчатых заготовок, направленных перпендикулярно оси скалывания заготовки. Ударная площадка оформлена одним сколом. После нескольких заломов расщепление было прекращено. Второе ядрище носит характер ситуационного. Заготовкой послужил крупный отщеп (9 на 7 см). С плоскости вентрала на дорсальную поверхность со слегка подправленной ударной площадки в дистальной части скола, велось получение пластинок. Диагностируются, по меньшей мере, два удачных снятия.

Плоскостные нуклеусы параллельного принципа расщепления, биплощадочные монофронтальные для отщепов — 2 экз. Ядрища создавались на относительно небольших отдельностях кремня. Ударные площадки оформлялись на противоположных концах заготовок единичными снятиями, либо серией сколов с плоскости фронта. После чего поочередно во встречном направлении велась реализация сколов с пропорциями отщепов.

Для первого нуклеуса заготовкой послужила отдельность кремня неправильной формы. После подготовки двух ударных площадок, единичными плоскими снятиями с плоскости фронта, были произведены первые пробные снятия, обнаружившие внутренний изъян сырья, после чего расщепление было прекращено. Второе ядрище было предназначено для получения укороченных треугольных сколов. Нуклеус на плоской отдельности кремня. Ударные площадки, оформленные на противоположных сторонах заготовки созданы серией мелких сколов с плоскости фронта скалывания. С них во встречном направлении производились снятия отщепов треугольной формы. Нуклеус истощен до предела.

Плоскостные монофронтальные нуклеусы со смежными ударными площадками — 2 экз.

Нуклеусы данного типа представлены истощенными ядрищами. Первоначально оформлялась одна ударная площадка, и с нее велось расщепление на фронт в параллельной системе. После реализации определенного количества сколов, либо образования серии заломов, на одной из латералей ядрища оформлялась еще одна

ударная площадка, с которой в перпендикулярном направлении (относительно сколов с первой ударной площадки) велось получение заготовок, обычно отщепов. Обращает на себя один такой истощенный нуклеус (рис. 2, 5). Первоначально расщепление велось по длинной оси заготовки с ударной площадки, созданной единым плоским сколом с поверхности фронта. С нее реализовывались пластинчатые и мелкопластинчатые заготовки. Затем расщепление на этой поверхности было завершено, и была создана ударная площадка на левой латерали, она подрабатывалась широкими короткими сколами, уничтожившими часть основного фронта. С нее, по короткой оси заготовки, перпендикулярно первичному фронту, снимались заготовки с параметрами отщепов и микропластинок, вероятно случайных. После полного истощения, расщепление данного ядрища было прекращено.

Плоскостные одноплощадочные монофронтальные параллельного принципа расщепления нуклеусы для отщепов — 5 экз. На заготовках ядрищ оформлялась одна ударная площадка, располагающаяся под острым углом к фронту скалывания с которой велось получение заготовок с параметрами отщепов. В двух случаях расщепление велось по короткой оси ядрища, в остальных — по длинной. Обычно ядрища представлены в последней стадии сработанности.

Вторую в количественном отношении категорию представляют различные модификации торцовых нуклеусов для пластинчатых заготовок — 10 экз.

Торцовый нуклеус для пластинок двуплощадочный монофронтальный — 1 экз., переоформленный в двулезвийное долотовидное орудие (рис. 2 в). Первоначально заготовка нуклеуса была подготовлена несколькими сколами на латеральных, ограничивших ширину ядрища. Расщепление велось по длинной оси заготовки во встречном направлении. Одна ударная площадка использовалась как основная. Вторая ударная площадка была создана для снятия латеральных сколов. С нее было произведено одно пластинчатое снятие, и попытка второго, однако они не удалили кортикальную поверхность ядрища. Нуклеус истощен до предела. Дополнительная ударная площадка была уничтожена после прекращения утилизации нуклеуса, в процессе использования его в качестве долотовидного орудия. Лезвие с двусторонней обработкой и многочисленными следами забитостей.

Торцовые одноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинчатых заготовок - 5 экз. Нуклеусы оформлялись на небольших от-

дельностях кремния, на которых создавалась одна ударная площадка, и предварительно ограничивалась площадь фронта, путем снятия отщепов по плоскостям латералей. Затем с ударных площадок велось получение удлиненных заготовок, преимущественно пластинок и микропластинок. Так, например, одно ядрище выполнено на отдельности светлого кремния небольших размеров (рис. 2, 7). Фронт был оформлен на торце заготовки и ограничен широким плоским сколом на левой латерали. По форме фронта ядрище приближается к кареноидным разновидностям. Ударная площадка была образована широким сколом с плоскости ударной площадки. На ней также имеется негатив от снятия таблетки. С ударной площадки на фронт велось получение пластинок и микропластинок. Другое ядрище создано, вероятно, на плоском и удлиненном обломке коричневого кремния (не исключен обломок крупного скола) (рис. 2, 8). Ударная площадка создана перпендикулярно плоскости фронта расщепления серией удлиненных сколов. С нее на узкий фронт реализовывались пластинчатые сколы, часть из которых закончилась заломками.

Торцовые нуклеусы на сколах — 4 экз. В эту категорию можно также включить один диагностируемый пренуклеус — заготовку торцового моноплощадочного ядрища на массивном в поперечном сечении отщепе. Массивный отщеп небольшого размера был утончен с обеих сторон для ограничения фронта скалывания, также на его обушке была образована ударная площадка, однако затем расщепление не было инициировано.

В целом, нуклеусы рассматриваемого облика образовывались на различных сколах: пластинчатых, если фронт расщепления образовывался на продольном краю скола-заготовки, либо на массивных в поперечном сечении сколах, если фронт предполагалось оформить на плоскости поперечного слома (как вариант ударной площадки).

Монофронтальный биплощадочный нуклеус - 1 экз. Заготовкой для нуклеуса послужил проксимальный фрагмент пластины из белого кремния средних размеров (рис. 2, 9). На плоскости поперечного излома, вероятнее всего, полученной путем преднамеренного расщепления заготовки (удар был нанесен с обушка) была образована ударная площадка. Однако это не исключает, что плоскость поперечного излома представляет собой негатив снятия таблетки. С поверхности ударной площадки, на плоскость левого продольного края производились снятия микропластинчатых заготовок. Вторая ударная площадка была образована на плоскости ударной площадки ско-

ла-преформы, с нее во встречном направлении по тому же фронту велось получение микропластинчатых заготовок. Однако последнее снятие завершилось заломом, после чего расщепление было прекращено.

Торцовые моноплощадочные нуклеусы на сколах — 3 экз. Заготовкой для одного ядрища послужил массивный в поперечном сечении остроконечник. Ударной площадкой послужила одна из граней дорсальной поверхности, напоминающая обушок, без дополнительной подработки. Фронт расщепления располагается на базальной (проксимальной) части скола. Снятие заготовок уничтожило часть ударной площадки. С ударной площадки на левой продольной грани нуклеуса на плоскость ударной площадки было произведено снятие нескольких мелкопластинчатых заготовок. Они образовали выпуклость фронта, преодолеть которую не удалось, после чего расщепление прекратилось. Аналогичные изделия имеются в коллекции слоя 2 стоянки Додекатым-2 в долине р. Пальтау (Республика Узбекистан, Ташкентская область).

Наиболее близкими по своим характеристикам к торцовым нуклеусам представляются ядрища на массивных сколах или нуклеусы-скребки — 3 экз.

Заготовкой для первого нуклеуса (рис. 2, 10) послужил массивный отщеп из молочно-белого кремня. Ударная площадка была создана на вентральной поверхности скола и была дополнительно подработана единственным мелким сколом с плоскости латерали изделия. Расщепление велось на дистальном конце заготовки. В качестве заготовок получали пластинки и микропластинки с прямым профилем. Второй — нуклеус карене для пластинок (рис. 2, 7). Нуклеус изготовлен на массивном, треугольном в поперечном сечении обломке из светло-серого кремня. Ударная площадка сформирована единичным плоским снятием. На фронте фиксируется два эпизода снятий. Первоначально, это была серия слегка изогнутых в профиле микропластинок. Затем была попытка продолжения, расщепления, закончившаяся заломом по трещине. Третий — нуклеус-скребок для мелких отщепов на массивном сколе (рис. 3, 7). Ударная площадка выполнена несколькими сколами, подправившими вентральную поверхность заготовки. С нее на дистальный конец производились снятия мелких заготовок, в основном, с параметрами отщепов.

Нуклеусы призматической системы расщепления — 5 экз.

Биплощадочные подпризматические нуклеусы для пластинок — 2 экз. На первом - массивном яд-

рище под острыми углами к фронту снятия были оформлены две ударные площадки широкими плоскими сколами, с которых производились снятия пластинчатых заготовок с изогнутым профилем (рис. 3, 2). Больше количество заготовок было получено с широкой ударной площадки. Со второй площадки производились попытки снятий, закончившиеся заломом. В конечной стадии расщепления фронт приобрел выпуклую форму, препятствующую дальнейшей работе с ядрищем. После неудачных попыток удалить ее, утилизация была прекращена. Второе крупное ядрище на отдельности серо-белого кремня. Расщепление велось по длинной оси заготовки. На противоположных концах заготовки были инициированы две ударные площадки, с которых во встречном направлении велось получение пластинчатых снятий. На торце нуклеуса пытались снять длинную заготовку, однако попытки закончились неудачно. На фронте отмечается негатив скола десквамации. Подпризматический моноплощадочный нуклеус для пластинчатых заготовок — 1 экз. Ядрище выполнено, вероятнее всего, на обломке массивного отщепе. Ударная площадка создана на вентральной поверхности без предварительной подготовки. С нее велось получение коротких пластинчатых заготовок. Длина заготовок ограничивалась толщиной отщепе. Призматический конусовидный нуклеус для пластинок — 1 экз. Одноплощадочное ядрище выполнено на конусовидной заготовке, форма которой была придана искусственно, серией латеральных сколов. Ударная площадка плоская, овальная в плане, создана единичным снятием таблетки. С нее на узкий торец заготовки реализовывались сколы с пропорциями пластинок. Подпризматический моноплощадочный нуклеус для отщепов — 1 экз. Заготовкой для ядрища послужила отдельность серого кремня конусовидной в плане формы. Ударная площадка сформирована в широкой части заготовки несколькими короткими сколами с плоскости фронта. Предварительно на фронте было создано небольшое ребро, которое пытались снять и инициировать расщепление, однако это не удалось, и скол завершился заломом. Кроме того, было еще снято несколько отщепов с укороченными пропорциями. В целом, утилизацию ядрища можно назвать неудавшейся.

Несколько выделяется из общей массы ядрищ радиальный нуклеус для отщепов. Заготовка ядрища на плоской отдельности кремня, прямоугольной в плане. На 2/4 периметра создана ударная площадка с широкими короткими сколами, направленными под острым углом к фронту скалывания; с нее снимались крупные отщепные

заготовки, расщепление было направлено длинными осями к центру фронта.

В целом, весь процесс расщепления был, в основном, ориентирован на получение пластин (22,2 %), пластинок (21,1%) и микропластинок (21,7 %). При этом, в процессе получения сколов обычно сначала инициировалась реализация сколов с большими размерами, а затем, в процессе утилизации и сокращения массы нуклеуса, размер сколов несколько уменьшался. Количество отщепов крупного и среднего размеров составляет 24,1 %.

Данные по типологии ударных площадок говорят в пользу того, что на пластинах, отщепах и определяемых технических сколах обычно оформлялись гладкие ударные площадки (59,4 и 69,6% соответственно), в то время как на пластинках и микропластинках ударные площадки в большинстве своем точечные (84,1 и 88,2 %). Среди ударных площадок пластин также значительно количество точечных ударных площадок (36,9%). Учитывая, что категория пластин в основном представлена мелкими изделиями, то они по своим размерным характеристикам приближаются к пластинкам. Количество линейных ударных площадок на изделиях всех категорий крайне незначительно.

Категория определяемых технических сколов количественно составляет 47 экз. (5,7%). Они в основном представлены таблетками с призматическими нуклеусами для пластинок и микропластинок, а также краевыми сколами, реберчатыми пластинами.

Орудийная коллекция первого года раскопок насчитывает 82 экз., что составляет 9,8% находок.

Одним из ведущих типов в комплексе орудий являются долотовидные орудия и стамески.

Долотовидные орудия — 18 экз. Для орудий данного типологического облика преимущественно использовался высококачественный светлый полупрозрачный кремний с желтоватым или сероватым оттенком. Чаще всего орудия изготавливались на мелких отщепах, размерность некоторых заготовок не превышает 1 см. При этом заготовки значительно разнятся по толщине - от достаточно массивных в сечении до тонких в поперечном сколе. Также среди заготовок встречаются пластинки и технические сколы (таблетки).

Среди всех долотовидных орудий выделяется несколько подтипов: долотовидные однолезвийные орудия — 11 экз. Долотовидные лезвия чаще всего оформлялись в проксимальных или дистальных зонах сколов-заготовок. Рабочие зоны создавались как при помощи двусторонней ретуши, так и сколами подтески, основная часть из

которых, несомненно, была приобретена в результате эксплуатации предмета. Нередко применялась подтеска, вероятнее всего, в аккомодационных целях. Одно долотовидное орудие изготовлено на мелкой пластине (рис. 3, 3). Рабочее двустороннее лезвие оформлено на проксимальной части скола, что привело к деформации ударной площадки. Следует отметить двустороннюю распространенную чешуйчатую утончающую подтеску изделия.

Долотовидные двулезвийные орудия: 7 экз. На этих изделиях рабочие элементы располагаются преимущественно и в проксимальной и дистальной частях заготовки. В связи с этим, сколов аккомодации на двулезвийных изделиях практически не встречается. Двулезвийное долотовидное орудие изготовлено на мелком отщепе. Одно лезвие типа стамески и примыкает к ударной площадке. Ретушь односторонняя. Второе лезвие на дистальном конце заготовки образовано двусторонней ретушью и забитостями (рис. 3, 4). Данный предмет использовался без предварительного оформления, и все признаки долотовидного орудия были приобретены в процессе работы. Другое изделие на мелком массивном в поперечном сечении отщепе из полупрозрачного желтоватого кремния. Два противолежащих лезвия образованы на проксимальной и терминальной частях скола (рис. 3, 5). Следующее долотовидное орудие изготовлено на истощенном торцовом нуклеусе. Терминальная и базальная части заготовки были преобразованы в лезвия после активной эксплуатации изделия (рис. 2, б). Обращает на себя внимание орудие, изготовленное на отщепе, не превышающем 1,5 см в максимальном измерении. Один из рабочих элементов распространяется на $1/2$ периметра скола-заготовки (рис. 3, б).

Стамески — 3 экз. Данные орудия практически аналогичны долотовидным изделиям. Единственным исключением является то, что рабочие элементы на них несут следы сработанности только на одной из плоскостей. Возможно, стамески — это долотовидные орудия в начальной стадии утилизации.

Также многочисленной группой орудий являются скребки — 12 экз.

Концевые скребки — 8 экз. Орудия изготавливались преимущественно на удлиненных заготовках: пластинах, отщепах с пластинчатыми пропорциями и технических сколах. В одном случае скребок был изготовлен на мелком отщепе. По конфигурации рабочих лезвий представлены различные изделия: с узким выпуклым рабочим краем и с широким прямым. Концевой скребок на краевом пластинчатом сколе. Рабочее лезвие располагается на дистальной части заготовки, офор-

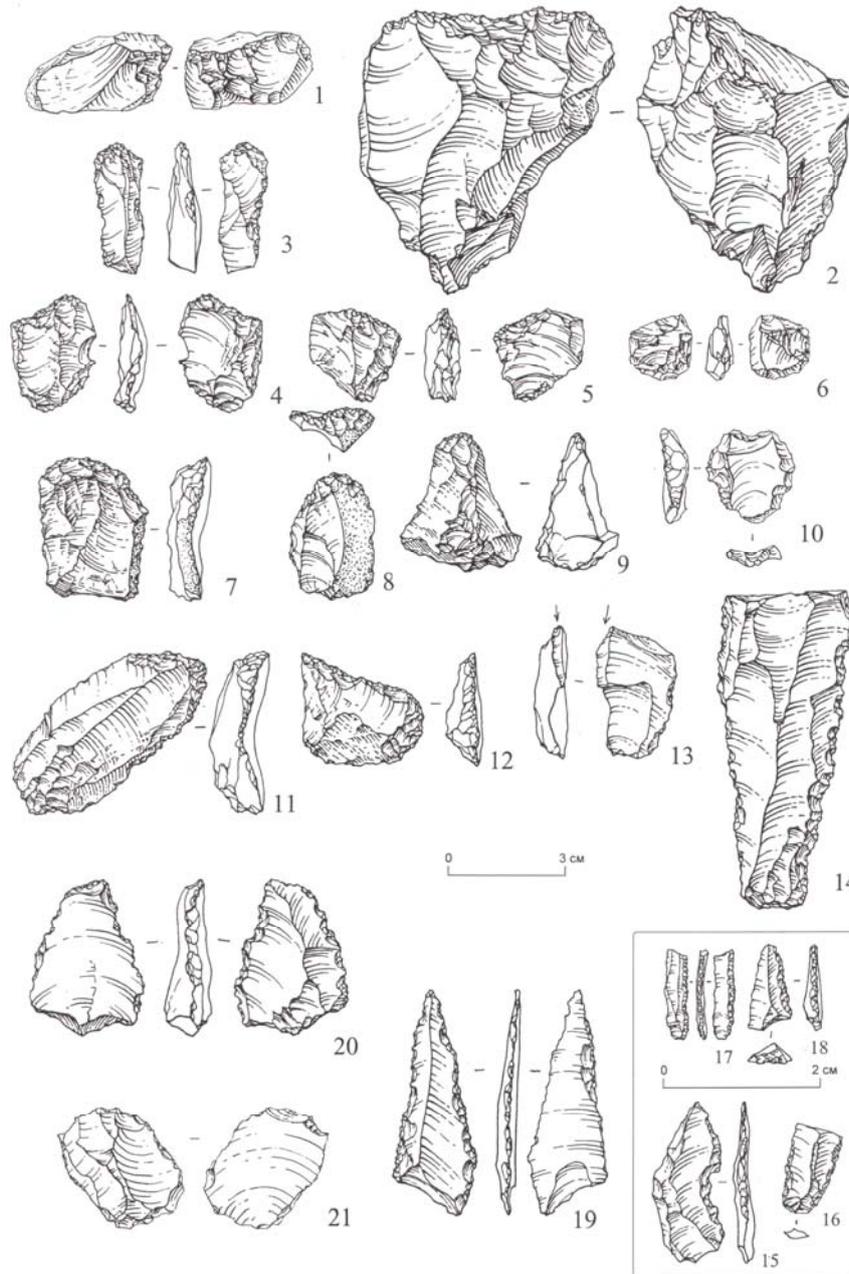

Рис. 3. Нуклеусы и орудия слоя 2 стоянки Кульбулак

мленное постоянной полукрутой разнофасеточной дорсальной чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью (рис. 3, 7). Другое орудие оформлено на пластинчатом отщепе с остатками кортикальной поверхности на дорсальной плоскости. Лезвие создано на дистальном конце постоянной среднемодифицирующей крутой субпараллельной ретушью (рис. 3, 8). На концевом скребке, оформленном на массивном краевом сколе, узкое лезвие оформлено постоянной среднемодифицирующей дорсальной крутой параллельной ретушью с пластинчатыми пропорциями (рис. 3, 9).

Скребок на $3/4$ периметра — 1 экз. Мелкий от-

щеп с фасетированной ударной площадкой обработан почти по всему периметру постоянной среднемодифицирующей дорсальной крутой ретушью, иногда образующей зубчатый край (рис. 3, 10).

Угловые скребки — 2 экз. Одно орудие сломано; вероятнее всего, заготовкой послужил отщеп средних размеров. На углу заготовки было оформлено скребковое лезвие постоянной крутой среднефасеточной дорсальной среднемодифицирующей ретушью. Заготовкой для второго орудия послужил средний отщеп, треугольный в поперечном сечении (рис. 3, 11). Рабочее лезвие оформлено на углу заготовки постоянной сильно

модифицирующей дорсальной крутой субпараллельной ретушью. Боковой скребок оформлен на вторичном отщепе среднего размера (рис. 3, 12). Рабочее лезвие было оформлено на правом продольном краю заготовки постоянной крутой сильно модифицирующей дорсальной чешуйчатой ретушью.

Угловые резцы — 7 экз. Заготовками для орудий служили сколы с пропорциями пластин: пластины, реберчатая пластина, краевой пластинчатый скол. В случаях, когда скол был обушковым, то именно на плоскость обушка и производились снятия резцовых сколов. Резцовые сколы снимались как с ударных площадок сколов-заготовок, так и с плоскостей поперечных сломов, без дополнительных подработок. Редко для этих целей служил дистальный конец заготовки. Представлены в большей степени монофасеточные резцы (5 экз.). Из общего орудийного ряда выделяется изделие, изготовленное на дистальном фрагменте мелкой пластины белого кремня с остатками кортикальной поверхности. С дистального конца фрагмент был утончен единичным плоским сколом подтески на вентральную поверхность скола. Резцовый скол был снят с плоскости непреднамеренного слома (рис. 3, 73).

Ретушированные пластинчатые сколы—12 экз. Ретушированные пластины — 4 экз. Заготовками для орудий обычно служили мелкие (до 5 см длиной) пластины, в одном случае — средняя пластина. В основном, сколы несут на продольных краях следы слабо модифицирующей ретуши утилизации (2 экз.), встречается и подработка слабо модифицирующей постоянной чешуйчатой ретушью, располагающейся как на дорсальной, так и на вентральной плоскостях (2 экз.) (рис. 3, 14).

Ретушированные пластинки — 4 экз. по своим характеристикам аналогичны ретушированным пластинам. Они так же несут следы утилизации или ограниченные участки немодифицирующей чешуйчатой ретуши, иногда с зубчатым контуром.

Ретушированные микропластинки: 4 экз. Среди ретушированных микропластинок только одно изделие несет на правом продольном краю следы мелкой постоянной дорсальной слабо модифицирующей ретуши утилизации. Остальные изделия были обработаны преднамеренно. Микропластинка, тонкая в поперечном сечении из желтоватого полупрозрачного кремня, обработана по правому продольному краю постоянной средне-модифицирующей дорсальной мелкофасеточной ретушью (рис. 3, 7). Другое изделие представлено базальным фрагментом микропластинки с ре-

тушированной проксимальной зоной. Возможно использование орудия в качестве вкладыша для дротика (рис. 3, 16). Единственная в своем роде пластинка «дюфур» изготовлена на микропластинке из белого кремня. Заготовка слегка изогнута в профиль. Проксимальный фрагмент изделия ретуширован по правому продольному краю постоянной дорсальной полукрутой средне-модифицирующей ретушью и по левому краю вентральной постоянной крутой сильно модифицирующей ретушью (рис. 3, 7).

Ретушированные отщепы — 21 экз. Представлены сколами с участками разнотипной ретуши: преднамеренной слабо- и средне-модифицирующей чешуйчатой ретушью и немодифицирующей ретушью утилизации, расположенными на различных участках сколов-заготовок. Часто обрабатывались мелкие сколы.

Геометрический микролит треугольной формы — 1 экз. Треугольник на дистальном фрагменте конвергентной микропластинки. Правый продольный край заготовки притуплен постоянной средне-модифицирующей дорсальной крутой ретушью, поперечная плоскость заготовки тронкирована, создавая тупой угол по отношению к притупленному краю (рис. 3, 18). Изделия аналогичны треугольным микролитам из коллекции Додекатыма-2.

Одиарное поперечное выпуклое скребло на таблетке — 1 экз. Заготовкой для орудия послужила массивная в поперечном сечении таблетка. Ее ударная площадка неподготовлена и пришлась на область фронта расщепления нуклеуса. Часть периметра изделия была переоформлена эпизодической крутой сильно модифицирующей вентральной постоянной крутой ретушью. Остатки ретуши утилизации дополняют рабочее лезвие на противоположной плоскости.

Остроконечная пластина — 1 экз. Дистальный фрагмент грацильной остроконечной пластины, тонкий в поперечном сечении, ретуширован по продольным краям постоянной средне-модифицирующей мелкой ретушью с заломами (вероятно использование костяного ретушера) (рис. 3, 19).

Острие с ретушью — 1 экз. Острие с укороченными пропорциями на молочно-белом кремне обработано по обеим продольным сторонам постоянной средне-модифицирующей чешуйчатой дорсальной ретушью с зубчатым контуром. В дистальной зоне острие заготовки выделено с вентральной стороны (рис. 3, 20).

Оригинальное орудие — 1 экз. По всем характеристикам орудие напоминает нож. Рабочее лезвие создано на проксимальном конце изделия. Ударная площадка была уничтожена сколами

двусторонней плоской чешуйчатой подтески, создавшей острое лезвие. Противоположный край заготовки сломан, но он также нес на своих поверхностях следы вероятно аккомодационной утончающей подтески.

Шиповидное орудие — 2 экз. Первое орудие на овальном в плане отщепе из серого кремня. Рабочий элемент оформлен на дистальном конце изделия эпизодической чередующейся среднемодифицирующей ретушью (рис. 3, 21). Второе орудие также изготовлено на отщепе серого кремня. Рабочий элемент был выделен при помощи эпизодической среднемодифицирующей ретуши.

Зубчатые орудия — 2 экз. Первое изделие выполнено на отщепе серого кремня средних размеров. Фрагмент демонстрирует постоянную разнофасеточную среднемодифицирующую дорсальную зубчатую ретушь. Второе орудие изготовлено на среднем отщепе, продольные края которого несут следы зубчатой чередующейся постоянной полукрутой мелкофасеточной ретуши утилизации.

Выемчатое орудие — 1 экз. Орудие изготовлено на фрагменте массивного крупного отщепа. Выемка оформлена на левом продольном краю: ретушированная крутая глубокая. Кроме анкоша никаких элементов вторичной обработки более не наблюдается.

Заключение

Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак долгое время являлась и в настоящий момент остается опорным памятником для всей палеолитической эпохи Центральной Азии. Ее геоморфологическое положение, мощность рыхлых отложений и исключительная насыщенность каменными артефактами придают памятнику статус уникального объекта.

Раскопками и зачисткой в этом сезоне были вскрыты 10 слоев, начиная с дневной поверхности. Стратиграфический анализ показал, что отложения имеют пролювиально-селевый циклический характер, периодически чередующийся с наличием временных водотоков на площади памятника. Полученная археологическая коллекция, принадлежащая верхним уровням литологического слоя 2, в силу пролювиального генезиса отложений может быть частично перемещенной. Однако анализ нахождения материалов в слое, а также наличие огромного количества мелких кремней говорит в пользу того, что данный стратиграфический объект во время своего формирования, хоть и был значительно увлажнен, но не подвергал материалы значительному смещению.

Материалы же нижележащего, литологического слоя 3, наоборот, демонстрируют все харак-

терные черты перемещенных объектов (хаотичное расположение в слое, отсутствие мелких кремней, наличие артефактов с различной степенью дефляции). В настоящий момент можно заключить, что большая часть толщи, начиная со слоя 5, и заканчивая слоем 10, может быть стерильна в археологическом отношении. Дальнейшие исследования должны уточнить предварительные выводы.

Каменная индустрия второго литологического слоя гомогенна. Процесс первичного расщепления был направлен на получение пластинчатых заготовок с плоскостных, призматических и торцовых нуклеусов. Судя по размерным характеристикам нуклеусов и принимая во внимание данные по направлениям остаточных сколов на дорсальных спинках изделий, можно заключить, что одноплощадочные нуклеусы (и параллельной и призматической системы расщепления) могли являться образцами поздней стадии сработанности двуплощадочных нуклеусов. То есть первоначально на крупной заготовке оформляли противоположащие ударные площадки, с которых во встречном направлении велось получение настолько же крупных заготовок. При достижении определенного размера ядрище переоформлялось в одноплощадочное, с которого получали уже более мелкие заготовки. Другую категорию составляют нуклеусы, изначально ориентированные на получение мелких пластинок и микропластин - торцовые одноплощадочные и нуклеусы-скребки, конусовидный нуклеус. В этих случаях нуклеусы первоначально несли только одну ударную площадку, с которой велось регулярное получение заготовок. Ширина фронта таких ядрищ контролировалась, и требуемая ширина фронта достигалась путем снятия латеральных сколов.

В качестве сколов заготовок использовались все виды пластинчатых сколов, средние и мелкие отщепы, изредка технические сколы. Размерные характеристики пластинчатых сколов зависят, в основном, от сырьевого фактора — небольшие отдельности кремня, применявшегося для изготовления орудий, не могли служить источником для крупных заготовок. Единственная ретушированная средняя пластина была изготовлена из темно-коричневого эффузива. И ретушированные пластины, и ретушированные пластинки являются по своим характеристикам неформальными орудиями, предназначенными для кратковременного либо сиюминутного использования. Несколько другую ситуацию мы наблюдаем в категории микропластинок, когда основная масса орудий была обработана преднамеренно и их можно назвать формальными орудиями. Вероят-

нее всего, если из заготовок оформлялись орудия, то с различными целями. В случае микропластинок это были, вероятнее всего, четко определенные задачи. Между пластинами и пластинками нет значительных различий, в условиях изобилия сырья их применяли ситуационно.

Долотовидные орудия изготавливались на определенном, возможно наиболее твердом сырье; изготавливались на мелких заготовках (за исключением орудия, переоформленного из сработанного нуклеуса); зачастую заготовки использовались без предварительной подработки и часто находились в работе непродолжительное время.

В целом можно заключить, что индустрия гомотипная, содержит все элементы микрорасщепления, начиная от заготовок нуклеусов, заканчивая изделиями на микропластинках. Однако микроинвентарь является лишь одним из основных составляющих ассамбляжа.

В настоящий момент идут работы по датированию культуросодержащих отложений памятника. Основываясь на технико-типологических данных, можно сделать вывод о хронологической принадлежности исследуемого комплекса ко второй половине верхнего палеолита.

До настоящего времени в исследуемом регионе Центральной Азии было широко известно лишь несколько стратифицированных верхнепалеолитических стоянок — это Шугноу, Самаркандская стоянка, и Кульбулак (верхние слои) (Джуракулов, 1972; Касымов, 1990; Davis, Ranov, 1999). Таким образом, сложилась картина для

палеолита Центральной Азии, когда наравне с единицами известных верхнепалеолитических стоянок, присутствует большое количество среднепалеолитических и множество мезолитических памятников. Причину такого явления можно усмотреть в сильной аридизации климата, и, как следствие, сокращении животных и растительных ресурсов на рассматриваемой территории, что, в свою очередь, привело к сокращению древних популяций охотников и собирателей.

Однако в результате работ последних лет была обнаружена целая серия верхнепалеолитических стоянок: стоянка Додекатым-2 в долине реки Пальтау, стоянка Каттасай в пригороде Янгиабада (Исламов, Кривошапкин, Колобова и др., 2006; Кривошапкин, Милютин, Славинский и др., 2005). Индустрии стоянки Додекатым-2 и верхнепалеолитического слоя Кульбулака демонстрируют множество общих черт, начиная с первичного расщепления и заканчивая общими типами орудий. Общие черты можно проследить и с комплексами Самаркандской стоянки. Наконец, в течение полевого сезона 2007 г. была обнаружена многослойная стоянка Кызыл-Алма-2, материал которой по своим технико-типологическим характеристикам может быть отнесен к верхнему палеолиту.

На настоящий момент сложилась благоприятная ситуация, когда данные по новым объектам в состоянии устранить информационную лауну, свойственную для верхнепалеолитического периода изучаемого региона.

Сноски

1. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 06-01-00527а, 8-01-00332 «а»); МК-3183.2007.6; Молодежного проекта президиума СО РАН №146.)

Использованная литература

- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н.О. Новые исследования палеолита в Ахангаране (Узбекистан). СПб, 1995.
- Васильев С.А. Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1996.
- Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Исламов У.И., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Милютин К.И., Мухаммадиев А.Г., Белоусова Н.Е. Предварительные итоги работы международной археологической экспедиции по изучению каменного века Узбекистана в полевом сезоне 2006 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XII, часть I. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006.
- Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Кривошапкин А.И., Милютин К.И., Славинский В.С., Рыбин Е.П., Колобова К.А., Новиков И.С., Высоцкий Е.М., Мухаммадиев А.Г. Новые стоянки каменного века в бассейне реки Пальтау // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т.П. 4.1.
- Davis S., Ranov V.A. Recent work on the Palaeolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropology, № 8, 1999.
- Tixier J. Typologie de l'epipaleolithique du Magreb. - P: MCRAPEA, 1963.

Б.Х. Матбабаев, З.З. Машрабов

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДА АНДИЖАНА (некоторые итоги работ 2000-2007 гг.)

Во многих городах республики проводятся археологические исследования по определению их истории и возраста. В результате этих работ достигнуты определенные успехи, проведены юбилеи таких древних центров как Бухара, Хива, Термез, Шахрисабз, Карши, Самарканд и Маргилан. В Андижане, Джизаке, Хазараспе археологические работы по определению даты их основания только осуществляются.

В археологии Узбекистана достаточно хорошо разработаны критерии для выделения ранних городов в исследуемых памятниках (Аскарлов, Ширинов, 1993; Ртвеладзе, 1986). Существуют также отдельные разработки по этой проблематике, где представляются модели урбанизации Средней Азии, обусловленные экологическими и социально-экономическими особенностями (Буряков, 1990. С. 52-54; Буряков, Радзилиловский, 1988. С. 117-142). Учитывая последние данные мы делим археологические памятники Узбекистана, характеризуемые как «древний город», на две хронологические группы. Такие памятники зафиксированы в почти 50-ти пунктах. Некоторые из них оказались под застройкой современных городов и сел, и лишь часть дошла в виде отдельных археологических памятников (Матбабаев, 2004. С. 27-32).

До недавнего времени урбанизационные процессы на территории Ферганской долины оставались недостаточно изученными и в результате мы почти не имели данных по вопросам генезиса ее ранних городов. Основной причиной такого положения являлся особый подход к изучению данной территории: ее рассматривали как периферию среднеазиатских цивилизаций и считали более отстающей в историческом развитии. Иногда существующие археологические комплексы необоснованно омолаживались, подвергалось сомнению наличие ранних городов.

Благодаря работам видного археолога из Санкт-Петербурга Ю.А. Заднепровского, впервые был поставлен вопрос о раннем городе Ферганы. Еще в 70-е годы XX века им было выделено пять археологических критериев для городов древней Ферганы, которые не утратили своего значения по настоящее время (Заднепровский, 1973. С. 17-20; Он же, 1974. С. 74).

Среди них Андижан имеет своеобразную и древнюю историю. В изучении его истории принимали участие такие исследователи, как Я.Г.

Гулямов, М.Е. Массон (Массон, 1976), А.К. Писарчик (Писарчик, 1956. С. 145-194), Б. Абдулгазиева (Абдулгазиева, 1993; Она же, 1981-1984, 1987), В.И. Козенкова, Г. Дадабаев (Дадабаев, 1975), С. Жалилов (Жалилов, 1993), Б.Х. Матбабаев (раскопки в 2000-2005 гг.) и др. На основе их исследований были собраны ценные данные о структуре и истории развития города. Первые работы по исторической топографии Андижана в 1938, 1944 и 1947 гг. были проведены этнографом А.К. Писарчик, их результатом явилось создание исторического плана города с нанесением ворот и мечетей (Писарчик, 1956. С. 145-194).

В настоящее время собрано достаточно данных о средневековом Андижане (IX-XIX вв.) и особенно по его истории XIV-XVI вв. В частности, установлено местонахождение и разграничение цитадели и шахристана. По мнению историка С. Джалилова, площадь цитадели составляла 215-220x450-460 м или около 10 га (Жалилов, 1993. С. 76), а шахристана, по мнению археолога Б. Абдулгазиевой, — 100 га (Абдулгазиева, 1993. С.5-6). Однако на всей этой территории пока не выявлены более древние слои. В целом, в изучении древней истории Андижана еще имеется ряд нерешенных проблем. Среди последних — формирование, ранние этапы и развитие городской культуры, решение которых, в основном, связано с археологическими исследованиями, так как для изучения ранних этапов городской культуры отсутствуют письменные источники¹. Необходимо отметить, что в Андижане осуществляются археологические раскопки уже на протяжении более 10 сезонов. Так до 2000 г. было выявлено наличие ранних слоев, характеризуемых поздней античностью и ранним средневековьем. При этих работах предшествующими исследователями, в основном, обращалось внимание на территории, расположенные вокруг средневековой цитадели и шахристана. Причиной этому, вероятно, являлось то, что как и во многих древних городах Востока, археологические памятники Андижана были разрушены или находятся под мощными напластованиями современных строений, что сильно осложняло проведение раскопок. Однако с 2000 года в археологических исследованиях Андижана происходят качественные изменения², явившиеся результатом сотрудничества Института археологии АН РУз с Международным фондом им. З.М. Бабура и Центром науки и технологий

при Кабинете министров Республики Узбекистан (Матбабаев, 2002).

В 2000-2005 гг. при археологическом изучении Андижана основное внимание уделялось разрушенным и частично сохранившимся памятникам. Для этого использовалась историко-топографическая карта³ города 1893 и 1913 гг., и отдельные сведения письменных источников. Исходя из этого на территории города начала XX века было зафиксировано восемь археологических объектов, 11 городских кладбищ, 39 мечетей. Формально эти памятники можно разделить на две группы:

Объекты с археологически зафиксированными культурными слоями. Сюда входят Чордонатепа (ул. Т. Келдиева), Сарвантепа (ул. Суджоат и Тутзор), Коштепа I, II (ул. Шахриханская), Яккатепа (ул. Дальверзинская), Ганчтепа-Уграер (территория домостроительного комбината), Культтепа (разрушена в XIX в., находилась приблизительно на месте здания областной администрации и площади им. З.М. Бабура на пересечении ул. К. Яшина и А. Фитрата), территория средневекового арка и шахристана⁴.

Памятники, где не проводились археологические раскопки, но обнаружены подъемные фрагменты керамики разных эпох - Каракурган (на

месте базы областного управления народного образования), Авганбаг, Окгур (ул. Н. Хакимова), Мушктепа, Уразантепа (ул. Мехнат, дом № 156).

На памятниках первой группы Чордонатепа (ул. Т. Келдиева), Сарвантепа (на перекрестке ул. Суджоат, дом № 19, Тутзор между домами № 29,33 и Иттифок), Яккатепа (между домами № 67 и 69 ул. Дальверзинская), Коштепа I (в нач. улицы Шахриханская со стороны домов с четными номерами), Арк ичи (между домами № 41-42 ул. Ташкилот), Шахристане (ул. Хакикат дом № 13) проведены археологические работы. В целом, было заложено 4 раскопа и более 10 шурфов (рис. 1). В результате исследований в 2000-2004 гг. получены новые материалы, особенно по древнему периоду истории города. На основании материалов предшествовавших археологических работ и новых исследований можно выделить следующие периоды в истории возникновения и развития города Андижана.

I период. Материалы наиболее раннего периода получены из нижних слоев Сарвантепа и представлены археологическими комплексами Эйлтанской культуры. Этот комплекс выявлен со стороны ул. Тутзор на глубине четырех метров от дневной поверхности, мощностью до одного метра, на небольшой по площади территории. Этот

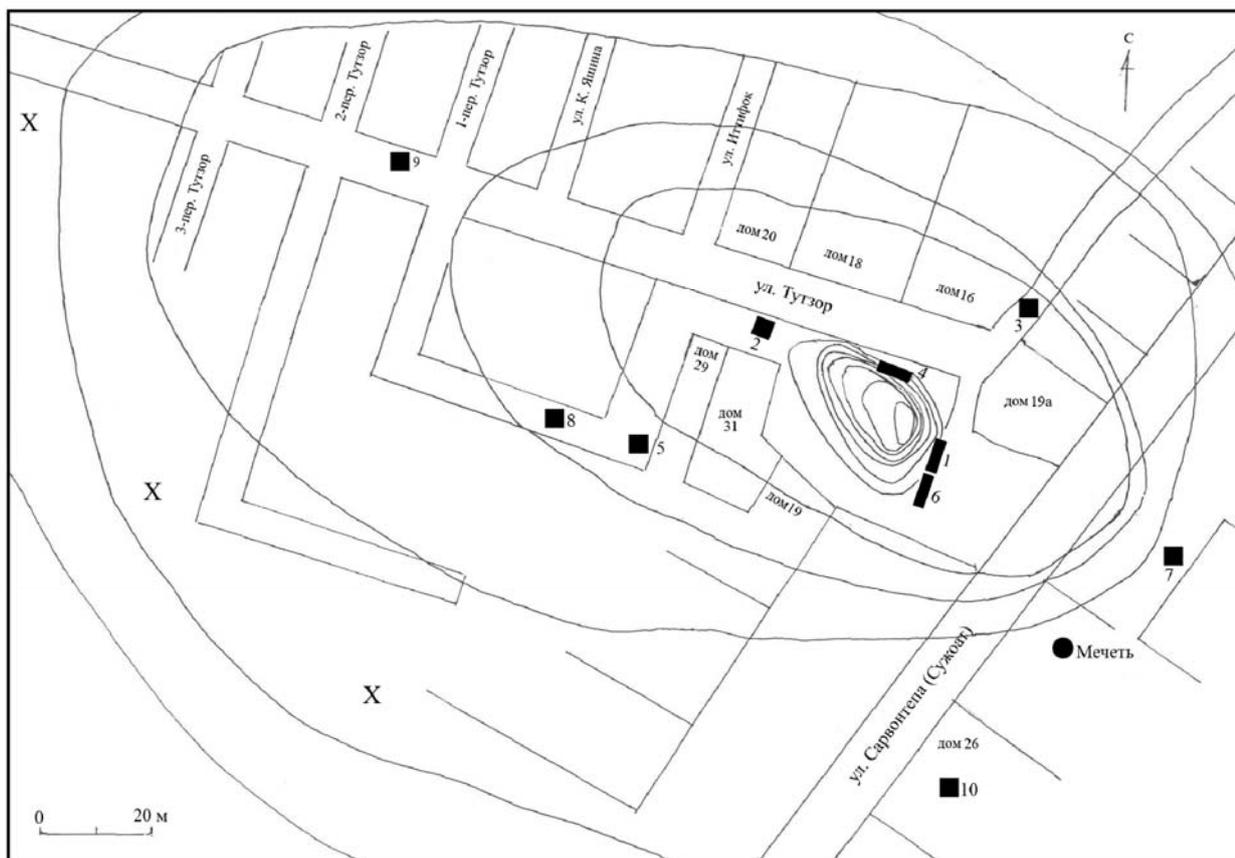

Рис. 1. Сарвантепа и месторасположения шурфов

комплекс названный нами **Сарвантепинским** разделен на два этапа - Эйлалан I и II. Ранний этап представлен, в основном, лепной, иногда расписной керамикой и редко станковой, но при отсутствии красноангобириванной станковой керамики. Этот комплекс датируется VI-V вв. до н.э. (рис. 2). На втором этапе (Эйлалан II) при сохранении лепной посуды, отсутствует расписная, увеличивается количество станковой керамики. Эти находки датируются IV-III вв. до н.э. (Матбабаев, 2005. С. 111-122). По археологическим наблюдениям сарвантепинский комплекс прослежен на нескольких гектарах. Подобные ранние культурные слои пока еще не обнаружены под напластованиями ни одного другого современного исторического города долины. Выявление в Андижане археологических комплексов VI-III вв. до н.э. дает возможность сделать три важных вывода: **Во-первых**, с археологической точкой зрения обосновывается, что на территории памятника Сарвантепа 2600-2300 лет назад было основано древнее ядро города в виде поселения земледельцев и ремесленников. **Во-вторых**, выявление памятника проясняет проблему водообеспечения города, так как новые археологические материалы позволяют утверждать, что Андижансай функционировал как искусственный канал уже в VI-III вв. до н.э. **В-третьих**, можно внести существенную поправку на доминировавшее до последнего времени мнение о необходимости искать древние слои города в его

восточной части, так как новые материалы показывают на их расположение в его **северо-западном участке**.

Необходимо отметить, что расположение древнего ядра Андижана, на месте Сарвантепа имеет под собой определенную основу. Нам представляется, что главным импульсом в возникновении ранних городов именно в восточной части долины являлись удобные условия для древнего земледелия Карадарьи. Именно в ее верхнем и среднем течении археологически отмечены ранние города эпохи поздней бронзы и раннего железа, а с VIII-VII вв. до н.э. - элементы оазисных государств (Матбобоев, 2002а. С. 3-11). Сюда входят такие археологические памятники, как Дальверзин, Ашкалтепа, Ахшар (XII-VII вв. до н.э.), городище Эйлатан, поселение Сарвантепа (VI-III вв. до н.э.). Дальверзин, расположенный в северо-восточной части села Аим Джалакудукского района Андижанской области, по заключению большинства историков-археологов признан древнейшим городом долины (Машрабов, Матбобоев, 2004; Сагдуллаев, 1996. С. 103). Этот вывод подтверждается результатами археологических раскопок, проведенных предшествовавшими исследователями до 1980-х годов и так же нашими исследованиями, проведенными в 2003-2005 гг., где выявлен ряд признаков раннего города.

Городище Эйлатан (площадь 200 га), возведенное в период раннежелезного века (VI-III вв. до н.э.) и функционировавшее в раннеантичный период, сыграло активную роль на последующем этапе урбанизации долины. Время существования Сарвантепа, Эйлатана, Андижана соответствует одной эпохе, территориально они располагались в зоне «ранних городов Ферганы».

II период. Древний период хронологически охватывает последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Археологические материалы этой эпохи зафиксированы на памятниках Сарвантепа, Чордона, Ганчтепа, Коштепа. Однако, по неясным причинам, на территории Андижана пока незначительно представлены материалы II-III вв. н.э. - времени расцвета **Даваньского** государства, где по китайским источникам находилось более 70 городов различной величины (возможно, какую-то часть из них составляли укрепленные сельские поселения - М.Б.). Столица этого государства Эрши (руины Мингтепа в центре современного Мархаматского района) расположено в 28-30 км южнее Андижана и ее местонахождение признано большинством ученых-фергановедов (Заднепровский, 2002. С. 194-197; Gorbunova, 1986; Ташбаева, 2005. С. 156-166).

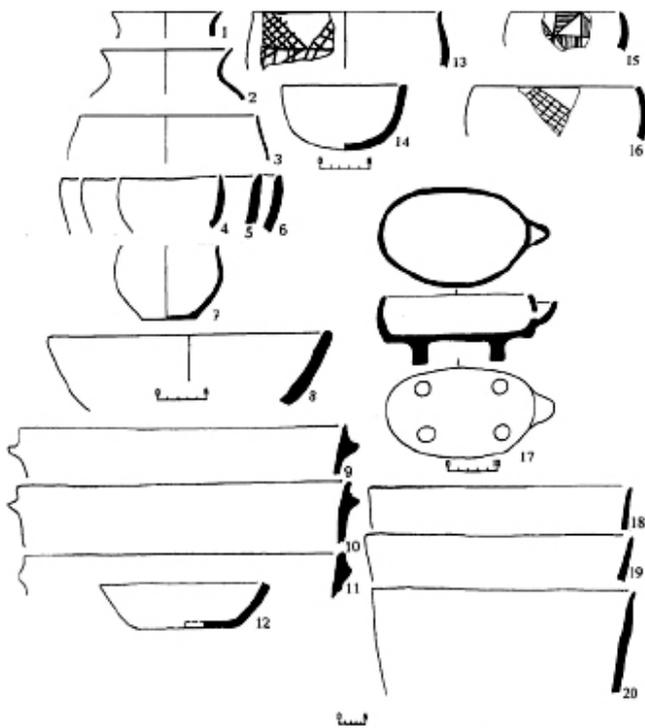

Рис. 2. Сарвантепа. Материалы раннего I периода

III период. В раннесредневековый период (V-VIII вв.) территория города была расширена, вследствие строительства в пригородной части замков крупных землевладельцев - дехкан. Материалы этого периода зафиксированы и изучены на Сарвантепа, Чордона и Яккатепа. Раннесредневековые комплексы состоят из изделий гончарного производства и хронологически делятся на два этапа - V-VI и VII-VIII вв. Среди них отметим фрагмент керамики с древнетюркской тамгой. Подобная находка для Андижана не является первой. Так, еще академиком Я. Гулямовым здесь был обнаружен фрагмент керамики с тюркской рунической надписью, который хранится в Ташкентском музее истории народов Узбекистана (Булатова, 1972. С. 62). Все это еще раз подчеркивает, что в Андижане с этого периода присутствовал тюркоязычный пласт населения.

IV период. Имеется несколько письменных источников, освещающих средневековую историю города. В них его название после X века представлено как «Андукан», «Андуган», «Андиган», «Андикан». Самый ранний источник, где упомянут термин «Андукан» зафиксирован в книге «(Китаб) Масалик ва-мамалик ал-Истахри», написанной в 930-933 гг. Это название было отмечено при перечислении городов Нижней Нисы области Ферганы (МИКК, 1973. С. 31). У Якута ал-Хамави (1179-1229) он также встречается в форме «Андукан» (Бўриев, Вахобова, 1998). Позже, в XV в. в источниках название города зафиксировано как «Андаган» (Бартольд, 1965. С. 534). Существуют различные точки зрения по интерпретации топонима Андижана. По мнению С. Джалилова, название города связано с термином "адок". В книге «Луғати чигатойи ва турки усмони», зафиксировано, что «Адок - есть древнее название города Андижан». Следует добавить, что Махмуд Кашгари в своем произведении «Девону луғатит-турк» также отмечал, что «Азгиш (Адгиш)» есть название местности. Все перечисленные термины имеют общий корень «ад», который происходит от древнетюркского названия одного из 92 узбекских родов «адок, адгиш» (Жалилов, 1993. С.13-15). Видимо, к корню «Ад» позже добавлено «н» и в результате фонетических изменений он принял форму «А(н)дгон» или «А(н)дигон». Такие изменения в топонимике встречаются часто: Рушидон-Риштан, Баб-Паб-Пап и т.д. Однако среди 92 узбекских родов не встречается название, близкое к топониму Андижан (Султанов, 1972. С. 165-176; см. также; Заки Валидий, 1992. С. 110-113). По мнению академика А.Р. Мухаммеджанова, в топониме Андижан, первая часть «анди (анду, анда) -

«андиехи анда» считается тюрко-монгольским термином и означает «близкий», «недалекий». Здесь следует отметить интересный факт, что до сих пор употребляется выражение «куда-анда», которое на узбекском языке подразумевает «якин кариндош бўлмок (стать близкими родственниками). Вторая часть «гон, кон, жон» является гидронимом и имеет смысловую нагрузку «сай, река». Следовательно, название города означает местность «у реки (сая)» или «близкий к воде (реке-саю)» (Мухаммеджанов, 2002. С. 157-163; он же, 2004). Нам представляется, что последняя версия наиболее обоснована и близка к истине.

Археологических материалов IX-XII вв. представлено незначительно. Они выявлены при хозяйственных работах на территории современного старого города. Так, при строительстве медицинского института обнаружены стеклянные изделия и остатки квартала керамистов (Брыкина, 1968. С. 255; она же, 1974. С. 104). Сюда же можно включить декоративные облицовочные кирпичи XIII-XIV вв., обнаруженные М.Е. Массоном возле мечети Джамии, при археологических наблюдениях во время строительства Большого Ферганского канала (Массон, 1940. С. 53). Видимо, к этому периоду относятся и остатки помещения Караханидского периода, обнаруженные под стенами Арка (Абдулгазиева, 1993. С. 7).

После монгольского завоевания Андижан продолжает сохранять статус крупного города Ферганской долины. В.В. Бартольд писал: «Упомянется (Андижан) уже в IV/X в. как Андукан; в конце VII/XIII в., по-видимому, вновь отстроен монгольскими правителями Тувой (Дува - М.Б.) и Хайду (XIII в.)» (Бартольд, 1965. С. 326). Действительно, при Дувахане, сыне Кайду-Сахина, в Андижане были осуществлены заметные созидательные работы. Дува-хан уделяет большое внимание Андижану как стратегическому пункту на международной торговой трассе, соединяющей Среднюю Азию с Китаем. В «Анониме Искандера» Муин ад-Дин Натанзи о Дува-хане имеется следующее сообщение: «Был очень умным, добродетельным, могущественным, прозорливым и обладающим большими достоинствами государем... он построил несколько больших городов, в том числе область купола ислама-Андуган» (Куббат-ул-ислам - М.Б.) (МИКК, 1973. С. 115-116). При Дува-хане в городе было построено много мечетей, медресе и он сделал его столицей Ферганы. По сведениям С. Джалилова, до недавнего времени сохранялись руины мечети Дувахана. Видимо, на месте последней, по заключению этого автора, находилась мечеть Рушнаби, упоминаемая в письменных источниках (Джамал ал-

Карши, 2006. С.34). В этот период в Андижан были переселены отдельные монгольские роды. В частности, Абд ар-Раззак Самарканди в своем произведении сообщает, что в город прибыли тысячи представителей монгольского рода «кадак» (МИКК, 1973. С. 153-154). В результате, в Андижане появилось множество махалля и кварталов (даха), связанных с ними. Об этом свидетельствуют некоторые названия, сохранившиеся на территории современного Андижана, например: Кирлик, Чувалачи (Жубалачи), Кунжи (Кўнжи), Бугра, Сарой, Найман (Жалилов, 1993. С.18). Возможно, что исследованные нами средневековые погребения на Чордонатепа принадлежали именно этим жителям города, так как в трех из исследованных могил обряд захоронения резко отличается от погребений этого периода. В указанных могилах захоронение производилось в гробах и с сопроводительными материалами (железные наконечники стрел, керамический сосуд, посеребряные монеты). По мнению нумизмата А.Х. Атаходжаева, эти монеты отчеканены в конце XIII - начале XIV вв. и относятся к группе «монет Чагатаидов». Мы считаем, что эти захоронения принадлежат осевшим кочевникам, а сопроводительный материал указывает на то, что они еще не исламизировались. В этом плане интересны результаты предыдущих работ на Чордонатепа археолога Б. Абдулгазиевой, которая обнаружила погребения в деревянных гробах (Абдулгазиева, 1999. С. 99-100). Обычно такие захоронения, по мнению Ю.А. Заднепровского, сопровождалось инвентарем, состоящим из конской упряжи, положенной в могилу по погребальному обряду кочевников, который связан с кипчаками (Заднепровский, 1975. С. 276-280).

С завершением монгольского господства в 1377 г., в истории Андижана начался новый этап - период правления Темуридов. Амир Темурид передал во владение своему сыну Омаршейху города Андижан и Узген с двенадцатью туманами (Жалилов, 1993. С. 18-19). В этот период Андижан являлся резиденцией правителя (Бартольд, 1965. С. 326). Исследованиями определены места расположения цитадели, шахристана и рабада, являвшихся составными частями города. На территории шахристана изучено монументальное сооружение XIV-XV вв., украшенное майоликой (Абдулгазиева, 1990. С. 91-96). Археологические исследования отдельных участков оборонительных стен города подтвердили их возведение в XIV в. и то, что в последующем стены несколько раз ремонтировались. В частности, стены цитадели проходили в границах современных улиц Пайтуг, Кизил Шарк, Трактор, Ташкилот (махалля

«Арк ичи») и, как отмечено выше, охватывали площадь в 10 га. Северная стена шахристана в направлении с запада на восток проходила по улице Т. Кельдиева до махалля «Карабура» и поворачивалась на юг. Восточная стена проходила вдоль проспекта Чулпан (от обувной фабрики до парка им. А. Навои), возле местности «Акмачит» и соединялась с южной стеной. Южная стена с востока на запад доходила до пересечения улиц Ташкилот и Кизил Шарк, где соединялась с западной стеной, охватывая южную стену арка (рис. 3). Западная стена, пересекая гузар Умарбек (ул. Алтынкульская), соединялась с северной стеной в районе махалля «Дарвоза огзи». Таким образом, в пределах границ вышеперечисленных улиц современного города располагался средневековой шахристан площадью 100 га (рис. 4). План шахристана был восстановлен А.К. Писарчик по сохранившимся фрагментам стен и опросу населения. Сюда исследованиями С. Джалилова и Б. Абдулгазиевой были внесены дополнения и некоторые изменения (Писарчик, 1956; Абдулгазиева, 1993, рис. на стр. 8; Жалилов, 1993. С. 71).

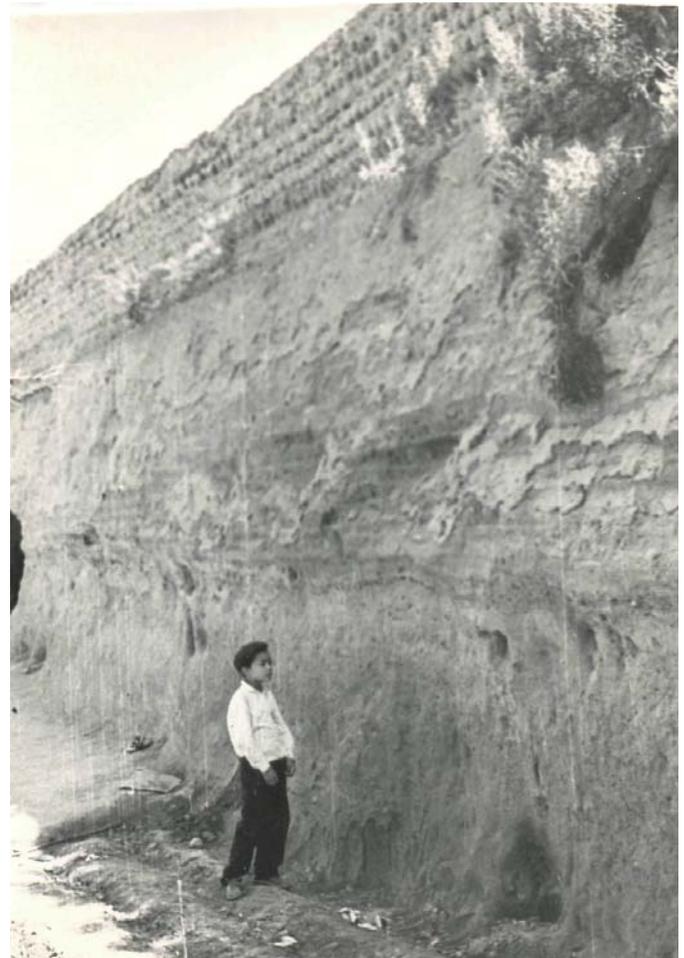

Рис. 3. Стена позднесредневекового Арка. Вид со двора дома Неъматжон Сурнайчи (ул. Аркичи, махалля Тандирчи). 60-годы XX века.

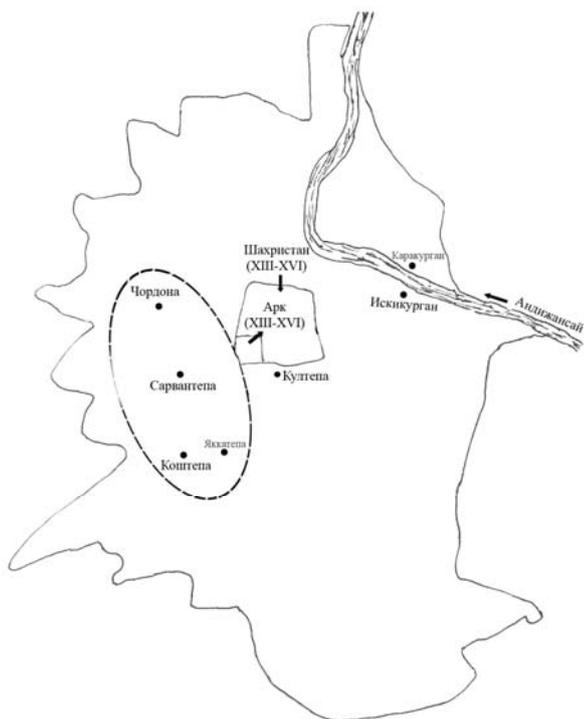

Рис. 4. План позднесредневекового Арка и Шахристана, составленный по данным А.К. Писарчик и археологических памятников Андижана

Впоследствии стены Арка Андижана подверглись дополнительным исследованиям нескольких археологических отрядов под руководством Г. Дадабаева, позже Б. Абдулгазиевой и Б.Х. Матбабаева (Дадабаев, 1975; Абдулгазиева, 1993. С. 5-7; Абдуллаев, Матбабаев, Машрабов, 2003. С. 13). В 1981-1982 гг. вскрыто 40 метров южной стены арка (Абдулгазиева, 1993. С.5; Машрабов, Жалилов, 1983). Последними археологическими раскопками на территории современного кладбища за домами № 41 и № 43 по улице Ташкилот, также выявлена южная стена цитадели шириной по основанию 5,75 м и по верху 5,3 м, при сохранившейся высоте 2,2 м (Матбабаев и др., 2003). На основании находок стена возведена в XIV в. и функционировала до XVIII в. По сведениям средневекового историка Абд ар-Раззак Самарканди стены Андугана (Андижана) были построены темуридом Омаршайхом в 779 году хиджры (1377-1378 гг.) (МИКК, 1973. С. 153). По мнению В.Д. Жукова, эти стены возведены на культурных слоях караханидского периода (Жуков, 1951. С. 74). Археологиче-

ские материалы XV-XVII вв. выявлены на территории махалли «Арк ичи» и мечети Джамии в старом городе. Наиболее полные сведения об Андижане периода Бабура и Бабуридов представлены в «Бабурнаме». Он родился и вырос здесь, поэтому об Андижане дается бесценная информация. «Это – столица области Ферганы... В Мавераннахре, кроме Самарканда и Кеша, нет крепости больше Андижана. В городе трое ворот, арк Андижана находится на южной стороне. Вода поступает (в город) по девяти каналам...» (Бабурнаме, 1993. С. 29-30). В настоящее время благодаря усилиям С. Джалилова определено местоположение 9 упомянутых им арыков, (Хакан арык, арык Бурхан шейха, Хотан-арык, арык Жуйибазар, арык Бугра, Дальварзин-арык и арыки Ак Рабат, Тукмак, Куштегирмон) (Жалилов, 1989. С. 27). Однако, до сих пор схема расположения древних или вышеперечисленных арыков составлена не была. В настоящее время, используя имеющиеся данные, нами подготовлена примерная схема расположения основных магистралей (рис. 5). Эти данные и имеющиеся археологические материалы еще раз подтверждают наши заключения об орошении древней части и средневекового Андижана водами Андижансая. Это подтверждают и высотные отметки Андижансая: в районе «озера» 108 метров над уровнем моря, а у подножия Сарвантепа 90,50 метров (разница высот составляет больше 17 метров). Видимо, Сарвантепа обеспечивалась водой канала

Рис. 5. Магистральные арыки, выведенные из Андижансая (конец XIX в.)

(арыка), выведенного из Андижансая. Дата этого ирригационного сооружения - середина I тыс. до н.э. - не вызывает сомнений. Это позволяет допустить мнение о существовании других памятников древности между Сарвантепа и Андижансаем, о чем свидетельствуют некоторые археологические находки (Абдулгазиева, 1993. С. 11, 13).

В «Бабурнаме» из трех упомянутых ворот отмечены только – Хакан дарвоза (Южные или Хаканские ворота) (Бартольд, 1965. С. 213). Правда, при описании политических событий приведено название еще одних ворот – «Мирза дарвоза»⁵. Историк-краевед С. Джалилов, много сделавший в изучении Андижана, определяет местонахождение Хакан дарвоза в юго-западной части города. Видимо, в северной части были ворота в сторону Ахси. До сих пор среди населения эта местность называется «Дарвоза огзи» - начало (порог) ворот (Жалилов, 1989. С.53; Абдулгазиева, 1994. С.155-156). Что касается местоположения третьих ворот, то оно пока остается неизвестным. Предполагается, что они находились в восточной части Андижана. Следует также отметить, что Хаканские ворота упомянуты в более позднем (XVI-XVII вв.) источнике «Тарих-и Кашгар». Там читаем следующее: «Мирза Шахид Чурас по прозвищу Чалба был правителем Аксу. Заняв (местечко) Куль-Тюбе у Хаканских ворот, он поставил (там) шатер для хана. Шахбаз-бек был правителем в Кашгаре, (а) эмиром эмиров был Йолбарс-хан. Они быстрым натиском взяли городские ворота (и) разграбили Андижанскую крепость» (МИКК, 1973. С. 221). Об этом периоде истории Андижана существует еще ряд исследований.

V период (XVI-XVIII вв.). Материалы этого времени выявлены в большинстве частей города при хозяйственных работах. Археологические материалы этого периода были зафиксированы в шурфах, заложенных на улицах Тутзор, Иттифок, Суджоат, Кизил Шарк в 2001-2007 гг. Комплексы представлены фрагментами позднесредневековой керамики, в некоторых случаях китайским и русским фарфором. В этот период он становится одним из крупных городов Средней Азии и торгово-экономическим, культурным центром Ферганской долины. Как отмечает В.В. Бартольд, в XVII в. «Андижан», по главному городу называли и всю область (слово «Фергана» употреблялась только в книгах)» (Бартольд, 1965. С. 215).

Другим важным источником, связанным с историей города являются отчеканенные здесь монеты. Самые ранние из них выпущены в 358-359 гг. хиджры (968-970 гг.), но отдельные нумизматы относятся к этому с сомнением (Кочнев, 1989.

С. 53-55). Позже в конце XIII в. в обращении появляются новые монеты, отчеканенные в Андижане, Маргинане, Оше и Ходженте (Давидович, 1972. С. 64-70, табл. 10-11). В эту группу можно включить упомянутые выше посеребряные образцы монет, обнаруженные в Андижане в 2002 г. Здесь же в XV в. имелся крупный монетный двор и выявлен чекан четырех видов монет (Шпенева, 1991. С. 207-211; она же, 1997. С. 6).

Андижан, как и все среднеазиатские города, состоял из нескольких территориальных единиц. В конце XIX - начале XX вв. в нем находилось четыре квартала (даха): 1. Сой (северная часть), 2. Уйлик (западная часть), 3. Олайлик (южная часть), 4. Кирлик (восточная часть) (Жалилов, 1989. С. 42). Жилые кварталы членились на гузары (их было больше 20 и соответственно около 150 махаллей).

Основываясь на археологических, этнографических и топографических материалах, можно предложить следующие этапы развития городской культуры Андижана:

I период. Возникновение древнего ядра города (VI-V вв. до н.э.);

II период. Античный город (IV в. до н.э. - IV в. н.э.);

III период. Раннесредневековый город (V-VIII вв.);

IV период. Средневековый Андижан (IX-XV вв.);

V период. Позднесредневековый Андижан (XVI- XVIII вв.);

VI период. Андижан нового времени (XIX-XX вв.).

Таким образом, историко-археологические исследования процессов урбанизации Андижана показывают, что город в своем развитии прошел длительный эволюционный путь от небольшого поселения до крупного урбанизированного центра. Результаты работ позволяют сделать нам следующие предварительные выводы:

1. Андижан появляется в плодородной части долины, где выявлены самые ранние земледельческие поселения чувствской культуры (XII-VII вв. до н.э.), наглядным примером чему служит наличие самого древнего города Ферганы – городища Дальверзин (Матбабаев, 2002б. С. 77-78);

2. Город располагался на стратегически важном участке международной торговой трассы, играя важную роль в торговле между Китаем и Средней Азией;

3. В развитии города наблюдаются как общие, так и локальные особенности урбанизационных процессов, характеризующихся в целом по Фергане.

Сноски

1. Они появляются в средневековом периоде: см. Материалы по истории киргизов и Киргизии (МИКК). Вып. 1. М., 1973. С. 31, 105, 116, 160; Матбабаев Б.Х. Основные письменные источники по средневековой истории города Андижана // «Ўзбекистон тарихи ва археология фанининг долзарб муаммолари» республика илмий конференцияси материаллари. Самарканд, 2003. С. 74-78.
2. При археологических работах в Андижане принимали участие: Б.Х. Матбабаев (руководитель работ), Г.П. Иванов, Б. Абдулгазиева, С. Жалилов, Б. Абдуллаев, З.З. Машрабов, К. Рахимов, Х. Хошимов и студенты исторического факультета Андижанского государственного университета им. З.М. Бабура.
3. Копия В. Колодовкина, сделанная по карте, снятой в 1893 и 1913 гг. землемером Андижанского уезда А. Стариковым.
4. Еще один археологический памятник на территории города – могильник (I-VI вв.) зафиксирован и раскопан Б. Абдулгазиевой на проспекте Навои. Вскрыто семь погребений катакомбного типа (Абдулгазиева, 1980. С. 444).
5. О Мирза Дарвоза упомянуто еще в другом источнике, см: Агзамова Г., 2007. С. 97.

Использованная литература

- Абдуллаев Б., Матбабаев Б.Х., Машрабов З.З. Десятый сезон археологических раскопок в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане. 2002. Вып. № 3. Ташкент, 2003.
- Абдулгазиева Б. Могильник Андижан // Археологические открытия. 1979. М., 1980.
- Абдулгазиева Б. Отчеты Андижанского археологического отряда за 1981-1984, 1987 гг. Архив Института археологии АН РУз. Шифр хр. Ф.8. Д. 134-135, 139.
- Абдулгазиева Б. Раскопки в средневековом шахристане г. Андижана // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Абдулгазиева Б. Андижон Бобур даврида. Андижон, 1993.
- Абдулгазиева Б. О чорбагах Андижана эпохи темуридов // Мирзо Улуғбек ижоди ва унинг жаҳон цивилизациясида тутган ўрни. Маърузалар тезислари. Самарканд, 1994.
- Абдулгазиева Б. Могильник XIII-XIV вв. Чордона в Андижане // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып. 2, Бишкек, 1999.
- Агзамова Г. Место Маргилана в урбанизационных процессах, происходивших в Ферганской долине в XVIII – первой половине XIX в. // O`zbekiston tarixi. №2, 2007.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Бабурнаме. Бабурнаме (Записки Бабура). Ташкент, 1993.
- Бартольд В.В. Работы по исторической географии. Т. III. М., 1965.
- Брыкина Г.А. Стекло Карабулакского городища // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1972.
- Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент. 1972.
- Буряков Ю.Ф. Модель формирования городских систем контактных зон (по материалам древнего Чача) // Мерв в древней и в средневековой истории Востока. ТД. Ашхабад, 1990.
- Буряков Ю.Ф., Радилиловский В.В. Динамическая и статистическая модель процесса урбанизации по материалам Ташкентского оазиса // Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф., Квирквелия О.Р., Радилиловский В.В. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. Ташкент, 1988.
- Бўриев О., Вахобова Б. Езма манбалар ал-Фарғоний хақида. Тошкент, 1998.
- Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масуд-бека (XIII в.). М., 1972.
- Дадабаев Г. Отчет Андижанского археологического отряда по составлению Свода археологических памятников Андижанской области за 1975 г. // Архив Института археологии АН РУз. Шифр хр. Ф. 8. Д. 47.
- Джамал ал-Карши. Мулхакат ас-Сурах. Перевод с арабского и примечания Саидова Абдукаххора. Душанбе, 2006.
- Жалилов С. Андижон. Тарихий ўлкашунослик очерки. Тошкент, 1989.
- Жалилов С. Бобур ва Андижон. Тошкент, 1993.
- Жуков В.Д. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // Тр. института истории и археологии АН РУз. Т. IV. Ташкент, 1951.
- Заднепровский Ю.А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы // ТД сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
- Заднепровский Ю.А. Типы поселений и жилищ Ферганы бронзового века // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. ТД. Л., 1974.
- Заднепровский Ю.А. Кочевнические погребения XIII-XIV вв. в Фергане // Советская археология. № 4. М., 1975.
- Заднепровский Ю.А. О столичных центрах Давани (Древней Ферганы) // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2002.
- Заки Валидий. Ўзбек уруғлари // Ўзбегим. Тошкент, 1992.
- Кочнев Б.Д. Домонгольский город северо-восточного Маверанахра в свете нумизматики // ТД конференции «Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»)». Ташкент, 1989.

- Массон М.Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве БФК // КСИИМК. Вып. IV, М.-Л., 1940.
- Массон М.Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.
- Матбабаев Б.Х. Археологические раскопки в городе Андижане: вопросы возникновения и этапы развития городской культуры в Ферганской долине (заключительный). Отчет, сданный в ЦНИТ при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Самарканд, 2002. Шифр И- 01-99. 157 с.
- Матбобоев Б.Х. Қадимги Фарғонада илк давлатчилик излари // O'zbekiston tarixi. Toshkent, 2002a. № 1.
- Матбабаев Б. Ранний город Ферганы и вопросы начального этапа государственности // Археология, история и культура Средней Азии. Тезисы докладов МНК, посвящ. 60-летию акад. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 2002б.
- Матбабаев Б.Х. Основные письменные источники по средневековой истории города Андижана // «Ўзбекистон тарихи ва археология фанининг долзарб муаммолари» республика илмий конференцияси материаллари. Самарканд, 2003.
- Матбабаев Б.Х. и др. Отчет об археологических исследованиях в г. Андижане в 2002 г. Самарканд, 2003. Архив Института археологии АН РУз. Шифр хр. Ф.8. Д. 180.
- Матбабаев Б.Х. Древние города Ферганской долины (по археологическим материалам) // Материалы научно-практической конференции на тему «Великий шелковый путь и Ферганская долина». Андижан, 2004.
- Матбабаев Б.Х. Новый археологический комплекс эйлатанской культуры Ферганы (к вопросу о хронологии и происхождении) // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005
- Машрабов З., Жалилов С., 1983. Тафаккур хазиnasi // Совет Ўзбекистони. 7 апрель.
- Машрабов З., Матбобоев Б.Х. Водийдаги энг қадимги шаҳар // Ўзбекистон адабиети ва санъати. 16 июл. 2004.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
- Мухаммеджанов А.Р. Андижон топонимининг этимологияси хақида // Шарқшунослик, 2002. № 11.
- Мухаммеджанов А.Р. Шарқ дурдонасининг жилваси // Андижон ешлари. 24 май 2004.
- Писарчик А.К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы // ТИИАЭ Тадж. АН. Т. XLII. Сталинабад, 1956.
- Ртвеладзе Э.В. Формирование городов Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э.-VIII в. н.э.). Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1986.
- Сагдуллаев А. Қадимги Ўзбекистон илк езма манбаларда. Тошкент, 1996.
- Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1972.
- Ташбаева Х.И. К проблеме локализации городов государства Давани // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.
- Шпенева Л.Ю. Медные монеты Андижана и Ташкента XV-XVI в. // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Шпенева Л.Ю. Денежное обращение Ферганы и Шаша в эпоху темуридов (медные монеты XV - нач. XVI вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1997.
- Gorbunova N.G. The culture of ancient Ferghana VI century B.C. – VI century A.D. BAR. International series. London, 2002.

В.Д. Рузанов

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛА ЗАМАНБАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В истории древнейшей металлургии и металлообработки Узбекистана особое место занимает культура Заманбаба. С деятельностью ее кузнецов-литейщиков, а также мастеров горно-металлургического производства в Кызылкумских горах, начинается этап употребления первых металлических изделий на территории нашей страны. Знакомство здешних энеолитических племен с металлом состоялось во второй половине III тыс. до н.э. (Гулямов и др., 1966; Виноградов, Мамедов., 1975).

Как и в других среднеазиатских культурах, где происходил процесс первоначального освоения меди, металлические изделия были редкостью у обитателей заманбабинских памятников. Раскопки двух поселений и одного могильника дали немногочисленную коллекцию вещей. Набор категорий и типов находок невелик. Предметы представлены орудиями труда, украшениями и туалетными принадлежностями (рис. 1). Из орудий труда здесь встречены однолезвийные ножи (в основном их фрагменты), рыболовный крюк и иглолка. Весьма архаично выглядит один из ножей: он сделан из согнутой по длине пластины с накладывающимися друг на друга заточенными краями (рис. 1, 1). Нож имеет выгнутую спинку и вогнутое лезвие. Концы клинка и черенка у этого образца обломаны в древности. Рыболовный крюк, изготовленный из круглой в сечении проволоки, относится к распространенному типу безбородковых крючков с петлей для крепления (рис. 1, 3)¹. Серия украшений представлена булавками, бусинкой и серебряной трубочкой (рис. 1, 5-9). Форма булавок с лопаточковидным навершием традиционная и широко распространена в земледельческих культурах древневосточного типа. Исследователи полагают, что эти булавки могли использоваться как в качестве украшений, так и косметических палочек. Другой категорией туалетных принадлежностей, сделанных из металла, являются зеркала. Заманбабинские зеркала плоские и небольшие до 8 см в диаметре. Они не имели ручки и валика по краю диска. Такая простота формы изделий свидетельствует о несложной технике их изготовления. Подмеченная особенность может служить одним из аргументов глубокой древности заманбабинской металлообработки.

На архаичность металлообработки заманбабинских племен указывает и технология употреб-

ления сплавов. Заманбабинские литейщики не знали искусственных бронз и изготавливали изделия из чистой меди. Анализы металла, проведенные в лаборатории ИИМК АН РФ (бывший ЛОИА) (Гулямов и др., 1966, табл. 3), и наши данные (табл. 1), показали незначительные включения примесей в меди, которые носят естественный характер². Например, содержание олова, свинца и сурьмы в образцах не превышает 0,5%, мышьяка – 1%.

Судя по этим данным, заманбабинские мастера использовали сырье, характерное для производств земледельческих культур древневосточного типа юга Средней Азии. Вместе с тем, некоторые изделия сделаны из металла северного происхождения, который был выплавлен из руды, добытой в Кызылкумском горнорудном районе³. Ко всему этому добавим, что находка фрагмента глиняной литейной формы на поселении 1 (Гулямов и др., 1966, С.161) свидетельствует о наличии собственного металлообрабатывающего производства у носителей этой культуры.

Возникновение металлообработки у заманбабинских племен, генетически связанных с предшествующей кельтеминарской культурой (Гулямов и др., 1966, С.167), как справедливо было отмечено исследователями, обязано южно-среднеазиатскому импульсу, исходившему от древнеземледельческих племен Южной Туркмении. Сопоставление заманбабинского металла с

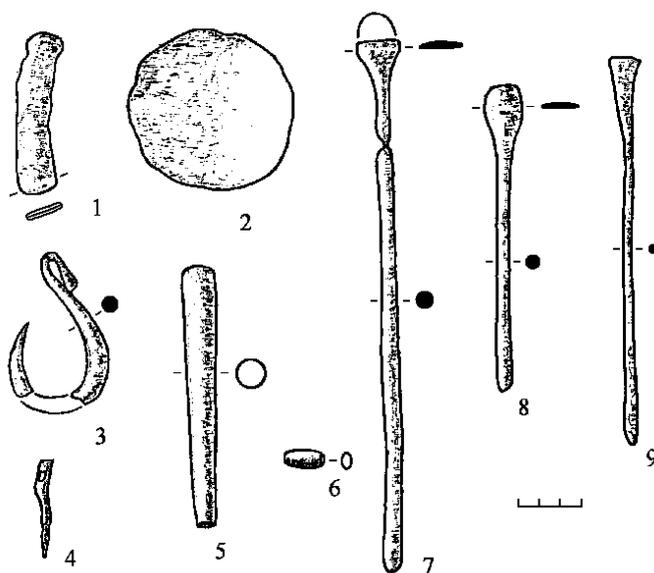

Рис. 1. Металлические изделия заманбабинской культуры

Таблица 1. Результаты спектрального анализа металлических изделий Заманбаба.

Лаб.№	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
18785	Осн.	0,06	0,04	-	0,08	0,004	0,025	0,3	0,07	0,003	-	0,002
18786	Осн.	0,001	0,15	-	-	0,0001	0,025	0,6	0,07	0,005	-	0,001
18787	Осн.	0,0005	0,001	-	-	?	-	0,07	0,07	0,001	-	-
18788	Осн.	0,01	0,8	-	0,005	0,05	0,002	0,3	0,01	0,007	0,001	0,001

металлическими изделиями туркменистанских памятников показало его типологическую, правда, небольшую близость (при максимальном значении 1 критерий сходства составил 0,38) с коллекцией изделий с поселения Ак-депе, расположенном в подгорной полосе Копет-Дага. В этой связи не исключено, что импульс, вызвавший становление металлообработки в культуре Заманбаба, мог исходить из этого района во второй половине III тысячелетия до н. э. Данное свидетельство и отмеченная выше архаичность заманбабинской металлообработки подтверждают правильность даты нижнего рубежа концом III тысячелетия до н. э., предложенной ее исследователями (Гулямов и др., 1966, С.166). Верхний рубеж культуры Заманбаба можно соотнести со временем начала периода бешкентской культуры, который, на наш взгляд, охватывает XVI-XV вв. до н.э. (Рузанов, 1998. С.41; его же, 2000. С.144). Веским аргументом в пользу этого может служить морфологическая близость (с коэффициентом 0,52) инвентаря могильника ранний Тулхар комплексу культуры Заманбаба.

Прекращение металлообрабатывающего производства в заманбабинской культуре, скорее всего, произошло в связи с миграцией ее носителей на юго-восток в Южный Таджикистан. Автор, вслед за А.М. Мандельштамом (1968. С.136), полагает, что племена Заманбабы принимали участие в сложении бешкентской культуры. В дополнение к старым свидетельствам сегодня получены новые факты в пользу генетической связи Бешкента с Заманбабой. Их металлические коллекции роднят следующие черты. Во-первых, сходная ориентация металла на источники сырья: как в Заманбабе, так и в раннем Тулхаре медь связана с южными (ирано-афганистанскими) и северными (кызылкумскими) источниками. Во-вторых, приоритет металла южных источников над северными. В-третьих, наличие в материалах однотипных изделий и отсюда сравнительно высокий коэффициент типологической близости (0,52) между коллекциями этих культур. В-четвертых, повторяющееся в погребальном инвентаре сочетание определенных категорий изделий – это ножей, булавок и зеркал. И, наконец, в-пятых, сходство заманбабинской и бешкентской коллекций с металлом южных земледельческих

племен. Стоит отметить, что среди ныне известных других степных памятников Средней Азии II тысячелетия до н. э. вряд ли можно назвать еще один, металл которого был бы столь близок в типологическом и химическом отношении к продукции очагов земледельческих племен юга Средней Азии, как коллекции Заманбабы и раннего Тулхара.

Вместе с тем имеются резкие отличия в металлургических характеристиках изделий Заманбабы и раннего Тулхара. Мы уже писали, что в заманбабинской металлообработке основным типом сплава была чистая медь. Искусственные бронзы на медной основе литейщикам Заманбабы были неизвестны. В тулхарской же коллекции более половины изделий изготовлены из сплавов с искусственной добавкой олова, свинца и мышьяка. Среди них преобладают оловянистые бронзы. Образцы из чистой меди здесь уступают по своей представительности, хотя их доля также достаточно велика (около 38%). Установленные соотношения типов сплавов в сравниваемых коллекциях, скорее всего, можно объяснить разницей в хронологии и ориентации металлургических связей культур Заманбабы и раннего Тулхара. Заманбабинская металлообработка функционировала в конце эпохи ранней бронзы, в среднем и начале позднебронзового веков. Это время господства чистой меди в практике мастеров среднеазиатских очагов. К тому же, заманбабинская металлообработка была генетически связана с производством копетдагских литейщиков, для коллекций металлических изделий которых характерной особенностью являлось доминирование чистой меди среди прочих сплавов. Время же функционирования тулхарской металлообработки укладывается в эпоху поздней бронзы, когда искусственные сплавы становятся определяющими в металле племен Средней Азии.

Переселившись из низовьев Заравшана в Северную Бактрию (заманбабино-) бешкентские литейщики наладили связи с местным населением. Среди последних наибольшее воздействие на бешкентскую металлообработку оказал сапаллинский очаг. Об этом свидетельствуют рецептурное сходство, близость в пропорциональном распределении образцов источников сырья в коллекциях и высокая степень химического сходства

(0,81) между металлом этих культур. Контакты с ним привели к появлению разных типов искусственных сплавов в практике бешкентских литейщиков. Здесь, как и в сапаллинском комплексе, ведущее место заняли оловянистые бронзы. Влияние металлообработки сапаллинской культуры на бешкентскую проявляется и на типологическом материале.

Однако было бы неверно утверждать, что бешкентские мастера поддерживали металлургические связи только с сапаллинским очагом металлообработки. В инвентаре раннего Тулхара имеются изделия (ножи, наконечник стрелы), которые уводят нас на северо-запад к племенам ан-

роновской культурно-исторической общности.

Вместе с формами в бешкентском комплексе встречается металл, связанный с северными кызылкумскими источниками. Однако в целом воздействия с Севера были не столь сильными, как влияние сапаллинского очага.

Дальнейшая судьба бешкентских племен, на наш взгляд, связывается с племенами вахшской культуры. Вместе с тем какая-то группа бешкентского населения мигрировала в Юго-Восточную Бактрию. Свидетельством тому является погребение бешкентского типа на поселении Шортугай в Северо-Восточном Афганистане (Francfort Н.-Р., 1989).

Сноски

1. Исследователи культуры Заманбаба полагают, что ассортимент орудий труда поселенцев был более разнообразным, нежели тот, который установлен при обследовании памятников. Например, в качестве землекопных орудий они могли использовать тесла-теши. Правда, такое предположение подкрепляется лишь косвенными свидетельствами, зафиксированными на стенках одного из погребений могильника следами, характер которых и стал основой для такого заключения (Гулямов и др., 1966. С.161-162).
2. Спектральный анализ был сделан в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН РФ.
3. В нашей серии проанализированных образцов три изделия оказались химически сходными с металлом южно-среднеазиатских химических групп ЮС Ia, ЮС IIIa и ЮС Ig, а один предмет находит аналогии в меди кызылкумской группы КМ I.

Использованная литература

- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. Л., 1968. №145.
- Рузанов В.Д. К вопросу о хронологии металлического комплекса культуры Заманбаба // ИМКУ. Вып.29. Самарканд, 1998.
- Рузанов В.Д. Новые данные о дате погребений типа «ямы со спуском» Тулхарского могильника // Взаимодействие культур и цивилизаций. Сборник посвящен 70 – летию акад. В.М. Массона. СПб., 2000.
- Francfort Н.-Р. Fouilles de Shortughai. Recherches sur J'Asie Central protohistoriques. – Paris: Ministere des Etrangeres. Centre National de la Pecherche Seientifique, 1989.

Л.М. Сверчков, Н. Бороффка

КОМПЛЕКС ПЕРИОДА ЯЗ II ИЗ БАНДЫХАНА

Около 50 лет назад В.М. Массон по материалам раскопок Яздепе выделил археологический комплекс и, соответственно, период Яз II. Стратиграфически он занимает промежуточное положение между нижними слоями с лепной расписной керамикой периода Яз I и вышележащими слоями с характерными баночными сосудами периода Яз III, относящегося к ахеменидскому времени (Массон, 1959. С. 29–34). Вслед за этим аналогичные комплексы были выявлены и продолжают выявляться на целом ряде памятников юга Центральной Азии, что создает повышенный интерес к дискуссии о хронологии периода Яз II, его месте в истории Востока и даже о праве на существование самого понятия Яз II. Суть вопроса осложняется еще и тем, что, на первый взгляд, керамика Яз II и Яз III практически идентична, и часто много проще объединить оба комплекса в одно целое – Яз II–III, как иногда и происходит, однако более пристальный анализ позволяет специалистам разглядеть их явные отличия.

В Бандыханском районе, расположенном в центре Сурхандарьинской области, имеются памятники всех трех периодов Яз. Археологические исследования здесь начались еще в начале 70-х гг., и тогда же при раскопках поселения Бандыхан II (Бектепа) Э.В. Ртвеладзе впервые обнаружил комплекс керамики, который безоговорочно отнес к периоду Яз II, причем, что важно подчеркнуть, к раннему этапу указанного периода (Ртвеладзе, 1976. С. 97–99, рис. 4; Ртвеладзе, 2007. С. 81–86, рис. 17, 18). Несколько позже А.С. Сагдуллаев обратил внимание на находки в верхнем слое соседнего поселения Бандыхантепа I (Майдатепа) фрагментов керамики типа Яз II (Сагдуллаев, 1978. С. 34).

В 2005 г. раскопки памятников Бандыхана возобновились и ведутся по сей день. На поселении Бектепа (Бандыхан II) был заложен раскоп размером 10x10 м, благодаря которому стало ясно, что под стенами позднеахеменидской крепости сохранились слои поселения, относящегося к периоду Яз II¹.

Нижний слой раскопа – **слой 5** – заполнение землянки или, вероятнее всего, просто углубленной в материке (аллювиальной глине красновато-коричневого цвета) части какой-то наземной конструкции. Представляет собой ромбовидное в плане сооружение размером (в пределах раскопа) 4,1x3,8 м. В процессе обустройства стенкам, тщательно заглаженным, был придан уклон. Глубина

землянки от 35 до 50 см, т.е. 2,2–2,7 м от репера. На полу, в центре и ближе к южному углу, обнаружены разрозненные фрагменты лицевого скелета человека. Заполнение землянки – суглинок, настолько насыщенный органикой, что приобрел ярко-зеленый цвет. Для датировки землянки (слой 5) Бектепа мы имеем две калиброванные радиоуглеродные даты, определенные в лаборатории г. Киль (Германия): 929–822 гг. до н.э. (вероятность 94,4%) – из нижней части заполнения и 900–800 гг. до н.э. – из верхней.

Слой 4 отделяется от слоя 5 тонкой «стерильной» прослойкой песка толщиной 2–3 см, иногда 5 см, в верхней части которой зафиксирована такая же «стерильная» натечная прослойка глины светло-коричневого цвета (до 0,5 см). Выше залегает **слой 4** (толщиной 50–60 см) – суглинок темно-коричневого цвета с включением в верхней части слоя большого количества окатанных камней – галек разных размеров и массой до 20 кг.

Керамический материал из слоя 4 существенно отличается от комплекса ахеменидского времени. Всего в слое найдено 657 фрагментов, 153 из них – венчики и донца (рис. 1): среди последних 16 лепных, т.е. около 10%. Среди новых форм есть 3 приземистые полые ножки ваз (рис. 1, 7–8), 3 тагора, одна из которых имеет следы ремонта (рис. 1, 6), и маленькие горшочки (рис. 1, 9–11). Профилировка венчиков крупных сосудов отличается острыми, клювовидными очертаниями (рис. 1, 12–15); стенки кубков имеют округлые плавные очертания, на венчике одного из них есть пятно жидкого ангоба красного цвета; ручки лепных котлов в слое 4 – длинные, вытянутые (рис. 1, 23). Из каменных орудий найден только шаровидный терочник из серого известняка. Как мы видим, керамический комплекс из слоя 4, при наличии общих признаков, присущих в равной степени и Яз II, и Яз III, определенно тяготеет к периоду Яз II или, по принципу «длинной хронологии», к первой половине I тыс. до н.э.

В слое 5 (заполнении землянки) найдено 646 фрагментов керамики, из них 123 – венчики и донца (рис. 1). Лепных сосудов, по сравнению со слоем 4, больше – 29 форм, что составляет около 23% (рис. 1, 17–23), в том числе широкогорлый котел, имеющий боковой носик-слив с «бородкой» под ним (рис. 2, 21). Точно такие же котлы, только в большем количестве, найдены на поселении Карим-Берды в Юго-Западном Таджики-

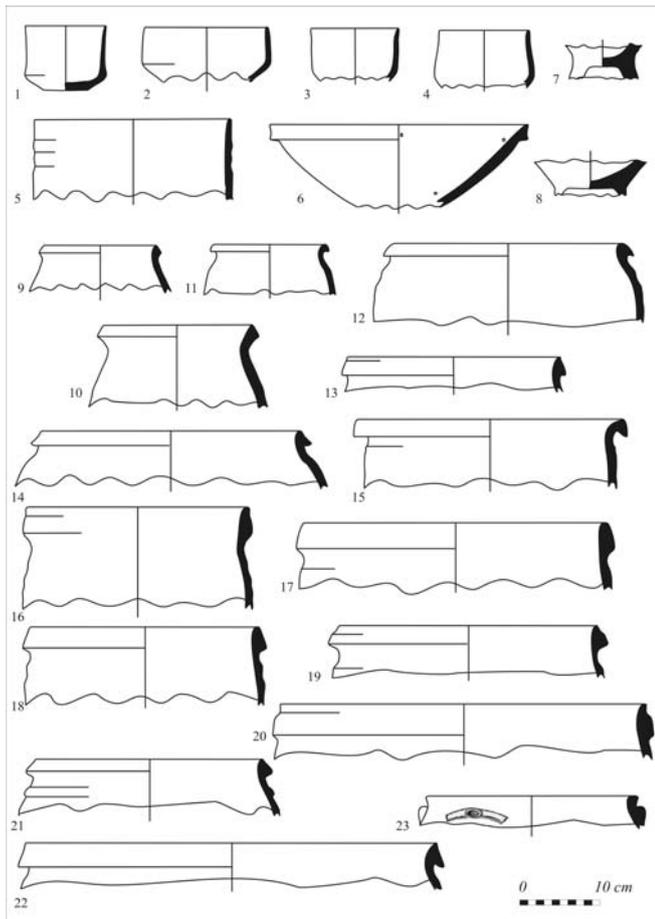

Рис. 1. Керамика периода Яз II из слоя 4 Бектепа

стане, где они, по аналогиям с Кучуктепа IA и IB, датируются временем Яз I (Виноградова, 2004. С. 106–107, 182, рис. 61, 9–11). Среди сосудов из землянки имеются чаши: некоторые – со сплошным лощением внутри (рис. 2, 19), одна – тонкостенная, черного цвета. Есть фрагменты горшков с темно-красным ангобом снаружи или просто с пятном того же цвета, часто внешняя поверхность сосудов высветлена пятнами, образующими своеобразный орнамент. В отличие от Бандыхантепа I, в нижних слоях Бектепа имеются сосуды с тамгообразными знаками: один из них – в виде перевернутого трезубца – прочерчен по сырой глине под венчиком лепного горшка (рис. 2, 17). Внезапное появление в Бандыхане обычая чертить на керамике знаки (в виде ромба и свастики) в период Яз II было установлено еще в 70-е гг. (Ртвеладзе, 1976. С. 99) и может быть связано с возрождением древней традиции эпохи бронзы типа Намазга VI (БМАК). Из прочих находок – 9 так называемых «игральных фишек», сделанных из стенок сосудов. По сравнению с верхними слоями, в землянке найдено больше каменных орудий: оселок из темно-серого сланца, разнообразные терочки и их обломки из известняка, розовато-бурого песчаника и ожелез-

ненного известняка типа сферосидеритов Байсуных гор.

Керамика из заполнения землянки еще дальше отстоит от комплекса из слоев 1–3 (периода Яз III), хотя подоснова у них, конечно, единая – древнебактрийская. Есть отличия и от керамики из слоя 4: в слое 5 полностью отсутствуют так называемые «манжетовидные» венчики, хотя, надо заметить, и в материалах из слоя 4 они представлены единичными экземплярами. Расписная керамика в слоях 4–5 Бектепа полностью отсутствует. В качестве общих аналогов материалам из двух нижних слоев Бектепа можно назвать комплексы из хорошо известных каждому археологу памятников: Яздепе (Массон, 1959, С. 39–41), Кучуктепа 2-го периода (Аскарлов, Альбаум, 1979. С. 101, табл.11; Şajdullaev, 2002. С. 261–262, рис. 9–10) и Кизилтепа (Сагдуллаев, Хакимов, 1976; Сагдуллаев, 1987, рис. 21–22; Сагдуллаев, 1989. С. 37).

Материал из слоя 4, как нам сначала показалось, мог носить смешанный характер, поскольку верхняя часть слоя в позднеахеменидский период была сильно повреждена бутовыми камнями. К

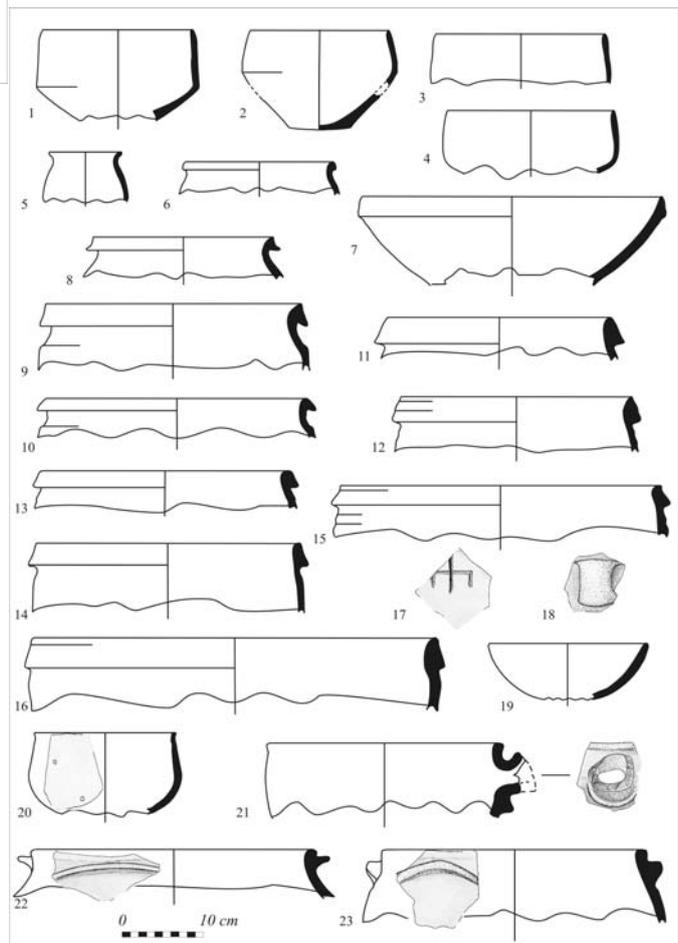

Рис. 2. Керамика периода Яз II из слоя 5 (заполнение землянки) Бектепа

тому же, стерильная прослойка супеси между слоями 4 и 5 недвусмысленно указывает на существование небольшого хронологического разрыва, хотя, по историческим меркам, перерыв не был продолжительным. Однако в ходе более пристального сопоставления обнаружилось явное сходство керамики из слоя 4 с комплексами таких памятников, как собственно Яздепе периода II (Массон, 1959, табл. XXXVII–XL), Кучуктепа периода III (Шайдуллаев, 2000. С. 89–92, рис. 62) и, особенно, усадьбы Кызылча 6 (период Кызыл II) (Сагдуллаев, 1987, рис. 21–22). Внешне очень напоминают венчики периода Яз II фрагменты керамики, собранные в Северном Афганистане (Lyonnet, 1997. С. 368, рис. 29).

Комплекс из слоя 5 находит аналогии только в материалах Кучуктепа периода II (Шайдуллаев, 2000. С. 88, рис. 61) и больше, пожалуй, нигде. Профилировка венчиков сосудов периода Кучук IB (из слоев 21–23 шурфа Кучуктепа) отличается от форм из слоя 5 Бектепа и больше напоминает те сосуды, что были найдены при раскопках поселения периода Яз I Майдатепе (Бандыхан I). Не беремся оспаривать правомерность выделения самостоятельного периода на основании материала из трех прослоек, но в качестве отдельного, заключительного этапа периода Кучук I (соответственно, Яз I) или переходного этапа к периоду Кучук II он, несомненно, имеет право на существование. Как кажется, сам автор упомянутой периодизации, Ш.Б. Шайдуллаев, ссылаясь на данные раскопок нижнего слоя усадьбы Кызылча (период Кызыл I), придерживается этого же мнения (Шайдуллаев, 2000. С. 86). Возможно, фрагменты керамики, найденные в ямах верхнего слоя Майдатепе, находят больше соответствий в материале периода Кучук IB, чем керамика из землянки Бектепа. Напомним, что время обживания Майдатепе датируется по радиоуглеродному методу 1400–1100 гг. до н.э., после чего поселение какое-то время оставалось необжитым, постепенно оплывало и заносилось лессом. Позже в этом слое запустения были вырублены ямы, и в некоторых из них имеются фрагменты керамики периода Кучук II, и, похоже, Кучук IB.

Локальный вариант культуры периода Яз II недавно стал известен в результате разведок в Денауском районе Сурхандарьи, где в четырех точках обнаружены местонахождения керамики интересующего нас времени (Страйд, Сверчков, 2004)². Это Кулолттепа (ON), где собрано 50 фрагментов керамики, из них 50 % станковых (рис. 3, 1–11); Культепа (OQ) – 22 станковых фрагмента и только один лепной (рис. 3, 12–19); безымянное местонахождение (OK), где все 67 фрагментов –

от станковых сосудов (рис. 3, 20–24). Четвертый памятник – Афгантепа (KQ) – расположен неподалеку от знаменитого городища Халчаян. На его поверхности было собрано 46 фрагментов керамики, из которых 34 – станковых сосудов, т.е. лепных – 26 % (рис. 4).

Коллекция из Денау, хоть и отличается в деталях, несомненно, соотносится с комплексами периода Яз II по всем основным признакам, среди которых доминирующим является своеобразный крючковидный профиль венчика. Сравнивая материалы денауских памятников Кучуктепа и Бектепа, видно, что керамика из Денау, отличаясь своеобразием манеры изготовления, в целом аналогична комплексам Кучук II и слоя 5 Бектепа, но, в то же время, имеет сходство с комплексом Кучук IB.

Таким образом, мы имеем два разновременных, последовательно сменявших друг друга комплекса, относящихся к периоду Яз II. Первый из них, более ранний, выявлен в Кучуктепе (этап Кучуктепа II и, может быть, Кучук IB), усадьбе Кызылча (этап Кызыл I), землянке Бектепа и че-

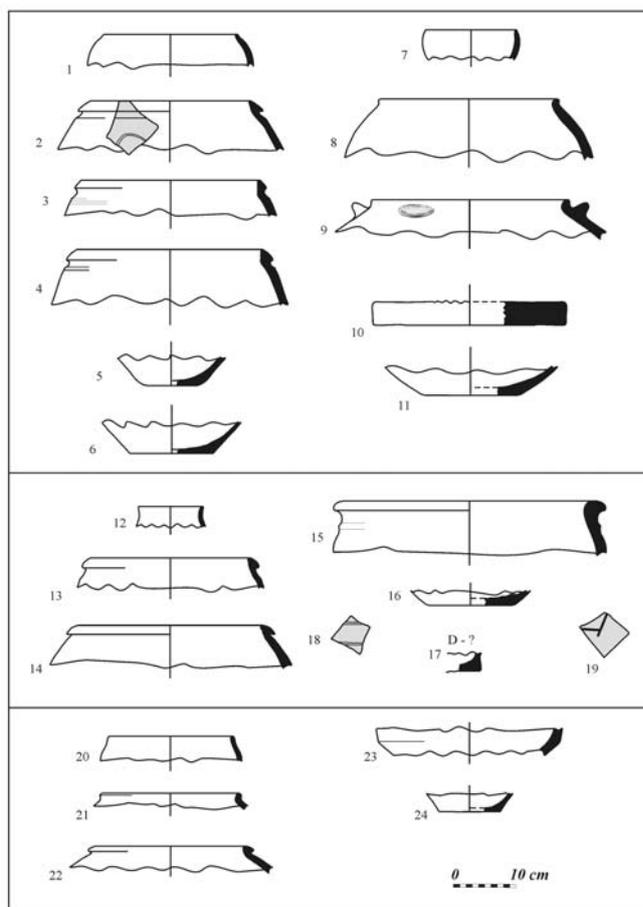

Рис. 3. Керамика периода Яз II из Денау: 1–11 – Кулолттепа (ON); 12–19 – Культепа (OQ); 20–24 – безымянное местонахождение (OK). По публикации Страйд, Сверчков, 2004

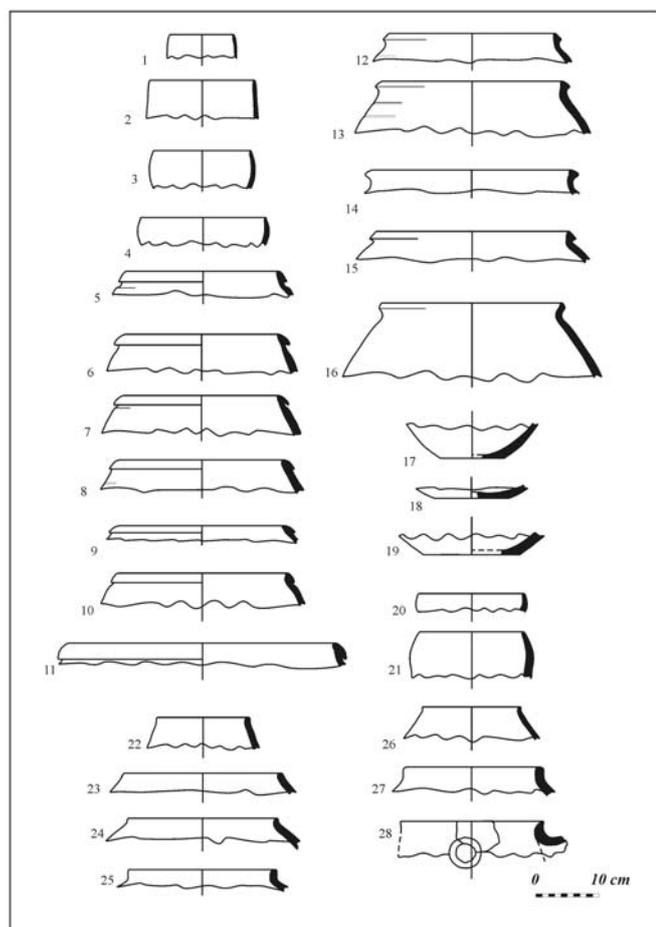

Рис. 4. Керамика периода Яз II из Денау: Афгантепа (KQ). По публикации Страйд, Сверчков, 2004

тырех памятниках возле Денау³. Вероятная датировка раннего этапа Яз II – приблизительно X–VIII вв. до н.э. Керамика этого времени знаменует возрождение традиции, восходящей к культуре Бактрии–Маргианы эпохи средней бронзы. В частности, вновь появляются сосуды с конической придонной частью, полностью отсутствовавшие в период Яз I, когда станковые сосуды, конечно, тоже изготовлялись, но форма их, в подражание лепным, была сферической. Как следует из анализа археологических материалов, комплекс Яз I вообще является в Бактрии и Маргиане совершенно инородным явлением, вклинившимся в естественный процесс развития местной культуры во 2-ой половине II тыс. до н.э. Ш.Б. Шайдуллаев связывает появление комплекса Яз I с миграцией нового этноса, впоследствии полностью растворившегося в среде местного населения (Шайдуллаев, 2000. С. 87).

Ко второму, более позднему этапу Яз II относятся, как мы полагаем, материалы собственно Яздепе, Кучуктепа (этап Кучук III), Кызылтепа и усадьбы Кызылча 6 (этап Кызыл II), слоя 4 Бектепа, а также, возможно, подъемная керамика из

Северного Афганистана. Поскольку слои этого времени располагаются выше слоев раннего этапа Яз II, но ниже Яз III, соответственно, они должны датироваться приблизительно VII–VI вв. до н.э. Только на этом этапе наряду с классической для Яз II манерой изготовления крючковидных венчиков появляются первые сосуды с манжетовидным профилем, столь распространенным в ахеменидский период (Яз III).

Парадокс заключается в том, что базовый памятник – Яздепе, материалы раскопок которого послужили основанием для выделения всего периода Яз II, как видно, не располагает комплексом керамики раннего этапа Яз II. Насколько можно судить по опубликованным данным, дальше к западу от Яздепе керамика как раннего, так и позднего этапов периода Яз II вообще отсутствует. Имеется только один небольшой сбор подъемного материала из Нишапура (Хорасан, Северный Иран), представленный всего шестью фрагментами керамики «периода Намазга VI» (Hiebert, Dyson., 2002. С. 142, рис. 9, 3, 4, 6), однако три из них очень похожи на венчики из Денау раннего этапа Яз II. В целом для Северо-Западного Ирана и Юго-Западного Туркменистана была характерна черно-серая керамика марликовской культуры и ее локального варианта – культуры архаического Дахистана, с которыми связывается происхождение западноиранской этнической группы (Массон, 1984. С. 9).

Наибольший интерес представляет тот факт, что типичная керамика периода Яз II, причем раннего этапа, найдена при раскопках городища Нади-Али в Афганском Сеистане (Ghirshman, 1939. С. 19, рис. IV, N.A. 75). Мы не можем знать, из каких слоев происходят образцы керамики периода II Нади-Али, представленные в публикации Р. Гиршмана, но в ней отчетливо прослеживаются три компонента: Яз I, марликовская культура (или архаического Дахистана) и Яз II. Первая представлена расписной посудой; вторая – черно-серой и, в частности, характерным носиком-сливом с перемычкой; третья – крупным сосудом с типичной для Яз II формой венчика и тулова. Даже в таком, не вполне ясном контексте находка керамики типа Яз II в Нади-Али имеет принципиальное значение уже хотя бы потому, что Сеистан в зороастрийской традиции занимает особо выдающееся положение (Gnoli, 1980. С. 129–136; Gnoli, 1989. С. 46). Руины древнего города Нади-Али близ впадения реки Хильменд в озеро Хамун, которые исследовал выдающийся ученый Р. Гиршман и которые он датировал VIII в. до н.э., многими историками с полным на то правом отождествляются со столицей царства

ранних *кави* (ИТН, 1998. С. 242).

Продолжая развивать логическую последовательность, мы поневоле приходим к выводу о возможности синхронизации периода правления династии ранних *кави* с ранним этапом Яз II (X–VIII вв. до н.э.), и, соответственно, правление династии поздних *кави* должно совпадать с последним этапом Яз II (VII–VI вв. до н.э.). Таким образом, рассмотрение проблемы комплекса Яз II выходит из плоскости чисто археологической и затрагивает невероятно сложные и запутанные аспекты истории происхождения и географии восточноиранского этноса, его философских и религиозных представлений.

В целом предложенная нами схема ничуть не противоречит традиционной хронологии царства поздних *кави* со столицей в Балхе и жизнедеятельности Заратуштры (см. Грантовский, 1987. С. 288–289). Возражения могут возникнуть в среде приверженцев восточноиранской атрибуции общности Яз I, хотя сомнения в верности данного положения у самих сторонников этой теории возникали неоднократно⁴.

География распространения комплекса керамики Яз II, как мы видим, весьма ограничена и ограничена, в значительной степени, состоянием наших знаний. К югу от Амударьи, в Афганистане, несомненно, когда-нибудь еще будут найдены незаурядные памятники периода Яз II. В соседнем Таджикистане в это время, похоже, развивалась иная культура, представленная уже извест-

ными, но трудно датируемыми могильниками: круг аналогий пока ограничен материалом из раскопок поселения Карим-Берды. Территорию к северу от Гиссарского хребта продолжали занимать носители культуры лепной расписной керамики типа Яз I, оттесненные обратно на север другой этнической общностью, археологически представленной комплексом Яз II. В этом смысле керамика Яз II из Сурхандарьи, хотелось бы надеяться, может послужить неплохим индикатором для относительного определения границ Ирана и Турана. Если на юге Кашкадарьинской области, например, в Дехканабадском районе, будут обнаружены местонахождения керамики периода Яз II, аналогичной комплексам Кучуктепа, Бектепа и Денау, тогда, как представляется, можно будет говорить о локализации здесь страны Гава Сугдийская⁵. Похоже, в долинах рек Кашкадарья и Зарафшан традиции Яз I продолжались вплоть до включения в состав Ахеменидской империи, а за ее пределами, в Ташкентском оазисе – до последних веков до н.э., в Ферганской долине – еще дольше, до первых веков н.э.

Мы далеки от мысли о банальном уравнивании: комплекс керамики Яз II = восточные иранцы, но хронология Бектепа и новые археологические данные, хотим мы того или не хотим, заставляют переосмыслить сложившиеся представления и еще раз перепроверить многие, казалось бы, абсолютно устойчивые представления.

Сноски

1. Координаты памятника (GPS): 37° 51' 03,77" с. ш.; 67° 21' 47,49" в. д.; высота 455 м над уровнем моря. Подробнее см. Труды Байсунской экспедиции. Вып. 3. С. 111–122.
2. К сожалению, в публикации таблицы слишком уменьшены, поэтому мы даем их вновь в более приемлемом виде.
3. Возможно, к раннему этапу Яз II относится также вышеупомянутый комплекс керамики из поселения Карим-Берды в Юго-Западном Таджикистане.
4. Одним из «камней преткновения» является наличие домашней свиньи, кости которой постоянно находят на всех без исключения памятниках культур лепной расписной керамики, тогда как в «Авесте» нет даже их упоминания. В землянке Бектепа (около 900–800 гг. до н.э.), по предварительному заключению, имеются кости мелкого и крупного рогатого скота, верблюда и лошади, но костей свиньи нет, хотя в предшествующий период (Яз I) на поселении Майдатапа они были.
5. Возможно, это название сохранилось в имени области Габаза, располагавшейся между Наутакой (верхняя Кашкадарья) и Паретакеной (верхняя Сурхандарья), где ранней весной 327 г. до н.э. из-за непогоды чуть не погибло все войско Александра.

Использованная литература

- Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
- Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Грантовский Э.А. Послесловие к русскому изданию книги М. Бойс «Зороастрийцы. Верования и обычаи». М., 1987.
- ИТН – История таджикского народа. Том I. Под ред. Литвинского Б.А. и Ранова В.А. Душанбе, 1998.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. № 73. М.–Л., 1959.
- Массон В.М. Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984.
- Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976.

- Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.
- Сагдуллаев А.С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
- Сагдуллаев А.С. Основные черты и генезис культуры доантичной Бактрии // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
- Сагдуллаев А.С., Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл-тепа (по итогам работ 1973–1974 гг.) // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Страйд С., Сверчков Л.М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа возле Денау // Transoxiana: история и культура. Ташкент, 2004.
- Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
- Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan (rapport préliminaire) // Revue des arts asiatiques. № 1. Annales du Musée Guimet. Tome XIII (1939–1942), Paris, 1939.
- Gnoli G. Zoroaster's time and homeland. A study on the origins of mazdeizm and related problems. Naples, 1980.
- Gnoli G. Avestan Geography // Encyclopædia Iranica. Vol. III. Edited by Ehsan Yarshater. London & New York, 1989.
- Hiebert F.T., Dyson Jr.R.H. Prehistoric Nishapur and the frontier between Central Asia and Iran // Iranica Antiqua, vol. XXXVII, 2002.
- Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe // Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Vol. 2. Paris, 1997.
- Šajdullaev Š.B. Untersuchungen zur frühen Eisenzeit in Nordbaktrien // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 34. Berlin, 2002.

Хулио Бендесу-Сармьенто, Самариддин Мустафакулов

АРХЕО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ ДЖАРКУТАН

Городище Джаркутан, находящееся на берегах Бустаная (долина Сурхандарьи, юго-восток Узбекистана), располагается на нескольких холмах естественного происхождения. В него входит поселение, располагающееся на севере (холмы №1 и №2), включающее в себя «цитадель», «храм» и другие постройки, равно как и некрополь, захоронения которого сосредоточены, в основном, в южной части (холмы №3, 4А, 4Б, 4В, 4С, 5-7). Раскопки проводились только на Джаркутане-4 в 1970-х годах и в начале 1980-х. По их результатам подготовлен ряд публикаций (Аскаров, 1977), (Аскаров, Абдуллаев, 1983; Аскаров и Ширинов, 1993), (Ионесов, 1990, 1996; Ширинов и Баратов, 1997 и др.). Сравнительно недавно Узбекисано-Германская экспедиция под руководством Д. Хуффа (2000, 2001), Ш. Пидаева, Ш. Шайдуллаева (Хуфф, Шайдуллаев, 1999; Хуфф, Пидаев, Шайдуллаев, 2001) исследовала архитектурные остатки городища и некоторые захоронения. Результаты этих исследований практически не получили достаточного освещения (Каниут, 2006).

На могильнике Джаркутан в 70-80 гг. прошлого столетия было открыто более 1000 захоронений, хронологически относимых к следующим этапам культуры Сапалли: Джаркутан (ранний бронзовый век), Кузали и Моллали (средне-поздний бронзовый век). Антропологические исследования ограничивались краниологическим исследованием костей и сравнениями морфологии (Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1983; Мустафакулов, 1997). Захоронения, относящиеся к Джаркутанскому этапу, являются, в основном, одиночными. В большинстве из них обнаружено довольно много предметов, среди которых тридцать керамических сосудов и несколько каменных и металлических предметов (инструменты, предметы туалета, кремневые наконечники стрел и бусины). Кузалинский этап содержит погребения, в отдельных случаях без никакого материала, а в других - с ограниченным количеством вложений и, помимо предметов обихода, имелись предметы культового назначения. Что касается этапа Моллали, то он представлен множеством детских захоронений. Количество предметов, вложенных в погребения, довольно мало. Встречаются такие погребальные обряды, как возведение кенотафов и кремация.

Обсуждение и посещение памятника в 2005-2006 гг.¹ показали, что площадь открытых захоронений некрополя остается незначительной по отношению к его общей площади, достигающей более 20-ти гектаров. Лишь холмы №4А, 4В, 4С подвергались раскопкам (Аскаров, 1977; Аскаров, Абдуллаев, 1983; Аскаров, Ширинов, 1993; Ионесов, 1996; Ширинов, Баратов, 1997)². Узбекисано-Германская экспедиция работала на холме №3³, в то время как холмы № 1-2, 4В, 5-7 практически не исследовались.

Основные цели повторного открытия некрополя

Значимость исследования определяется охватом значительного в хронологическом плане периода - нескольких тысячелетий от Бронзового до Железного веков, а также обширной, но однородной территории, в которую мы стремимся включить и городище Джаркутан. Вопрос происхождения цивилизации Оксуса в ранние периоды Бронзового века остается нерешенным. Какова была ее динамика? В какой степени на ее генезис оказали влияние иранская прото-эламская цивилизация, культура Намазга (IV) из Туркменистана, дохарапские цивилизации белуджей и харапские цивилизации Инда, а также степные культуры? Развитие цивилизации Оксуса (Бактрии-Маргианы) в апогее бронзового века (средне-поздний) является неистощимой темой для исследований, особенно, что касается взаимоотношений с периферийными областями этого региона. Такие памятники как Дашлы и Сапалли (Западная Бактрия) являются богатыми источниками данных по межрегиональному обмену. Например, в сфере изобразительного искусства отражается наличие связей с соседними регионами Инда и Элама, а также с ирано-месопотамскими современными регионами. Изучение городища Шортугай (Франкфор, 1989) также позволило выявить существование колонии или поселения Индской цивилизации. И наоборот, морфология некоторых предметов из городища Мехргарх в пакистанском Балуджистане имеет сходства с находками из Бактрии и Маргианы. Это позволяет говорить о том, что некоторые группы населения упомянутых регионов могли расселяться поблизости от Инда. Доурбанистические городища Шахр-и Сохта и Мундигак к югу от Гиндукуша

не только отличаются схожими урбанистическими чертами, но и несут следы существовавших обменов с Центральной Азией. Это же можно сказать о материалах Туренг-тепа и Тепа Хиссар, городищ на северо-востоке Ирана. Несмотря на весьма отчетливые местные особенности, эти отдаленные друг от друга регионы поддерживали экономические связи и сохраняли схожие культурные символические элементы.

Период упадка доурбанистической цивилизации Центральной Азии и окончания бронзового века ко второй половине второго тысячелетия до нашей эры остается еще малоизученным, в частности, это касается деликатного вопроса об арийской или индо-иранской миграции в Индию (Кузьмина, 1994). На данный момент речь идет об упадке цивилизации Оксуса в результате так называемого вторжения кочевников андроновской культуры в степные регионы. Данное предполагаемое вторжение повлекло за собой угасание городов, а также более интенсивное заселение разрозненных оазисов. Однако создается впечатление, что кроме некоторых черепков, принадлежащих андроновской культуре, обнаруженных в жилых слоях городских центров южной части Центральной Азии, ничто не подтверждает эту гипотезу, в том числе, погребальные обряды, отражающиеся в одиночных и групповых захоронениях или степень распространения кремации (показателей приверженности маздеизму или ведизму).

Экономические системы и циклы в бронзовом веке возобновились и получили дальнейшее развитие в веке железном, благодаря одомашниванию новых видов животных и растений, более приспособленных к засушливым условиям и распространению использования железа. Несмотря на отсутствие в данный период погребальных ритуалов как таковых, необходимо отметить наличие трех культурных феноменов (Франкфор, 1989): этно-географический (перемещение населения), техно-экономический (упадок ремесленничества) и общественно-идеологический факторы (прекращение межрегионального обмена).

С исторической точки зрения, изучение городища Джаркутан важно потому, что на нем располагается комплекс захоронений, охватывающий все периоды бронзового века (а может и еще более давние), равно как и стратиграфические пласты поздних периодов железного века. Речь идет о важнейшем в понимании хронологической картины всех протоисторических культур Центральной Азии (II–I-ое тыс. до н.э.) элементе, так как Джаркутан является одним из крупных

«комплексов захоронений», которые можно сравнить лишь с городищами Бустан или Гонур-депе в Туркменистане.

Несмотря на интенсивные исследования Джаркутана и получение почти однородных результатов (как минимум схожих по типологии находок), мы склонны считать, что некрополь приоткрыл для нас лишь незначительную часть потенциально имеющейся информации, связанной с погребальными обрядами, исследованиями в области тафономии и биологической антропологии. Для получения большего объема сведений, в наших раскопках и лабораторных исследованиях мы намерены использовать архео-антропологический подход, не являющийся новшеством, но предусматривающий использование модернизированных за последние годы методов работы и параллельных анализов.

Архео-антропология (Дюдэ, 2007) отличается особыми методами работы и своей проблематикой⁴, и остается одним из современных методов полевых исследований в Центральной Азии (Бендезу-Сармьенто и др., 2006). Скелет характеризуется наличием стигматов, отражающих перипетии жизни данного лица, и имеет определенные биологические параметры, которые, возможно, отражались на его социальном статусе (Ларсен, 1997). Остеологическое исследование позволяет определить биологические и морфологические параметры личности (пол, возраст и т.д.), а также некоторые показатели стресса и перенесенных в течение жизни болезней. Эти морфологические показатели указывают на принадлежность к биологической группе, что, в свою очередь, позволит задать вопрос о перемещении населения и биологических обменах между группами. Возможно ли получить ответы на вопросы об исчезновении цивилизации Оксуса вследствие индо-иранского и арийского «завоеваний»?

Общие характеристики обнаруженных захоронений также позволяют узнать многое. Захоронение является свидетельством кризиса внутри «самоутверждающейся» группы (Томас, 1985). Если архео-антропология не имеет возможности узнать обо всех процедурах, проводимых с телом до погребения, то само захоронение и его содержимое могут позволить восстановить особенности ритуала погребения, а также, в более общих чертах, детали проводимых с телом усопшего физических и социальных ритуалов в рамках погребального обряда (Персон, 1999). Различие между захоронениями и занимаемой ими площадью, в том числе по отношению к площади жилищ, очень часто

имеет определенное значение, в особенности на городище Джаркутан, где наблюдается связь со сферой символизма и организацией сообществ прошлого.

Изучение костного материала не является самодостаточной целью. Оно направлено на получение определенных данных. Трудно рассматривать вопрос о том, насколько тот или иной образец костного материала отражает характерные черты остальных материалов некрополя и ныне живущего населения. Именно от ответа на этот вопрос будет зависеть размышление и толкование результатов данного проекта. Именно поэтому столь важно в полной мере выполнить предусмотренные полевые и лабораторные исследования, естественно, по мере возможности, а также архивную работу.

Некоторые предварительные результаты

В рамках первого сезона раскопок было вскрыто три захоронения взрослых, располагавшихся на глубине более 2-х метров, содержащих обильный керамический материал наиболее древнего периода бронзового века, то есть джаркутанского. Два захоронения из трех были разграблены (рис. 1-2), а третье в прошлом было потревожено (рис. 3). Следы, оставленные грабителями, и местоположение некоторых смещенных останков (ненарушенные лабильные [labilis] соединения⁵) указывают на то, что разграбление имело место незадолго после погребения. Это касается, например, захоронения 1001Б, где прямо вытянутое тело находится в горизонтальном, лежачем положении, с согнутыми нижними конечностями (рис. 4), у западной кромки захоронения. Обе берцовые кости соединены весьма слабо. Верхняя часть тела смещена. Тазовая кость лежит почти горизонтально, почти точно совпадая с остальным позвоночником. Сторона, которой обращены позвонки поясничной части, указывает на то, что тело, в том числе позвоночник, изначально было расположено горизонтально и обращено налево. В восточной

стороне располагался череп, с отсоединенной нижней челюстью. Левая плечевая кость лежала горизонтально в центре захоронения. Все кости правой руки соединены более или менее свободно и располагаются у западной кромки. Судя по движению, прослеживаемому по положению тела (костей таза, позвоночника, головы и ее основы), можно отметить, что рука была оторвана и брошена еще тогда, когда она была соединена с плечом (рис. 4).

Также мы отметили, что и после захоронения имела место некоторая деятельность, связанная с ритуалом подношений, например, пищи, которую оставляли между могилами и перед ними, в течение всей истории существования некрополя. Весь археологический материал находится в стадии обработки.

Рис. 1. Захоронение №1001А некрополя Джаркутан

Рис. 2. Захоронение №1001Б некрополя Джаркутан

Рис. 3. Захоронение №999 некрополя Джаркутан

Заключение

Более конкретно, хотелось бы отметить, что раскопки на городище Джаркутан, равно как и изучение человеческих останков, особенно тех, которые были найдены в некрополе, могут принести новые сведения в трех сферах: - касательно мира мертвых, то есть о процессе захоронения

Рис. 4. Деталь захоронения №1001Б. Следует отметить, что верхняя часть тела почти полностью отчленена

тел умерших (обряды погребения) и об архитектуре некрополей;

- касательно мира живых, то есть о биологии древнего населения (морфология, патологические элементы и т.д.), в том числе, благодаря находкам, оставленным в захоронениях предметам;

- касательно исторического процесса изменения групп населения на протяжении всей истории народонаселения, в том числе, благодаря исследованиям генетического наследия (ДНК).

В связи с этим мы считаем, что данные исследования могут привести к получению весьма положительных результатов, как в сфере археологии, так и в области антропологии. При этом надо учитывать, что некрополь, состоящий из нескольких тысяч элементов, был изучен лишь частично.

Сноски

1. Поездка с участием Х. Бендезу-Сармьенто, С. Мустафакулова и Б. Матбабаева.
2. Приблизительная площадь около 2,5 га, по данным советских археологов (Аскарлов и Абдуллаев, 1983 г.). На некрополе №1 (в северной части городища) было проведено лишь частичное зондирование.
3. Около 18 га (Аскарлов и Абдуллаев, 1983).
4. Это позволит собрать биологические, общественные и культурные сведения, которые иначе не могут быть доступны.
5. Иными словами, в данном случае разложение останков происходит весьма быстро. Эти связки включают в себя суставы рук, часть костей ног (плюсна, фаланги), шейные позвонки между С2 и С7, бедренный сустав, лопаточно-грудная связка.

Использованная литература

1. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
2. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
3. Аскарлов А.А., Ширинов Т. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
4. Бендезу-Сармьенто Х. [Bendezu-Sarmiento, J.], Исмагулова А., Байпакова К., Самашева З. De l'âge du Bronze à l'âge du Fer au Kazakhstan, gestes funéraires et paramètres biologiques. Identités culturelles des populations Andronovo et Saka [От Бронзового века к Железному: Казахстан, обряды погребения и биологические параметры. Культурная идентичность населения Андроновской культуры и Сака]. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale [Мемуары французской археологической экспедиции в Центральной Азии], Т. XII, изд-во De Bocard [Де Броккар], Париж, 2007.

5. Дюдэ Х. [Duday, H.]. Lezioni di archeotantologia: archeologia funéraria e antropologia di campo, [Лекции по археотанатологии: погребальная археология и полевая антропология]. Ecole Française de Rome [Французская школа Рима]. 2007.
6. Ионесов В.И. Новые исследования могильника эпохи бронзы Джаркутан 4В, ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
7. Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам современных комплексов II тыс. лет до н.э. Южного Узбекистана). Автореф. дис.... канд. истор. наук. Самарканд, 1990.
8. Ионесов В.И. К изучению погребальных комплексов Джаркутана // ИМКУ, вып. 27. Ташкент, 1996.
9. Каниут К. [Kaniuth (K.).]. Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien, Eurasian [Металлические предметы из металла из северной Бактрии бронзового века]. Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts [Отделение Немецкого археологического института]. 2006.
10. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли Индоарии? Восточная литература. М., 1994.
11. Ларсен С. [Larsen C.]. Bioarchaeology. Interpreting behavior from the human skeleton [Биоархеология. Интерпретация поведения по скелету человека], Cambridge University Press, Нью-Йорк, 1977.
12. Томас Л.В. [Thomas L.V.]. Rites de mort. Pour la paix des vivants [Обычаи, связанные со смертью. Умиротворение живых.], Fayard. 1985.
13. Франкфор А.П. [Francfort H.-P.]. Fouilles de Shortughai recherches sur l'Asie centrale protohistorique [Раскопки памятника Шортугай, исследования протоисторической Центральной Азии], Diffusion de Boccard [Распр. Де Броккар], Париж, 1989. 2 тома.
14. Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана, Ташкент, 1980.
15. Хуфф Д. [Hüff D.]. Tempel oder Palast? Dscharkutan – Monumentalbauten und Siedlung im bronzenzeitlichen Baktrien, [Храм или дворец? Джаркутан – монументальное здание и поселение в Бактрии бронзового века]. In: Archäologische Entdeckungen. Die Forschungen des Deutschen Archäologischen Instituts im 20. Jahrhundert 1. [Исследования Немецкого археологического института в 20-м веке] (Mainzé 2000), 2000.
16. Хуфф Д. [Hüff D.]. Bronzezeitliche Monumentalarchitektur in Zentralasien, [Монументальная архитектура бронзового века в Центральной Азии]. Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder-und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. [Миграция и культурные обмены. Изменения в культурах Ближней и Средней Азии на рубеже 2-го и 1-го тысячелетия до н.э.], Бонн, 2001.
17. Хуфф Д., Пидав Ш., Шайдуллаев Ш. [Huff D., Pidaev Sh., & Shaydullaev Sh.]. “Uzbek-German archaeological researches in the Surkhan Darya region” [Узбекско-германские археологические исследования в Сурхандарьинской области], In : Leriche P., Pidaev Sh., Gelin M., Abdullaev K., La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Tokharestan. Actes du colloque de Termez 1997 // Бактрия на перекрестке дорог и цивилизаций Центральной Азии. Термез и города Бактрии-Тохарестана. Выступления на конференции в Термезе, 1997 г.]. Париж, изд. Maisonneuve&Larose – IFEAC, 2001.
18. Хуфф Д., Шайдуллаев Ш. Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ. Вып. 30. Ташкент, 1999.
19. Ширинов Т., Баратов С. [Širinov T. & Baratov S.]. Bronzezeitliche Grabstätten der Nekropole Džarkutan 4c (Süd-Uzbekistan) [Гробницы бронзового века некрополя Джаркутан 4С (Южный Узбекистан).] Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan [Археологические известия Ирана и Турана], Т. 29. 1997.

Ш.Т. Адылов, Д.К. Мирзаахмедов

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ОБЖИВАНИЯ ВАРАХШИНСКОГО МАССИВА

(Вопросы периодизации и хронологии по результатам изучения

Варахши и ее сельской округи)

Городище Варахша (в письменных источниках также Фарахша, Афрахша, Барахша) – один из наиболее известных памятников древней и средневековой городской культуры Бухарского оазиса. Благодаря работам экспедиции под руководством В.А.Шишкина на городище в предвоенные и 50-е годы XX в., ознаменовавшиеся блестящими результатами и открытиями, Варахша получила мировую известность. И тем не менее, вряд ли можно утверждать, что памятник изучен в достаточной мере – раскопками была охвачена лишь его малая часть. Наиболее малоизученными остаются ранние периоды в истории Варахши. Поэтому в данном аспекте особое значение приобретают новые исследования, причем не только непосредственно на территории объекта, но и на окрестных поселениях, составлявших в прошлом сельскую округу древнего города. Изучение сельской округи проводилось еще В.А.Шишкиным и сотрудниками экспедиции в одно время с раскопками самой Варахши. В 80 - нач. 90-х годов последующее поколение ученых продолжило исследования в данном направлении. В результате всех вышеотмеченных изысканий был накоплен довольно обширный научный материал, отраженный в соответствующих публикациях (Шишкин, 1956; Шишкин, 1956а; Шишкин, 1963; Жуков, 1956; Кабанов, 1959; Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Вульферт, 1990; Шишкина, 1990; Адылов, 1990; Адылов, 2002).

Исследования по исторической топографии Варахшинского массива показали, что сельская округа состояла не только из небольших пунктов расселения (более или менее крупных замков, укрепленных и неукрепленных усадеб), но и довольно обширных по площади объектов (иногда до 3-4 га) с мощными укреплениями. Эти очень крупные и хорошо укрепленные селения по своим территориально-топографическим параметрам заметно приближены к поселениям городского типа. Кроме того, и в самом расположении поселений сельской округи довольно часто выявляются элементы системы.

В качестве примера можно привести Тали-Пупакскую группу поселений (в нашей публикации по результатам исследований 1985 г. эта группа обозначена как Ак-тепинская (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Вульферт, 1990.

С.142-147).

Поселение Тали-Пупак, отмеченное еще В.А.Шишкиным (Шишкин, 1963. С.130) расположено примерно в 12 км к востоку от Варахши и состоит из двух частей: мощного бугра с обрывистыми склонами (здание замка) и прилегающего к нему с юга обширного всхолмления (поселения при замке). Поселение располагается отдельно от замка, но соединено с ним узкой седловиной-дамбой. Судя по высоте всхолмления (около 2-3 м), придаточное поселение имело ограду в виде обводных или даже крепостных стен. Общая площадь Тали-Пупак - около 2 га. Судя по размерам и укреплениям, в раннем средневековье данный пункт расселения был резиденцией крупных и влиятельных дехканов (феодалов), которые в иерархии бухарской знати занимали далеко не последние позиции. И хотя они, безусловно, подчинялись правителям Варахши, тем не менее, скорее всего, у них тоже были свои вассалы. Об этом свидетельствуют хотя бы остальные сравнительно небольшие поселения Тали-Пупакской группы, которые размещаются вблизи северных и северо-западных окраин центрального пункта (Ак-тепа, объекты 1-5). Обособленное и скученное расположение поселений Тали-Пупакской группы – достаточно близко друг от друга и на удалении от поселений других групп – позволяет предполагать, что в прошлом обитатели пунктов (как господа, так и подневольные) представляли собой небольшую общину, в которой доминировали владельцы дехкане из Тали-Пупак. Пространство между поселениями Тали-Пупакской группы (за исключением участков, занятых под некрополи) представляло собой сельхозугодья местной общины - посева и пастбища, которыми обитатели местных поселений владели и пользовались сообща или по отдельности. К этому можно добавить, что и многие другие пункты сельской округи Варахши расположены и группируются примерно по той же схеме, что и в зоне Тали-Пупак (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Вульферт, 1990. С. 142-160).

Все это наводит на мысль, что Тали-Пупакская община в свою очередь являлась частью какого-то крупного сообщества дехкан, основанного на принципах родства (близкого, дальнего, племенного) и соседства в пределах ограничен-

ного образования, существовавшего когда-то в зоне всего Варахшинского массива. Историко-топографические данные можно сопоставить с письменными источниками и, прежде всего, со сведениями из "Истории Бухары" Мухаммада ан-Наршахи.

Из третьей главы "Истории Бухары" известно, что все дехканское сословие этой части Согда делилось на кланы. В персидской версии данной книги они именуются термином «кавм». В каждый отдельно взятый кавм входили не только рядовые дехкане, но и маликзода - "царевичи" (Наршахий, 1991, 93 б.). Рядовые дехкане представляли собой знать, состоявшую на госслужбе, владевшую недвижимостью в пределах города, а также хозяев более или менее крупных замков и усадеб в сельской округе. Что касается маликзода, то они, очевидно, являлись прямыми, но не наследными потомками удельных правителей области Бухары и в иерархии знати, скорее всего, занимали промежуточное положение между властителями уделов и рядовыми дехканами. Судя по описанию в соответствующем разделе "Истории Бухары", в основу организации каждого отдельно взятого кавма был заложен не только принцип родства (кавм означает буквально "родня"), но и территориальный признак. Таким образом, каждый кавм представлял собой весьма разветвленную группу дехканских семей, обитавших по соседству. Исходя из этого, можно утверждать, что во главе каждого отдельно взятого кавма (или даже группы кавма) стоял свой малик (удельный князь). Из той же "Истории Бухары" известно, что еще до арабского завоевания Варахша была резиденцией правителя по имени Х-н-к-худат (Хунукхудат ?) (Наршахий, 1991, 99 б.). В.А.Шишкин полагал, что Х-н-к-худат – это имя одного из Бухархудатов доарабских времен (Шишкин, 1963, с.235). Однако в действительности Х-н-к-худат - это не имя, а титул правителей Варахши доарабского времени, означающий "Господин /владения/ Х-н-к". Коль скоро резиденцией Х-н-к-худатов являлась Варахша, стало быть в соответствующее время все окрестные земли являлись их вотчиной. Судя по титулу этих князей, их удел назывался "Х-н-к" (более точное название и чтение пока не установлено). Между прочим, вывод о существовании раннесредневекового удела под несколько условным названием "Х-н-к" основан не только на косвенных данных из "Истории Бухары", но также вытекает из анализа и согдийских нумизматических источников. Так, А.И. Наймарком выделена целая серия т.н. «бухархудатских» драхм с длинной согдийской легендой, на которой присутствует и слово, чи-

таемое как "х-н-к". Правда, при этом А.И. Наймарк совершенно необоснованно пытается отождествить Х-н-к-худата с правителем Варданы - Варданхудатом (Наймарк, 2001. С.56-57). Во времена Тюркского каганата (сначала единого, затем разделенного) владение "Х-н-к", наряду с другими территориальными образованиями, входило в состав западносогдийской конфедерации. Долгое время политическим центром этой конфедерации был Рамитан – здесь размещалась резиденция тюркского наместника. Однако примерно в конце 60-х годов VII в. (незадолго до ранних походов арабов) центр сместился в город Бухару (Адылов, 1998. С.18-30). После арабского завоевания на территории бывшего владения Х-н-к-худатов сложилось малое государство Бухархудатов, которое в качестве автономного округа входило в состав бухарского наместничества, а последнее в свою очередь являлось административной частью большого хорасанского наместничества. Одним из нескольких десятков сельских пунктов, некогда существовавших на территории удела Х-н-к-худатов и Бухархудатов, являлось поселение Учкулух-тепа. Начиная с 1997 г. на поселении были развернуты стационарные раскопки, в которых совместно участвуют сотрудники Института археологии АН РУз и Римского Университета «La Sapienza». И полученные результаты позволяют по-новому осветить некоторые периоды в истории Варахши и ее округи.

Поселение Учкулух-тепа расположено примерно в 8 км к востоку от Варахши и входит в вышеупомянутую Тали-Пупакскую группу. Еще до начала раскопок оно представляло собой подтреугольный в плане холм площадью около 0,6 га с возвышающимися угловыми частями. Западная оконечность холма была наиболее возвышенной. Здесь в реперной точке высота памятника относительно дневной поверхности достигала 11 м. В подъемном материале отмечалось множество фрагментов керамики "каунчиноидного" облика и других синхронных форм, хорошо известной по результатам раскопок на поселениях Кызылкырско-Сеталакской зоны, на городище Рамиш, в старгородской части Бухары (Культура Древнебухарского оазиса III-VI вв. С. 32-41, 49-53, 58-60, 64-66, 99-110; Ураков, 1982. С. 8-10, 13; Адылов, 1987. С.8-9). В дальнейшем для удобства будем именовать ее керамикой «кызылкырского» типа. Датировка подобной керамики пока не может определяться в достаточно узких пределах. Нижняя хронологическая грань не опускается ниже середины IV в. – времени нашествия на территорию Западного Согда и других сопредельных регионов кочевников-хионитов. В то же вре-

мя такие же формы характерны и для второй половины V в. Только ближе к концу V в. на смену керамике "кызылкырского" типа приходит посуда характерного раннесредневекового облика, подробно изученная по материалам Пенджикента, Самарканда (Афрасиаб), Пайкенда и других объектов. Не исключено, что многие формы керамики "кызылкырского" типа все же удастся распределить по более узким хронологическим горизонтам в рамках середины IV-V вв., и можно будет выделить для каждого из них соответствующие морфологические признаки, однако для этого необходимы более детальные исследования.

Кроме сосудов "кызылкырского" типа в подъемном материале в массовом количестве отмечалась характерная раннесредневековая керамика VI-VIII вв., а также тарная и столовая посуда XII в., в том числе и поливная (чаще всего с глазурью бирюзового цвета). Поверхностных признаков обживания в IX-XI вв. отмечено не было. Отдельные фрагменты красноангобириванной лощеной керамики, обнаруженные здесь же или поблизости от поселения, не исключали полностью и более раннюю дату, нежели середину IV-V вв. Размеры Учкулух-тепа и его топография свидетельствовали о том, что в раннем средневековье данный пункт представлял собой сравнительно большое и хорошо укрепленное поселение типа замка со специализированной фортификацией (Chiara Silvi Antonini. 2001. P. 115-119).

По результатам раскопок предыдущих лет предполагалась двухчастность памятника. В действительности, мы полагаем, что объект состоит по крайней мере из четырех приставленных друг к другу укрепленных массивов: центрального, западного, южного и восточного. На последних стадиях обживания массивы (за исключением западного) мало отличались друг от друга по высоте, а в дальнейшем все линии разделения и вообще исчезли под забутовками или слоями разрушений.

Центральный массив представлял собой по существу ядро всего поселения. Это было прямоугольное в плане здание замка, ориентированное по линии С-Ю с небольшим отклонением на восток. Истинные размеры замка по основанию пока еще не установлены, но по всей видимости его ширина достигала 20-25 м., а длина превосходила эту величину не менее чем в 2 раза. У замка первоначально было 6 башен: 4 по углам и еще 2 промежуточные - по одной посередине западной и восточной крепостных стен. В дальнейшем большинство башен, за исключением двух южных, были снесены в процессе перестроек или погребены под более поздними забутовками. Но

в то же время между двумя южными башнями к крепостной стене была пристроена еще одна в целях усиления обороны южного сектора. Все башни возведены на цокольной основе, выступают за линию стен, прямоугольные в плане. Не только башни, но и куртины снабжены щелевидными бойницами, расположенными в шахматном порядке. В основе планировки замка - группа центральных жилых и хозяйственных помещений с лежанками-суфами, окруженных обводным коридором. Последний первоначально играл роль стрелковой галереи. В процессе раскопок здесь выявлены многочисленные уровни полов, культурные заполнения, следы ремонта стен и перестроек. На самых ранних уровнях полов внутри помещений и крепостных сооружений отмечена керамика "кызылкырского" типа. Забегая вперед, отметим, что такая же керамика попадалась на ранних уровнях полов и в соседних массивах. Но поскольку по всем признакам центральный массив возник явно первым, а все остальные были просто пристроены к нему, время его возведения можно определять, пока что, в пределах второй половины IV в. По керамическим материалам с более верхних уровней полов обживание центрального массива продолжалось до VIII в., а затем после длительного перерыва возобновилось в XIII в. на уже снивелированных развалинах. Следы обживания в XIII в. представлены мусорными и сливными ямами, очагами и тандырами; в них широко представлена керамика соответствующего периода. Собственно архитектура данного времени на этой площади не сохранилась за исключением отдельных кладок из сырцовых и жженных кирпичей.

Западный массив сложился как результат расширения площади замка, в соответствующем направлении, и причиной тому, скорее всего, стало численное увеличение семьи местного дехкана. Он пристроен вплотную к центральному, и все крепостные сооружения первоначального замка по соответствующей линии перекрыты. Западный массив несколько выше центрального, его размеры по плану и внутренняя планировка до конца не установлены. Тем не менее, отдельные помещения явно парадные и несколько раз перестраивались. В одном из них даже выявлен фрагмент настенной росписи с изображением барса, причем роспись сохранилась во многом благодаря тому, что была скрыта более поздней штукатуркой во время ремонтных работ. Изображение барса заставляет вспомнить известные сцены охоты на росписях варахшинского дворца. Керамические комплексы из культурных заполнений в помещениях западного массива в целом син-

хронны тем, что выявлены в центральном. Однако учитывая тот факт, что западный массив приравнен к центральному, считаем возможным датировать время его строительства в пределах конца IV – пер. пол. V вв. Пока неизвестно, что собой представляет фундамент западного массива – специально возведенный стилобат или же культурные наслоения, отложившиеся здесь в виде бугра в периоды более раннего обживания.

Назначение южного массива пока не совсем понятно, размеры по плану и внутренняя планировка тоже до конца не установлены. Однако по периметру массива выявляются довольно мощные крепостные стены с щелевидными бойницами, а внутренние помещения не похожи на жилые – суф лежанок и центральных очагов в них пока не выявлено. Поэтому можно предположить, что назначение массива было специализированно-военным – постройка типа форта. В отличие от западного, южный массив пристроен к центральному не вплотную, а на удалении примерно 2 м. В результате между двумя массивами образовалось длинное узкое пространство, которое хорошо простреливалось сверху с обеих сторон. По-видимому, это был коридор, выведивший к проходу в представительскую часть замка, и функция форта заключалась, прежде всего, в охране данного въезда. С уровнем полов и в культурных наслоениях в большом количестве отмечается керамика "кызылкырского" типа, а на самых верхних ярусах – следы обживания в XII в., в виде отдельных мусорных ям. Промежуточных керамических комплексов на этой площади не обнаружено – т.е., вероятно, на рубеже V-VI вв. обживание прекратилось вплоть до указанного времени. Скорее всего, южный массив возник в одно время с западным – в конце IV- пер. пол. V вв., но в отличие от второго функционировал недолго.

И, наконец, самый большой по площади восточный массив представлял собой придаточное поселение, на котором обитали жители, зависящие от хозяев замка. Его контуры и размеры также пока не установлены, однако ясно, что по периметру он окружен крепостной стеной и подобно южному массиву был сооружен на небольшом удалении от центрального. Таким образом, и здесь между склонами массивов образовался очень длинный коридор шириной около 2-х м. Он начинался возле северо-восточной угловой башни центрального массива, тянулся на юг и завершался тупиком вблизи юго-восточной башни. Тупик представлял собой поперечную стену с щелевидными бойницами, сооруженную между башней замка и крепостной стеной придаточного

поселения. Из этого следует, что коридор был ложным. Он был сооружен в целях обороны, а его назначение – ловушка для врагов. Последние, устремлялись в него, рассчитывая, что коридор выводит внутрь замка, и оказывались в западне. Установлено, что вблизи юго-восточной башни замка западная крепостная стена придаточного поселения поворачивает на восток. Стало быть, данный сектор представляет собой угловой юго-западный участок придаточного поселения. На данном участке были начаты раскопки с целью выяснения планиграфии и стратиграфии местности. Рассмотрим результаты этих работ подробнее.

По самому верхнему уровню выявлено три расположенных в один ряд помещения. Два крайних расчищены полностью, а промежуточное – частично, так как оно было плотно забутовано сырцовыми кирпичами. Так же как и на многих других объектах поселения, местные стены помещений и суфы возведены из сырца форматом 40-42x29-30x10-11 см. Техника кладки та же самая – кирпичи выкладывались на толстом растворе, с большими промежутками, с чередованием ложковых и тычковых рядов; причем ряды кирпичей не всегда регулярные. Этот комбинированный вид кладки (кирпичи, переслоенные пахсой) широко отмечаются на постройках Варахши. В.А.Шишкин назвал эту технику "кирпич вразбежку" (Шишкин, 1963. С. 40, 56, рис. 19). В забутовке использованы кирпичи указанного формата.

Крайнее западное помещение было частично снесено при раскопках более ранних сезонов, но тем не менее удалось выявить его планировку и размеры. Площадь помещения составляет примерно 4x3 м., по всему периметру стен тянется суфа шириной 0,7 м и высотой 25-30 см (на высоту двух сырцовых кирпичей, включая прослойку раствора между ними и прослойки обмазки поверхности суфы). Несохранившийся проход в помещении, скорее всего, размещался вблизи его юго-западного угла. В центре выявлены остатки очага, а вблизи северо-восточного угла помещения – глубокая ниша в стене. Местами стены помещения сохранились на высоту 1,5 м. В отличие от двух других, данное помещение расположено значительно ниже по уровню. Смежное с ним второе (промежуточное) помещение имеет площадь примерно 3x2,5 м. Его внутренняя планировка пока до конца не установлена, поскольку оно еще не расчищено полностью от забутовки.

На северо-восточном углу помещения выявлен проход шириной 0,8 м., посредством которого оно сообщалось со смежным ему третьим помещением. Площадь последнего составляет пример-

но 4x2,5 м. По всему периметру стен, не исключая даже участок, смежный с проходом в соседнее помещение, тянется суфа шириной 0,7-1 м. и высотой на толщину двух кирпичей. Следов очага посредине не выявлено. Место прохода во внешнее пространство из этого блока двух помещений тоже пока не установлено.

С севера и с юга эта группа помещений окаймляется узкими и расширяющимися вверх коридорообразными пространствами с многочисленными уровнями полов. Они несомненно продолжают далее на восток. Все это позволяет видеть в них улочки, разделявшие разные домовладения внутри придаточного поселения. Ширина северной улочки не превышает 1,5 м, а у южной она составляет более 2 м, причем на достаточно длинной дистанции.

Все керамические комплексы, полученные с полов помещений, улочек и кроющих заполнений, относятся к "кызылқырскому" типу. В то же время аналогичная керамика отмечалась и в слоях, подстилающих основания помещений и улочек. Поэтому чисто стратиграфически (относительно хронологии нижних слоев), время возведения и функционирования этих построек можно определять где-то ближе к концу V в. Кроме того, в кирпичной забутовке среднего помещения в переотложенном состоянии отмечались фрагменты красноангобирванной лощеной керамики - скорее всего, первых вв. н.э.

В целом, данная архитектура носит достаточно регулярный характер и напоминает квартальную застройку раннесредневековых городов Согда. По всем признакам, помещения и улочки функционировали очень недолго и были заброшены в мирное время. Здесь отсутствуют следы, указывающие на погромы и разрушения в результате военных действий, да и находок сравнительно немного. Заслуживает внимания немаловажная деталь - крайнее западное помещение построено частично поверх гребня западной крепостной стены придаточного поселения. Стало быть, ко времени возникновения внутренней регулярной застройки крепостная стена придаточного массива уже утратила свое прямое назначение - по крайней мере на данной западной линии. Ложный коридор между обеими массивами был полностью или частично забутован, и поэтому фасады крепостных сооружений с обеих сторон оказались под этим слоем заполнения. После заброса придаточного поселения (по-видимому, на рубеже V-VI вв.) внутри построек образовались слои от разрушения стен и перекрытий, которые местами сочетались с широкими линзами надувного песка. Следов обживания в раннем средне-

вековье на данном участке поселения не выявлено. Местами отмечены незначительные остатки архитектуры и ямы XII в.

В месте расположения крайнего западного помещения был заложен стратиграфический разрез на площади 6x3 м с последующим разрушением остатков стен, суф и полов. В дальнейшем, по мере понижения уровня, его площадь постепенно сокращалась по длине. Основание разрушенного помещения располагалось на уровне VII яруса относительно репера. Материковый слой достигнут не был - раскопки пришлось приостановить по техническим причинам на уровне XIX яруса.

Сразу под уровнем пола и основанием стен западного помещения был выявлен плотный грунт с обильным включением обломков сырца и кусков пахсы (VII-VIII яруса). Он и послужил фундаментом, на котором возведено помещение. Для этого строителям пришлось частично снивелировать по верху западную крепостную стену придаточного поселения. Ее остатки сохранились на высоту около 2 м (VIII-XI яруса). При строительстве стены использованы сырцовые кирпичи вышеотмеченного формата, выложенные в технике «кирпич вразбежку». Башен, выступающих за линию стены, не было. Скорее всего, не было также и щелевидных бойниц в теле стены; оборона осуществлялась с ее поверхности, под прикрытием парапетной надстройки. Изнутри к фасаду крепостной стены добавлена пристройка, возможно, по всему периметру крепостных стен придаточного поселения (IX-XI яруса). Конструкция пристройки состоит в следующем - ее фасадная часть выложена из сырцовых кирпичей отмеченного формата под наклоном около 80° для устойчивости, а все остальное пространство между фасадной облицовкой и собственно телом крепостной стены заполнено крупнозернистым песком. Поверху облицовку и песчаную засыпку перекрывает плотная прослойка земли - уровень пола. В результате фактически увеличилась толщина крепостной стены по основанию; общая толщина по разрезу - около 4 м. На большей части поверхности этой пристройки (IX ярус) образовалась ровная площадка с четким уровнем пола. Очевидно, это была парапетная площадка, которой пользовались при обороне крепостных стен придаточного поселения. Показательно, что здесь на полу наряду с комплексом керамики "кызылқырского" типа обнаружено большое количество биконусов из плотной спрессованной глины и небольшое каменное ядро. Известно, что эти предметы использовались в качестве метательного оружия - посредством пращи. Здесь же на полу парапетной площадки обнаружена мед-

ная кушано-сасанидская монета (подражание монете кушанского царя Васудевы). Время выпуска и обращения этих монет - сер. IV-V вв., что значительно уточняет датировку крепостной стены. По общему характеру залегания слоев и датировочному материалу на данном участке крепостная стена перестала функционировать по прямому назначению где-то во второй половине V в., хотя, конечно же, еще до того, как на придаточном поселении возникла вышеописанная регулярная жилая застройка из сырца и пахсы. На внутренних участках, прилегающих к этим остаткам крепостной архитектуры (VIII-XII яруса), залегают культурные слои со следами интенсивного обживания: четкие уровни полов, остатки очагов, зольные линзы, множество костей животных, хозяйственная и столовая керамика "кызылкырского" типа. Именно эта керамика из сопутствующих слоев позволяет определять время возведения крепостной стены в пределах конца IV - первой половины V вв. В слоях совершенно отсутствуют следы жилищ из пахсы или сырца. Сами они достаточно плотные, очень схожи по цвету и структуре, густо насыщены органическими остатками.

В ходе дальнейших раскопок установлено, что под основанием данного крепостного сооружения располагалась более ранняя стена из пахсы, причем также явно оборонительного назначения. В разрезе она отмечена на XII-XIX ярусах, но основание ее, несомненно, располагается несколько ниже. Таким образом, эта более ранняя крепостная стена сохранилась на высоту не менее 4 м. В шурфе был расчищен участок фасада стены с сильно разрушенной поверхностью. Фасад имел уклон к западу. Стало быть, скорее всего, шурф прорезал слои, прилегавшие к внешнему фасаду ранней крепостной стены. А сама стена, очевидно, ограждала по периметру какое-то раннее поселение, которое расположено в основании центрального массива. Культурные слои, перекрывающие фасад стены на XII-XIX ярусах, по плотности, цвету и структуре мало отличаются друг от друга и напоминают накопления более верхних ярусов. Исключением представляется разрез, что слой очень плотной чистой глины на XII-XIII ярусах, который образовался как продукт разрушения (нивелировки) ранней крепостной стены по гребню и являлся фундаментом под очередное строительство. Прочих следов пахсово-сырцовой жилой архитектуры в указанных слоях тоже не отмечено. Что касается керамики из этих слоев, то она морфологически ничем не отличается от образцов, обнаруженных на более верхних ярусах - все те же самые комплексы "кызылкырского"

типа. Исключением являются отдельные фрагменты лощеной керамики, попавшие сюда в переложном состоянии.

Результаты раскопок позволяют сделать некоторые предварительные выводы касательно динамики и хронологии обживания Учкулух-тепа, а также его территориального развития. Не исключено, что самое раннее укрепленное поселение на месте Учкулух-тепа возникло еще в эллинистическое время или даже ранее того. Это означает, что оно основано в одно время с древним городом на месте Варахши в качестве пункта, входившего в сельскую округу.

После походов Александра Великого на Согд (329-327 гг. до н.э.) эта историко-культурная область наряду с другими регионами вошла в состав его империи, затем в конце IV - сер. III вв. до н.э. являлась провинцией Селевкидского царства, а в середине III - сер. II вв. до н.э. принадлежала Греко-Бактрии. И уже в те времена на территории Варахши существовало крупное поселение, которое, несомненно, было уже урбанизированным. Об этом можно судить по целому ряду признаков.

Самые нижние (надматериковые) слои городища датированы В.А.Шишкиным II-I вв. до н.э.; керамические комплексы из них подробно отражены в монографии (Шишкин, 1963, С. 115-118, 120-122, рис. 55, 59). Однако, судя по описаниям и рисункам, в свете новых данных эти образцы датируются эллинистическим временем. К тому же такая древняя керамика отмечается на достаточно большой площади в пределах городища, свидетельствуя о первоначальных размерах поселения.

Вблизи северо-западного угла городища С.К.Кабановым была обнаружена и изучена круглая башня с участком крепостной стены. В башне и стене имелись стреловидные бойницы (что свидетельствует о наличии внутрстенной стрелковой галереи). Исследователь датировал стену в пределах II в. до н.э.- I-II вв. на основании керамического комплекса на полу башни (Кабанов, 1959. С. 134, 152, рис. 20). Однако эта датировка также является устаревшей, поскольку указанный керамический комплекс по всем признакам относится к эллинистическому времени (Адылов, 1990. С. 29; Адылов, 2002. С. 77). В данном случае это мощное и специализированное фортификационное сооружение, характерное именно для крупных населенных пунктов: городов и крепостей.

Своеобразной особенностью топографии городища является четко выделяющийся в рельефе центральный бугор. Стратиграфическими раскоп-

ками установлено, что на этом месте существовало крупное и в основе древнее здание, воздвигнутое на мощной платформе, имевшее ограждения в виде глинобитных стен и окруженное кольцевой ложбиной; участок ложбины первоначально использовался в качестве рва (Шишкин, 1963. С. 112-126, рис. 57). Скорее всего, именно на месте центрального бугра размещалась первоначальная цитадель Варахши.

И наконец, следует понимать, что многочисленные и, в основе, древние поселения Варахшинского массива возникли не сами по себе, а в качестве небольших сельских пунктов вокруг большого урбанизированного центра. И таким центром, безусловно, являлось поселение на месте Варахши. Судя по "Истории Бухары", этот первоначальный пункт назывался Раджфандун (Наршахий, 1991, 99 б.), хотя, скорее всего, это искаженное название, а более верной формой является Дахфандун (подробности ниже).

Ранняя крепостная стена Учкулух-тепа, вероятно, тоже восходит к эллинистическому времени. Прямого датирующего материала с этой стены пока не получено, однако дату ее возведения и функционирования можно предположить по другим признакам. В качестве примера для сопоставления данных следует обратить внимание на памятники Баш-тепинской зоны, являвшиеся частью округа Варахши на крайнем западе, в частности на Урта-тепа (Адылов, 2002. С.72-79).

Укрепленное поселение Урта-тепа возникло в одно время с Варахшой, а строительство крепостных стен на нем распределяется по двум основным этапам. Первый из них датируется IV в. до н.э., а второй—III - пер. пол. II вв. до н.э. Строительство стен второго этапа, так же, как и других синхронных крепостных сооружений населенных пунктов Варахшинского массива, конечно же, следует напрямую увязывать с надвигавшейся угрозой со стороны северных кочевников, которые в конце концов сокрушили Греко-Бактрию в середине II в. до н.э. Во времена Кангюя (втор. пол. II в. до н.э.- III в.) никаких работ по строительству новых или ремонту старых крепостных стен на Урта-тепа не велось; очевидно, то же самое - и на других поселениях массива. Более того, прежние укрепления утратили свое значение, и во II-III вв. жители Урта-тепа и других поселений стали возводить поверх стен жилища и вообще расселялись за их пределами отдельными домовладениями - в непосредственной близости от старых пунктов или на некотором удалении от них. Это было время процветания Кангюя и стабильности на его границах. Однако в III в. н.э. Баш-тепинская зона, как впрочем и вся террито-

рия Варахшинского массива, перестают обживаться из-за перебоев с водоснабжением. Граница земель запустения пролегла несколько западнее городища Рамиш. Последнее стабильно обживалось с IV в. до н.э.—до V в. н.э. (Ураков, 1982).

Причины, обусловившие этот кризис водоснабжения, наверное, связаны с какими-то внутривосточными потрясениями в бухарской провинции Кангюя накануне распада империи. Разнообразный монетный чекан области Бухары времен существования Кангюя (монеты-подражания тетрадрахмам Евтидема в ранних и поздних вариантах, ранние и поздние разновидности монет по т.н. "типу Гиркода") являются свидетельством существования в пределах данного региона нескольких малых древних уделов. Эти более или менее самостоятельные уделы объединялись, скорее всего, на конфедеративной основе в одно большое бухарское владение под началом верховного правителя. В древнесогдийской надписи из городища Куль-тобе (датируется I – пер. пол. III вв.) наряду с другими владетелями Согда упоминается и верховный правитель Навакмитана (Бухары).

Как следует из текста, в обширной системе Кангюя, организованного как объединение земель, на первом плане был Согд, и правитель Бухары имел равные права с владетелями Самарканда, Кеша и Нахшаба (Грене, 2006. С.35-36). Можно предположить, что в III в. начался распад не только всего Кангюя, но и древнебухарской конфедерации, начались междоусобицы, усилилась социальная напряженность. Некоторые удельные правители, существенно усилившие свое влияние в результате распрей, стали заниматься перераспределением водных ресурсов в своих узкокорыстных интересах (Адылов, 2002, С.78). Из всего вышесказанного следует, что выявленная на Учкулух-тепа ранняя крепостная стена была построена определенно точно еще до III в. поскольку во времена Кангюя крепостного строительства на поселениях Варахшинского массива не велось, стало быть рассматриваемую стену с большой долей вероятности можно датировать эллинистическим временем. Вполне вероятно, что отдельные фрагменты керамики II-III вв., обнаруженные в стратиграфическом разрезе или на других объектах Учкулух-тепа, происходят либо из самого древнего поселения на его месте, либо из жилых массивов, возникших у подножия крепостных стен по аналогии с объектами Баш-тепинской зоны.

После прекращения водоснабжения жители массива переселились в более восточные районы, поближе к головным участкам больших каналов.

Вместе с ними в переносном смысле "переместились" и многие прежние населенные пункты, т.е. переселенцы основали на новых местах поселения со старыми названиями. Арабские географы ас-Сам'ани (XII в.) и Йакут ал-Хамави (XIII в.) упоминают в своих списках бухарское селение Дахфандун, но при этом в качестве пункта, отдельного от Варахши (Камалиддинов, 1993. С. 66). Вполне возможно, что это было то самое древнее селение, на которое в III в. в массовом порядке переселились варахшинцы и которое они переименовали соответствующим образом в память о своей прежней родине. Таким образом, селение Дахфандун из списков ас-Сам'ани и Йакута ал-Хамави - это в сущности Новый Дахфандун.

После длительного периода запустения почти вся территория Варахшинского массива (за исключением Баш-тепинской зоны) начала возрождаться в середине IV в. Это время связано с массовым проникновением на территорию Средней Азии кочевых племен - хионитов. В течение короткого времени были восстановлены старые ирригационные системы и началось вторичное обводнение Варахшинского массива. Следы возрождения, а также интенсивного обживания отмечаются на территории массива повсеместно, и прежде всего на территории самого древнего города, который теперь стал называться по-новому - Варахша. Потомки древних дахфандунцев вряд ли принимали участие в возрождении города - теперь здесь поселились люди из других родов и племен, в том числе и оседавшие на землю кочевники. Своим новым названием город был обязан большому каналу Фарахша, который со своими ответвлениями-протоками орошал всю территорию массива. Об этом канале упоминает географ, ал-Истахри (X в.) в своей «Книге путей и стран» (Камалиддинов, 1993. С. 69-70). В своей основе канал Фарахша - это один из многочисленных естественных протоков в нижнем течении Реки Согда (Зарафшана). По-видимому, этот же самый проток первоначально назывался так же, как и древний город - Дахфандун. Данное название - изначально гидроним, поскольку в нем присутствует древний североиранский языковой композит "дун", означающий "вода", "река" (Адылов, 2001. С. 180-186).

Хиониты создали на захваченных ими территориях огромное полиэтничное, но совершенно аморфное государство, которое, так же как и более ранний Кангюй, строилось на конфедеративной основе: многочисленные мелкие уделы объединялись сначала в пределах определенных историко-культурных регионов под руководством

местных верховных правителей, а затем и в более широких масштабах. Одним из таких больших владений в системе государства хионитов была Бухара, упомянутая в хронологически соответствующем разделе китайской хроники "Бэй Ши" под названием "Нюми" (Нумиджат - древнее название Бухары) (Бичурин, 1950. С. 260). Первоначально политическим центром страны был Балх, а в начале V в. власть в стране захватил правитель Кидара. Поэтому в письменных источниках, отражающих события первой половины и середины V в. жители страны нередко именуются кидаритами (Гафуров, 1989. С. 245-246).

Что касается Варахшинского массива, то здесь, возможно, в середине IV в. также началось формирование малого удела. Важно отметить, что Варахша возродилась не просто как пункт расселения, а именно в статусе города. Данный тезис противоречит основным выводам В.А. Шишкина и других исследователей Варахши первого поколения. В конечном итоге превращение возрожденной Варахши в феодальный город В.А.Шишкин относит к концу V - пер. пол. VI вв., а до этого, по мнению исследователя, пункт был не более чем плохо укрепленным селением (Шишкин, 1963. С. 110-111, 234). Однако результаты изучения исторической топографии Учкулух-тепа при сопоставлении со строительной историей главных объектов Варахши (цитадели, дворца, крепостных стен) позволяют синхронизировать отдельные периоды и существенно скорректировать прежние датировки. Для этого сначала в краткой форме изложим выводы в интерпретации самого В.А.Шишкина, а также С.К. Кабанова.

Средневековая (т.е. новая) цитадель Варахши возникла не на пустом месте (также как и центральный массив Учкулух-тепа). В основании искусственного стилобата цитадели залегал плотный слой земли с керамикой датированной первыми веками до и после н.э. На поверхности стилобата сначала было сооружено здание замка, от которого сохранился только фрагмент крепостной стены и прилегающие к ней остатки прямоугольной башни. Как стены, так и башни замка оформлены полуколоннами-гофрами. Затем площадь цитадели была расширена путем пристройки к стилобату с востока еще одного крупного и хорошо сохранившегося здания с длинными коридорообразными помещениями (Шишкин, 1963. С. 85-95).

Дальнейшим развитием цитадели являлось здание дворца, построенное вблизи северного подножия первой. И хотя это здание расположено не вплотную к цитадели (между ними осталось

незастроенное пространство в виде переулка) они, в сущности, составляли единый бытовой комплекс (что отмечал и сам исследователь), и поэтому цитадель нельзя рассматривать отдельно от дворца. Иными словами, это была своего рода единая двухъярусная цитадель. Что касается датировок, то по мнению исследователя первоначальное ядро цитадели возведено не ранее конца V в.; пристроенное к нему более позднее восточное здание заброшено не ранее 60-х годов VIII в. (Шишкин, 1963. С. 95). В строительной истории дворца выделено четыре этапа, и самый первый из них датирован концом V или VI вв. В то же время в основании дворца выявлены остатки более раннего здания, датированного не ранее V в. Первоначальные стены дворца возводились в технике "кирпич вразбежку" (Шишкин, 1963. С. 82-83).

В развитии крепостных сооружений городища выделены следующие этапы:

Городская стена из сырцового кирпича (II-I вв. до н.э.- I-II вв.).

Стена из блоков пахсы типа ограды усадьбы (V-VI вв.).

Стена из комков пахсы, также типа ограды усадьбы или квартала (V-VI вв.).

Городская стена из комков пахсы (VI-IX вв.).

Стена из пахсы и кусков сырцового кирпича (IX в.).

Стена первого этапа расположена обособленно от остальных.

Стены последующих этапов строились уже впритык друг к другу и за чертой ранних укреплений, вследствие чего увеличилась площадь городища. Сооружения последнего этапа в сущности были ремонтом старых стен (Шишкин, 1963. С. 110-111; Кабанов, 1959. С. 152-153).

При внимательном изучении соответствующих публикаций становится ясным, что указанные датировки основаны преимущественно на косвенных (стратиграфических) данных, т.е. путем сопоставления с хронологией более ранних или поздних сооружений, а также по некоторым конструктивным особенностям и архитектурным формам. Например, основанием для датировки ядра цитадели в указанных рамках послужили его внешние стены, украшенные гофрами, а этот прием по мнению В.А. Шишкина, получает распространение на территории Средней Азии около V в. (Шишкин, 1963. С. 40). Впрочем, исследователи сами признают, что предложенные ими даты весьма приблизительны ввиду отсутствия или дефицита керамики в качестве датирующего материала по соответствующим объектам и периодам, не говоря уже о нумизматическом материале

(Шишкин, 1963. С. 110-111; Кабанов, 1959. С. 152)¹.

Теперь обратимся к результатам раскопок Учкулох-тепа в контексте исторических интерпретаций. На месте заброшенного поселения возникло здание замка - второй половины IV в., а все ранние крепостные стены, остатки жилищ и перекрывавшие их слои обживания и разрушения послужили фундаментом для этого центрального массива. Он с самого начала обладал мощной крепостной архитектурой, и это диктовалось настоятельной необходимостью. Отношения хионитов с Ираном в середине IV - сер. V вв. были весьма напряженными. Общеизвестно, что шах Шапур II (309-379 гг.) проводил очень активную завоевательную политику на востоке. Также из письменных источников известно, что в дальнейшем хионитам пришлось воевать с Варахраном V (421-439 гг.) и Йездигердом II (439-457 гг.) и притом без особых успехов (Гафуров, 1989, с. 246-249). Неслучайно на части территории области Бухары в те времена получают распространение т.н. сасанидо-кушанские и кушано-сасанидские монеты. Они предназначались для обращения в зависимых от Ирана территориях. В дальнейшем эти монеты, а также те образцы, которые были отчеканены на территории самого Ирана, оказали ощутимое влияние на местный монетный чекан, особенно в аспекте иконографии. Поэтому хиониты проявляли постоянную заботу о крепостных стенах тех своих населенных пунктов, которые располагались вблизи границы с Ираном, и особенно, в предвоенные годы. С теми же оборонительными целями в конце IV - пер. пол. V вв. было сооружено южное укрепление - форт. Синхронно возник и западный массив. Восточный массив - поселение начал формироваться в одно время с центральным замком и притом в непосредственной близости от его склонов. Однако поначалу здесь еще не было крепостных стен; возможно, были ограждения типа забора. Обитавшие на массиве зависимые от дехкана крестьяне-кадивары поначалу строили, и без всякой системы, недолговечные жилища из глины и тростника. В результате подобного способа обживания и образовались (причем в течение сравнительно недолгого периода) зафиксированные в шурфе мощные культурные наслоения с массовыми включениями керамики, костей животных, других органических остатков, но без всяких следов пахсово-кирпичных жилищ. В конце IV - пер. пол. V вв., когда на придаточном поселении накопились значительные культурные отложения, здесь по периметру тоже была сооружена крепостная стена; фундаментом для нее по западной

линии послужил гребень ранней крепостной стены, который предварительно снивелировали. Очевидно, в это время возникла необходимость надежно защищать от персов не только господ, но и подневольных крестьян. Обнаруженная на парапетной площадке кушано-сасанидская монета вполне укладывается в эту дату.

И теперь на фоне результатов раскопок Учкулух-тепа вышеотмеченная хронология цитадели, дворца и городских стен Варахши выглядит убедительно. В противном случае придется признать, что сельская округа (на примере Учкулух-тепа) возродилась более чем на сотню лет ранее самой Варахши (как города). Данные процессы должны были осуществляться, по крайней мере, синхронно. Поэтому строительная история Варахши этапа возрождения должна выглядеть следующим образом.

I. Вторая половина IV в. Возводится фундамент для новой цитадели, а поверх него - здание замка. Вся прилегающая площадь ограждается новыми стенами (стена 2 этапа по С.К. Кабанову). Общая площадь поселения несколько увеличивается по сравнению с первоначальной застройкой. Однако это еще не город, а замок с очень крупным по площади, но слабо укрепленным придаточным поселением.

II. Конец IV - нач. V вв. К замку с востока пристраивается новое крупное здание. К ограде придаточного поселения пристраивается новая стена (стена третьего этапа по С.К. Кабанову); их общая толщина по основанию уже достигает 2,5 м., что в общем-то достаточно для крепостной стены. Продолжается формирование шахристана на месте придаточного поселения.

III. Первая половина V в. Строится здание к северу от цитадели (на месте будущего дворца). За счет строительства новой мощной и по настоящему крепостной стены значительно укрепляется шахристан; теперь общая мощность его стен по основанию достигает почти 11 м (стена 3 этапа по С.К. Кабанову). Тем самым завершается территориальное сложение шахристана.

IV. Вторая половина V в. На месте разрушенного здания к северу от цитадели возводится дворец (I этап по В.А. Шишкину). Тем самым завершается территориальное сложение двухъярусного цитадельного комплекса - административной части города.

В подтверждение предложенных дат можно привести и другие аргументы.

Во-первых, в подъемном материале на территории городища отмечается большое количество керамики "кызылкырского" типа, что само по себе красноречиво свидетельствует.

Во-вторых, как показывают исследования, техника кладки "кирпич вразбежку" получает широкое распространение в монументальной архитектуре Западного Согда именно в середине IV -V вв., а затем ей на смену приходит более упорядоченная техника комбинированной кладки (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Семенов, 1988. С. 37, 40, 118). Первоначальное здание цитадели Варахши построено в технике "кирпич вразбежку"; восточное здание цитадели сооружено из сырцовых кирпичей в обычной технике, однако первоначальные стены дворца (I этап) - опять-таки тем же самым комбинированным способом (Шишкин, 1963. С. 82, 85, 91). Стало быть, двухъярусный цитадельный комплекс сложился в рамках указанного периода.

В-третьих, в пользу данных датировок свидетельствуют и конструктивные особенности крепостной архитектуры. Для фортификации Согда середины IV-V вв. - от Пенджикента до Пайкенда - весьма характерны прямоугольные башни с целевидными бойницами, расположенными в шахматном порядке (Семенов, 1985. С. 8-9, 12-13). Такие башни есть и на Учкулух-тепа. Остатки подобной башни отмечены и на первоначальном здании новой цитадели Варахши (Шишкин, 1963. С. 40, рис. 7). По краям городища, кое-где уцелели остатки оборонительных башен, которые явно относятся к вышеотмеченной самой мощной крепостной стене. Они выступают из стены и расположены на расстоянии около 30 м друг от друга (Шишкин, 1963. С. 39, рис. 6). Данные объекты не раскапывались, однако и без этого ясно, что башни относятся именно к указанному типу. В VI веке такие башни в Согде не строились; им на смену пришли укрепления иного типа (Семенов, 1985. С. 16, 18).

Во второй половине V в. во весь голос заявляет о себе племя, именуемое в письменных источниках эфталитами. Они объединяют под своим началом все остальные хионитские уделы и захватывают новые территории. Их государство тоже было конфедеративным, хотя, скорее всего, менее аморфным, нежели хионитское. И хотя эта страна так же была полиэтнической, в письменных источниках довольно часто под названием "эфталиты" подразумеваются все народы, населявшие ее. Название "эфталиты" имело значение, скорее, политическое, нежели этническое (Гафуров, 1989. С. 249-255).

По мере образования мощного Эфталитского государства, в состав которого вошла и область Бухары, конфронтация с Ираном достигла своего пика. Эфталиты трижды нанесли поражение шаху Перозу II (459-484 гг.), причем во время

третьей войны сам шах погиб, а его страна попала в зависимость от эфталитов (Гафуров, 1989. С. 250-251). В дальнейшем Иран на многие десятилетия перестал быть угрозой для Эфталитского государства. Этим объясняется тот факт, что ближе к концу V в. крепостные сооружения Учкулух-тепа утрачивают свое прямое функциональное назначение. В частности, форт вообще перестает обживаться; на придаточном поселении поверх крепостных стен и культурных слоев с остатками времянок возникает регулярная пахсово-кирпичная застройка квартального типа с улочками и отдельными блоками домовладений.

Что касается собственно парадного блока Учкулух-тепа с его двумя составными частями, то он продолжал обживаться и перестраиваться без всякого намека на кризис и запустение и в Раннем Средневековье.

Хотя Иран и перестал быть проблемой для Эфталитского государства, вблизи северных границ последнего снова стала назревать угроза - примерно в конце V в. Ее создавал кочевой народ, известный в китайских источниках как Теле (телеуты). Еще в конце V в., отложившись от империи Жужань, телеуты попытались создать свое государственное образование, известное как Гаогюй ("Высокая телега"). Телеуты находились в раздорах с эфталитами. Последние, разобравшись с Ираном, затем разбили и телеутов, превратив их в вассалов (Гумилев, 1967. С. 16-18)². Однако до этого телеуты, вероятно, совершали частые набеги на северные окраины Эфталитского государства и разоряли приграничные населенные пункты. Запустение Кызылкырско-Сеталакской зоны на северо-западной окраине области Бухары, очевидно, явилось результатом подобных нашествий. Как показали результаты раскопок поселений Кызылкыр-I, а также Кызылкыр-II, дом 2, эти пункты перестали обживаться после погромов и пожаров, причем первый из них горел дважды. После первой катастрофы на развалинах большого здания поселения Кызылкыр-I возникло захоронение по кочевническому обряду (местный погребальный обряд был совершенно иным, о чем свидетельствуют хотя бы материалы расположенного поблизости культово-погребального сооружения Сеталак-I). Захороненная здесь женщина относилась к монголоидному типу без каких-либо намеков на европеоидность. Вскоре поселение Кызылкыр-I было восстановлено, однако после второго пожара опустело окончательно (Нильсен, 1959. С. 76-77; Культура Древнебухарского оазиса III-VI вв. н.э., С. 26-53, 66-98; Зезенкова, 1961. С. 302-306). В целях противодействия набегам кочевников местный вер-

ховный правитель построил оборонительную стену Канпирак, которая охватывала в виде кольца почти всю территорию Древнебухарского оазиса за исключением отдельных участков на окраинах (Кызылкырско-Сеталакская зона тоже оказалась за чертой стены). В истории строительства стены было два этапа, и второй из них датируется 782-831 гг. (Наршахий, 1991, 112 б.). А что касается первого, то по археолого-топографическим исследованиям он определяется в пределах конца V - сер. VI вв. (Адылов, 1998. С. 20-21). После возникновения стены Канпирак, в системе которой оказался и Варахшинский массив, уже не было никакого резона возводить новые крепостные сооружения на местах.

Захват Западного Согда тюрками (между 563 и 567 гг.) не оказал серьезного отрицательного воздействия на обживание Учкулух-тепа. Письменные источники и археологические данные позволяют утверждать, что вторжение тюрков не сопровождалось в регионе какими-либо опустошениями. В этом ряду исключением является разве что более позднее (кон. 80-х годов VI в.) взятие Пайкенда в бытность его резиденцией Аброя во время подавления тюрками восстания под предводительством этого правителя (Наршахий, 1991, 91 б.). В частности, при раскопках цитадели Пайкенда выявлены следы пожаров этого времени (МБАЭ, 2001. С. 8). Не исключено, что и варахшинский дворец пострадал в указанные выше годы, коль скоро, в дальнейшем (на 2-м этапе по В.А. Шишкину) его пришлось перестраивать.

В истории обживания Варахшинского массива особо выделяется период примерно с конца VI - до 60-х годов VII в. Это было время расцвета экономики и культуры владения Х-н-к, а могущество Х-н-к-худатов достигло своей вершины. Во многом это было связано с тем, что в указанное время Варахша являлась важным перевалочным пунктом на магистральном торговом пути международного значения. Варахша располагалась на пути из Бухары в Хорезм. В то время торговые пути из Тюркского каганата (сначала единого, затем разделенного) в Византию пролегали в обход территории Ирана - через Согд, Хорезм, западное Приаралье, низовья Волги и т.д. Как известно, этот в основе древний путь был заново открыт в 568-569 гг. - по нему двигалось из каганата в Византию посольство во главе с согдийцем Маниахом, а обратное посольство возглавлял византиец Земарх (Гафуров, 1989. С. 276-278). Именно в рамках данного периода и должны быть датированы росписи варахшинского дворца и Учкулух-тепа. На этой же самой торговой трассе и недалеко от северо-восточных окраин Варах-

шинского массива располагался Рамитан - политический центр области Бухары тех времен, резиденция тюркского наместника.

Во второй половине VII в. хазары развернули военные действия в низовьях Волги с целью создания собственного каганата (Плетнева, 1982. С. 49-51) и соответствующий отрезок торгового пути в Византию оказался фактически перекрытым - пользоваться им было опасно. В то же время Иран уже был завоеван арабами (651 г.). Отношения арабов с тюрками и согдийцами в начале были мирными, особенно с купцами; они были кровно заинтересованы в развитии международной торговли через подвластные им территории. Поэтому снова возрастает значение магистрального пути через территорию Ирана, а "Хорезмийское" направление постепенно угасает. По данным китайской хроники "Тан Шу" еще в начале 60-х гг. VII в. политический центр области Бухары - это город Аланьи (Рамитан) (Малявкин, 1989. С. 77), однако уже на рубеже 60-70-х гг. VII в. резиденция тюркского наместника уже однозначно находилась в городе Бухаре (т.е. в преддверие ранних походов арабов на Бухару). Наместник был вынужден сменить место своей ставки, так как в создавшихся условиях Рамитан (и Варахша тоже) оказались на обочине торгового пути международного значения. А Бухара (город) - главный транзитный пункт на Самаркандско-Хорасанском отрезке Великого Шелкового Пути.

Как нам представляется, после переезда тюркского наместника Х-н-к-худат занял его опустевшие рамитанские апартаменты, поскольку они были, более престижными. Эту гипотезу можно подкрепить следующими сведениями из "Истории Бухары". Во время одного из походов Кутайбы на Бухару Х-н-к-худат, объединившись с царем Самарканда Тархуном, Варданхудатом (правителем Варданы) и тюркским принцем Курмагануном (Кур-багапуром), попытался дать сражение арабам в окрестностях Рамитана (точнее - в местности между Рамитаном, Тарабом и Хунбуном) (Наршахий, 1991. 121 б.). Тархун, Курмаганун и Варданхудат прибыли сюда со стороны, а Х-н-к-худат был местным удельным правителем. Стало быть, Х-н-к-худат все-таки мог иметь какое-то отношение к Рамитану.

После перемещения Х-н-к-худата в Рамитан варахшинский дворец, видимо оставленный без присмотра, стал приходить в упадок, хотя сам город продолжал обживаться, так же как и пункты сельской округи. Примечательно, что во время раскопок дворца Х-н-к-худата, здесь в слоях соответствующего времени (между 2 и 3 этапами по В.А. Шишкину) не удалось выявить следов

каких-то погромов и разрушений, однозначно связанных с военными действиями. В противном случае можно было бы уверенно связывать очередной кризис в истории Варахши с захватом города арабами. Характер культурных наполнений в помещениях дворца указывает на то, что потолки и верхние части стен обрушивались в мирное время и постепенно - под воздействием природных факторов. Правда В.А. Шишкин отмечал, что еще перед тем, как помещения дворца были забиты, живопись подверглась умышленной порче с помощью какого-то рубящего орудия, причем уничтожались преимущественно головы и фигуры людей (Шишкин, 1963. С. 57, 83). Можно предположить, что подобная показательная иконоборческая акция - это дело рук арабов, которые оказались здесь во время ранних походов (674, 676, 680 гг.) или уже при Кутайбе (706-709 гг.). Зброшенный дворец постепенно разрушался, но стены все еще сохранялись на значительную высоту, помещения еще не были окончательно забиты, а стало быть и росписи стояли на виду.

После полного завоевания области Бухары арабами (709 г.) династия Х-н-к-худатов прекратила свое существование, поскольку Кутайба б. Муслим, провозгласив Тагшаду Бухархудата единым царем всей области Бухары, постарался физически устранить всех потенциальных претендентов на престол. В благодарность за это Тагшад принял ислам, а своего сына, родившегося уже при арабах, назвал Кутайбой в честь своего покровителя (Наршахий, 1991, 93, 111 бб.).

На территории Варахшинского массива возник особый административный район (владение Бухархудатов), в значительной мере свободный от арабского влияния. Это была своего рода Варахшинская автономия в составе бухарского наместничества во времена Умаййадского халифата. Жители автономии платили арабским администраторам джизью (религиозный налог), харадж (земельный налог), исполняли трудовые повинности-вазифа, но могли при желании принять ислам, что наместниками всячески поощрялось. Во всем остальном арабские власти Бухары и всего Хорасана предпочитали не вмешиваться во внутренние дела автономии; в местные обычаи, традиции, порядки, неслучайно в качестве автономного округа был выбран именно Варахшинский массив. Этот район был удален от центра, граничил со степной полосой, но в то же время в отличие, например, от Пайкендского массива был густонаселенным; соответственно здесь были обширные земельные участки, пригодные для орошаемого земледелия, а разветвленная иррига-

ционная сеть содержалась на должном уровне. Кроме того, через Варахшу по-прежнему пролегла торговая дорога в Хорезм и далее, так что жители округа, и прежде всего сами Бухархудаты извлекали из этого дивиденды.

Создание Варахшинской автономии являлось политической уступкой арабских властей высшей прослойке местной знати. Власть арабов в первой половине VIII в. была еще очень непрочной, а после восстания в Согде в 728 г. им пришлось фактически заново завоевывать страну; восстание было подавлено в 732 г., но и после этого положение оставалось неустойчивым (История ат-Табари, 1987. С. 21-212, 218-231). В письменных источниках о существовании на территории Умайядского халифата такого автономного образования, находившегося под патронажем бухарских и хорасанских наместников, прямо не сообщается. Однако имеется множество косвенных данных, которые с большой долей вероятности указывают на такую возможность. Рассмотрим самые главные из них.

Тагшада был провозглашен при арабах царем всей Бухары; этим же титулом владели его сыновья. Царей без собственных земель (пусть даже на очень ограниченной территории) попросту не бывает. У Бухархудатов в первой половине VIII в. действительно было такое земельное имущество. В "Истории Бухары" прямо отмечается, что некогда Бухархудаты владели обширными земельными участками вокруг своей резиденции (Варахши). Этой землей владели и потомки Бухархудатов еще во времена Саманидов, пока ее не выкупил у них амир Исмаил ас-Самани (892-907 гг.). Также сообщается, что потомки Бухархудатов проживали в селениях Сафна и Сивандж (Наршахий, 1991. 92-95 б.). Селение Сафна – это, вероятно, тот же самый пункт, о котором сообщает ал-Истахри, правда под названием Сайфана. Этот средневековый город (или селение) располагался на левом берегу Джайхуна (Амударьи) на пути из Амула в Хорезм. Поблизости от Сайфаны размещалась относящаяся к Бухаре важнейшая переправа, упоминаемая у географа ал-Мукаддаси (X в.) под названием Махикабран. Сайфана локализуется на месте городища Турпак-курган в Кабаклинском тугае (территория Туркменистана) (Массон, 1966. С. 185, 192-194). Стало быть, Бухархудаты контролировали весь этот участок дороги в Хорезм – от Варахши до переправы на левый берег Джайхуна (Адылов, 2004. С. 20). Что касается селения Сивандж, то оно фигурирует в списках Йакута ал-Хамави под названием Суйандж (Бартольд, 1963. С. 182). Этот древний пункт также можно предположительно

локализовать с расположенным в 10 км к северо-востоку от Варахши большим городищем именуемым Кала-и Симинч. Оно было известно еще В.А. Шишкину. Правда исследователь не попытался отождествить объект с конкретным историческим пунктом, но отметил, что в литературе (топографической) и на картах имеются различные варианты этого названия: Симич, Силиш, Суюнич (Шишкин, 1963. С. 137). Мы полагаем, что именно на этом месте и следует локализовать древнее селение Сивандж.

После завоевания Бухары армией Кутайбы б. Муслима полным занятием арабами цитадели и половины шахристана, главной резиденцией Бухархудатов стала, безусловно, Варахша. То же самое мы наблюдаем и по Самарканду, где Гурек перенес свою резиденцию в Иштыхан или Афаринкет (Большаков, 1973. С. 154-155). Согласно "Истории Бухары", здесь на Варахше был убит и похоронен Сукан б. Тагшада. Его младший брат Бунйат б. Тагшада заново отстроил дворец Варахши; его тоже убили и похоронили в этом пункте (Наршахий, 1991, 92, 99 бб.). Историк ат-Табари (X в.), рассказывая о событиях 728 г., упоминает замок Бухархудата, который располагался недалеко от Байканда (Пайкенда) (История ат-Табари, 1987. С. 211-212). Разумеется, этим замком Бухархудата была именно Варахша. В.А. Шишкин ошибочно полагал, что Варахша «... была второй резиденцией правителей, так как основным местопребыванием Бухархудатов следует считать Бухару (Шишкин, 1963. С. 234). Однако по всем имеющимся данным Бухара в те времена была резиденцией арабских наместников. На территории Арка Бухары не могли сосуществовать сразу две резиденции. Правда в очерке о восстании под руководством Шарика б. Шайха ал-Махри (XXVI глава "Истории Бухары") (750 г.) сообщается о небольшом замке (кушк) Бухархудатов, располагавшемся на площади Регистан, недалеко от главных (западных) ворот Арка (Наршахий, 1991, 137 б.). Повидимому этот замок являлся местом проживания для Бухархудатов во время их визитов к арабским администраторам.

Одним из важнейших атрибутов понятия государственность является армия, и у Бухархудатов были свои, подчинявшиеся только им, воинские формирования. В упомянутом выше очерке сообщается, что Бунйат б. Тагшада прибыл (со стороны) к Бухаре со своей армией (10 тыс. воинов), и вместе с отрядами арабов под командованием Зийяда б. Салиха участвовал в подавлении восстания ал-Махри (Наршахий, 1991. 136-137 б.).

В первой половине VIII в. Варахшинский мас-

сив был зоной, в значительной мере свободной от идеологических и культурных догматов ислама. Сам Тагшада, хотя и считался мусульманином, в действительности так и остался огнепоклонником. Чего стоит хотя бы такой факт - после смерти (739 г.) его останки похоронили по зороастрийскому обряду. (История ат-Табари, 1987. С. 239). Более того, он часто даже не скрывал своей ненависти к исламу и его приверженцам. Отлично информированные арабские власти были вынуждены с этим мириться. Тагшада являлся не просто декоративной фигурой, а духовным лидером коренного населения области Бухары; его олицетворением, пользовался непререкаемым авторитетом, особенно в среде дехканства. С таким предводителем нужно было не бороться, а договариваться, и если требовалось – не избегать компромиссов даже по принципиальным вопросам. Лучшее из этого осознал Наср б. Саййар - пожалуй, наиболее дальновидный и способный наместник Хорасана времен Умаййадов. Он в конце концов и заключил с Тагшадой политическое соглашение, имевшее историческое значение в процессах внедрения ислама в идеологическую среду Бухары и слияния местной знати с арабской. Более того, он породнился с Тагшадой - стал его зятем.

Правда, за этот договор Тагшада заплатил головой – его убили собственные вассалы-дехкане, посчитавшие соглашение предательством интересов коренного населения области Бухары (История ат-Табари, 1987. С. 238-239). Роскошный архитектурно-скульптурный декор Варахшинского дворца времен Бухархудатов (3 этап по В.А. Шишкину) с его изображениями людей, животных, мифологических существ (драконов, грифонов, сирен и т.п.) совершенно не вписывается в каноны ислама и создан в лучших традициях раннесредневекового согдийского искусства. Такое искусство могло жить и процветать только в соответствующей среде. Правда, В.А. Шишкин попытался объяснить подобное противоречие тем, что и сами халифы в своих дворцах не брезговали подобными изображениями, несмотря на иконоборческие тенденции, и в этом подражали укладу жизни царей Ирана и Византии (Шишкин, 1987. С. 83). Однако, на наш взгляд, такое толкование выглядит несколько упрощенным и недостаточно убедительным. В "Истории Бухары" ясно отмечено, что Кутайба б. Муслим, будучи ортодоксальным исламистом, объявил настоящую войну согдийским культурным ценностям и безжалостно их уничтожил (Наршахий, 1991. 123 б.). Его преемники, наверняка, эту войну продолжили, и у нас нет оснований не верить подобным

сообщениям. В то же время, по всем признакам дворец Бухархудатов с его декором был разрушен не во времена Кутайбы б. Муслима, а гораздо позже. В.А. Шишкин приписывал строительство дворца Бунйату б. Тагшаде, опираясь на прямые указания в "Истории Бухары" (Шишкин, 1987. С. 83). В свете уточненных данных более вероятно, что все-таки именно его отец заново отстроил полуразрушенное здание дворца Бухархудатов и украсил стены резным ганчевым декором.

У Тагшады были свои многочисленные подданные – знатные и простолюдины, жизнью и смертью которых он мог распоряжаться по собственному усмотрению и без оглядки на арабские власти. Известна следующая история. Незадолго до своей смерти Тагшада ложно обвинил большую группу новообращенных жителей области Бухары в том, что они приняли ислам не по воле души, а дабы избежать выплат джизьи, и с этой целью ведут активную пропаганду среди остального населения. Он сообщил об этом в письме наместнику Хорасана Асаду б. Абдаллаху ал-Касри (предшественнику Насра б. Саййара). Тот ему якобы не только поверил, но даже поручил своему сборщику налогов Шариху б. Харису изловить "смутьянов" и отдать их на расправу Тагшаде. Действуя от имени наместника, Бухархудат казнил 400 мусульман из этой группы, а остальных отправил в Хорасан – в рабство. Однако никто из оставшихся в живых от ислама не отрекся (Наршахий, 1991. 133 б.). Крайне сомнительно, что наместник действительно стоял над всей этой акцией – она в корне противоречила политике арабов, направленной на распространение ислама, хотя в конечном итоге оскудевала казна (уменьшались поступления от уплаты джизьи). Защита интересов новообращенных мусульман (пусть даже принявших ислам из корыстных соображений), а также всемерная забота о них, входили в круг прямых обязанностей арабских администраторов. Следовательно, можно предположить, что пострадавшие не находились под их прямой юрисдикцией.

И наконец, есть веские основания полагать, что Бухархудаты (Тагшада и Кутайба б. Тагшада) чеканили собственные монеты. И это в те времена, когда арабские наместники области Бухары таким правом еще не обладали. В первой половине VIII в. все разменные (медные) монеты доисламской Бухары были вытеснены из обращения, и на смену им пришли фельсы, которые чеканились в соседних регионах халифата. Продолжали обращаться и старые "бухархудатские" драхмы, правда в несколько видоизмененном состоянии.

На изображение правителя наносился надчекан, и тем самым оно символически уничтожалось. После этого серебряная монета "неверных" становилась дозволенной (халол). И в то же время входят в обращение совершенно новые монеты местного чекана. На их лицевой стороне имеется схематизированное изображение ("рунический знак") напоминающее человеческую фигурку с расставленными ногами и поднятыми руками. На обратной стороне присутствует арабская легенда; иногда вместо надписи представлено лицо в анфас. По всем признакам эти монеты относятся к самому началу установления арабской власти, но сохраняют некоторую иконографическую преемственность по сравнению с более ранними местными чеканами. По-видимому, подобный "рунический знак" восходит еще к изображениям жертвенника с головой Ормузда над языками пламени и возник как результат дальнейшей схематизации и трансформации изображений этих зороастрийских символов, обычных для многих типов монет доисламской Бухары. Показательно, что и арабские надписи - символы веры в разных вариантах - сделаны неумелой рукой. О.И. Смирнова полагала, что их выпуск начался после 20-х годов VIII в. в Пайкенде (Смирнова, 1981. С. 418-419). Эти раннемусульманские монеты действительно характерны для Пайкенда, однако не менее часто они отмечаются и на Варахше (Шишкина, 1963. С. 105). На наш взгляд, эти монеты могли чеканить только Бухархудаты (сначала Тагшада, затем Бунйат б. Тагшада) в своей варахшинской резиденции между 710 и 751-752 гг. Во второй половине VIII в. эти монеты были уже однозначно выведены из обращения - их заменили аббасидские фельсы, и прежде всего те образцы, которые чеканились в Бухаре местными арабскими администраторами от имени халифов. Следовательно, в это время Варахшинской автономии, как особой административной территории в системе халифата, уже не существовало.

Само по себе существование Варахшинской автономии подрывало устои ислама в области Бухары, и поэтому она в конце концов была упразднена, когда позиции арабской власти в регионе значительно усилились. Скорее всего, автономию ликвидировал Абу Муслим - общепризнанный лидер Аббасидского переворота. Согласно письменным источникам, в 751 и 752 гг. он совершил последовательно два карательных похода на Согд (после подавления восстания ал-Махри), в ходе которых устроил массовую резню среди местной знати (История ат-Табари, 1987. С. 348). Наверное, именно тогда и перестало обживаться поселение Уччулох-тепа, хотя не исключено, что

это произошло еще во времена Кутайбы б. Муслима и в силу тех же самых причин. Был убит даже Кутаиба б. Тагшада, несмотря на то, что он являлся сторонником Аббасидов и участвовал в подавлении восстания ал-Махри (Наршахий, 1991. 93-95, 136-137 бб.). По своему вероисповеданию он вначале являлся мусульманином, но затем отрекся от ислама, что, очевидно, и сыграло роковую роль в его судьбе. Его младший брат и преемник Сукан б. Тагшада был истинным мусульманином и, согласно "Истории Бухары", погиб во время чтения Корана (Наршахий, 1991. 92-93 бб.). Вероятно, поэтому Абу Муслим предпочел Сукана его старшему брату. Абу Муслим не только убил Кутайбу б. Тагшаду, но также разрушил варахшинский дворец с его "богопротивным" ганчевым декором, лишил Бухархудатов многих прежних привилегий, и среди них самой главной - права чеканить собственные монеты. Однако при этом он сохранил за Суканом почетный титул царя Бухары, Варахшинскую резиденцию, а так-же всю земельную собственность Бухархудатов. В "Истории Бухары" говорится, что после смерти брата Сукан царствовал (но не правил) семь (лунных) лет (Наршахий, 1991, 92 б.), однако, скорее всего, это не совсем точные сведения. Более вероятно, что он был убит в 755 г. или чуть позже по прямому приказу халифа. В указанном году в результате заговора погиб Абу Муслим, а вслед за ним по приказу халифа Абу Джафара Мухаммада б. Абдаллаха ал-Мансура (754-775 гг.), ненавидевшего лидера революции, стали уничтожаться и его видные соратники и сторонники (История ат-Табари, 1987. С. 350-352). Очевидно, к их числу был причислен и Сукан б. Тагшада - как никак своим выдвижением он был обязан именно Абу Муслиму. После убийства Сукана поднялась волна возмущения, однако она быстро спала - позиции арабской власти в Бухаре в первые годы правления Аббасидов стараниями Абу Муслима существенно упрочились.

Следующий Бухархудат - Бунйат б. Тагшада - восстановил Варахшинский дворец, хотя от былого великолепия уже мало что оставалось. Отголоски данных восстановительных работ и нашли свое отражение в соответствующем разделе "Истории Бухары", а также прослежены на археологическом материале - один из заключительных этапов в строительной истории согласно В.А. Шишкину (Шишкин, 1963. С. 84). Правда, сам исследователь, как уже отмечалось выше, временами Бунйата б. Тагшады ошибочно датировал предшествовавший этап.

Согласно "Истории Бухары" Бунйат б. Тагша-

да также царствовал семь (лунных) лет (Наршахий, 1991. 92 б.), что также не соответствует действительности. Дата его смерти определяется в той же "Истории Бухары" 782-783 гг. (Наршахий, 1991. 94 б.), однако и она может быть оспорена.

Бунйат поначалу был мусульманином, но с появлением Муканны отрекся от веры и открыто поддержал восстание. Одним из ярких эпизодов движения "белоодежников" в области Бухары была оборона крепости Наршах (вблизи Вабкента) в 776 г. Этот пункт был главной резиденцией сторонников Муканны на территории области Бухары. Захватив крепость и восстановив свою власть в регионе, арабы тем не менее не расправились с Бунйатом (точнее, отложили расправу на некоторое время), опасаясь нежелательного резонанса. Восстание разгоралось по всей территории Согда, на помощь к местным жителям прибывали тюрки, а в Бухаре позиции арабов были более-менее устойчивыми, особенно на фоне других регионов. И только окончательно обезглавив восстание, халиф ал-Махди б. Мансур (775-785 гг.) отдал приказ покончить с Бунйатом (Наршахий, 1991. 94, 137-146 б.).

Согласно «Истории Бухары» Муканна покончил с собой в 783-784 гг., т.е. раньше Бунйата. Однако благодаря О.Г. Большакову определена наиболее вероятная дата смерти Муканны – между апрелем и августом 780 г. (Большаков, 1976. С. 97). Следовательно, в середине или конце 780 г. оборвалась и жизнь Бунйата б. Тагшады.

После подавления восстания Муканны и смерти Бунйата б. Тагшады процесс внедрения ислама в местную духовную среду вступил в свою завершающую стадию, так что Варахша стала постепенно утрачивать свой прежний политический и религиозный статус, также как и ее владельцы. Последним из представителей династии в "Истории Бухары" упомянут некий Абу Исхак Ибрахим б. Халид б. Буниат, который однако уже не обладал титулом Бухархудата. Тем не менее он владел землями Бухархудатов, хотя его права на эту недвижимость были сомнительными. Как можно понять из соответствующего раздела, земля когда-то была конфискована халифом у его предка (очевидно, Бунйата) в пользу государства в отместку за вероотступничество. Затем она снова была передана потомкам Бунйата в благодарность за службу, но только на правах аренды. Однако Абу Исхак Ибрахим не содержал ее в должном состоянии и, более того, считал своей собственностью. Именно у него и выкупил землю амир Исмаил ас-Самани. Судя по всему, Абу Исхак Ибрахим дожил до глубокой старости, по-

скольку умер в 913-914 гг. (Наршахий, 1991. 94-95 бб.). Как следует из его полного имени, он приходился Бунйату б. Тагшаде внуком, а имя его отца – Халид.³

Самым последним известным в истории Бухархудатом был Абу Мухаммад, который жил в одно время с амиром Насром б. Ахмадом ас-Самани (865-892 гг.) (Наршахий, 1991. 151 б.). Упомянутому выше Абу Исхаку Ибрахиму он приходился, скорее всего, старшим братом – родным или сводным. После смерти Абу Мухаммада канул в Лету и сам титул Бухархудат.

Во времена Саманидов Варахша была всего лишь центром сельскохозяйственного района-рустака, сложившегося на территории бывшего удела Бухархудатов. Назывался этот рустак Задний Самджан. Интересно, что рустак, центром которого являлся Рамитан, назывался Передний Самджан. Данное сходство в названиях может быть указанием на то, что в некоторые более ранние периоды истории оба этих пункта составляли некое административно-хозяйственное единство (Адылов, 1998. С. 26). Кроме того, Варахша уже не считалась городом, а ее цитадель понемногу разрушалась. Известно, что амир Исмаил ас-Самани предложил местным жителям перестроить полуразрушенную цитадель Варахши в соборную мечеть (т.е. по понятиям тех времен снова придать пункту городской статус) и обещал профинансировать мероприятие, однако варахшинцы поскромничали и отказались (Наршахий, 1992, 99 б.).

На Варахше и многих других поселениях ее округа обживание продолжалось до начала XI в., хотя кризисные моменты ощутимо наметились в середине X в. (Шишкин, 1963. С. 243). Со времени правления амира Нуха б. Насра ас-Самани (943-954 гг.) в государстве начинается упадок в экономике и социальной сфере, который во второй половине X в. вылился в мятежи знати и децентрализаторские устремления представителей крупного военного и административного чиновничества в округах против центральной власти. В конце концов государство рухнуло под ударами Караханидов в 999 г. (История УзССР, 1955. С. 245). Все эти потрясения отразились и на земледелии, и в первую очередь на низовых частях ирригационных систем – их расчищали от песка, ила и других речных отложений уже не так часто, как прежде. К тому же новые землевладельцы – представители караханидской аристократии и воины не проявляли особого интереса к развитию земледелия. Они предпочитали кочевой образ жизни и стремились извлекать максимально возможные доходы за короткое время. Для этого им

было выгоднее превращать возделанные культурные поля в пастбища – животноводство всегда было менее затратной, более продуктивной и доходной отраслью сельского хозяйства, нежели земледелие. Тем более, если это были участки, где степная зона вплотную прилегала к освоенным землям. Именно так и случилось с землями Варахшинского массива в XI в. Для сравнения, в то же самое время существенно сократилось обживание на другой территории, располагавшейся, как и Варахшинский массив, на стыке степной зоны и культурной полосы – в Древнепайкендском оазисе (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Семенов, 1988. С. 189).

Кратковременное возрождение Варахшинского массива в XII в. можно связать с именем и деятельностью Караханида Арслан-хана (1102-1130 гг.). Этот правитель Мавераннахра вошел в историю как незаурядный государственный деятель, при котором, хотя и короткое время, экономика страны находилась на подъеме. Усилились также позиции Караханидов на международной арене. Арслан-хан уделял большое внимание развитию торговли, градостроительству, обустройству заброшенных земель (История УзССР, 1955. С. 246). В частности известно, что он попытался возродить Пайкенд в его прежнем качестве путем строительства нового канала взамен высохшего (Наршахий, 1991. 100-101 б.), хотя канал так и остался недостроенным. В указанный период Пайкенд являлся малонаселенным транзитным селением на торговом пути из Мавераннахра в Хорасан, и не более того. Комплексы глазурованной и неглазурованной посуды, относящиеся к этому периоду обживания Пайкенда и его округи, практически ничем не отличаются от тех, что отмечаются в материалах Варахши, Учкулухтепа и множества других поселений округи. Стало быть, эти периоды возрождения обеих зон

можно синхронизировать. Коль скоро Арслан-хан занимался возрождением Пайкенда, то не могли остаться в стороне и земли Варахшинского массива, имевшие большое сельскохозяйственное значение. Кроме того через Варахшу, как и прежде, пролегал торговый путь из Бухары в Хорезм. Географ ас-Сам'ани, посетивший Бухару в 1153 г., отмечал в частности, что Пайкенд лежал в развалинах и лишь на территории рабата им было отмечено проживание нескольких туркменских семей (Камалиддинов, 1993. С. 63). Все эти данные несомненно указывают на общие глобальные процессы усыхания западных, южных и северных окраин Бухарского оазиса. Но на отдельных объектах стратегического или торгового значения жизнь, хотя и в значительно меньших размерах, продолжала теплиться. Вода сюда, хотя и нерегулярно, все же поступала в небольших количествах. Так, археологически, при полном запустении городища Пайкенд отмечены участки обживания в XII веке лишь на рабате 4 и части цитадели. Отмечено также использование большого количества колодцев для этого периода. Ситуация с Варахшой и Варахшинским массивом была несколько лучше, так как здесь, в отличие от Пайкенда, на пути протоков не стояли естественные каменные гряды.

И в последующие века предпринимались попытки возродить Варахшинский массив, но без особых успехов; в XV-XIX вв. обживались только северные и восточные окраины этих земель (Шишкин, 1963. С. 134-137).

Подводя итоги, можно заключить, что предложенные новые данные по периодизации и хронологии истории Варахшинского массива пока не являются окончательными; вполне возможны корректировки и дополнения в ходе дальнейших исследований.

Сноски

1. При раскопках Варахши были получены обширнейшие комплексы керамики, которые, к сожалению, лишь частично получили отражение в монографии "Варахша". В разделах книги, посвященной ключевым объектам - цитадели, дворцу, крепостным стенам, керамические комплексы и вовсе отсутствуют (Шишкин, 1963. рис. 24). Не исключено, что в соответствующих раскопках так же были комплексы керамики, которые просто не учитывались в качестве датирующего материала. Кроме того, в эти годы керамика "кызылкырского" типа оставалась еще совершенно неизученной (Шишкин, 1955. С. 102; Нильсен, 1959. С. 77).
2. Согласно современным исследованиям, теле (телеуты) - это название союза 44 древнетюркских племен, которые еще до образования Тюркского каганата обитали на обширной степной территории - от Волги на Западе до верховьев Енисея на Востоке (МЭИТНЦА, 2003. С. 12-15).
3. У В.А. Шишкина в монографии "Варахша" почему-то "...Абу Исхак, сын Ибрахима, внук Халида, правнук Бунйата" (Шишкин, 1963. С. 239). А.Ю. Якубовский тоже считает этого землевладельца правнуком Бунйата (История УзССР, 1955. С. 204). В данном случае "Абу Исхак" - это явно не имя якобы сына, а кунья (прозвище) самого Ибрахима б. Халида. Доказательством тому является приведенный Наршахи сокращенный вариант его имени с куньей - Абу Исхак Ибрахим (Наршахий, 1991. 95 б.). Кунью Абу Исхак, наряду с Абу Исмаил обычно прибавляли к аламу (основному имени) Ибрахим по той причине, что библейский Авраам (коранический Ибрахим) являлся отцом Исаака (Исхака) и Самуила (Исмаила), и в таких сочетаниях отражалась их связь.

Использованная литература

- Адылов Ш.Т. Становление и развитие городской культуры Бухарского Согда по материалам стратиграфических исследований (IV в. до н.э. -VIII в.): Автореф. дис... канд... ист... наук. Самарканд, 1987.
- Адылов Ш.Т. К исторической топографии Варахши // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.
- Адылов Ш.Т. Административно-территориальное устройство Западного Согда в Раннем Средневековье. (Письменные источники, историческая топография, топонимика) // ОНУ. 1998. №6.
- Адылов Ш.Т. К вопросу происхождения названия "Варахша" и некоторых топонимов и гидронимов Западного Согда // ИМКУ. Вып. 32, Ташкент, 2001.
- Адылов Ш.Т. Западные окраины Бухарского оазиса на ранних стадиях обживания // ИМКУ. Вып. 33, Ташкент, 2002.
- Адылов Ш.Т. Историческая топография одной из средневековых дорог по направлению Бухара-Хорезм // Археология и история центральной Азии. Самарканд, 2004.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского завоевания. Соч. Т. 1. М., 1963.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., 1950.
- Большаков О.Г. Хронология восстания Муканны // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. Душанбе, 1989.
- Франц Грене. Новые свидетельства о Нахшабе и Кеше античного периода. (Арамейский архив сатрапа Балха и согдийские надписи из Культобе (Казахстан) // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Ташкент-Карши, 2006.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1987.
- Жуков В.Д. Материалы к изучению Баштепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса // Труды ИИА АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.
- Зезенкова В.Я. Череп из Кызыл-кыра // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
- История ат-Табари. Ташкент, 1987.
- История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 1. Ташкент, 1955.
- Кабанов С.К. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953-1954 гг. // ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.
- Камалиддинов Ш.С. "Китаб ал-Ансаб" Абу Са'да Абдаркарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
- Культура древнебухарского оазиса III-VI вв. Ташкент, 1983.
- Малявкин А.Т. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // Труды ЮТАКЭ, Т. XIII, Ашхабад, 1986.
- Материалы Бухарской Археологической Экспедиции (МБАЭ) // Вып. II. Раскопки в Пайкенде в 2000 г. СПб., 2001.
- Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. /МЭИТНЦА/. Ташкент, 2003.
- Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. Предварительные результаты археологических исследований на рабаде 4 городища Пайкенд // Города и каравансарай на трассах Великого шелкового пути. Ургенч, 1991.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. Ташкент, 1988.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Вульфферт Э.Ф. Результаты исследования археологических памятников Варахшинского массива (по материалам работ 1985 г.) // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Наймарк А.И. Монеты бухарского царя Ханука (Хунака) // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16-21 апреля, 2000 г., СПб., 2001.
- Нильсен В.А. Кызыл-кыр (результаты раскопок 1955 г.) // ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.
- Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
- Семенов Г.Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
- Ураков Б. Культура Бухарского оазиса втор. пол. I тыс. до н.э. и пер. пол. I тыс. н.э. (на основе изучения керамических материалов). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982.
- Шишкин В.А. Варахша. (Предварительное сообщение о работах 1949-1953 гг.) // СА. Вып. XXIII, 1955.
- Шишкин В.А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша // Труды ИИА АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.
- Шишкин В.А. Археологическая разведка на Баш-тепа // Труды ИИА АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1958.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Шишкина Г.В. Замок Бод-Асия в окрестностях Пайкенда // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
- Шишкина Г.В. Варахша и ее округа. Новые исследования // Археология Средней Азии. Ташкент. 1990.
- Наршахий М. Бухоро тарихи. «Мерос». Тошкент, 1991.
- Chiara Silvi Antonini. Uch Kulakh an early medieval fort in the Bukhara oasis // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент, 2001.

Э.В. Ртвеладзе

ОТКРЫТИЕ НАДПИСЕЙ КХАРОШТХИ НА ГОРОДИЩЕ КАМПЫРТЕПА (УЗБЕКИСТАН)

1. Общие сведения о городище

Кампыртепа (букв. Холм старушки или старый холм) - древнее городище (конец IV в. до н.э. - середина II в. н.э. - расположено в 30 км к западу от г. Термеза Сурхандарьинской области Узбекистана, на правом берегу Амударьи, у кишлака Шуроб.

Впервые обследовано в 1972 г. Э.В. Ртвеладзе. В 1979 г. проведены первые раскопки в западном «пригороде» Кампыртепа могильника, состоящего из наусов. В 1982-1992 гг. осуществлялись раскопки на цитадели, собственно городе и зороастрийских погребальных сооружениях в «пригороде». С 1999 г. и до настоящего времени ежегодно на городище ведутся раскопки Тохаристанской археологической экспедицией (руководитель акад. АН РУз Э.В. Ртвеладзе) научно-исследовательского Института искусствознания Академии художеств Республики Узбекистан. Эти исследования осуществляются совместно с учеными Музея Востока в Москве (Т.К. Мкртычев, С.Б. Болелов), Института археологии РАН (Н. Двуреченская), Японии (проф. Хага) и Франции.

Данные комплексные исследования привели впервые в археологической практике в Средней Азии к почти полному вскрытию городища по верхнему культурному горизонту, датирующемуся временем правления кушанского царя Канишки (первая половина II в. н.э.). Это, в свою очередь, позволило установить особенности архитектуры и фортификации, квартальную систему деления внутреннего пространства, уличную сеть, денежную систему и письменности, характер и особенности материальной и художественной культуры, существовавшей в этом населенном пункте.

На месте Кампыртепа нами была локализована «греческая» переправа на Амударье - *παυδάχειου* «гостиница», описанная персидским автором XV в. Хафиз-и Абру. Она помещена В.Ф. Минорским к востоку от Термеза при впадении Сурхандарьи в Амударью. Согласно ему, в основе слова Хафиз-и Абру лежит искаженное греческое слово «*παυδάχειου*» без конечного *ου* - *παυδοχει*, что подтверждено В. Хеннингом, указывавшем, что в каком-то согдийском диалекте греческое слово «*παυδοχει*» превратилось в «пардавки» или даже в «пардагви» (отсюда - Бурдагуй Хафиз-и Абру). Нами также выдвинуто предположение о локали-

зации на месте Кампыртепа Александрии Оксиданской, упомянутой Птолемеем.

Установлено семь периодов обживания, условно названных КТ-1-КТ-7. Три из них - КТ-1 - КТ-3 приходятся на эллинистическое время (конец IV в. до н.э. - начало второй половины II в. до н.э.) два - КТ-4-КТ-5 на юечжийское (вторая половина II в. до н.э. - первая половина I в. до н.э.) и парфянское время (со времени Орода II (59-39 гг. до н.э. и до начала I в. н.э.), КТ-6 и КТ-7 - на раннекушанский и кушанский (начало I в. н.э. - первая половина II в. н.э.).

Самый ранний населенный пункт возник здесь в конце IV в. до н.э., после прекращения жизни на рядом расположенной крепости ахеменидского времени Шортепа, разрушенной при походе Александра Великого. При Селевкидах и греко-бактрийских царях Кампыртепа состояла из укрепленного мощными стенами арка, с воротами и предвратными сооружениями в юго-восточном углу, «верхнего города» и «нижнего города», расположенного в пойме Амударьи. К востоку от «верхнего города» находились гончарные мастерские.

При юечжах поселение обживалось в тех же пределах, однако крепостная стена цитадели не функционирует, предвратные башни превращаются в хумхану, у крепостных стен возводятся жилые помещения.

Во второй половине I в. до н.э. Кампыртепа принадлежала парфянам. Кампыртепа-Пандахейон превращается в парфянский форпост на востоке Парфянского государства для контроля над важнейшей дорогой, шедшей из Индии по Оксу в Маргиану, к Каспийскому морю, в Закавказье и далее, описанной Страбоном и Плинием.

Для этого времени найдено было 10 парфянских медных монет и отдельные предметы (серебряные статуэтки, бронзовый перстень с изображением лучника, терракоты) парфянского происхождения.

Кушаны завоевали Кампыртепа при Сотере Мегасе (Вима Токто) в процессе их наступления с юга из Кабулистана и Гандхары на север.

При Кушанах поселение на месте Кампыртепа значительно расширяется и превращается в большой населенный пункт, общей площадью более 20 га. Его протяженность с востока на запад - 700-750 м, с севера на юг - 200-250 м (южная часть городища обрушилась из-за размыва Амударьи).

В это время оно состояло из четырех основных частей: а) «Цитадели» - бывшего арка, утратившего при Кушанах военно-административные функции (крепостная стена не существует, ров превращается в улицу). Она функционирует уже как огромный жилой и складской комплекс с большим количеством хумхана, где хранились запасы продовольствия для obsługi проходивших караванов; б) «верхнего города», окруженного крепостной стеной с одиннадцатью башнями и обводным рвом. Пространство внутри него узкими улочками-галереями шириной 1,3-1,5 м разделено на одиннадцать блоков, состоящих из отдельных кварталов, выходящих дверями (проходами) на эти улицы. В свою очередь эти кварталы состоят из домов отдельных семей, включающих несколько помещений. Два из блоков - 1 и 5 иной структуры, вероятно, это здание общественного (блок 1) и культового назначения (блок 5). Широкой (до 4 м) улицей «верхний город» делится на две большие части: восточную (пять блоков) и западную (шесть блоков); в) «Пригородной» зоны, состоящей из западного и восточного некрополей, включающих различного рода погребальные постройки зороастрийского характера (ката, наусы). В западном некрополе зафиксировано десять наусов, состоящих из двух и трех камер, сложенных из сырцового кирпича 33,35x33,35x12-13 см того же формата, что и здания в жилой застройке. В восточной части зафиксировано несколько наусов и погребальное сооружение - ката, вытянутое по оси север-юг, длиной 66,5 м, шириной 3-4,2 м. Оно, в свою очередь, состоит из трех зданий, разделенных узкими проходами; г) «Нижнего города», торговоремесленного назначения, расположенного в пойме Амударьи, от которого сохранились отдельные участки.

Такая планировка и структура города сложилась при кушанах, тогда как в эллинистическое время обживание его не выходило с северной стороны за линию цитадели. При Сотере Мегасе территория к северу от цитадели была обведена крепостной стеной, а при Кадфизе I и Канишке - застроена зданиями.

Наличие двух некрополей, деление города на две части - восточную и западную позволяет предположить, что население его состояло из двух, возможно, близкородственных родов, тогда как кварталы заселяли «большие патриархальные семьи», подобные зафиксированным в хорезмских документах из Топраккалы.

Функциональное назначение города существенно изменяется в процессе исторического развития. Если первоначально - это мощная кре-

пость, возведенная эллинистическими правителями Бактрии для охраны важнейшей в то время переправы через Окс по дороге из Бактр в Мараканду, то в кушанское время она превращается в своеобразный пункт таможенного надзора и складского-торгового назначения для обслуживания торговли.

Найдены разнообразные и многочисленные предметы материальной культуры. Для эллинистического времени - это керамические сосуды типа амфор, фиал, кратеров, мегарских чаш, металлические изделия, остраки с греческими граффити, более сорока монет Селевка I, Антиоха I, Диодота, Евтидема, Деметрия, Аполлодота, Евкратиды, Гелиокла.

Для кушанского времени - многочисленные типы керамики, металлическое блюдо, предметы вооружения и быта, украшения, разнообразные терракотовые статуэтки, около 600 бронзовых монет Сотера Мегаса, Кадфиза II и Канишки.

Особый интерес представляют находки фрагментов бактрийских рукописей на папирусе - древнейших рукописных текстов, найденных в Средней Азии и надписей кхароштки на входе у цитадели.

Найденные предметы свидетельствуют о широких торговых и культурных связях с другими областями Средней Азии, Индией, Парфией, Восточным Средиземноморьем.

Кампыртепа-Пандахейон прекращает свое существование при Канишке, по-видимому, в результате сильного землетрясения и последующего за ним разлива Амударьи-Окса. В последующее время городище больше никогда не обживается и только башни 10 и 11 крепостной стены Кампыртепа используются для погребений, датированных монетами Хувишки.

II. Археологические исследования юго-восточного участка крепостной стены цитадели и предвратного комплекса

Цитадель Кампыртепа, расположенная в южной части городища, с трех сторон обведена широким рвом, отделяющим ее от остальной части городища (рис. 1). С южной стороны она была обращена к Амударье—Оксу, где еще в древности почти половина цитадели была разрушена в результате изменения русла этой реки, по-видимому, в результате мощного землетрясения и последующего за ним сильного наводнения. Сейчас размеры цитадели 175 м по оси запад-восток и 200-250 м по оси север-юг.

Со всех сторон цитадель была обнесена крепостными стенами, которые сохранились сейчас только с восточной стороны, так как с северной и западной они были, вероятно, полностью срыты

Кампыртепа - 2007.
План стены цитадели и предвратных сооружений
по уровню четвертого периода

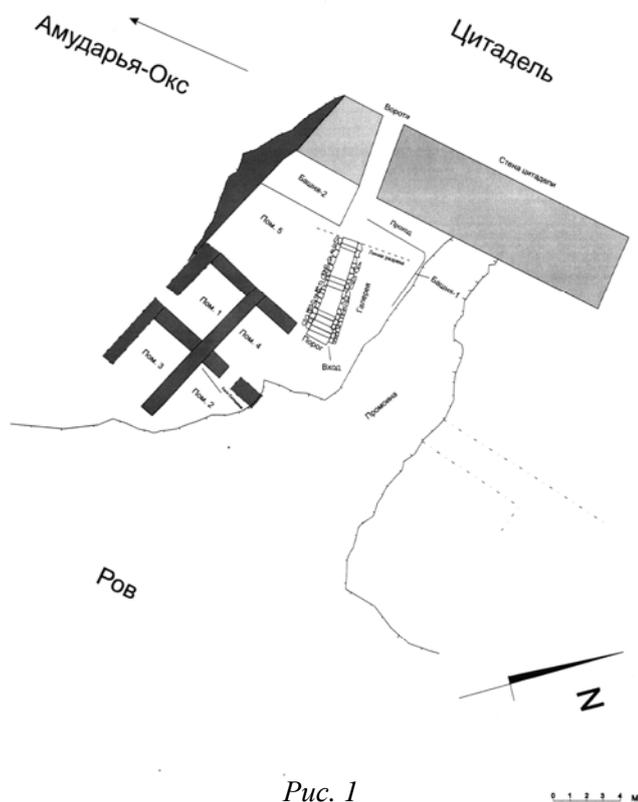

Рис. 1

при Кушанах, а на их месте были возведены сооружения иного характера. С восточной стороны высота цитадели вначале достигает 18-20 м от уровня рва, затем она постепенно понижается к югу, к обрыву террасы, обращенной к Амударье. В этом месте с внешней юго-восточной стороны к крепостной стене примыкает продолговатый участок (останец) с сильно разрушенными сторонами, ограниченный с северной стороны промоиной, с южной – разрушенным краем террасы, а с восточной - рвом цитадели.

В 2001 г. по южному его краю был заложен разрез длиной более 40 м (раз.-1), а с северной - другой разрез (раз.-2), объединенные впоследствии в единый раскоп (рис. 2). Раскопки здесь еще не закончены, но уже сейчас в целом определена стратиграфия и периодизация культурных слоев на этом раскопе, время сооружения крепостной стены цитадели и предвратных сооружений, обнаружено уникальное сооружение условно названное галереей, где обнаружены интереснейшие надписи кхароштки.

Первый период (конец IV в. до н.э. - начало III в. до н.э.). В данный период лессовая терраса, обращенная к Амударье, была подрублена с северной стороны. Этот лессовый останец послужил основанием под крепостную стену, возведенную из сырцового кирпича (42-43x42-43x12 см). К этой стене была пристроена из кирпича-сырца

того же формата поперечная крепостная стена толщиной 5 м с воротами шириной 1,2 м, основанная на выступающем на 2-2,5 м от крепостной стены подрубленном материке (первая ступень) выполнявшем функцию бермы. Высота этой ступени 2,5 м. На восток от «бермы» на расстоянии 5 м в материке была сделана вторая ступень высотой 2 м. Третья ступень, представляющая собой стенку рва, находится на расстоянии более 9 м от края второй ступени.

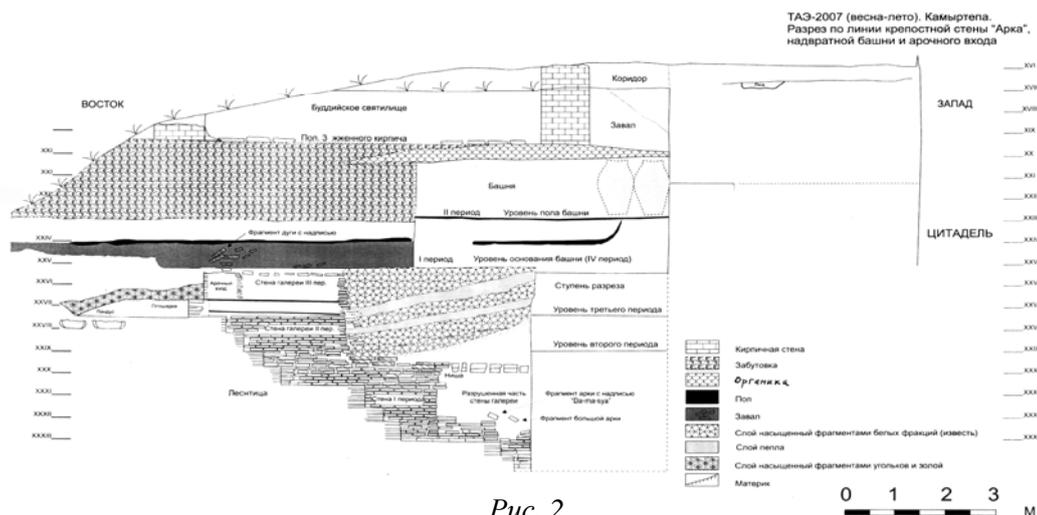
Второй период (начало - середина III в. до н.э.). Спустя какой-то промежуток времени, началось обживание второй ступени, на которой накапливается культурный слой толщиной 1 м с керамикой и костями животных.

Третий период (вторая половина III - начало II в. до н.э.). Культурный слой второго периода был перекрыт полом помещения нового периода (10 см XXXI яруса). На этом полу стояли три хума. Культурный слой этого периода средней плотности, чередующийся с очажными пятнами, прослойками золы, угольками, насыщенный фрагментами керамики и костями животных. В верхней части слоя (XXIX ярус) был найден халк Евтидема (230 - 200 гг. до н.э.) с головой Геракла на л. ст. и скачущей лошадейю на об. ст. Судя по отсутствию потертости и хорошей сохранности этот халк выпал из обращения непосредственно во время правления царя Евтидема. В свою очередь, культурный слой третьего периода на границе XXIX и XXVIII ярусов перекрыт четко выраженным полом.

Четвертый период (начало - середина II в. до н.э.) характеризуется кардинальной перестройкой данной территории, возведением предвратных сооружений и галереи, достройкой крепостных стен. Так, к южной стене пристраивается ряд следующих друг за другом помещений (пом. 1, 2, 3, 4), по-видимому, караульного характера, стены которых выстроены из кирпича-сырца размером 37-38x37-38x12 см (рис. 2). Одновременно из кирпича того же формата достраивается крепостная стена акрополя, верхние участки которой к этому времени, вероятно, уже были частично разрушены.

Пятый период (конец II - начало I в. до н.э.). Спустя некоторое время пространство между северо-западной стеной предвратных сооружений и первой ступенью крепостной стены было заполнено мусорно-зольно-известковыми слоями. В выбросе из этих слоев обнаружена драхма Евкратиды (171-155 гг. до н.э.).

Шестой период (вторая половина I в. до н.э. - начало I в. н.э.). Южная надвратная башня была доложена новой кладкой из кирпича в результате

чего эта башня значительно увеличилась по площади (4,3x3,4 м). С внешней стороны ее грань была покрыта глино-саманной штукатуркой, по поверхности которой пальцами прочерчены равномерные полосы. Была усилена и северная надвратная башня, а также расширена крепостная стена цитадели. Возможно, этот период связан с парфянским этапом в истории Кампыртепа, датирующимся концом I в. до н.э. - началом I в. н.э.

Седьмой период (первая половина - середина I в. н.э.). Разрушение крепостных стен цитадели. Поверхности этих стен обживаются, о чем свидетельствуют находки фрагментов керамики, металлических изделий и мелкой серебряной монеты из числа подражаний оболам Евкратида, обращавшимся еще в I в. н.э. Разрушение галереи. Этот период связан с завоеванием Кампыртепа при Сотере Мегасе.

Восьмой период (конец I в. н.э. - начало II в. н.э.). На уровне прохода накапливается слой обживания толщиной 50 см, приходящийся на XXIII - 5-10 см XXII яруса. Тогда же с внутренней стороны крепостной стены в юго-восточном углу цитадели была вырыта огромная мусорная яма, которая частично разрушила и крепостную стену, и южную сторону ворот. Эта яма использовалась, судя по находкам монет, и в период правления Кадфиза II и Канишки (первая половина II в. н.э.). Галерея в это время обживается, о чем свидетельствуют находки в ней костей животных и керамики. С внутренней и внешней сторон к крепостной стене пристраиваются различного рода помещения.

Девятый - последний период (первая половина - середина II в. н.э.). Слой обживания был засыпан слоем сравнительно чистой земли толщиной 35-40 см, уплотнен и выровнен (45-10 см XXII яруса). На этом уровне (10 см XXII яруса) было возведено буддийское святилище. Это здание

прекращает функционировать одновременно с прекращением жизни на всем городище после правления царя Канишки I - т.е. в середине II в. н.э.

III. Археологические исследования «галереи»

Сооружение, условно названное галереей, обнаружено в 2007 г. при планомерных раскопках комплекса предвратных сооружений. Причем, вначале был найден вход в «галерею», затем соответствующие ее части - стены и лестница со ступеньками. Вход в «галерею», обращенный на восток представляет собой выступающий вперед на 0,8 м «портал», перекрытый в древности несохранившимся сейчас сводом. Он находится в 1,5 м от края промоины (рис. 2). Сохранившаяся высота входа 0,8-0,9 м, ширина у основания 1,1 м, толщина стен 0,5 м. Перед входом расположен порог высотой 0,4 м, длиной 0,35 м. Стены входа выложены из половинок жженого кирпича длина 33-34 см, толщина 3,5-4 см. Для кладки стен были также использованы фрагменты дуг арк, в том числе один фрагмент с частично сохранившейся надписью кхароштки, содержащий 4 или 5 букв (рис. 3).

Порог выложен из трапециевидного жженого кирпича 39x27x5 см и фрагментов дуг арк. Вход в «галерею» начинается на расстоянии 9-10 м от ворот, находящихся в восточной крепостной стене цитадели, причем стены «галереи» по направлению точно сориентированы на ворота и на главную улицу, разделяющую цитадель на две части: северную и южную (рис. 1).

От входа вниз отходит лестница из трех маршей, разделенных тремя площадками. Первый марш из 4 ступеней высотой 35 - 40 см выходит на первую площадку лестницы длиной 1,7 м. От нее вниз идет второй марш из 4 ступеней, выходящий на вторую площадку, длиной 1,9,5 м, от которой в свою очередь спускаются три ступени, выходящие на третью площадку. Возможно, тре-

Рис. 3

тъя площадка является уже полом галереи, которая следует к воротам цитадели, до которых осталось раскопать всего лишь 2 м. Общая длина раскопанной части «галереи» - 7,05 м, ширина от 1,2 до 1-1,1 м. Лестницу «галереи» с двух сторон ограничивают разрушенные еще в древности стены. Ширина стен 50 см, наиболее сохранившаяся высота от уровня первой площадки - 2,5 м, в некоторых же местах их высота всего 20-30 см. Стены «галереи» построены из половинок жженого кирпича (33-34x7x3,5-4 см), обращенных ровной гранью внутрь галереи. Ступени лестницы выложены из трапециевидного жженого кирпича 39x27x5 см, площадка из половинок и фрагментов жженого кирпича. Впоследствии для ремонта разрушенных стен использовались также фрагменты дуг арок, в том числе с надписями кхароштни. Пол галереи находится на глубине 17,2 м от репера (15-20 см XXXV яруса)¹. Перепад высот между уровнем пола первой ступени (20 см XXVIII яруса) и уровнем пола третьей площадки составляет 3,5 м, причем верхняя точка сохранившейся высоты арочного входа находится на глубине 20 см XXVI яруса. Таким образом, общая высота стен галереи с уровня третьей площадки должна была достигать более 4 м.

IV. Периодизация и хронология галереи

Стратиграфическая фиксация слоев позволила выделить пять периодов функционирования и разрушения галереи, определить предварительную датировку каждого из этих периодов.

I период. Сооружение и функционирование галереи. Первоначально в материковом грунте, верхний уровень которого соответствует XXIX - XXX ярусам была вырыта траншея шириной - 2,1 м и глубиной 2-2,2 м. Вдоль обеих сторон этой траншеи были возведены стены, сооруженные из половинок жженого кирпича 33-34x7x3,5-4 см, уложенных ровной гранью с внешней стороны. В

результате этого возникла узкая (ширина 1,1 м) и длинная галерея (общая длина которой пока не выяснена), перекрытая деревом или камышом (?). Причем галерея точно сориентирована на ворота в крепостной стене цитадели. Галерея, возможно военного назначения, входила в парадный входной комплекс цитадели, вероятно, типа чартака. Вход в него был перекрыт арками, выложенными из обожженных дуг (модулей), длиной - 76 см, шириной - 16-17 см, толщиной - 6,5-7 см. На арки боковых входов были нанесены надписи - кхароштни, состоящие из одного имени, которое по мнению Ж. Фусмана, читается как Da-ma-sya, Dar-ma-sya и Da-me-sya/o (рис. 3)². Арку центрального входа украшала большая надпись, в которой, по-видимому, перечислялись деяния этого важного лица и от которой пока найдена часть - начало надписи - Damasya kuva karakasya "from Dama the well-maker...", т.е. «Дама, по приказу которого сооружен колодец...» или «Дама, соорудивший колодец...» (рис. 3). К этому же времени относится надпись из пяти или четырех знаков, на частично сохранившемся модуле из замка арки (?), транскрибируемая нами как .. gva-?—la—ja...

Для датировки этого периода весьма существенно, что траншея была спущена с уровня пола караульных помещений, возведенных на слое, датируемом керамикой и халком Евтидема (230-200 гг. до н.э.) - концом III в. до н.э. - началом II в. до н.э., тогда как слой над ним датируется найденным в нем драхмой Евкратиды (171-155 гг. до н.э.). Таким образом, время сооружения входного комплекса в цитадели, а следовательно, и надписей кхароштни можно, отнести к первой половине II в. до н.э.

II период. Разрушение галереи. Стены галереи с обеих сторон в ряде мест были разрушены почти до основания, возможно, в результате военных действий. Спустя некоторое время почти все пространство укрепленной стены цитадели, в том числе галерея, было засыпано мусором, органикой и золой. Эти слои по находкам в них керамики позднего греко-бактрийского времени и драхмы Евкратиды (171-155 гг. до н.э.) могут быть датированы серединой - началом второй половины II в. до н.э. Не исключено, что разрушение галереи и входного комплекса в цитадели связано с юечжийским завоеванием Северной Бактрии в начале второй половины II в. до н.э.

III период. Восстановление галереи, сооружение лестниц. Разрушенные участки стен галереи закладываются жженым кирпичом и фрагментами дуг арок, в том числе, с надписями - кхароштни, а с уровня материка возводится кладка стен такой же ширины и конструкции. Для этого но-

вой траншеей были прорезаны мусорные и зольные слои, накопившиеся во второй период. С уровня, соответствующего 10 см XXVIII яруса возводится сводчатый вход в галерею, от которого вниз была проложена лестница со ступенями, доходящая до пола галереи первого периода.

Датировка данного периода в функционировании галереи совпадает с датировкой общего шестого периода (см. выше). Сероглиняная керамика, найденная в слоях этого периода, датируется II—I вв. до н.э. - началом I в. н.э., т.е. юечжийско-кушанским временем.

IV период. Обживание галереи, утрата прежних функций и разрушение стен. Какое-то время при кушанах, захвативших Кампыртепа при Сотере Мегасе, галерея в прежнем виде еще сохранилась, так как на полу лестничных площадок и ступеньках лестницы накапливается характерный слой обживания с зольными прослойками, костями и рогами животных, керамикой типичной для раннекушанского времени. Затем стены галереи, особенно в месте прежнего ремонта, обрушились или по причине, вероятно, природного катаклизма (землетрясение, следы которого обнаружены и в других местах) или были разрушены намеренно. В результате этого внутри галереи образовался почти сплошной завал из разрушенных стен, в котором было найдено большинство фрагментов

дуг (модулей) арок с надписями кхароштки.

В последующее время накопившейся над галереей и предвратными сооружениями культурный слой был утрамбован и выровнен. Этот новый уровень, соответствующий 10 см XXV яруса представлял собой пол прохода, ведущего к воротам в крепостной стене цитадели. Далее на этом уровне происходит интенсивное обживание данной территории. Судя по находкам монет Кадфица II и Канишки, этот этап обживания можно отнести ко времени правления этих царей. При Канишке, образовавшийся на этом уровне культурный слой, был также выровнен, и на нем было возведено буддийское святилище. Однако как это святилище, так и полностью все городище прекращает свое существование еще в правление этого царя в результате разлива Амударьи-Окса. После времени Канишки городище уже никогда не обживается и только при Хувишке две башни в крепостной стене используются для погребений.

Таким образом, установленная периодизация функционирования галереи позволяет датировать найденные здесь надписи кхароштки первой половиной - серединой II в. до н.э. Если эта датировка подтвердится при дальнейших раскопках, то данная надпись является старейшей надписью кхароштки в Северной Бактрии.

Сноски

1. Отсчет ярусов по 50 см в каждом проводился от репера, установленного в высшей точке цитадели.
2. Приношу искреннюю благодарность проф. Ж. Фусману, взявшему на себя труд по переводу этих надписей, который он осуществил по фотографиям, пересланным по интернету.

Использованная литература

- Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические раскопки Кампыртепа. Вып. 1-3. Ташкент, 2000-2002. Вып. 5. Ташкент, 2006. Вып. 6. Елец, 2007..
- Ртвеладзе Э.В. К локализации «греческой» переправы на Оксе // Вестник древней истории. М., 1974. № 4.
- Ртвеладзе Э.В. Кушанская крепость Кампыртепа // ВДИ. 1984. № 2.
- Ртвеладзе Э.В. Селевкидские монеты из Кампыртепа // ОНУ. 1989. № 2.
- Ртвеладзе Э.В. Буддийские памятники Кампыртепа. (К вопросу о времени проникновения буддизма в Северную Бактрию) // Центральная Азия источники, история, культура. М., 2005.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.
- Болелов С.Б. Городище Кампыртепа в эпоху Кушан // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.
- Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Сборник статей. 2001.
- Курбанов С.А. (Савчук). Цитадель Кампыртепа. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Самарканд, 2000.
- Савчук С.А., Малькеева А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа // ОНУ. 1989. № 5.
- Курбанов С.А. Индо-бактрийско-эллинистические традиции в пластике Кампыртепа // ОНУ, 1990. № 9-10.
- Лулева В.В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. Ташкент, 2005.
- Шаталина Н.Д. Эллинистические божества в короплатике Бактрии // International Journal of Central Asian Studies. Seoul-Tashkent.
- Шаталина Н.Д. Бактрийская коропластика долины Окса эпохи Великих Кушан // ОНУ, 2005. № 1-2.
- Шаталина Н.Д. Библиография научных исследований городища Кампыртепа. Ташкент, 2007.
- Antiquities of Southern Uzbekistan // Exhibition catalogue. Токуо. 1991 (на англ., русском и японском языках).
- Rtveladze E.V. Campyrtepa: Structures, Written Documents and Coins // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 8. Bloomfield Hills. 1994.
- Rtveladze E.V. Decouvertes en Numismatique et Epigraphie Greco-Bactrines a Campyrtepe (Bactriane du Nord) // Revue Numismatique 150 volume. Paris.
- S. Savchuk, V. Nikonov. New Data on Ancient Bactrian Body-Armour (in the Light of Finds from Kempyr Tepe) // Iran. XXX. 1992.

А.В. Омельченко

К ИЗУЧЕНИЮ ХРАМА НА ЦИТАДЕЛИ ПАЙКЕНДА¹

В 2006-2007 гг. Бухарская археологическая экспедиция продолжала изучение цитадели городища Пайкенд. Как показали раскопки предшествующих лет, сектор, примыкающей к северной стене цитадели, примерно в ее середине, был занят двумя святилищами в обводе коридоров и связанным с ними лестничными маршами, «внутренним» двором с колоннадой, к которому примыкал т.н. «внешний двор». Все эти сооружения относились Г.Л. Семеновым к IV-V периодам функционирования святилищ (IV-VI вв.); ниже отмечались и более ранние сооружения культового характера (Семенов, 1995. С.172; он же *Studen zur sogdischen kultur...* Рис. 10-14). На интенсивное функционирование участка еще с момента возникновения поселения в Пайкенде указывают также материал из нижних наслоений, а также мощность и характер культурных отложений, выявленных к югу, в стратиграфическом шурфе, заложенном на площади средневекового дворца (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, 1988. С.148-154; рис. 1-4).

Раскопки 2003-2004 гг. показали, что под полами внешнего двора лежали мощные пепельно-земляные наслоения, накопившиеся к югу от края монументальной платформы, над которой и располагались постройки внутреннего и частично внешнего дворов IV-V периодов храма. В теле платформы поверху была открыта грань более ранней платформы, что поставило задачу поиска выходящего к ней прохода. Его не могло быть с запада - здесь высятся монументальная стена, украшенная по верху своеобразным бордюром, и юга, где землисто-пепельные прослойки уходили более чем на 4 м вниз (условно этот участок получил название «помещения 14, 15», т.к. был перегороден сырцовый стеной, параллельной западной). В то же время, на востоке была найдена прилегающая к ранней платформе поверхность (фактически еще одна платформа) из слоев зеленоватой глины толщиной более 0,5 м, покоящаяся на мягких пепельно-земляных наслоениях (МБАЭ, 2004. Вып. V. С. 8-11; МБАЭ, 2005. Вып. VI. С. 4-7).

В сезоне 2006 г. руководством экспедиции перед автором статьи была поставлена задача изучить участок между восточным краем ранней платформы и дворцовым комплексом, по уровню выявленной прилегающей поверхности («помещение 16»).

Основные результаты работ 2006-2007 гг. следующие. Была расчищена массивная стена (сохранившаяся высота до 2,1 м) из сырцового кирпича (40x40x10 см и его четвертинок), по видимому, ограничивающая храмовый участок с востока (рис. 1). С ней встык соединяется другая, выявленная предшествующими раскопками, монументальная стена (в-з), отделявшая площадь верхних святилищ от внутреннего двора. К фасу восточной стены была приставлена лестница шириной 2,3 м. Она начиналась с поверхности, примыкающей к ранней платформе, и выходила на следующий уровень рыхлой зеленоватой глины (пол 2). Западный фас этой конструкции был сложен из жженого кирпича и оштукатурен. Всего насчитывалось 7 сильно замытых ступеней высотой 8-14 см. Основу ступенек составлял сырцовый кирпич (32-39 см в стороне), который многократно обмазывался слоями глины и алебаstra. У первой, нижней ступеньки отмечено самое крупное пятно ганча, скорее всего, смытого сверху. Интересно также, что был сильно заглажен угол третьей ступеньки, то есть, зачастую поднимались сразу с нее и сбоку лестницы. Уровень, на который выводила лестница (пол 2), был перекрыт забутовкой, состоящей из лежащих под различными углами (в основном с наклоном на юг) фрагментов жженных кирпичей - основание под пол 1, на котором и стояла колоннада внешнего двора IV-V периодов. Постепенно многочислен-

Рис. 1. План юго-восточной части храмового комплекса. а – ранняя платформа; б – заклад восточного прохода; в – «пилон», г – линия разреза (рис. 3).

ные намазки, перекрывающие слои отложений, превратили лестницу в пандус².

На расстоянии 1,58 м к северу от верхней ступеньки на полу 2 была выявлена еще одна конструкция, также представляющая собой, скорее всего, остатки лестницы, но включающая жженный трапециевидный кирпич (47х?х5, 51х31-?х6 см). Она находилась в северо-восточном углу помещения 16, в месте схождения северной и восточной стен. Длина (по восточной стене) – 1,95 м, ширина (по северной) – 1,1 м, боковые грани покрыты саманной штукатуркой. Верх конструкции разрушен, однако две нижние ступени сохранились (высота снизу вверх 28-30 и 18-21 см). По-видимому, было еще две ступени высотой соответственно 23 и 15 см. В пользу того, что сооружение было лестницей, свидетельствует и характерная заглаженность верхних жженных кирпичей первой ступени. Отметим, что над этой лесенкой северная стена обрывается ямой, а, вероятнее, проходом, через который в один из периодов функционирования храма можно было попасть вдоль восточной стены на верхнюю площадку, где располагались два основных святилища.

Восточная стена многократно штукатурилась; в средней же части сохранила облицовку западного фасада одним рядом трапециевидного жженного кирпича. Кирпич (60х24(33)х6, 54х17(26)х6, 60х24(31,5)х5, 54х17(24)х5 см) стоит широким основанием на специальной полочке, выступающей на 7 см. Эта полочка без кирпичей фиксируется в восточной стене и далее к северу³.

В 7,7 м к югу от северо-восточного угла внутреннего двора (и в 1,35 м от первой ступеньки) линия восточной стены поворачивала на восток. Как оказалось, это была северная щека искомого прохода, через который осуществлялся доступ к ранней платформе. Южный фас прохода образовывал торец другой сырцово-красочной стены, идущей в южном направлении. Ширина прохода первоначально составляла 1,5 м, затем он был заузен прикладом до 0,8 м – об этом свидетельствует наличие характерной выемки в нижней части первоначальной северной щеки. Позднее проход был вообще перекрыт закладом толщиной 0,9 м. Его кирпичи стояли на слое пепла, который выклинился на восток, а последние ряды лежали уже на полу прохода. Пол под закладом также плавно скатывается к востоку, а под внешней его гранью понижался ступенькой высотой 0,15 м. Здесь отмечены слои ганча до 5 см, по-видимому, смытого со ступенек лестницы.

Угол южной щеки прохода был разрушен спущенным с верхних уровней средневековым ко-

Рис. 2. Лестница в северо-восточном углу внутреннего двора храма.

лодцем, и в этом «разрезе» видно, что здесь стена сложена из рядов желтого и зеленого кирпича 36-38х?х9-10 см, а подъем, подходящий к ступеньке, наращивался не менее 3-х раз – на 15-17, 21-23, 18-35 см. Верхний уровень перекрывали слои (общая толщина до 1 м) светлого пепла с костями животных; он уходил дальше под вымостку двора дворца, в связи с чем дальнейшее исследование этого сектора было прекращено.

Линия, образующая южную щеку прохода, на расстоянии 2-х метров к западу от угла поворота имела разрыв шириной 1,6 м, в который был помещен кирпичный массив – фундамент для конструкций средневекового времени. Далее линия продолжалась отрезком пахсовой стены. Примечательно, что восточная грань «разрыва» лежит точно по линии фаса массивной восточной стены и на одной оси с лестницей. Таким образом, вполне возможно, что этот проем представлял собой также проход по примыкающей к ранней платформе поверхности на юг, к лестнице. За стеной, южный фас которой разрушен поздней ямой, была открыта сильно замытая поверхность. Сначала плавно понижаясь, она на расстоянии 4 м от начала южного прохода обрывалась почти вертикально, образуя с выявленным в 2004 г. южным краем участка внутреннего двора одну линию. С востока поверхность была ограничена кладкой – внутренним (западным) фасом повернувшейся на юг от прохода стены. Эта стена, как и поверхность, стояла в свою очередь на лежащих под углом (наклон на восток) лентах пахсы зеленого цвета, уложенных на узкую часть (ширина

22-32 см, высота 80-140 см, возможно, и более). В этой забутовке отмечались также подпрямоугольные блоки (0,28-0,38x1,4x0,6 м) и целые сырцовые кирпичи (42x42x8-9 см). На ряде участков между лентами отмечались значительные пустоты и щели, заполненные песком и натечными отложениями.

Заполнение далее к югу («помещение 15») представляло собой чередование пепельных и землистых наслоений, перекрываемых периодически слоями утрамбованной глины. Отметим, что на верхнем были зафиксированы мощные (до 20 см) бугрящиеся натечи ганча, по всей вероятности, попавшего сюда по проему в южной стене. Все эти слои падали с наклоном, с севера на юг (рис. 3) и около 3,5 м от края замытой поверхности упирались в массивную кладку из пахсовых блоков высотой более 3-4 м. Западная часть этой кладки, считающаяся южной гранью «помещения 15», была открыта в 2004 г., восточная – в 2007 г. Блоки (90-100x45 см) выложены не вертикально, а с положительным наклоном, что обычно для фасадных стен. К стене была приставлена имеющая округлый абрис пилонообразная конструкция шириной 3,1 м, толщиной до 0,5 м и сохранившейся высотой около 3-х м. На ее подровненный верх позднее была поставлена западная стена средневекового дворца. Поверхность «пилона» сильно замыта, однако читаются строчки кладки (не всегда строго горизонтальные) сырцового кирпича (40x?x9-10 см) и его фрагментов. Из наслоений в восточной части «помещения 15» был получен достаточно представительный комплекс керамики, на краткой характеристике которого мы остановимся ниже.

Практически полное сходство керамики из восточной части «помещения 15» (особенно из слоев 5, 6, 10, 11; рис. 3) обнаруживает с материалами из «помещения 14» (слои 3, 4), расположенного за стеной к западу. Характерно и сходство самой структуры наслоений: в помещении 14 – это рыхлый грунт с включениями золы (МБАЭ, 2004. Вып. V. Рис. 11).

Широко представлены в обоих комплексах колоколовидные бокалы с прямыми (рис. 4:15, 18, 49) или слегка отогнутыми (рис. 4:20, 21, 50,

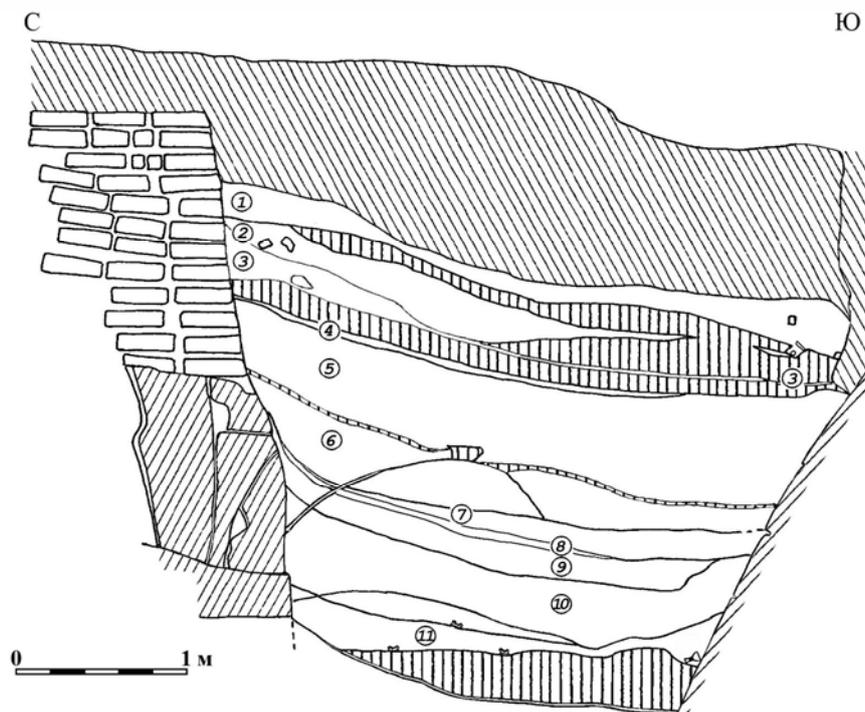

Рис. 3. Помещение 15, разрез. 1,10 – рыхлое заполнение светлосерого цвета; 2,4,7,9,11 – рыхлое заполнение серого цвета с угольками, кусочками ганча, костями животных; 3 – песчанистая прослойка; 5,6,8 – рыхлый грунт красноватого цвета с включениями угольков, ганча, большим количеством фрагментов керамики.

51) краями на профилированной ножке с глубоким вырезом. Из нижнего рыхлого слоя помещения 15 происходят также два фрагмента бокалов с цилиндрическим туловом со слегка скошенными внутрь стенками (рис. 4:52, 53). Единичными экземплярами представлены полусферические чаши, бортик которых становится постепенно вертикальным (рис. 4:24, 25, 55). В V-VI вв. они уже являются ведущей формой столовой посуды в Пайкенде. Много кувшинов со слегка отогнутым простым (т.н. «блоковидным») венчиком с уступом по внутренней части; есть и сосуды с профилированным валиками венчиком (рис. 4:29, 30, 56). В комплексе отмечены также тагора с квадратным или «Г»-образным венчиком (рис. 4:26, 62; МБАЭ, 2003. Вып. V. Рис. 18:17), широкогорлые горшки с уступом для крышки (рис. 4:36), иногда их тулово украшено концентрическими желобками (рис. 4:34; МБАЭ, 2004. Вып. V. Рис. 18:10). Среди лепных форм больше всего сковород-жаровен (рис. 4:47, 48, 68) и шаровидных котлов с ручками-шишечками (рис. 4:45, 67; МБАЭ, 2004. Вып. V. Рис. 19:6). Также из слоев 3, 4 помещения 14 происходит фрагмент лепной очажной подставки – «шашлычницы» (МБАЭ, 2003. Вып. V. Рис. 19:8). находка в нижнем слое помещения 15 археологически целой курильницы

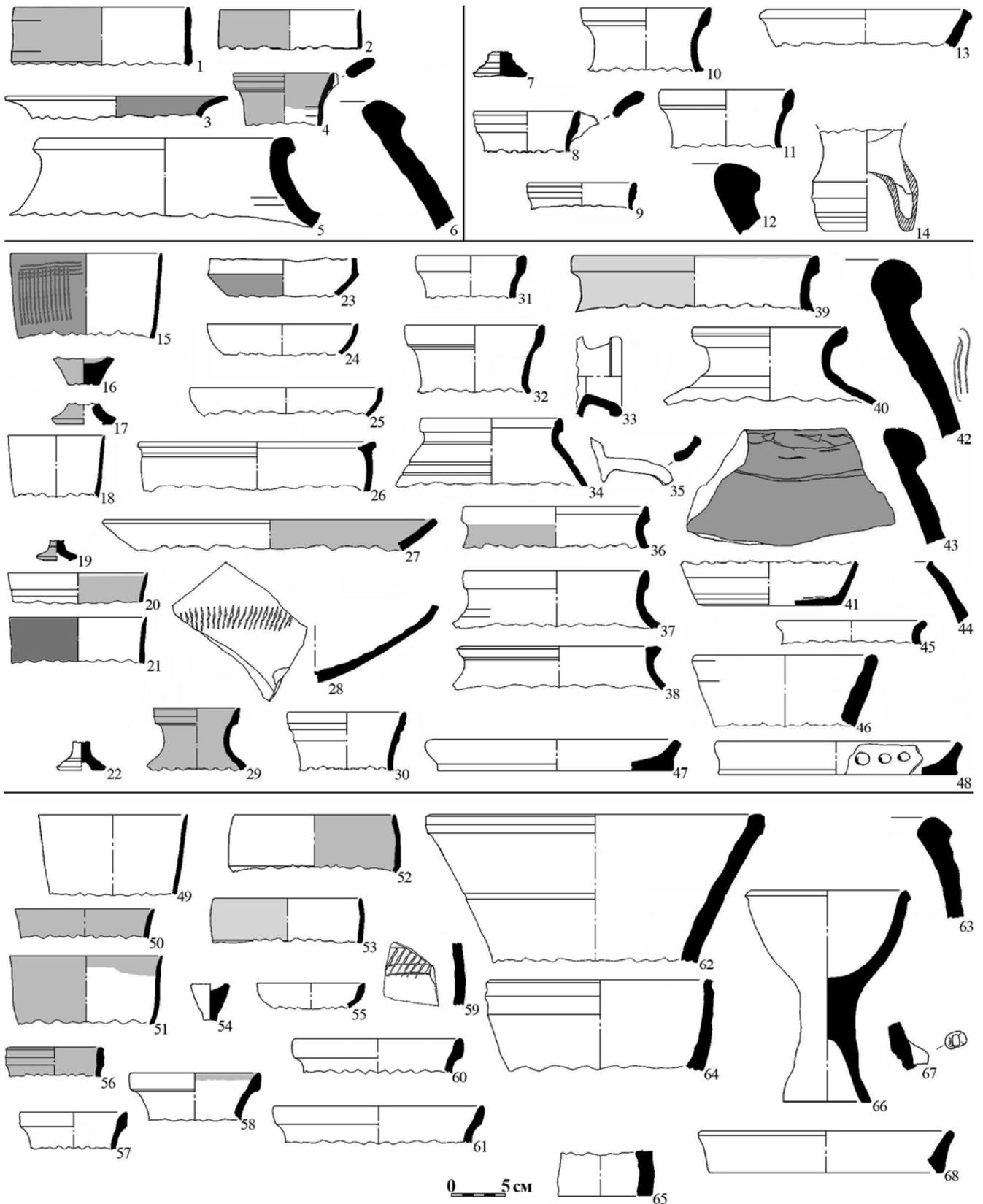

Рис. 4. 1-6 – «помещение 16»; 7-68 – восточная часть «помещения 15». 7-14 – слои 1,2,3; 15-48 – слои 5,6; 49-68 – слои 10,11. 13,14,44-48,64-68 – лепные формы; 14 – ремонт необожженной глиной с саманом; 28,59 – насечки; 43,48 – вмятины от пальцев; 8-12,18,25,26,28,31,37,38,40,44,55,60-62 – поверхность светлая; 1,2,4,16,17,19,20,27,29,36,50-52,56,58 – красно-коричневый, 3,15,21,23,43 – коричневатый, 39,53 – розовый ангоб.

на полой конической ножке позволило реконструировать облик этой формы (рис. 4:6б). Отметим, что, по крайней мере, в двух случаях фрагменты пришедших в негодность курильниц не были просто выброшены, а аккуратно сложены в одном месте. Об особом отношении к курильницам указывает и попытка ремонта одной из них (рис. 4:14).

На других участках цитадели также были выявлены материалы, близкие тем, что получены в помещениях 15 и 14. Непосредственно со ступеньки лестницы у восточной стены (помещение 16) происходит венчик цилиндрикоконического бокала (рис. 4:1), а из слоя над лестницей – колоколовидного (рис. 4:2)⁴. Похожи также венчики хумов из этих слоев (рис. 4:6, 63). В наслоениях, перекрывающих пандус, в который превратилась лестница в 16 помещении, были найдены фрагменты кувшинов с блоковидным венчиком, а один, профилированный валиками и с пластинчатой ручкой, аналогичен тем, что обнаружены в слоях 1-3 и 5, 6 помещения 15 (рис. 4:4, 8, 29). Верхняя часть очень похожего кувшина происходит также из заполнения выше второго пола внутрискладового коридора северной стены цитадели Пайкенда (Отчет за 1996 г. 19:25) и кирпичного заклада в верхнем восточном святилище, который отнесен Г.Л. Семеновым к III-IV вв. (Отчет за 1992 г. С. 9). Под первым и вторым (слоем основания стен) полами коридора северной стены были найдены фрагменты цилиндрикоконических и колоколовидных бокалов, а также кувшинов с блоковидным горлом (Отчет за 1996 г. рис. 1; 19:7, 8, 9, 14, 15). Эти материалы автор раскопок датировал до III в. н.э. (Отчет за 1996 г. С. 1-2). Похожие формы выявлены в комплексе керамики, полученном у основания платформы святилища с северной стороны. В него входили и полусферическая чаша, и верхняя часть хума со склоненным внутрь валикообразно-утолщенным венчиком с желобком под ним (Отчет за 1996 г. 19:1-3,6).

Отметим интересный факт: в ходе зачисток полов I строительного периода верхних святилищ были обнаружены фрагменты не менее чем 12 железных ножей. Во внутреннем и внешнем дворах храма (помещения 14,15,16) подобные находки также не редкость: на настоящее время здесь всего найдено три крупных кинжала и пять ножей, не считая мелких фрагментов. Вместе с большим количеством костей домашних и диких животных, встречающихся во всех слоях дворов, а также преобладанием в керамических наборах этого участка котлов, жаровен, кувшинов и бокалов (а затем чаш) этот факт, по всей видимости,

свидетельствует о характере обрядов, проводимых в храмовом комплексе.

Г.Л. Семенов соотносил материалы помещения 14, керамика которого (слои 3-4), как подчеркивалось выше, практически идентична посуде из слоев 5-11 помещения 15, прежде всего с комплексами Бухара IV-V и ЕК-12-14 Западной Кашкадарьи, т.е. датировал их III-IV вв. (МБАЭ, 2003. Вып. V. С.11). Соглашаясь с предложенным хронологическим диапазоном, считаю, что ряд деталей, позволяет его уточнить.

В комплексах Бухара III-IV (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1982. Рис. 2, 3) наряду с бокалами есть кувшины с блоковидным венчиком (рис. 2:20, 30), профилированным валиками (2:38), миски с «Г»-образно отогнутым венчиком (2:44) и блюда с широко раскинутыми бортами (2:35). В наборе Бухара III, как и в Пайкенде (рис. 4:34), отмечены широкогорлые горшковидные сосуды (2:11,18, 24, 36) и объемные кувшины (рис. 4:40) без ручки с валикообразно-утолщенным венчиком (рис. 4:35; 2:12). В Хорезме, позднеантичная керамика которого, как подчеркивают исследователи, обнаруживает сходство с посудой Бухарского оазиса (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии... С. 287), кувшины с блоковидным венчиком характерны для наборов 2 пол III – нач. IV в., с профилированным валиками – для II-III вв., есть они и в IV-V вв. (Топраккала. рис. 94:31, 32, 61, 9).

Один из вариантов бокалов ЕК-13 представлен сосудом с профилированным желобком туловом (Сулейманов, 2000. Рис. 118:17, 27), как у бокала из помещения 15 (рис. 4:20). В обоих комплексах присутствуют горшки с подтреугольным в сечении венчиком, имеющим внутри скос-площадку (рис. 4:38; 123:7), фляги (рис. 4:33; 123:17), хумы с валикообразно-утолщенным склоненным внутрь венчиком (рис. 4:42,43,63; 123:18,20) (в ЕК-14 их профиль становится крючкообразным). Для мисок с «Г»-образно отогнутым, имеющим скос внутрь венчиком, найденных в слоях 5-6 внешнего двора и коридоре IV периода святилища (Отчет за 1998 г. Рис. 10), и для блюда (рис. 4:27) также есть аналогии в материалах ЕК-13 (121:8; 120:22). В свою очередь, прием украшения стенок сосудов насечками, «под металл» (рис. 4:28,59), в Кеше, например, распространяется с начала IV в. Этот прием, наряду с украшением сосудов валиками и резными линиями, характерен для поселений Бухарского оазиса этапа Рамиш VI (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии... С. 287, таб. СXXXV). В свою очередь, кувшины, фляги, широкогорлые сосуды с уступом для крышки из 5-11 слоев по-

мещения 15 пайкендского храма, находят аналогии в комплексах Рамиш VI, а колоколовидные бокалы и чаши с вертикальным бортиком – Рамиш V, датируемых III-IV и II-III вв. соответственно. Отметим также, что в материалах 5,6 слоев помещения 15 есть два фрагмента с резким перегибом стенок и склоненным слегка внутрь бортом (рис. 4:23). По всей видимости, это фрагменты одного из вариантов кубковидных чаш, известной в керамических наборах Средней Азии III - I пол. IV в. (Кабанов, 1973. Рис. 15:1; 1977. Рис. 13:20; Филанович, 1989. Рис. 3а; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978. Рис. 90:12; Пидаев, 1978. Таб. IX:1-3).

В целом, приведенные выше аналогии, на наш взгляд, позволяют предварительно датировать материалы, полученные из слоев 1-3 помещения 15, 2 пол. IV – нач. V в., 5-6 – 1 пол. IV в., а слоев

10-11 – 2 пол. III в. Слои 5-11, по-видимому, отложились тогда, когда функционировал восточный проход, ведущий к ранней платформе (I-III строительные периоды храма). Он существовал и тогда, когда платформа была расширена на 4,2 м к югу (МБАЭ, 2004. Вып. V. С. 4), а ее край образовал северную стену «помещений» 14 и 15. И только после заполнения помещения 15 и возникновения соответствующей площадки вход в храмовый комплекс мог быть переориентирован на юг и восточный проход заложили. По-видимому, в это время лестница вдоль восточной стены внутреннего двора храма превратилась уже в пологий подъем, ведущий к участку верхних святилищ. Небольшая же лесенка в месте стыка восточной и северной стен продолжала функционировать, а, возможно, и была сооружена в это время (IV-V строительные периоды храма).

Сноски

- 1 В отчетах МБАЭ этот участок в основном называется «святилищем», а в отчетах первых годов работ эрмитажной экспедиции – храмовым комплексом или храмом.
- 2 Такая же ситуация отмечена и с одной из лестниц на площадке верхних святилищ. Отчет о работах в Пайкенде в 1996 г. С. 6.
- 3 Облицовка стены поставленными плашмя сырцовыми кирпичами была выявлена в раннем помещении восточного святилища. Отчет о работах в Пайкенде в 1992 г. С. 6.
- 4 Находки бокалов с резким перегибом в средней части в наслоениях 15 и 16 помещений позволяют, по-видимому, подтвердить уже высказывавшееся мнение о более длительном существовании данного типа бокалов на поселениях Бухарского оазиса - см. Городище Пайкенд...С. 102.

Использованная литература

- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепа – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1985
- Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
- Кабанов С.К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III-VIII вв.). Ташкент, 1977.
- Мухамеджанов А., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш. Керамика нижних слоев Бухары (опыт предварительной периодизации) // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
- Отчет о раскопках в Пайкенде в 1993 г. СПб., 1994.
- Отчет о раскопках в Пайкенде в 1996 г. СПб., 1997.
- Отчет о раскопках в Пайкенде в 1998 г. СПб., 1999.
- Отчет о раскопках в Пайкенде в 2006 г. СПб., 2007.
- Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Раскопки в Пайкенде в 2003 г. Материалы Бухарской археологической экспедиции (МБАЭ). Вып. V. СПб., 2004.
- Раскопки в Пайкенде в 2004 г. Материалы Бухарской археологической экспедиции (МБАЭ). Вып. VI. СПб., 2005.
- Семенов Г.Л. Святилище в Пайкенде // Эрмитажные чтения 1986-1994 годов памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. – Ташкент - Самарканд, 2000.
- Топрак-кала. Дворец // ТХАЭЭ. Т. XIV. М., 1984.
- Филанович М.И. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в Старом Мерве // ТЮТАКЭ. Т. XIX. Ашхабад, 1989.
- Grigori L. Semenov. Studien zur sogdischen kultur an Seidnstraße // Studies in Oriental Religions. Vol. 36. Wiesbaden, 1996.

Ш.Р. Пидаев, М.А. Реутова

ЖИВОПИСЬ ЗАРТЕПА

В 1977 году, во время археологического исследования отдельно стоящего холма, расположенного в юго-восточном углу Зартепа были обнаружены остатки полихромной сюжетной живописи. Холм имел квадратное очертание со сторонами по 45 м. Южный фас холма наиболее возвышенный, восточный и северный фасы были более пологими. Они постепенно понижались к центру объекта.

Археологические работы проводились на уровне верхнего строительного горизонта. Исследованиями установлено, что архитектурные остатки, связанные с верхним строительным горизонтом, сосредоточены вдоль южного и северного фасов. Постройки, расположенные на южном фасае, были монументальными, что, возможно, было обусловлено их фундаментальным назначением. Здесь раскопаны остатки семи помещений, пять из которых имели прямоугольную форму с входом, обращенным во двор. Причем одно из этих помещений (№ 2) было связано с внутренним коридором городской стены. Общий анализ архитектурно-планировочной композиции раскопанных помещений на месте юго-восточного холма Зартепа наводит на мысль, что здесь находился форт, а прямоугольные помещения, расположенные на южном участке холма являлись казармами (Пидаев, 1990. С. 59).

Помещение с живописью расположено в юго-западном углу холма, прямоугольное в плане, размерами 2,95×9,20 м. Судя по всему, вход в помещение находился в северной стене и вел из него во двор. Высота сохранившихся стен достигает 1,5 м. Они возведены из сырцовых квадратных кирпичей размерами 32×32×10 см. Стены помещения обмазаны тремя слоями глиняной штукатурки, что указывает на его довольно длительное обживание. Южная стена поверх глиняной обмазки имеет тонкую ганчевую штукатурку, на которой, судя по сохранившимся остаткам, была нанесена сюжетная живопись.

После полного извлечения фрагментов живописи из завала была уточнена планировка помещения. Оказалось, что стена, которую мы принимали за западную, в действительности оказалась суфой (ширина—72 см, высота – 53 см), а настоящая западная стена помещения проходила соответственно на 72 см далее и поэтому часть живописи лежала на суфе.

В ходе раскопок в южной половине помеще-

ния выявлено и очерчено два больших фрагмента росписи, лежащих в завале красочным слоем вниз. Характер расположения живописи позволяет предположить, что один из фрагментов размерами 1,7×0,8 м в процессе разрушения упал с южной стены помещения, а второй с размерами 2,3×1,7 м - с потолка.

В результате проведения комплекса реставрационных работ, живопись была извлечена из завала и в ходе расчистки красочного слоя от лесовых наслоений выявлен ее сюжет. На первоначально извлеченном и обработанном фрагменте сохранилось изображение хвоста и нижней части крыльев огромной желтой птицы, которая в своих массивных зеленых лапах держит обнаженную человеческую фигуру. От последней сохранились две скрещенные обнаженные ноги, украшенные браслетами на щиколотках. Ноги прописаны теплой розовой краской с использованием метода объемного моделирования – переходом от бледно-розового цвета в центре до насыщенного по краям. Слева от птицы изображены рыбы и цветок, справа - только распустившийся цветок лотоса. В пространстве между крыльями и туловищем птицы расположены по два красных, с белыми бликами в центре, бутона лотоса. Красочный фон росписи – синий на черной подложке.

Второй раскопанный фрагмент живописи сохранился почти полностью (рис. 1). На нем изображена птица, которая поражает своими размерами – 1,8×1,34 м, при фактическом размере куса 2,3×1,7 м (рис. 2, 3). Изображение птицы фронтальное, но голова, видимо, изображена в профиль и повернута влево. Крылья вытянуты вдоль туловища. В каждом из них по 11 перьев, слитых воедино в начале и середине крыла, а затем расходящиеся на единичные в конце. В сплошной плоскости крыла перья выделены утолщенной белой линией, оконтуренной с двух сторон тонкими красными линиями. Каждое перо заштриховано наискось красными линиями. Хвост птицы, аналогично крыльям, разделен бело-красными контурами на многочисленные перья. Поверхность каждого пера также заштрихована красными линиями в елочку. Оперение же в верхней части крыльев и на самом туловище передается в виде полукругов, контуры которых выписаны белой и красной красками. На шее и голове оперение изображено волнистыми линиями. К большому сожалению, та часть росписи,

Рис. 1

где находилась голова птицы упала на бугристую поверхность завала, расположенного в той части помещения, которое находилось на краю оплывшего холма. Поэтому вся правая верхняя часть живописи утрачена полностью. Место, где находилась голова птицы, представляло собой волнообразную поверхность с многочисленными лакунами, наплывами и смещениями красочного слоя, что значительно затрудняло выявление изображения. Однако, по сохранившимся фрагментам красочного слоя, можно предположить, что голову птицы покрывает как бы "шлем". Оконтуривающий поверхность головы рельеф, представляет собой полосу шириной 2 см, выполненную в бело-коричневых тонах. Внутреннюю поверхность полосы разделяют две коричневые линии. В области шеи эта полоса отходит в сторону и плавно закругляется в виде овала, во внутреннем пространстве которого находятся два шарика, соединенных между собой бело-синими контурами. На затылке "шлем" украшен хохолком из нескольких белых закругленных зубчиков, пространство между которыми закрашено коричневой краской. Перед хохолком – высоко поднимающийся пет-

леобразный изгиб, выполненный в тоне полосы, которая оконтуривает голову. Прямо перед ним нарисован полукруг зеленого цвета, оконтуренный черной линией и создающий впечатление маленькой шапочки. На желтом фоне головы видны фрагменты краски темно-зеленого цвета. Судя по месту и форме их расположения предполагается, что это глаза птицы. Он огромен и оконтурен линией черного цвета. Никаких других элементов рисунка головы выделить не удалось. Над головой птицы нарисован нимб, окрашенный ровным тоном в розовый цвет. Сам нимб оконтурен белой и темно-красной линиями.

Туловище птицы обвивают две перевязи, расположенные крест-накрест. Это широкие ленты серого цвета, которые украшены белыми шариками – жемчужинками, находящимися на небольшом расстоянии друг от друга. Они располагаются в три ряда, разделенных между собой толстыми линиями черного цвета. Очень тщательно нарисованы мощные лапы птицы, окрашенные контрастно цвету туловища в темно-зеленый цвет. Крупные острые когти окрашены в белый цвет и обведены черной линией. Конечность лапы за-

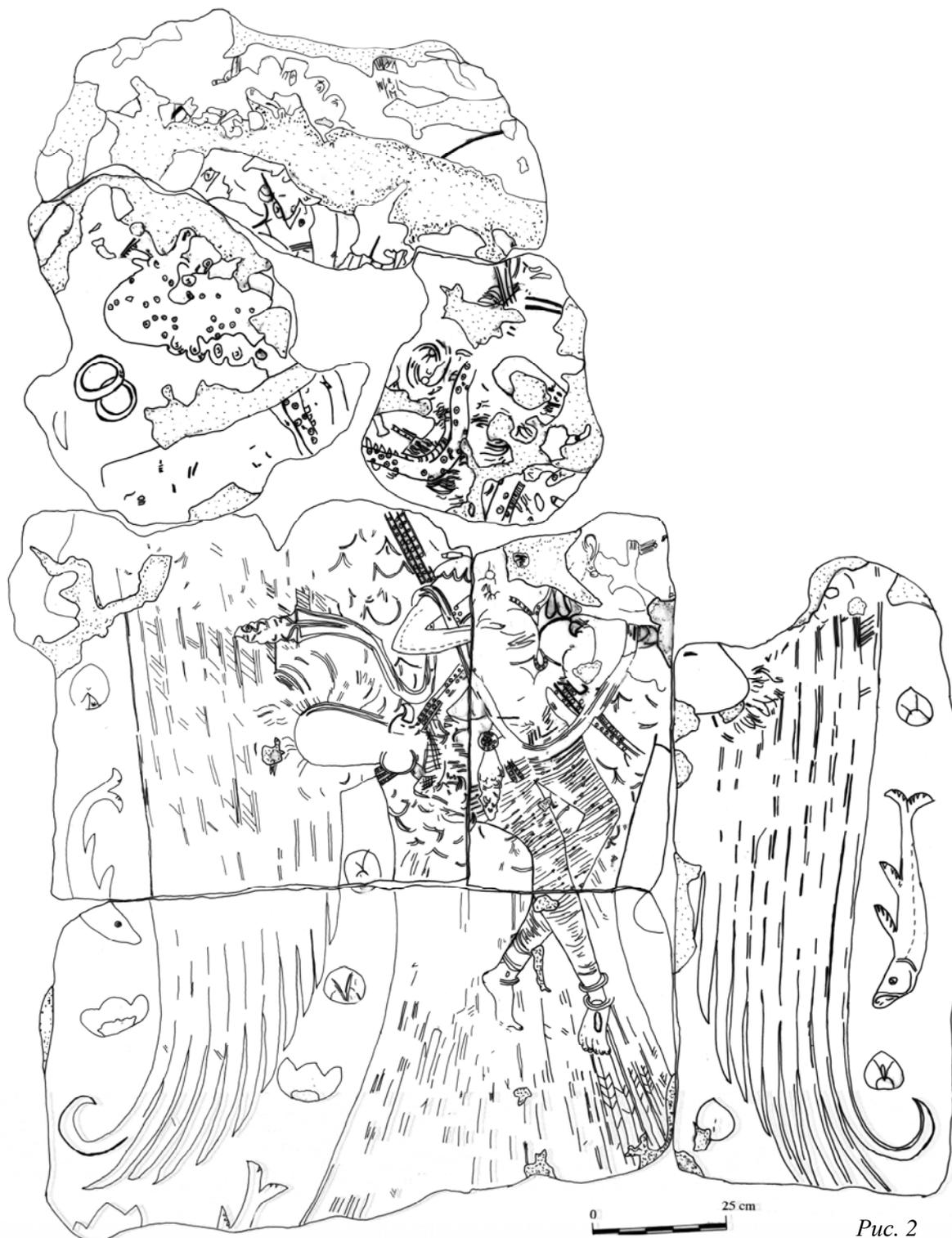

Рис. 2

штрихована в мелкую сеточку тонкими линиями черного цвета. Оперение птицы вокруг лап передано веерообразными линиями, расходящимися в разные стороны. Очевидно, древний художник стремился передать образ птицы слишком натурально.

В лапах птица держит полуобнаженную женщину. Одна лапа лежит на ее правом бедре, а вторая – под левой рукой, касаясь когтями обнажен-

ной груди. Фигура персонажа тонка и стройна. В виде окружностей нарисована пышная грудь с сосками в виде красных крупных точек. Женщина одета только в прозрачные штаны, доходящие почти до щиколоток. На их присутствие указывают лишь темно-голубые с узелками линии. Штаны плотно облегают длинные, стройные ноги. На бедрах они поддерживаются тонким пояском. Ткань настолько прозрачна, что сквозь нее отчет-

ливо просматривается тело женщины, переданное теплым розовым цветом. Ладонью правой руки она слегка прикрывает правую грудь. Левая же рука (она едва просматривается на росписи) приподнята вверх. Видны лишь часть предплечья, нарисованного в горизонтальном положении и один из сохранившихся пальцев с тщательно прорисованным ногтем, находящийся недалеко от левого уха.

К сожалению, голова фигуры сохранилась очень плохо, поскольку эта часть живописи наиболее сильно пострадала при падении и раскрошилась на кусочки. Поэтому некоторые сохранившиеся фрагменты оказались смещенными относительно друг друга. Так один сохранившийся глаз лежал почти на уровне плеча. Место расположения левого уха также придется выяснить. В целом от изображения головы сохранилось лишь два уха с продетыми серьгами, часть левой щеки, фрагмент глаза и кусочек волос в виде тонкой пряди около левого уха. Поэтому можно лишь только предполагать, в каком ракурсе была нарисована голова. Судя по рисунку левого уха, она была на треть оборота повернута вправо.

Фигура изображена в полусидячем положении. Ноги полусогнуты в коленях и перекрещены – левая нога заходит под правую. Весьма реалистично нарисованы обнаженные ступни. Правую мы видим во фронтальном изображении, а левую – в профиль. Пятка мягко закруглена, пальчики и ногти прописаны со всей тщательностью.

Фигура женщины богато украшена. На шею одето ожерелье, которое каплевидно спускается между грудей. По всей видимости, оно из жемчуга. Это серого цвета полоска, на которой нарисованы белые шарики, отстоящие друг от друга на небольшом расстоянии. Края полоски оконтурены черными линиями. Аналогично ожерелью нарисован и пояс, лежащий на бедрах. Это такой же ширины серая полоска с белыми шариками – жемчужинками. Возможно, что серый цвет передает нам металл – серебро. В стиле пояса и ожерелья изображена и круглая пряжка, скрепляющая на поясе платок. По внешнему краю ее – ободок серого цвета с белыми шариками. Второй ободок изнутри белого цвета, по которому красными контурными линиями также нарисованы шарики. Третий ободок сплошного бордово-коричневого цвета (возможно, что его первоначальный цвет – ярко-красный). В центре пряжки расположен большой белый перл – крупная жемчужина. С пряжки свисают две подвески. Они раскрашены аналогично поясу. Возможно, что это два его конца. Однако, они свисают не вертикально, как должно быть, а нарисованы по на-

правлению полусогнутой правой ноги. В естественном ниспадающем положении изображен платок, крепящийся пряжкой на поясе. Он небесно-голубого цвета и свисает изящными складками. Рисунок очень натурален – вверху складки более крупные, а внизу – мелкие. Каждая складка оконтурена серовато-белой линией, ширина которой изменяется в соответствии с размерами складок. На ноги женщины одеты браслеты – по два на каждой. С верхнего браслета свисает изящная каплевидная подвеска. Сами браслеты белого цвета и оконтурены по краю красной линией.

Еще один аксессуар – шарф такого же небесно-голубого цвета, как и платок. Он в виде широкой ленты перекинут через правую руку женщины в области предплечья, свисает перед ее фигурой, а затем уходит под левую руку. Один из сохранившихся концов развивается, как бы по ветру. Второй конец (сохранилось только небольшое голубое пятно) в зеркальном отражении находился на левом крыле птицы. Шарф, собранный по всей своей длине в продольные складки (на голубом фоне шарфа темно-голубые полосы) свободно расходится изящными фалдами на концах. Их складки прописаны серовато-белой краской, они крупные в начале и переходят во множество мелких на конце.

Правое плечо женской фигуры украшено четырьмя крупными лепестками ярко-бордового цвета. Края их оконтурены черной краской. С левой стороны два таких же крупных лепестка свисают почти до груди и они дополнительно оконтурены серой краской с внешней стороны. Подобное украшение мы встречаем на фигуре Вишны в барельефе из храма Вишны в Деогархе, относящегося к V в. н.э.

Уши женщины украшают массивные серьги. Они начинаются кольцом, вдевающимся в ухо. К нему крепится одна крупная бусина белого цвета со спускающимся от нее каплевидными подвесками с круглыми бусинками-жемчужинками на концах. Они нарисованы тонкой красной контурной линией и оттенены черной линией.

В композиции присутствует и третий важный персонаж – змея. Она обвивает голову птицы и заполняет часть пространства справа от нее. Тело змеи гибко и пластично, раскрашено ярко-красной краской, несколько потускневшей от времени. Все тело усыпано белыми колечками. Одна сторона туловища оконтурена как бы щупальцами-присосками, плотно прилегающими друг к другу. Щупальца нарисованы толстыми контурными линиями черного цвета и окрашены в белый цвет с серыми мазками. Как было указано выше, верхняя часть росписи наиболее сильно

пострадала при падении. Вся левая половина ее полностью утрачена. Красочный слой в правой части представлял сплошное крошево кусочков расписной штукатурки, смещенных относительно друг друга. Первоначально разобрать, что конкретно было здесь изображено, не представлялось возможным. Однако в процессе реставрации (расчистка, расслоение и стыковка кусочков) удалось выявить утолщенную часть изогнутого туловища змеи. Судя по отрывочным фрагментам, голова змеи находилась именно в этой части. Здесь прослеживается кругообразная фигура с крупными лепесткообразными зубцами желтого и серого цветов. Вполне возможно, что это обрамление пространства вокруг головы змеи или сама голова в каком-то мифологическом исполнении. В целом, змея нарисована древним живописцем очень реалистично. Ее туловище, толстое вначале, утоньшается по мере приближения к хвосту, который отчетливо прослеживается справа от шеи птицы под завитком от "шлема" головы. В соответствии с утоньшением туловища уменьшаются и элементы в раскраске – колечки на туловище и щупальца по краю.

Оставшееся от изображения фигур свободное пространство между крыльями и туловищем птицы, а также справа и слева от крыльев заполнено бутонами и распустившимися цветами лотоса, фигурками рыбок. Цветы трехлепестковые, ярко-красные в верхней своей части и почти белые у основания. Бутоны напоминают крупную каплю. Они по краю также ярко-красные, а в центре и у основания – белые. На их будущую трехлепестковость указывают две черные линии в виде галочки нарисованные на поверхности бутона. Ярко-красная окраска цветов в сочетании с голубым фоном живописи придает росписи необычайную колоритность и приятно ласкает взор смотрящего. Весьма живописно нарисованы рыбки, находящиеся по обеим сторонам от крыльев и у хвоста птицы. К сожалению, от изображения двух целых и хвостика третьей рыбки хорошо сохранилось только одно. Это рыбка, нарисованная возле левого крыла. Само изображение очень натурально. Со всей точностью выполнены плавники и хвост, где черными с белой подсветкой линиями обозначена их ребристость. Крупная голова прорисована со всей тщательностью – глаза с черными зрачками и большой рот, переходящий в жабры. Спинка рыбки приятного кофейного цвета, а животик раскрашен белой краской.

Еще один элемент на росписи – это два кольца, соединенные друг с другом. В современное время они символизируют брачный союз. Какое символическое значение они имели в пятом веке

нашей эры? Определить по литературным источникам нам пока не удалось.

При исполнении росписи художник стремился передать и объемность изображения, умело используя распространившийся в то время в художественных школах метод свето-теневого моделировки. В древнеиндийских трактатах (Buddhaghosa. 1897) были подробно описаны приемы, посредством использования которых достигался необходимый эффект. Этот способ заключался в том, что вогнутые места затемнялись по контуру (данный способ назывался *vartana*). Выпуклые места наоборот сильно высветлялись. В V в. н.э. этот метод назывался *ujjotana*. Древний живописец в совершенстве владел указанными методами и использовал свои навыки при написании фигуры женщины, цветов и рыбок. В женской фигуре выпуклые части тела (ноги, руки, груди, фрагмент щеки) раскрашены бледно-розовой, почти белесой краской. Вогнутые же места (контуры частей тела) закрашены насыщенным розовым цветом, а сама фигура обведена красной контурной линией. Аналогичные приемы объемности изображения использованы при раскрашивании цветков и бутонов лотоса. Верхняя их часть насыщено красная, а нижняя – белая. Кроме того, выпуклая форма лепестков подчеркивалась направлением кисти. Художник наносил мазки не прямыми, а закругленными линиями, стремясь передать изогнутость формы лепестка. Кроме того, при написании женской фигуры художник стремился передать и анатомию тела. Так под грудями тонкими контурными линиями красного цвета передана форма мышц обнаженного живота.

Тщательное изучение рисунка показало, что в отдельных местах при раскрашивании были допущены неточности. Так, имеющееся пространство между ногами, так же как и сами ноги женщины заштрихованы голубыми линиями, тогда как эти линии указывают на то, что персонаж одет в плотно облегающие штаны. Вторая неточность – на кусочках ленты под правой рукой женщины отсутствуют разделительные черные полосы. Все это говорит о том, что мастер, возможно, привлекал к работе помощников не столь опытных и внимательных, как он сам. Однако, эти небольшие погрешности незаметны на огромном пространстве росписи.

В целом изучение живописи позволяет с уверенностью сказать, что она была выполнена высокопрофессиональным живописцем, мастерски владевшим всеми традициями и приемами своей профессии. Создание такого образца изобразительного искусства как монументальная живо-

Рис. 3

пись на лессовой основе является сложным не только творческим, но и технологическим процессом. Нанесению росписи на стены и потолок предшествует тщательная подготовка их поверхности посредством выравнивания ее лессово-саманной штукатуркой толщиной 1,5÷1,8 см. Поверху она была покрыта вторым, более тонким слоем зеленоватой обмазки толщиной около 0,3 см. Материал этого слоя штукатурки плотный,

однородный в своем составе и изготовлен из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Поверхность тщательно выровнена и заглажена. Последней подготовительной операцией перед нанесением рисунка является покрытие штукатурки тонким слоем белого ганча, который служил грунтом под краску. Ганч наносился кистью (кое-где прослеживаются ее следы), а затем до глянцевої поверхности заглаживался специ-

альным инструментом - лощиком.

В росписи была использована чрезвычайно широкая палитра красок. Но их отбор подчинялся определенной декоративной идее и канонам. Художник смело использовал большой спектр цветов и оттенков: синий, желтый, красный, бордовый, розовый, серый, белый, зеленый, коричневый и черный пигменты.

Химический анализ красок показал, что они в основном изготовлены из естественных минералов. Синий – лазурит, красный и желтый – железистые охры, розовый – охра с гипсом, зеленый – смесь лазурита и охры. Черный цвет получался из сажи, серый – смесь сажи и гипса.

На подготовленный, тщательно заглаженный ганчевый слой черной или темно-коричневой краской наносился предварительный рисунок. Контурные линии его особенно хорошо просматривались при пропитке живописи консервантами. При этом отлично прослеживается, что контурный рисунок не всегда четко следовал первоначальному наброску. С одной стороны первоначальный рисунок служил как бы контуром для дальнейшего красочного заполнения, а с другой, он, оставаясь видимым сквозь краску, передавал некоторые детали рисунка - например, оперение птицы на хвосте и голове. После раскраски внутреннего пространства контура проводилась окончательная дорисовка контурных линий. Например, у женской фигуры он был выполнен красной краской. В одних местах это тонкий изящный штрих, а в других – утолщенная линия, проведенная уверенной рукой художника. После усиления контурного рисунка дорисовывались отдельные детали одежды и аксессуаров и т.д. Цветовые сочетания красок и их взаимные переходы поражают своей гармоничностью и выразительностью. Они, очевидно, соответствовали каким-то традиционным эстетическим нормам и подчинялись разработанным канонам, которые длительное время существовали в местных художественных школах. Так при реставрации живописи, обнаруженной на памятнике Тавка, расположенном в Шерабадском районе Сурхандарьинской области, было выявлено, что под синей краской находилась черная подложка (фон росписи), также как и в росписи Зартепа. Памятник датирован исследователем VI–VIII вв. н.э. (Рахманов, 2002. С.124-131).

В литературных источниках нами были встречены различные варианты сюжета, изображенного на живописи Зартепа. Этот сюжет встречается на многих предметах, относящихся к разновременным историческим периодам и происходящих из разных регионов. Он встречен на одном саса-

нидском блюде из Чердыни (Тревер, 1937. С. 8), на двух кувшинах из клада, найденного в Венгрии в 1799 г. в Нади-Сент-Миклош (IX в. н.э.) (Hampel J., 1885. 12. Рис. 4. С. 20-21). Эта композиция встречается на одной набойке, хранящейся в Берлинском музее и происходящей из реликвария Кведлинбургской церкви (VI-VII вв. н.э.) (Mittelalterliche...1880. S.119-120). Встречается этот сюжет и на поливной чаше в собрании Келекиана, происходящей из Рея (VII в. н.э.) (La ceramique...1920, табл. XXIV). Аналогичный сюжет был обнаружен Б.Я. Маршаком при раскопках Пенджикента (VII-VIII вв. н.э.) (Maršak, 1990), который трактует изображение как птицу Гаруду, несущую в лапах обнаженную богиню.

Однако, мы склоняемся к тому, что на нашей росписи изображен чисто буддийский сюжет. Во-первых, перед нами несомненно священная птица буддийской мифологии – Гаруда. Над ее головой нарисован нимб. Во-вторых, одежда женской фигуры и ее украшения чисто индийского характера. В таком полуобнаженном виде можно видеть многочисленные женские статуи из буддийских храмов в Гандхаре (Пугаченкова, 1982. Рис. 61, 65), Деогархе (V в. н.э.), Аджанте (V-VIII вв. н.э.) (Тюляев, 1968. Рис. 17) и т.д. Кроме того, на персонажах индийской живописи и скульптуры того времени мы встречаем шарфы, перекинутые через руки. Длинный развевающийся голубой шарф можно видеть на персонаже росписи из буддийского храма Дуньхуана (V-VI вв. н.э.) (Serinde, Terre..., 1996. P. 125), на барельефах храма Вишну из Деогахра отдельные женские персонажи изображены с перекинутыми через руку шарфами (Тюляев, 1968. Рис. 17). Шарф, перекинутый через руку и характерную пряжку на набедренном пояске мы видим на барельефе из Раджмахала (VI-VII вв. н.э.) (Тюляев, 1968. Рис. 24). И в-третьих, на присутствие буддизма на самом памятнике Зартепа указывает раскопанное буддийское святилище позднекушанского времени.

Изучая древнюю индийскую мифологию, мы столкнулись с одним интересным сюжетом о птице Гаруде, ее матери Винате и змеях – детях сестры Винаты Кадру (Темкин, Эрман, 1982. С. 67-71). Согласно эпосу отцом Гаруды был мудрец Кашьяпа, а матерью – Вината. Однажды Кашьяпа предложил Винате и ее сестре Кадру, которая также была его женой, выбрать себе потомство, какое они пожелают. Кадру пожелала иметь себе тысячу сыновей, а Вината только двух, но таких, которые могли бы своей отвагой и силой превзойти сыновей своей сестры. Однажды сестры поспорили. Согласно уговору, та, которая проигрывает спор, должна быть рабыней у выигравшей.

Вината проиграла спор и, таким образом, стала рабыней своей сестры. Так сбылось проклятие первого сына Винаты – Аруны, который предрек своей матери быть рабыней пятьсот лет из-за того, что она стала причиной его уродства. После спора сестер прошло ровно пять столетий. У Винаты родился второй сын – орел Гаруда (пожиратель) (Махабхарата, 1950. С. 75-76, 85). Когда он появился на свет, все живые существа и даже боги пришли в смятение, увидев в небе огромную птицу, от тела которой исходило ослепительное сияние, затмившее своим блеском даже солнце. И боги приняли орла за Агни, олицетворение солнца. Вот почему Гаруду и его потомков называют солнечными птицами-супарнами (Махабхарата, 1950. С. 86).

Сила и храбрость Гаруды были очень велики. Даже боги во главе со своим царем Индрой приходили в смятение и ужас. Это хорошо выражено в диалоге во время битвы Гаруды с богами из-за армиты. "Тебе не одолеть меня. Велика моя сила и я могу унести на своих крыльях всю эту землю с горами и лесами и тебя вместе с ними. Если хочешь, будь моим другом". Индра возрадовался и сказал: "Я принимаю твою дружбу, о могучий. Требуя от меня дара, какого хочешь!". И Гаруда сказал: "Пусть будут змеи моею пищей". "Да будет так" – ответил властитель богов. С этого времени змеи стали пищей Гаруде и его потомству (Махабхарата, 1950. С. 104). Забегая вперед, отметим, что здесь наблюдается отражение космологической концепции индуизма, символизирующей борьбу солярного героя с его хтоническим врагом.

Выполнив поручение Кадру и ее сыновей, Гаруда вызволил себя и мать из рабства. Оставив Кадру и ее сыновей на острове океана, куда их по велению Кадру доставил до этого Гаруда, он со своей матерью поднялся в небо и улетел в родные края. Этот момент в жизни Гаруды был самым радостным, так как он приобрел долгожданную свободу. Угнетаясь до этого, он спрашивал у матери: "Почему должен я служить змеям, почему должен я исполнять их веления?" (Махабхарата, 1950. С. 89). Не этот ли момент в жизни Гаруды и его матери запечатлен в зартепинской настенной живописи?! Живописная композиция, найденная на памятнике, склоняет нас именно к этому сюжету. Перед нами огромная птица желтой окраски, имитирующей цвет золота. В своих лапах она осторожно держит женщину – ни один коготь не впивается в ее тело. Птица находится в полете – легкий шарф женщины изящно развевается на ветру. Клювом орел победоносно держит или отбрасывает извивающуюся змею. Змея крас-

ного цвета, что символизирует в индийских канонах ярость. Птица летит надводной стихией—на голубом фоне росписи нарисованы рыбки, бутоны и цветы распустившегося лотоса. Образ Гаруды и его подвиги заслуживают того, чтобы они были запечатлены в монументальном искусстве.

Вместе с тем, в искусстве Индии, как в живописи, так и в скульптуре времени кушан и раннего средневековья, нам пока неизвестны монументальные изображения Гаруды в облике орла с громадными крыльями и когтями, как это описывается в индийском эпосе и, чтобы он был главным действующим персонажем в общей композиции, как это мы видим в живописи Зартепа. Более того, на территории Индии изображения Гаруды вообще единичны. Возможно, это связано с тем, что традиционно чтимые образы индуистской мифологии, такие как Шива, Вишну, Парвати, Лакшми, Наида и образы буддийского круга вытеснили образ Гаруды на второй план. Может быть, этим и объясняется то, что все известные изображения Гаруды в индийском изобразительном искусстве переданы на втором плане и, как правило, в качестве ездового животного (вахна) Вишну. В таких случаях Гаруда изображен с головой и грудью коршуна, с человеческим туловищем, с крыльями за спиной и большими когтями. Иногда его лицо имеет человеческий облик, но при этом нос у него клювовидной формы и небольшие крылья за спиной, а в руке он держит кобру. Но и эти изображения Гаруды относятся к более позднему периоду. В качестве примера можно привести изображения Гаруды на колонне из Мадха Прадеш, которое датируется V в. н.э. (Huntington, 1993. III, 10. 13).

Образ Гаруды в качестве вспомогательного персонажа известен и в буддийском изобразительном искусстве, хотя в буддийской мифологии ему уделено далеко не последнее место. В буддийской мифологии также, как и в индуистской, Гаруда изображается в образе огромной птицы с могучими крыльями, движение которых порождает бурю. Гаруда долго служил и боролся против вечных своих врагов – змей и, в конечном итоге, при помощи молитвы, которой его обучил аскет Корамбия, он смог их победить. С той самой поры змеи стали его пищей, что перекликается с индуистской мифологией. Исходя из этого следует полагать, что буддийская мифология в данном случае много заимствовала из индуистской. Согласно буддийской мифологии, Гаруда иногда может принимать человеческий облик и в одном из своих прошлых рождений Шакьямуни был их царем.

Однако и в индо-гандхарском буддийском

изобразительном искусстве известны примеры, где Гаруда изображен в качестве второго дополнительного персонажа. Так, в частности, его изображение мы видим на головных уборах скульптур божеств из музеев Лахара, Калькутты и Пешавара (Tisso F. P.210. Pl. XXIX. Fig. 181-182). В этих изображениях особый интерес представляет то, что здесь на фоне Гаруды изображена богиня, причем, она передана в позе очень близкой к зартепинскому изображению.

В то же время хтонические враги Гаруды – змеи, довольно широко представлены как в индуистском, так и буддийском изобразительном искусстве. Причем здесь мы можем встретить довольно ранние изображения. Так, в частности, на ограде ступы Бхархута, датируемой II в. до н.э. мы видим изображение царя Нагов в облике человека, а Нагини в виде прекрасной женщины со змеиным туловищем вместо ног (Тюляев, 1988. С. 107. Рис. 96). Таких примеров можно привести много. Однако почему в индийском изобразительном искусстве более предпочтительным было изображение нагов, а не Гаруды, трудно ответить.

Тем не менее, образ, который не нашел должного внимания в изобразительном искусстве у себя на родине, нашел воплощение в искусстве древней Бактрии, где он представлен в качестве главного действующего персонажа. Самое главное, что Гаруда здесь передан именно так, как он охарактеризован в индийском эпосе. Можно предположить, что художник, написавший зартепинскую картину, был хорошо знаком с индийской мифологией. При этом нельзя исключить возможность того, что он мог быть индийцем по происхождению. Возможно этим и объясняется то, что на Зартепа живописью оформлены как стена, так и потолок помещения. Как известно, для Бактрии оформление потолков живописью нехарактерно. По крайней мере, в практике бактрийского изобразительного искусства такой случай еще не был отмечен. В то же время, в Индии это нередкое явление. В качестве примера можно сослаться на живопись знаменитой Аджанты. В таком случае, можно допустить, что художник, писавший зартепинскую живопись, не смог в свое время осуществить свои замыслы у себя на родине по причине отсутствия заказа на изображение Гаруды, так как основные заказы были связаны с буддийскими персонажами. В Бактрии же он получил некоторую творческую свободу и осуществил свою мечту. На широкое распространение образа Гаруды в буддийском изобразительном искусстве кушанской Бактрии указывают и новые находки из буддийского культового цен-

тра Каратепа в Старом Термезе. При исследовании монументального монастырского комплекса, расположенного на северном холме Каратепа, было найдено более одного десятка изображений птицы Гаруды. Примечательно, что здесь были найдены фигурки как высеченные из камня, так и глиняные. Особенно интересны скульптурные изображения птицы Гаруды, выполненные из белого известняка и входившие в оформление каменного рельефа, по всей вероятности, джатака Будды. Рельеф, судя по месту находок деталей, некогда украшал фасадную стену платформы большой ступы. Здесь встречены изображения птицы Гаруды со змеей в клюве, как на зартепинской живописи, так и без змеи (Kudzo, Pidaev, 2002. P. 19). Рельеф, судя по стратиграфии и монетным находкам, датируется второй половиной III в. н.э. Следовательно, это дает право считать, что образ птицы Гаруды в художественной культуре Бактрии появился не позже III в. н.э. и считается одним из почитаемых образов. Поэтому ее изображения можно увидеть в оформлении каменных капителей колонн и в глиняных рельефах (Пидаев, 2005. С. 20-22).

Живопись Зартепа нанесена рукой очень искусного художника. Во всем чувствуется высокий профессионализм. Каждая мелкая деталь сюжета нанесена четко, без каких-либо искажений и схематичности. Для того, чтобы придать сюжету больше живости, динамизма и реализма, художник использовал довольно большую палитру красок. Насколько нам известно, это первый случай в изобразительном искусстве Бактрии, где использовалась такое богатое разнообразие красок. Художник использовал яркие, сочные цвета, что существенно усиливало зрительный эффект картины, а умелое использование каждого цвета и его оттенков в нужном месте дополнительно подчеркивали сюжет картины и художественный замысел живописца.

Не вполне понятно, зачем один и тот же сюжет художник изобразил дважды в пределах одного помещения - на стене и потолке, в меньшем и большем размере. Бесспорно, в этом имелся какой-то смысл. Почему большая картина нанесена на потолок помещения, а меньшая на стену? Нам представляется, что художник хотел показать основной персонаж картины – орла – летящим в небе, как это и описано в эпосе, и, в данном случае, потолок сопоставлялся с небом. То, что на потолке находилось крупное изображение орла можно объяснить тем, что, исходя из эпоса, Гаруда описан в образе могучей птицы. Малое изображение было выполнено на стене ввиду того, что входивший в помещение не сразу мог уви-

дети живопись на потолке и, чтобы привлечь и сосредоточить его внимание, живописец изобразил тот же сюжет на стене, прямо напротив входа. Когда зритель подходил ближе к стене ему открывалось изображение картины на потолке, т.е. в данном случае, живопись на стене играла связующую роль и направляла внимание зрителя на основную картину, написанную на потолке, где перед ним открывался новый мир. Размеры самой живописи, сюжет рисунка, большое изображение орла, высокое художественное исполнение должны были приводить зрителя в восхищение и он оказывался как бы частью этой сцены.

Остановимся на вопросе о датировке живописи. Как мы уже отмечали, раскопки рассматриваемого участка городища производились на уровне верхнего строительного горизонта. В ходе раскопок здесь обнаружен не очень большой, но довольно характерный и весьма интересный археологический материал (Пидаев, 1990. С. 50-59). В данном случае для датировки живописи представляет интерес керамический материал и монетные находки, так как в настоящее время их относительная хронология разработана достаточно хорошо. В нашей статье нет необходимости в их подробной характеристике, поскольку они уже обсуждались ранее (Пидаев, 1990. С. 54) и поэтому мы ограничимся лишь упоминанием основных форм керамики. Это так называемые полусферические чаши, чаши с характерным перегибом у венчика, столовые тагора, энохоевидные сосуды, кувшины и др. Все они покрыты плотным красно-коричневым ангобом различного оттенка, украшены лощением и штампованным орнаментом. Ареал подобной керамики довольно большой и относительная хронология их для Бактрии хорошо разработана. В этом плане заслуживают внимания результаты работ в жилом квартале Зартепа (Р-6), где в ходе исследований получен богатый керамический материал, позволивший разработать классификацию позднекушанской керамики Зартепа (Завьялов, 1979. С. 144-

150). Керамика изучаемого нами объекта полностью стыкуется с керамикой данного объекта, которая датируется второй половиной-концом IV в. н.э. (Завьялов, 1979. С. 153). Исходя из этого, керамику юго-восточного холма также можно датировать этим же временем. Данная датировка подтверждается и монетными находками. В слоях обнаружены монеты, подражающие монетам позднекушанских правителей и монеты так называемого кушано-сасанидского и сасанидско-кушанского типа. Подобные монеты являются частыми находками на всех памятниках позднекушанского времени. Тем не менее, о времени обращения данных монет среди ученых нет единого мнения. Поэтому в настоящее время абсолютная датировка их трудно определима. Вместе с тем, большинство ученых согласны относить завершение их обращения ко второй половине IV в. н.э.

Таким образом, основываясь на керамическом материале и находках монет, последний период обживания построек юго-восточного холма может быть датирован второй половиной IV в. н.э., а точнее – концом IV в. н.э.

Последний вопрос, на котором мы хотели бы остановиться, касается функционального назначения рассматриваемого объекта. Как и раньше, мы склонны считать, что юго-восточный холм Зартепа является остатками форта (Пидаев, 1990. С. 59). Вместе с этим следует внести определенные коррективы в данный вопрос с учетом изучения живописи. Нам представляется, что ко времени оформления помещения 1 живописью постройки юго-восточного холма перестали использовать как форт, иначе трудно объяснить почему стены помещения 1 форта были украшены живописью, что вообще нехарактерно для зданий подобного типа. Мало того, сюжет живописи не согласуется с функциональным характером здания. Это дает нам право считать, что после того, как форт функционально перестал существовать, одно из его помещений было превращено в святилище. Тем более, что подобный случай не пер-

вый на Зартепа. Нам уже известно строительство на руинах оборонительных стен буддийского святилища в северной части города (Пилипко, 1976. С. 59-68). В данном случае святилище, изученное на юго-восточном холме Зартепа, судя по характеру сюжета живописи могло быть также буддийским.

Итак, находка живописи на Зартепа открывает перед нами новую страницу в изучении истории монументального искусства Бактрии кушанского времени, что лишний раз свидетельствует о своеобразии культуры кушанской Бактрии. Вместе с этим, она указывает также на теснейшие культурные контакты Бактрии с Индией, что было обусловлено вхождением этих регионов в состав единой кушанской империи.

Использованная литература

- Завьялов В.А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепа в 1975-1976 гг. // Советская археология. 1979. №3.
Kudzo K., Pidaev Sh. New Finds of Uzbek Archaeology. 2002.

- La ceramique archaique de l'islam. Paris, 1920, tabl. XXIV.
- B. Maršak. Les Faules de Pendjikent, Comptes. Rendus des Searces de l'annee. 1990. Janvier-Mars, Paris.
- Махабхарата. М.-Л., 1950.
- Mittelalterliche Lengdrucke, Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen, I, 1880.
- Пидаев Ш.Р. Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зартепа // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
- Пидаев Ш.Р. Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
- Пидаев Ш.Р. Образ Гаруды в изобразительном искусстве Бактрии-Тохаристана // Ўзбекистон санъатида маданият толерантлик ва анъаналарнинг ўзига хослиги. Конференция материаллари. Тошкент, 2005.
- Пилипко В.Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепа // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Ганджары. М.: Искусство. 1982.
- Рахманов Ш. Тавка. Тошкент, 2002.
- Tisso Francine. Gandhara. Paris, 1985.
- Тревер К.В. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.-Л., 1937.
- Тюляев С.И. Искусство Индии. М.: Искусство, 1968.
- Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М., 1982.
- Huntigton Susan L. Ancient India. Buddhist. Hindu. Jain. New-York-Tokyo, 1993.
- Hampel I. Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklos. Budapest. 1885. 12.

Маттео Компарети

ЦИКЛ РОСПИСЕЙ С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цикл росписей, которому посвящено настоящее сообщение, был открыт случайно в 1965 году, во время проведения дорожной трассы через городище Афрасиаб домонгольского Самарканда. С осознанием важности находки сотрудниками Афрасиабской археологической экспедиции Института археологии АН под руководством академика АН РУз Я.Г. Гулямова и член-корр. АН РУз В.А. Шишкина, обратившихся в руководящие органы правительства Республики, стройку, имевшую союзное значение удалось остановить. Однако верхняя часть здания, вместе с располагавшимися там росписями, была частично разрушена.

Раскоп вокруг памятника был назван объектом 23. Надо полагать, что это был жилой квартал древнего Самарканда (Альбаум, 1975). Основной цикл росписей покрывал стены помещения 1 (известного как «Зал Послов»), хотя некоторые росписи имелись и на стенах помещений 2 и 3, они опубликованы только частично. Лишь небольшая часть росписей в помещении 9, изображающая пару божеств под аркой, сохранилась после разрушения бульдозерами. В интерпретации росписи зала 1, ввиду ее недостаточной сохранности, остаются многие темные места, однако со времени самых первых исследований было понятно, что на ней изображены представители несогдийских земель, преподносящие дары. Исходя из этого, помещение было названо «Залом Послов» (Альбаум, 1971. С. 86).

Хотя мнения специалистов насчет содержания афрасиабских росписей разнятся, многие согласны, что это единый цикл, который был интересен согдийцам и их соседям, и содержал астрономические коннотации, касавшиеся проведения календарных праздников (Mode, 1993; Silvi Antonini, 1989; Marshak, 1994; Compareti, Cristoforetti, 2005; Compareti, Cristoforetti, 2007).

Китайские письменные свидетельства остаются основным источником, проливающим свет на понимание и хронологию настенных росписей. Например, как было отмечено Маркусом Моде (Mode, 1993. Р. 20-24), пассаж в *Таншу* (История династии Тан, составлена в 1060 г.) говорит, что в седьмом веке в Кушании, в Центральном Согде, имелся павильон, принадлежавший царю, в котором на западной стене были изображены персы и византийцы, на северной стене – китайцы, а тюр-

ки с индийцами располагались на восточной стене: это описание, за исключением западной стены, соответствует расположению сюжетов в «Зале Послов».

Скромные размеры здания, в котором был расположен «Зал Послов» указывают на то, что это был частный жилой дом, а не царский дворец, в котором в действительности принимали послов (Ахунбабаев, 1990; Ахунбабаев, 1999). Нельзя исключать, что это здание играло некую религиозную роль, однако такое предположение базируется исключительно на свидетельстве *Таншу*, где говорится, что царь Кушании каждое утро молился в вышеупомянутом павильоне.

В настоящий момент большая часть росписей из помещения 1 отреставрирована и размещена в музее истории города на городище Афрасиаб, хотя отдельные фрагменты росписей хранятся в Институте археологии АН Узбекистана и в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте.

После издания первой монографии Л.И. Альбаума, посвященной исключительно афрасиабским росписям, появилось несколько исследований на русском языке, посвященных как изучению деталей росписей, так и техническим особенностям проведенных археологами работ (Абдураззаков, Камбаров, 1975; Майтдинова, 1984; Мотов, 1999).

В процессе раскопок в конце 1970–1980-х гг. были найдены новые росписи доисламского времени, содержащие растительные мотивы и архитектурные детали (Ахунбабаев, 1987). Позднее на Афрасиабе был найден мощный цикл росписей, относящийся к караханидской эпохе (XII-XIII вв.) (Иневаткина, 1999; Karev, 2003; 2005), причем не исключено, что некоторые его элементы были заимствованы из предшествовавшего согдийского искусства, хотя эта точка зрения остается спорной (Compareti, forthcoming.a).

Западная стена

Основная стена, расположенная напротив входа – западная. Вероятнее всего, на ней изображен праздник Нового Года, Навруз, сопряженный с коронацией местного царя (Silvi Antonini, 1989). В настоящее время, эта интерпретация поддерживается практически всеми исследователями, хотя имеются и иные точки зрения (Marshak, 1994; Kageyama, 2002; Arzhantseva, Inevatikina, 2006; Compareti, Cristoforetti, 2005; Grenet, 2005; Grenet,

2006; Marshak, 2006; Fedorov, 2006; Compareti, Cristoforetti, 2007). Наиболее существенная альтернативная интерпретация принадлежит Маркусу Моде, который видит в росписи не празднование Нового Года (или иного праздника), а поднесение даров местному царю или его тюркскому сюзеру, т.е. кагану тюрков (Mode, 1993; 2006). К сожалению, верхняя часть росписи была разрушена, и о присутствии на ней царя можно строить гипотезы только на основе намеков в источниках и параллелях на остальных сценах с Афрасиаба.

Поднесение даров во время Навруза – очень древний иранский обычай. Традиционно, празднование Нового Года считалось лучшим временем для проведения церемонии коронации царя. Это следует из нескольких поздних персидских сочинений, и указания на продолжение этой традиции в исламское время можно найти на редких миниатюрах ильханидского времени (?), хранящихся во дворце Топкапы в Стамбуле (Compareti, forthcoming.a.).

Утраченная фигура в верхней части западной стены изображала, скорее всего, самого царя Вархумана, хотя некоторые исследователи считают, что оставалось достаточно места и для изображений божеств-хранителей (Marshak, 2006; Mode, 2006). Основным аргументом в пользу такой версии является сравнение с росписями из Пенджикента, где основное божество-хранитель (особенно, Нана) обычно доминирует в сюжете и расположено выше всех других персонажей.

Как известно, согласно передвигавшемуся согдийскому календарю, в седьмом веке Навруз отмечался летом. На эту пору указывает, вероятно, и поза охранника-тюрка, который обернул полы своей одежды вокруг бедер из-за жаркой погоды (Grenet, 2004: pl. B).

Определению даты росписи помогло прочтение фрагментарной надписи на западной стене, где упомянут некий царь Вархуман (Livshits, 2006). Его имя соответствует местному царю, который был признан китайским императором Гаоцзуном (649-683) губернатором Самарканда и Согда между 650 и 655 гг. (Chavannes, 1903. P. 135). Гаоцзун даже отправил посла ко двору Вархумана по случаю его официальной инвеституры в 658 г., когда Согдиана была уже включена в Танский протекторат в Центральной Азии (Kageyama, 2002. P. 320). Вероятнее всего, живопись из Афрасиаба была выполнена примерно в этот период, на что, как будто, указывают все свидетельства.

В надписи на западной стене упоминаются представители Чаганиана и Чача, которые, веро-

ятно, изображены в группе иностранцев в типично иранских одеждах, расположенной в нижней части той же стены (рис. 1). На западной стене можно увидеть и китайских послов в характерных одеждах, преподносящих шелка ко двору Вархумана (рис. 2). Небольшая группа послов изображает корейцев, хотя их изображения не обязательно отражают непосредственные наблюдения согдийских художников, а скопированы с иконографических моделей китайского искусства. Таким образом, это первое и единственное непосредственное свидетельство того факта, что согдийцы импортировали в Самарканд китайские шелковые живописные свитки (Kageyama, 2002).

Повсюду в этой сцене изображены тюрки и символы их могущества: ритуальные барабаны, украшенными головами чудовищ, и одиннадцать копий. Согласно Моде, десять копий изображают десять племен тюрков плюс одно копьё для Кагана (Kageyama, 2002).

Тюрков можно узнать по характерной причёске с косами. Их роль в росписи западной стены остается неясной, однако одного из них, сидящего в центре в голубом кафтани, можно идентифицировать как особу высокого ранга, поскольку голубой цвет имел особое значение для древних тюркских народов (Yatsenko, 2004).

Южная стена

На протяжении своей истории Согдиана никогда не являлась единым царством, и поскольку информации о Самарканде очень мало, исследователям приходится обращаться к сведениям об иных согдийских владениях, и информация, даваемая китайскими и исламскими источниками касательно Чача, Кушании, Бухары и т.д. может оказаться верной и для Самарканда, поскольку во всех этих областях была распространена одна и та же культура.

Сцена на южной стене определена как иной этап празднования Навруза, когда, по словам *Таншу*, согдийский правитель в Чаче совершал похоронный ритуал в память своих предков в храме, который был построен на восточной окраине города (Marshak, 1994. P. 11-15). Вероятно, и в Самарканде существовал похожий обычай. Четырех гусей и, что примечательно, лошадь без всадника в центре процессии можно считать животными, которых по этому случаю должны были принести в жертву персонажи, изображенные с традиционными масками маздеистских жрецов (*pādām*) и двое с церемониальными жезлами в руках, едущие на верблюде (Grenet, 2005. P. 125) (рис. 3).

Предполагалось, что эти животные являются точной параллелью к декору тканей на одеждах

людей внутри храмов, которые, в свою очередь, могли являться маздеистскими божествами, а не просто служителями (Мотов, 1999). Иначе говоря, персонаж в одежде с изображением птиц в медальоне из «жемчугов», мог являться изображением Зурвана, человек в одеянии с крылатыми конями – Митры, а воин в доспехах представляет собой Вайшравану (рис. 4). Украшения на одежде третьего персонажа сейчас определить невозможно (Compareti, forthcoming.b.). К сожалению, эти фигуры сохранились не лучшим образом, однако судя по непримечательным размерам фигур, это не божества, так как последние изображались большего размера, чем поклоняющиеся им люди, по крайней мере, в Пенджикенте.

Во главе царского парада расположен слон, который, возможно, вез на себе главную жену Вархумана (царицу) или по Моде, группу музыкантов (Mode, 1993. P. 88-89) (рис. 5).

Северная стена

Китайцы изображаются на северной стене достаточно точно, как сообщает *Танишу*. Исследование их одеяний показывает близость современным Вархуману китайским погребальным росписям (Kageyama, 2006).

Это очень сложная композиция, разделенная на две части, причем обе связаны с астрономическими и астрологическими данными. Более того, обе части находят точные параллели на западной, южной и, возможно, восточной стене. Наиболее вероятно, что на северной стене представлено изображение празднования Китайского Нового Года. Одна китайская поэма второго века н.э. сообщает об очень древней традиции, согласно которой ханьский император должен был совершить ритуальную охоту в особой части имперского парка в Чаньани и убить животное, считавшееся в Китае недобрым, например, хищника из породы кошачьих. В росписи с Афрасиаба, охотника большего размера, чем остальные, который протыкает копьем леопарда, можно отождествить с императором (рис. 6). После охоты китайские аристократы направлялись к пруду в том же саду, слушать певцов и музыкантов на лодках в форме голов птиц, а служители должны были нырять и ловить водных животных (Compareti, 2006). Именно это действие можно увидеть на водной сцене в левой части северной стены (рис. 7). Дракон также появляется в китайских поэмах в связи с праздником, который может быть отождествлен с Новым Годом, и действительно, под лодкой в водной сцене можно увидеть химерическое крылатое чудовище (Compareti, 2007).

Человек, ведущий двух лошадей в воду, вероятно, выполняет китайский ритуал, который пока

остаётся не отождествленным, но стоит отметить, что лошадь вообще очень часто встречается на росписях из Афрасиаба (Riboud, 2003; Compareti, Cristoforetti, 2007; Mao, forthcoming).

К этой интерпретации водной сцены можно добавить следующее соображение. Одна из дам на лодке крупнее всех остальных, поскольку это, вероятно, У Цзэтянь, жена Гаоцзуна, которая узурпировала танский трон в 690-705 гг. Она кормит рыб, плавающих непосредственно под лодкой, кисть ее левой руки открыта, как будто она бросает что-то в воду. Этот жест заставляет вспомнить еще один китайский праздник, *Дуанью*, который до сих пор отмечается в пятый день пятого месяца традиционного календаря (приходится на время около летнего солнцестояния), и который посвящен памяти самоубийства поэта Цу Юаня (340-278 до н.э.). По этому поводу, каждый год с древних времен, полагалось бросать пищу в воду, чтобы отвести рыб от трупа Цу Юаня, и плавать по рекам и озерам на лодках, в надежде отыскать его тело. Другие в это время ныряют и ищут в воде тело поэта (которое так и не было найдено).

Согласно интерпретации Моде, знатная дама в лодке – это китайская принцесса по пути в Самарканд, где она должна была выйти замуж за местного царя, но эта интерпретация не согласуется с тем фактом, что знатной китайской даме полагалось путешествовать в запряженной волами повозке и, в любом случае, не понятно, почему при путешествии по Центральной Азии используется лодка, а не привычные вьючные животные.

Совершенно очевидно, что вторая часть древнего празднования Нового Года согласно поэме ханьского времени, и праздник *Дуанью*, во многом, очень сходны. Хорошо известно, что Китайский Новый Год выпадает, в пересчете на григорианский календарь, на январь-февраль, а *Дуанью* случается в мае-июне. Последний точно совпадал с согдийским Наврузом, который в седьмом веке праздновался летом. Возможно, художники афрасиабской живописи северной стены спутали два праздника, или, что более вероятно, умышленно смешали их, чтобы подчеркнуть календарное совпадение местного, согдийского праздника и большого китайского фестиваля, который мог соперничать в своей важности с Китайским Новым Годом (Compareti, Cristoforetti, 2005; Compareti, Cristoforetti, 2007). Это смешение китайских праздников можно объяснить, допустив, что согдийские художники могли непосредственно в Самарканде увидеть китайские изображения, которые, возможно, импортировались согдийски-

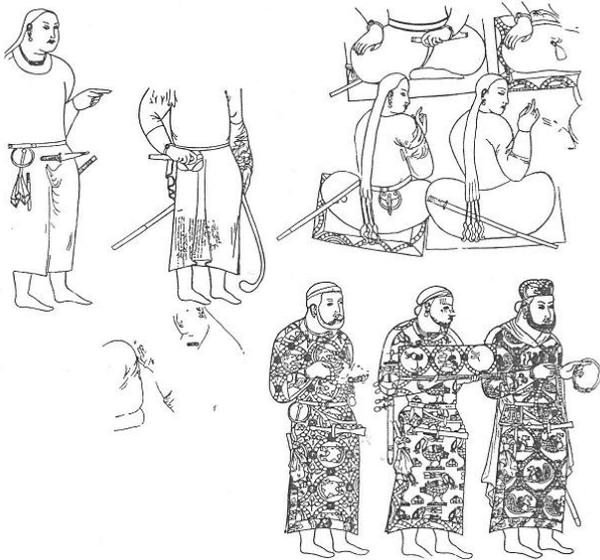

Рис. 1. По Альбауму, 1975: рис. 4.

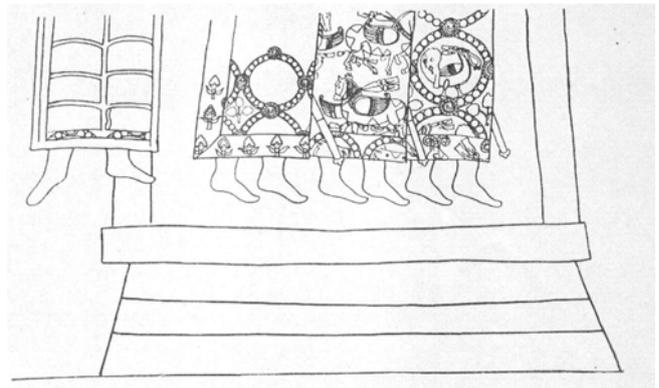

Рис. 4. По Альбауму, 1975: рис. 8.

Рис. 2. По Альбауму, 1975: рис. 6.

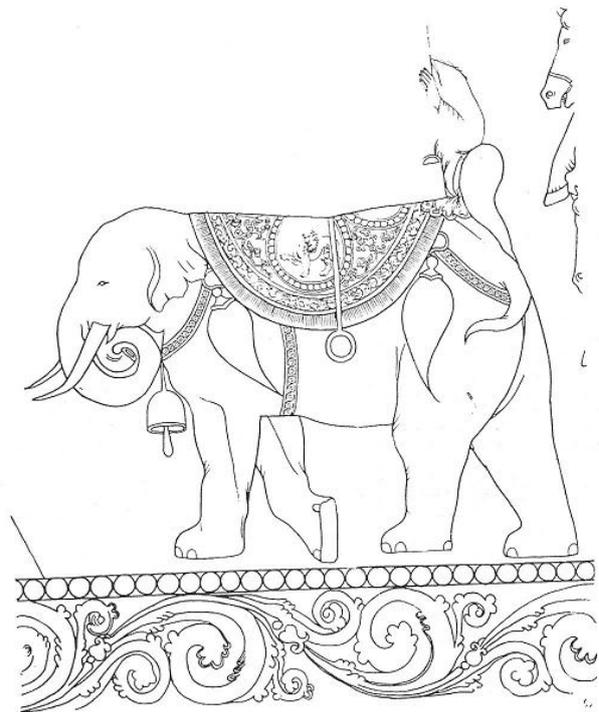

Рис. 5. По Альбауму, 1975: рис. 9.

Рис. 3. По Альбауму, 1975: рис. 11.

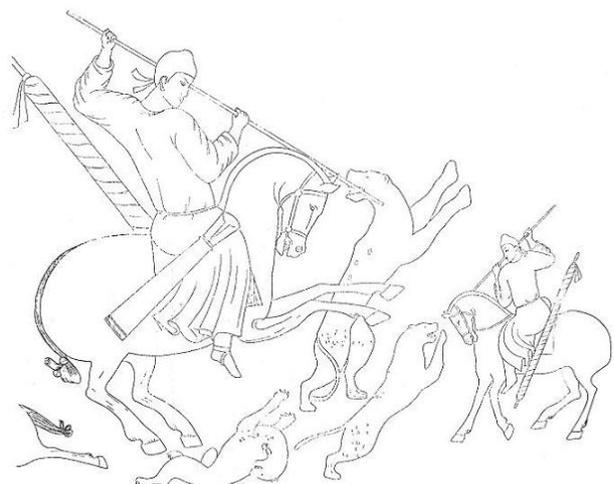

Рис. 6. По Альбауму, 1975: рис. 16.

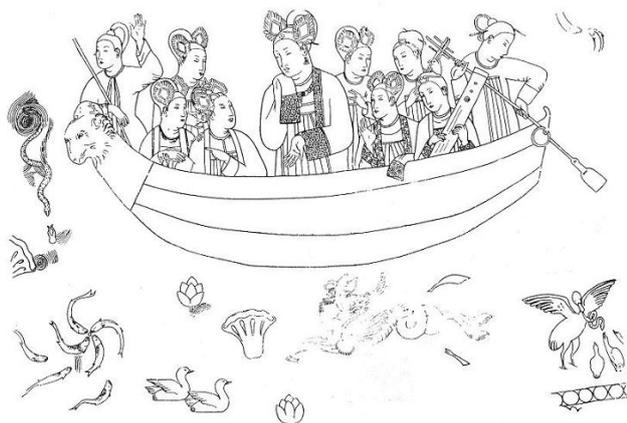

Рис. 7. Переработка Альбауму, 1975: рис. 21. Изображение дракона согласно: Arzhantseva, Inevatkina, 2006.

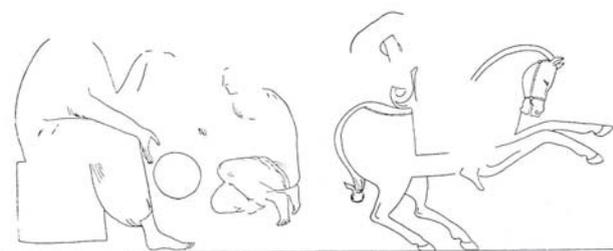

Рис. 8. По Альбауму, 1975: рис. 27.

ми купцами.

Восточная стена

Сюжет восточной стены был не так давно пересмотрен Францем Грене, который принял и развил предложенное первоначально Л.И. Альбаумом объяснение, что сюжет связан с Индией, хотя сохранность самой росписи очень плохая. В настоящее время сохранилось три несопрягаемых фрагмента некогда единого изображения: левый, центральный и правый.

Как в настоящий момент представляется верным, в левой части нижнего яруса восточной стены представлена символическая передача науки астрономии от греков к индийцам, согласно иконографии, основанной на классическом искусстве (рис. 8). Действительно, в двух фигурах можно увидеть учителя и ученика, и композиция совпадает с греко-римскими мозаиками, изображающими передачу астрологии от музы Урании поэту Арату (Grenet, 2003).

Водная сцена справа пока не поддается удовлетворительной идентификации (рис. 9). Недавно автор настоящего сообщения выступил с докладом, где предложил чтение, основанное на *Щатапатха Брахмана*, одном из основных индийских текстов, посвященных жертвоприношениям. В этой книге сообщается, что погребальные ритуалы следует проводить осенью или летом, и при этом сооружается алтарь, который должен

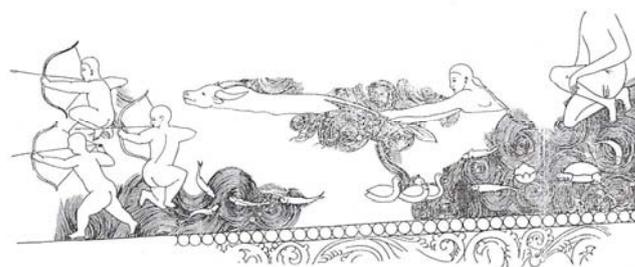

Рис. 9. По Альбауму, 1975: рис. 25.

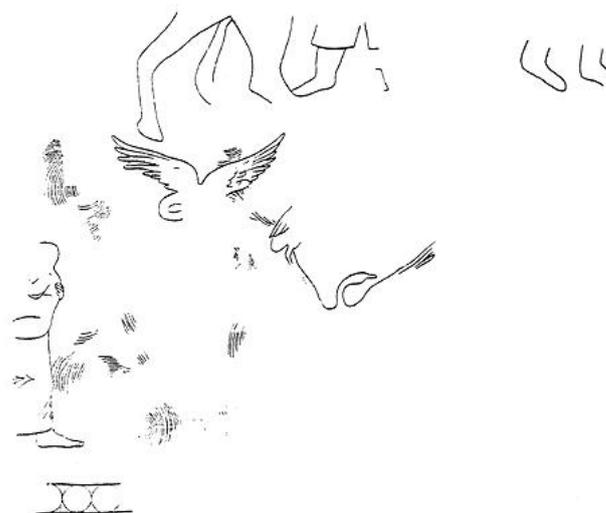

Рис. 10. По Альбауму, 1975: рис. 26.

быть обращен на юго-восток: водная сцена, действительно, расположена на углу между восточной и южной стенами «Зала Послов». При каждом этапе сложного воздвижения алтаря присутствуют животные, например, черепаха. Черепаху можно действительно увидеть на водной сцене, под склоненным человеком. Далее, по окончании погребения, родственники умершего должны были омыть себя в воде и, надев новые одежды, возвратиться домой, держась за хвост быка (Эти соображения были представлены на конференции по археологии Южной Азии, которая проходила в Равенне 2-7 июля 2007 г. Мое выступление, озаглавленное «The Evocation of India among the Afrasyab Paintings: Some Considerations», возможно, будет опубликовано в материалах конференции. Чтение основано на следующем издании *Щатаманатха Брахмана: Satapatha-Brahmana. According to the Text of the Madhyandina School. Part V. Books XI, XII, XIII and XIV*, translated by J. Eggeling, London, 1900 (reprint Delhi, 2002), особенно, С. 421-440). Хотя некоторые детали изображения, как будто, не вполне совпадают с текстом, примечательно, что персонаж, держащийся за хвост быка в воде находит вполне удовлетворительное объяснение в индийском трактате.

Для идентификации центральной части восточной стены (рис. 10) предложено три гипотезы. Согласно гипотезе М. Моде, на фрагменте сохранились изображения ног человека и нижней части туловища животного, которое можно считать волком. *Танишу* говорит, что на восточной стене изображены индийцы вместе с тюрками, и эта деталь может быть связана с хорошо известной легендой о происхождении тюрков от волчицы в пещере (Mode, 1993. P. 97-104). Интерпретация Моде – единственная, которая согласуется с китайским источником, а поскольку *Танишу* доносит и иную достоверную информацию, объясняющую афрасиабские росписи, данное объяснение может считаться убедительным. Согласно другой гипотезе, изображены не волчьи лапы, а ноги лошади. По Ф. Грене, некоторые детали этой сцены могут представлять легендарную борьбу Кришны с демонами в зверином облике. Сохранившаяся нижняя часть фигуры человека и лошади объясняются как Кришна, противостоящий демону Кешину (Grenet, 2006. P. 44-7). Соответственно, вся центральная часть сцены объясняется как испытание Кришны во время битвы с демонами. Наконец, третья попытка объяснения этой сцены принадлежит автору настоящей статьи, и она основывается, опять же, на индийских религиозных текстах. Действительно, часть росписи на восточной стене может изображать индийский ритуал, связанный с царским жертвоприношением коней, который совершался весной или, по иной традиции, летом, а именно, с ритуалом *Ашвамедхи* (Compareti, 2006-2007). Не всякий правитель мог себе позволить этот ритуал, который требовал высоких затрат и длительного исполнения: двух, а в некоторых случаях, и трех лет.

Хотя многие детали в представленной реконструкции остаются все еще непонятными, изображение *ашвамедхи* и погребальных ритуалов

на индийской стене достаточно точно соотносятся не только со значимостью местных ритуалов на иных стенах, но и со временем исполнения, а именно с летом. Более того, есть достаточные основания утверждать, что *ашвамедхи* можно рассматривать как жертвоприношение, отмечающее начало нового года, или даже новой эры; таким образом, включение этого сюжета в цикл росписей оказывается тем более понятным (Swennen, 2004. P. 206).

Заключение

В завершение нашего обзора можно сказать, что точное объяснение элементов, представленных на сценах росписей из Афрасиаба, остается все еще невозможным. Некоторые новые гипотезы сделали общее видение более ясным, но предстоит еще много работы. Многообещающим полем деятельности представляется сопоставление изображений с китайскими источниками, которые требуют особого подхода. Кроме того, не исключено, что новые находки китайских археологов смогут пролить свет и на рассматриваемый памятник согдийского искусства. В настоящее время на городище Афрасиаб работают узбекистанская и французская экспедиции, и можно надеяться, что новые находки, связанные со зданием, где располагался «Зал Послов», укажут на новые интерпретации. Более того, археологические работы в других областях Узбекистана и Таджикистана, составных частей древней Согдианы, начинают давать интересные результаты. Интерес к проблеме со стороны ученых смежных дисциплин (историков, филологов, историков искусства) из разных стран помогли во многом пониманию согдийского искусства и культуры, и очевидно, что сотрудничество различных ученых является верным способом решить множество проблем, остающихся пока не решенными.

Использованная литература

- Абдураззаков А.А., Камбаров М.К. *Реставрация настенных росписей Афрасиаба*. Ташкент, 1975.
- Ахунбабаев Х.Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // *Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье*. Самарканд, 1987.
- Ахунбабаев Х.Г. *Социально-планиграфическая структура квартала знати на Афрасиабе и проблема изучения ранне-средневекового Самарканда*. Самарканд, 1990.
- Ахунбабаев Х.Г. *Дворец икшидов Согда на Афрасиабе*. Самарканд, 1999.
- Альбаум Л.И. Новые росписи Афрасиаба // *Страны и народы Востока*. 1971. 13.
- Альбаум Л.И. *Живопись Афрасиаба*. Ташкент, 1975.
- Иневаткина О.Н. Фрагмент сюжетной живописи конца XII – начала XIII вв. из цитадели Самарканда // *Материальная культура Востока. Государственный Музей Востока*. М., 1990.
- Майтдинова Г. К интерпретации живописи Афрасиаба VII в. н.э. (сцена в лодке) // *Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР*, 2, 1984.
- Мотов Ю.А. Изображение мистерии праздника Михраган в настенных росписях афрасиабского дворца // *История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций*. Алматы, 1999.
- Arzhantseva I., Inevatkina O. "Afrasiab Wall-Paintings Revisited: New Discoveries Twenty-Five Years Old", in: *Royal Nawrūz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrāsyāb Painting*, eds. M. Compareti, É. De La Vaissière, Suppl. n. 1, *Rivista degli Studi Orientali*, LXXVIII, Roma, 2006.

- Chavannes E. *Documents sur les Tou-Kieu (Turks) Occidentaux*, Paris, 1903.
- Compareti M. "A Reading of the Royal Hunt at Afrāsyāb Based on Chinese Sources", in: *Royal Nawrūz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrāsyāb Painting*, eds. M. Compareti, É. De La Vaissière, Suppl. n. 1, *Rivista degli Studi Orientali*, LXXVIII, Roma, 2006a.
- Compareti M. "Further Evidence for the Interpretation of the «Indian Scene» in the Pre-Islamic Paintings at Afrāsyāb (Samarkand)", *The Silk Road*, 4/2, 2006-2007.
- Compareti M. "On the Meaning of the Dragon in the Paintings at Afrasyab (Ancient Samarkand)", in: ed. V.H. Mair, *Proceedings of the International Conference on Ancient Central Eurasian and Chinese Civilizations. Volume I. Eurasian Studies*, 6, 2007.
- Compareti M. "The Coronation and the Nawruz: A Note on the Reconstruction of the Lost King at Afrāsyāb", *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*, 3/2008, forthcoming.a.
- Compareti M. "Remarks on the Sogdian Religious Iconography in 7th Century Samarkand", in: *Proceedings of the International Seminar on the Art of Central Asia and the Indian Sub-Continent in Cross-Cultural Perspective (1st century AD-14th century AD)*, Delhi, March 12th-16th 2007, forthcoming.b.
- Compareti M., Cristoforetti S. "Proposal for a New Interpretation of the Northern Wall of the «Hall of the Ambassadors» at Afrasyab", in: *Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, History, Ethnology, Culture. Materials of an International Scientific Conference Dedicated to the Centenary of Aleksandr Markovich Belenitsky*, ed. V. P. Nikonorov, St. Petersburg, 2005.
- Compareti M., Cristoforetti S. *New Elements on the Chinese Scene in the «Hall of the Ambassadors» at Afrāsyāb along with a Reconsideration of «Zoroastrian» Calendar*, Venice, 2007.
- Cristoforetti S. *Forme "neopersiane" nel calendario "zoroastriano" tra Iran e Transoxiana*, Venezia, 2000.
- Fedorov M. "Returning to the Sogdian Incense-Burner of the Late VII-Early VIII c. AD. A Portrait of Ikhshid Varkhuman?", *Iranica Antiqua*, XLI, 2006.
- Grenet F. "L'Inde des astrologues sur une peinture sogdienne du VIIe siècle", in: C. Cereti, M. Maggi, E. Provasi eds., *Religious Themes and Texts in Pre-Islamic Iran and Central Asia. Studies in Honour of Professor Gherardo Gnoli on the Occasion of His 65th Birthday*, Wiesbaden, 2003.
- Grenet F. "Maracanda/Samarkand, une métropole pré-mongole. Sources écrites et archéologie", *Annales. Histoire, sciences sociales*, 5-6, 2004.
- Grenet F. "The Self-Image of the Sogdians", in: *Les Sogdiens en Chine*, eds. É. de la Vaissière, É. Trombert. Paris, 2005.
- Grenet F. "What was the Afrasyab Painting About?", in: *Royal Nawrūz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrāsyāb Painting*, eds. M. Compareti, É. De La Vaissière, Suppl. n. 1, *Rivista degli Studi Orientali*, LXXVIII, Roma, 2006.
- Kageyama E. "A Chinese Way of Depicting Foreign Delegates Discerned in the Paintings of Afrasiab", in: *Iran questions et connaissances. Vol. I: La période ancienne*, ed. Ph. Huyse, Paris, 2002.
- Kageyama E. "Coiffure et vêtement des chinoises sur la peinture d'Afrasiab", in: *Royal Nawrūz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrāsyāb Painting*, eds. M. Compareti, É. De La Vaissière, Suppl. n. 1, *Rivista degli Studi Orientali*, LXXVIII, Roma, 2006.
- Karev Y.V. "Un cycle de peintures murales d'époque Qarākhānide (XIIe-XIIIe siècles) à la citadelle de Samarkand: le souverain et le peintre", *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, IV, 2003.
- Karev Y.V. "Qarakhānid Wall Paintings in the Citadel of Samarqand: First Report and Preliminary Observations", *Muqarnas*, XXII, 2005.
- Livshits V.A. "The Sogdian Wall Inscriptions on the Site of Afrasiab", in: *Royal Nawrūz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrāsyāb Painting*, eds. M. Compareti, É. De La Vaissière, Suppl. n. 1, *Rivista degli Studi Orientali*, LXXVIII, Roma, 2006.
- Mao Min, "The Scene of the Bathing Horses at the «Hall of the Ambassadors» in Afrasyab (Samarkand): Its Iconography Influence from China and Its Cultural Link with the Nawruz Festival", in: *Paper Presented to the Second Conference on Turfan Studies, Turfan, August 25th-30th 2005*, forthcoming.
- Marshak B.I. "Le programme iconographique des peintures de la «Salle des ambassadeurs» à Afrasiab (Samarkand)", *Arts Asiatiques*, XLIX, 1994.
- Marshak B.I. "Remarks on the Murals of the Ambassadors Hall", in: *Royal Nawrūz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrāsyāb Painting*, eds. M. Compareti, É. De La Vaissière, Suppl. n. 1, *Rivista degli Studi Orientali*, LXXVIII, Roma, 2006.
- Mode M. *Sogdien und die Herrscher der Welt. Türken, Sasaniden und Chinesen in Historiengemälden des 7. Jahrhunderts n.Chr. aus Alt-Samarqand*, Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1993.
- M. Mode, "Reading the Afrasiab Murals: Some Comments on Reconstructions and Details", in: *Royal Nawrūz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrāsyāb Painting*, eds. M. Compareti, É. De La Vaissière, Suppl. n. 1, *Rivista degli Studi Orientali*, LXXVIII, Roma, 2006.
- Riboud P. "Le cheval sans cavalier dans l'art funéraire sogdien en Chine: à la recherché des sources d'un theme composite", *Arts Asiatiques*, 58, 2003.
- C. Silvi Antonini, "The Paintings in the Palace of Afrasiab (Samarkand)", *Rivista degli Studi Orientali*, LXIII, 1989.
- Ph. Swennen, *D'Indra à Tištrya: Portrait et evolution du cheval sacré dans les mythes indo-iraniens anciens*, Paris, 2004.
- Yatsenko S.A. "The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on the Wall Painting of the 7th Century c. in the «Hall of the Ambassadors» from Afrasiab as a Historical Source", *Transoxiana*, 8, June 2004: <http://transoxiana.org>.

(Перевел П. Лурье)

А.А. Грицина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ ПШАГАРСАЯ

Пшагарсай – один из наиболее значительных водотоков Уструшаны и относится ко второму типу горных потоков средних размеров, длина которых варьирует от 30 до 50 км, площадь водосбора – от 30 до 250 км² (Шульц, Саидов, 1975). Средний годовой расход воды изменяется от 0,05 до 0,5 м³, формируется из ключей, которыми подпитывается как в верховьях, так и в средней части. Два правых притока (Гадансай и Куруксай) пересыхают и играют значительную роль в водном балансе реки только в период паводков.

Водами сая пользуются несколько селений, самые крупные из которых Бешпшагар (среднее течение) и Пшагар, находящийся в его низовье, непосредственно в конусе выноса. Энергия воды до сих пор используется для работы мельниц. Наиболее многочисленная группа памятников сосредоточена в селении Бешпшагар и его округе где, видимо, и располагался центр средневекового рустака Пшагар (Грицина, 1996).

Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот наиболее полные материалы, полученные в ходе археологических разведок в 1994 году Зааминским отрядом Института археологии АН Узбекистана, а также совместной Узбекстанско-Французской экспедицией в 2006 и 2007 годах.

Описание памятников приводится по мере их обследования Зааминским отрядом в 1994 году¹ с севера на юг².

1. Караултепа возвышается над селением Пшагар (рис. 1, 1; рис. 2). В 1974 г. обследовалось Н.Б. Немцевой и Г.Я. Дресвянской. Ими же был снят план поселения (рис. 8, 4). Оно прямоугольное в плане 120x70 м, с широтной ориентацией, четко разграничено на две части. В северо-восточной – выделяется площадка размерами 20x20 м. Общая высота ее от подошвы естественного всхолмления, на котором она была возведена, составляет около 35 м, а по отношению к пониженной южной части – 10 м, С-В угол фиксирован башней” (Немцева, Дресвянская, 1986. С. 226, 228). К востоку от тепа ими отмечено еще пять “округло-прямоугольных тепа” размерами 20x10, 15x10, 10x10 и т.п., высотой 2-5 м, которые в настоящее время фиксируются слабо. Памятник определен в качестве горной крепости, функционировавшей с V-VI по XV вв. (Немцева, Дресвянская, 1986. С. 226).

При повторном обследовании памятника нами найден целый сосуд грубой выделки с носиком-

сливом (отбитым) и петлевидной ручкой, по форме напоминающий чайник. На его днище имеется рельефный отпечаток в виде перекрещивающихся линий от подставки, на которой формовался сосуд (рис. 3, 1-2). Подобные “чайники” являются довольно редкой находкой и по материалам Пенджикента датируются второй половиной VII – первой половиной VIII вв. (Исаков, 1977. С. 143, рис. 9-10). Среди другой керамики есть венчик красноангобированной чаши. Встречается этнографическая посуда.

Длительное использование памятника в качестве караульного пункта не случайно. Он занимал стратегически важное положение: с одной стороны, как бы “запирал” проход вглубь горного рустака, с другой – контролировал ситуацию на большой торговой магистрали из Самарканда в Заамин (Грицина, 1996. С. 101).

2. Пшагартепа расположено на левом берегу сая, в 1,5 км к югу от Караултепа (рис. 1, 2) и представляет собой почти квадратный холм размерами 35x38 м (рис. 8, 5). Подъемной керамики не найдено. Определяется как усадьба земледельца (Немцева, Дресвянская, 1986. С. 225-226. Рис. 2, 27).

Отметим, что два памятника без указания их точного местонахождения и размеров упоминаются в статье М. Аминджановой. Один из них называется Боботепа (с могилой Бобо, другой – Акташтепа, занятый под мазар. Подъемный материал датирован не позднее VIII в. (Аминджанова, 1969. С. 141-142). Не исключено, что один из них упомянут Н.Б. Немцевой и Г.Я. Дресвянской.

В 3-4 км выше по саю, напротив селения Хатаб, расположена группа **Мыктепа I - III**. Все три памятника находятся в непосредственной близости друг от друга, возвышаясь на несколько десятков метров от ложа реки. С ними связан и некрополь, расположенный выше по саю, на его правом берегу. В раннем средневековье все эти памятники составляли единый комплекс.

3. Мыктепа I являлось, видимо, основным среди этой группы, располагаясь посреди них (рис. 1, 3). Поселение выше, неприступнее остальных и состоит из цитадели (замка) и прилегающей со всех сторон территории двора. Как замок, так и двор, были защищены мощными стенами. Замок имел еще и дополнительные укрепления в виде угловых башен, которые лучше сохранились с южной стороны. Не защищена сте-

ной (или она визуально не прослеживается) только наиболее крутая восточная сторона. Размеры памятника по основанию 130x85 м, верхней площадки – 32x24 м, высота цитадели – до 8 м (рис. 4, 2).

Среди подъемной раннесредневековой керамики – днища хумов, сформованные на круге, лепная крышка, донце кувшина, фрагменты котлов, чаш, ангобированные лепные черепки.

4. Мыктепа II располагается к югу от предыдущего поселения в непосредственной близости от него и выполняло, видимо, совсем иные функции (рис. 1, 4). “Цитадель” его гораздо скромнее по размерам и имеет коническую форму без какой-либо видимой фортификации. Примыкающая к ней с южной стороны территория двора, хотя и внушительных размеров (100x72 м), укреплена была слабее. Двор окружали сравнительно невысокие стены, но в противоположном от цитадели конце прослеживается проход, блокированный двумя холмами-башнями, высотой до 5 м. Скорее всего, здесь располагалась хозяйственная часть всего поселения (рис. 4, 1). Довольно много подъемной раннесредневековой керамики

5. Мыктепа III находится также в непосредственной близости от Мыктепа I, но с северной стороны и состоит из конусовидной вышки высотой более 10 м, и прилегающей с севера территории (70x53 м). Керамики очень мало. Функциональное назначение без раскопок определить трудно (рис. 1, 3; рис. 4, 3).

Таким образом, данный комплекс, учитывая все его составные части, можно охарактеризовать как компактное горное селение.

Местными жителями на памятнике найден клад изделий из железа и бронзы, который они передали в Зааминский музей (рис. 5).

При обследовании памятника в 2007 году совместной Узбекистанско-Французской экспедицией один из жителей селения Хатаб показал две медные саманидские монеты, найденные в его дворе при рытье ямы (рис. 6). Одна из них бита в Самарканде в 271 г.х. от имени Насра I б. Ахмада (определение А. Атаходжаева). Монеты могут свидетельствовать, что на территории современного селения находился памятник, относящийся к развитому средневековью.

6. Осуарный могильник находится на правом берегу сая в 0,5 км к югу от селения Хатаб (рис. 1, 6). Он представляет собой невысокий плоский холм естественного происхождения с лессовой основой. С северной стороны имеется рытвина, в которой местными жителями был найден осуарий с человеческими костями. Раньше здесь находились орошаемые земли бывшего

колхоза им. Тельмана. На поверхности памятника найдена раннесредневековая и этнографическая керамика.

7. Караташтепа располагается в 3 км к юго-западу от Мыктепа (рис. 1, 7). Имеет квадратную в плане форму размерами 70x70 м, высотой 8 м. Цитадель высится в южном углу. Подъемная керамика датирована VIII-IX вв. (Сверчков, 1999. С. 77).

8. Городище Бешбулактепа расположено на восточной окраине селения Бешпшагар (рис. 1, 8). Состоит из округлой в плане цитадели с прилегающей территорией и шахристана, расположенного к северу от них. Цитадель с прилегающей территорией занята кладбищем и сильно задернована. Шахристан вытянут в широтном направлении и во многих местах нарушен. Примерно посередине он прорезан бульдозером. Размеры его не поддаются точному определению, но видимо не превышали 4-6 га. Высота цитадели 9 м.

Керамика вся неполированная, относится к раннему и развитому средневековью. Видимо, именно на этом памятнике Л.М. Сверчковым как будто бы была поднята керамика последних веков до н.э., в том числе, ножка кубка? (видимо, бокала) (Сверчков, 1999. С. 77). Городище, располагаясь в центре поселенческой структуры, являлось, видимо, и ее организующим ядром (Грицина, 1996. С. 102).

9. Караултепа 1 находится к северо-востоку от городища Бешбулактепа на самом высоком месте горной гряды правого берега Бешбулакская (правый приток Пшагарская). Размеры памятника 15x10 м, высота – около 2 м (рис. 1, 9). Керамика раннесредневековая.

10. Кургантепа находится на левом берегу сая, недалеко от выхода сая из ущелья в долину (рис. 1, 10). Состоит из вышки – цитадели и прилегающей с севера территории обширного двора. Севернее памятника на естественном возвышении расположено кладбище, на котором встречаются кайраки. Верхняя площадка цитадели ровная, окруженная валами стен. Размеры ее 26x19 м, высота 5 м. Двор также обведен валами стен (120x72 м), которые в некоторых местах укреплены камнями. Примерно посередине двора имеется яма или шурф (рис. 7, 1). На поверхности памятника встречаются жженые кирпичи и керамика раннего и развитого средневековья. Определяется как замковое сооружение с укрепленным двором.

11. Ходжаисиробтепа – на правом берегу сая, возле одноименного мавзолея (рис. 1, 11). Имеет конусовидную форму, размерами по основанию

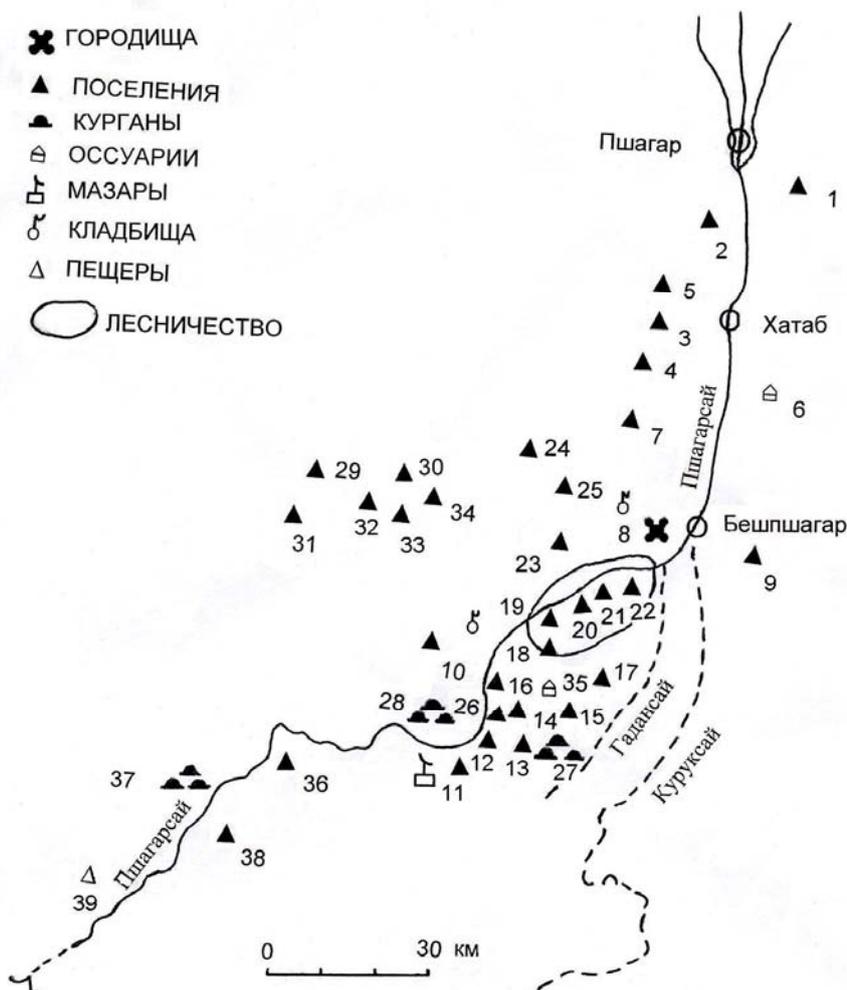

Рис. 1. Карта археологических памятников бассейна Пишагарсая

45x40 м, высотой 14 м. Немногочисленная керамика датируется ранним средневековьем (рис. 7, 7). Видимо, это остатки отдельно стоящего кешка (замка).

12. Безымянное тепа 1 находится на правом берегу сая в 0,5-0,6 км к северу от предыдущего тепа (рис. 1, 12). Имеет подпрямоугольную в плане форму, вытянутую с востока на запад. В восточной части имеется возвышение размерами 12x26 м и до 4 м высотой. Примерно в центре площадки вырыта яма. Другая яма расположена на прилегающей с запада территории (рис. 7, 6). В юго-восточной части находится врезанная в культурный слой цистерна под горячее. Керамика датируется ранним средневековьем. Определяется как сооружение замкового типа.

13. Безымянное тепа 2 расположено к востоку от предыдущего (рис. 1, 13). Размеры его по основанию составляют 25x30 м, верхней площад-

ки – 8x8 м, высота 3,5 м. С южной стороны памятника находятся еще два небольших тепа. На одном из них в нижней части прослеживается кладка из окатанных камней. Не исключено, что эти холмы являются могилами каких-то местных святых. Подъемный материал датируется караханидским временем. Определяется как небольшое сельское поселение (рис. 8, 7).

14. Безымянное тепа 3 находится севернее предыдущего (рис. 1, 14). Поверхность частично нарушена постройками и ямой, прорезавшей восточный склон. Состоит из вышки и прилегающей с севера территории (рис. 7, 3). Общие размеры памятника составляют 40x100 м, высота – до 10-11 м. Керамика датируется ранним, развитым и поздним средневековьем. Определяется как крупное сельское поселение.

15. Безымянное тепа 4 расположено к востоку от предыдущего (рис. 1, 15). Состоит из выш-

Рис. 2. Караултепа

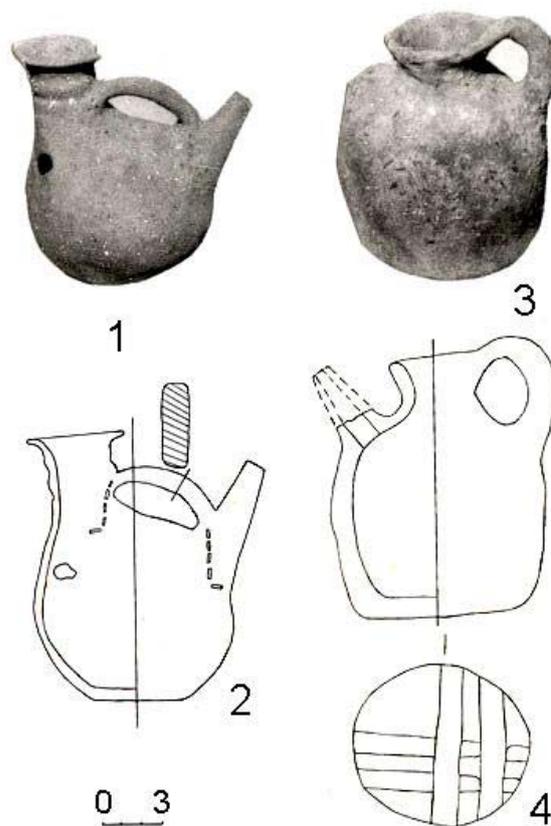

Рис. 3. Сосуды из Караултепа (1-2) и селения Бейтишагор (3-4)

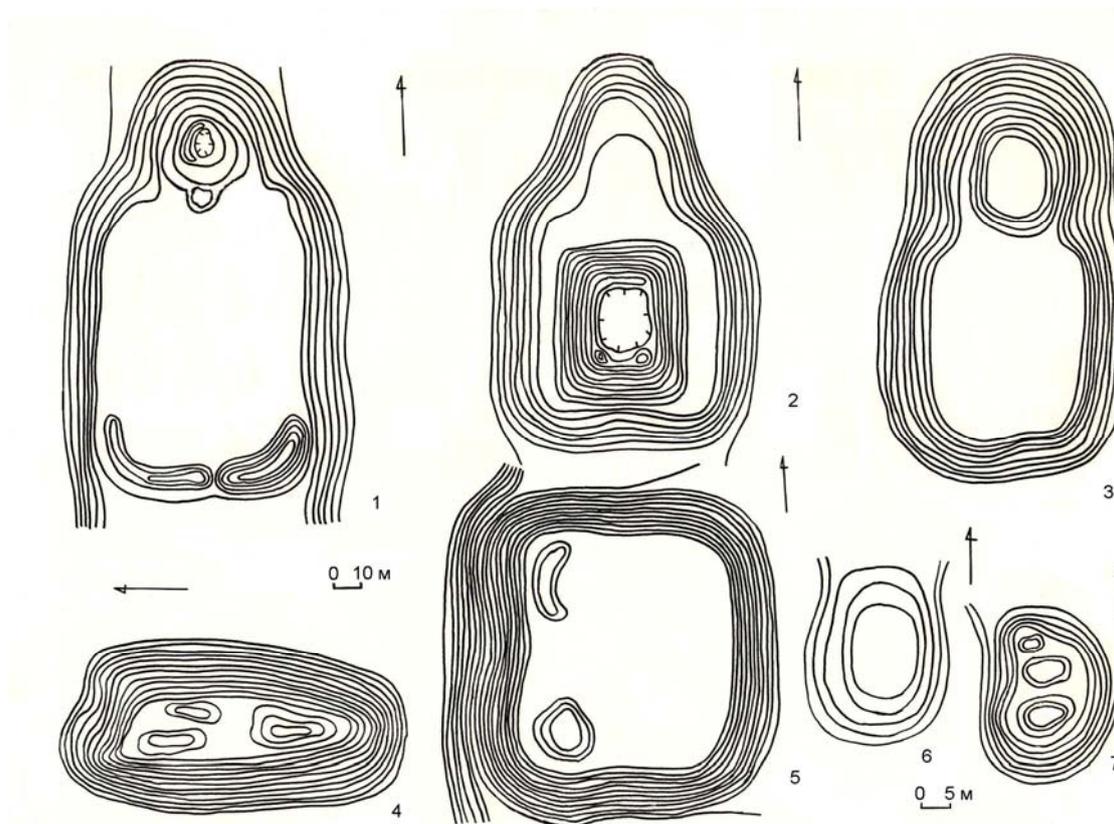

Рис. 4. Планы: Мыктепа II (1), Мыктепа I (2), Мыктепа III (3), Караултепа 3 (4), Турткультуватена (5), Безымянное тепа 11 (6), Караултепа 2 (7)

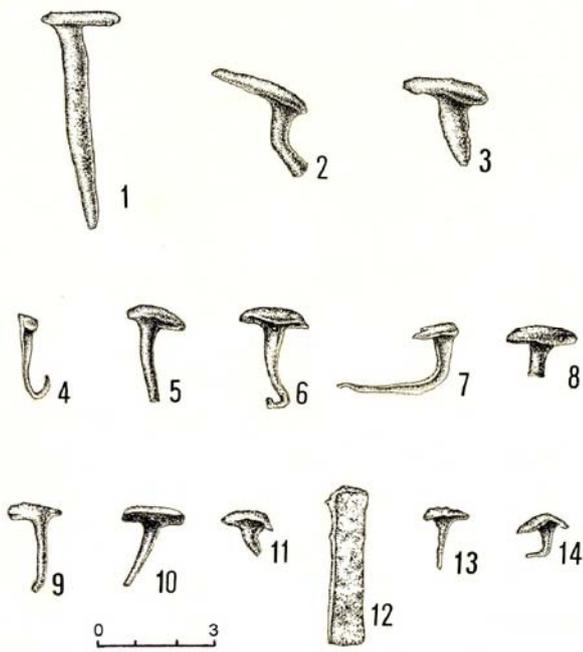

Рис. 5. Мыктепа II. Железные гвозди из клада

Рис. 6. Саманидские монеты из селения Хатаб

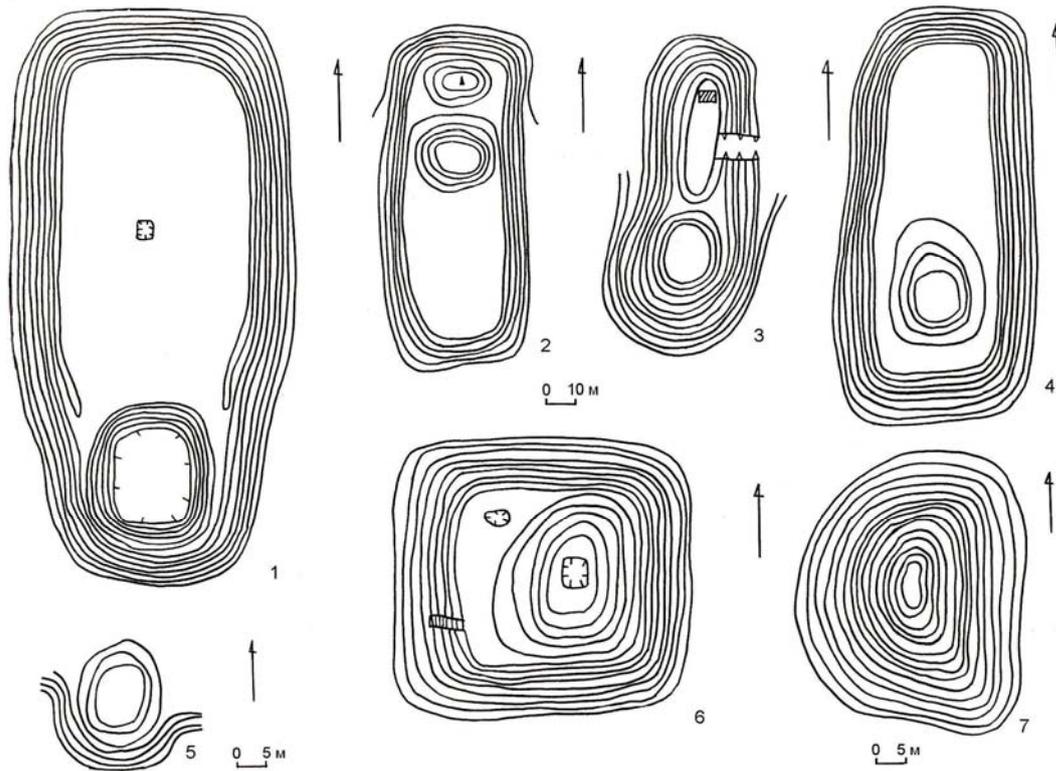

Рис. 7. Планы: Кургантепа (1), Безымянное тепа 5 (2), Безымянное тепа 3 (3), Безымянное тепа 4 (4), Безымянное тепа 7 (5), Безымянное тепа 1 (6), Ходжаусиробтепа (7)

ки и прилегающей с севера территории. Размеры памятника по основанию составляют 60x130 м, высота – до 11 м. Поверхность сильно задернована, поэтому керамика почти не встречается. Вся она неполивная и может датироваться ранним средневековьем. Определяется как крупное сельское поселение (рис. 7, 2).

16. Безымянное тепа 5 находится на правом берегу сая, в центре селения Бешпшагар (рис. 1, 16). Состоит из вытянутой в меридиональном направлении территории двора и двух разновеликих холмов в северной его части. Высота их 2 и 4 м соответственно. Размеры двора по основанию 110x50 м, высота – 9 м. Памятник сильно задер-

нован. Керамики не найдено. Относится к типу тепа, цитадель которых располагается не с краю, а непосредственно на территории двора (рис. 7, 2). Назначение второго холма пока не ясно. Определяется как крупное сельское поселение.

17. Безымянное тепа 6 находится восточнее предыдущего (рис. 1, 17). Поверхность нарушена тремя траншеями и насыпным холмом. Наиболее пологая – южная часть памятника. Размеры его по основанию 50x40 м, высота 6 м (рис. 8, 6). Среди черепков раннесредневековой посуды встречаются тонкостенные ангобированные. Функционально определяется как отдельно стоящий замок.

18. Безымянное тепа 7 находится на территории лесничества, к востоку от Безымянного тепа 3 (рис. 1, 18). Размеры его по основанию составляют 18x25 м, высота с северной стороны – 2 м. Подъемной керамики не найдено. Определяется как небольшое сельское поселение (рис. 7, 5).

19. Безымянное тепа 8 расположено к северу от предыдущего. Вытянуто в широтном направлении (рис. 1, 19). Излучины с южной и северной сторон как бы делят памятник на две почти равные половины. В общем плане тепа выделяется северо-восточный угол, указывающий, возможно, на наличие башни. Поверхность распахана. Довольно много керамики: фрагменты хумов, горшков и других сосудов. Встречается поливная керамика. Размеры памятника по основанию 120x55 м, высота – до 6 м. Керамика датируется развитым средневековьем. Определяется как крупное сельское поселение (рис. 8, 3).

20. Безымянное тепа 9 расположено к востоку от предыдущего также на территории Джизакского лесхоза и состоит из двух, связанных между собой холмов (рис. 1, 20). С южной стороны холмы постепенно переходят в естественное плато. Общие размеры памятника 110x65 м, высота – до 10 м. Керамика, в основном, от крупных сосудов, которую предположительно можно отнести к раннему средневековью. Памятник, видимо, относится к такому же типу сельских усадеб, что и предыдущий (рис. 8, 1).

21. Безымянное тепа 10 расположено на территории лесхоза (рис. 1, 21). Размеры его по основанию составляют 48x80 м, высота с западной стороны – более 7 м. В юго-западном углу верхней площадки выделяется Г-образное всхолмление. Керамика датируется ранним средневековьем. Определяется как сельская усадьба (рис. 8, 2).

22. Турткультуватепа находится на правом берегу Пшагарсая, в непосредственной близости от него, и расположено ближе других к городищу Бешбулактепа (рис. 1, 22). Оно резко выделяется

четкой подквадратной планировкой, слишком большими для обычного замка размерами (110x110 м, высота – 20 м). В западной его части высятся два холма. Не исключено, что это остатки окружного домусульманского храма (рис. 4, 5; рис. 9).

23. Безымянное тепа 11 расположено на левом берегу сая (рис. 1, 23). Размеры его по основанию составляют 26x30 м, высота с южной стороны – 4 м. Керамика может датироваться ранним средневековьем. Определяется как небольшая сельская усадьба (рис. 4, 6).

24. Караултепа 2 находится к северу от селения Бешпшагар, на высоком естественном останце (рис. 1, 24). Имеет овальную в плане форму с неширокой излучиной с западной стороны. Размеры памятника 30x25 м, высота 6 м. На верхней площадке друг за другом в меридианном направлении расположено три холма. Самый высокий из них (до 2 м высотой) находится в южной части тепа. Керамика раннесредневековая. Определяется как небольшая сельская усадьба (рис. 4, 7).

25. Караултепа 3 расположено южнее предыдущего тепа (рис. 1, 25). Имеет овальную в плане форму с неширокой излучиной с северной стороны. Размеры его по основанию составляют 135x60 м, высота – свыше 14 м. На верхней площадке высятся три холма: один, самый крупный, с южной стороны, а два – с северной. Керамика неполиванная. Встречаются обломки кирпичей. Подъемный материал датируется ранним и развитым средневековьем. Определяется как крупное сельское поселение (рис. 4, 4).

26. Безымянное тепа 12 расположено к северу от Безымянного тепа 2 (рис. 1, 26). Неопределенных размеров. Керамика, в основном, встречается в арыке, который огибает памятник с северной стороны и может датироваться ранним средневековьем. Определяется как небольшая сельская усадьба.

27. Группа курганов расположена к востоку от Безымянного тепа 1 (рис. 1, 27). Явно прослеживаются три холма до 10 м в диаметре и более 1 м высотой.

28. Группа курганов фиксируется на левом берегу сая, напротив мавзолея Ходжа-и Сироб, так же в количестве трех и примерно таких же размеров (рис. 1, 28).

29-34. Группа тепа из шести памятников, отдельно от остальных, находится к северо-западу от Бешпшагара, в местечке Лайлак Уя. Они расположены компактной группой и состоят из одно и двухчастных холмов, подобных тем, что описаны выше. Размеры и датировка не определены.

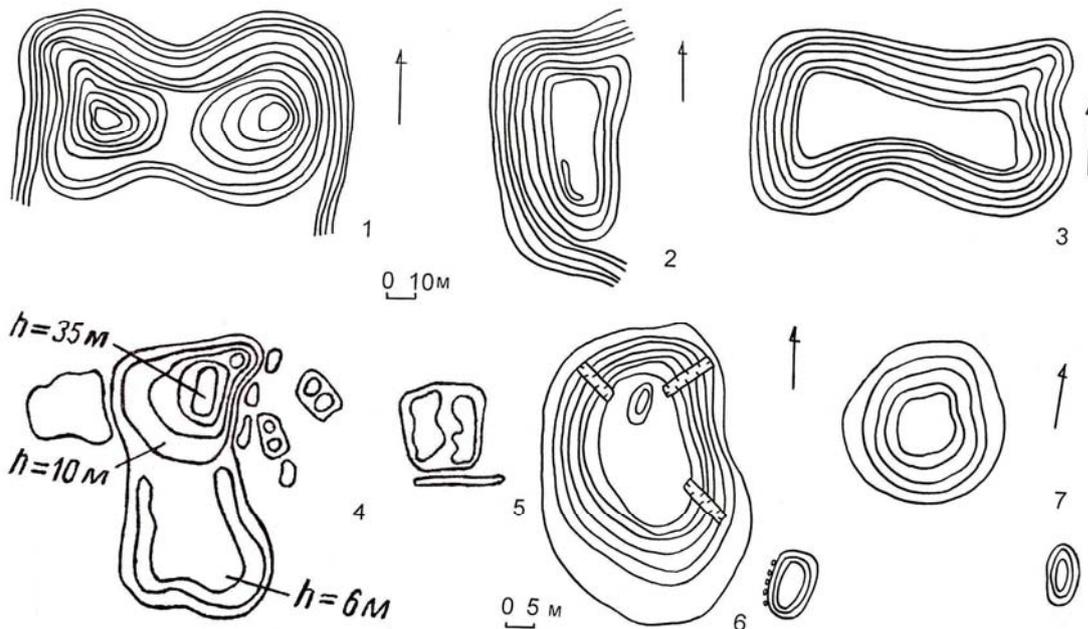

Рис. 8. Планы: Безымянное тепа 9 (1), Безымянное тепа 10 (2), Безымянное тепа 8 (3), Безымянное тепа 6 (4), Безымянное тепа 2 (5), Безымянное тепа 6 (6), Безымянное тепа 2 (7)

Рис. 9. Туркультуватепе

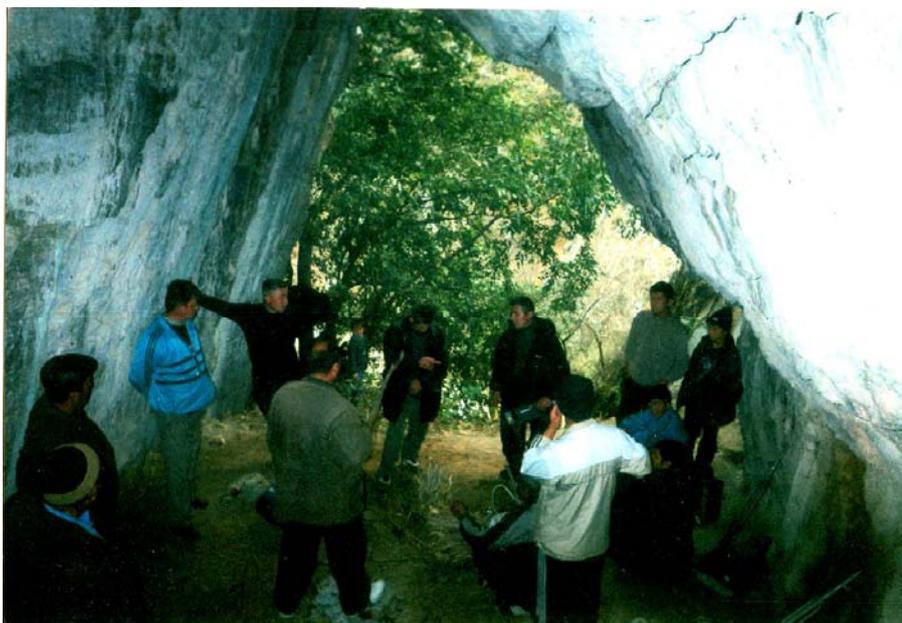

Рис. 10. Пшагарская пещера

Могут быть определены как сельские поселения или сооружения замкового типа (рис. 1, 29-34).

35. Оссуарный могильник расположен близ местной средней школы (рис. 1, 35). Недалеко от школы в срезе лессового холма местными жителями был найден целый хум с человеческими костями. По словам очевидцев, подобные хумы здесь встречались и раньше.

36. Караултепа 4. Расположено на правом берегу Пшагарсая, возле родника, дающего начало реки (рис. 1, 36). Имеет конусовидную форму диаметром 15 м, при высоте 3,5 м. Какой-либо подъемный материал не упоминается (Сверчков, 1999. С. 78). Может быть определено как караульный пункт.

37. Группа курганов расположена к юго-западу от упомянутого выше тепа (рис. 1, 37). Зафиксировано 14 курганов с каменными насыпями диаметром от 2 до 3 м, при высоте до 0,5 м (там же, с. 78).

38. Безымянное тепа 10 отмечено Л.М. Сверчковым к юго-востоку от предыдущего (рис. 1, 38). Размеры и датировка не приводятся. Может быть определено как караульный пункт.

39. Пшагарская (Пишагарская) пещера. Огромная по размерам естественная пещера, которая до конца еще не исследована (Хашимов, 1990. С. 90-91). По данным местных любителей краеведов размеры первого зала ее составляют: длина - в пределах 300 м, ширина - 8-10 м, высота - 10-12 м (Тошкенбоев, Носиров, 1996. 94-б). При съемках телефильма в 2006 году на стенах пещеры как будто бы были отмечены какие-то надписи и рисунки. Однако природа их пока не известна (рис. 1, 39; рис. 10).

Вслед за С. Карабаевым, Л.М. Сверчков отождествляет Пшагарскую пещеру с пещерой Иеча китайских источников, а одноименный город первый - на поселении Кургантепа, а второй - на поселении Мыктепа I-III (Ога Бургутли, 1992. С. 21-22; Сверчков, 1999. С. 80). Однако серьезных археологических фактов для такого отождествления явно недостаточно. Шурф, заложенный у пещеры совместной Узбекистанско-Российской экспедицией (Б. Сайфуллаев, А. Кривошапкин) и доведенный до материка (скального основания), не выявил следов жизнедеятельности людей каменного века. В верхней части шурфа были встречены лишь фрагменты этнографической посуды. С этим временем, скорее всего, связаны и очаги, отмеченные Ога Бургутли. Керамика, которую он собрал в пещере, также состояла, в основном, из этнографических черепков. Л.М. Сверчков, возможно, собрал возле входа в пеще-

ру фрагменты керамики VII-VIII вв. (Сверчков, 1999. С. 78).

Таким образом, в ходе разведок зафиксировано 39 памятников. Если не учитывать курганы и памятники, на которых не найдено керамики (всего таковых 12), то подавляющее большинство из них относится к раннему средневековью (20 памятников из 27 или свыше 74%). Памятников домонгольского периода имеется 8, что составляет около 30%. Еще меньше имеется памятников позднего средневековья и античности (по 2). Естественно, это только предварительные данные, основанные на анализе подъемного материала. Дальнейшие исследования, скорее всего, внесут свои коррективы. Тем не менее, заметно преобладание памятников доарабского времени, что характерно не только для Уструшаны, но и для других регионов Мавераннахра, в целом.

Средневековые источники упоминают название Бушагара (Шагара) в общем перечне горных рустаков и почти не приводят каких-либо других сведений. Можно лишь говорить о том, что в X в. в нем не было города, что вытекает из сообщения Ибн Хаукаля: «Рустаки, в которых нет городов, следующие: Бушагар, Месха, Бургар, Бангам, Минк, Бескен и Исбаскент» (Бетгер, 1957. С. 21). По ал-Истахри «...все эти рустаки составляют горную область, трудную для передвижения и с холодным климатом» (Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973. С. 27). Исходя из созвучия названия рустака и современного селения Пшагар (Пишагар), а также близости гор Шаудар, Н.Н. Негматов локализовал его у северной подошвы этих гор в долине Сангзара (Негматов, 1953. С. 247; он же, 1957, см. карту), т.е. гораздо южнее и западнее селения Пшагар. Наши обследования бассейна Пшагарсая позволили конкретизировать его местонахождение.

Основная группа памятников, указывающая на месторасположение рустака, находится в среднем течении сая, на относительно ровном плато, со всех сторон ограниченном горами, ущельем или безводными адырами (Грицина, 1996. С. 101-102). В этом месте сай, вырываясь из скалистого ущелья, делает S-образный изгиб, создавая благоприятные условия для орошения. В настоящее время здесь раскинулось селение Бешпшагар, без всякого сомнения, передающее древнее название рустака.

Археологические памятники расположены компактно, по обоим берегам реки. Несколько обособленно к северо-западу от селения в местечке Лайлак Уя находится группа из 6 тепа, которая могла составлять в средневековье какой-то удел. Административный центр находился, по-

видимому, в восточной части рустака остатки которого представлены городищем Бешбулактепа. Оно состоит из цитадели с прилегающей с запада территорией и шахристана, расположенного к северу от них. К моменту монгольского нашествия это было достаточно крупное селение или небольшой городок, площадь которого ограничивалась 4-6 га. На возвышенных, удобных для обозрения подходах к рустаку местах высятся конусовидные тепа, явно выполнявшие караульные функции. Среди других своим местоположением (почти в центре рустака), размерами и квадратной в основе планировкой выделяется Турткультуватепа. Не исключена его какая-то особая роль (мы полагаем, что здесь мог располагаться окружной домусульманский храм).

Пшагар, как «одно из селений Яр-Лайлакского тумана» упоминает З. Бабур, который избрал его в качестве опорного пункта для набегов на Самарканд, крепость Рават – и Ходжа и другие места. Это можно объяснить тем, что из Пшагара по Раватсаю, через селение Паймарт пролегал наиболее короткий и удобный путь в сторону Самарканда. Соседнее современное селение Рават воз-

никло, судя по археологическим данным, позднее (Грицина, 2000. С. 151-156; Gritsina, Grenet, 2005). И хотя Пшагар никогда не завоевывался Бабуром, он достаточно много времени проводил в нем. В XV в. Пшагар принадлежал Ходже Ахрару (1404-1490 гг.), а в конце XV в. уратюбинскому владельцу Мухаммад Хусейн Гурган Дуглату. «... Вознамерившись идти на Самарканд, - писал Бабур, - я послал к нему (Дуглату – А.Г. и Ф.Г.) людей и вступил с ним в переговоры. Мы просили его временно, на эту зиму, отдать нам Пишагир... (Мы хотели) расположиться там и передвигаться по Самаркандской области, сколько сможем». Согласие было получено (Бабур – наме, 1993. С. 82-84). Следует отметить, что в составе войска Бабура находилось много пшагарцев, которых Бабур высоко ценил за преданность и храбрость. Воевали они под командованием Касим Аждаб-бека, который входил в круг наиболее приближенных к Бабуру и который при нем достиг степени бека (там же, С. 84). Судя по словам Бабура, в Пшагаре находилась крепость. Эта крепость, скорее всего, и располагалась на месте Караултепа и прилегающих к нему землях.

Сноски

1. Предварительную публикацию об этих исследованиях см. Грицина, 1996, с. 101-102. Позднее, в 1999 г. вышла публикация Л.М. Сверчкова, в которой он приводит названия некоторых памятников, отличающихся от наших (Сверчков, 1999, с. 76-81). Чтобы не возникла путаница, мы оставляем названия и описания памятников такими, какими их зафиксировали во время разведочных работ в 1994 году. См. Грицина, 1994, с. 14-20).
2. В 1994 году в работах Зааминского отряда принимал участие ст. лаборант В.И. Набоков.
3. Нумерация памятников в тексте соответствует нумерации на карте.
4. Публикация клада готовится отдельно.

Использованная литература

- Аминджанова М. Археологическая разведка в Зааминском районе. (Материалы к археологической карте Узбекистана) // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Бабур – наме. Записки Бабура. Перевод М. Салье. Ташкент, 1993.
- Бетгер Е.К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Ташкент, 1957.
- Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Мавераннахр на Великом шелковом пути. Самарканд - Бишкек, 2006.
- Грицина А.А. Отчет о работах Зааминского отряда в 1994 г. Архив Института археологии АН Узбекистана. Самарканд, 1994.
- Грицина А.А. К локализации рустака Бушагар // ОНУ. 1996, № 4-5.
- Грицина А.А. Уструшанские были. Ташкент, 2000.
- Исаков А.И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
- Негматов Н.Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н.э. // МИА. № 37. М.-Л., 1953.
- Ога Бургугли (Корабоев Саттор). Тоғ садолари. Тошкент, 1992.
- Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
- Нейман О.Ф. Гидрогеологический очерк Туркестанского хребта в бассейне рек Зааминсу и Бюроган и прилегающей степи // Вестник ирригации. 1925, № 2.
- Сверчков Л.М. Средневековый Пшагар и пещера Йеча // ОНУ, 1999. № 11-12.
- Тошкенбоев А., Носиров У. Жиззах вилояти. Тошкент, 1996.
- Хашимов М.А. По следам легенд. Ташкент, 1990.
- Шульц В.Л., Саидов А.С. Реки и саи как источники орошения // Ирригация Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1975.
- Gritsina A.A., Grenet F. Trip to Ustrushana. Bulletin International Institute for Central Asian Studies. Vol. 1. Samarkand-Bishkek, 2005.

А.А. Раимкулов, М.Х. Исамиддинов, Ф. Эгамбердиев

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ ТУРТКУЛЬТЕПА

Турткультепа находится на правом берегу горной речки Тырнасай, на западной окраине селения Урта Яккабагского района Кашкадарьинской области. Эта долина впервые была обследована маршрутным отрядом кафедры археологии Ташкентского государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана) под руководством Г.Я. Дресвянской, которым было зафиксировано более десяти археологических памятников (Дресвянская, 1980. С. 23). В 1985-1986 гг. в связи со строительством Кызылсуйского водохранилища археологическим отрядом Института археологии Академии наук Узбекистана, под руководством М.Х. Исамиддинова, здесь были проведены археологические раскопки.

Турткультепа - один из самых крупных памятников долины Тырнасай. Имеет подпрямоугольную форму, вытянутую в направлении С-Ю, размерами 110x70-40 м. Южная половина памятника несколько шире. В середине имеется округлая возвышенность. Общая высота холма около 9 м. В южных и северных частях холма заложены два раскопа. Широкомасштабные археологические работы (раскоп-1) велись в южной части. В северном конце раскопа был заложен разрез для уточнения стратиграфии. Здесь под остатками поселения раннесредневекового периода обнаружены культурные слои с обильным набором керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа (Раимкулов, 1987; 1992; Раимкулов, Исамиддинов, 1990).

В южной части Турткультепа выявлено тридцать пять помещений раннесредневекового периода. По планировке эти помещения разделены на несколько хозяйств. Поселение со всех сторон было обведено массивной обводной стеной, толщиной около 2,5 м. Все помещения тремя рядами располагались вдоль этой стены, вокруг небольшого прямоугольного двора.

В ходе раскопок поселения определили два этапа обживания, характеризующиеся изменениями во внутренней планировке. Основные стены возведены на первом этапе, прямо на естественной возвышенности. В самом начале была построена внешняя обводная стена с бойницами. Возведение этой стены диктовал микрорельеф естественного холма. Поэтому занимаемая площадь поселения постепенно сужается к северу.

На первом этапе обживания в южной части поселения существовало около двадцати помеще-

ний, которые были разделены на два больших хозяйства. Вдоль внешней стены располагались длинные коридорообразные помещения. Перекрытия домов были плоскими, глиняными с использованием бревен и камыша. В юго-западной части поселения располагалось небольшое святилище огня.

Жизнь поселения на первом этапе прерывается сильным пожаром, который охватывает практически все помещения.

Через некоторое время все обугленные бревна и камыш выстилаются по полу и обмазываются глиной. Коридорообразные помещения разделяются на несколько отсеков с помощью поперечных стен, некоторые проходы помещений замуровываются и т.д. Таким образом, на втором этапе внутренняя планировка поселения изменяется. Если на первом этапе здесь проживали две большие патриархальные семьи, то на втором этапе их становится пять. В юго-западной части поселения, где существовало святилище, перестроек не было, поскольку эта часть практически не пострадала от пожара.

При раскопках южной части Турткультепа из нижних и верхних слоев был получен богатый комплекс керамических изделий, в том числе, обильный набор целых сосудов. Керамика из нижнего слоя относится к первому этапу обживания и она получена из под полов, оставшихся после пожара. Поэтому часть этих сосудов сохранилась в целом виде или их обломки находились в одном месте. Этот случай предоставил нам возможность реконструировать и реставрировать десятки экземпляров керамических изделий.

Керамика нижнего слоя Турткультепа. Керамические материалы из нижних слоев Турткультепа представлены следующими формами и типами¹:

Кубковидные чаши (малые). Сосуды с плавно загнутыми вовнутрь краями устья, коническими резервуарами, на невысоком валикообразном поддоне. Все сосуды ангобированы очень жидким красным, красно-коричневым и коричневым ангобом. Изнутри ангобом покрыты полностью, снаружи - обычно верхняя половина и почти всегда небрежно. Все сосуды до обжига с наружной стороны обточены. Не обточенной оставалась лишь треть верхней части. Тонкий валикообразный поддон всегда подправлялся при помощи ножа. Имеются сосуды и без поддона. Есть чаши

с острым краем устья. Чаши очень изящные, тонкостенные, высококачественные. Они изготовлены из хорошо отмученной глины, перемешанной на известковой воде без посторонних примесей. Диаметр устья сосудов 12-14 см, диаметр донца 5-5,5 см, высота 7-7,5 см (рис.1, 1-2).

Кубковидные чаши (большие). Все признаки этих сосудов абсолютно идентичны чашам малых размеров. Только по величине они больше и более толстостенные. Диаметр устья сосудов 19-20 см, диаметр донца 6-6,5 см, высота 10-10,5 см (рис.1, 3).

Миски. Часто встречаются глубокие миски со слегка закругленным корпусом и отогнутыми наружу, утолщенными, подтреугольными в сечении венчиками. Сосуды с коническими резервуарами, на невысоком валикообразном поддоне. Они покрыты жидким красным, красно-коричневым и коричневым ангобом. Изнутри покрывались полностью, снаружи - верхняя половина. Все сосуды с наружной стороны нижней части обточены. Валикообразный поддон подправлен с помощью ножа. Миски очень изящные и высококачественные. Они изготовлены из хорошо отмученной глины, на известковой воде без посторонних примесей. В изломе они красноватого цвета. Диаметр устья сосудов 16-18 см, диаметр донца 7-8 см, высота 9-10 см (рис.1, 4).

Другой вариант мисок представлен всего лишь двумя экземплярами. Практически все признаки их идентичны с большими кубковидными чашами. В отличие от них верхняя часть этих сосудов, образуя резкий перегиб, вытянута наружу. Они тоже ангобированы очень жидким красно-коричневым ангобом, как и кубковидные чаши. В изломе чаши красно-коричневого цвета. Диаметр устья сосудов 20-21 см, донца 6-6,5 см, высота 9-10 см (рис.1, 5).

Несколькими экземплярами представлены толстостенные, крупные миски, несколько напоминающие большие кубковидные чаши с выпуклыми корпусами, широким дном без поддонов. Сосуды слегка с загнутыми во-внутрь, утолщенными устьями. Устье отделено от корпуса с помощью глубоко прочерченной линии. Сосуды ангобированы снаружи, изнутри - полностью или только верхняя часть. Они изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка с гипсом. В изломе миски коричневого и светло-коричневого цвета. Диаметр устья сосудов 22-23 см, диаметр донца 10-11 см, высота целого сосуда 16 см (рис.1, 6).

Среди чаш и мисок имеются также миниатюрные экземпляры, с углублениями от пальцев изготовителя-гончара на четырех противополож-

ных сторонах в нижней части корпуса. Некоторые из них ангобированы, как и другие чаши и миски, другие - имели ангоб в виде потеков.

Кружки. Эти сосуды имеют несколько вариантов. Они, в основном, с коническими резервуарами, слегка закругленными сверху бортиками. Имеются сосуды с вертикальными венчиками. Кроме одного экземпляра, все кружки без поддонов. У некоторых сосудов нижняя часть корпуса вогнута вовнутрь, у других - выпуклая. Все сосуды имеют по одной круглой, петлевидной ручке. Сосуды ангобированы жидким красным, красно-коричневым и коричневым ангобом, изнутри имеют полное покрытие, снаружи ангобирована только верхняя половина. На некоторых сосудах имеются ангобные потеки. Во всех случаях ангоб нанесен небрежно, видимо, специально. Все сосуды до обжига с наружной стороны обточены.

Среди кружек имеются очень изящные, тонкостенные, высококачественные экземпляры. Есть сосуды более толстостенные. Они изготовлены из хорошо отмученной глины. В изломе они коричневого и светло-коричневого цвета. Диаметр устья сосудов 10-14 см, диаметр донца 4,5-7,5 см, высота 6-9,5 см (рис.1, 8-14). Имеется одна кружка на невысоком конусообразном поддоне (рис.1, 7).

Среди сосудов встречаются кружки с прямым устьем. В отличие от других экземпляров ручка их прикреплена ниже венчика. Одна из них толстостенная и в изломе сероватого цвета. Другая кружка подобной формы более высокого качества, тонкостенная, на невысоком поддоне. Сосуд изнутри полностью покрыт красно-коричневым очень жидким ангобом, снаружи - только верхняя половина. Нижняя половина и дно сосудов обточены. Диаметр устья сосудов 12-15,5 см, диаметр донца 7-8 см, высота 11-15 см (рис.1, 16).

Кувшины очень разнообразны и разделяются на две группы – малые и большие.

Малые кувшины представлены несколькими вариантами. Имеются сосуды, которые по назначению были ближе к кружкам. Как кружки, они также имели по одной круглой, петлевидной пластинчатой ручке на плечиках. Среди них встречаются сосуды с яйцевидным корпусом. Они всегда с широким устьем-раструбом и шейкой в виде плавного сужения. У некоторых сосудов корпус отделен от горловины небольшой узкой площадкой.

В единственном экземпляре представлен сосуд, имеющий петлевидную ручку с двумя кругами, расположенными по вертикали: один над другим. Сосуды обычно без поддонов, но отдельные экземпляры имеют низкие поддоны, нижняя

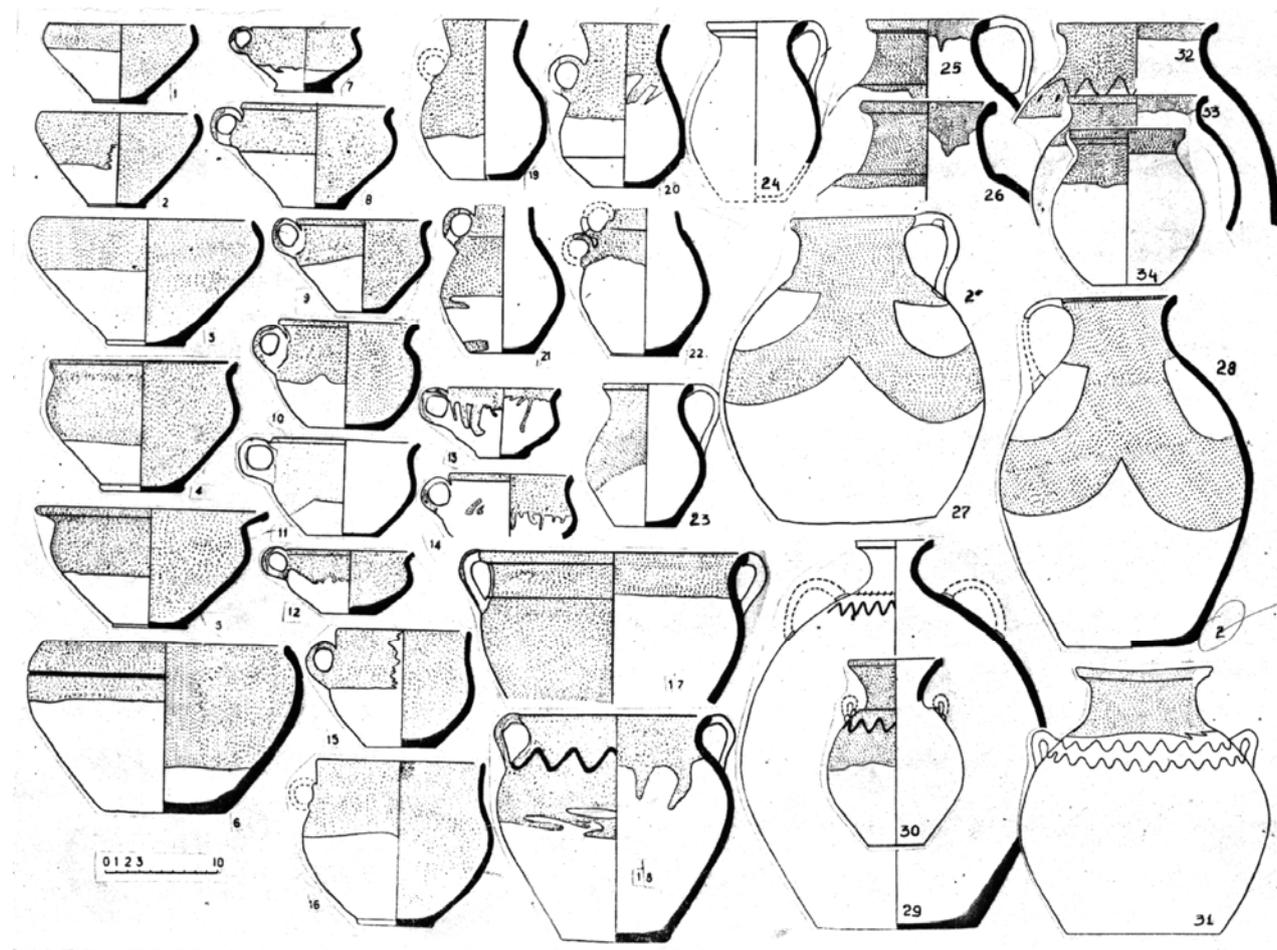

Рис. 1

часть корпуса и дно обточены. Все кувшины украшены жидким красным, красно-коричневым и коричневым ангобом. Малые кувшины этого типа изготовлены также из хорошо отмученной глины, перемешанной в известковой воде без посторонних примесей. В изломе они коричневого и светло-коричневого цвета (рис. 1, 19-22).

Другие варианты малых кувшинов представлены яйцевидными корпусами, переходящими в профилированный наружу венчик. Ручка пластинчатая, верхний конец прикреплен к венчику, нижняя - к расширенной части корпуса. Сосуды без поддонов, нижняя половина обточена. Они украшены жидким красно-коричневым и коричневым ангобом. Нижняя половина и дно сосудов обточены. В изломе они коричневого и светло-коричневого цвета (рис.1, 23-24).

Имеется несколько экземпляров малых кувшинов с яйцевидными корпусами, коническим растробом-горлом, профилированным наружу венчиком. На сосуде имеются две миниатюрные ручки. По плечу прочерчена зигзагообразная линия. Нижняя половина корпуса и донце обточены горизонтально. Сосуд сероватого цвета, видимо, после пожара. Ангоб нанесен в верхней

половине корпуса, а изнутри - по краю устья (рис.1, 30).

Большие кувшины представлены различными вариантами. Они с шаровидными, яйцевидными или вытянутыми корпусами. Сосуды без поддонов, на широком днище. Нижняя половина и дно сосудов обточены. Все сосуды ангобированы, есть сосуды, которые имели ангоб лишь в верхней части корпуса и горловины. Многие экземпляры украшены волнистыми ангобными полосами в виде т.н. «овальных фестонов» (рис.1, 25-28, 32).

Единственным экземпляром представлен большой кувшин с шаровидным корпусом, очень маленькой и узкой конической горловиной. На плечике имеются следы от пластинчатой ручки. Горловина отделена от корпуса горизонтальной процарапанной линией с частыми насечками. Ниже следует зигзагообразная линия. Ангоб виден плохо. Нижняя часть и дно обточены (рис.1, 29).

Единичным экземпляром также представлен массивный, толстостенный, широкодонный кувшин с шаровидным корпусом, широкой горловиной. На плечике сосуда имеются две миниатюрные ручки, предназначенные, видимо, для шнура

Там же прочерчены две параллельные волнистые линии. Нижняя часть и дно сосуда обточены ножом. Наружная часть горловины ангобирована светло-коричневым ангобом (рис.1, 31).

Кувшины предназначались не только для хранения, но и для других целей. Единственным экземпляром представлен большой кувшин - маслябойка с двумя пластинчатыми ручками. Рядом с одной ручкой имеется слив в виде трубочки. Сосуд с объемистым, шаровидным корпусом, широким дном, широкими плечиками и узкой горловиной. Ангобированы горловина и часть плечика. Ниже по кругу корпуса следует волнистая ангобная линия, образуя т.н. «овальные фестоны». Сосуд серовато-коричневого цвета, видимо, от пожара. Под донцем имеются следы песка (рис. 2, 1).

Широкогорлые двуручные горшки яйцевидной формы, с короткими горловинами. В верхней части имеются две пластинчатые ручки. Верхний конец их прикреплен к венчику, нижний - к плечу. Некоторые сосуды на плечиках имеют процарапанные волнистые линии. Сосуды ангобированы жидким красным, красно-коричневым ангобом, снаружи - верхняя половина, изнутри - по краю венчика. Нижняя часть и дно сосудов обточены ножом. Среди этих сосудов встречались относительно небольшие экземпляры с диаметром устья всего 10-11 см, и довольно большие - с диаметром устья 35-36 см (рис.1, 17-18).

Корчаги. Эти широкогорлые сосуды, в основном, без ручек, больше напоминающие широкогорлые, невысокие кувшины. Они с шаровидными корпусами, короткими горловинами. По плечикам некоторых из них прочерчена волнистая линия. Сосуды ангобированы, снаружи - верхняя часть плечика, изнутри - край венчика. Нижняя половина корпуса и дно обточены ножом. Диаметр устья сосудов 10-15 см, диаметр донца 6-9 см (рис.1, 33-34).

Цедилки. Сосуды представлены четырьмя экземплярами. Один из них маленькая чаша, другой - кувшин, два - широкогорлые двуручные горшки. Нижняя половина и дно этих сосудов усеяны в беспорядке нанесенными изнутри до обжига отверстиями. Отверстий у одного сосуда несколько меньше, чем у другого. Цедилки, сделанные из чаши, имеют очень мелкие отверстия. Видимо, они предназначались для процеживания разных жидкостей, возможно, использовались также и для промывки фруктов. Цедилки, сделанные из кувшинов и горшков ангобированы (рис.2, 2-4).

Сосуды с отверстием на дне многочисленны.

Они, в основном, усеченно-конической формы. На донцах имеются следы среза ниткой с гончарного круга. Любопытно, что такой признак у других видов керамических изделий отсутствует. Многие экземпляры ангобированы, снаружи, часто очень небрежно. Несколько сосудов имели ангоб в виде креста (рис.2, 5-9).

Кубкообразные сосуды в виде усеченного конуса являются новой формой в керамике раннесредневекового Южного Согда. Они имеют резервуар в виде усеченного конуса, со слегка закругленными корпусами, напоминающими кубковидные чаши. Ниже венчика имеется горизонтальная ложбина. Сосуды ангобированы различными способами. У самого большого из них ангобирована верхняя треть корпуса. У другого по кругу следует большая волнистая ангобная полоса. Несмотря на свои большие размеры эти сосуды изготовлены на гончарном круге. Нижняя часть корпуса и дно обточены ножом. Под донцам имеются следы песка. Эти сосуды предназначались, скорее всего, для хранения сыпучих продуктов (рис. 2, 10-11).

Сосуды с тремя ручками можно назвать хумчами. Сосуды с яйцевидными корпусами, широкими, короткими горловинами, профилированными наружу венчиками. Под венчиками в противоположных сторонах имеется четыре отверстия. На плечиках часто нанесен орнамент в виде поясков волнистыми линиями с насечками. Хумча имеет по три миниатюрные пластинчатые ручки, предназначенные, видимо, для шнура. Сосуды орнаментированы по плечикам, горловине и венчику. Под этим покрытием следует волнистая ангобная линия. Нижняя половина корпуса и донце обточены. Под донцем имеются следы песка. Имеются и очень крупные экземпляры. Диаметр устья сосудов от 18-20 до 32 см, диаметр корпуса целого сосуда 27 см, диаметр донца 13 см, высота одного из них - 32 см. Эти сосуды, видимо, специально закрывались крышками и с помощью шнура с трех сторон перевязывались. Отверстия под венчиком использовались для регулировки воздуха. Скорее всего, эти сосуды предназначались для приготовления вина из винограда или водки из молока², возможно, и для других целей (рис. 2, 12-14).

Хумы - крупные сосуды представлены более десятком экземплярами. Все сосуды яйцевидной формы, с плавно загнутыми вовнутрь утолщенными устьями. Часто встречаются хумы, имеющие снаружи под устьями неглубокие, горизонтальные ложбины или профилированные валики. Диаметр устья сосудов 30-35 см, диаметр донца 30-32 см, высота от 80 см до 1,10 м (рис.2, 15-17).

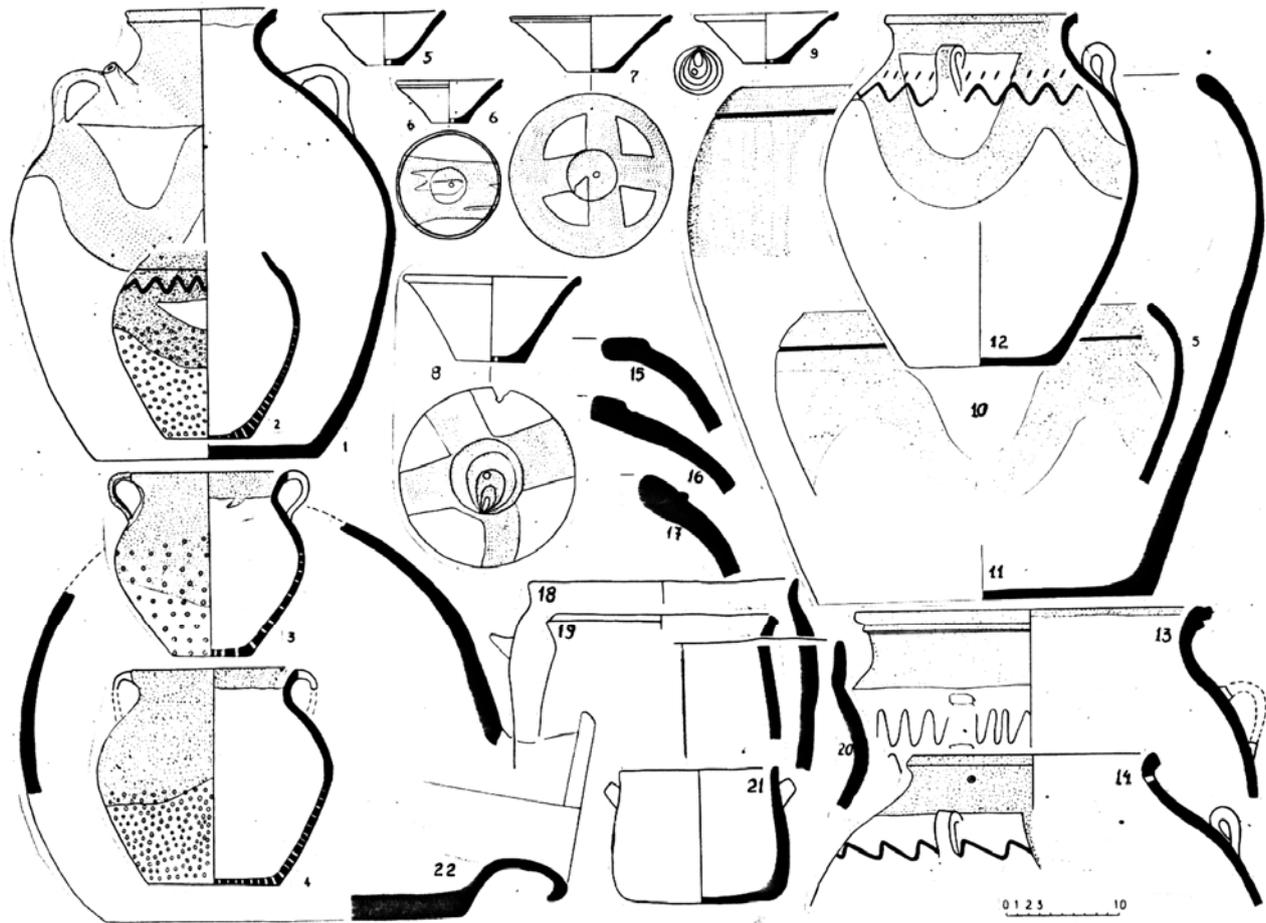

Рис. 2

Фляги имеются в четырех экземплярах. Они крупные, с раздутыми, шаровидными корпусами, узкими горловинами, в изломе красноватого цвета, без ангоба. Нижняя часть и дно обточены ножом. Корпус и горло отдельно изготавливались на гончарном круге и затем соединялись. Диаметр устья сосудов 15-18 см, диаметр корпуса 30-33 см, высота корпуса целого сосуда 40 см (рис.2, 22).

Котлы встречаются чаще. Они изготовлены из глины с примесью шамота лепным способом. Сосуды, в основном, с прямыми вертикальными стенками, отогнутыми прямыми венчиками, практически без горловины. У некоторых сосудов корпус слегка выпуклый, имеются котлы с цилиндрическими корпусами. Диаметр устья сосудов 15-23 см, высота одного небольшого котла 12 см (рис. 2, 19-21).

Керамика верхнего слоя Турткультепа. Как отмечалось выше, между керамическими комплексами нижних и верхних строительных горизонтов отсутствуют какие-либо резкие отличия. На последнем этапе некоторые керамические формы исчезают, уменьшаются количественно, появляются некоторые новые формы.

Кубковидные чаши малые и большие. Эти сосуды часто встречаются и в верхних слоях, характерные черты и форма этих сосудов практически не меняются (рис. 3, 1-3).

Миски. В верхних слоях резко увеличивается их количество. Сосуды с закругленными корпусами, отогнутыми утолщенными краями устья. Имеются некоторые новые формы. Можно отметить одну миску с вертикальными стенками, со слегка выпуклым корпусом. На плечике сосуда прочерчены две горизонтальные линии, между которыми имеются насечки, а ниже следует волнистая линия. Верхняя половина сосуда ангобирована красно-коричневым ангобом (рис.3, 7). Встречались миниатюрные миски с ангобными потеками (рис. 3, 8-9).

Кружки резко уменьшаются, исчезают почти все формы этих сосудов. Имеются всего лишь два маленьких экземпляра, которые орнаментированы ангобными потеками темно-коричневого и черноватого цветов (рис.3, 10-11).

Кувшины. Реже встречаются малые кувшины с одной петлевидной ручкой. Новых форм среди больших и малых кувшинов очень мало. Часто встречаются разные виды больших кувшинов с

ангобом. Найден большой кувшин с яйцевидным корпусом. Нижняя часть туловища слегка вогнута вовнутрь. Сосуд имеет ангоб из т.н. «овальных фестонов». Диаметр устья сосуда 12 см, диаметр дна 15 см, высота 41 см (рис. 3, 13). Некоторые виды больших кувшинов, как кувшины с двумя ручками в верхнем слое не встречались. Видимо, эти сосуды не производились серийно, так как, и в нижнем слое они тоже встречались редко.

Новым видом является широкогорлый крупный кувшин с пологими плечиками, вертикальным устьем. Плечо отделено от горла валиком. Сосуд без ручек (рис. 3, 17). Другой кувшин новой формы имеет удлиненный корпус. Горло отделено от плечика резким перегибом (рис. 3, 18). Среди больших кувшинов есть сосуд с одной петлевидной ручкой. Под ручкой нанесен процарапанный знак. Горло отделено от плечиков четырьмя параллельными линиями, прочерченными до обжига (рис. 3, 19).

Широкогорлые двуручные горшки часто встречаются и в верхнем слое. Практически они не отличаются от сосудов с нижнего строительного горизонта. Но среди них встречались сосу-

ды и без ручек (рис. 3, 20-24).

Хурмача. В верхнем слое встречались некоторые новые формы, требующее детального описания. Все сосуды ангобированы, снаружи - верхняя половина и горло, изнутри - только лишь край венчика. В единичном экземпляре найдена корчага с сужающимся кверху корпусом без горловины, со слегка профилированным наружу круглым в сечении венчиком. Диаметр устья сосуда 10 см (рис. 3, 26).

Другой абсолютно целый сосуд имеет шаровидный корпус, широкое и короткое горло, слегка отогнутое наружу венчик. Горло отделено от корпуса небольшой площадкой. Нижняя часть корпуса и дно обточены. Диаметр устья сосуда 11 см, диаметр дна 7 см, высота 12 см (рис. 3, 27).

Встретились две большие корчаги с сужающимися кверху корпусами, широкими и короткими горловинами, плавно отогнутыми наружу подтреугольными в сечении венчиками. В горловине сосудов имеются отверстия.

Единичным экземпляром представлена корчага или хумча с шаровидным корпусом без горловины, с круглым в сечении венчиком. По плечи-

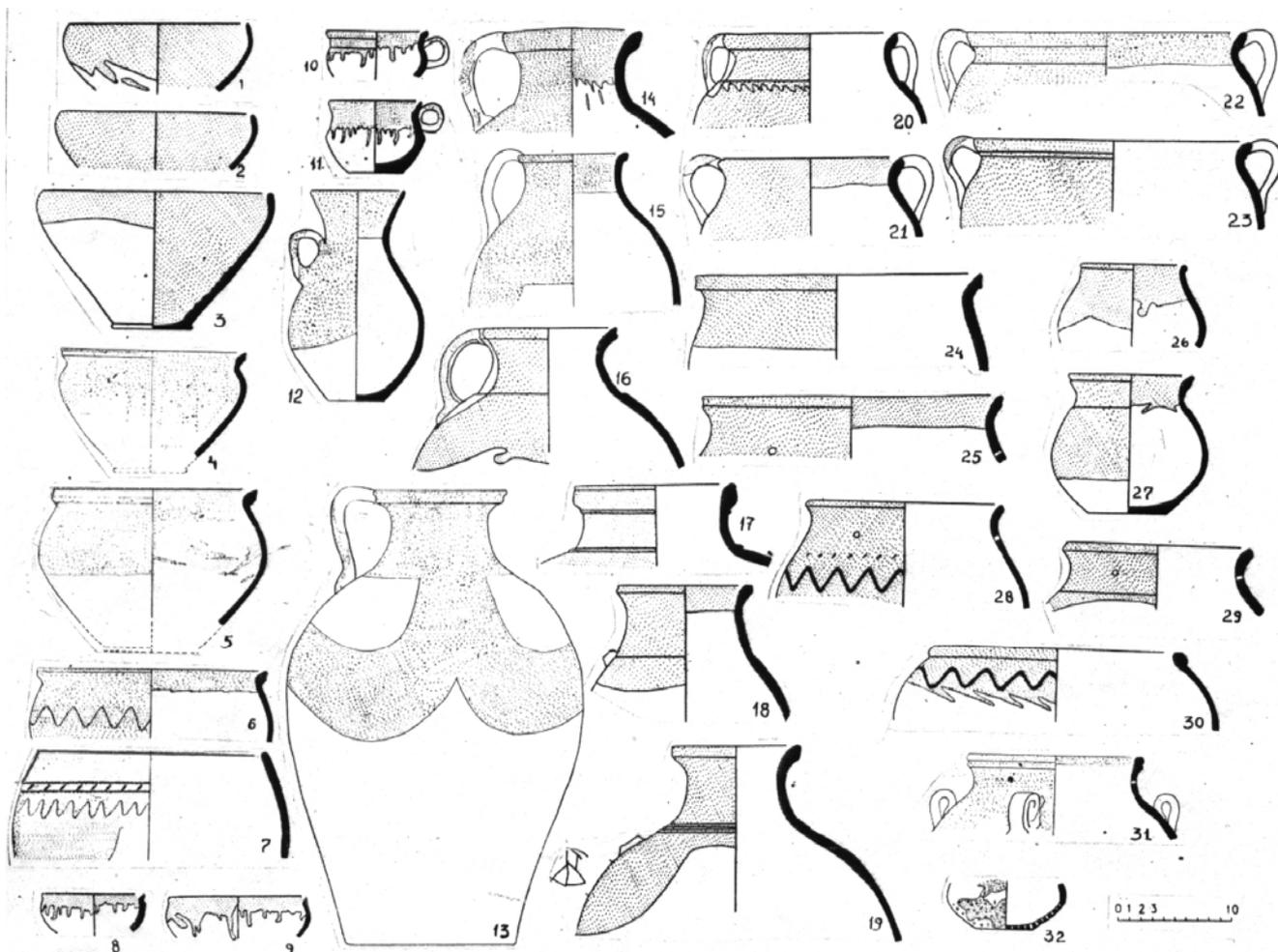

Рис. 3

кам зачерчена волнистая линия. Диаметр устья сосуда 23 см (рис. 3, 30).

В верхнем слое реже встречались сосуды с тремя ручками. Они практически не отличаются от сосудов нижнего слоя. (рис. 3, 31). Единичным экземпляром представлена миниатюрная цедилка (рис. 3, 32). Но встречались также фляги и крупные сосуды типа хумча с загнутыми вовнутрь устьями и т.д.

Сравнительный анализ керамических комплексов нижних и верхних слоев Турткультепа показывает, что несмотря на количественные различия, характерные особенности керамических изделий нижнего слоя сохраняются. Некоторые новые формы, которые встречались в верхнем слое, не являются результатом проникновения новых традиций. Характер планировки и керамика полученная из жилых помещений, показывает, что после прекращения существования поселения на первом этапе и до восстановления жизни во втором проходит небольшой промежуток времени, который ограничивается одним, полуторным десятилетием, возможно и еще меньше.

Богатейший керамический комплекс, особенно из нижнего слоя Турткультепа, дает широкие возможности для сравнительного анализа.

Маленькие кубковидные чаши являются очень распространенной формой. Подобные сосуды имелись в керамике памятников Чимкурганского водохранилища, расположенного между Кешем и Нахшабом (Кабанов, 1981. С. 24), в Хаузтепа в Китабе (Кабанов, 1955. С. 93) в Баландтепа в Шахрисабзе (Усманова, Бахшицян, 1989. С. 48). Эти сосуды изготавливались и в Нахшабе (Кабанов, 1977, рис. 13; Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 43) и в Самаркандском Согде (Шишкина, 1961. С. 207; Лебедева, 1990. С. 161), отмечены и в нижних слоях Пенджикента (Маршак, 1964. С. 228). Эти чаши практически на всех памятниках датировались V-VI вв. н.э., но изготавливались и в VI-VII вв.

Крупные толстостенные миски, несколько напоминающие большие кубковидные чаши, кроме Турткультепа, нигде не встречались.

Другой вариант мисок с резко оттянутыми венчиками на памятниках Средней Азии встречаются редко. Он найден в слоях II-III вв. Еркургане (Исамиддинов, Сулейманов, 1984, рис.60) и в слоях Бухара III (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1982. С. 87, рис.2, 21, 27). Видимо, они нигде серийно не выпускались.

Кружки из Турткультепа требуют особого внимания. Такой большой набор разнообразных кружек на территории Согда встречается впервые. В Кашкадарье подобные кружки найдены в

Ховузтепа (Кабанов, 1955. С. 94) и Джангалтепа (Кабанов, 1981. С. 18). На других памятниках Согда эти сосуды встречались всегда редко. В незначительном количестве они найдены на Афрасиабе (Лебедева, 1990. С. 163, рис. 2, 2) и единственным экземпляром представлена в керамике замка близ Кафыркала в округе Самарканда (Шишкина, 1961. С. 210, рис. 10, 4). Кружки в массовом количестве появляются в VII-VIII вв. в Пенджикенте. В Нахшабе подобные кружки не производились, видимо, их функции выполняли высококачественные «нахшабские кувшинчики». Поэтому в подобных сосудах не было потребности. В Нахшабе, как и в Пенджикенте, кружки массово появляются в VII-VIII вв. (Туребеков, 1981. С. 41, рис.3, 35-36). В Тохаристане кружки появляются, начиная со второй половины V- пер. пол. VI вв. (Аннаев, 1988, табл. XIII а, 44-45, 47).

Для ранних периодов Согда кружки не характерны. В Ташкентском оазисе, который испытывал влияние каунчинской и джеты-асарской культур, найдены лепные кружки. Они большими комплексами встречаются в памятниках, относящихся к культуре Джеты-асар I (I-IV вв. н.э. или I в. до н.э. – III в. н.э.) (Левина, 1971, рис. 3, 74-81; рис. 15, 80-122). В памятниках Ташкентского оазиса они широко распространяются со времени Каунчи I, массово производятся и в период Каунчи II и Каунчи III. Во все периоды они украшаются ангобными потеками (Буряков, 1982. С. 73-79). Позже кружки изготавливаются и на гончарном круге (Филанович, 1983. С. 61).

Кувшины представлены различными формами и вариантами, которые разделяются на две группы – малые и большие. Маленькие кувшины с одной петлевидной ручкой, по своему назначению были ближе к кружкам. Они встречаются в керамике Джангалтепа в зоне Чимкурганского водохранилища (Кабанов, 1981. С. 24, рис. 15, 9, 19-20). В Нахшабе подобные кувшины не производились, видимо, их функцию, и функцию кружек выполняли «нахшабские кувшинчики». Они имеются в слоях Бухара V (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1982. С. 92, рис. 3, 40), среди керамики замка близ Кафыркалы в округе Самарканда (Шишкина, 1961. С. 210, рис. 10, 12) и в нижних слоях Пенджикента (Маршак, 1957. С. 93, рис. 2, 11; его же, 1964, рис.21, 4). В Согде подобные кувшинчики встречаются, в основном, в слоях V-VI вв. Как и кружки, эти сосуды массово встречаются на памятниках, которые находились под влиянием каунчинской культуры в слоях IV-V вв. в Ташкентской области (Абдуллаев, 1975. С. 148, рис. 7, 127; Буряков, Дадабаев, 1973. С. 49, рис. 6, 15, 19). Кувшины подобной формы

впервые широко распространяются в период Каунчи I, но их производство не прекращается и в Каунчи II и в Каунчи III (Левина, 1971, рис.29, 23-29; рис.32, 70-75, 100-105; Буряков, 1982. С. 73-79, рис. 6-8). Они известны среди керамики «Большого дома», относящейся к культуре Джеты-асар № 3 в слоях I-IV вв. н.э. (или I в. до н.э. – III в. н.э.) (Левина, 1971. С. 16, рис.3, 23). В Кешском оазисе эти кувшинчики появляются, видимо, под влиянием джеты-асарской и каунчинской культур.

В Тохаристане подобные кувшинчики появляются, начиная с конца IV – нач. V вв. н.э. (Аннаев, 1988, табл. XIV а, 44-45, 47). В Кучуктепа и в Кувкургане встречались кружки, имеющие петлевидные парные ручки. По мнению Т. Аннаева, в Тохаристане подобные кружки с парными ручками появляются, начиная со второй половины V – пер.пол. VI вв. н.э. Эти сосуды не характерны для Нахшаба, потому что там в обиходе долго использовались высококачественные «нахшабские кувшинчики», которые выполняли роль этих кувшинчиков и кружек.

Большие кувшины с одной пластинчатой ручкой имеют широкие параллели практически по всей территории Согда и соседних регионов. Характерные особенности больших кувшинов Турткультепа - наличие ангоба абсолютно на всех сосудах этого типа в виде «овальных фестонов». Подобные кувшины известны и на памятниках в зоне Чимкурганского водохранилища, в среднем течении Кашкадарьи (Кабанов, 1981), на Афрасиабе (Лебедева, 1990. С. 216), в Пенджикенте (Маршак, 1957). На Еркургане большие кувшины производились практически без ангоба (Исамиддинов, Сулейманов, 1984, рис. 60). Большой ангобированный кувшин найден в курганном захоронении около кишлака Сазаган к югу от Самарканда и датируется III-IV вв. н.э. (Обельченко, 1966. С. 78). Ангобирование больших кувшинов в виде потеков, кругов, полукругов и т.д. часто встречается среди керамики памятников, которые находились под влиянием джеты-асарской и каунчинской культур (Буряков, 1982. С. 73, рис. 6; Левина, 1966, 1971).

Среди керамики нижнего и верхнего строительного горизонтов Турткультепа встречаются широкогорлые двуручные горшки яйцевидной формы. Сосуды подобной формы впервые появляются в середине I тыс. до н.э. на памятниках бургулюкской культуры Ташкентского оазиса (Филанович, 1983. С. 47, рис. 2). В дальнейшем серийно выпускаются на всех этапах каунчинской культуры (Левина, 1971. С. 91-104). На памятниках культуры Джеты-асар I керамика

«Большого дома» датируется I-IV вв. н.э. (или I в. до н.э. - III в. н.э.). Все они орнаментированы красным, красно-коричневым и темно-коричневым густым ангобом (Левина, 1971. С. 68, рис. 15, 40-54). В это время широкогорлые двуручные горшки не встречаются в керамике Согда. Здесь они появляются, начиная с III-IV вв. н.э. и встречаются среди керамики Джангалтепа, Большая и Малая Кызтепа (Кабанов 1981. С. 25, рис.16, 3-4), на Афрасиабе (Лебедева, 1990. С. 161, рис.1, 21-22), в Пенджикенте (Маршак, 1957. С. 92, рис.1, 5). По неизвестным причинам на Еркургане подобные сосуды практически не производились. Близкие формы имеются среди позднекушанской керамики Тохаристана и датируются пер. пол. V в. н.э. (Аннаев, 1988, табл. XIV б, 99-100, 108). Позже на плечиках этих сосудов появляются рожки-сливы. Сосуды с рожками встречались на Аултапе в зоне Чимкурганского водохранилища (Кабанов, 1981. С. 59, рис. 2,3). В Нахшабе горшки с рожками впервые найдены на Коштепа, близ Насафа и датируются началом VII в. н.э. (Сулейманов, 2000. С. 185-186). Они имеются и среди керамики замка близ Кафыркалы в округе Самарканда (Шишкина, 1961. С. 209, рис.9) и в нижних слоях Пенджикента (Маршак, 1964. С. 232, рис. 23, 9-10). В Бухарском Согде они встречаются в слоях Бухара IV (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Вульферт, 1990. С. 87, рис. 15, 21). В керамике Варахшинского массива они датированы второй пол. IV-V вв. н.э. (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов 1982. С. 144, рис. 20, 30). Позже эти комплексы были передатированы более поздним временем (Мухамеджанов, Адылов, 1987. С. 77-78).

Массивные миски, имеющие резервуар в виде усеченного конуса, с загнутым вовнутрь широким, утолщенным устьем, напоминающим кубковидные чаши, на территории Согда, кроме как на Турткультепа, нигде не встречались. Сосуды с подобными формами представлены здесь различными вариантами. Имеются более глубокие и более массивные экземпляры. Их можно назвать кубковидными тагарами. Имеются еще более глубокие сосуды подобных форм. Их можно назвать кубковидными хумчами. И наконец, подобные загнутые вовнутрь устья имеют и хумы.

Сосуды с отверстием на дне найдены десятками. Они встречаются на памятниках Кашкадарьи, в Тали-Барзу, в Самарканде и в Пенджикенте. Обнаруженные сосуды из Джангалтепа С.К. Кабановым интерпретируются как цебилки для изготовления молочных продуктов типа сыра или творога (Кабанов, 1981. С. 17). И.Б. Бентович интерпретирует их как воронки (Бентович, 1953. С.

142-143). Другие интерпретируют их как крышки с отверстиями для шнура.

Фляги с раздутыми шаровидными корпусами не производились серийно, поэтому среди археологических комплексов они встречаются редко. В памятниках зоны Чимкурганского водохранилища фляги не встречались. На Еркургане фрагмент фляги найден на раскопе 5 и датируется IV в. н.э. (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 79). В Самаркандском Согде фляги обнаружены в Сазанских курганах и датируются III-IV вв. н.э. (Обельченко, 1966. С. 78-79). В Бухарском Согде они имеются в Лявандакском могильнике и датируются I в. н.э. (Обельченко, 1961. С. 152). В Ташкентском оазисе фляги обнаружены в слоях Ак-тобе 2, которые датируются рубежом III в. н.э. (Левина, 1971. С. 117, 126).

Большой комплекс керамических изделий, полученный из нижнего и верхнего слоев Турткультепа, имеет широкие аналогии в керамических комплексах Средней Азии. Производство керамики в области Верхней Кашкадарьи в раннем средневековье находилось на высоком уровне, но эта отрасль ремесла специально не изучалась. Раннесредневековые памятники Верхней Кашкадарьи изучены не достаточно, за исключением замка Аултапа в зоне Чимкурганского водохранилища. Другие памятники раскопаны частично и не дают возможности для детального изучения керамики этого периода. В результате раскопок Турткультепа был получен большой стратифицированный комплекс керамических изделий, который хронологически охватывает небольшой промежуток времени. Основная характеристика керамики Турткультепа - это преобладание керамики станковой работы и ангобирование сосудов.

На территории Южного Согда, особенно на Еркургане, начиная с III-IV вв. резко увеличивается доля керамики лепной работы, появляются лепные курильницы, светильники с антропоморфными ручками, очажные подставки, сковороды, крышки и т.д. Это явление характерно и для среднего течения р. Кашкадарьи, т.е. для зоны Чимкурганского водохранилища. Здесь, наряду с лепными сосудами, найдена очажная подставка с изображением голов баранов на двух концах, характерным для каунчинской культуры (Кабанов, 1971. С. 19, 1). Появление лепных сосудов и других изделий на территории Южного Согда, как считают специалисты, это и есть влияние этой культуры.

Несомненно, влияние каунчинской культуры охватывает всю территорию раннесредневекового Согда, видимо, для равнинных зон это влияние

было сильнее, чем для горных районов. В равнинных зонах Согда, где была возможность развития земледелия, влияние каунчинской культуры проникло непосредственно в хозяйственный уклад населения, о чем свидетельствует появление большого количества лепного повседневного инвентаря.

По подсчетам Л.М. Левиной, в керамике Средней Сырдарьи для близкого нам периода Каунчи II, количество станковых сосудов составляет гораздо менее половины сосудов этого комплекса. По наблюдению Б.И. Маршака, «для нижних слоев Пенджикента характерно разнообразие форм лепной посуды, позднее представленной почти только одними котлами» (Маршак, 1957. С. 91).

Керамика Турткультепа имеет более близкие аналогии с керамикой памятников зоны Чимкурганского водохранилища, также как Джангалтепа, Малая Кызтепа и т.д. Керамика Малой Кызтепа датируется С.К. Кабановым III-IV вв. Этим же временем датируется и керамика Джангалтепа. Монета с изображением Геракла и Зевса была найдена и на нашем раскопе. Часть керамики нижнего слоя Пенджикента тоже аналогична нашей. В керамике Пенджикента также имеются хумча с тремя ручками, двуручные горшки, аналогичные нашим, но там у некоторых сосудов на месте одной ручки существуют рожки-сливы, которые полностью отсутствуют в керамике Джангалтепа, Малой Кызтепа и Турткультепа. Подобные горшки с рожками имеются в керамике Аултапа и замка близ Кафыркалы в Самарканде, которые датируются V-VI вв. н.э. В Аултапе найдена монета, которая, по определению И.О. Смирновой, как подражание монетам Варахрана V (420-438 гг.), датируется второй половиной V в. или началом VI в. (Кабанов, 1981. С. 77).

В керамике Турткультепа, в отличие от керамики памятников Чимкурганского водохранилища, элементы каунчинской культуры в виде лепных сосудов абсолютно отсутствуют, но в ассортименте керамических сосудов значительное место занимают характерные формы каунчинской керамики, также как малые кувшины с одной петлевидной ручкой на шейке, двуручные горшки яйцевидной формы и кружки с ангобными покрытиями и потеками. Это показывает, что в керамике верхней Кашкадарьи, начиная, примерно с IV в. н.э., постепенно уменьшается доля лепных сосудов. Таким примером может служить комплекс керамики Турткультепа, позже и в Аултапе постепенно исчезает лепная керамика.

Видимо, начиная, примерно с IV в. в результате проникновения каунчинской культуры, в культуре Южного Согда, в том числе и в верхних

районах Кашкадарьи, постепенно появляются новые традиции, где присутствуют характерные элементы степных и полuosедлых культур. Это наиболее ярко отражается и в керамическом производстве.

Таким образом, хронологически керамику

Турткультепа можно поместить между керамическими комплексами Джангалтепа (III-IV вв.) и Аултапа (V-VI вв.) и следует датировать керамику нижнего слоя Турткультепа IV в. н.э., верхнего слоя – началом V в. н.э.

Сноски

1. В таблицах сосуды выбраны по нескольку экземпляров каждой формы. Описание керамических изделий приводится в хронологическом порядке.
2. В литературе известны примеры, что кочевники Южной Сибири и Монголии готовили спиртные напитки из молока. Возможно, этот способ был широко известен среди народов Центральной Азии в эпоху раннего средневековья, которые имели тесные хозяйственные контакты со степными племенами.

Использованная литература

- Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
- Бентович И.Б. Керамика Пянджикента // МИА. Вып. 37. М.-Л., 1953.
- Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1983.
- Буряков Ю.Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе // ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
- Дресвянская Г.Я. Комплекс памятников Тырнасяя // Материалы по истории, историографии и археологии. Труды Ташкентского Государственного университета, № 630. Ташкент, 1980.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган. Ташкент, 1984.
- Кабанов С.К. Археологические разведки в верхней части долина Кашка-Дарьи // Труды ИИА АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1955.
- Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда II-VI вв. Ташкент, 1981.
- Лебедева Т.И. Керамика Афрасиаба V-VI вв. // ИМКУ. Вып. 23, Ташкент, 1990.
- Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
- Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1971.
- Маршак Б.И. Керамика нижнего слоя Пенджикента // Изв. АН Тадж ССР, № 14, Сталинабад, 1957.
- Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте XII за 1955-1960 гг. // МИА. №124, М.-Л., 1964.
- Маршак Б.И. Код для описания керамики Пенджикента // Статистико-комбинаторные методы в археологии Средней Азии.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. Керамика нижних слоев Бухары (Опыт предварительной периодизации) // ИМКУ. Вып.17, Ташкент, 1982.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Вульфферт Э. Результаты исследования археологических памятников Варахшинского массива (по материалам работ 1985 г.) // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т. Городские памятники низовьев Зарафшана в IV до н.э. – VIII вв.н.э. (К вопросу о формировании и развитии городской культуры в регионе // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Материалы советско-французского colloquiuma. Самарканд, 1986. Ташкент, 1987.
- Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
- Обельченко О.В. Сазаганские курганы // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
- Раимкулов А.А. Турткультепа - уникальное раннесредневековое сельское поселение Кешского оазиса // Актуальные вопросы развития науки и техники в Узбекистане. Ташкент, 1987. С.100-104.
- Раимкулов А.А., Исамиддинов М.Х. Турткультепа - новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Раимкулов А.А. Культура сельских поселений Нахшаба в эпоху раннего феодализма. Автореф. дис. к.и.н. Самарканд, 1992.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.
- Туребеков М. Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана // ИМКУ. Вып.16, Ташкент, 1981.
- Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
- Шишкина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.

А.М. Маликов

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОГДЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ТЮРКО-СОГДИЙСКИЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

По сравнению с другими регионами Среднеазиатского Междуречья мы располагаем более подробными сведениями письменных источников об этнокультурных процессах в Согде в эпоху раннего средневековья.

Между 563-567 годами тюрки одержали полную победу над эфталитами, и Согд в числе остальных владений вошел в состав Тюркского каганата.

На первых порах тюрки практически не вмешивались во внутренние дела и порядки среднеазиатских владений, ограничившись лишь сбором дани. Постепенно, однако, положение меняется. Из сторонних наблюдений они превращаются в активных участников среднеазиатской экономической и политической жизни.

На основании имеющихся письменных источников пока трудно судить о том, в какой степени тюркские каганы на первых порах контролировали Согд, имелись ли в регионе тюркские военные контингенты или какие-либо уполномоченные верховной власти.

Наиболее ранние сведения о роли тюрков в этнополитической истории Согда относятся к 580-м годам.

Известно, что в 587 году после подавления восстания Абура войсками тюркского принца, сына Кара Чурина Янг Соух тегином (Иль-Арсланом, согласно Наршахи), Кара Чурином - фактический правитель западной части Тюркского каганата, утвердил Янг Соух тегина владельцем Бухарского оазиса. После него Бухарой в 589-603 годах правил его сын Нили (Пармуда по Фирдоуси, Балъами, Яль-тегин - по Динавари). После него правил сын Басы тегин (603-604 гг.) (Гумилев, 1967. С.74, 142).

Вероятно, династии тюркского происхождения правили Бухарой продолжительный период, однако нам известны имена только отдельных представителей. Так во второй четверти VII века Бухарой и Пайкендом управлял тюркский царевич племянник Тон ябгу кагана Нишу Кана шад.

В период правления Тон ябгу кагана (618-630) усилилась центральная власть. Во все подвластные владения были посланы уполномоченные кагана - тудуны, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. С наиболее сильным владельцем в Средней Азии - царем Согда Тон-ябгу каган установил родственные отношения - выдал за него свою дочь.

Согласно данным известного ученого - энциклопедиста XII в. Наджм ад дина Абу Хафса ан-Насафи царь Согда Гурек имел тюркские корни. Из родословной, приведенной ан-Насафи, следует, что сын Гурака носил тюркские имя Баничур или Йаначур, а его внук - тюркское имя Тархун. Внук последнего также носил тюркское имя Туркаш Таки (Камалиддинов, 1997. С.91).

По данным нумизматики и документов с горы Муг установлено, что в конце VII - начале VIII в. Пенджикентом управлял тюркский правитель Чекин Чур Бильге (694-709 гг.) Причем с его именем связаны обильный выпуск монет, которых на Пенджикентском городище найдено в 3 раза больше, чем других монет (Смирнова, 1981. С.48).

Не исключено, что еще до Чекин Чур Бильге, в первой половине VII в. правитель Пенджикента был лицом тюркского происхождения. На монетах, выпущенных последним, на лицевой стороне слева изображена рунообразная тамга, зафиксированная в частности на керамике из Саркела (тюркское оq - «стрела») (Смирнова, 1981. С. 47).

Потомки правителя Пенджикента - Диваштича считали Чекин Чур Бильге своим предком. Возможно, что Чур был тестем Диваштича. При Диваштиче монеты выпускались не от его собственного имени, а от имени Наны, госпожи Панча. Может быть Нана была дочерью Чура и женой Диваштича (Расопова, 1993. С. 50).

В одном из мугских документов фиксируется тюркский титул чиновника «тархан» при дворе пенджикентского правителя. Там же встречается чисто тюркское слово «sozum» - «мой приказ» (Лившиц, 1962. С. 29, 55).

По данным ат-Табари, владельцем Файйа (рустак Согда на канале Нарпай) в начале VIII в. был тюрк Турк хакан (Табари, 1987. С. 178). В 740-745 гг. Кабуданом (Иштыханом) управлял Кара-Бугра, вероятно, также тюркского происхождения (Смирнова, 1981. С. 425, 428). В VIII в. правителем - маликом Хузара (Кеш) был тюрк Субугра.

Тюркские правители Согда выпускали свои монеты. Как полагала О.И. Смирнова, тюркскими правителями Бухарского оазиса в середине VIII в. была выпущена группа тюрко-согдийских монет, отлитых по образцу дальневосточных, с смонтированной на одной из сторон четырехугольной тамгой и надписью «владыки хакана деньга» (Смирнова, 1981. С. 59).

В Нахшебе на определенном этапе (VII-VIII вв.) меняется иконография монетного типа, вместо тамги появляется лицо тюркского облика. Судя по этому изображению, в Нахшебе правителем был тюрк (Баратова, 1995. С.19).

Тюркское имя носил правитель Бухары в начале VIII в. - Тугшада (Шювен, 1995. С. 36). Имя правителя Иштыхана в начале VIII в. Карзанджа некоторые исследователи интерпретируют как тюркское «Кара-занги». У Табари он назван одним из вождей тюрков (Кадырова, 1965. С. 79-80).

Однако не только отдельные правители согдийских владений были тюрками, определенная их часть влилась в VI-VIII вв. в состав согдийской знати и аппарата управления. Мугские документы показывают, что к началу VIII в. тюрки играли немаловажную роль и в городской жизни Согда.

Документы № 3 и 4 фиксируют брак Ут теги-на, представителя тюркской знати, с согдианкой, причем, как можно судить по документам Б-1, Ут тегин был тесно связан с двором Диваштича.

В ряде хозяйственных документов упоминаются представители отдельных тюркских племен и племенных конфедераций («тардуш», «туркмен»), а также лица, носящие тюркские имена. Имя писца Диваштича было Турк или Турак (Лившиц, 1962. С. 62). Фрамандар - управляющий дворцовым хозяйством был также лицом тюркского происхождения (Лившиц, 1962. С. 132, 133).

В надписи посвященной Кюль тегину (732 г.) сообщается, что на его похороны от народов, живущих в странах солнечного заката, Согда, Берчекера и Бухары пришли Нек сенгун и Огул тархан (Малов, 1951. С.43). Возможно, что это были представители тюркской аристократии в регионе, хотя не исключено, что это были согдийцы, носящие тюркские имена и звания.

Согдийцы Дунхуана, переселившиеся сюда из Согда в VII-VIII вв., в большинстве носили тюркские имена, причем имена они приобрели еще в метрополии (Чугуевский, 1971. С. 153). Этот факт наглядно иллюстрирует сближение тюрков и населения Согда.

Тесные тюрко-согдийские связи способствовали заимствованиям из тюркского языка в согдийский и наоборот. В ранних эпиграфических надписях древнетюркских каганов согдийский являлся официальным языком. В согдийских текстах мугских документов встречается заимствования из тюркского языка. Например, «yttuku» - «посылать», «посольство», «bediz» - «резьба, орнамент» и другое (Лившиц, 1989. С. 79-80).

Присутствие тюркского населения в Согде подтверждается фактом наличия местностей с тюркскими названиями. Например, в мугском документе № 1 упоминается владение с тюркским названием «сары» - «желтый». Оно может быть сближено с таким названием, как Сарытаг - перевал и селение выше Искандар куля в Фанских горах, а также названием арыка Сары-су к северо-востоку от Иштыхана (Лившиц, 1962. С. 72).

Многочисленные упоминания тюрков мы встречаем в арабо-персидских источниках, описывающих походы арабов в Среднюю Азию, в Согд и прилегающие области.

На горе Муг был также найден документ на древнетюркском языке. Несколько слов явно начинались с буквы j, что сигнализирует о йокающем диалекте, т.е. об обычном для рунических памятников литературном языке, близком к уйгурскому (Бернштам, 1951. С.68). Формула обращения в письме близка к согдийским корреспонденциям из Восточного Туркестана IV в. нашей эры. Предполагается, что это было деловое письмо, вероятно, к одному из принадлежащих Диваштичу людей, сообщающее ему о каких-то хозяйственных делах, связанных с обслуживанием табунов лошадей (Бернштам, 1951. С. 69, 71). Руноподобные знаки фиксируются и на изображениях живописи Варахши (Шишкин, 1963, С.155, 164). Сиро-тюркские надписи эпохи раннего средневековья обнаружены в горах близ Ургута (Мещерская, Пайкова, 1981).

Еще одна древнетюркская надпись была обнаружена к северу от Согда на южном склоне горы Кульджуктау (пустыня Кызылкумы, около 100 км севернее Бухары), в ущелье каньона Тозбулак. Надпись состоит из двух горизонтальных строк. В первой - 9, во второй - 2 знака. По мнению И.Л. Кызласова тозбулакские руны - ближайшая аналогия надписи на известной ачикташской палочке. Он отдельно выделяет ачикташский алфавит, представленный в настоящее время тремя надписями (Кызласов, 1994, С.60-61).

Тюркское присутствие в Согде, отраженное в письменных источниках, живописи, коропластике, типах вооружения остается малоизученным по чисто тюркским археологическим памятникам.

Пока мы имеем единственное на территории Согда древнетюркское погребение с конем, обнаруженное близ Самарканда. Для погребения с конем характерна широтная ориентировка. Следов каких-либо перекрытий могилы не обнаружено. Вскрыты и расчищены скелеты взрослого человека и коня, а также несколько металлических

и керамических изделий, сопровождавших погребения. По левую сторону человеческого скелета лежал спиной вверх скелет коня. На левой тазовой кости человеческого скелета лежала бронзовая пряжка от поясного ремня (Спришевский, 1951. С.34, 36). Она находит аналогии в кудыргинских материалах второй половины VI - начала VII в. (Овчинникова, 1990. С. 220-221, рис. 53).

На костях конского черепа найдены 24 серебряные бляшки, в челюстях стремя, на костях крупы бронзовая ажурная бляшка с изображением мифического животного (Спришевский, 1951. С.36).

Аналогии стремени из самаркандского погребения известны из Чуйской долины (Шер, 1961. С.280-281), а также и в кудыргинских памятниках (Гаврилова, таб. XII, 10, 14).

Среди металлических поделок наибольший интерес представляет бронзовая бляшка от конского убора. По форме она приближается к прямоугольнику, одна из коротких сторон которого выступает тупым внешним углом. По краю бляшка украшена глазками. Часть бляшки занимает ажурная орнаментация, а середину - изображение мифического животного, в котором сочетаются внешние признаки крупного хищника и птицы. Животное напоминает крылатого льва, эта бляшка аналогична кудыргинской (Гаврилова, таб. XXIV, 12), на бляшках совпадает не только поза спокойно идущего влево животного с поднятым хвостом и крыльями, но и сам стиль и детали изображения.

По совокупности всех приведенных материалов самаркандское погребение следует датировать VI - первой половиной VII в., т.е. кудыргинским этапом культуры алтае-телеских тюрок.

Судя то находкам древнетюркских каменных изваяний в южном Таджикистане (Жуков, 1978; Соловьев, 1985), вероятно, в Согде тоже существовали каменные скульптуры тюрок. Однако, к сожалению, до нас они не дошли.

Предметы материальной культуры тюрок обнаружены на различных поселениях и городищах Согда.

При раскопках Чечак тепа - одной из крепостей Южного Согда, расположенной при слиянии Тырса и Кызылдарьи, притока Кашкадарьи были обнаружены бронзовые бубенчики шаровидной формы, с прорезью внизу до половины шарика и петелькой для подвешивания. Подобные бубенчики хорошо известны по находкам на ранне-средневековых объектах Средней Азии. Они встречаются и в Семиречье, и Южной Сибири, нередко в курганных захоронениях VI-VIII вв. Ряд исследователей считает, что их могли ис-

пользовать, привязывая к сбруе коней (Дресвянская, 1994. С. 52).

Вооружение согдийцев VII-VIII вв. развивалось под воздействием тюркского. Пенджикентские стенные росписи, датированные, в основном, концом VI - началом VIII в., в сочетании с реальными вещами показывает, что вооружение согдийцев и тюрок было почти идентичным (Распопова, 1980. С.103).

Целиком тюркским влиянием объясняется появление наборных поясов в Согде. Для конца VI-VII вв. труднее проследить локальные отличия между поясами и сбруйными наборами Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы. В VII веке эта типологическая общность распадается почти одновременно с разгромом тюркского государства китайцами. Для конца VII-VIII вв. поясные наборы Сибири, Семиречья и Согда выделяются в обособленную группу (Распопова, 1980. С.108).

Исследователи отмечают, что тюркские и согдийские части поясных наборов настолько близки, что трудно сказать, кем изготовлен тот или иной предмет - тюрком или согдийцем (Распопова, 1980. С.109).

Тем не менее, мы попытались выделить те типы деталей наборных поясов, которые встречаются на обширной территории от Саяно-Алтая до самого Согда включительно, т.е. не имевших узко локального распространения.

Наиболее разнообразны накладные бляшки. Из широко распространенных типов отметим:

1. Прямоугольные с узкой прямоугольной же прорезью в нижней части.
2. Полукруглые со срезанной нижней частью и с прямоугольной прорезью.
3. Полукруглые со срезанной нижней частью и фестончатым краем и прорезью.
4. Сердцевидные.
5. Бляшки с прямыми одной боковой и нижней сторонами и скошенным верхним углом, который оформляется по-разному – фестонами, дугой, прямым наклонным краем. В нижней части бляшки прямоугольная прорезь.

6. Мелкие круглые бляшки (Распопова, 1980. С. 90; 23. С.104; Овчинникова, 1990. С.33, рис. 7).

Бляшки в основном характерны для катандинского этапа (VII-VIII вв.) культуры древних тюрок. Лишь третий тип встречается на туэктинском этапе (VIII-IX вв.) (Кляшторный, Савинов, 1994. С. 158, табл. IV).

Наконечники ремней представлены несколькими типами: 1. Прямоугольные. 2. С округлыми концами. 3. Удлиненные орнаментированные (Аржанцева, 1987. С.111; Распопова, 1980. С. 91,

рис. 64; Овчинникова, 1990. С. 189, рис.23). Они относятся к катандинскому этапу.

Пряжки также можно разделить на несколько типов: 1. Овальные (с вытянутой рамкой). 2. С В-образными рамками и др. Они датируются в пределах VII-VIII вв. (Распопова, 1980. С. 87, рис.1; Аржанцева, 1987. С. 98-102, рис. 2, 3, 7).

Общность некоторых областей материальной культуры оседлых народов Центральной Азии и кочевников-тюрков была связана с известной общностью интересов согдийских городов и тюркских каганов. Колонизационная деятельность согдийцев и их международная торговля по пути, проходившим через степь, была политически выгодна и приносила доходы тюркским каганам, которые покровительствовали согдийцам.

Тюрко-согдийское взаимовлияние проявлялось в различных областях культуры. Наиболее ярко это проявилось в Семиречье, где происходили тесные тюрко-согдийские контакты.

Влияние кочевой тюркской среды на материальную культуру Согда стало заметным в VII веке. Усиливаются элементы кочевой культуры в орнаментации сосудов (изображение стрел, насечек, зооморфных элементов на ручках сосудов). В оттисках штампов на стенках сосудов преобладают лица с тюркскими чертами. Интересен симбиоз сасанидской культуры с тюрко-согдийской. Значительное количество керамики, повторяющей в глине формы сасанидских серебряных сосудов, имело оттиски не только плодов граната, но и лица тюркских правителей (Лебедева, 1994. С.28).

Традиции искусства тюрков безусловно отразились в согдийской коропластике: появились изображения тюркских воинов-всадников (Мешкерис, 1977. С.57).

Тюрки изображались не только в коропластике, но и в живописи Согда. Ярким примером является живопись Афрасиаба. По мнению Л.И. Альбаума самая многочисленная группа фигур на западной стене афрасиабской живописи представляет собой изображения тюрков (Альбаум, 1975. С.28). Сравнивая изображения второй группы фигур в росписях Афрасиаба, с каменными изваяниями тюрков, можно найти много общего, что свидетельствует о тесных связях тюрков и согдийцев в VI-VIII вв.

В целом надо сказать, что господствующее положение тюрков в Центральной Азии делало их костюмы популярными на обширном простран-

стве. В этом случае в иногородней среде этнические знаки выступали как декоративный элемент, более того, костюм приобретал некоторые черты автохтонной среды. Например, тюркские кафтаны в живописи Афрасиаба не имели боковых разрезов на подоле, декоративной тканью обшивались только ворот и концы рукавов и в соответствии со стилем придворной одежды максимально удлинены. Но тюркская одежда в живописи Пенджикента уже имела боковые разрезы, обшитые декоративной тканью, декорируются полы и изменяется оформление ворота (Майтдинова, 1992. С.81). Сравнение костюмов в живописи Афрасиаба (VII в.) с пенджикентскими (нач. VIII в.) привело исследователей к выводу о том, что в VII в. тюркская знать была представлена в костюме, который приобрел лишь некоторые черты костюма местного согдийского населения, а к началу VIII в. он уже слился с согдийским (Лобачева, 1979. С.28).

В этот период протекают сложные процессы в сфере согдийского искусства, происходит столкновение двух противоположных направлений - искусства поздней античности и искусства кочевников - тюрков. В результате коренные изменения претерпевают древние традиции и рождаются новые этнические идеалы (Мешкерис, 1962, с.32).

Осевшая часть тюрков влилась в состав согдийского общества и внесла свой вклад в развитие местной культуры. Часть перешедших к оседлости тюрков, вероятно, приняла различные местные религиозные верования. Об этом, в частности, свидетельствует Феофилакт Симокатта, упоминающий тюрков-христиан VI века из Бухарского оазиса (Феофилакт Симокатта, 1996, с.146).

Анализ имеющихся материалов привел к выводу о том, что в эпоху Первого Тюркского каганата хотя и происходило переселение тюрков в Согд, тюркское влияние в материальной культуре Согда было незначительным. Этот процесс усилился в период Западнотюркского каганата и, вероятно, продолжался вплоть до установления господства арабов. Изучение изображений в живописи Афрасиаба и Пенджикента показало, что в VII в. тюрки Согда сохранили свои этнографические черты, а в VIII в. уже чувствовалось сильнейшее влияние согдийской культуры. Предполагается, что на основе взаимовлияния согдийской и тюркской традиции возникла синкретическая культура.

Использованная литература

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Аржанцева И.А. Пояса на росписях Афрасиаба // ИМКУ. Ташкент, 1987. Вып. 21.

- Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI-IX вв. (типология, иконография, историческая интерпретация). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1995.
- Бернштам А.Н. Древнетюркский документ из Согда (предварительное сообщение) // Эпиграфика Востока – 1951 - вып. 5.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т. М.-Л., -1950 - т. 1.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т. М.-Л., -1950. Т. 2.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.- М.-Л., 1965.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дресвянская Г.Я. Металлические изделия из крепости Чечак тепа // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1994. № 5.
- Жуков В.Д. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1978. Вып. 3.
- Кадырова Т. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане в VIII - начале IX в. Ташкент, 1965.
- Камалидинов Ш.С., Мухаммедов У.З. Новые данные по истории Средней Азии эпохи арабских завоеваний // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1997. № 12.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X.
- Кляшторный С.Г. Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. М., 1994.
- Лебедева Т.И. Сельская округа и ее роль в формировании раннесредневекового Самарканда (по материалам сельской округа Самарканда). Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Ташкент, 1994.
- Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Юридические документы и письма. М., 1962.
- Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989.
- Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Майтдинова Г.М. Этнические знаки в раннесредневековом костюме населения Средней Азии // Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент, 1992.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
- Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог. Л., 1962.
- Мешкерис В.А. Корoplastика Согда. - Душанбе, 1977.
- Мещерская Е.Н., Пайкова А.В. Сиро-тюркские наскальные надписи из Ургута // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI -X веках.- Свердловск, 1990.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда.- Л., 1980.
- Распопова В.И. Раннесредневековый согдийский город. Автореф. дисс. докт. ист. наук.- Санкт-Петербург, 1993.
- Симокатта Феофилакт История. Перевод С.П. Кондратьева. М., 1996.
- Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
- Соловьев В.С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // Советская археология. М., 1985. № 2.
- Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Тр. Музея истории народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1951.
- Табари. История. Перевод с арабского В.Беляева. - Т., 1987.
- Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X.
- Шер Я.А. Погребение с конем в Чуйской долине // Советская археология. М., 1961. № 1.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Шювен П. О византийских посольствах к первым тюркским правителям Согда (Проблема ономастики и топонимики) // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1995. № 1-2-3.

Г.И. Богомолов

ОБРАЗ ГОПАТШАХА В ЧАЧЕ

Ташкентский оазис, известный в древних и средневековых письменных источниках как Чач, один из крупнейших историко-культурных регионов Узбекистана. Благодаря своему географическому положению и мощным экономическим ресурсам, он занимал ведущее положение на правобережье Средней Сырдарьи и распространял свое влияние далеко на север в районы Южного Казахстана и на восток, в районы Западной Ферганы. Об интенсивности социальной и экономической жизни края свидетельствует большое количество археологических памятников. К сожалению, находки художественной культуры пока немногочисленны. Тем не менее, они являются важным источником по духовной культуре древнего населения региона. Многие из этих памятников иллюстрировали бытовавшие среди древнего населения религиозные представления и отражали культурные связи, иногда уходящие в глубоко древность.

Некоторые из образов сверхъестественных существ, казалось бы, имевших исторические корни в регионе Ближнего Востока, выявлены в Ташкентском оазисе. Такова терракотовая ранне-средневековая поделка в виде двуглавой змеи, покрытая мелкими наколами стека. Но особый интерес в этом плане представляет образ диморфного существа с туловищем быка и головой человека, известного в научной литературе как Гопатшах. Находки с его изображением немногочисленны, они были найдены почти во всех историко-культурных областях Средней Азии. Две из них происходят из Ташкентского оазиса. Первая - небольшая каменная печать из халцедона, найденная в разрушенных слоях VI-VIII вв. в северо-восточной части шахристана II городища Канка. Печать оформлена в виде ложного перстня. В центре овального камня просверлено круглое отверстие для шнура, на котором печать подвешивалась. Одна из боковых сторон спилена и образует уплощенную овальную площадку (2,1x1,3 см), на которую в два этапа было нанесено изображение. Первоначально мастер широким резцом сделал углубления для рельефности изображения, как бы схематичный контур будущего образа. На следующем этапе короткими штрихами нанесено изображение крылатого быка с бордатым лицом человека. Образ его выполнен сухо, скупыми точными штрихами. Нос прямой, массивные губы переданы парой параллельных коротких черточек. Борода - длинной клиновид-

ной формы. На голове персонажа тиара с зубцами - черточками разной высоты. Крыло поднято вверх, и верхушка загнута крючком вперед. Горизонтальными черточками на груди персонажа показаны складки мышц, а вертикальными - ребра на туловище. Над крупом существа прочерчена звезда, а у передних ног - веточка. Оба эти знака были призваны подчеркнуть сверхъестественную сущность образа и вместе с утрированным половым органом, указывать на то, что это существо связано с идеей плодородия (рис. 1, 1).

Вторая находка - это небольшая терракотовая поделка - очажная подставка VI-VII вв., обнаруженная в производственном комплексе в юго-западной части рабада Канки. Поделка длиной - 8 см, высотой - 10 см, ширина прямоугольного основания - 6 см. Верхушка, обычно оформлявшаяся двумя коническими рожками, в данном случае замещена двумя антропоморфными головками, из которых сохранилась только одна, другая сколота и утрачена. Сама голова грибовидной формы. У персонажа - короткий нос и круглые глаза - пуговички. Тонкой палочкой-стеком прочерчена волнистая борода. Верхнюю часть головы венчают плотно прилегающие к ней рога. Поделка покрыта светлым ангобом (рис. 2, 8). Совершенно очевидно, это местная продукция, на что указывают материал, традиционность формы изделия и само место находки, в комплексе бракованной керамики из печи (Абдуллаев, 1974, рис. 4, 23).

В интерпретации персонажа подобные изображения обычно связывают с отрывком из «Менок-и-храд», пехлевийского религиозного сочинения VI в. н.э. «С ног до половины тела (он подобен) быку, а с половины тела и до головы (имеет) образ человека. И он сидит на берегу реки (моря), совершает возлияния Ахура Мизде и язатам и наблюдает за (священным, первородным) быком Хадайош...» (Тревер, 1940. С 75; Рак, 1998. С. 105; Зороастрийские тексты, 1997. С. 120). Речь идет о Гопатшахе, мифическом охранителе и покровителе воды и орошения. В отрывке подчеркивается, что когда Гопатшах льет в море (реку) священную воду, тогда бесчисленные мириады храфстра подымают от этого (Рак, 1998. С. 105).

Этимология имени Гопатшах достаточно прозрачна, но трактовка его среди исследователей неоднозначна. Так современный исследователь зороастрийских текстов О.М. Чунакова считает, что Гопатшах это дозороастрийское божество, в

описании которого отразилась поздняя зороастрийская легенда, вызванная ложной этимологией Гопат из «gau-pada»- «имеющий ноги быка». Правда, при этом не исключается и вероятность выведения слова из авестийского «Гаопати»- дословно «бычий хозяин» или «хозяин быка», где под последним понимается священный бык Хадайош, которому отводится важная роль в будущем воскрешении. Тем более, что эта же роль приписывалась самому Гопатшаху (Зороастрийские тексты, 1997. С. 21). В любом случае это показывает, что и имя и облик этого существа сохранили остатки прежних представлений, некогда наделявших его жизненно важными функциями.

Образ человека быка – один из древнейших, в искусстве Месопотамии известен с III тысячелетия до н.э. Человекоподобный бык был важным местным символом. Скульптура этого фантастического существа из мелкозернистого кальцита происходит из аккадского церемониального комплекса в Телль – Брака (датируется второй половиной III тыс. до н.э.). Предполагается, что скульптура была парной и представляла собой второстепенное божество (Оатес Д., Оатес Дж., 1996. С. 159). О популярности этого образа свидетельствуют многочисленные повторения его изображений на поздних раннединастических и аккадских печатях (Buchanan, 1966). Грозные крылатые быки в тиарах с человеческими лицами (шеду) охраняли вход в Хорсабадский дворец царя Саргона II. Считалось что Шеду, были стражами царских чертогов и охраняли его от всевозможных видимых и невидимых врагов. В ахеменидский период они обрамляли вход во дворцы Ксеркса в Персеполе и Кира в Пасаргатах. В последующее время в иранском искусстве человекобык сохраняется как второстепенное божество, и из образов монументального искусства окончательно перемещается в мелкую пластику, больше связанную с образами народных представлений. В позднесасанидском искусстве это один из популярных персонажей глиптики. Только в собраниях Гос. Эрмитажа в Санкт-Петербурге хранится более десятка позднесасанидских печатей с изображением человекобыка (Борисов, Луконин,

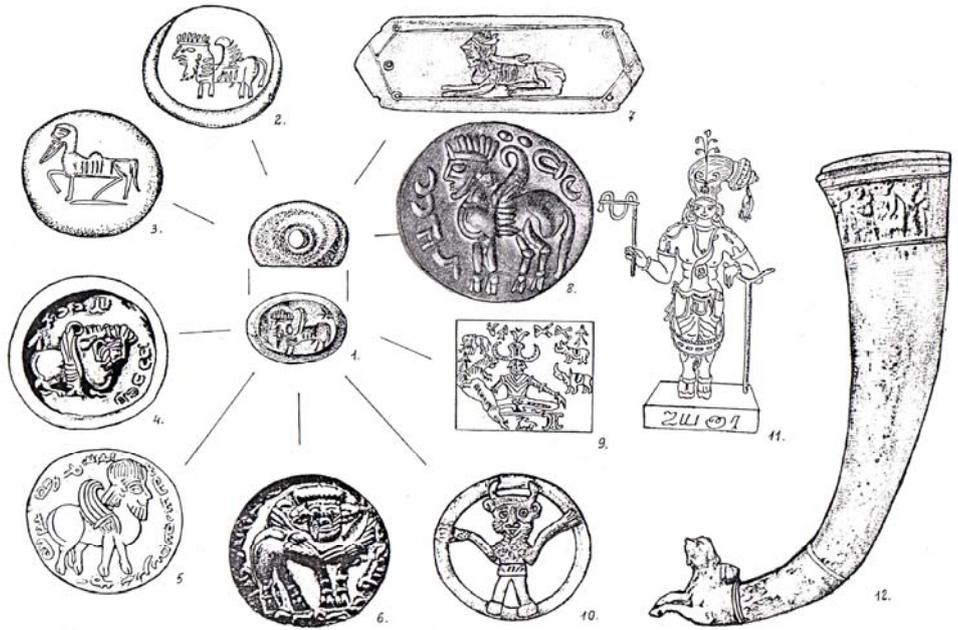

Рис. 1. Гемма-инталия с городища Канка с изображением Гопатшаха и ее аналогии

1963, № 266-276).

В Средней Азии образ этого диморфного существа был также хорошо известен и популярен. Правда, в отличие от Древней Месопотамии и Ирана человекобык здесь практически не представлен в монументальном искусстве, большинство его изображений связано с предметами мелкой пластики (терракотовые фигурки, керамика и печати). Причем, последние представлены в основном геммами-инталиями и считаются исследователями привозными, хотя материал, из которого они изготовлялись - халцедон, агат, сердолик - минералы, издавна добывавшиеся в Средней Азии. Необходимо отметить еще один момент – уже в искусстве Древней Месопотамии во второй половине II тысячелетия до н.э. выделяются два типа изображений человекобыка. Первый – диморфное существо, бык-андрокефал, с мощным туловищем быка и бородатой головой человека, иногда с крыльями на спине (видимо, призванных подчеркнуть его божественную сущность), иногда без них.

Второй тип - существа с бычьими ногами, но с торсом, руками и головой человека. Причем персонаж тоже всегда бородач и голова его увенчана рогами или шапкой с рогами. Иногда этот персонаж тоже наделялся крыльями. В глиптике часто эти итифаллические существа стоят по сторонам от крылатой двери или обнаженной богини.

В Средней Азии практически все изображения человекобыка типологически относятся к первому типу (андрокефалу) и по наличию или отсут-

ствию определенных элементов распределяются на следующие варианты:

а) бык-андрокефал с крыльями и короной на голове;

б) бык-андрокефал без короны;

в) бык-андрокефал без крыльев и короны.

Исследователи традиционно отождествляют их с Гопатшахом, хотя эти изображения разнятся с описанием из Менок-и-храд. VI-V вв. до н.э. датируются две печати с изображением Гопатшаха из коллекции Б.Н. Кастальского в Самаркандском историческом музее. Первая из них - печать из халцедона конической формы, на круглом основании которой вырезан зебувидный бык-андрокефал с длинным туловищем (рис. 1, 3). Причем горб изображен почти по середине спины (хребта). Короткими вертикальными черточками показаны ребра. Существо наделено крупной круглой мужской головой на длинной шее, у него массивный прямой нос, глаза и брови переданы короткими черточками. Характерно наличие длинной клиновидной бороды. Человекобык показан в движении, шагающим влево. Горизонтальной чертой передан уровень земной поверхности (Ремпель, 1987. С. 52, рис. 20, а, Шедевры..., 2004, № 42).

Вторая печать определена как изготовленная из альбита (Шедевры..., 2004. С. 62, № 43), но более вероятно, что это нефрит. Внешне она оформлена в виде руки сжатой в кулак, большой палец сбоку. Кстати, амулеты «кулачки» имели широкое распространение в эпоху античности. Однако здесь в нижней части кулака, внутри сжатого в кольцо мизинца нанесено изображение человекобыка (рис. 2, 2). У него крупная голова и небольшое туловище с короткими ножками-черточками. Характерны: крупный прямой нос, губы, переданные двумя горизонталями-черточками, и ниспадающие на шею длинные прямые волосы из-под мягкого конического колпака. Над существом выбиты три клинописных знака или их имитация.

На ритонах из Новой Нисы парфянского времени (II-I вв. до н.э.) имеются изображения зебувидного быка-андрокефала. Причем иногда это молодой мужчина, иногда – женщина, т.е. на нисийских ритонах изображался не только человекобык, но и его женская ипостась (рис. 1, 12).

Еще одной находкой с изображением человекобыка, связанной со среднеазиатским регионом, является золотой перстень-печать из Амударьинского клада. У него гладкая стремевидная шинка и плоский овальный щиток с изображением шагающего влево крылатого быка с бородатой мужской головой в короне с четырьмя зубцами. По-

казательно, что крылья подняты вверх и концы их загнуты вперед, хвост тоже поднят вверх и загнут петлей вперед, а под ногами горизонтальной чертой отражена земная поверхность. Над существом по краю щитка - арамейская надпись из 4 букв, которую Й. Марквард переводил как «Вахшу». И.М. Дьяконов, М.М. Дьяконов и В. А. Лившиц читали ее как Рахшан-Роксана. Перед лицом - знак в виде кружка с отходящими от него двумя отростками и напоминающий знак – символ созвездия Тельца. В целом печать датируется IV-III вв. до н.э. (Зеймаль, 1979. С. 61, № 105).

Ряд находок связан с территорией Хорезма. В Шаватском районе на одном из городищ в слоях V-III вв. до н.э. была найдена терракотовая фигурка в виде быка с безбородой мужской головой (Мамбетуллаев, 1981. С. 455). Из Султан-Уиздага происходит каменная капитель размерами 97,5x40,5x24,5 см, составленная из парной протомы мифического существа человекобыка в лежащей позе, т.е. с поджатыми под туловище ногами. У существа крупная голова, но черты лица наме-

Рис. 2. Очажная подставка с городища Канка и другие образы человекобыка в искусстве

чены довольно схематично. Выделяется крупный прямой нос, большие миндалевидные глаза, контуры которых пробиты довольно слабо. Нижняя часть лица оконтурена короткой острой бородкой. Сверху голова уплощена, а массивные рога загнуты вниз и вперед (рис. 2, 6). Предполагаемая датировка капители V-IV вв. до н.э. (Ремпель, 1987, рис. 43, е).

В Восточном Приарале в подземном склепе кургана № 73 могильника Алтынасар 46 найдены две геммы из светло-серого халцедона. На одной из них вырезано очень схематичное изображение фантастического существа с туловищем животного, с копытами и коротким торчащим хвостом, но с человеческой головой. Несколькими короткими штрихами на туловище переданы, видимо, крылья. Предполагается, что это стилизованное изображение Гопатшаха. Опираясь на штриховую манеру нанесения изображения и круг аналогий, исследователи считают ее привозной из Ирана, а примитивность изображения объясняется тем, что она была изготовлена по заказу частного лица. Датировается гемма IV-V вв. н.э. (Левина, Никитин, 1991. С. 57, 64).

О популярности этого образа свидетельствуют и другие находки. В собраниях Государственного Исторического музея Республики Узбекистан в Ташкенте к южным районам Узбекистана, т.е. к Бактрии, отнесены две вещи с изображением Гопатшаха. Первая из них - небольшая гемма - инталия из оранжевого сердолика (1,4x1,25 см). Происходит из коллекции И.Т. Пославского и была найдена в районе Термеза. Большую часть печати занимает стоящая фигура человекобыка. У персонажа - большая голова с крупным прямым носом, большими полуовальными глазами, короткой бородкой, узкой полоской, обрамляющей лицо. Волосы округлыми буклями падают на шею. На голову одета девятизубчатая тиара. Округлая грудь горделиво выпячена вперед. Круп тоже округлой формы и больше похож на лошадиный. Это впечатление усиливает необычно широкий опущенный вниз хвост. Кроме того, у персонажа имеются крылья. Они подняты вверх. На крыле выделены перья, а верхушка загнута почти в кольцо и направлена вперед. За спиной и спереди перед человекобыком вырезана пехлевийская надпись (рис. 2, 5). По мнению Н.Э. Вундцеттеля, надпись представляет собой разделенное надвое слово «ras .ti» - «справедливость» (Пугаченкова, 1956. С. 85). Сложен вопрос датировки геммы. Н.Э. Вундцеттель, опираясь на стиль письма, относил ее к VII - началу VIII вв. н.э. Г.А. Пугаченкова считала ее ахеменидской, близкой греко-персидским инталиям V-IV вв. до н.э. и предлага-

ла датировать концом IV в. до н.э., с нанесением на ней в VII в. н.э. пехлевийской надписи (Пугаченкова, 1965. С. 86). Действительно, тиара человекобыка напоминает рифленые высокие шапки персидских гвардейцев в рельефах лестницы ападаны и лестницы трипилон дворца Ксеркса в Персеполе (Луконин, 1977. С. 67, 69). Такая же шапка или тиара на голове небесного быка Шеду на золотой пекторали из Зивие (Луконин, 1977. С. 48) и сфинкса на золотом диске (нашивной бляшке) из Амударьинского клада (Зеймаль, 1979. С. 47, №27). На этом все сходство кончается, остальные детали (корпус, ноги, точнее копыта, крылья), заметно отличаются и обнаруживают большую близость к раннесасанидским образцам. Наконец, и сам стиль изображения отличается от греко-персидских образцов, хотя это не штриховая манера, характерная для сасанидских инталий VI-VIII вв. Круг аналогий геммы и надпись с разделным написанием букв ограничивают датировку геммы IV-V вв. н.э.

Второй предмет - это тонкая пластинка из нефрита в форме горизонтально вытянутого шестиугольника с двухсторонним изображением. На одной - бюст бородатого мужчины, лицо, одежда которого покрыты короткими вертикальными штришками. На другой - изображен лежащий Гопатшах с выброшенными вперед передними ногами и поджатыми под туловище задними. У него массивная голова с крупным носом. Глаза - щелочки. Губы переданы двумя черточками. Борода - короткая, клиновидной формы. Волосы собраны в сложную прическу, нижние - падают на плечи длинными прямыми прядями, верхние собраны и зачесаны вверх и уложены вокруг коротких рожек (рис. 1,7), либо, как считает Э.В. Ртвеладзе, трехзубчатой короны (Ртвеладзе, 1995. С. 67, рис. 3). В целом изображение передано в условно-схематичной манере, поэтому не все детали изображения можно атрибутировать. На спине персонажа Э.В. Ртвеладзе предполагает наличие небольшого горба, за которым видно крыло. Э.В. Ртвеладзе считает, что пластинка была изготовлена в Бактрии на грани юечжийского и раннекушанского времени, т.е. в I в. н.э. (Ртвеладзе, 1995. С. 70).

Изображения этого фантастического существа известны в Центральном Согде. Таково изображение человекобыка на плечиках хума из Талибарзу под Самаркандом. Он сохранился не полностью, но видно, что он не имел ни короны, ни крыльев. В то же время у персонажа - массивная голова с крупным прямым носом, миндалевидными глазами и короткой бородкой. По мнению К.В. Тревер, изображение датировается VIII в. до

н.э. (Тревер, 1940. С. 17). Однако сейчас эту датировку, основанную на выводах Г.В. Григорьева, следует пересмотреть в сторону ее значительного омоложения, и отнести ее к II-III вв. н.э.

Другая находка из Самаркандского Согда это резной камень – печать, оформленная в виде ложного перстня из халцедона, найденная в слое VII в одном из домовладений Пенджикента (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1983. С. 484-485). На округлом щитке (2,4x2,2 см) в штриховой манере нанесено изображение крылатого быка с головой человека (Гопатшаха). Он показан стоящим в статичной позе с непропорционально крупной головой, с большим прямым носом. Губы переданы горизонтальными черточками. Кроме того, у него окладистая борода и венец на голове. Вместе с тем у персонажа – туловище с высоким крупом, но маленькими ножками, раздвоенные концы которых изображают копыта. Вертикальные черточки на туловище передают ребра, а горизонтальные – складки на груди. Крыло поднято вверх, и конец его загнут вперед. Видимо, намеком на функциональное предназначение изображения служит специально подчеркнутый половой орган существа (рис. 1, 2). В целом, пенджикентский Гопатшах аналогичен изображению человекобыка на канкинской печати и отличается отсутствием веточки перед существом и звезды над его крупом.

В научной литературе неоднократно высказывалось мнение, что печати этого круга являются продукцией мастерских Сасанидского Ирана, откуда они поступали в Среднюю Азию посредством торгово-экономических связей, либо как добыча во время военных набегов (Левина, Никитин, 1991. С. 63). Однако этот вывод, видимо, не является аксиомой. Он легко объясняет появление камней на территории Средней Азии, но как быть с изображениями человекобыка на предметах местной материальной культуры (керамике, очажных кирпичах – подставках), которые не могли быть привнесены из Ирана. Вероятней всего, образ человекобыка был с древних времен хорошо известен народам Средней Азии и, в свою очередь, являлся частью более широкого круга представлений, связанных с зооморфными культами, в том числе быка. Безусловно, эти представления были общими и для Ирана и для Средней Азии, т.к. восходят еще к индоарийскому пласту и даже глубже к эпохе палеолита, когда бык – желанная добыча, важная для существования всего коллектива. Поэтому изображения быков становятся одним из излюбленных сюжетов наскальной живописи. Бык превращается в культовое животное, которое наделя-

лось сверхъестественными свойствами и олицетворяло мощь, свирепость, крепкое здоровье, обилие и плодовитость.

Ташкентский оазис, где были сильны кочевнические традиции, как и другие присырдарьинские регионы, по существу, являлся маргинальной зоной с постоянным взаимовлиянием кочевнических и оседло-земледельческих культур. Тем более, что кочевники издавна были частью его населения, у которого культ быка был особо популярен. Отражением последнего являются терракотовые фигурки бычков, носики – сливы сосудов и очажные подставки в виде сильно схематизированных бычьих голов, ставших одной из характерных черт каунчинской культуры (Левина, 1971. С. 110, рис. 16-17, 20, 49; Богомолов, Алимов, 1996. С. 164-165). Причем при передвижении каунчинских групп населения на юг они принесли с собой на территорию Согда и эту традицию. Бычьи подставки появляются в долине Кашкадарьи и в Самаркандском Согде. Интересно, что здесь в районе Кошрабада, в местности Булакбаши при раскопках поселения были обнаружены не только зооморфные подставки (с головой козла или быка), но и с человеческими, женскими головками с 3-4-мя косичками (Пугаченкова, 1989. С. 113). Совершенно очевидно, что эти переселенцы с присырдарьинского региона принесли с собой и привычные (важные для них) мифические образы. Сакрализация крупного рогатого скота сохранялась у согдийцев и позже, об этом свидетельствуют многочисленные предметы раннесредневекового искусства (Беленицкий, 1979. С. 88-93). Более того, XI-XII вв. датируется штампованный сосуд из Тали Барзу, на тулове которого изображены три пары быков, стоящих на задних ногах в геральдической позе. Между каждой парой нанесено схематическое изображение дерева. Над каждой парой животных помещен полумесяц, а фон вокруг них покрыт кружками и рельефными звездочками (Лунина, 1956. С. 157).

Как рудимент прежних верований, образ быка сохраняется в народном искусстве средневекового Чача. Известны находки фигурок бычков среди средневековых игрушек, с городища Канка происходит глазурованное блюдо XI века с шестью быков (буйволов). В соседнем с Чачем регионе, в Отрарском оазисе, на городище Куйрыктобе была сделана находка, свидетельствующая о живучести образа Гопатшаха. Его изображала ручка неполированного кувшина IX-X вв., покрытого красным ангобом с залащиванием (Байпаков, 2005, рис. 51). Оформление традиционно: скобообразный ствол ручки символизировал туловище существа, а налуп-упор – голову, увенчанную

большими рогами. Лицо получилось вытянутой формы. Защицами переданы округлые уши, острием ножа или стека прочерчены большие миндалевидные глаза, в которых наколом показаны зрачки. Под глазами веером отходят ресницы. Нос - небольшой, выделен защипом, наколами обозначены ноздри. Нижнюю часть лица украшает небольшая клиновидная борода. На голове персонажа - колпак треугольной формы, украшенный наколом и насечками (рис. 3). Совершенно очевидно, что изображение несло не столько декоративное, сколько магико-охранительное назначение.

Однако вместе с тем образ человекобыка (Гопатшаха) наделялся и другими свойствами. Обращаясь к его изображению, как существу связанному с плодородием, плодоносящими силами природы, видимо, надеялись заручиться его поддержкой или получить часть его свойств.

По мнению ряда исследователей, образ человекобыка или быка, восходит к тотемизму, затем в переосмысленном виде связывается с культом плодородия и земледелия. Скорее всего, это объясняется тем, что с развитием земледелия образ быка приобретает новое значение в жизни древнего общества, особенно с того момента, когда увеличивается его роль в хозяйстве, когда быков стали использовать как тягловую силу при обработке земли. Почитание быка определялось той ролью, которую он начал играть в хозяйстве. При этом сама пахота, воспринималась как ритуальное действие, как эротическая связь между землей (полем) и пахарем. Неслучайно бык в представлениях земледельцев связывался с произрастанием посевов, позже сам его образ стал символизировать плодородие, олицетворяя производящие силы природы. Видимо, именно этим объясняется связь с образом быка богов, дающих плодородие. Достаточно вспомнить быков Гелиоса (древнегреческое божество Солнца) или Зевса (бога-громовержца, дарителя хорошей погоды, а в некоторых частях Греции почитавшегося как божество плодородия), принявшего образ могучего, прекрасного быка, чтобы похитить красавицу Европу. При этом бык выступает либо как воплощение самого божества, либо как его жертвенное животное.

Не менее интересны представления о Дионисе, чей культ был широко распространен в эллинистическом мире и который, несмотря на то, что почитался как божество растительности, нередко изображался в виде быка или с бычьими рогами. Показательны и его эпитеты: «бык», «рожденный коровой», «быколикий», «двурогий». Считалось, что он был первым, кто запряг быков в плуг, ко-

торый до этого люди тянули вручную. Некоторые из исследователей видели в этом следствие того, почему Диониса нередко представляли в обличье быка. Однако на устойчивость этой связи указывает параллельный цикл мифов о младенце Дионисе-Загрее, который родился рогатым и был убит в образе быка подосланными к нему титанами, когда спасаясь от их нападения он поочередно превращался то в Зевса, то в юношу, то в лошадь, то в льва и змею (Фрезер, 1980. С. 430-432).

Согласно различным версиям мифа - его разорванное на куски тело собрала и соединила вместе его мать Деметра. После этого Дионис восстал из мертвых и вознесся на небеса. По другой версии - сам Зевс дал ему второе рождение, подмешав его измельченное сердце к снадобью смертной женщины Семелы, которая, выпив его, родила Диониса заново.

Поэтому типичной чертой дионисийского культа стало разрывание на части и пожирание живьем олицетворявших бога быков и телят. Участники культа верили, что, убивая бога, поедая его плоть, таким образом, они приобщались к его силе. В мифах упоминается и человекобык - чудовище Минотавр. Любопытно его имя Астерий - «Звездный», хотя он обитает в подземном лабиринте и требует кровавых человеческих жертв. Считается, что Минотавр - ипостась божества хтонического круга Зевса Критского, известного также как Зевс Лабрандский, этимология которого, возможно восходит к слову «лабрис» - «лабиринт» или двойному двулезвийному топору, священному атрибуту Зевса, магическому оружию, которое убивает и дает жизнь. Как символ Зевса, его разрушительной и созидательной силы, это изображение двойного топора между

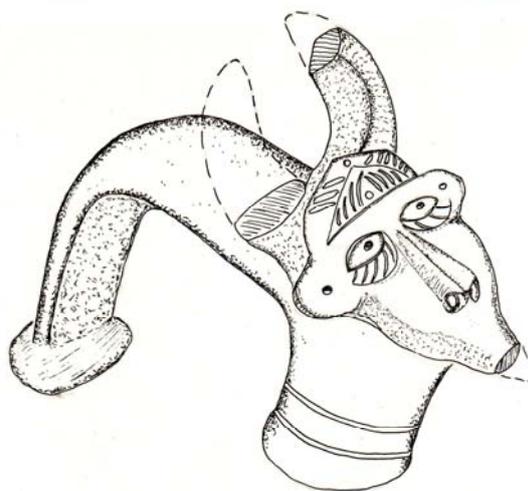

Рис. 3. Изображение Гопатшаха на ручке сосуда с Куйрыктобе

рогами быка нередко наносились на ритуальные предметы.

Образы человекобыка и быка-андрокефала были очень популярны в протоэламском, шумеро-аккадском и ассиро-вавилонском искусстве, что позволяет говорить об их заметной роли в мифологии Древнего Двуречья. В сюжетах раннединастической глиптики быки-андрокефалы были связаны с солнечным божеством. Они – магические стражи его обители (Афанасьева, 1979. С. 57). Соответственно и в народных представлениях эти полубожества воспринимались как защитники, духи-охранители, чьи изображения должны были защитить человека от дурного глаза, несчастья, козней колдунов и демонов, а в случае пренебрежения к ним, могли наслать болезнь или бедствие. Их наделяли силой и свирепостью. Вспомним небесного быка из мифа о Гильгамеше, созданного богом Ану по просьбе богини Иштар и посланного ею на город Урук. На некоторых вавилонских печатях его изображали в виде быка-андрокефала.

Видимо, именно эти соображения предопределяли выбор выставления гигантских скульптур крылатых (т.е. небесных) быков-андрокефалов-шеду как магической стражи у входа в царские дворцы ассирийских правителей (Саргана II, Ашшурнацирапала II, Асархаддона и Ашшурбанапала). С другой стороны, с конца III тысячелетия в вавилонском обществе складываются представления о наличии у каждого человека нескольких личных духов-защитников. И здесь проявляются новые черты, вполне соответствующие мышлению архаического общества, обращение к креационному магическому действию (т.е. создание подобия объекта для достижения определенной цели). В данном случае сохранение или даже подчеркивание зооморфной природы человекобыка для приобщения к его определенным свойствам. Показательно, что первая пара, илу и иштари, ведала благополучием, удачей и судьбой человека. Вторая - шеду и его женская ипостась ламаси были духами-охранителями (Клочков, 1983. С. 44-45) и, что не менее важно, считались воплощением жизненной силы индивидуума, его сексуальной потенции. Бычьи черты шеду как нельзя лучше должны были подчеркивать эту функцию и обеспечивать плодovitость. Недаром шумерское соответствие аккадскому «шеду» - «алад» выводится исследователями из семитского, со значением - «производить потомство» - (Оппенгейм, 1980. С. 205).

Примечательно, что в представлениях древних вавилонян о небесном быке он нередко выступал в качестве символа бога грозы. Могучий бык,

оплодотворяющий тучи-коров, он повелитель небесной влаги, важной для плодородия полей. Эта аллегория имела широкое распространение. Так в угаритском мифе о богине Анат и боге Бале, последний сравнивается с диким быком, «буйволом, седлающим тучи» (Хук, 1991. С. 75). Видимо, вследствие этих представлений земной правитель уподоблялся небесному быку, повелителю туч, считался носителем плодородия и благополучия и как обладатель этих качеств носил шапку с бычьими рогами.

Схожие представления, видимо, бытовали в протоиндийском пантеоне, где образ буйвола занимал одно из самых высоких мест в иерархии божеств и отождествлялся с планетой Юпитер, обращение которой составляет 12 лет. Двенадцатилетний цикл планеты лег в основу божественной и практической хронологии протоиндийцев (этот цикл приравнивался к году богов). Возможно, жертвоприношение буйвола символизировало начало года и совершалось во время летнего солнцестояния. Но самое главное, образ буйвола в протоиндийской культуре оказался связанным с божественной парой – верховным богом и его супругой. Причем бог Вароли вобрал в себя несколько функций: бога разлива, владыки вод, покровителя Запада, владыки мира усопших, а также божества, управлявшего одним из сезонов года - сезоном дождей (Волчок, 1986. С. 80).

Показательно, что на печатях из Мохенджо-Даро он изображался в шапке с большими буйволиными рогами (Волчок, 1986, рис. 2).

Та же устойчивая связь быка с водой и дождевыми тучами прослеживается в верованиях народов Средней Азии. Показательны в этом плане представления тюркских народов о камне яда, обладавшем магическими свойствами: вызывать или прекращать дождь, утолять жажду, если держать его во рту. Он напрямую связан с животными. Во-первых, считалось, что эти особые камни можно найти только в желудках коров или овец. Во-вторых, если корова будет держать камень во рту, то прямо над ней появляются облака. Все это опосредствованно, но возвращает нас к ассоциированному ряду - коровы-тучи, бык-ветер, складывавшимися в представлениях древних земледельцев и скотоводов, чье почитание необходимо для орошения полей и произрастания растительности. Именно эту направленность имели некоторые обычаи и обряды, сохранявшиеся в среде сельского населения Узбекистана согласно этнографическим материалам. В Хорезме еще в начале XX века быка приносили в жертву Амударье с целью обеспечения обилия воды в каналах и богатого урожая. Осколки некогда связанного ри-

туала почитания быка и вообще сакрального значения крупного рогатого скота прослеживаются в авестийско-зороастрийской традиции. Например, коровье молоко здесь до сих пор считается священным, наряду с маслом - это жертвенный продукт, один из компонентов ритуального напитка хаомы. Показательно, что и коровья моча наделялась сакральными функциями и использовалась для очищения тела человека, вольно или невольно соприкоснувшегося с «нечистым». О значимости быка в представлениях зороастрийцев свидетельствует его роль в сотворении существующего мира. Согласно которым из тела первородного быка произросли 55 видов зерна, 12 лечебных растений, а из его семени - бык и корова.

Видимо, образ Гопатшаха-человекобыка возник здесь автохтонно и восходит к индоарийскому пласту. На это указывают рудименты представлений о диморфности образов таких греческих божеств как Зевс, Дионис и персонажей поздних фольклорных сказок. Тогда как иконографическое оформление (восприятие) образа явно было заимствовано из искусства Ассирии и Вавилона, однако уже в ахеменидский период в него начинают вкладывать другой религиозный смысл (Тревер, 1940. С. 71-72).

Показательно, что само имя «Гопатшах» - трехкомпонентно, где первые два компонента восходят к авестийскому «гао-пати»-«владыка скота» а третий значительно более позднее пехлевийское добавление - титул «шах» («правитель») (Ртвеладзе, 1995. С. 72). Видимо, архаичное «гаопати» к этому времени утратило свое былое значение. Не менее кардинально меняются и функции божества. Если в архаический период это дозороастрийское божество - хозяин скота, сам полузооморфного вида (но в то время податель обилия и плодородия), то позже функции его сужаются, и он трансформируется в духа-охранителя. Тем не менее, в народных верованиях, что, видимо, отразилось в иконографии образа, сохранялась былая преэминентность, в виде зооморфных черт, иногда крылатость, указывающая на его связь с воздушной стихией (небом) и тучами, носителями небесной влаги. Очевидно, в народных верованиях образ Гопатшаха переплетался с сакральной значимостью крупного рогатого скота, где культ быка был связан с водой, как покровителя орошения. Более того, в отдельных регионах эти функции могли расширяться. Так, в Ташкентском оазисе, в материалах каунчинской культуры эти образы были связаны с домашним очагом и отождествлялись с духом дома, обеспечивавшим благополучие и достаток семьи. На некоторых типах рогатых очажных

подставок даже специально устраивались небольшие лунки для кормления этого духа-охранителя. Причем иногда подставки оформлялись в виде Гопатшаха и его женской ипостаси.

Не менее важно и другое, в верованиях многих народов бык, а вместе с ним фантастические диморфные существа, сочетавшие человеческие и бычьи черты, воспринимались как символ производящих сил природы. Такова природа итифаллических фигур человекобыков по бокам обнаженной богини в шумерской глиптике и поздних печатей с изображением Гопатшаха из Пенджикента и Канки, гигантских быков-шеду у входа в царские дворцы ассирийско-вавилонских и ахеменидских правителей, очажных подставок и винного кубка-ритона из Ташкента.

Показателен здесь сам подход к изображаемому объекту. Это не буквальное воспроизведение реального объекта, а скорее концептуальное, т.е. стремление передать часто весьма схематично изображение универсального, легко узнаваемого для окружающих символа, который по этим же представлениям воплощал магические свойства сакрального персонажа. Причем, если бычьи подставки были связаны с культом домашнего очага, т.е. дома в целом, то печати - с определенным человеком, для владельцев которых они были не столько знаком собственности (хотя бы в силу своей повторяемости, растиражированности), сколько овеществленным заклинанием.

Кстати, магия образа человекобыка определенным образом переплеталась и с идеей власти, верховенства. Бык - одно из воплощений Зевса, ипостась богов зороастрийского пантеона Митры и Веретрагны. В поздних зороастрийских сочинениях «Меног-и-Храд» и «Дадастан-Деник» в образе Гопатшаха прямо или косвенно тоже прослеживается связь с быком. В первом сочинении он - полубог, в облике которого соединены человеческие и бычьи черты. Во втором о его внешности ничего не говорится, сообщается только, что он правитель некой области, страны (Гопатестан или Хванираз), чьей обязанностью является охрана священного быка. Но где локализовать эту область не ясно. Правда, в отрывке говорится, что она находилась за пределами Эранвежа и через ее территорию протекает река Вех Датия. В решении этого вопроса очень перспективной представляется версия Э.В. Ртвеладзе о локализации ее в северо-восточной части Средней Азии (Ртвеладзе, 1995. С. 73). В таком случае река Вех Датия - это Сырдарья, и область, соответственно это один из Присырдарьинских регионов, в любом случае это территория Турана.

Косвенно на это указывают и некоторые дан-

ные Бундахишна, в отрывке об Агрерате. Его генеалогия свидетельствует, что он не иранец, а туранец (тур), он сын Пашанга, младший брат Афрасиаба и потомок Тура в пятом поколении. В отрывке подчеркивается особый статус Агрерата, он является Рату, т.е. «главой» «правителем» области и зовут его..... Гопатшах (Рак, 1998. С. 203). Агрерат упоминается и в Авесте, в «Мемориальном списке» и в Яштах, как реальное лицо, славный муж, но в сочетании не со словом (именем) Гопатшах, а со словом «нарава», о переводе которого среди исследователей нет единого мнения. Согласно одной из версий, предложен-

ной еще Дж. Дармстетером, «нарава» следует переводить как «получеловек» (Рак, 1998. С. 203).

Скорее всего, речь здесь идет о реальном правителе, наделенном жреческими функциями и в связи с этим приобретающим определенные магические свойства в глазах своих подданных.

В целом, образ человекобыка Гопатшаха - это одно из проявлений сакрального отношения, почитания крупного рогатого скота в традиционных верованиях народов Средней Азии, в том числе, населения Ташкентского оазиса.

Использованная литература

- Абдуллаев К. Квартал керамистов городища Канка // ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974.
- Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.
- Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе - город Кедер. Алматы, 2005.
- Беленицкий А.М. Изображение быка на памятниках искусства древнего Пенджикента // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Работы в Пенджикенте // АО. 1981. М., 1983.
- Богомолов Г.И., Алимов К.А. Очажные подставки с Эгар и Куруктепа // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
- Борисов А.А., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.
- Buchanan V. Catalogue of the Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum. Oxf., 1966.
- Волчок Б.Я. Протоиндийский бог разлива // Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986.
- Грязнов М.П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии Северной Америки. М., 1977.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
- Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадастан-и-меног-и-храд), Сотворение основы (Бундахишн) и др. тексты. Введение, перевод, комментарии О.М. Чунаковой. Памятники письменности Востока, СХIV. М., 1997.
- Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983.
- Левина Л.М. Керамика нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М., 1971.
- Левина Л.М., Никитин А.В. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ, № 4. М., 1991.
- Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
- Лунина С.Б. Сосуд со штампованной орнаментацией из Тали-Барзу // Труды САГУ. Вып. LXXXI. Ташкент, 1956.
- Мамбетуллаев М. Работы Шаватского отряда // АО. 1980. М., 1981.
- Оатес Д., Оатес Дж. Раскопки в Телль-Брака (Сирия) в 1976-1991 гг. // ВДИ. № 3. М., 1966.
- Оппенгейм А.Л. Древняя Месопотамия. Пер. с англ. М., 1980.
- Пугаченкова Г.А. Три ахеменидские геммы из собрания музея истории УзССР // Труды музея истории Уз ССР. Вып. 3. Ташкент, 1956.
- Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.- М., 1998.
- Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Ртвеладзе Э.В. Бактрийский Гопатшах // ВДИ. № 1. М., 1995.
- Тревер К.В. Гопатшах - пастух-царь // ТОВЭ. Т II. Л., 1940.
- Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока / Пер. с англ. М., 1991.
- Шедевры Самаркандского Музея. Государственный музей истории культуры Узбекистана. Альбом-каталог. Ташкент, 2004.

О.Ю. Арипджанов

НАХОДКИ ИГРАЛЬНЫХ КОСТЕЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Игральные кости – древнейшие игровые артефакты, первоначально использовавшиеся для гадания и бросания жребия. Они были найдены при раскопках античных и раннесредневековых городищ Средней Азии: Дальверзинтепа, Кампыртепа, Кызыл-кыр, Хайрабадтепа, Гайраттепа, Тудай-Калон, Актепа (близ Пенджикента), Пенджикента. Всего нами учтено 14 игральных костей. Все они одинаковой продолговатой формы (параллелепипед) и квадратные в сечении, изготовлены из слоновой кости, трубчатых костей и рогов. По характеру орнамента они разделены на шесть групп и подтипы.

Группа 1 (рис. 1). К этой группе относится одна игральная кость, найденная на городище Дальверзинтепа в помещении 25. Она изготовлена из слоновой кости, с цифровыми обозначениями с четырех сторон в виде изображений птиц (на одной стороне – павлин, на другой – два дерущихся петуха, на третьей – три, а на четвертой – четыре парящих голубя). Торцы украшены поперечными бороздками. Ее размеры 9,5x1,5x1,5 см, датируется I-II в. н.э. (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978. С. 60-61, рис. 36, 9).

Группа 2 (рис. 2). К этой группе относится игральная кость, найденная на городище Кампыртепа (II в. н.э.). Она полая внутри, сделана из рога (?), часть ее утрачена. Общая длина – 5,5 см, ширина – 1,5x1,4 см, диаметр большого круга – 1,2 см, малый круг – 0,9 см. По краям выгравированы по три концентрических кружка, диаметр кружков – 0,25 мм, ближе к торцу выгравированы три поперечных желобка. Диаметр сквозного отверстия кости – 0,7x0,6 мм. Игральная кость имеет цифровые обозначения с четырех сторон от единицы до четырех, обозначенные двойными концентрическими кругами, в которые заключено по четыре малых кружочка с углублением в центре (Арипджанов, 2007. С. 59, рис. 3).

Группа 3 (рис. 3). К этой группе относится игральная кость, найденная на городище Дальверзинтепа (Дальверзинтепа шахристони, 1996. С. 39, 52, № 167). Она вырезана из слоновой кости (?), у краев поперечно выгравировано по три концентрических кружочка с углублением в центре, ограниченных поперечными бороздками. Цифровые обозначения имеются с четырех сторон от единицы до четырех, объединенные двойными концентрическими кругами. Размеры: 9,2x2,3x2,1 см. Датируется игральная кость кушано-сасанидским временем.

Группа 4. К этой группе относятся три игральные кости, разделенные на два типа по размерам.

Тип 1. Первая кость обнаружена в юго-восточной части “нижнего города” Кампыртепа (Древности..., 1991, С. 294, № 199) (рис. 4). Вырезана она из слоновой кости (4,7x0,7x0,7 см), и представляет из себя продолговатый, квадратный в сечении брусок, края которого охвачены двумя параллельными желобками, а четыре длинных грани украшены концентрическими кругами, обозначающими «очки» – от одного до четырех (I-II вв. н.э.)

Еще две однотипные игральные кости найдены на городище Хайрабадтепа (рис. 5-6). Материал, возможно, слоновая кость. Их края охвачены двумя параллельными желобками, на каждой из четырех сторон – соответствующее количество двойных кружков, обозначающие «очки». В середине одной из них проделано отверстие (рис. 5) (I в. н.э.) (Альбаум, 1960. С. 52, рис. 33)1.

Тип 2. Кость найдена на городище Гайраттепа (рис. 7), расположенном в 50 км к северо-востоку от г. Андижана. Цифровые обозначения - в виде двойных концентрических кружков с углублением в центре. Часть кости утрачена. Края охвачены параллельными поперечными желобками. Ее размер в описании не приведен, но судя по масштабу, он составляет 11 см (Козенкова, 1964. С. 227, рис. 4).

Группа 5. К этой группе относится пять игральных костей. Они подразделяются на два типа, различающихся наличием орнамента по бокам и размерами.

Тип 1. Представлен находкой с городища Кызылкыр (рис. 8), расположенном в северо-западной части Бухарского оазиса (Ромитанский район). Игральная кость изготовлена из трубчатой кости, часть которой утрачена, сохранившийся фрагмент квадратный в сечении, общая длина – 7,5 см, ширина – 1,6x1,5 см, диаметр большого круга – 1,1 см, малого – 0,7 см. У торцов игровой кости выгравировано по два концентрических кружка, диаметр большого – 0,6 см, меньшего – 0,3 см. Диаметр сквозного отверстия кости – 0,8 см. Цифровые обозначения от единицы до четырех. Они обозначены двойными концентрическими кругами, в которые заключены по три малых двойных кружочка с углублением в центре (первые века нашей эры) (Арипджанов, 2007. С. 58, рис. 1).

Тип 2. Игральная кость с городища Актепа, расположенного в окрестностях Пенджикента (рис. 9). Кость с округлым отверстием посередине, продолговатой формы, квадратная в сечении, общая длина 10 см. Цифровые обозначения - в виде двойных концентрических кругов диаметром до 1 см, в которые заключено по три кружочка. Торцы украшены поперечно выгравированными четырьмя маленькими кружочками. V-VI вв. н.э. (Исаков, 1982. С. 230-231, рис. 2).

Остальные три кости найдены в замке Тудаи-Калон (Салтовская, 1968. С. 107-108, рис. 1; Древности Таджикистана, 1985. С. 153, № 422) (рис. 10, 11, 12), расположенном в равнинной части Аштского района Таджикистана.

На каждой из четырех сторон имеется соответствующее количество двойных кружков (от одного до четырех), внутрь каждого из них вписано по три мелких кружочка с углублениями в центре. У торцов - по три мелких концентрических кружка. С обеих сторон каждая поделка закрывалась квадратными костяными пластинками, украшенными кружочками. Размеры 10,3x1,7 см. Датируется V-VI вв.

Группа 6. К этой группе относятся две игральные кости. По характеру орнамента и размерам они разделены на два типа.

Тип 1. Игральная кость из Пенджикента (рис. 13), длина - 7,5 см, ширина - 0,9 см. Цифровые обозначения (очки - 3, 4, 5, 6) выполнены в форме лунок (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 104, рис. 66; Древности Таджикистана, 1985. С. 211. № 543).

Тип 2. Игральная кость также из Пенджикента (рис. 14), цифровые обозначения (3, 4, 5, 6) в виде кружочков с углублением в центре (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 104, рис. 66).

Обе игральные кости датируются VIII в.

Цифровые обозначения в виде кружков на игральных костях сделаны пунсоном. По-видимому, это был какой-то комбинированный инструмент в виде полой трубки со штырьком в центре. Все без исключения кружочки абсолютно одинаковы по размерам и способу оформления.

Полые внутри игральные кости предположительно закрывались снаружи квадратными костяными пластинками как игральная кость из замка Тудаи-Калон. Найденная на городище Дальверзинтепа игральная кость (рис. 3) также описана авторами как изготовленная из слоновой кости и полая внутри. Игральная кость с городища Кампыртепа (рис. 2), которая как мы предполагали прежде, была сделана из трубчатой кости, возможно, изготовлена из рога (вероятно, оленя).

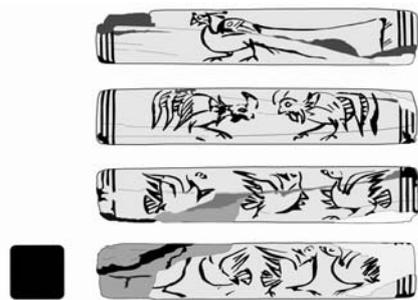
Авторы некоторых статей при описании игральных костей пишут, что материалом для их изготовления послужила слоновая кость, к примеру, игральные кости из замка Тудаи-Калон (рис. 10, 11, 12).

Предположим, что они вырезаны из слоновой кости и косторез во время изготовления, просверлил в ней сквозное отверстие в центре и после этого закрыл с обеих сторон квадратными костяными пластинками. Предположительно, это делалось для того, чтобы утяжелить ее. Однако зачем мастеру косторезу рисковать дорогим материалом? Слоновая кость по своей структуре плотная, состоит из зубчатого дентина и тяжелая на вес (Петерс, 1986. С. 24).

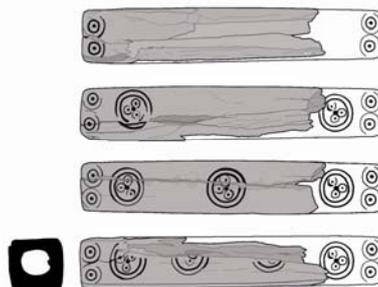
Рассмотрим подробно структуру слоновой кости (рис. 16). Слоновая кость, состоит из 60% дентина - зубчатого вещества, 40% целлюлозы и корешковой коры (MacGregor A., 1985, p. 17). Дентин исключительно прочный материал, обладающий приятным кремовым цветом, но во влажных условиях со временем желтеющий. Эта особенность относится к индийской слоновой кости (Петерс, 1986. С. 24). Африканская слоновая кость более мягкая и легко поддается обработке (Daniel Stiles). Дентин слоновой кости пронизан множеством тончайших трубочек, которые идут от основания к верхушке в продольном направлении в виде завернутых против часовой стрелки плавных спиралей; в связи с этим поперечный разрез кости обнаруживает рисунок обычно неправильно пересекающихся дуг. Этот рисунок характерен только для слоновой кости, и, если он присутствует, ее определение не вызывает сомнения. Средняя плотность слоновой кости 1,79; твердость по шкале Мооса от 2,5 до 2,75 (Петерс, 1986. С. 24). В неблагоприятной окружающей среде (со временем) слоновая кость расслаивается, что связано с изменением температуры, влияющей на цвет и химический состав (Archer St. Clair, 2003. P. 5).

Приблизительно одна треть длины слоновой бивня полая и внешний слой кости тонок. Бивни самок слона на 10 см короче, чем бивни самца и соответственно их внутренняя полость также меньше. Слоновая кость дикого слона ценится больше, чем слона в неволе или слона, используемого на тяжелых работах, при которых, его бивни часто повреждаются или портятся. Иногда бивни диких слонов после смерти также подвержены порче (рис. 17) (Daniel Stiles).

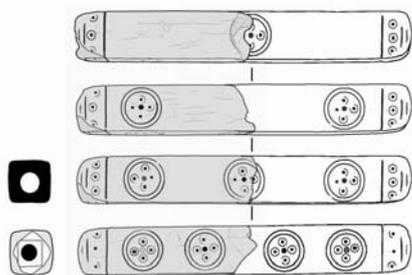
Таким образом, качественная слоновая кость полая только на 1/3, так что для изготовления изделий из слоновой кости используют только зубчатый дентин. Именно такие, заполненные

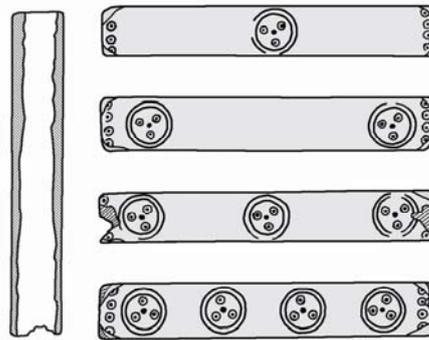
1

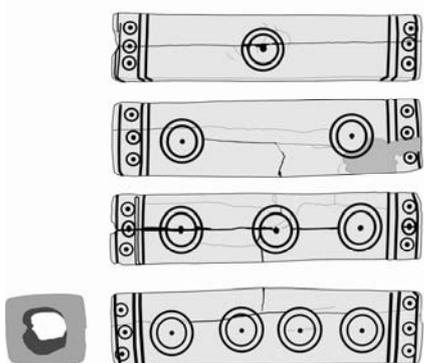
8

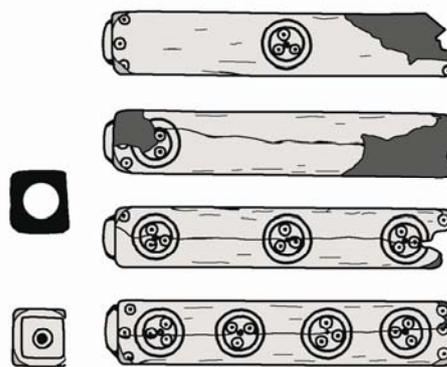
2

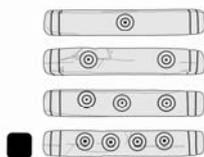
9

3

10

4

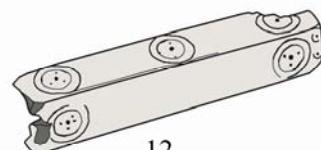
5

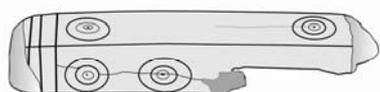
11

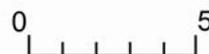
6

12

7

части бивней, используют резчики по слоновой кости для изготовлений высокохудожественных изделий. Перед вырезанием какого-либо изделия бивень распиливают на заготовки нужного размера, используя при этом даже небольшие кусочки. Сохранившаяся часть игральной кости из Кампыртепа (рис. 2) длиной 5,5 см, но можно предполагать, что первоначально она была около 11 см. Диаметр сквозного отверстия кости – 0,7х0,6 мм, возможно, она вырезана из рога (вероятно оленя).

Считается, что игральные кости такого типа на территорию Средней Азии проникали из Индии, доказательством чего могут быть три «гадальные» палочки, найденные на городище Гонур-депа (рис. 15). На каждую их грань нанесен однотипный нарезной орнамент в виде кружков и крестовидных знаков. Как полагает В.И. Сарияниди, именно в этом помещении проходили культовые церемонии, в которых мог участвовать царь. По его словам, близкие по типу четырехгранные в сечении палочки из слоновой кости с подобным орнаментом известны в Хараппской цивилизации, где они определены как игральные кости (Сарияниди, 2006. С. 117-118, рис. 29). Возможно, найденные «гадальные» кости из Гонур-депа не только имели культовое значение, но и использовались по прямому назначению.

Исходя из этого, можно предположить, что гадальные кости продолговатой формы впервые проникли на территорию Средней Азии из Индии в III-II тыс. до н.э. В античное время происходит второе распространение такого вида игральных костей. В раннем средневековье распространяются игральные кости кубической формы, что, возможно, связано с появлением игры в нарды. Игральная доска для игры в нарды была найдена в Пайкенде, в слое, датированном IV-V вв. (Семенов, 1995).

Слоновую кость, применявшуюся при изготовлении предметов обихода, вооружения и игральных костей, возможно, привозили из Индии. Известно, что Южная Индия вела торговлю слоновой костью, в частности, с Грецией, а позднее и с Римом (Неру Джавахарлал, 1981. С. 130). Ряд торговых путей из Индии проходил через Среднюю Азию, доказательством чему, служат изделия из слоновой кости, обнаруженные на городище Гонур-депа (Сарияниди, 2006. С. 199, 231, рис. 65, 66, 92), Старая Ниса (Массон, Пугаченкова, 1959), Тахти-Сангин (Литвинский, 2001. С. 26-28, 249-273), Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978. С. 108, 118-120), Кампыртепа (Никоноров, 2000. С. 132-133, рис. 2; Лунева, 2002) и других городищ Средней Азии. Страбон

сообщает: что «...Аристокл даже объявляет Окс самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию и через реку Кир и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт» (Strab., XI, VII, 3). Так же он пишет «...река Окс, отделяющая Бактриану от Согдианы, как говорят, отличается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по ее течению до Гирканского моря и оттуда по рекам в соседние области вплоть до Понта» (Strab., II, I, 15). Наверняка из Индии привозили, в основном только сырье, тогда как предметы из слоновой кости вырезали на месте. Причиной этому могло быть то, что караванный путь занимал длительное время и товар мог пострадать во время транспортировки или подвергнуться ограблению.

Аналогичные игральные кости, датируемые II в. до н.э. также найдены при раскопках Пантикапеи (Блаватский, 1962. С. 23, рис. 14.1). На территории древней Руси и стран Северной Европы при раскопках курганных погребальных сооружений и городов вместе с набором шашек из стекла, камня, глины, янтаря очень часто встречаются кости в форме параллелипипеда с нанесенными циркулем очками от 1 до 6. Возможно, они применялись в игре, указывая количество ходов, клеток, очков или чего-то другого (Корзухина, 1963. С. 85-101, рис. 1).

С древнейших времен люди для проведения своего свободного времени или с целью заработать деньги, были увлечены игрой в кости.

Ранние упоминания о костях, содержащиеся в гимнах “Ригведы” и эпосе “Махабхарата” отражают популярность костей в Древней Индии. Костями служили коричневые орехи дерева вибхидака. Играли большим количеством костей, о правилах игры известно, что, если при выбрасывании костей из сосуда (или при выхватывании их из кучи) число костей делилось на четыре, то игрок выигрывал; если оставались лишние кости – проигрывал. “Гимн игрока” – первый литературный текст, упоминающий кости, – изображает их как враждебную человеку магическую стихию (Махова, Пешкова). Гимн является лирической исповедью неудачливого игрока в кости, рассказывающего о своих злключениях из-за игры в кости, а затем о своем избавлении от этой страсти с помощью бога Савитара.

«Ведь игральные кости – цепляющие крючьями, колющие,

*Порабощающие, мучающие, испепеляющие,
Дающие мимолетные дары, вновь поражающие
победителя.*

*Пропитанные медом, они мощно (держат)
игрока»*

Ригведа. Гимн игрока. X, 34. 7

В “Махабхарате” эпизод игры в кости включен в основную сюжетную линию поэмы – повествование о борьбе двоюродных братьев пандавов и кауравов (отображение ведийского мифа о борьбе богов, представляющих верхнюю часть космоса, и асуров – демонов нижнего мира): Юдхиштхира, старший из пандавов, проигрывает кауравам царство, братьев, себя и Драупади – общую жену пандавов.

Хастинапуре, Шакуни ... обращаясь к Юдхиштхиру: “О государь, зал полон, ... Сядем же за игру в кости”. Юдхиштхира ответил: “Хорошо, но пусть игра будет честной. ... и игра началась. Шакуни, искушенный в обмане, сразу же стал выигрывать одну ставку за другой. Юдхиштхира проиграл ему свой драгоценный жемчуг, ... золотые монеты, хранившиеся в бесчисленных сосудах, потом колесницу, ... сто тысяч рабынь, ... столько же рабов, обученных различным ремеслам, тысячу боевых слонов со всем снаряжением и украшенное золотом оружие.

... в пылу игры Юдхиштхира потерял все свои земли и свою столицу со всеми жителями, домами и дворцами. Потом он проиграл людей своей свиты с их одеждами, а когда у него ничего уже не оставалось, поставил на своих братьев и проиграл их одного за другим.

... проиграл самого себя. ... Юдхиштхира объявил своей ставкой Драупади. ... И на этот раз проиграл ... (Махабхарат. Книга 27. Игра в кости)

В самом знаменитом эпизоде “Махабхараты” – сказании о Нале и Дамаяц - весь сюжет строится вокруг игры в кости. Наль, играя костями, заколдованными злым духом Кали, проигрывает свое царство и удаляется в изгнание; кости, превратившись в птиц, догоняют его и обманом отнимают последнюю одежду. (Впоследствии Наль, обучившись тайнам игры, возвращается к жене и отыгрывает царство).

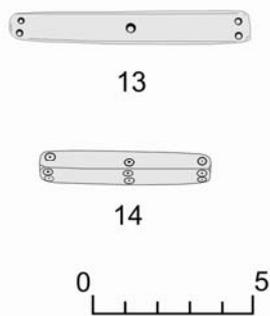
Игральные кости проникли в Европу, вероятно, из Малой Азии. Изобретение их приписывалось лидийцам, египтянам или грекам в лице Паламеда. В Греции они служили для гадания и для игры и делились на кубы (κύβοι, tesserae) и астрагалы (ἀστραγάλοι, ἀστρίαις, ἀστρίχιοί, tali). Кубы имели вид современных игральных костей, т.е. были шестигранные, с намеченными очками от

единицы до шести. Их употребляли для игр: ἀρτίασις – чет и нечет (Брокгауз, Ефрон, 1895).

Многочисленные письменные источники античного времени сообщают о широком распространении игры в кости в Греции и Риме и связанных с этими играми событиями. У греков была древняя традиция азартной игры в кости, распространенная еще со времен Троянской войны (Paus., II, 20, 3; X, 31, 1). Изображение в азартные игры имеется на чернофигурной амфоре середины VI в. до н. э. из мастерской Эксекия. Согласно мифу, греческое войско, собравшись в поход против Трои, томилось от бездействия в Авлиде, ибо выходу в море препятствовало полное безветрие. Для того чтобы скоротать время, два славных героя – Ахилл и Аякс – развлекаются игрой в шашки (Блаватская, 1953. С. 136) или в кости (Колпинский, 1988, № 155. С. 154) (рис. 18). Геродот передает следующую легенду: «...лидийцы утверждают, что... игры, которые ныне в ходу у них и у эллинов, – их изобретение. Лидийцы изобрели эти игры именно в то... время..., когда выселились в Тирсению... (Herodotus., 1, 94).

По поводу проведения древними свободного времени Плутарх пишет: «Был один прислужник в храме Геркулеса, у него, как водится, много было свободного времени, и он целые дни проводил, играя в кости и бабки» (Plut. Rom., quaest., 35; Mor., 272 E; см. также игры в кости как времяпрепровождение. Plut. Dem., 52). В Риме часто встречались люди которые всю свою жизнь проводили за вином и игрой в кости (Amm. Marc., XXVIII, 4, 28). «Играли древние по уговору, чаще на деньги или на угощения и женщин» (Plut. Rom., V). Играли в кости и в тавернах. В то время как посетители сидели по трое на особых ложах в главной комнате таверны, в задних комнатах шла игра, здесь сидели на стульях и скамьях (Свенцицкая, 2007. С. 201).

Игральные кости также использовались для предсказаний предзнаменований судьбы. Служа для гаданий, игральные кости были посвящены Гермесу. Их бросали в воду или на особые таблицы. Иногда гадавший брал одну кость в правую руку, другую – в левую и сам отвечал за бога, выводя из числа очков утвердительные или отрицательные ответы (Брокгауз, Ефрон, 1895). Так, римский император Тиберий во время похода посетил оракула, «и ему выпало указание для ответа на свои вопросы бросить золотые кости в Апонов ручей (минеральный источник южнее Падуи), а когда он это сделал, кости легли самым счастливым броском их и сейчас можно видеть там под водою» (Suet. Tib., 14. 3).

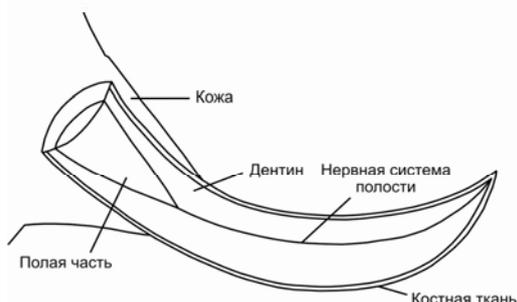
17

15

18

16

Игральные кости делали из кости (не обязательно слоновой), но могли изготавливать и из других материалов, они известны от золотых (Suet. Tib., 14.3) до выпиленных из обожженной глины (Блаватская, 1959. С. 73–75). В Риме часто встречались люди, которые всю свою жизнь проводили за вином и игрой в кости (Amm. Marc., XXVIII, 4, 28). Играли древние по уговору, чаще на деньги или на угощения и женщин (Plut. Rom., V).

Джироламо Кардано (1501-1576) – итальянский математик, врач и философ – в своей книге «Об игре в кости» собрал большое количество сведений о настольных играх. Он придерживался мнения (Гутер, Полунов, 1980. С. 73), что азартные игры были изобретены и получили широкое распространение во время десятилетней Троянской войны, когда воины, тяготясь бездельем и пытаясь найти спасение от скуки, занимали свой досуг игрой в кости. Кардано разделил все игры на три группы. Первая группа игр – типа шах-

мат, победа в них зависит и определяется искусством игрока. Вторая группа игр – кости, здесь результат игры полностью зависит от случая. Третья группа игр, где результат зависит как от искусства игрока, так и от случая, игры типа современных нард.

Игральные кубики-тессеры (tessera) имели цифровые обозначения на каждой из шести сторон – от единицы до шести. У игральных кубиков-талус (talus) цифрами были обозначены только четыре стороны 1, 3, 4, 4. Лучшим броском – венус (venus) – считался такой, когда все четыре tali давали разные цифровые значения, худшим броском – канис (canis) – считался бросок, когда на всех оказывалось одно и то же число (Петерс, 1986. С. 89).

В странах мусульманского Востока, например, в Иране, до настоящего времени распространено предсказывание судьбы человека при помощи костяных или металлических предметов, часто инкрустированных (рамлу устурлаб – гадание с

помощью особых кубиков) (Салтовская, 1968. С. 108).

Таким образом, из приведенных выше данных письменных источников видно, что игры занимали важное место в жизни людей древнего мира и с древнейших времен в свободное время они проводили свой досуг за игрой в кости. Так, в древней Индии, Греции и Риме игры были довольно распространены и были популярны среди богато-

го и бедного населения. В Средней Азии также играли в кости еще с эпохи бронзы, о чем говорят находки многочисленных игральных костей (астрагалов), обнаруженных во время раскопок памятников чувствской культуры (поселения Чуст, Дальверзин и др.). Традиции игры в кости продолжались и в более позднее время, вплоть до наших дней.

Сноски

1. К сожалению, масштаб с изображением этих игральные кости не приводится, но одна из них изображена меньше, чем другая.

Использованная литература

- Альбаум Л.И. Балалык-тепа. Ташкент, 1960.
- Арипджанов О.Ю. Игральная кость коллекции Государственного музея истории Узбекистана // Трансоксиана – Мавераннахр. Ташкент, 2007.
- Блаватская Т.В. История античной расписной керамики. М., 1953.
- Блаватская Т.В. Игральные кости из Пантикапеи // *Listy filologicke*. VIII. Eunomia III. 2. 1959.
- Балаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапеи в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. М., 1962. № 103.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. М.–Л., 1973.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Кости игральные. № 31. СПб., 1895.
- Гутер Р.С., Полунов Ю.Л. Джироламо Кардано. М., 1980.
- Дальварзинтепа шахристони (кадимшунослик таджикотлари якунлари). Сока, 1996.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Древности южного Узбекистана. Токио, 1991.
- Исаков А.И. Отчет о работах Косаторошского отряда за 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVI (1976 год). Душанбе, 1982.
- Козенкова В.И. Гайрат-тепа // СА. М., 1964. № 3.
- Колпинский Ю.Д. Великое наследие античной Эллады. М., 1988.
- Корзухина Г.Ф. Из истории игр на Руси. // СА. М., 1963. № 4.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Книга 1. М., 1990.
- Литвинский Б.А. Храм Окса (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. Т. 2. М., 2001.
- Лулева В. Классификация ювелирных украшений из Кампыртепа // МТЭ. Вып. III. Ташкент, 2002.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. IV. Ашхабад, 1959.
- Махова А., Пешкова И. Кости игральные. Апокриф. № 2. Культурологический журнал С. 60-63. <http://ec-dejavu.ru/b/Bones.html>
- Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. Т. I. М., 1981.
- Никонов В. Уникальный гребень из Кампыртепа // МТЭ. Вып. I. Ташкент, 2000.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Салтовская Е.Д. О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Ашта (древняя Фергана) // Известия ООН АН Таджикской ССР. № 2 (52). Душанбе, 1968.
- Сарианиди В.И. Гонур-депа. Город царей и богов. Ашхабад, 2006.
- Свенцицкая И.С. Из истории повседневной жизни: трактиры (таверны) в древнем мире // ВДИ. М., 2007. № 2 (261).
- Семенов Г.Л. Нарды в Иране и Средней Азии // Эрмитажные чтения 1986-1994 годов. Памяти В.Г. Лукониной (21.I.1932-10.IX.1984). СПб., 1995.
- Archer St. Clair. Carving as craft. Palatine East and the Greco – Roman. Bone and ivory carving tradition. The Johns Hopkins University press. Baltimore and London, 2003.
- MacGregor A. Bone, Antler, Ivory, and Horn: The Technology of Skeletal Material the Roman Period. (London and Totowa, N.J.): Barnes & Noble, 1985.
- Daniel Stiles. Ivory Carving in Myanmar. <http://www.asianart.com/articles/ivory/index.html#5>

А.А. Мусакаева, Г.И. Богомолов, В.С. Миносянц, П.И. Гендельман

ИЗ ИСТОРИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ: НАУСЫ СТАРОГО ТЕРМЕЗА¹

В системе духовной культуры древнего общества особое место занимали представления о загробном существовании и реинкарнации, для обеспечения которых складывались различные формы погребальной обрядности и связанные с нею погребальные сооружения. Широкомасштабные археологические исследования на территории Узбекистана и других республик Средней Азии выявили многочисленные памятники погребальной обрядности. Однако большинство из них изучено не достаточно. В связи с этим остаются открытыми многие вопросы генезиса и распространения погребальных сооружений. Большой задел в изучении погребальной обрядности юга Узбекистана сделан за последние десятилетия узбекскими археологами. В этой связи открытие и исследование погребальных комплексов Бактрии-Тохаристана, в частности, наусов Старого Термеза, приобретает особое значение.

Погребальные сооружения Бактрии обычно делят на четыре группы. Первая – это грунтовые курганные могильники, оставленные кочевой группой населения (Тулхарский, Арактауский, Бабашовский могильники и др.). Вторая группа – грунтовые одиночные захоронения, без курганных насыпей и обкладок, последние, как правило, располагаются недалеко от оседлых поселений (Душанбинский могильник, погребения на Айртаме, Мирзакултепа, Тупхане и др.). Третья группа – захоронения в пещерах. Возможно, этот тип генетически связан с трансформацией подбойных погребений (Биттепа). Четвертая группа – наземные сооружения типа наусов, в которых совершались коллективные захоронения или помещались очищенные и расчлененные кости, иногда в крупных сосудах-хумах. Из них наименее изученной и важной является последняя группа, генезис которой до сих пор не ясен. Существенным дополнением в исследовании этой темы стали материалы наусов Старого Термеза. Некрополь расположен в северо-западной оконечности городища Старый Термез в 80 м к западу от края холма Каратепа и в 100-120 м от берега Аму-Дарьи. До раскопок местность представляла собой небольшие, вытянутые в направлении запад-восток холмы (высотой до 6 м), сложенные из красноватого лесса с прослойками из мелкой гальки и песка, а так же из заросших барханов из надувного, светлого песка. Холмы покрыты невысокой пустын-

ной растительностью, а на их вершинах, как правило, находятся небольшие «линзы» из мелкой гальки, образовавшиеся при вымывании и выдувании лесса.

Наус 1 - самый западный из всей группы. До вскрытия представлял собой почти круглый холм, с трех сторон окруженный глубокими промоинами, высотой около 6 м с крутыми откосами (45-50 градусов). Верхушка холма была усеяна фрагментами керамики и осколками костей, здесь было собрано несколько бронзовых монет чекана Сотер Мегаса, Вимы Кафиза и Канишки.

В процессе вскрытия стало очевидным, что этот холм представляет собой остатки своеобразного погребального сооружения. Оно подквадратное в плане 6,70x5,40 м, вытянутое по оси север-юг. Перед строительством сооружения в выровненной поверхности холма вырезано углубление 4,2x2,90 м и глубиной 0,86 м, по периметру которого были поставлены стены из сырцового кирпича (31x31x10-12 см). Ширина восточной стены 1,5 м, остальных - 1,3 м. Сохранившаяся высота стен 0,5-0,6 м. Вход в сооружение находился с южной стороны и смещен к восточной стене, которая сама являлась щекой прохода. Снаружи проход был оформлен пилястрами из сырцового кирпича (31x31x10-12 см). Западный пилястр пристроен к южной стене сооружения. Он шириной 1,26 м и выступает от линии стен на 0,9 м. Восточный пилястр представляет собой продолжение восточной стены, но он сложен целиком из сырцового кирпича. Проход из-за сужения к югу в плане трапециевидный, ширина его 0,8-0,9 м, длина 2,10 м (вместе с пилястрами) (рис. 1). Склеп был перекрыт по оси С-Ю сводом, выложенным вертикальными отрезками из сырцового кирпича трапециевидной формы 40x20-25x12 см. Для распорки кирпичей применялись фрагменты стенок крупных сосудов и кубуров. Для сцепления кирпичей применялся глиносаманный раствор. Внутри стены склепа были покрыты глиняно-саманной штукатуркой, на которой сохранились широкие дуги, прочерченные пальцами. Пол склепа был покрыт утоптанной мелкой галькой. С внешней стороны сооружения вдоль восточной и южной стен были вырублены две ступени. Первая - шириной 0,4 м и высотой 1,13 м от сохранившейся высоты стен и 0,5 м от начала стен из сырцового кирпича (рис. 2). Вто-

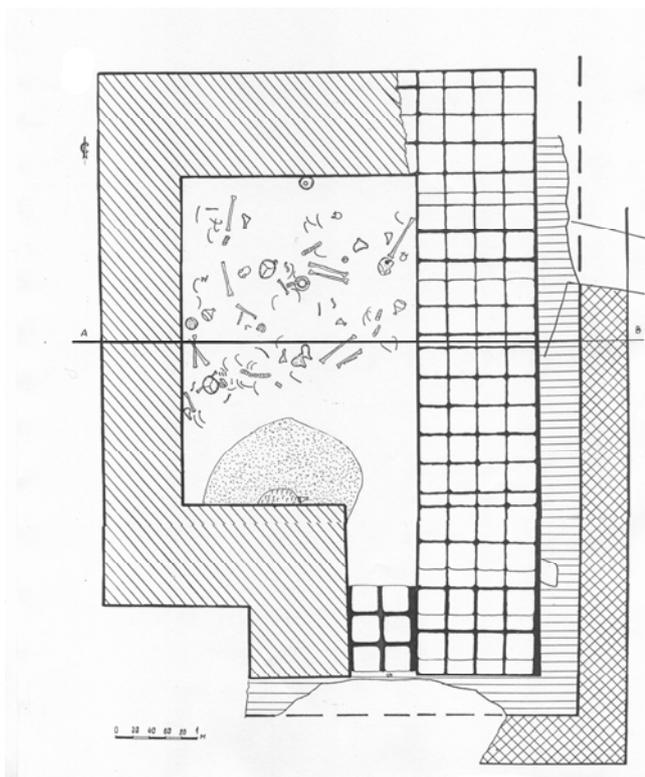

Рис. 1. План науса 1 по первому горизонту захоронений.

рая - шириной 0,53-0,56 см. Высота 1,9 м от сохранившейся высоты и 1,40 м от начала стен из сырцового кирпича.

Вскрытие показало, что наус 1 существовал длительное время. Удалось выделить 5 этапов его функционирования.

Первый этап: к нему относятся захоронения, сделанные непосредственно на первоначальном полу сооружения. Захоронения костей беспорядочно расположены в северной части склепа, здесь обнаружено 3 черепа (один без нижней челюсти) длинные берцовые кости, позвонки, ребра, фаланги пальцев рук и ног, ключицы и т.д. Костяки лежат в слое пыли, надутой ветром и спрессованной от времени, толщиной 3-7 см. Захоронения сопровождались целыми керамическими сосудами (часть из них была впоследствии раздавлена рухнувшим сводом). Здесь были обнаружены 2 бронзовые монеты из серий подражаний Гелиоклу и цилиндрическая бусина из коралла. В южной части слева от входа у стены найдены следы огня, часть стены была слегка обожжена и закопчена, на полу располагалось обширное пятно тонкого пепла, здесь

же был найден фрагмент красноангобированного бокала, заполненного золой. В этот же период склеп был заложен тремя рядами сырцового кирпича 31x31x10-12 см. Кирпичи не были скреплены раствором, а просто уложены друг на друга. Первый погребальный горизонт был перекрыт рухнувшим сверху сводом, закрывшим более 70% площади склепа.

Ко второму этапу функционирования склепа относятся захоронения, совершившиеся между рухнувшим сводом и западной стеной помещения. Порядка в расположении костей не наблюдалось, здесь обнаружены 2 черепа, трубчатые кости, позвонки, ребра фаланги и т.д. Сопровождающий инвентарь представляют целые керамические сосуды (рис. 6) и три бронзовые монеты из серии подражаний чекану Гелиокла и одна монета Сотер Мегаса. Костяки расположены в надувных слоях. В связи с этим можно предположить, что в это пространство были сдвинуты костяки, ранее выставившиеся поверх рухнувшего свода (рис. 3).

На следующем этапе существования погребального сооружения выравнивается внутренняя поверхность склепа, над предыдущими погребениями кладется слой кирпичей плашмя, которые были взяты из разрушенного свода. На этой образовавшейся площадке у восточной стены обнаружен только один череп, лежащий сводом вниз (других костей не было). Возле него стояли два кувшина (рис. 7.7). На полу склепа лежал надувной слой с мелким песком, толщиной 8-10 см. Над ним находился слой песка толщиной 13-14 см.

Новый четвертый горизонт. На этом этапе на слой песка был нанесен гумусированный слой (8-9 см) из сильно слежавшегося и плотного слоя коровьего навоза. Костяки располагались по всей площади склепа. Порядка в расположении костей

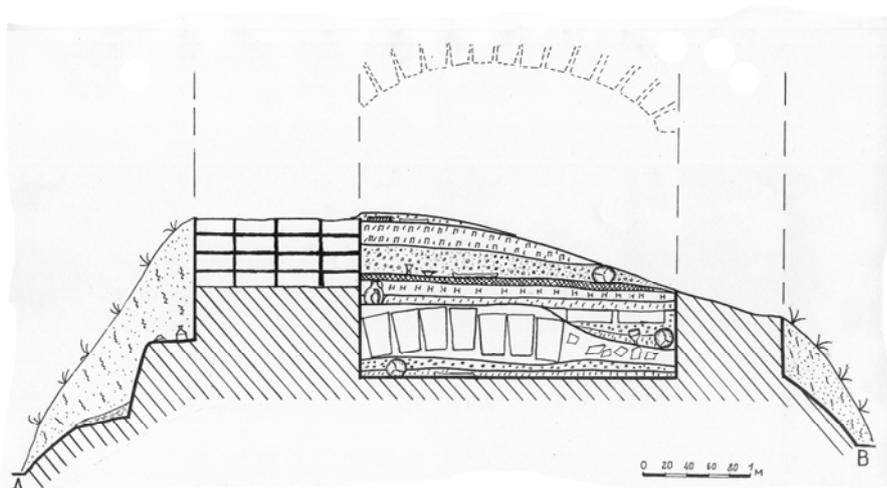

Рис. 2. Разрез науса 1 с элементами реконструкции.

не выявлено. Обнаружено 4 черепа (от одного сохранилась только черепная крышка) и масса других костей (рис. 4). Среди сопровождающего инвентаря присутствуют керамические сосуды (шесть сосудов поставленные рядом и прикрытые сверху фрагментом стенки хумчи находились в северо-западном углу склепа), бусы из стекла и камня, бронзовая серьга, остатки небольших изделий из железа, костяная булава, фрагмент ткани и т.д., а также 32 монеты кушанских царей. Часть этого слоя погребений была размыта. Погребение перекрыто слоем из рыхлой земли небольших фрагментов сырцового кирпича и наносного песка толщиной до 28 см над ним располагались надувные слои с песком толщиной до 40 см. Сверху сохранились остатки пятого горизонта использования погребальной постройки, большая его часть была смыта. Здесь обнаружены трубчатые кости, позвонки, берцовая кость, ребра, фаланги пальцев рук и ног. Из сопровождающего инвентаря сохранился один керамический сосуд - чаша на невысоком поддоне (рис. 4).

При расчистке ступеней, идущих вдоль восточной стены науса, на первой из них обнаружены керамические сосуды (как целые, так и во фрагментах) – красноангобированные кубки, бокалы, тарелочки с отогнутым венчиком. Все они были выставлены на ступени вдоль стены донцем вверх. Здесь же находились сырцовый кирпич со следами огня и мелкие фрагменты костей черепа (рис. 2).

Наус 2, в отличие от науса 1, является многокамерным сооружением и находится в 14 м к востоку от первого. До раскопок он представлял собой вытянутый по оси запад-восток холм длиной 16 и шириной до 8 м. На поверхности холма найдены целый двуручный сосудик, несколько кушанских монет и фрагменты керамических сосудов. Раскопки выявили погребальное сооружение, состоявшее из четырех помещений-склепов. Склеп 1 располагался на западной оконечности холма, он подтрапециевидной формы, ориентирован по оси север-юг, размеры: 2,8-2,52x1,6 м. Сохранность стен очень плохая 0,5-0,3 см. Сам склеп вырезан в материковом основании холма, на его восточной стене сохранились остатки кирпичной кладки из квадратного сырца 33-34x33-34x10-12 см. Пол склепа покрыт утоптанной мелкой галькой. Входа в склеп не обнаружено. На полу в слое натексов толщиной 8 см расчищены погребения в виде разрозненных костей. В северной части склепа лежали кучкой 3 черепа, все со следами искусственной деформации, рядом находились 4 миниатюрных сосуда. Остальной костный материал – беспорядочный, располагался по

всей площади камеры: здесь были представлены трубчатые кости, фаланги пальцев рук и ног, позвонки, ребра, тазобедренные кости и т.д. Из сопровождающего материала, кроме керамических сосудов (рис. 6-7), обнаружены две монеты Вимы Кадфиза. Слой погребений был перекрыт слоем песка, толщиной 20 см, а выше располагались надувные слои с фрагментами сырцового кирпича. Видимо, склеп 1 является наиболее ранним, т.к. все остальные склепы пристроены к нему.

Склеп 2 располагался к востоку от первого и отделен от него стеной из квадратного сырца 33x33x10-12 см, шириной 1,8 м. Причем, по отношению к линии южной стены склепа 1 он смещен к югу на 0,5 м. Можно предположить, что первоначальная стена, вырубленная в лёссе, нижней части склепа взята в рубашку из кирпича. По отношению к южной стене 1 склепа он смещен к югу на 50 см. Форма склепа подпрямоугольная со скошенной северной стеной его, размеры 3-3,1x2,3 м. Пол, как в склепе 1, был покрыт утоптанной мелкой галькой. Но он расположен на 0,3 м ниже, чем в склепе 1. Сохранность стен склепа до 0,7 м, но следов входа не обнаружено. На полу в надувных слоях толщиной 10 см расчищены немногочисленные кости: фрагменты затылочной части черепа, 2 трубчатые кости, лопатка, 2-3 ребра и несколько позвонков. Из сопровождающего материала - один целый поильник, фрагменты кубков, кувшинов, хумчей и венчик крупного хума (рис. 5). Сверху слой погребений перекрыт очень плотным слоем натексов толщиной 22 см. Верхний горизонт практически не сохранился. От него удалось расчистить лишь линзу очага, около которой найдена монета Канишки III. Сверху располагались рыхлые надувные слои толщиной 0,4 м с фрагментами сырцовых кирпичей.

Склеп 3 имеет общую южную стену со склепом 2 и отделен от него кирпичной перегородкой толщиной 0,9 м. Он подквадратный в плане со слегка скошенными сторонами размерами 2,5x2,3 м. Пол склепа тоже представлял собой утоптанную гальку и расположен на одном уровне с полом склепа 2. Стены сохранились на высоту 0,5 м. Вход не обнаружен. На полу, в рыхлом заполнении расчищены неполные костяки. В центре камеры обнаружены расположенные в анатомическом порядке позвоночный столб с ребрами и тазобедренные кости. В восточной и западной частях находились по два лежавших рядом черепа с ярко выраженной искусственной деформацией. Остальные кости в беспорядке разбросаны по всей площади склепа. Из сопровождающего инвентаря присутствовало 5 целых керамических сосудов и три медных кушанских монеты: Вимы

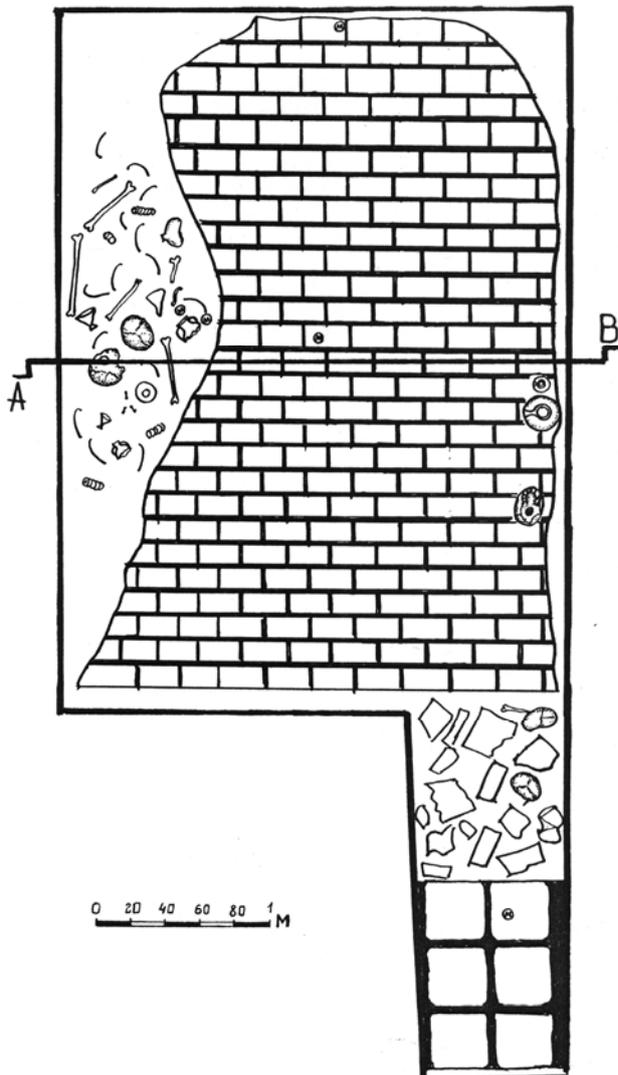

Рис. 3. План науса 1 по второму и третьему уровням погребений

Кадфиза, Канишки I и Канишки III. Сверху слой погребений был перекрыт слоем песка шириной 16 см, который, в свою очередь, был перекрыт рыхлым заполнением, общим со склепом 2.

Склеп 4 сохранился хуже всех, его стены удалось зафиксировать лишь на высоту до 0,34 м. Он тоже имеет общую с остальными склепами южную стену и представлял собой подпрямоугольную в плане камеру - 2,5x2,3x1,7-1,5 м. На полу в слое рыхлого пепла толщиной 6-8 см обнаружены в северо-восточном углу камеры ключица, фрагмент тазобедренной кости, несколько позвонков, 2 ребра и 1 трубчатая кость. Сопровождающий инвентарь отсутствует. Сверху слой с пеплом и костями перекрыт слоем песка до дневной поверхности.

В целом, изучение наусов Старого Термеза показало, что некрополь представлял собой одно из городских кладбищ и состоял из семейных

склепов, которые возводились на вершущах естественных холмов. Как выяснилось, часть из них составляли прямоугольные однокамерные склепы, а часть - многокамерные, но без центрального коридора с помещениями, вытянутыми цепочкой. Наиболее вероятно, что многокамерность в данном случае отражает последовательность возведения склепов. Несмотря на небольшую сохранившуюся высоту стен у большинства наусов, можно говорить о наличии сводчатого перекрытия, куски которого фиксировались в заполнении.

Выявлено несколько этапов захоронений, которые, в общем, датируются от I в. до н.э. до III в. н.э. Характерной особенностью сооружений являлось наличие ступенчатого основания в виде подрезки естественной поверхности холма, в одном случае (наус 1) в виде двух ступеней, в других (наусы 2-4) - одной. Двухступенчатое основание, прямоугольная форма поставленного на него сооружения, выделение входа специальными уступами - все это напоминает тип гробницы Кира в Пасаргадах. Интересно, что во всех наусах фиксируется наличие надувного слоя. Часть погребений производилась поверх него. Это показывает, что наусы имели открытые входы. Закладка их связана с последним этапом функционирования. Возможно, этот момент погребальной обрядности имел символическое значение - свободное перемещение души умершего, как в парфянских склепах, где сбоку устраивалось специальное отверстие. Примечательно, что в наусе 1 первоначально было вырыто на поверхности холма полуподземное прямоугольное помещение, а затем по его краю возведены сырцовые стены. Причем, вход, располагавшийся с юга, был выделен специальными уступами (протопорталом).

Считается, что местным погребальным обрядом являлись одиночные вытянутые захоронения, известные по раскопкам на Айртаме и Тупхане и представляющими собой бактрийскую традицию оседлого населения. Появление в эллинистическое время в погребальном обряде таких элементов, как помещение в рот монеты (обола Харона) или устройство гробницы из известняковых плит могут быть объяснены вероятным воздействием погребальных обрядов Ближнего Востока и Парфии.

В это же время распространяются и сооружения наземных склепов, многокамерных или однокамерных по своей конструкции (Айханум, Тепаишах, Дальверзин.) Особое место в этом ряду занимают склепы-наусы Старого Термеза. В связи с этим возникает вопрос, были ли эти склепы

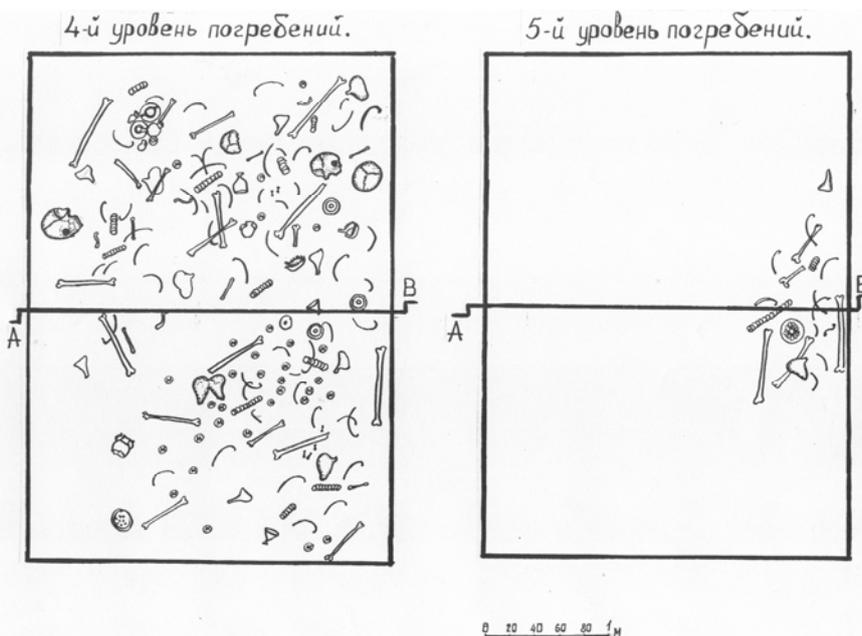

Рис. 4. План науса 1 по четвертому и пятому уровню погребений

инновацией, т.е. привнесенными с Ближнего Востока или имели местные корни.

Традиционно считается, что наусы – наземные погребальные сооружения зороастрийцев. Они использовались для погребения, согласно зороастрийскому обряду, очищенных соответствующим способом костей. Для их сооружения отводились специальные участки. Об устойчивости этой традиции свидетельствует документ с горы Муг о покупке Махчем и Хшувандаком (сыновья Асманча) у Ширвагча и Сатафсарака (сыновья Фарнхунда) участка - «асксака», его половины в местности Пэшхувад. Документ составлен ранее 708 г. и в нем говорится о том, что Хшумвандак, Махч и их потомки на половине купленного ими участка могут установить труп и устроить его оплакивание. Этимология слова не приводится. Однако В.А. Лившиц предполагает, что речь идет о какой-то категории земельных участков и это может быть семейно-родовая земля, поскольку обе стороны представлены братьями (Лившиц, 1962. С. 45-46). Можно лишь предположить относительно этимологии слова, что первым корнем является слово «аск», что означает «высокий». Это могло отражать назначение участка, на котором выставлялись трупы. Вероятно, в более ранние времена такие участки находились выше от обычного уровня селения, города (т.н. башни молчания). В.А. Лившиц предполагает, что в договоре могла идти речь об особом участке земли, на котором устанавливался семейный алтарь огня или возводился наус - семейный склеп.

Для Северной Бактрии эпохи античности и раннего средневековья археологический матери-

ал позволяет говорить о возможности выделения двух типов наусов. Первый тип – это однокамерные сооружения (Тепайшах, сооружение 1, склепы Старого Термеза, наус 1), второй тип – многокамерные сооружения (Айханум, Дальверзин, Старый Термез наусы 2, 3, 4). В свою очередь, можно говорить о неоднородности этого типа. Выделяются многокамерные мавзолеи с центральным осевым коридором, крестообразной планировкой со смежным расположением камер, вытянутых цепочкой, иногда связанных проходом, а

иногда имевших отдельные входы. Неодинаково и количество склепов-камер в сооружениях. Кроме того, к этому же типу следует отнести погребения в неиспользуемых постройках (например, захоронения на Кургане в Старом Термезе). Наиболее ранним является загородный мавзолей на Айханум. Примечательно, что к первому строительному периоду относится сооружение пахсовой стены, предположительно, разделявшей друг

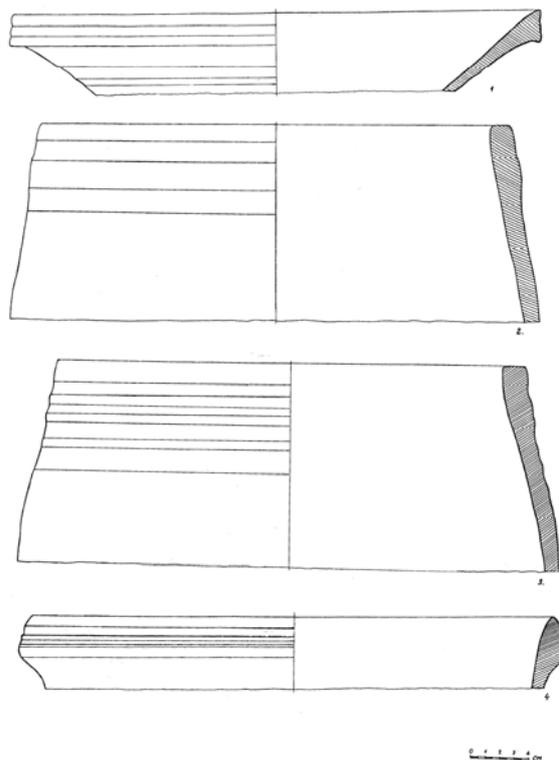

Рис. 5. Керамика из наусов 1, 2

от друга погребальные участки. В следующем периоде мавзоль представлял собой прямоугольное сооружение, где по обе стороны от сводчатого коридора располагались прямоугольные в плане камеры, также перекрытые сводом. Здесь же были устроены полуподземные склепы, обложенные жжеными кирпичами. По мнению П. Бернара, погребения были двух типов: первичные захоронения совершались в склепах из обожженного кирпича, вторичные захоронения – в крупных сосудах (типа хумов), в которых перезахоранивались останки, вынутые из склепов в случае разрушения или повторного использования последних.

Дальнейшим развитием этого типа погребальных сооружений представляются наус из окрестностей Дальверзина и сооружение 2 некрополя Тепаишах. Дальверзинский наус представляет собой восьмикламерное сооружение, почти квадратной формы (13x12,5 м). Внутреннее пространство его разделено центральным коридором, по сторонам от которого расположено по четыре камеры. Кирпич размерами 40x40x10, 42x42x12 см. Главный вход располагался с юго-западной стороны. При раскопках удалось выявить, что первоначально коридор был открыт с обеих сторон. После заполнения камер их входы были частично заложены, тогда же был закрыт вход в коридор с северо-восточной стороны. В трех камерах первичные захоронения производились в прямоугольных ямах. Захоронения следующего горизонта устраивались на полу (камеры 2 и 4). Третий слой захоронений над полом.

В целом, первый погребальный горизонт предлагается датировать II-I вв. до н.э. К тому же

времени относят ряд погребений второго погребального горизонта, остальные - датируются рубежом н.э. – III в. н.э. Не исключено, что они были оставлены иной группой населения, не связанной узами родства с предшествующей (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 111-112). Правда, наряду с этим существует другая точка зрения о генезисе погребальных сооружений Бактрии-Тохаристана из парфянских склепов в виде заглубленных в землю кирпичных сооружений, которые, в свою очередь, как и бактрийские, были заимствованы парфянами и бактрийскими греками из Месопотамии и трансформировались на бактрийской почве (Литвинский, Седов, 1984. С. 135). Дальнейшая их эволюция - это усложнение исходного типа, что приводит к появлению на рубеже новой эры сырцово-кирпичных склепов типа тупхонинских, заменивших более сложные склепы из жженого кирпича, типа Айханумских.

Важным звеном является некрополь Ялангуштепа (Бандыхан), где было открыто 15 наземных погребальных сооружений. Но планировка была выявлена лишь для двух наусов. Первый наус имел подквадратную форму 6,4x5,9 м, сложен из квадратного сырца и состоял из двух камер. В первой камере обнаружено шесть черепов и беспорядочно разбросанные кости на полу, во второй камере 11 черепов вдоль стен. Второй наус был тоже двухкамерным, сложен из сырца, но имел прямоугольную форму 7,3x4,8 м. В обеих камерах было найдено 200 черепов, большое количество керамических сосудов и других находок. Датируются сооружения кушанским временем, периодом правления Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки (Ртвеладзе, 1983). Пока не ясно

можно ли видеть здесь простое усложнение (удвоение) первоначального однокамерного склепа или это собственная линия поиска форм.

Отдельные погребальные сооружения известны в окрестностях Термеза. Здесь Л.И. Альбаумом вскрыто квадратное сооружение 18x18 м на двухметровом кирпично-пахсовом постаменте (платформе). В центре сооружения была устроена квадратная комната 6x6 м. Позже она была перепланирована, в результате частичного заклада она приобрела круглую форму диаметром 3,8 м. С середины каждого фаса сооружения к этой комнате вели узкие коридоры, длиной 7 м. Кое

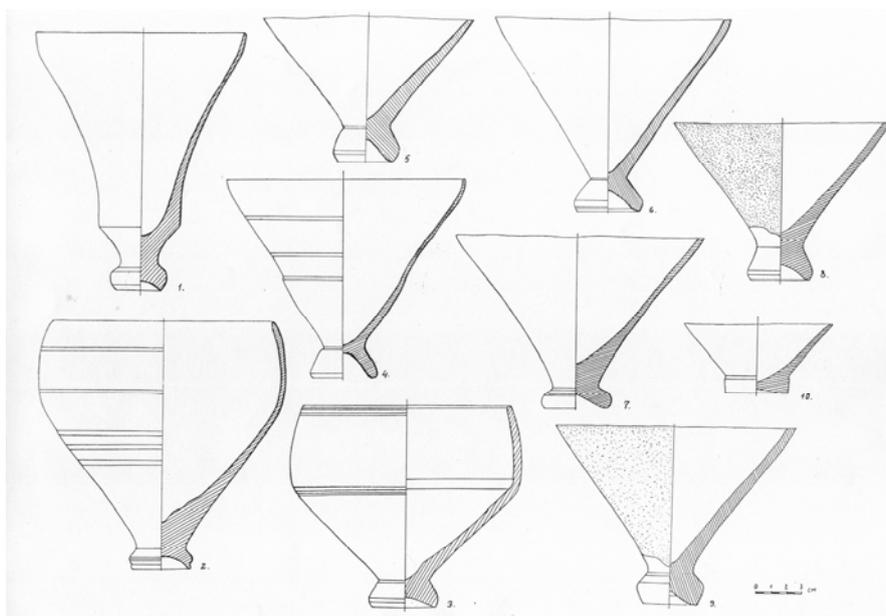

Рис. 6. Кубки и бокалы из наусов 1, 2

Рис. 7. Керамика из наусов 1, 2

-где в коридорах фиксируются суфы. В центральном помещении обнаружен череп, в двух коридорах еще два черепа и небольшое количество человеческих костей. Л.И. Альбаум считал это сооружение склепом и датировал его II-III вв. н.э. В то же время Б.А. Литвинский отмечает ряд кардинальных моментов: наличие постамента и крестообразной структуры с выделением круглого элемента в центре, которые сближают это сооружение с устройством позднее зороастрийских дахм (Литвинский, 1984. С. 88-89).

Определенную близость к наусам Старого Термеца обнаруживают погребально-поминальные сооружения Кампыртепа. Это и строительные материалы: квадратный сырец – 33x33x11-13 см, и размеры камер-склепов, и их постепенное наращивание в единое многокамерное сооружение, и наличие специального пространства перед камерой – площадки или ступени, где совершались поминальные церемонии, и, наконец, выделение комплекса относительно остальной территории. Только на Кампыртепа они обозначены ровом, а в некрополе Старого Термеца подрезкой склонов холма ступенями. Близки и хронологические рамки бытования – сооружения Кампыртепа датируются великокушанским временем, т.е.

периодом правления кушанских царей: от Сотер Мегаса до Кашишки (Ртвеладзе, 1989. С. 212).

Погребальная обрядность, зафиксированная в наусах Старого Термеца, больше всего сближается с разновидностями зороастрийского погребального обряда и в то же время указывает на устойчивость традиции существования однокамерных и многокамерных склепов на ступенчатой платформе в погребальной практике населения юга Узбекистана. Анализ результатов вскрытия наусов Старого Термеца позволяет выделить в их погребальной обрядности три этапа.

Первый – первичное захоронение трупа, которое совершалось у входа в склеп или внутри него, где разложение мягких тканей происходило естественным путем. Второй этап – вторичное перезахоронение костей, где основное внимание уделялось черепу, а большая часть костей могла удаляться вообще за пределы склепа. И это понятно – череп воспринимался не только какместилище души, но и фарна умершего предка, который следовало сохранить и оказывать должное почтение. Поэтому нередко рядом помещались сосуды с жертвоприношением. Третий этап – следы поминальных церемоний, которые совершались вдоль периметра стен погребальной по-

стройки по истечении определенного срока после похорон. Жертвоприношения в большинстве случаев бескровные, но с использованием огня в ритуале.

Таким образом, изучение наусов Старого Термеза, их сопоставление с другими памятниками погребальной обрядности юга Узбекистана показывает, что идея сооружения погребальных склепов получила в кушанский период дальнейшее

развитие. Наличие наземных погребальных сооружений с различными обрядами захоронений (труположений, кучек очищенных костей, погребений в хумах) отражает разнообразие религиозных представлений кушанской Бактрии. Можно предполагать свою линию развития этого типа погребальных сооружений, восходящего к мавзолеям Тагискена и привнесенного сюда кочевыми группами в конце I тыс. до н.э.

Сноска

1. Работа выполнена на средства Фонда поддержки фундаментальных исследований АН РУз № 173-06 «Мониторинг погребальной обрядности юга Узбекистана (на примере наусов Старого Термеза)».

Использованная литература

Лившиц В.В. Юридические документы с горы Муг. Л., 1962.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990.

Ртвеладзе Э.В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыртепа // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (Археологические источники). М., 1989.

Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени у Ялангуштепа // СА, 1983, № 2.

Н.Б. Немцева

МАШАДЫ В ИСЛАМСКОМ МИРЕ

(историческая ретроспектива)

История религиозной жизни средневековой Евразии VII–VIII вв. была связана с бурными и часто кровопролитными процессами принятия новых верований. Славянские языческие племена Восточной Европы, входившие в состав Византийской империи, в эти столетия принимали христианство.

Народы Ближнего и Среднего Востока (Египет, Сирия, Ирак, Иран, Средняя Азия и Кавказ), входившие в состав Арабского Халифата, принимали ислам.

Всюду утверждение новых верований было сложным и длительным процессом, который занял полтора-два столетия, сопровождался народными протестами, появлением в истории этих стран «борцов за веру» или мучеников. В последующем, имена наиболее известных религиозных «мучеников за веру», подвижников были канонизированы духовенством и получили статус «святых», часть которых в исламе и христианстве почитается до сего дня.

В названиях памятников зодчества, кладбищ, топонимах и гидронимах Средней Азии, Северного Хорасана хорошо известно такое понятие, как «машад» (машхад, мешхед) – место мученической кончины, отмеченное мазаром или крупным культовым комплексом, не связанным с реальным погребением мученика.

«Машады» (один из видов культа святых – мучеников, своего рода религиозных подвижников), возникли на мусульманском Востоке еще на ранней стадии сложения и распространения ислама в VII–VIII вв. Это был период завоевания арабами земель Ближнего и Среднего Востока, сложения Арабского Халифата, когда борьба за веру была наиболее острой и актуальной.

В XI–XII вв. в связи с распространением суфизма и возрождения древнейшего, языческого в основе «культа святых» в странах ислама, на местах гибели мучеников за веру над истинными и ложными могилами «святых» появились архитектурно оформленные «машады», своего рода мемориалы, связанные с событиями давних лет – мавзолеи, культовые комплексы и целые архитектурные ансамбли.

Наиболее почитаемые «машады» уходят в глубины веков, являются объектами поклонения до сего дня, хотя истинный смысл термина «машад» и даже сам термин в большинстве слу-

чаев давно утрачен в исторической памяти, местное население не знает значения этого слова.

Термин «машад» имеется в средневековых юридических документах Средней Азии (два самаркандских вакфа 1066 г.), сохранился в топонимах и гидронимах той или иной местности и является косвенным, но важным документом для реконструкции истории завоевательных походов арабов в Средней Азии, географии распространения наиболее кровопролитных событий, связанных с внедрением ислама.

Часть «машад» дошла до наших дней в виде названий кладбища (Мешхеди-Мисриан в Дахистане, Южная Туркмения), культовых комплексов (мавзолеей–ханака Ходжа-Машад на юге Таджикистана, «Машад Кусама» в Самарканде), в названиях медресе (Шахи-Машад на севере Афганистана) и т.д.

Машады фиксируются в различных топонимах и гидронимах Средней Азии, существующих в наши дни (канал Оби-Машад у восточного подножья Афрасиаба в Самарканде, в древности – Оби-Мугон), известны по письменным данным (упомянутые выше вакфы 1066 г. на медресе и «машад Кусама» в Самарканде), в названиях городских ворот на определенном этапе (южные Кешские, Железные в XV в. ворота Самарканда в XII в. назывались также воротами Машад), жилых кварталов (юго-восточный квартал средневекового Самарканда, где находился «Машад Кусама» назывался в XII в. кварталом «машад»).

Крайне интересная проблема «машадов» применительно к памятникам зодчества, местам поклонения святым, которые до сего дня актуальны, практически не изучена в отечественной науке.

В наше время предания и легенды, связанные с историческими «машадами», в большинстве случаев утрачены и восстановление имен святых, атрибуция на этой основе функции памятника архитектуры и правильная его интерпретация весьма затруднительна, часто невозможна.

Места поклонения святым, которые множатся в последние годы по всем регионам Средней Азии в связи с новой волной религиозности, представляют огромный познавательный и историко-культурный интерес, как крайне важное социальное, психологическое и ментальное явление в истории и духовной жизни мусульманского

общества. Изучение святынь, их исторической основы, выявление придуманных, вновь создаваемых в наше время мест поклонения, спекуляций на тему «святые места» - важнейший аспект современных этнографических и социально-антропологических исследований.

Появление «машадов» в средние века в разных местах мусульманского мира перекликается с созданием в наше время во многих городах и странах Евразии памятных мемориалов в честь погибших во время второй мировой войны. Как и средневековые «машады» современные мемориалы с перечнем имен погибших ставятся в большинстве случаев за тысячи километров от места гибели и действительного захоронения. Многогранное, универсальное понятие «машад» в XX в. трансформировано в новую форму почитания или памяти погибших, но смысл этого явления остался прежним.

Впервые «машады» (ар. «муашшир» — причастие от глагола ашара — что-то отмечающее, на что-то указывающее) попали в поле зрения известного будапештского востоковеда и этнографа Игнатия Гольдциера в конце XIX в. (1896) при научной поездке по Египту (Гольдциер, 1938. С.110).

Словом «машад», пишет И. Гольдциер, выражается мысль, что святой, погребение которого почитается в определенном месте в действительности погребен где-то в другом месте, но святой явился во сне шейху и указал место своего почитания. Поэтому в мире святых много двойников. Могилы одних и тех же лиц имеются в разных местах стран ислама (с равной претензией на подлинность), являются объектом почитания и паломничества (Гольдциер, 1938. С. 109).

Среди местного духовенства и образованных людей верхнего Египта, как отмечает И. Гольдциер, существовало четкое различие между понятием «к а б р» или «*турба*» - то есть действительная могила мученика и «*машад*» — место фиктивной могилы, простой же народ уже в XIX в. не знал этого различия (Гольдциер, 1938. С. 109-111). Такая же ситуация наблюдается в Средней Азии. В настоящее время ни термин «м а ш а д», ни его смысл никому не известен. Ни мусульманское духовенство, ни тем более простой народ не знают этого слова.

Среднеазиатские легенды наличие нескольких мусульманских святынь (мазаров), связанных с одной и той же личностью, часто объясняют тем, что человек погиб в одном месте, а тело его было отправлено на белом верблюде в Медину для захоронения (Муминов, 2003. С. 148).

В средние века, главным образом, в XI–XII вв.

многочисленные, архитектурно оформленные «машады» — фиктивные могилы, связанные с именем какого-либо «святого» устанавливались одновременно в разных местах Арабского Халифата, иногда в местах предельно отдаленных от реальной могилы означенного лица, и множилось в большом количестве, как выгодные духовенству места паломничества.

При этом, реальные могилы известных в истории Халифата и ислама исторических лиц также оформлялись крупными архитектурными мемориалами и почитаются до сего дня. Например, крупный культовый комплекс Мазари-Шариф, над мнимой могилой четвертого праведного халифа Али ибн Аби Талиба сложился в XII–XV вв. в одноименном городе близ Балха на севере Афганистана. По преданию, там похоронен зять пророка Мухаммада, глава шиитской партии халиф Али (убит в 661). В действительности, реальные могилы халифа Али и его сыновей ал-Хасана (ум. в 669) и ал-Хусейна (убит в 680) находятся в Ираке – в городах Неджефе и Кербела и являются главными святынями шиитов на ближнем Востоке. Мазари-Шариф в Афганистане – типичный, классический «машад».

Култ Али и его сыновей, имамов ал-Хасана и ал-Хусейна был широко распространен в Средней Азии. Почитаемые фиктивные могилы («машады») - ал-Хасана и ал-Хусейна имеются в Нуратинском районе Навоийской области Узбекистана (около Бухары), с именем Али связан Шах-и Мардан в Ферганской области (Абашин, 1999. С. 109-111), гробница в окрестностях Хивы (Снесарев, 1983. С. 55), множество «кадам-джой» (место, где ступала нога святого).

Другой крупный «машад» сложился в Иране, в городе Мешхед. Само название города связано с «машадом» восьмого шиитского имама ар-Рази, мученически погибшего (отравлен) в IX в. около деревни Санабад. Близ села Санабад в связи с могилой мученика ар-Рази вырос г.Мешхед, впервые упомянутый в X в. Позже, в XII–XIX вв. в Мешхеде около гробницы ар-Рази сложился огромный культовый комплекс, который на протяжении многих веков является главной святыней мусульман-шиитов Ирана. Сюжеты, связанные с халифом Али и имамом ар-Рази показывают, что машады возникали не только на местах гибели за веру, мучениками считались и погибшие в борьбе за власть.

Многочисленные мавзолеи (кубба) были воздвигнуты в честь известного в исламе основателя суфийского ордена (тарика) Кадырийа - Абд ал-Кадири Джелали (в народе Гиляни) по всему мусульманскому Востоку от Алжира до Индии и

Индонезии, хотя реальная могила ал-Кадири находится в Багдаде (Гольдциер, 1938. С. 112). Его почитание имеет универсальное распространение во всех странах ислама благодаря разветвленной деятельности дервишского ордена Кадырийя. Вместе с тем он является также наиболее популярным святым, якобы помогающим от недугов. Легенды о нем проникли в самые отдаленные области мусульманского мира (Гольдциер, 1938. С. 113).

Часть «машадов» в Средней Азии безымянна и историческую основу культа в наше время невозможно установить. Крупный культовый комплекс — мавзолей-ханака Ходжа Машад на юге Таджикистана у селения Саят возник в XII в., как показали археологические исследования (Немцева, 1969. С. 171-185), и, видимо, связан с гибелью за веру сподвижника (сподвижников?) пророка *ходжа*. Атрибуция памятника, как медресе в научном плане не состоятельна. Этому противоречит, в первую очередь, географическое положение Ходжа Машад (на проселочной дороге, в стороне от какого-либо города, обязательного для местоположения высшей духовной школы медресе в средние века), а также некоторые архитектурно-планировочные данные памятника, в частности, два порталных входа на продольной оси, не характерные для такого закрытого института монастырского типа, как медресе (Хмельницкий, 2001. С. 159-171; Немцева, 1995. С. 122-134).

Религиозные представления мусульман были проникнуты благоговением к памяти людей первого поколения ислама, находившихся в личных сношениях с пророком (сподвижники пророка — ходжа), особенно если они принимали участие в арабских завоеваниях (Гольдциер, 1938. С. 107). Название Ходжа-Машад, быть может, отражает давние, вполне реальные исторические события времен завоевания Средней Азии арабами в VII–VIII вв. — гибель за веру сподвижников Мухаммада — ходжа. В XII в., на месте этих событий в честь погибших за веру «*ходжа*» был установлен «*машад*» — двойной мавзолеем со сквозным порталным айваном и примыкающим большим двором с хужрами по периметру — Ходжа-Машад.

Атрибуция памятника крайне сложна. Рассмотрение всего комплекса данных от специфики планировочной композиции до географии расположения (примерно, в ста километрах от ближайшего крупного города — Термез, Кабадиан, Балх), материалов археологического и этнографического исследования, преданий и легенд, связанных с историей жизни Ходжа Машада, показывают, что

религиозно-культовые центры Средней Азии и, в частности, «машады» порой не укладываются в какие-либо упрощенные схемы, связанные с их функцией на протяжении многих веков.

Представляется, что Ходжа-Машад являлся сложным мемориально-культовым комплексом типа мавзолея-ханака (наиболее приближенная функция), в котором сакральная южная часть с двумя мавзолеем, объединена с дворовой ханаккой — местом временного или постоянного пребывания паломников. Для уединения и сорокадневного поста в массиве левого пилона южного портала устроена небольшая чилляхана (хылват), где суфии практиковали «*халва*» — один из важных столпов аскетизма и подвижничества в тасавуфе (Кныш, 2004. С. 365). Два крупных квадратно-купольных помещения по сторонам северного входного портала могли выполнять функцию джамаатханы (зикрханы) — помещения для общих суфийских радений (сама, зикр, ракс), диспутов, встреч и т.д.

Документально подтвердить эту, наиболее вероятную, на мой взгляд, гипотезу в наше время пока не представляется возможным. Письменных данных по этому поводу нет. Обрывки надписи на портале также их не содержат.

Очень выразительный «машад» существует в юго-западной Туркмении, сложившийся на городище Мешхеда-Мисриан (средневековый Дахистан), где сохранились руины мечети, двух минаретов и нескольких мавзолеев XI–XII вв. в том числе мечеть-мавзолеем святого Машад-ата IX–X вв. (он же Ших-Кабир) (Демидов, 2003. С. 47-48).

Может быть название Мешхеда-Мисриан несет следы значительно более давних исторических событий (гибель за веру времен завоевательных походов арабов в VII—начале VIII вв., чем датированные IX–XII вв. архитектурные памятники. Связь «машада» Мисриана с периодом тюркских завоеваний сомнительна, хотя и не исключена. Завоевательные походы тюрок в XI–XII вв. на территории Средней Азии религиозной окраски не имели. Значительная часть тюрок еще в середине X в. приняла ислам (Бартольд, 1963. С. 315-316, 373) и проблема верований во взаимоотношения завоевателей и местного населения в XI–XII вв. вряд ли была актуальна.

Большой интерес представляют руины Шахи-Машад XII в. (1165 г.) в северо-западной части Афганистана (верховья Мургаба), где термин «*машад*», судя по надписи на портале, как будто связан с духовным учебным заведением мусульман — медресе. Памятник, однако, полностью не изучен, стратиграфия территории, где он расположен, не известна. В первой публикации, кроме

краткого описания руин Шахи-Машада и детального анализа роскошного декоративного убранства памятника, упомянуты не датированная мечеть и «оборонительная стена с полуциркульным бастионом» (полубашня обычная в крепостных стенах) (Casimir, Glatzer, 1971, 1-2, p. 53-66). Остатки фортификации говорят об укрепленном городке или селении периода правления династии Гуридов (?) в этой части северного Хорасана. Для анализа и окончательных суждений памятник нуждается в более глубоком натурном изучении.

На территории мусульманского Востока распространено сакральное в христианской и мусульманской мифологии понятие «к ы р к» (тюрк. сорок), в некоторых случаях, связанное с гибелью сорока святых воинов-мучеников за веру (существуют и другие сакральные цифры) (Гольдциер, 1938. С. 114-116).

На северном Кавказе (Дербент) до сего времени почитается Кыркхляр – место захоронения сорока «мучеников за веру». Это одно из древнейших почитаемых мусульманами кладбищ Кавказа, состоит из огороженного комплекса каменных саркофагов. Местные предания и дагестанские хроники (Дарбанд-нама) связывают Кыркхляр с арабским завоеванием VII в., гибелью за веру арабских мучеников во главе с Салманом б. Раби (Аликберов, 2001. С. 62-63), что кажется наиболее вероятным. Другие данные (даты на саркофагах, стиль эпиграфических надписей) позволяют отнести существующий некрополь Кыркхляр к периоду ранних сельджукидских завоеваний (Аликберов, 2001. С. 62-63). Надо сказать, что хронологически последовательное появление в истории «святых мест» новых архитектурно оформленных погребений (истинных или мнимых) и соответственно утрата более старых, довольно распространенное явление и это одна из причин трудностей в определении датировки памятника.

Появление, в XI–XII вв. в Средней Азии архитектурно оформленных мусульманских святынь, в том числе «машадов», как известно, было связано с развитием суфизма. Это был период широкого распространения по всему мусульманскому Востоку мистико-аскетического течения (тасавуф), сложения большого числа суфийских общин – ханака, формирования на их основе суфийских орденов (тарика) и возрождения в этой связи древнейшего на Востоке «культы святых» (Немцева, 2003. С. 34-45).

Около святых мест, реальных и мнимых могил подвижников ислама складывался выработанный в исламе обряд поклонения святым местам

— *зиарат*, совершались жертвоприношения. Весь регламент благотворительности проходил (и проходит) под активным и чутким руководством шейхов и мулл.

Сложный в политическом и социально-экономическом отношении период XI–XII вв. был связан с образованием на территории Средней Азии трех тюркских Империй, управляемых династиями Караханидов, Сельджукидов и Газневидов. При всей милитаристской внешней политике тюрков, период XI–XII вв. был одновременно временем подъема общего тона в государствах Средней Азии, стабилизации экономики, расцвета на этой основе строительного искусства, своего рода ренессанса в истории культуры региона.

Тюркские правители заботились о процветании и благоустройстве столичных городов и пригородов, от их имени возводились монументальные дворцы, рабаты, караван-сарай, сардобы и мосты (Бартольд, 1963. С. 378 и далее). По всей Средней Азии в XI–XII вв. одновременно строились культовые сооружения в духе и стиле эпохи, представляющие собой шедевры средневекового строительного искусства, часть которых дошла до наших дней. В числе их были и «машады».

Трудно сказать, кто инициировал строительство «машадов», вероятнее всего, мусульманское духовенство, но, при всей сложности отношений тюркских правителей, в частности, Караханидов с духовенством, мусульманские святыни, в том числе «м а ш а д ы» являлись важными духовно-идеологическими и культурными для своего времени центрами городов и государства в целом.

Этот тезис хорошо иллюстрируют крупные культовые комплексы, в которых у «м а ш а д о в» от имени правителей возводились медресе, ханака, устанавливались мавзолеи светских лиц. Ярким примером является «машад Кусамы» XI в. в Самарканде, действовавший в одном комплексе с правительственным медресе Кусамийа, выстроенном от имени Тамгач Богра-хана Ибрахима в 1066 г. – одного из первых тюрков Караханидов в Мавераннахре (Немцева, 1974. С. 99 и далее). В XI–XII вв. около машада Кусамы, кроме медресе Кусамийа, были выстроены богато отделанные резной неполивной терракотой и резным ганчем гробницы высшей духовной и светской знати, сложился привилегированный караханидский некрополь, остатки которого раскопаны в 60-е годы XX в., частично в 2004 г.

В начале XI в. в черте города, на южной окраине Самарканда сложился крупный комплексный по функции городской религиозно-культурный и одновременно образовательный центр. Известно, что во все времена в медресе – высшей

духовной школе мусульман, преподавалось не только богословие, но и светские дисциплины.

Традиция создания таких многофункциональных городских архитектурных комплексов у святынь от имени правителей, продолжалась во все последующие века.

«Машад Кусама»

Один из самых крупных и знаковых «машадов» Средней Азии – «машад Кусама» возник в начале XI в. на юге домонгольского Самарканда.

На основе «машада Кусама», его огромной роли в жизни мусульманского общества на протяжении многих последующих веков, сложился всемирно известный архитектурный ансамбль Шахи-Зинда. На протяжении почти тысячи лет, начиная с XI в. вплоть до сегодняшнего дня, культ Кусама ибн-Аббаса не теряет своего значения. При этом термин «*машад*», применительно к гробнице Кусама давно вышел из обихода, в позднесредневековой литературе не встречается, с конца XV в. его заменило новое название Мазари-и Шах (Бартольд, 1963. С. 143), позже — Шахи-Зинда - живой царь.

На всех этапах истории Самарканда паломничество к гробнице Кусама не иссякает, меняется лишь его форма, качество и количество пожертвований. Это отдельная, очень интересная тема.

С XIX в. ансамбль Шахи-Зинда – предмет интересов русской и европейской интеллигенции, ученых – ориенталистов, художников. В XX в. ансамбль Шахи-Зинда – один из главных архитектурных памятников Самарканда, посещаемых туристами всего мира, в советское время - объект огромного масштаба исследовательских и реставрационных работ.

В середине XX в. и позже ансамбль Шахи-Зинда и его культовая основа «Машад Кусама» был хорошо археологически изучен, здесь проведены крупномасштабные реставрационные и исследовательские работы (Немцева, Шваб, 1979). Вскрыты исчезнувшие с лица земли здания XI-XII, XIV-XVII вв., выявлены и определены этапы сложения, преобразований и реконструкций, которые произошли в ансамбле с XI по XX вв. Установлено, что планировочная композиция ансамбля Шахи-Зинды была определена исторической топографией юга Самарканда (улицы, дороги, водные магистрали, крепостная стена города и т.д.), сложившаяся здесь задолго до появления религиозно-культового центра города.

По «машаду Кусама» имеется целый ряд средневековых письменных данных, в том числе редчайший юридический документ – вакуфный акт XI в. (Буниятов, Гасанов, 1994. С. 48). Этот уникальный памятник средневековой истории и

культуры является универсальным для понимания «машадов» вообще, их архитектуры и роли в жизни народов Средней Азии.

В вакфе XI в. впервые документально зафиксирован термин «машад Кусама», позволивший не только понять природу сложившейся на юге Самарканда святыни, но и правильно интерпретировать топонимы и гидронимы средневекового Самарканда в округе Шахи-Зинды.

«Машад Кусама» связан с мнимой могилой Кусама ибн Аббаса — одного из первых миссионеров ислама в Средней Азии. Он прибыл в Самарканд с войсками арабов в последней четверти VII в., еще до окончательного взятия города арабами, и там погиб от рук кафи́ров (неверных) во время намаза, как гласят многочисленные легенды и предания.

Кусам ибн-Аббас — реальное историческое лицо, упомянутое в источниках IX в. (Табари, Белазури, IX в.). Имя ал-Кусама и дата его смерти – 676/677 г. вплетена в орнаментальную композицию майоликового намогильника конца XIV в. (в правление Амира Тимура) в гур-хане комплекса Кусама.

Эта же дата 56|676 г. зафиксирована в историческом сочинении Ибн ал-Асира XII в., сообщающем о том, что Кусам ибн-Аббас пришел в Самарканд вместе с Саидом б.Османом и был убит (Бартольд, 1963. С. 142). Легенды и предания повествуют о том, как войско Кусама ибн-Аббаса во время намаза было перебито кафи́рами, но с самим Кусамом произошло чудо – перед ним раскрылся михраб и он скрылся в нем. По другим, самым распространенным легендам, Кусам, взяв в руки свою отрубленную голову, спустился в колодец (пещеру), где и живет до сих пор (Лапин, 1896. С. 39).

Народный вымысел здесь причудливо переплелся с реальными событиями, которые происходили во времена первых арабских походов и первых проповедей молодой религии ислама в городах Средней Азии.

Кусам ибн-Аббас являлся кровной родней пророка Мухаммада (двоюродные братья), ближайшим сподвижником пророка, и, видимо, именно поэтому (шахидов, погибших за веру на этапе становления религии было много), в его честь в XI в. на юге Самарканда был возведен мемориальный комплекс — «м а ш а д», а имя Кусама ибн-Аббаса не без участия его родственников Аббасидов, увековечено в истории ислама, как одного из главных святых.

Ал-Кусам был не только кровной родней пророка, но схож с ним лицом и характером, как сообщает надпись на мозаичном панно XV в. над

дверью в комплекс Кусама. Посвятительная надпись, якобы от имени пророка (возможно из хадисов?), сообщает следующее — «Сказал пророк арабский, хашимитский, корейшитский, мекканский, мединский, привет ему: - Ал-Кусам ибн - ал - Аббас больше всех людей похож на меня внешностью и характером» (Шишкин, 1970. С. 42-43).

«Машад Кусама» (комплекс Кусама ибн-Аббаса в северной части Шахи-Зинды), был возведен в первой половине XI в., как показали археологические исследования, спустя примерно 3,5-4 столетия после гибели ал-Кусама в VII в.

Как и в других случаях, организация «машада Кусама» в Самарканде приходится на время наиболее широкого распространения суфизма на Востоке

Время основания «машада Кусама» в начале XI в. точно определено на основе стратиграфических и вакуфных данных. Ансамбль Шахи-Зинда, в том числе гурхану Кусама ибн-Абаса подстилают культурные слои периода обживания городища в IX–X вв. со всеми атрибутами быта (глинобитные стены, бадрабы, водопровод и канализация из керамических кубуров, огромное количество глазурованной керамики, монеты). К 1066 г., согласно вакфу у «машада Кусама» появилось медресе Кусамийа, отстроенное караханидом Тамгач Богра-ханом (Немцева, 1974. С. 99 и далее). Ко времени строительства медресе Кусамийа «машад» существовал, видимо, уже не один год.

Ни могилы VII в., ни вообще ранне-арабского кладбища этого времени непосредственно под ансамблем Шахи-Зинда и под гурханой комплекса Кусама нет. Территория эта, как говорилось, являлась жилым кварталом вплоть до конца X – начала XI вв.

При археологических исследованиях в гурхане под майоликовым намогильником XIV в. расчищено непо потревоженное (в анатомическом порядке) погребение XI–XII вв., которое исключает перезахоронение останков Кусама в VII в. (Немцева, 1970. С. 130) (практика такая в принципе существовала). Это погребение XI в. под намогильником XIV в. – одна из загадок Шахи-Зинды. Как видно, захоронение шейхов или других известных духовных лиц в гурхане «машада» с фиктивной могилой святого не нарушало нормативов ислама.

«Машад Кусама» являлся классическим средневековым «машадом» Средней Азии, местом почитания канонизированного в исламе святого, установленном не над могилой, а на месте, выбранном шейхами, удобном для зиарата (как и в Египте, по данным И. Гольдциера).

Действительное захоронение Кусама б. Абба-

са в VII в., как сообщает Малая Кандийа, было совершено на юге Самарканда, на кладбище первых арабов из племени бану-Нахийа (Малая Кандийа, 1906. С. 260-262).

Смутные данные Малой Кандии позволяют думать, что это кладбище арабов располагалось где-то поблизости от южных, Железных ворот города (Немцева, 1974. С.128), между теперешней Шахи-Зиндой и мечетью Хазрети–Хызр. Там же находилась самая ранняя в Самарканде мусульманская мечеть Мухаммада ибн-Васы. «Поблизости от Железных ворот похоронено много известных мучеников за веру и место это внушает страх и уважение. Все население почитает это место» (Малая Кандийа, 1906. С. 246).

Кладбище Бану-Нахийа, независимо от точной локализации, было поблизости от Шахи-Зинды. Малая Кандийа, составленная в XII в. дошла до нас в редакции XV в. и вследствие этого не дает точных ориентиров. Существующее вокруг Шахи-Зинды, самое старое, постоянно действующее вот уже 14 столетий мусульманское кладбище Самарканда стерло признаки исторической топографии и не оставило никаких следов его древнейшей основы – кладбища Бану-Нахийа.

К XI в. реальная могила Кусама ибн Аббаса VII в., как и кладбище Бану-Нахийа обросли, надо полагать, другими могилами и культовыми постройками. Малая Кандийа сообщает о могилах (мазарах) шейхов и правителей мусульманских (Малая Кандийа, 1906. С. 261-262).

По преданию на ранних могилах мусульман полагался небольшой земляной холм с палочкой в головах и чем больше стиралась могила с поверхности земли, тем большую святость она приобретала. Не исключено, что могила Кусама как-то была оформлена, может быть, сооружена сагана(?), которая к XI в. уже не соответствовала масштабам сложившегося зиарата.

Зиарат XII в. (и более позднего времени) подробно описан в Малой Кандийи. Каждый желающий поклониться могиле царевича Кусама сына Аббаса должен совершить полное омовение, затем войти со стороны Железных ворот (явно послемонгольский период), где мечеть ибн Васы с катакомбой (сохранялась еще первая мечеть Самарканда VII-VIII вв.). Далее подробно описан путь зиарата со всеми молитвами, просьбами о нуждах, лобызанием порогов гробниц похороненных здесь правителей (караханидский некрополь XI–XII вв. у «машада» раскопан в 60-е годы XX в., частично в 2004 г.) вплоть до гробницы Кусама. Термин «машад» при этом в Малой Кандийи уже не упомянут. Приблизившись к месту упокоения царевича Кусама надо войти в мечеть (с северной стороны комплекса) и совершить там

два раката намаза. Далее подробно описаны молитвы, обозначены суры Корана, которые надо произнести перед вступлением к святыне. Подробные описания зиарата в основном довольно четко вписываются в известную планировочную структуру комплекса Кусамы XI в.

Поклонения могиле Кусамы, жертвоприношения в начале XIV в. ярко описаны также Ибн Баттутой, посетившего Шахи-Зинду в 30-е годы этого столетия. Во времена Ибн Баттуты, это была уже загородная святыня, где полностью сохранились все культовые постройки XI–XII вв., принадлежавшие, видимо, духовенству и караханидской знати (раскопаны вдоль дорожки-коридора север-юг) (Немцева, 1970. С. 145 и далее).

Жители города, сообщает Баттута, приходят поклониться могиле Кусамы каждый вечер в понедельник и пятницу. Татары тоже приходят сюда, дают огромные пожертвования, приводят коров и баранов, приносят дирхемы и динары, которые расходуются для угощения паломников и служителей благословенной могилы (Ибн Баттута, 1996. С. 278).

Главный фасад и вход в «машад Кусамы», как показали исследования, располагался с северной стороны, был обращен к каналу. Ибн-Баттута застал еще эту ситуацию. Снаружи гробницы Кусамы течет большой арык, по берегам его жилища для путешественников. Как сообщает марроканский паломник: «Татары еще в то время, когда были язычниками, ничего не изменили в этой святой гробнице и даже стали почитать ее, будучи свидетелями ее чудес» (Ибн Баттута, 1996. С. 278).

Сведения оставленные Баттутой о культуре Кусамы, его значении в XIV в., жертвоприношениях, действующем в XIV в. канале, дополняют данные Малой Кандийи и очень важны для реконструкции истории «машада Кусамы» в монгольское время. Оба этих источника рисуют довольно ясную ситуацию у гробницы Кусамы в XII–XIV вв., которая с полным основанием проецируется и на более ранний и более поздний периоды. Раскрывается живая, исторически достоверная картина одной из сторон жизни местного населения, связанная с «машадом Кусамы».

Архитектура «машада Кусамы»

Наиболее древнее архитектурное ядро ансамбля Шахи-Зинда – комплекс Кусамы ибн Аббаса XI в. представлен компактной группой взаимосвязанных помещений, выстроенных единовременно, слитых в единый целостный объем. Здесь нет архитектурно разработанных фасадов, порталных входов, следов внешнего декора. Сложный и выразительный конгломерат нарастающих

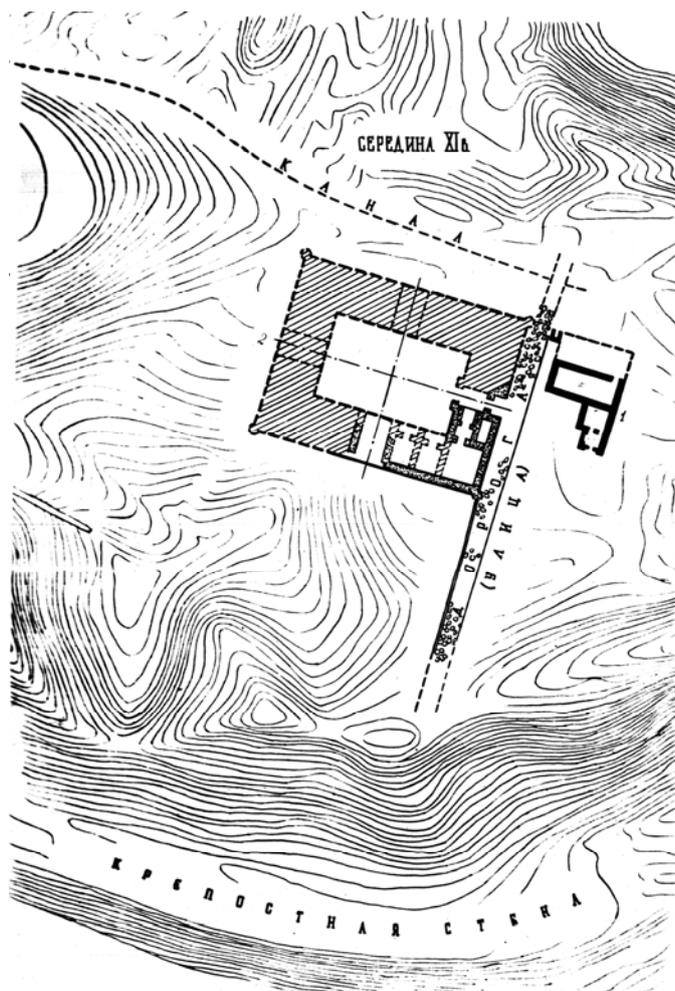

Рис. 1. План-схема ансамбля Шахи-Зинда (Самарканд VII в. до н.э. – XIII в.)

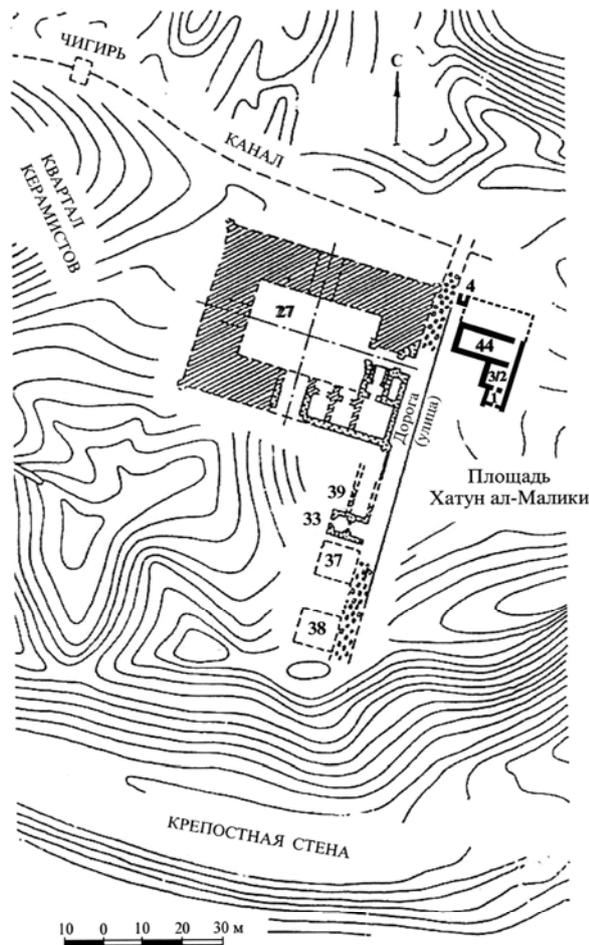
к центру разномасштабных объемов выдержан в однородной серовато-желтой фактуре кирпичной кладки.

Аскетизм внешнего облика «машада Кусамы» особенно диссонирует на фоне блестящих мавзолеев ансамбля XIV–XV вв., с голубыми куполами и входными порталами, покрытых глазурованной цветной майоликой и мозаикой.

«Машад Кусамы» в XI в. был установлен на пересечении канала и дороги-улицы (юго-восточная четверть), выявленных археологически, на берегу канала. Главная входная часть была обращена на север к руслу канала и, надо полагать, к дороге вдоль него (направление запад-восток).

Улица-дорога IX–X вв., мощеная камнем шла с севера на юг (выявлена под вымосткой коридора Шахи-Зинды), изначально определила общую планировочную композицию ансамбля Шахи-Зинда¹.

Канал, обнаруженный раскопками, проходил от мечети Хазрет-Хызра (от головного распределителя Джуи Арзис) к северной группе мавзолеев Шахи-Зинда. Сейчас там проходит водопровод-

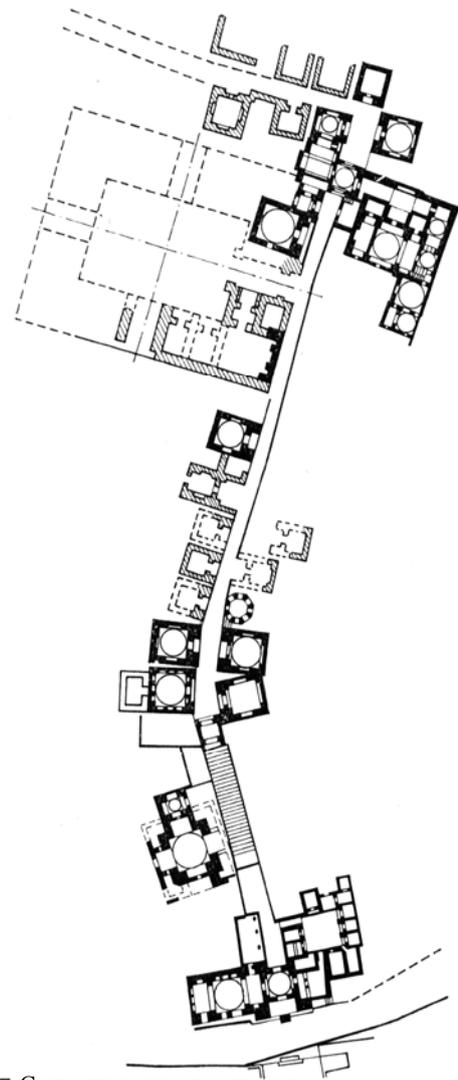
План ансамбля Шахи - Зинда в XI - XIII вв.

- 1-4 - гур-хана, чилля-хана, зиарат-хана, минарет,
- 44 - мечеть XI в.,
- 27 - медресе Кусамие 1066 г.,
- 33 - мавзолей XIII в.,
- 37 - сооружение XI-XII вв.,
- 38 - мавзолей XII в.,
- 39 - остатки стен помещения XI - XII вв.

ная сеть и асфальтовая дорожка.

Состав помещений комплекса XI в. был определен сложившимся в исламе обрядом поклонения святым местам. Главным помещением святилища была гробница Кусамы (гурхана) небольшое квадратно-купольное помещение с решеткой-панджара и боковым входом в северной стене. К ней с севера примыкала (с общими смежными стенами) зиаратхана с полуподземной чилляханой в подпольной части для сорокадневного поста. Планировочную композицию с севера завершала каркасная мечеть в одном уровне с чилляханой. Остатки стен мечети XI в. вскрыты под существующей большой мечетью XV в.

Мечеть XI в. имела, судя по остаткам деревянных конструкций, плоское перекрытие, была отделана резным деревом, части которого в виде резного деревянного фриза и консолей обнаружены при исследованиях на северной стене зиарат-

- Существующие памятники
- ▨ Вскрытые памятники

Рис.3. План-схема ансамбля Шахи-Зинда (до реконструкции 2004-2005 гг.).

ханы на всю высоту (Немцева, 2002. С. 185 и далее).

Композицию завершал небольшой цилиндрический минарет у северо-западного угла мечети, обращенный орнаментированной лицевой стороной на север, к каналу. Минарет XI в. несомненно конструктивно был связан с мечетью XI в., но сейчас этот участок застроен более поздними помещениями и недоступен для исследований.

Эта уникальная двухъярусная структура комплекса (с перепадом в уровнях на 2,5 м), выстроенная единовременно и по единому плану, была вписана в неровный рельеф местности, который был гениально обыгран зодчим для решения единого архитектурного организма с двухэтажным расположением помещений.

В отличие от монотонных, лишенных признаков времени фасадов, интерьеры комплекса более живописны.

Главное святилище «машада Кусамы» гурхану в XI в. украшал резной деревянный кенотаф, инкрустированный самоцветами и обитый серебром, как сообщает Ибн Баттута. Над ним было три серебряных светильника. В конце XIV в. при Тимуре здесь был установлен трехступенчатый майоликовый намогильник с арочным завершением, существующий сейчас.

При исследованиях гурханы много раз обновлявшейся в интерьере, найдены фрагменты декора (расписная панель, вымостка пола из голубых изразцов).

Стены зиаратханы в XI в. покрывала живописная полихромная роспись растительного характера. Каркасную мечеть XI в. внутри украшало резное дерево, как сказано выше (фриз и консоли, на которых держалась кровля). Видимо, резным деревом был украшен и михраб в западной стене (вскрыт в черновой кладке). Резные деревянные детали XI в. были разобраны при строительстве существующей мечети XV в. и использованы в качестве перемычек над окнами и дверьми, часть обломков резного дерева оказалась под полом.

Декором из кирпичных изразцов с северной лицевой стороны был облицован цилиндрический минарет, завершающий комплекс в с-з части (Немцева, Шваб, 1979. С. 92).

В последующие столетия эта главная святыня ансамбля, не единожды ремонтировалась, обновлялась, обросла новыми помещениями, но основное изначальное объемно-планировочное ядро комплекса сохранилась с XI в. почти неизменным.

Как самая почитаемая часть Шахи-Зинды, комплекс Кусамы («машад Кусамы») во все времена был предметом внимания духовенства и правительства. В XV в. на месте мечети XI в. была выстроена большая мечеть, в XIV в. (1334/35 г.) появился новый купол над зиаратханой, в подпольной чилляхане вместо плоского перекрытия XI в. появился свод. С северной и восточной сторон комплекс на одном из этапов был закрыт сводчатым обводным коридором, но общая объемно-планировочная композиция первоначального комплекса XI в. не изменилась.

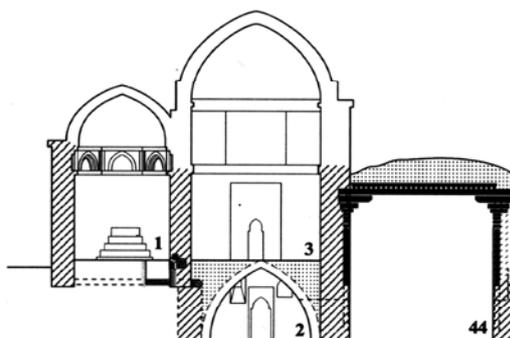
За время своего тысячелетнего существования комплекс Кусамы, как и

ансамбль Шахи-Зинды пережил два основных, несколько функционально разных периода (сместились акценты): период XI–XII вв. (до монгольского разгрома Самарканда в 20-е годы XIII в.), когда в пределах внешних стен города на основе «машада Кусамы» сложился характерный для средневековья городской религиозно-культурный и образовательный центр, включавший мусульманскую святыню и правительственное медресе Кусамийя.

Второй период относится к XIV–XV вв., когда у почитаемой святыни – «машада Кусамы», появился загородный (Афрасиаб в XIII в. был покинут жителями, Самарканд переместился на юг, на территорию пригорода – рабада) царский некро-

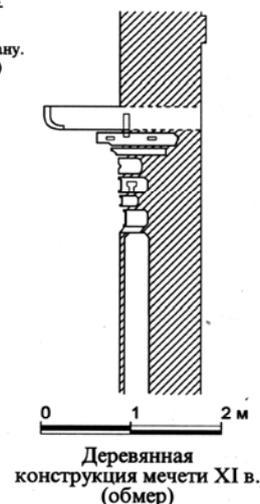
Комплекс Кусамы ибн Аббасы в XI в. (разрез и план с элементами реконструкции):

(принятая нумерация соответствует ранее опубликованному генплану. Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шахи-Зинды, Ташкент, 1979)

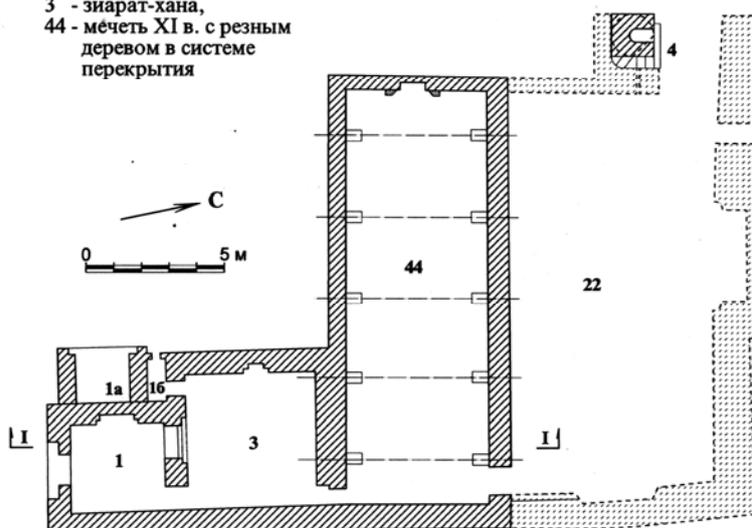

Разрез I-I

- 1 - гур-хана,
- 2 - чилля-хана,
- 3 - зиарат-хана,
- 44 - мечеть XI в. с резным деревом в системе перекрытия

Деревянная конструкция мечети XI в. (обмер)

План стен

- 1 - гурхана,
- 1-а - поминальная ниша,
- 1-б - вход в чилля-хану,
- 3 - зиарат-хана,
- 44 - мечеть XI в.,
- 4 - минарет,
- 22 - помещение XI-XII вв.

Рис. 4. «Машад Кусамы» (комплекс Кусамы ибн Аббасы) в XI в. (к 1066 г.)

поль — ансамбль Шахи-Зинда с роскошными мавзолеями царской семьи и военачальников армии Темура. У «машада Кусамы» на месте каракханидского некрополя на оси север-юг появились портално-купольные однокамерные усыпальницы с блестящим глазурованным покрытием из полихромных изразцов в сине-голубой гамме.

В первый период XI–XII вв., гробница Кусамы ибн Аббаса с мнимой могилой («машад Кусамы») была главным мусульманским святилищем Самарканда, равная по значению могиле пророка в Медине. «Следует знать, что после гробницы великой, благоухающей, пресветлой пророка Мухаммада нет места поклонения выше мазара царевича Кусамы сына Аббаса, потому, что он двоюродный брат пророка», сообщает Малая Кандийа (Малая Кандийа. С. 260). На протяжении XI–XII вв. паломничество к «машаду Кусамы» заменяло «хадж» в Мекку.

Значение культа Кусамы ибн-Аббаса в государственной политике и идеологии при Караханидах было огромным. У машада Кусамы в XI в. (1066 г.), как сказано выше, было возведено правительственное ханифитское медресе Кусамийа от имени одного из первых государей этой династии — Тамгач Богра-хана Ибрахима. Около «машада Кусамы» и медресе Кусамийа вдоль дороги север-юг сложился ансамбль прекрасных мавзолеев, отделанных в духе времени неполированной резной терракотой, резным ганчем и деревом (Немцева, 1970. С. 120 и далее).

В 60-е годы XX в. остатки медресе Кусамийа были раскопаны. Выявлена и реконструирована схема его планировочной композиции, общие параметры (55x44 м), строительные приемы и художественная отделка (Немцева, 1974. С. 99 и далее).

Из вакфа XI в. следует, что в медресе Кусамийа преподавалось обязательное для всех духовных школ в исламе богословие (изучение Корана, хадисы и др.) и одновременно светские дисциплины (в вакфе упомянут адаб).

В вакфе, в связи с распределением завещанных средств, четко фиксируется число помещений в медресе, перечисляются - мечеть, дарсхана, помещения для изучения шариата, для изучения Корана. Крупное помещение для чтения Корана, для изучения адаба, небольшие помещения (художры) для проживания студентов, библиотека, дворик и сад (Большаков, 1971. С. 172; Немцева, 1974. С. 134).

В градостроительном отношении «машад Кусамы» и медресе Кусамийа, установленные визави, представляли собой ансамбль «кош» - планировочный прием, получивший в дальнейшем в Средней Азии широкое распространение.

Второй крупный период в жизни Шахи-Зинды, как говорилось, связан со сложением существующего в наше время царского некрополя — ансамбля Шахи-Зинда XIV–XV вв. Городской культовый центр у «машада Кусамы» превратился в загородный царский некрополь. Источники не сообщают об особой роли культа Кусамы в это время, но акцент явно переместился. Если во времена Баттуты в первой трети XIV в. «машад Кусамы» оставался главной загородной святыней Самарканда, куда приходили в понедельник и пятницу местные жители и татары и, видимо, сохранялись гробницы XI–XII вв., то со времен правления Тимура ситуация изменилась, особенно в 80-90-е годы XIV в. — в начале XV в., когда

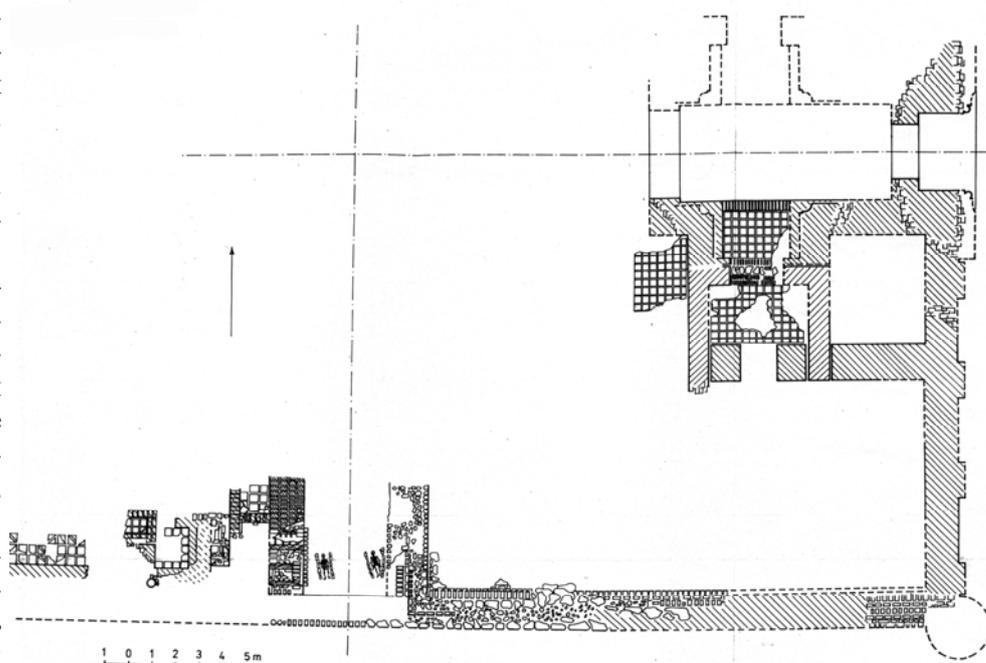

Рис. 5. Ансамбль Шахи-Зинда в XI–XII вв.: (1 – гурхана комплекса Кусамы 3\2 – зиаратхана с чилляхой в подпольной части комплекса Кусамы, 44 – мечеть XI в. в комплексе Кусамы, вскрытая под существующей мечетью XV в. 4 – минарет XI в. в комплексе Кусамы), 27 – медресе Кусамийа 1066 г. у «машада Кусамы», 33–37–38–39 – вскрытые конструкции и декор XI–XII вв.

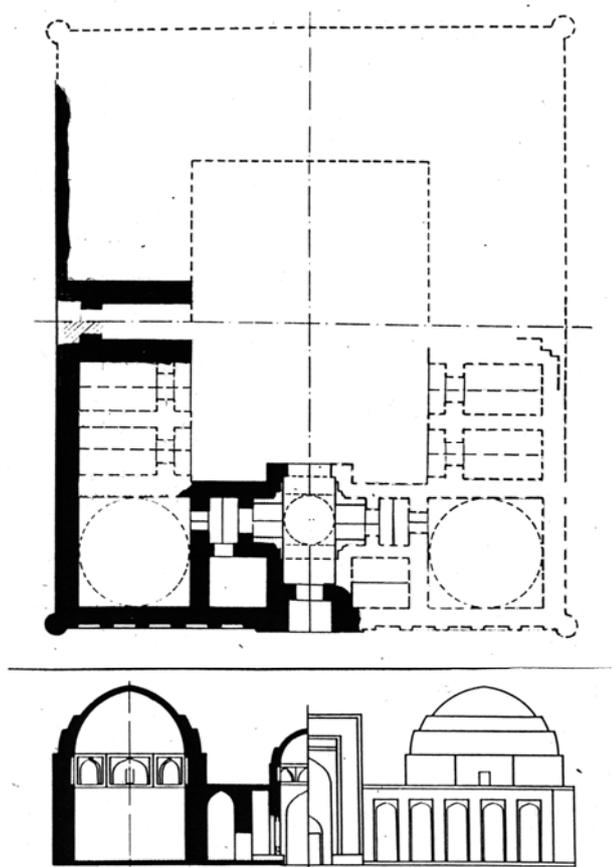

Рис. 6. Комплекс Кусамы ибн Аббаса («машад Кусамы») в XI в. (разрез и план с элементами реконструкции)

Рис. 7. Резная деревянная консоль XI в. из мечети комплекса Кусамы ибн Аббаса

окончательно сложился существующий ансамбль Шахи-Зинда.

Хотя комплекс Кусамы ибн Аббаса в XIV–XV вв. несколько раз обновлялся и ремонтировался, с другими сооружениями XI–XII вв. во времена Темура не церемонились. На месте гробниц караханидской эпохи появились портално-купольные мавзолеи родственников Темура по женской линии (жены, сестры, племянницы) и наиболее приближенных эмиров его прославленной армии (Эмир-заде, эмир Бурундук, эмир Хусейн).

Караханидский ансамбль XI–XII вв. при Темуре был уничтожен, мавзолеи караханидской знати разобраны на кирпич, часть зданий XI в. — вмурована в стены мавзолеев XIV в. (на ю-в части медресе Кусамийа установлен мавзолеем Безымянный-2), другая почти снесена до основания. При раскопках найдены лишь основания стен и, главным образом, декор XI–XII вв., неприкосновенной оставалась только главная святыня — «машад Кусамы»

Общая планировочная композиция ансамбля, сложившаяся в XI–XII вв. вдоль дороги север-юг в пределах крепостных стен города, в XIV в. не изменилась. Но в начале XV в. в планировочной композиции ансамбля север-юг возникло новое направление — запад-восток, получившее условное название «западный коридор» (от северной группы в сторону Железных ворот). По дороге вдоль действующего еще в это время канала появилась группа однокамерных мавзолеев того же типологического круга, что и гробницы 80–90-х годов XIV в. в пределах крепостной стены Афрасиаба по линии север-юг.

В 30-е годы XV в. при Улугбеке был застроен внешний склон городища Афрасиаб, возникла парадная нижняя группа зданий с монументальным порталным входом, дарвазаханой и группой смежных помещений. С западной стороны на склоне в это же время установлен самый эффектный памятник Шахи-Зинды — двухкупольный мавзолеем «матери Султана» с женским погребением (Немцева, 1981. С. 126–140). В гур-хане мавзолея, как показали исследования, похоронена молодая придворная дама примерно 35 лет. Внешний склон городища (на месте теперешней одномаршевой лестницы) в это время оформляется тремя террасами, отделанных мозаикой. Перед входным порталом XV в. за дорогой выстраивается ритуальная баня для зимних омовений (вскрыта в 2004 г. при реконструкции ансамбля), а в комплексе Кусамы в XV в. на месте мечети XI в. построена большая трехчастная мечеть, существующая сейчас. Возведение монументального портала, ритуальной бани для омовений перед

Рис. 8. Фрагмент облицовки входного айвана медресе Кусамийа 1066 г. (кирпичные изразцы в сочетании с резным ганчем)

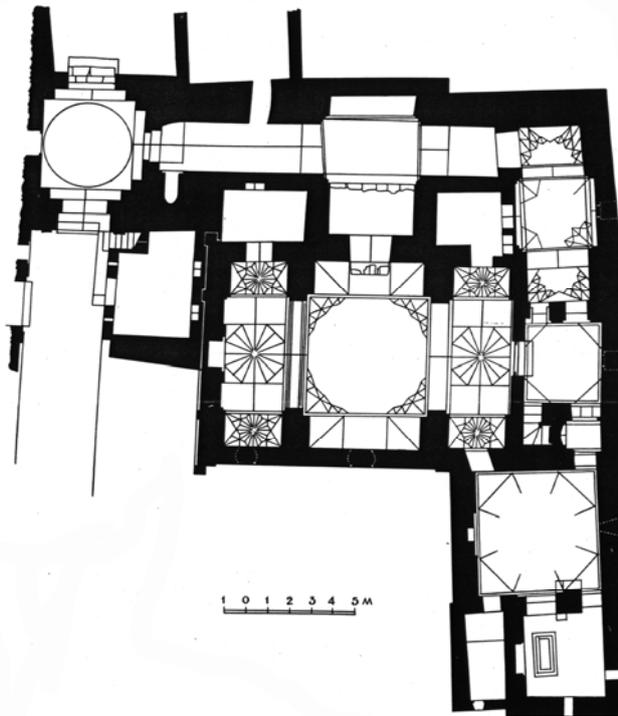

Рис. 9. План комплекса Кусам ибн Аббаса, XI–XV вв.

входом в Шахи-Зинду и большой мечети у главной святыни города свидетельствует о неослабевающей роли культа Кусам в жизни самаркандцев и религиозной политике Улугбека.

На протяжении последующих столетий, вплоть до XIX в. ансамбль застраивался небольшими погребальными сооружениями (примитивные по архитектуре мавзолеи без облицовки из сборного материала, сагана, дахмы), которые принадлежали средней социальной прослойке населения Самарканда и духовенству. В XVIII в. в нижней группе возникло небольшое медресе, в начале XIX в. – летняя айванного типа

мечеть.

В заключение, можно сказать, что официальный культ Кусам ибн-Аббаса, сподвижника пророка и его кровной родни, возникший на юге Самарканда, прошел длительный путь развития от XI в. до сего дня. Это был типичный классический «машад» с мнимой могилой ал-Кусам. За этот промежуток времени длиной почти в тысячу лет в связи с политическими, социально-экономическими и культурными переменами в истории Средней Азии менялся статус, архитектурное и художественное оформление комплекса, формы и виды обрядовой системы у «машада Кусам».

Во второй половине XI в. (1066 г.) городская мусульманская святыня с «машадом Кусам» в основе получила статус государственного религиозного и культурно-образовательного (для своего времени) центра Самарканда. У городской святыни устанавливается ханифитское медресе Кусамийа, выстроенное караханидским правителем Тамгач Богра-ханом. К XII в. у святыни сложился некрополь с мавзолеями караханидской знати.

Издревле сложившаяся на юге Самарканда топография местности продиктовала общую планировочную композицию ансамбля XI–XII и XIV–XV вв., развивавшегося в основном с севера на юг, к крепостной стене города и за ее пределами.

На юге города в пределах крепостной стены Самарканда сформировался типичный для средних веков не только ислама, но и других конфессий Евразии, функционально сложный культовый комплекс «машад Кусам» с мнимой могилой почитаемого святого.

Во второй половине XIV – первой половине XV в. при Темуре и первых темуридах городская святыня – «машад Кусам» превратился в фамильный загородный царский некрополь. Гробница Кусам — по-прежнему самое святое, почитаемое место в Самарканде, но термин «машад» исчез из употребления, появилось название Шахи-Зинда – Живой царь. На месте караханидского некрополя сложился известный ансамбль Шахи-Зинда.

Обряд поклонения святыне также менялся на протяжении веков. В средние века это чисто религиозная святыня, зиарат, к которой был четко регламентирован церковью. В XX — начале XXI в. значение и роль «машада» не исчезли из ментальности населения, но появился новый нюанс при сохранении главных элементов зиарата (молитвы и жертвоприношений). Ансамбль Шахи-Зинда стал предметом восхищения и изучения средневековой истории, материальной и духовной культуры, архитектуры и искусства Средней

Рис. 10. Фрагменты декора из ансамбля Шахи-Зинда XI–XII вв. (резная неполированная терракота).

Азии. Одновременно с познавательным значением ансамбль Шахи-Зинда сохранил и свою магическую роль. Появились новые формы почитания гробницы, которые в последние 10 лет включают в обрядовую систему свадебные церемонии, посещение гробницы молодоженами.

В молитвы и мольбы, с которыми вот уже почти 1000 лет обращается местное население, включены не только вечные просьбы о здоровье и бла-

гополучии, но и актуальные просьбы о помощи при поступлении в ВУЗ, сдаче экзаменов, в том числе, кандидатского минимума, в советское время – получении партбилета, за которым стояла карьера и т.д. Жизнь во все времена диктовала свои нормы поведения у почитаемой гробницы, приобретая новые формы и оттенки.

Примечание

1. Реконструкция планировочной композиции ансамбля Шахи-Зинда в 2004 г., проведена не профессионально, с нарушением историко-топографической конъюнктуры этой части Афрасиаба.

Использованная литература

- Гольдциер И. Культ святых в исламе. М., 1938.
- Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003.
- Абашин С.А. Шахимардан // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999.
- Снесарев Г.П. Хорезмийские легенды, как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983.
- Немцева Н.Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана // Советская археология, № 3, 1969.
- Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI–XII вв. // Зодчество Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1970.
- Немцева Н. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шахи-Зинда (историко-архитектурный очерк). Ташкент, 1979.
- Немцева Н. Многофункциональный мемориально-культовый комплекс Ходжа Машад на юге Таджикистана // Общественные науки в Узбекистане, № 5-6-7-8. Ташкент, 1995.
- Немцева Н.Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-Заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда // СА, № 4. М., 1981.
- Немцева Н.Б. К истории сложения комплекса Кусама б. Аббаса (новые данные) // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002.
- Хмельницкий С. Ходжа Машад, Берлин-Рига. 2001.
- Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. М.-СПб., 2004.
- Демидов С. Машад-ата. Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 4. М., 2003.
- Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994.
- Лапин С.А. Шах-и Зинда и его намогильный памятник // СКСО. Вып. IV. Самарканд, 1896.
- Шишкин В.А. Надписи в ансамбле Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1970.
- Малая Кандийа (перевод В.Л. Вяткина), СКСО. Вып. VIII. Самарканд, 1906.
- Путешествия Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия. Перевод и комментарии Н. Ибрагимова, Т. Мухтарова. Ташкент, 1996.
- Большаков О.Ф. Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
- Casimir M.J., Glatzer B. Sah-i Mashad, a Recently discovered Madrasah of the Ghurid Period in Gargistan (Afganistan), Est and West, 1971, 1-2.

А.Э. Бердимуратов, Г.И. Богомолов

ОБРАЗ ПТИЦЕЧЕЛОВЕКА НА РЕЛЬЕФАХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СОГДИЙЦЕВ В СЕВЕРНОМ КИТАЕ

«Западный край» сыграл в развитии культуры Китая довольно значительную роль. Географически это понятие относилось ко всем странам на западе, вплоть до восточных провинций Римской империи, но практически под ним, прежде всего, понимались страны Туркестана, где среди среднеазиатских владений, особенно выделялась Согдиана. Согдийцы принимали активное участие в установлении и развитии культурных контактов с Китаем. Недаром современные исследователи называют согдийских купцов «финикийцами Средней Азии». В III-IV вв. н.э. колонии согдийцев появились и обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и внутри Китая, а в VI-VII вв. Согд достиг зенита своей славы. Многочисленность согдийской диаспоры и крепкие экономические позиции позволили согдийцам стать заметным фактором политической жизни и культуры Китая. Так, потомок согдийских купцов Кан Сюань финансирует переворот Сяо Яня в 501 г., а другой его соотечественник Хэ Ши-кай вообще занимает место всесильного временщика при североциском дворе.

Не менее значимо воздействие культуры Согда на Китай. Именно согдийцы способствовали популяризации многих западных веяний (особенно в музыкальной культуре и в декоративно-прикладном искусстве). Но вместе с тем, сама согдийская диаспора испытывала сильнейшее воздействие китайской культуры, что вольно или невольно включало процессы космополитизации.

Именно поэтому к числу интереснейших и многогранных по своей значимости находок, сделанных в последнее время в Северном Китае, относятся каменные саркофаги умерших представителей элиты согдийской диаспоры.

Объединяет эти находки не только хронологическая близость или принадлежность к высшим слоям согдийской колонии, но и ряд характерных черт в смысловой нагрузке и художественном оформлении погребальных сооружений. Среди элементов декора следует отметить образ необычного диморфного существа в виде птичье-человека, получеловека-полуптицы.

Первая из них – могила (Ю) Иу Хонга, являвшегося «сабао» (руководителем) согдийской колонии Бингужоу (близ Тайюаня провинции Шанси) и умершего в 592 г. (Xinjiang, 2004. P. 7). По-

гребен в каменном саркофаге из белого мрамора в виде домика с двухскатной крышей (явно восходящего к китайскому образцу). На нижней панели лицевой стороны центральное место в самом нижнем ярусе занимает сцена с двумя птичье-людьми, стоящими у алтаря с огнем. Верхняя половина тела персонажа – человеческая и явно передает облик согдийца. У него удлинённая голова с крупным тонким, прямым носом, глаза (зрачки не выделены) миндалевидной формы, лоб высокий, выпуклый, волосы длинные и, кажется, часть их заплетена в косу или, по крайней мере, в них вплетена лента, концы которой немного расширяются и развеваются за спиной. Нижняя часть лица украшена усами и бородой, большая часть последней прикрыта повязкой-подамом. Волосы, кроме того, были, видимо, окрашены в черный цвет.

На голове персонажа – корона в виде крупного диска, медальона с перлом в центре, и отходящих от него двух крыльев. Сам персонаж одет в туникообразную рубаху с простым округлым воротом и длинными рукавами, концы которых обрамлены нешироким манжетом. Скорее всего, поверх рубахи одета куртка или кофта с короткими рукавами, концы которой имеют фестончатое обрамление.

Руки выше локтей перехвачены длинным шарфом. Концы шарфа имеют трапециевидное расширение. Кроме того, они, видимо, как и весь шарф, были украшены красной полосой, только у левого персонажа – продольной, а у правого – поперечными полосками. Сам шарф и его концы вздымаются вверх за спиной персонажа. Талия перехвачена поясом со сложным крупным узлом спереди. Концы пояса имеют сильно расширенное листовидное завершение с зубчатыми краями (рис. 1.1).

Нижнее туловище переходит в птичье с крупным петушиным хвостом и четырехпальными ногами со шпорами. Отметим сухощавую, поджарую конституцию этой пары существ. Одной рукой персонажи касаются алтаря (держат его), другой, согнутой в локте, поправляют повязку у рта (рис. 5, 1). Причем, на руки персонажей, как у зороастрийских жрецов, одеты рукавицы.

Вторая находка – каменное погребальное ложе Ан Джиа, который был выходцем из Бухары, являлся сабао Тонгзхоу (современное Дали в про-

Рис. 1. Изображения птицелюдей в Китае и Египте.

1. Птицеловек – божественный жрец на рельефе каменного погребального ложа Иу Хонга (592 г.).
 2. Птицеловек на каменном рельефе из могилы Ан Джэя (579 г.). 3. Божественный охранитель и посланник в виде птицелюда. Настенная роспись в Бамиане. 4. Прорисовка каменного рельефа с мифологическим сюжетом кормления предков (небожителей) из могилы Ан Джэя (по *Bulletin of Miho Museum*. 2004, pl. 10). 5. Прорисовка птицелюда – божественного жреца на саркофаге Ши Джэна.
 6-8. Мотивы с птицелюдом (Ба, Пути) на коптских тканях V-VIII вв. (Египет).

винции Шанхай) и умер в 579 г. (Xinjiang, 2004. P. 7).

Но для нашей темы интересен каменный рельеф полуовальной формы, помещенный над входом в камеру. На ней изображен некий определенно важный религиозный сюжет. Фокус композиции сконцентрирован на несколько необычном алтаре огня. Он имеет лotosовидное круглое основание, на котором помещены три стоящих верблюда, на чьи спины, в свою очередь, водружено еще одно круглое лotosовидное основание с плоской чашей или жаровней с горящим огнем. По бокам от алтаря стоят два жертвенных столика с цветами, какими-то веточками, яствами и напитками. Освящают их стоящие рядом фантастические диморфные существа в виде полулюдей-полуптиц. Их опять двое и они почти идентичны. Однако их фигуры менее проработаны и детализированы. Голова удлиненной формы, с крупным прямым носом. Лоб высокий, слегка прикрыт густыми волосами. Глаза большие, но,

кажется, переданы закрытыми. Причем лицо правого персонажа явно имеет некоторую монголоидность. Немного разнится и прическа персонажей: у левого – она горшком», закрывая частично лоб, уши и шею, а у правого – лоб остается открытым. Примечательно наличие густых усов и бороды клинышком. Перед носом и ртом показана закрывающая их повязка. Вероятно, персонажи одеты в рубаху с длинными рукавами. (У левого существа в нижней половине рукавов показаны горизонтальные складки). В области талии вверх отходят два крыла. Хвост загнут вверх. Ноги короткие, четырехпалые с направленной в противоположную сторону короткой шпорой (рис. 1. 2). Вообще, в целом, фигуры этих фантастических существ более приземисты и тучные, чем в рельефах Иу Хонга. Их человеческая половина напоминает описание китайским историком жителей Согда – «люди там имеют глубоко посаженные глаза, возвышенный нос и очень волосатые...» (Эршиу ши. Т. 3. С. 2129). Совершенно

очевидно, что эта пара птицелюдей совершает какую-то церемонию, т.к. на них возложены жреческие функции. В опущенных вниз руках, каждый из них держит за конец какую-то тонкую палочку (барсом?), другим концом которой они касаются предметов на жертвенном столике (Bulletin Miho Museum, 2005. Pl. 10).

Еще одной находкой стало погребальное сооружение Ши Джуна, уроженца Кеша, чье имя, согласно согдийской части эпитафии, было Виркак. Каменный саркофаг Ши Джуна тоже имитировал традиционный деревянный китайский дом (Lerney, 2004, p. 154, fig. 1-4). Стены его были покрыты резьбой на религиозные темы. Вход фланкирован фигурами четырехрукого божества-охранителя, стоящего на карлике (Шива?!). Две угловые панели, соответственно справа и слева дают идентичные композиции – центр их занимает квадратное окно, зарешеченное вертикальными планками. Выше помещены фигуры сидящих на коленях музыкантов, над левым плечом каждого из них порхает птичка. Ниже по бокам от окна помещены стоящие фигуры согдийцев в халатах и сапогах. Рука одного из них поднята вверх и держит чашу. Ниже под окном помещена фигура стоящего фантастического существа полчеловека-полуптицы перед горящим алтарем огня. У персонажа бородатое лицо с большим чуть крючковатым носом. Густые волосы закрывают лоб, уши и падают на шею. Лоб и волосы перехвачены повязкой, расширяющиеся концы которой развеваются за головой персонажа. Нижнюю часть лица прикрывает повязка – подам. Одет персонаж в куртку или рубаху с треугольным разрезом спереди. Длинные рукава заканчиваются валиком-манжетом. На талии пояс из нескольких лент с узлом спереди. Нижняя часть птичьа. Ноги короткие с массивными ляжками, четырехпалые. Средний палец поднят вверх на обеих лапах. Хвостовое оперенье полностью не поместилось, но видно, что длинные перья загнуты вниз. Крылья на этот раз помещены за спиной персонажа и подняты вверх. Они хорошо проработаны, показаны линии длинных перьев и коротких. Верхушка крыла загнута крючком. Необычно положение рук: правая – согнута в локте и прижата к верхней части живота, в левой, опущенной вниз, персонаж держит две длинные тонкие палки (может щипцы?), вытянутые по направлению к алтарю (рис. 1.5).

Таким образом, можно констатировать, что сюжет с участием существа в виде полчеловека-полуптицы неоднократно встречается в погребальных сооружениях согдийской элиты в Северном Китае во второй половине VI века. Их изо-

бражения имеют ряд отличий в каждом конкретном случае, но в то же время сохраняют в своем облике общие характерные признаки. В предложенных сценах композиций их изображения парны и определенно связаны с почитанием огня и погребальным культом. Наличие у них таких атрибутов как повязки-падам, щипцов или веточек барсома указывает на возлагавшиеся на них жреческие функции.

В то же время сам образ этих диморфных существ загадочен. С одной стороны очевидна связь этого существа с петухом, принадлежность к образу которого ярко демонстрирует его нижняя половина тела. С другой, судя по его антропоморфным чертам, одежды и атрибутам, налицо принадлежность к «западному» «согдийскому» миру, то есть прототипы этих изображений (образов) и самой композиции, вероятней всего, должны быть связаны со Средней Азией и иметь истоки в ее искусстве и религиозных представлениях (и, прежде всего, зороастрийского круга).

В зороастризме единственным божеством, чьим священным атрибутом был петух является Сраоша (среднеперсидское Срош) из авестийского «Послушание». В авестийских текстах образ Сраоша несколько размыт, в разных частях он наделяется разными функциями, иногда замещая функции старых зороастрийских богов. Уже в Гатах Заратуштры образ Сраоша абстрагирован, он выступает как нарицательная (моральная) категория набожного, благочестивого послушания, религиозной дисциплины. В функциональном плане он оппонент демону Айшме («Ярость», «Буйство»), олицетворявшему ужас и бедствия, приносимые набегами кочевников. По одной из гипотез это абстрактное существо было введено Заратуштрой в его теологическую систему не столько, чтобы уравновесить противостояние с категориями зла, сколько для того, чтобы заменить им функции одного из отвергнутых пророком божеств, предположительно Митры (Рак, 1998. С. 503).

Согласно Ясне (глава 43) Сраоша выступает как вестник Ахура Мазды, он должен приходить к праведным вместе с Воху Манахом, вместе с Аши должен распределять награды и наказания, а в конце мира Заратуштра будет взывать к Сраошу к «величайшему из всех» (Gray, 1925. P. 106). Сраоше посвящены также глава 57 Ясны и одиннадцатый Яшт, где говорится, что он бдительно и неусыпно сторожит создания Ахура Мазды, он победоносный герой, могучий, сметающий зло победоносным ударом (Рак, 1988. С. 148). Он не знает сна, он дозором объезжает страны и «зорким оком» видит, где затаилось зло, разит

Рис. 2. Образ птичеловека в искусстве Ближнего Востока.

1. Двуликий министр бог Исма ведет птичеловека на аудиенцию к верховному божеству богу воды Эа. Цилиндрическая печать аккадского периода. 2-3. Оттиски цилиндрических печатей с изображением птичеловека с хвостом скорпиона. Неоассирийский период (IX-VII вв. до н.э.). 4. Изображение магического стража птичеловека с хвостом скорпиона на камне-кудуру Вавилонского царя Небусад-неззари I (1125-1104 гг. до н.э.) из Сиппара. 5. Изображение птичеловека на ассирийском рельефе. Берлинский музей.

его, и выходит победителем из всех битв. Перед его могуществом вся нечисть бежит обратно в ад. Его оружие – булава и боевой топор. Его воинственная природа нашла выражение в эпитетах – ратаэштар – «боец», «воин» и «победоносный» - веретраджен, которые он делит с Митрой и Атаром. Его эксклюзивными эпитетами являются «ашиа» - «благочестивый», «даршита» - «смелый», «дарши-дру» - владеющий уверенной в успехе булавой (Gray, 1985. P. 109).

Кроме того, о Сраоше говорится, что он первый из творений Ахура Мазды восславил его, держа в руках барсом, первый почтил Амеша Спента и воссел как равный среди Бессмертных (Ясна, 57, 11). Сраоша первым в мире воспел «Гаты» и разъяснил их смысл. Видимо, проявлением замещения Сраошем некоторых функций Митры объясняются представления о Сраоше как законодателе, который пришел к людям и укрепил их духом и телом и все вожди правили в согласии с волей Сраоша. Возможно, отчасти развитием дальше этих представлений, отчасти со-

хранением своей первоначальной связи с Митрой стало включение его в состав загробных судей. Здесь он продолжает выполнять функции вестника, проводника душ умерших через Чинват и их защитника от спешащих к мосту злых демонов (Меног-и Храт). В пехлевийских сочинениях Сраош теснейшим образом связан с погребальным культом. Он один из судей в мире мертвых, именно он остается с душой, пока она сидит у тела умершего в течение трех дней, именно с его помощью она достигает моста Чинват и ожидает своего суда.

Эта же функция Сроша отражена в композиции одного из среднеазиатских оссуариев из государственного музея истории Узбекистана в Ташкенте. Композиция передает сидящего на мосту (или у моста) Чинват Рашну с весами в руках и идущего к нему по мосту Сроша в длинном халате, сапогах и короной на голове. В одной руке он держит перед собой маленький переносной алтарь с пылающим огнем, другой – ведет за руку обнаженную фигуру – душу умершего (к со-

жалению, она сохранилась лишь частично) (рис. 5, 2).

Учитывая связь Сроша с Митрой и Атаром в различных мифических эпизодах, наличие общих для них эпитетов может служить подтверждением его изначальной светоносной, огненной природы. Некоторые из исследователей предлагают даже видеть в нем божество света или даже утренней звезды. Напомним, что именно к нему взывает Атар в последнюю треть ночи с просьбой разбудить хозяина дома, чтобы он встал, омыл руки и принес дрова для огня, не давая ему угаснуть. Ипостась Сроша – петух Пиродарш своим криком встречает утреннюю зарю и гонит прочь Бушьясту, дьяволицу лени, которая своими длинными руками хочет обвить человека, усыпляя вместе с ним и все живое. Связь петуха (и вероятно, в данном контексте Сроша) с Солнцем и Утренней зарей известна.

Кстати, в Митризме Митра нередко сам изображается с кинжалом в одной руке и светильником в другой. Иногда рядом с ним помещаются фигуры юношей с поднятым вверх или опущенным вниз прямым горящим факелом. Это Кауто и Каутопат – олицетворения утренней и вечерней зари соответственно. Нередко с первым из них отождествляют Сроша (Gray, 1925. P. 109). Именно такой символ (оружие) – прямой горящий факел держит в руке птичеловек в настенной росписи ниши малого Будды в Бамиане (Ремпель, 1987. рис. 22, в).

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, персонаж в виде птичеловека достаточно уверенно можно отождествить с Сраошем, где его фантастический образ это не его природная форма (состояние), а слияние двойственного восприятия проявлений его антропоморфной и животной форм.

В любом случае обращение к образу Сраоши здесь не случайно, он – существо, связанное с огнем и миром мертвых. Как божество он вообрал в себя часть функций Митры, и с этим связана одна из его важнейших функций, возложенных на него Ахура Маздой – защита и покровительство творений Ахура Мазды, в том числе и душ умерших. Понятно, что в этом контексте изображение Сраоша должно было служить апотропеем и препятствием проникновению в саркофаг злых духов.

Кроме того, дополнительной причиной обращения к образу Сраоша могло быть то, что в эсхатологических представлениях, т.е. в будущем возрождении ему отводилось активное участие (Бахман-яшт; Рак, 1998. С. 307).

Однако, на северокитайских саркофагах Ан

Джуа, Иу Хонга, Ши Джуна в этой сцене задействованы два персонажа. Если один из них Срош, то кто же второй? Конечно, можно предположить, что перед нами дублирование образа Сроша с целью усиления его воздействия. Но вряд ли в таком случае персонажи были бы объединены в одну сцену. Скорее всего, чередовались бы с другими изображениями в картушах и медальонах.

Судя по тому, что этот персонаж почти идентичен Срошу, выступая как его близнец, у них должны быть одна природа и функции.

В одиннадцатом яште говорится, что, как и у других священных существ, сотоварищами Сраоша являются Аксшти и Хам-ваинти. Но это женские божества. Первая из них означает «мир» и воспринималось как божество победоносного мира. Вторая – отдельная военная богиня с именем-эпитетом «Завоевывающая».

Более существенным представляется то обстоятельство, что в текстах Младшей Авесты Срош иногда ассоциируется с Атаром и Найрью Сангха. Имя последнего переводится из авестийского как «хвала мужей [огню]». Его культ возник еще в индоиранскую эпоху. Считается персонализацией молитвы, обращаемой к жертвенному пламени. Не исключено, что данное – само жертвенное пламя, т.к. в Ведах «хвала мужей» – эпитет бога огня Агни, также посредника между богами и людьми (Рак, 1998. С. 491). Поэтому как часть жертвенного пламени, поднимающаяся вверх, Найрью Сангха сближается с Атаром, как вестник, возносящий на небо слова людей, обращенные к богам, и запах жертв. Он ассоциируется с Сраошем. Позже уже в Младшей Авесте и в Пехлевийских текстах (Бундахишне, Данкарте), он как и Срош, посланник и вестник Ахура Мазды. Он также покровитель мира и в его обязанности входит напоминание Ахуре Мазде о данных им обещаниях. В Пехлевийских сочинениях Найрью Сангха упоминается чаще, что говорит о его возросшем значении. Так, согласно Денкарту, именно он доставил благую судьбу (Хварну) Минушчихру, одному из легендарных царей из династии Пишдадидов.

Следовательно, как божество пламени алтаря, доставляющего молитвы людей на небеса, Найрью Сангха мог составлять пару Сраошу и быть вторым божественным персонажем в сцене с алтарем. И все же, на наш взгляд, в этой сцене задействовано другое божество. Так как ни в одном из авестийских пассажей Найрью Сангха никак не связан с загробным миром, да и из божества пламени алтаря в раннем средневековье он все больше ассоциируется с ролью просто посланника Ахура Мазды, передающего или исполняющего

его волю.

Все это заставляет достаточно уверенно обратиться к образу Атар. На наш взгляд, именно его следует отождествлять со вторым божественным персонажем в анализируемых сценах. Во-первых, потому что в Авесте он неоднократно, как и Сраош, называется сыном Ахура Мазды. Он один из великих богов в зороастрийском пантеоне. Он вездесущ, он персонификация священной стихии, и как нематериальная субстанция разлит по всему Космосу. Он податель жизни, целитель и защитник людей. Наконец, еще с дозороастрийской эпохи Атар вестник богов, посредник, соединяющий мир богов и смертных. И в этом плане у него много общего с Сраошем.

Во-вторых, он, хотя и нуждается в защите, но сам эффективное оружие против нечисти. Он изгоняет ее своим светом и жаром. Атар – очиститель и судья в ордалиях. Он неумолим и тверд в наказании душ умерших людей, совершивших проступок в отношении огня при жизни, несмотря на все их заслуги. В авестийских текстах ничего не говорится о связи петуха с Атаром, но петух, как и в других религиозных традициях, выступает как глашатай солнца и света. А свет солнца – это огонь Берсизава – ипостась Атара. Вспомним мотив Петуха, разгоняющего своим криком нечистую силу и отпугивающего оборотней и мертвецов.

В-третьих, Атару также отводится активная роль в эсхатологических представлениях зороастрийцев. В день последнего суда «Красный Атар» расплавит все металлы и через эту огненную реку должны будут пройти все восставшие из мертвых. Но, грешники, войдя в нее, переживут вторую смерть – сгорят и исчезнут навсегда. В последнем сражении будут уничтожены все демоны. Река расплавленного металла потечет вниз в ад и сожжет последние остатки зла (Бойс, 1987. С. 39).

Это же партнерство Атара и Сраоша представлено в апокрифическом сочинении «Арта – Вираф намак». Само это пехлевийское сочинение было написано, чтобы подкрепить пошатнувшуюся веру авторитетным описанием путешествия одного из иерархов церкви. Но для нас важно, что «Арта – Вираф намак» хронологически близко по времени создания к северокитайским саркофагам и отражает основные, сложившиеся к тому времени представления о загробном существовании. Поэтому примечательно, что душу отправленного в путешествие (умершего) Вирафа встречает, проводит через мост Чинват, всюду сопровождает и оберегает божественная пара – Срош и Атар.

Может не случайно, их фигуры на саркофаге Иу Хонга были окрашены в красный цвет (цвет огня и жизни).

На погребальных памятниках среднеазиатского региона не встречаются изображения этой пары в таком фантастическом виде. На оссуариях VI-VII вв. из Муллакургона и Краснореченского городища они представлены в антропоморфном виде, но тоже в качестве жрецов у алтаря огня, совершающих церемонию кормления огня (рис. 5, 17). Не исключено, что как и на саркофагах из Северного Китая изображения этой пары были призваны служить апотропеями и одновременно олицетворять акт будущего воскрешения и последнего суда. Кстати, некоторую близость придает этим явлениям и то, что изображения на оссуариях выполнены в технике невысокого рельефа, нанесенного крупным штампом.

Может быть это и не существенно, но согласно старой традиции еще в XIX – нач. XX вв. в Иране при необходимости перенесения священного огня из одного места в другое, сколь бы долгой и утомительной не была дорога, несущие огонь жрецы должны были преодолевать ее пешком и их обязательно должно было быть двое (Крюкова, 2005. С. 151).

Немаловажен вопрос самого образа человекоптицы. Представления об этом существе встречаются в мифологических представлениях многих народов мира. Изображения человекоптицы известны уже в искусстве Древнего Египта и Месопотамии с конца III-II тыс. до н.э., позже с I тыс. до н.э. они появляются в Греции, затем в Иране, Средней Азии, Индии и Китае. Видимо, во многих регионах представления об этом образе глубоко архаичны. Появление этого фантастического существа, как и других полиморфных существ, не просто попытка механического соединения разных частей от разных животных форм и стремление осмысления окружающего мира, заселение его множеством видимых и невидимых духов, которые представляли собой одушевленные силы и формы природы. В иррациональном мышлении древнего человека они наделялись человеческим разумом и магическими способностями (силой). При этом духи сохраняли старые зооморфные формы, либо наделялись новыми антропоморфными чертами, порождая, в свою очередь, образы гибридной природы.

Птицы – обязательный элемент мифологических представлений всех народов мира. Они выступали в качестве тотемных предков, божеств, их инкарнаций и ездовых животных, культурных героев, душ людей, божественных или магических символов и т.д. Причем наряду с реальными

видами птиц появляются представления о фантастических или гибридных формах. Уже ранние их изображения носили явно сакральный характер. Так на фресках VII слоя Чатал-Хююка изображены коршуны с огромными крыльями и человеческими ногами, которые терзают безголового человека. Нельзя исключать появления образов человекоптицы (и других полиморфных существ) под влиянием религиозных мистерий, в ритуальных танцах с масками в эпоху позднего палеолита и ранней бронзы.

Можно выделить 5 типов изображений человекоптицы:

В виде существа с птичьим телом, но головой человека.

Существо, у которого половина тела человеческая, половина – птичья.

Существа с телом человека и головой птицы.

Существа с человеческим туловищем и руками, но с головой и ногами птицы.

Существа почти полностью антропоморфные, только нижняя часть ног в виде птичьих лап.

В отдельную группу можно было бы выделить полиморфные существа, где принадлежностью к птице были лишь голова и общий контур туловища, части которого составляли головы или личины других существ. Таково, например, изображение «птицы» на керамической фляге IV-III вв. до н.э. из Койкрылганкалы в Хорезме. Существо было наделено головой и шеей гуся, спину и хвост образовывала бородастая голова, а грудь – безусое лицо (Рапопорт, 1977. С. 58-59). Таковы же фантастические павлины на серебряной чаше из Бартыма (III-IV вв. н.э.). Здесь тоже контур туловища, голова и хвост от павлина, спина и грудь – человеческие головы, а хвост вырастает из пасти головы чудовища-макары.

Гибридный образ человекоптицы был широко распространен в мифологии и искусстве Древнего Египта. Это и бог Гор (человек с головой сокола) и Ба – душа, воплощение жизненной силы, продолжавшая существовать и после смерти человека. В искусстве Ба изображалась в виде птицы с головой, иногда с руками человека. Считалось, что Ба находится в гробнице, рядом с телом умершего, но может покинуть ее, подниматься на небо, либо сопутствовать человеку в загробном мире (Рубинштейн, 1991. С. 148) (Рис. 1, 6-8).

Много изображений человекоптиц в искусстве Шумера, Аккада и Вавилона. К концу второго тыс. до н.э. относятся печати с изображением гибридных существ в виде получеловека (верх), полуптицы (низ) или существ, у которых верхняя часть человеческая, нижняя – птичья, а хвост – скорпиона. Последние иногда вооружены луком

и охраняют сидящее на троне божество. Видимо, они почитались как полубожества-охранители. Не случайно их часто изображали на камнях-кудурри, служивших пограничными столбами (рис. 2).

У греков образ человекоптицы, вероятней всего, был заимствован с Востока. В народных поверьях сирены, первоначально, морские божества, позже воспринимавшиеся как злые демоны. Их изображали как полуптиц – полуженщин, обладающие волшебным голосом (пением).

Согласно одному из мифов, сирены – морские девы, необыкновенной красоты, птичье ноги у них появились по заклятию разгневанной Деметры за то, что они не помогли похищенной Аидом Персефоне. Согласно другому варианту, они сами попросили дать им птичий облик, чтобы легче было разыскать Персефону.

Другой греческий образ, широко распространенный в искусстве – гарпии, птицы с женскими головами. Истоки образа лежат в архаических, доолимпийских представлениях. Вероятно, первоначально это были богини внезапно налетающего вихря, каким-то образом, связанные с представлениями о смерти (похищение души?). Показательны в этом плане их имена Аэлла – «Вихрь», Аэллопа – «Вихревидная». Подарга – «Быстроногая», Окипета – «Быстрая» и Келайно – «Мрачная».

Считается, что в эллинистический и постэллинистический периоды образ человека-полуптицы распространяется дальше на восток. Но представления о подобных существах могли иметь здесь свои автохтонные корни. В Древней Индии, например, образ птицы с человеческой головой связывался с группой полубожественных существ – киннарами. Они считались детьми риши Кашьяпы или самого Брахмы и принадлежали к свите бога богатства Куберы. Им приписывались функции небесных певцов и музыкантов. Нередко они изображались парами, мужская и женская фигуры рядом. Их изображения выбиты на золотых и серебряных монетах династии Гупта (IV-VI вв. н.э.). С образом птичеловека связан Гаруда – царь птиц и вахана (ездовое животное) Вишну. Причем Гаруда имеет солнечную природу. Когда Гаруда появился на свет, боги, ослепленные его сиянием, исходящим от его тела, приняли его за Агни и восславили его как олицетворение солнца. Чаще всего Гаруда изображается существом с человеческим туловищем, но с орлиной головой, крыльями и когтями. Некоторые из исследователей предполагают влияние образа Гаруды на появление изображений птицелюдей в Средней Азии (Ремпель, 1987. С. 54).

Рис. 3. Изображение птицелюдей в искусстве Средней Азии.

1. Птицедева. Реконструкция ганчевого рельефа из Варахши. VI-VIII вв. 2. Птицечеловек, глиняный рельеф из Пенджикента. VIII в. 3. Птицедева, налп на оссуарии. Согд. VI-VII вв. 4. Серебряная ножка сосуда в виде птицедевы. Ниса. II в. 5. Фриз с изображением пары птицелюдей. Настенная живопись. Пенджикент. VII в. 6. Птицечеловек (воин). Настенная живопись Калаи-Кахкаха. VII в. 7. Птицедева. Гравюра на средневековом металлическом сосуде. Фергана. XI-XII вв.

Изображения птицелюдей различаются не только на мужские и женские персонажи, не только разнообразием специфики подходов к их изображениям, но так же тем, что они представлены на памятниках различной религиозной направленности (буддизма, зороастризма, манихейства и языческих культов). Они встречаются от буддийских ступ Санчи и Бхараты (I в. до н.э.) и гротов Бамиана (V-VI вв.) до росписей и ганчевых рельефов с зороастрийскими или локальными мотивами на мифологические и эпические сюжеты из Варахши, Калаи-Кахкаха и Пенджикента (VII-VIII вв.).

Образ птицы женщины использован в оформлении ножки серебряного сосуда из Нисы (II в. до н.э.) (рис. 3, 3). Причем, это не просто декоративный элемент, а апотропей, охраняющий содержимое сосуда. На росписи дворца Топраккалы изображен птицечеловек, охранявший один из проходов (Ремпель, 1987. С. 54)¹. Образ птицедевы вновь всплывает в архитектурном декоре (резном ганче) дворца бухархуатов в Варахше (VIII в.) (рис. 3,1). Два глиняных птицечеловека украшали тимпаны одного из зданий VII века в

Пенджикенте (рис. 3, 2). В другом домовладении этого же городища пара беседующих птицелюдей (девы и юноши) была выполнена на фоне каких-то декоративных элементов (рис. 3, 5), возможно, представляющих бордюр более крупной и значимой сцены (Belenizki, 1980. P. 195). На одном из фрагментов росписи Калаи-Кахкаха (Уструшана) также сохранилось изображение птицечеловека с тонкими усиками и бородкой (рис. 3, 6). Предполагается, что это воин-демон (Ремпель, 1987. С. 54). Эпохой раннего средневековья датируются изображения птицеженщины в виде налп на бытовой неполивной керамике и оссуариях из Самарканда и Пенджикента (рис. 4, 1-2).

Все эти находки доказывают существование у народов Средней Азии устойчивых представлений о птицелюдах. Хотя сама иконография их образов была очень разнообразна и вполне могла развиваться под воздействием культурных связей и религиозных идей. Но в то же время изображения птицелюдей не трансформировались в декоративные элементы, а продолжали сохранять сакральное значение. Причем начинает доминировать образ птицы-девы.

Образ птицы-девы сохраняется и позже в прикладном мусульманском искусстве Среднеазиатского Междуречья. Таковы рельефные фигурки вытянутых в ряд трех птиц-дев на фрагменте керамического сосуда XI-XII вв. из Самарканда (Рис. 4, 6). Возможно, этот образ стал сливаться в народной традиции с образом птицы Хумо, приносящей счастье. Нередко изображение птицы-девы – один из центральных элементов в орнаментальных композициях металлических изделий – медных кувшинов, чаш, подносов, ступок из Термеза, Самарканда и Ферганы (рис. 4, 5). В народном искусстве еще первой половины XX века этот образ сохранялся на самаркандских табакерках из тыквочек – насаду, где они изображались наряду со звездами, солнцем, конем и всадником (Шишкин, 1963. С. 212) (рис. 4, 7).

Однако и для Китая образ птичеловека не был чужд. Он известен и в мифологии, и в искусстве. Таков образ Бянь Цяо – одного из богов покровителей врачей и аптекарей. На древнекитайских рельефах рубежа нашей эры он изображался в виде гибридного существа с головой и руками человека, но с птичьим туловищем, ногами и хвостом сороки. (Отсюда объяснение этимологии его имени Бянь – летучая мышь, Цяо – сорока). Согласно одному из вариантов – он сподвижник первопретка Хуан-ди, знаток целебных свойств растений. По другой – знаменитый врач, постигший это искусство от бессмертных небожителей. В 521 г. до н.э. он даже оживил принца царства Го. Впоследствии Бянь Цяо был обожествлен (рис. 5, 3-4).

На каменных рельефах, изображающих Дун-Ван-Гуна (Владыки Востока) рядом с ним иногда помещались его прислужницы – птицеобразные служанки, толкущие в ступах снадобье бессмертия. Как на рельефе дверной колонны у входа в гробницу в местности Инань, провинции Шаньдун (II в. до н.э.).

В древнем географическом трактате «Шанхай Цзин» («Книга гор и морей») упоминается Гоу-ман, помощник правителя Востока Фу-си. У него тело птицы и лицо человека. Не менее любопытен образ Ба-чжа. В поздней китайской мифологии он почитался как божество, уничтожающее саранчу, т.е. культ его был связан с охранными функциями как защитника посевов и урожая. На лубочных картинах XIX в. изображался в виде человека, обнаженного по пояс, в длинной юбке, из-под которой торчат куриные птичьи лапы с когтями (напоминают петушиные), с мечом в одной руке и тыквочкой в другой (Рифтин, 1991. С. 165) (рис. 5, 5).

В образе птичеловека, часто с петушиной

головой, ногами и крыльями, но с человеческим туловищем и руками, изображался Лэй-гун, божество грома. Он почитался как божество, помогающее людям, поскольку связан с божествами дождя, от которых зависит урожай. Любопытно, что праздник в его честь справляли в 24-й день 4-й луны, т.е. в тот же день, который считался днем рождения Бянь Цяо (другого птичеловека).

Интересно, что нередко на поздних лубочных картинках и статуэтках Лэй-гун изображался в красном цвете. Даосская параллель Лэй-гуну – божество грома Синь Син-гоу. По одной из версий, будучи бедным человеком, он однажды нашел на дне ущелья 5 петухов, которые оказались громами. Один из них дал ему 12 огненных пилюль. После того, как Синь Син-гоу выпил их, его облик стал меняться. Голова вытянулась, нос превратился в клюв, за плечами выросли крылья, а ноги превратились в когтистые лапы. Петухи стали барабанами, на которых он стоит. Изображения Синь Син-гоу (главнокомандующий Гоу из управы грома) стали помещать в храмах для отвращения злых духов. Все это показывает, что в религиозных народных верованиях Китая существовали свои представления о птице-человеке, этот гибридный образ не был чужим в его мифологии и искусстве. Так или иначе этот образ наделялся апотрофическими функциями, был связан с небом (небожителями) и бессмертием. Кроме того, образ птичеловека приближался, а иногда и сливался с образом петуха, который издавна наделялся в Китае особыми свойствами.

Согласно китайским поверьям, петух считался символом отваги и храбрости. Китайцы верили, что петух способен видеть злых духов и может оградить людей от их вредоносного воздействия. Поэтому изображение петуха нередко использовалось как охранительное средство. Показателен обычай, соблюдавшийся в Китае еще в начале XX в., в ночь под Новый год петуха общипывали и вывешивали на воротах – так хозяин дома ограждал себя и домочадцев от несчастий (Сидихменов, 1978. С. 61). Кроме того, изображения красного петуха на стенах домов считались талисманами от огня (пожара).

Тем более, что сам петух воспринимался как его зооморфный символ. В связи с тем, что огонь считался одним из важнейших аграрных символов, не удивительно, что именно петуха приносили в жертву для умиловивления речного духа. Кроме того, петух воспринимался как древнейший символ животворящего начала. В китайском фольклоре петух ассоциировался также с небесным огнем-солнцем. Считалось, что он направлял движение дневного светила своими криками. Эта

связь прослеживается и в обряде поклонения бо-
жеству солнца Тайянгуну, который проводился
весной, в начале второго месяца. Когда утром на
жертвенном столике, обращенном к солнцу, се-
мьи подносили дарителю света и жизни 5 штук
специального «солнечного печенья» из рисовой
муки, обычно украшенного фигуркой петуха.
Кроме того, подношения солнцу отмечались пе-
тушиными боями (Календарные обычаи, 1989. С.
34).

Все эти примеры наглядно демонстрируют
устойчивое существование в китайской народной
традиции представлений о полиморфных существах,
в том числе таких, в образе которых сочета-
лись антропоморфные и птичьи формы, наделе-
ние их, как и петуха, определенными сакральными
функциями, которые могли быть созвучны
некоторым согдийским представлениям. Парал-
лелизм не исключает различий. Конкретное на-
полнение образа, его смысловое значение, симво-
лика отражали воплощения определенных мифо-
логических представлений или понятий, бытовав-
ших в обществе.

Оторванные от метрополии согдийские общи-
ны, безусловно, испытывали мощное воздействие
китайской культуры и вполне могли и использо-
вали близкие по смыслу китайские символы и
образы. Кроме того, сами члены диаспоры не бы-
ли едины, и состояли из выходцев Самарканда,
Чача, Ферганы, Бухары, Кашкадарья и городов
Восточного Туркестана. Более того, в самой мет-
рополии, т.е. в Средней Азии, в каждой историко-
культурной области верования «варьировали»,
единой официальной церковной организации не
было. Правда, в VI-VII вв. заметно возрастает
роль и влияние зороастризма, опиравшегося на
близкие местные верования. Одним из проявлени-
й этого процесса стало укрепление роли культа
огня, его святилища становятся повсеместным
явлением. Другим – широкое распространение
зороастрийского обряда погребения с предвари-
тельным выставлением трупов и захоронением
очищенных костей в наусах и оссуариях. Именно
в это время этот обряд становится ведущим в Со-
где, Хорезме, Чаче и менее распространен в Фер-
гане и Бактрии.

Не существовала и жестко регламентирован-
ная религиозной догматикой иконография боже-
ственных персонажей. Однако письменные ис-
точники, как и археологические находки показы-
вают наличие традиции изготовления и даже про-
дажи идолов (Наршахи) к определенным празд-
ничным дням, т.е. зрительное выражение мифо-
логических персонажей все же существовало, а
значит были разработаны определенные иконо-

Рис. 4. Изображение птицелюдей в искусстве
Средней Азии.

1. Птицедева. Налеп на оссуарии. Самарканд. VI-VIII вв.
2. Птицедева со сложенными на груди руками. Налеп на оссуарии. Верхний слой Пенджикента. VII-VIII вв.
3. Стилизованная фигурка птицелюдека. Вероятно, ручка крышки оссуария. Афрасиаб. VI-VIII вв.
4. Прорисовка керамической плакетки-образка с изображением антропоморфного существа с ногами в виде когтистых лап. Пенджикент. VI в.
5. Деталь гравированного орнамента на бронзовой подставке. XII в. Ура-Тюбе.
6. Рельефное изображение (оттиск полого штампа) на керамике XI-XII вв. Самарканд.
7. Роспись на тыквочке-табакерке (насаду). Народное искусство. Самарканд

графические принципы и символы. При этом некоторые изобразительные приемы, образы и божественные атрибуты вполне могли появиться на среднеазиатской почве в результате культурных контактов под влиянием индийского и иранского искусства. Причем иранское искусство во многом являлось наследием более раннего искусства Древней Месопотамии, откуда пришли многие божественные символы (диск с крыльями, диск и полумесяц и т.д.), божественные образы и схемы

композиций (стояния у алтаря огня, древа жизни и т.д.). Не исключено, что среди этих инноваций на среднеазиатскую почву был привнесен и образ птичеловека, где он, как и другие (человекобык, двухголовая змея) получили новый смысл и значение, созвучные представлениям местных народов².

В любом случае, фантастические существа в виде птицелюдей были хорошо известны в Средней Азии и устойчиво сохранялись в традициях народного искусства. Парные изображения этих существ, наделенных функциями священнослужителей в мифологических мотивах на погребальных рельефах согдийцев из разных согдийских колоний Китая, указывают на существование уже во второй половине VI в. разработанных представлений и являются их зрительным выражением. (На наш взгляд, персонификацией божеств Атара и Сроша). Хронологический и территориальный разброс находок этих изображений отражает популярность и ту значимость в погребальной символике, которую в них вкладывали представители согдийской диаспоры.

В то же время в почти синхронных погребальных памятниках (оссуариях) Средней Азии в аналогичных сценах изображены божества в человеческом облике. Совершенно очевидно, что на погребальных рельефах согдийцев из Китая, эта пара птицелюдей наделена чертами западной (согдийской) этнокультуры и является отражением согдийских, точнее зороастрийских верований. Показательны в этом плане внешность персонажей, их одежда-рубашки с длинными рукавами, наличие завязанного пояса, повязки-падама, закрывавшей рот, и жреческие атрибуты в руках, ковш-щипцы или барсом. Определенно также значимы позы персонажей. В одном случае (на рельефе Ан Джиа) – это посвящение жертвоприношений, в другом – (на рельефе Иу Хонга) эти божества обращены к огню, их руки, скрыты рукавами и рукавицами, но одна из них поднята ко рту, видимо, в ритуальном жесте скорби. Именно таким образом, подняв ко рту левую руку, зороастрийские священнослужители произносят священные тексты умершим.

Однако, несмотря на присутствие в композициях рельефов и других «согдийских» мотивов и образов (музыкантов, танцоров, персонажей с винными сосудами и курильницами) абсолютно правы те исследователи, которые подчеркивают общий синкретический характер погребальных мотивов. Действительно, на одних и тех же рельефах присутствуют индийские (особенно на погребальном ложе из коллекции Леона Леви) и китайские мотивы. Типично китайским был даже

сам облик саркофагов - в виде деревянного китайского домика или ложа с ширмой. Любопытно, что на рельефе Ан Джиа рядом с алтарем установлены низкие жертвенные столики. Изображения подобных столиков ни для сасанидского, ни для среднеазиатского искусства не характерны. Они, видимо, трехногие, и на торцах овальной формы столешницы имеются плоские трапециевидные ручки. На рельефе отчетливо видно, что на каждом столике стоит несколько кувшинов разных размеров, с вставленными в них веточками и цветами, а так же наполненные чем-то чаши и кубки, рядом положены хлеб и какие-то округлые предметы, плоды или яйца. Появление последних на жертвенном столе могло быть не случайно, так как в символике многих народов, в том числе китайцев и народов Средней Азии, яйца – символ возрождения, новой жизни. Причем птичеловек здесь, в этой сцене, вновь исполняет какие-то жреческие функции. Он как будто палочкой прикасается к бортику одной из чаш. Более внимательное рассмотрение позволяет предположить, что это не палочка, а длинная ручка ковша, которым он что-то разливает. Может быть, он наполняет чашу парахаомой – ритуальным напитком, содержащим выжатый и процеженный сок хаомы, смешанный с молоком и соком граната, который в процессе священнодействия превращался в жертвенную субстанцию, в напиток бессмертия. Считалось, что парахаома обладала целительной силой, воодушевляла богов и героев, вдохновляла жрецов и поэтов. Парахаома – один из обязательных компонентов священнодействия Ясны. С другой стороны, в ритуале кормления священного огня, священнослужитель, стоя перед огнем, кладет в него сандаловые палочки, а затем с металлическим ковшом в руках начинает круговой обход алтаря по девяти позициям, соответствующим странам света, с запада на восток. Во время каждой из девяти остановок священник декламирует различные слова из кратких молитвенных формул. Поэтому щипцы, которыми добавляли и помещивали дрова и ложки (ковши) на длинных ручках, с помощью которых вливали в пламя жертвоприношения – заотры, приобрели значение важного зороастрийского символа, даже атрибута жреческой власти (Крюкова, 2005. С. 157).

Однако, эта сцена на рельефе из могилы Ан Джиа дополняется и другими согдийскими (зороастрийскими) персонажами. В нижней части композиции, в углах сегмента изображены два коленапреклоненных человека перед горящим небольшим алтарем. Алтари подобного типа, на конической ножке и «зонтиком» в верхней части,

на который устанавливалась чаша с открытым огнем, хорошо известны по изображениям на настенной живописи Варахши и Пенджикента. Нередко они показаны в сценах почитания перед фигурами божеств. На рельефе Ан Джиа алтари, хотя и «загнаны» как бы в самый угол композиции, все же ориентированы к центру композиции – в сторону основного алтаря со священным огнем (рис. 1, 4).

В верхней части, в небесной сфере, где показаны воздушные струи или облачка, тянущиеся к алтарю, по бокам от него изображены две парящие в воздухе человеческие фигуры. Они одеты в длинные штаны и рубаху, опоясаны развевающимися лентами, а в руках у них музыкальные инструменты. У правого персонажа (вероятно, женщины) лютя, у левого (мужчины) – угловая арфа. Причем любопытная деталь – оба персонажа изображены босыми. Не исключено, что они изображают или навеяны образами небесных музыкантов – апсар, небожителей. Кстати, в китайской традиции в этом плане принципиального различия между божествами – небожителями и душами умерших не существовало. Однако в Согде известен обычай (отголоски его до недавнего времени сохранялись среди горных таджиков Язгуляма, Рушана, Ванча, Куляба и Дарваза) сопровождать похороны траурными танцами и пением под аккомпанемент музыкальных инструментов (Розенфельд, 1974. С. 254-255). Очень вероятно, что именно этот обычай иллюстрирует изображения музыкантов и танцовщиц на среднеазиатских оссуариях. Так, на оссуарии VI–VII вв. из Узкишлака (Яккабагский район Кашкадарья) крупным штампом нанесены изображения танцовщиц с шарфами и босыми ногами и юноша в халате, играющий на угловой арфе. В то же время музыка считалась божественным проявлением. Поэтому не менее вероятно, что изображения музыкантов и танцовщиц могли символизировать радость, сцену встречи души в райских чертогах. Вместе с тем появление жертвенного столика могло быть следствием заимствования согдийцами некоторых элементов из погребальной обрядности окружающего китайского населения. Тем более, что схожая церемония существовала у согдийцев, хорезмийцев и других народов Средней Азии. Согласно китайской традиции, жертвенный столик устанавливался у могилы родственников (родителей) в Праздник могил, который проводился в первую половину апреля после зимнего солнцестояния и заключался в уборке могильного кургана и ритуальной церемонии. Древние китайцы верили, что душа умершего человека, оказавшись в загробном мире, не порывала связи со

своим телом, лежавшим в земле. Значит посещение могил предков, умилоствление их способствует сохранению связи и с живыми потомками, благодаря которой умершие предки могли влиять на судьбу живых родственников.

Обычай требовал навещать могилы предков не менее раза в год. Обычно члены семьи рано утром отправлялись к могиле (могильному кургану), убирали его, затем возле могилы ставили принесенный с собой столик. Зажигали свечи и фимиам (на рельефе этим занят коленапоклонный человек).

На столик ставили тарелки, наполненные рыбой и мясом, птицей, фруктами и сладостями, а также чай и вино. Глава семьи опускался перед могилкой на колени, произносил короткую молитву и отбивал три поклона. То же совершали по очереди все домочадцы. В дар душам умерших и богам сжигались жертвенные деньги. Причем в отдельных местностях их и могилу окрапляли вином (Календарные обычаи, 1989. С. 42).

Церемонию следовало завершить до захода солнца, так как души предков, которые являлись и проводили время с потомками, теперь должны были вернуться в могилу до того, как городские ворота закроются на ночь. Возможно, эту функцию символизировали каменные плиты с изображением башен городских ворот на погребальных ложах.

Вообще культ предков один из важнейших аспектов китайской народной культурной традиции. Потусторонний мир в ней виделся не только отражением, но и прямым продолжением земного существования. Хотя, как отмечают исследователи, в китайском фольклоре сохранились следы более архаичных представлений, согласно которым умершие, возвратившись в лоно матери-земли, оберегают семена новой жизни и могут обеспечивать благополучие живущих. Недаром похороны в народе назывались «хуань шань», т.е. «возвращение в гору», а посещение могил предков – «бай шань» («поклонение горе»).

В какой-то мере эти представления перекликались с верованиями среднеазиатских народов. Здесь тоже большое значение имел культ и существовал обычай приношения пищи душам умершим. Так, в сообщении ал-Бируни говорится: «В конце месяца Хшум плачут согдийцы по своим умершим, причитают по ним, надрезают себе лица и приносят им пищу, подобно тому, как делают персы в «фарвардаджан». В «фарвардаджан» персы приносят пищу в наусы умершим и питье на крыши домов» (Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953. С. 86).

Все это показывает, что культ предков для

согдийцев тоже имел важное значение. Не случайно, ему отводилось место в обеих культурах именно на грани старого и нового года, в начале весны, т.е. «воскрешения природы». С древнейших времен люди, подметив это обновление и повторяемость природного цикла, превратили его в краеугольный камень и своей хозяйственной деятельности и многих религиозных представлений в том числе и погребальной обрядности, которая отражала не только веру в загробное существование, но и была призвана обеспечить будущее возрождение.

Залогом такого воскрешения и в китайской, и в согдийской традициях было сохранение останков умершего. Только в Согде это стремление – сохранить кости умершего. Уже в Видевдате появляется идея, что земное существование – это всего лишь временное пристанище, а настоящая жизнь ожидает только после смерти, т.к. бессмертная душа существует вечно. Отсюда зороастрийские жрецы стали толковать смерть не только как распад индивида, но и как «рождение души». Возможно, поэтому на ряде среднеазиатских оссуариев душа умершего показана в виде обнаженного младенца. Поэтому основной задачей при жизни человека является спасение своей души посредством «благих поступков, благих слов и благих мыслей». В связи с этим некоторые из исследователей предлагают видеть в зороастрийской похоронной обрядности два, не связанных между собой комплекса ритуалов – один для бессмертной души, другой – для смертной оболочки, в которую проникают демоны скверны и гниения (Насу) и от которой следует как можно скорее избавиться, уничтожив вместе с ним и поселившегося в трупе демона разложения (Крюкова, 2005. С. 234).

Именно вследствие этих представлений мертвая плоть считалась нечистой и от нее следовало как можно скорее избавиться. Правда, на наш взгляд, более реальной подоплекой этих представлений были архаические идеи о необходимости скорейшего уничтожения мертвого для скорейшего перерождения (Богомолов, 2007. С. 76-78). Очищение костей от мягких тканей, т.е. обряд выставления трупов, считается классическим способом погребения у зороастрийцев. Однако о нем упоминается в Ригведе, Махабхарате, Дхармасутрах и палийских текстах. На территории Ирана он известен с IV в. до н.э., почти тем же временем датируются старейшие наусы в Хорезме и Бактрии.

В текстах Авесты выставление – один из многих погребальных обрядов. Геродот отмечает в своей истории, что выставление практиковалось

лишь жрецами-магами, сами же персы обмазывали своих умерших воском и хоронили их в земле. Обряд выставления начинает преобладать и в Иране и в Средней Азии лишь к VI-VII вв. Именно в это время для Согды становится характерным обряд погребения очищенных от мягких покровов костей в специальных терракотовых ящичках-оссуариях прямоугольной, либо овальной формы или в крупных бытовых сосудах-хумах. Причем кости иногда несут следы срезки плоти ножом, но чаще следы собачьих зубов. Стенки оссуариев с внешней стороны нередко покрывались декором, который иногда представлял собой отдельные элементы – растительные фигуры (розетки), оттиски мелких штампов, налпы и целые сцены, составленные из этих отдельных элементов или предварительно вырезанные на матрице и затем оттиснутые на стенках оссуария. Важно, что в целом композиция изображала здание, иногда в виде аркады со стоящими в них фигурами, иногда центром композиции являлся вход, по сторонам от которого изображались фигуры стоящих людей со сложенными на груди руками или фигуры сидящих львов. Все это наводит на мысль об особой значимости изображаемого здания. Вполне вероятно, что это изображение рая, где находится праведная душа умершего в ожидании страшного суда и вечного царства Добра в новом мире.

В свою очередь, оссуарии помещались в семейные склепы-наусы или в грунтовые могилы. Например, в окрестностях Пенджикента зафиксировано более 70 таких наусов, и в 1 км к юго-востоку от городища в могильнике Дашти-Урдакон обнаружены грунтовые погребения этого же времени. Некоторые из них – одиночные труположения в могилах с боковым подбоем, некоторые грунтовые, где пол катакомбы выстлан сырцовым кирпичом. В некоторых могилах зафиксированы, кроме труположений, захоронения в сосудах и оссуариях. Причем в одном случае кости, сложенные в оссуарий были обглоданы собакой (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1980. С. 243-244).

Та же картина наблюдается в Чаче, Фергане, Южном Казахстане и в низовьях Сырдарьи. Только в наусах, которые по большей своей части представляли собой однокамерные сооружения преобладают труположения с небольшим сопроводительным инвентарем. При необходимости кости ранее погребенных сдвигались в сторону. Таковы погребения в наусах Янгиюля, Пскента, Тойтепа, Кавардана в Чаче. В джетысарских склепах (нижнее течение Сырдарьи) покойников заворачивали в камышовые циновки и

Рис. 5. Религиозно-символические сцены.

1. Эсхатологическая сцена на рельефе погребального ложа Ю Хонга. 2. Прорисовка рельефа на среднеазиатском оссуарии, иллюстрирующая посмертную судьбу души умершего. (Срош ведет душу к сидящему с весами богу-судье Раину). VI-VII вв. Ташкентский Государственный музей истории Узбекистана. 3-4. Изображения Бянь Цяо занятого лечением больных. Каменные рельефы. Рубеж нашей эры. Китай. 5. Божество Ба-Чжа с тыквочкой для саранчи и мечом в руках. Китайский народный лубок. XIX в. 6. Каменное несторианское надгробие с изображением двух ангелов у ступенчатого алтаря с огнем-цветком и крестом над ним. 7. Эсхатологическая сцена возжигания огня возрождения божественными жрецами (Срошем и Атаром) на оссуарии из Муллакургона (1) и на оссуарии из Красной Речки (2).

клали на суфы на спине с вытянутыми вдоль тела руками и ногами. Иногда под голову клали войлочную подушку. Рядом с покойником над суфой и на полу размещали погребальный инвентарь – керамические сосуды с поминальной пищей, оружие, орудия труда, для женских захоронений туалетные наборы и украшения. При необходимости кости прежних захоронений сдвигались в сторону, и на их место укладывали новые. Предполагается, что спустя некоторое время после его заполнения, все ранние погребения убирались, склеп заново обмазывался штукатуркой или демонтировался (Левина, 1996. С. 71, 85). В городском некрополе Красноречинского городища погребальные постройки представляли собой небольшие купольные склепы, большей частью плотно пристроены друг к другу. Внутри этих построек обнаружены костные останки. Кости были собраны в кучки, уложены в хумы или оссуарии, в отдельных случаях скелеты лежали на полу (Горячева, 1989. С. 85-95). На некрополе городища Костобе (VI-IX вв.) в округе Тараза в погребальных наземных склепах трупы помещали в одежду с сопроводительным инвентарем.

Но тут же рядом со склепами найдены захоронения отдельных кучек костей и хумы с костями. В связи с этим ряд исследователей пришел к вы-

воду, что склепы служили не для окончательного успокоения останков, а лишь для того, чтобы произошел естественный процесс разложения плоти. После чего кости собирались и окончательно захоранивались в стороне (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005. С. 142-143). То есть склепы совмещали функции дахм и наусов.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что грунтовые погребения, т.е. ингумация, практиковались зороастрийцами и были широко распространены в Средней Азии. Кстати, в достаточно позднем Видевдате говорится о погребенных в земле, что через пятнадцать лет помещенные в нее трупы превращаются в прах (Лелеков, 1992. С. 197). Видимо, устойчивость ингумации в погребальных обрядах зороастрийцев и, в первую очередь, у среднеазиатских народов, объясняется длительным сохранением представлений, что покойник для перерождения возвращается Матери-Земле, как прародительнице всего сущего. Эти же еще дозороастрийские идеи отражены в Ригведе, где в одном из гимнов, обращаясь к земле, просят ее успокоить погребенного, словно мать, укрывающая сына в свои одежды (Ригведа 10, 11, 18). Следы этих представлений о Матери-Земле, возвращающей в свое лоно человека после смерти, восходят к эпохе индоиранской общности и сохраняются в

народных верованиях Средней Азии до сих пор (Литвинский, 1981. С. 92-93).

Видимо, другим отголоском этих представлений является поверье, бытовавшее среди каракалпаков Хорезма о том, что в день Страшного Суда мертвые прорастут из своих костей, подобно зерну, опущенному в землю. Кстати, на одном из согдийских оссуариев из окрестностей Самарканда изображены веточки, прорастающие из земли, на верхушках которых (подобно колосьям) стоят фигурки людей со сложенными на груди руками. С этими же представлениями связан широко практиковавшийся в Чаче обычай помещать оссуарии с очищенными костями в подземные склепы или закапывать их в землю отдельными группами или цепочками.

Все это показывает, что ингумация была хорошо знакома и использовалась согдийскими поселенцами, так как оставалась в рамках их традиционных верований. Не менее традиционно было использование в погребальной обрядности погребальных камер, оформленных как жилище или саркофагов в виде здания. Точно также как и оссуарии метрополии, они в один из периодов начинают символизировать не просто некое сооружение, а райские чертоги (Богомолов, 1992. С. 87-96), где души праведников ожидают момента Фрашегирда, когда земля отдает кости всех умерших (Ясна, 30, 37) и вслед за всеобщим воскресением наступит Последний Суд, а за ним вечное блаженство в новом мире. В авестийских текстах рай прямо связывается со зданием – сверкающей обителью Аши (Арты), где обитают души умерших, артаванов (праведников). Она располагалась на небесах и нередко обозначалась еще выражением «вахишта аху» - буквально «лучший мир», которое позднее в персидском языке дало слово «бихишт» - «рай» (Дрезден, 1977. С. 360). Кроме того, в авестийских текстах для обозначения рая использовалось выражение гарадмана (авест. Гаранмана) – «дом хвалы» (в смысле вознаграждения) или «Место песнопений», который согласно «Младшей Авесте» и пехлевийской традиции располагался на вершине горы Хара (Хукарь). Рядом с ним бьет источник Ардвиг, чья божественная влага стекает в долину, откуда берут начало великие реки (Рак, 1998, с. 98; 466).

Именно поэтому сама форма оссуария наделялась определенной семантикой, где резервуару оссуария придавался вид прямоугольного или овального здания с пирамидальной или сильно выпуклой крышкой, которая ассоциировалась с вершиной горы. Гору символизировал и могильный курган.

Любопытно использование погребальных

лож. На первый взгляд это можно объяснить только как заимствование из китайской культурной традиции, как отход или даже утрату согдийской обрядности. Тем более, что прямых археологически зафиксированных находок погребальных лож ни в Согдиане, ни в Чаче или Фергане нет. Однако не все так просто. Во-первых, упоминание о них в литературных источниках и на памятниках изобразительного искусства указывает на их эпизодическое использование, имевшее, видимо, частное значение. Таково, например, упоминание в сочинении Андарз-и Хусрав-и Кавардан, где шах Хосров, умирая, просит своих приближенных отпустить в гробницу вместе с ним его золотое ложе. (Это не правило, а желание шаха). С другой стороны, все же о существовании такой традиции в погребальной обрядности элитарных слоев общества свидетельствует сообщение позднеримского историка Аммиана Марцеллина (IV в. н.э.), что во время похорон убитого под Амидой хионитского царевича, сына царя Грумбата, тело погибшего было предано кремации в окружении возлежащих вокруг него на ложах искусно изготовленных фигур его друзей (дружины), сопровождавших его в загробный мир.

Не менее показательна самая знаменитая роспись Пенджикента – «сцена оплакивания», здесь передан момент «прощания» перед погребением с телом умершего героя или умирающего и воскрешающего божества. В любом случае при жизни этот персонаж занимал высокий социальный ранг (правитель?), оплакивать которого пришли и божества и люди. Причем действие происходит на открытом воздухе, где-то за крепостной стеной, она видна на заднем плане, и участники обряда разделены на две группы, мужскую (справа) и женскую (слева). Причем тело умершего помещено в сооружение, конструкция которого совмещает ложе и внешний вид здания с аркадой и ребристым куполом. То есть типологически оно близко к обнаруженным в Китае каменным погребальным ломам элиты согдийской диаспоры (в виде китаизированного домика).

Во-вторых, начиная с эпохи античности и до средневековья одной из характерных черт устройства интерьера среднеазиатского жилища были суфы – глинобитные или сложенные из кирпича-сырца возвышения, вытянутые вдоль стен и использовавшиеся как лежанки для отдыха или сидения. Они присутствуют как в элитарных, парадных помещениях знати, где проводились торжественные приемы и пиршества, так и в домах средних и бедных слоев населения. Но еще более важно то, что суфы-лежанки нередко устраива-

лись в погребальных камерах склепов-наусов. И в этом плане их можно рассматривать как известную параллель погребальным ломам элиты согдийской диаспоры в Китае. Вероятно, для регионов Среднеазиатского Междуречья (Согда, Чача, Ферганы, Южного Казахстана) суфы были не просто более доступным дешевым вариантом лож, а общепринятой нормой народной традиции, которые как первичный элемент народного жилища вошли в погребальную практику. Тогда как использование специальных погребальных лож, помещавшихся внутри гробницы, было явлением вовсе не рядового характера и составляло частичную практику высших слоев согдийского общества.

В-третьих, ложи, как элемент погребальной обрядности наделялись и определенной семантической нагрузкой. Вероятно, в согдийских верованиях, сохранявших и по-своему развивавших некоторые дозороастрийские представления, ложи в погребальной обрядности воспринимались как симиотический элемент райской обители. В текстах Авесты ложи тоже упоминаются как компонент рая. Так, в «Видевдате» о рае говорится, что «получившие воздаяния души праведников достигают золоченных (золотых) лож Ахура Мазды и Амеша Спента (Бессмертных Святых), Дома Хвалы, обители Азура Мазды, Обители Бессмертных Святых, обители прочих праведников» (Видевдат 19, 32). Несколько более расширено эта тема затрагивается в Яштах. В гимне, посвященном Ардвисуре Анахите (Яшт 5), зороастрийский рай описывается как прекрасный дом, сверкающий сотней окон и тысячей колонн, где постелены ложа с красивыми подушками (Авеста, 1990. С. 42). То есть ложи - принадлежности дома (домов), где души праведников ожидает награда за праведную жизнь – блаженство перед будущим возрождением в царстве Добра. Заметим, что для VI-VII вв. в Согде характерным явлением становятся оссуарии в виде здания с аркадой и зубцами-мерлонами по его верхнему краю, на линии перехода к крышке. Это описание вполне сопоставимо с изображением погребального ложа в сцене «оплакивания» на пенджикентских росписях.

Немного более развернуто приводятся картины ожидающего праведников рая в гимне, посвященном Аши, богине благой судьбы (Яшт 17, 7-10). В нем описывается счастливая участь (жизнь), которая ожидает праведных мужей, которых Аши одарит богатыми владениями, где птица изобильна, разостланы постели и множество богатств», где «стоят их ложа разубраны, душисты, подушками полны на ножках золо-

тых» (17, 9), и на этих ложах сидят и томятся в ожидании любви мужа-хозяина возлюбленные жены, красуясь своими украшениями, браслетами, ожерельями, серьгами и красивым телом (Авеста, 1990. С. 112-114). Правда, по мнению некоторых исследователей, сюжет о женах это поздняя интерполяция, навеянная мусульманским представлением о рае, населенном прекрасными и вечно юными гуриями (см. комментарий И.М. Стеблин-Каменского, Авеста, 1990. С. 160-161)³. Больше того, в суре Йа син всплывает мотив ложа в рае («Обитатели рая сегодня, поистине своим делом наслаждаются. Они и их супруги в тени возлежат на ложах. Для них там фрукты и все, чего они потребуют» (Коран, сура 36, 55-57). Однако, вероятней, как и в некоторых других коранических образах, здесь отразилось переработанное зороастрийское влияние.

На наш взгляд, изображением именно этих райских дев являются некоторые женские образы на согдийских оссуариях. Так, на оссуарии из Сарытепа, в Самаркандском Согде, оттиском крупной односторчатой матрицы нанесено изображение здания с аркадой и зубцами-мерлонами по краю крыши, внутри под аркадой помещены три женские фигуры в облегающих одеждах из тонкой ткани с развивающимися у колен лентами-шарфами и сложенными на груди руками (в позе почтения и внимания) (Павчинская, Ростовцев, 1988. С. 92, рис. 1).

Таким образом, использование в погребальной обрядности согдийцев в Китае каменных лож с ширмой или оформленных в виде саркофага-домика китайского типа (но с согдийскими персонажами и декоративными элементами) и помещенных в подземную камеру-склеп, не противоречило согдийским верованиям. Более того, все эти и другие элементы синкретического характера являются не следствием мимикрии согдийских поселенцев в Китае, а были призваны усилить смысловое значение обряда, выступая символами райской обители. Куда, по мнению устроителей этих погребальных сооружений, должна была отправиться душа умершего влиятельного лица согдийской общины. В связи с этим, вероятней всего, и сюжеты сцен на плитах погребальных лож изображали эпизоды не столько из прежней жизни умершего, сколько его существование в райской обители, где его жизнь была наполнена удовольствиями и в то же время была продолжением прошлой земной деятельности. Показательно, что в Яштах, в том же гимне Аши после описания ожидающих супруга жен рассказывает о громко ржущих конях, быстрых колесницах, которые везут почившего мужа-воителя, и то, что у

него длинные и острые копья и стрелы, разящие врага. Правда, на всех композициях погребальных лож вместо войны показано другое достойное занятие знатного мужа – сцены охоты. Есть там сцены веселого пира и караваны, видимо, идущие к умершему мужу. И опять все это переключается со строками гимна – «у них там ревут верблюды с высокими горбами, ... Из дальних стран приносят в кладовые серебро, золото и драгоценные одежды (Яшт 17, Авеста, 1990. С. 14).

Конечно, при анализе погребальной обрядности согдийцев в Китае следует учитывать и такие факторы как удаленность и оторванность согдийских поселенцев от своей метрополии, не имевших возможности в полной мере соблюдать свои религиозные церемонии, отрицательное отношение других народов к такой форме погребальной

обрядности как выставление трупов. Поэтому не удивительно, что в Китае согдийские поселенцы использовали обычай ингумации, не противоречивший их верованиям и бытовавший среди окружающего китайского населения. Вместе с тем оторванность от метрополии, наличие инокультурного окружения способствовали проникновению в культовую практику элементов и образов других религий. В то же время согдийцы даже испытывая сильное внешнее воздействие, как показывает в целом погребальный комплекс, стремились сохранить свою религиозную идентичность, свои традиционные обычаи, используя из инокультурного потенциала окружающего китайского населения лишь те элементы, которые были схожи с их собственными или соответствовали им по своему значению.

Сноски

1. Правда, Ю.А. Рапорт отвергает подобное толкование сюжета. На его взгляд, здесь изображен юноша-телохранитель царя (Рапорт Ю.А. Центральный массив Топрак-калы. Дворец // Труды ХАЭЭ. Т. XIV. М., 1984. С. 95).
2. Показательно, что в большой надписи на афрасиабских росписях с приемом послов Вархуманом посол из Чаганиана заверяет Вархумана, не иметь подозрений относительно посла, т.к. он осведомлен о самаркандских богах и письменности, т.е. не будет пытаться распространять чаганианскую веру и письменность (Альбаум, 1975. С. 55).
3. Существует, правда, еще точка зрения, что появление лож в описании райской обители – это следствие отражения в быту иранского общества обычая возлежать на ложе во время пиршества, появившегося под влиянием эллинистической традиции (Крюкова, 2005. С. 95-96).

Использованная литература

- Авеста. Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.
- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Средневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Расопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XV, Душанбе, 1980.
- Богомолов Г.И. О форме оссуариев и ее семантической нагрузке // Времен связующая нить (по материалам музейных фондов). Ташкент, 1992.
- Богомолов Г.И. Из истории зорострийского погребения обряда // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию Самарканда. Ташкент, 2007.
- Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Перевод с английского. М., 1987.
- Bulletin of Miho Museum. Vol. 4, march 2004.
- China: Crossroad of Culture. Catalogue of exhibition "China, crossroads of culture". Miho Museum, 2005.
- Горячева В.Д. Наусы некрополя Красноречинского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.
- Gray Louis H. The boundation of the Iranian Relegions. Being a series of the Katanbai Katrak Lectures delivered at Oxford-Bombey: D.V. Taraporevala sons and Co "Kitab Mahal", Horly Road, 1925.
- Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифологии древнего мира / Перевод с английского и предисловие И.М. Дьяконова. М., 1977.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.
- Крюкова В. Зороастризм. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Лелеков Л.А. Авеста в современной науке. М., 1992.
- Lerner Judich A. "Les Sogdiens en Chine-Nouvelles decouvertes historiques, archeologiques et linguistiques" and Two Recently Discovered Sogdian tombs in Xi'an // Bulletin of the Asia institute New Series. Volume 15, Michigan, 2004.
- Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. (История и культура). М., 1981.
- Marshak V. The Miho Couch and the other Sino-Sogdian Works of Art of the Second Half of the 6-th century // Bulletin

- of Miho Museum. Volume 4, 2004.
- Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссуарии из Сарытепа // История материальной культуры Узбекистана, вып. 22. Ташкент, 1988.
- Pugachenkova G.A. The Form and style of Sogdian Ossuaries // Bulletin of the Asia Institute. New Series, 1994, volume 8. The Archaeology and Art of Central Asia studies from the former Soviet Union.
- Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.-М., 1948.
- Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. М., 1977.
- Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Рифтин В.А. Ба-чжа // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М., 1991.
- Розенфельд А.З. «Говораи ноз» - древний погребальный обряд на Вандже (Тадж. ССР) и траурные рубои // Фольклор и этнография. Л., 1974.
- Рубинштейн Р.И. Ба // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М., 1991.
- Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М., 1978.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

Д.К. Мирзаахмедов, Ш.Т. Адылов, Б.Х. Матбабаев

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОБЪЕКТЕ Р 56 ГОРОДИЩА КУВА

Городище Кува или «Куба» по средневековым арабским письменным источникам, располагалось на самой ранней ветке, издавна процветавшей караванной трассы Великого Шелкового пути, проходившей через Ферганскую долину и далее через Восточный Туркестан в Китай (Брыкина, 1990. С. 50-51). О существовании в Ферганской долине эпохи античности государства Давань с централизованной почтовой системой, связывавшей ее с соседними государствами – Кангюй и Большие Юечжи, извещает уже во II в. до н.э. посол китайского императора Чжан Цань (Бичурин, 1950. С. 147-148). При этом исследователи, основываясь на материалах археологии, полагают, что расцвет культуры древней Ферганы времени государства Давань во многом был обусловлен ключевым расположением ее на Шелковом пути (Заднепровский, 1990. С. 95). Дорога через Фергану для II в. до н.э. и, по крайней мере, VI в. н.э. была основной. Затем в связи с усилением роли Тюркского каганата в Средней Азии главная трасса переместилась к северу – через Семиречье (Брыкина, 1990. С. 52).

Как ранее, так и сейчас делаются неоднократные попытки сопоставления памятников раннежелезного века, античности и раннего средневековья вдоль трассы этого пути, по материалам письменных источников и «Свода памятников археологии» (Абдулгазиева, 1977; Заднепровский, 1990).

В эпоху средневековья, в связи со значительным развитием ремесла и расцвета культуры, роль трассы через Ферганскую долину снова резко возросла. По данным арабских географов этот отрезок пути в X в. преодолевался за 6 дней пути и проходил через города приблизительно отстоявшие друг от друга на расстоянии дневного перехода. Дорога направлялась по южной части Ферганской долины и проходила через Ходжент, Кент (Кенд- и Бадам - Канибадам), Сох, Риштан, Зендерам, Куба, Ош (Бартольд, 1963. С. 214-215). Среди последних, город Куба еще в VIII в. упоминается как резиденция наследников престола Ферганских правителей (Булатова, 1972. С. 8), центр отдельного округа и хотя, по своему ремесленно-промышленному потенциалу, она считалась второй в Фергане, после столицы долины – Ахсикета, тем не менее, в системе городских центров по линии трассы, занимала особо важное положение.

Археологические работы, проводившиеся здесь уже с середины 50-х годов прошлого столетия (Жуков, 1960) и последние результаты нынешних исследований показали, что городище имеет в своей основе довольно значительный пласт древних культурных напластований, самые ранние из которых, по нынешним стратиграфическим керамическим колонкам, могут быть датированы IV-III в. до н.э. (Ширинов, Матбобоев, Иванов, 1998. С. 34; Матбабаев, Грицина, 2000. С. 109). Обживание города приходится вплоть до начала XIII в., когда по его верхнему культурному горизонту читаются следы многочисленных пожаров, связанных с разрушительными последствиями монгольского нашествия. Впоследствии население уже не восстанавливало территорию цитадели и шахристана, располагаясь в черте рабадов и округи городища.

Ныне остатки памятника расположены к западу от современного центра города Кувы, выходя южным фасом стен древнего шахристана к интенсивно функционирующей автомобильной дороге Кува-Маргилан-Фергана, проходящей по территории южного рабада. Сохранившаяся часть городища состоит из цитадели (площадью около 2 га) и шахристана (площадью около 10 га), в общем имевшую подквадратную в плане форму и на 7-8 м возвышавшуюся от окружающей ее территории (рис. 1).

Кроме того, некогда богатые и обширные средневековые рабады городища с трех сторон (с севера, юга и востока), окружавшие шахристан в радиусе 1,5 км (Булатова, 1972. С. 7) и составлявшие не менее 80 га. (Беленицкий, Бентович, Большаков. 1973. С. 2004), ныне полностью заняты под современной застройкой.

Археологические исследования, начатые здесь во второй половине 50-х и начале 60-х гг. XX в. были вновь возобновлены в 1996 году в связи с юбилейными торжествами (1998 г.), посвященными выдающемуся математику средневековья Ахмаду ал-Фаргони, предполагаемым местом рождения которого являлось данное городище.

В представленной работе мы коснемся результатов исследований одного из важных объектов раскопа 5б, материалы которого преимущественно относятся ко времени развитого средневековья XI – нач. XIII вв. В историческом аспекте это период, когда Кува достигла своего наибольшего процветания, и может также характеризоваться

как эпоха ал-Фаргони.

Основной объект исследований – раскоп 5б располагался в центральной части южного склона городища. В плане (по внешнему контуру) вскрываемый участок представлял собой неправильный прямоугольник, ориентированный по линии 3-В. Размеры раскопа: по линии С-Ю с восточной стороны 14,9 м, с западной – 14,6 м, по линии 3-В с северной стороны 19,9 м, с южной – 21 м (рис. 2).

Верхний дерновый слой толщиной около 15-20 см кое-где нарушен линзами неглубоких мусорных ям. Судя по отдельным находкам характерных форм поздней керамики, фрагментам привозной российской фарфоровой посуды и стеклянных парфюмерных флаконов, эти ямы относились к концу XIX – нач. XX вв. Исходя из этого, можно полагать, что во второй половине XIX – нач. XX вв. происходило эпизодическое обживание южной стороны шахристана.

Сразу под дерновым слоем начинается культурный слой, имеющий непосредственное отношение к последнему этапу систематического обживания городища. Он представлял собой неоднородный, слегка уплотненный грунт земли, местами довольно рыхлый, с гумусными и зольными прослойками и горелыми остатками, видимо, деревянной каркасной архитектуры. Слой густо насыщен кусками пахсы, обломками жженных кирпичей и камнями. Камни использовались для вымостки, хотя первоначально они могли происходить из арсеналов расположенной рядом южной оборонительной стены. Данный уровень с очень плохой сохранностью обрывков архитектуры прослежен частично по южной площади раскопа, где местами выявлены его остатки. Они представляли из себя основания практически смытых стен, выложенных из сырцового кирпича форматом 43x20-23x8-9 см, на тонком глиняном растворе и с чередованием рядов, выложенных ложком и тычком. Толщина стен 1-1,2 м, сохранность на высоту 1-2 рядов кирпичей. Четкой планиграфической картины эти остатки не дают, поэтому их нанесение на план не представлялось целесообразным.

К данному горизонту также, в общей сложности, относилось более 10 крупных заполненных гумусом ям, которыми была насыщена вся вскрываемая площадь. Они имели аморфные очертания и достигали в диаметре 1,1-1,7 м, при глубине 1-1,5 м. Полученный из ям комплекс керамики был очень незначительным и невыразительным. У северо-западного угла, а также по центру раскопа были выявлены сильно разрушенные остатки трех сандалов, выложенных из

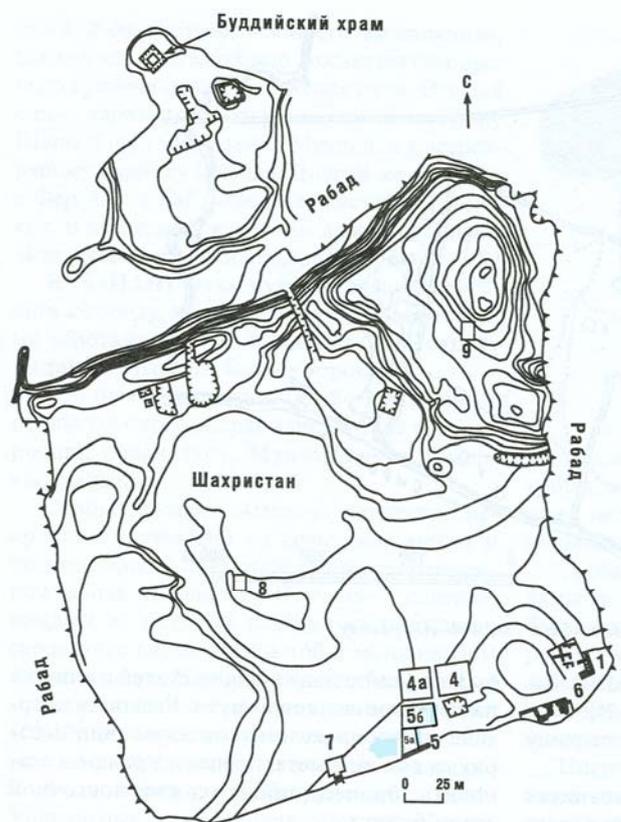

Рис. 1. План городища Кува

жженных кирпичей (30x14x3,5 см), также относящихся к рассматриваемому уровню. С этого же уровня был опущен хум, предназначавшийся, видимо, для хранения зерновых злаков.

Рассматриваемый горизонт с практически смытыми остатками архитектуры, гумусные ямы, сандалы, а также небольшой комплекс фрагментов поливной керамики с зеленовато-оливковой поливой и процарапанной орнаментацией безусловно относится к заключительному этапу систематического обживания городища и датируется XII – нач. XIII вв. Многочисленные зольные прослойки и красноватые горелые слои, фиксируемые для данного горизонта несомненно являются следствием пожара и разрушений, соответствующая по времени захвату города монголами. Полученный из слоя нумизматический материал подтверждает эту дату.

Под культурным горизонтом XII – нач. XIII вв. залегает следующий культурный слой, но более насыщенный органическими прослойками. Дальнейшее вскрытие позволило выявить под ними остатки архитектуры, в целом, позволяющие судить об отдельных чертах планировочных принципов строительства жилых построек XI века (рис. 2).

Расчищенные остатки архитектуры образуют

комплекс, по крайней мере, из 7 помещений, относящихся, видимо, к двум жилым хозяйствам. Стены помещений возведены из сырцового кирпича 45x21-22x8-9 см, либо из пахсы и сохранились на высоту от 0,4 до 1 м. Обращает на себя внимание их сравнительно небольшая толщина – от 0,45 до 0,85 см. Помещения 1, 3, 5, 6 полностью расположены в пределах раскопа, остальные – частично. В планиграфическом аспекте сразу же выделяется блок из помещений 1-3 с длинным общим коридором, шириной около 1 м, на который выводят проходы помещений.

Помещение 1 подпрямоугольное в плане, размерами 3,8x3,2 м. Здесь же расчищена Г-образная суфа-лежанка, расположенная по восточному и южному основанию стен. Причем по восточной стороне она имела два уровня. Ширина суфы по верхнему уровню достигала 1,05-1,10 м, сохранившаяся высота 0,35-0,55 м. Первоначальная ширина прохода в помещение 1 достигала 1,95 м, а впоследствии сужена временной, плохо сохранившейся стеночкой до 0,95 м. В центральной части помещения на полу, выявлены располагавшиеся напротив друг друга остатки тандыра и крупный каменный жернов. Как тандыр, так и жернов располагались на небольших глиняных постаментах у подножия суфы, первый у северной стены помещения, второй к югу. Диаметр жернова 0,41 м, толщина 0,06-0,07 м, диаметр отверстия – 0,06 м. Подиум под тандыр был несколько выше (0,20 м) и имел подквадратную форму 0,8x1 м. По верху подиума выявлены следы прокаленности и зольные остатки. Основание тандыра было несколько заглублено в подиум на 0,6 см, имело диаметр 0,62 м и соответствовало по уровню располагавшейся с востока нижней суфы. Последняя имела ширину 0,65 м. Параллельная ей верхняя суфа возвышалась от нижней на 0,35 м. Принцип строительства как верхней, так и нижней суф был близок, исходя из того, что края суф были выложены небольшой пахсовой стеночкой (у верхней суфы на ширину 0,30 м, у нижней на 0,35 м), за которой шло уплотненное лессовое заполнение. Несомненно, нижняя суфа несла определенные хозяйственные функции, так как располагавшийся у ее края жернов, предназначенный для перемолки зерна в муку и тандыр, предназначенный для выпечки лепешек, были связаны с одной из важных сторон жизнедеятельности семьи. В отдельных случаях тандыр мог использоваться для приготовления пищи, подогрева воды, а в зимний период для обогрева помещения. В таком случае верхняя суфа могла использоваться для принятия пищи, местом отдыха и ночлега. Стены помещения полностью сложе-

ны из пахсы и имели ширину: восточная – 0,7 м, южная – 0,5 м, северная – 0,85 м. В юго-восточном углу помещения сверху на глубину 1,3 м опускался крупный бадраб диаметром около 1,15 м. Материал внутри бадраба практически отсутствовал, тем не менее, он безусловно имел отношение к предшествующему несохранившемуся на данном участке предмонгольскому культурному горизонту XII – нач. XIII вв.

Расположенное южнее следующее помещение 3 имело практически такие же размеры – 3,6x3,25 м, при ширине стен 0,5 м и прохода 1 м. Южная стена была частично разрушена в ее Ю-В углу опущенным с верхнего горизонта хумом (д.в.-0,38; д.д.-0,32; высота-0,85 см.), на котором мы останавливались выше. По краю помещения с южной, восточной и северной стороны прослеживаются плохо сохранившиеся остатки низкой суфы. Ее ширина достигала 0,6-0,7 м, высота 0,2 м. На многих участках ее поверхности имелись следы красных горелых пятен и пепла, что свидетельствует об обогревании помещения в зимний период.

Расположенное к северу помещение 2 раскопано частично, так как выходит за пределы раскопа. Оно имело южную стену длиной 4,75 м при ширине 0,85 м и частично вскрытую восточную на 0,7 м. Помещение 2 как и предыдущее помещение 1 имело небольшой уклон к северо-востоку. В западной его части у южной стены был обнаружен бадраб 5. Его диаметр достигал 1,2 м и опускался на глубину более 9 м в глинистые влажные слои. Исходя из большой глубины, а также выкладки по нижней части сырцовым кирпичом, можно предположить, что на первоначальном этапе он функционировал как колодец и лишь впоследствии был переиспользован как бадраб. На это также указывают найденные в его нижних частях фрагменты от толстостенных водоносных кувшинов и нескольких кружек с фестончатым завершением венчика (рис. 4: 1,2). Размеры первого – д.в.-11,5; д.д.-6; высота-5,5. Размеры второго – д.в.-11,5; д.д.-4,5; высота-7 см. Это также указывает на длительность периода его функционирования – по крайней мере с конца IX-X вв. как колодца и впоследствии с XI в. превращению его в бадраб. Кроме вышеотмеченных керамических материалов из бадраба также был получен двухсторонний мужской гребень из слоновой кости (рис. 4: 3) и бронзовая палочка с уплощением в виде лопаточки с изгибом на конце, видимо, использовавшаяся для подведения бровей усьмой (рис. 4:4). Его общая длина – 8 см, длина лопаточки – 1,5 см. Гребень имел прямоугольную форму размерами 6,1 см по длине и 2,7

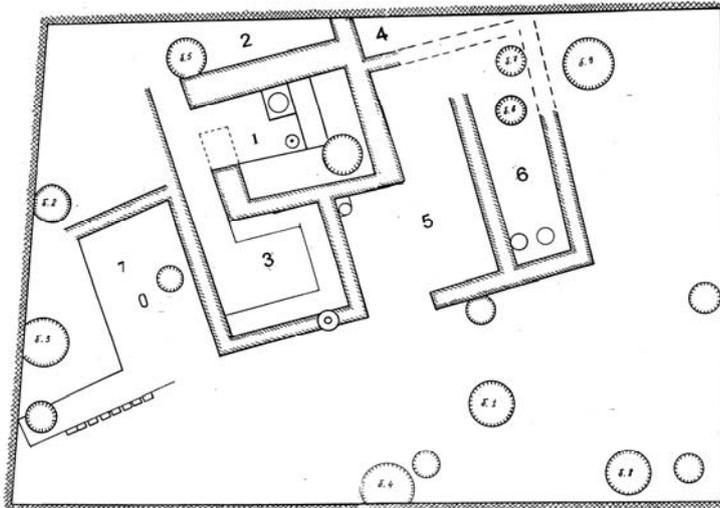

Рис. 2. План помещений XI в.

см по ширине. С одной стороны он имел редкие, с другой – более частые зубья. Семь редких зубьев, видимо, предназначались для волос, а одиннадцать частых – для бороды. То есть такой небольшой гребень мог быть использован только для гигиены мужчин, не для длинных волос женщин.

Наряду с ними, в бадрабе были найдены две бусины, первая из стеклянной пасты бочонковидной формы салатного цвета и тремя черно-желтоватыми вставками, вторая – плоская, четырехугольной формы из полудрагоценного сердолика.

К западу от блока помещений 1-3 располагалась еще жилая архитектура, но сохранившаяся значительно хуже. В юго-западном углу фиксируется небольшой проход по направлению 3-В, оконтуренный с южной стороны по верху одним рядом прямоугольных жженых кирпичей (30x14x3 см). Проход имел ширину 0,9 м и фиксировался по южной части на длину 4,8 м, по северной на 3,4 м. Сохранившаяся высота оконтуривавших проход стенок достигала 0,25-0,30 см. При этом по северной части проходила, по всей видимости, настоящая стеночка, а по южной – это была окантовка края южной суфы помещения.

Рядом читаются следы еще одного подпрямоугольного помещения 7, расположенного напротив помещения 3. Восточная стена имела длину 5 м, северная – 2,9 м, западная – 4,25 м. Прямо по центру помещения на полу были выявлены остатки золы и прокаленности от небольшого овальной формы очага (0,25x0,34 см). Вокруг на полу найдены в гумусных отложениях фрагменты костей животных и фрагменты неглазурованной керамики.

Кроме того, культурный горизонт описываемого западного блока архитектурных остатков

был прорезан опустившимися с предшествующего строительного периода четырьмя крупными и неглубокими бадрабами. Два из них дали невыразительный фрагментарный материал, а в двух – втором и третьем были получены, соответственно, бронзовый усмадон (рис. 4:5) и фрагмент горловины стеклянной колбы.

Следующую группу составляет восточный блок помещений 4-6. Как и во многих других случаях, их стены сохранились частично или даже были смыты полностью, учитывая существовавший в этот период уклон уровня дневной поверхности в северо-восточном направлении.

Г-образное коридорной формы помещение 5 имело широкий частично разрушенный проход со стороны двора. Ныне фиксируемая ее ширина 1,9 м. Первая более широкая часть помещения имела размеры 3,4x4 м. В С-З углу, напротив входа, зафиксированы остатки пепла и сильной прокаленности. Место это также выделялось небольшим возвышением на 0,20-0,25 см от уровня пола и фиксацией здесь нескольких уровней разрушенных очагов и тандыров. Далее помещение сужается до ширины 2 м и длины 3,4 м. Полы проходного помещения 5, видимо, неоднократно ремонтировались, судя по тому, что при углублении они отслаивались на толщину 2-4 см.

Южная стена была выложена из кирпича 45x21-22x8-9 см и имела ту же ширину 0,45 см. Сохранившаяся ее длина с учетом продолжения и в 6 помещении достигала 4,80 м, высота 0,55 м. С южной стороны к стене вплотную примыкал, частично разрушив ее бадраб, опустившийся с верхнего культурного горизонта нач. XIII в., ее диаметр 1,05 м. Бадраб практически не содержал существенного археологического материала, кроме мелких невыразительных фрагментов керамики и изящной фигурной ручки от стеклянного кувшина черного цвета. Восточная и северная стены помещения также были выложены из кирпича того же формата, но к северу сохранность их значительно ухудшается. Так, например, северная стена сохранилась на высоту одного-двух рядов кирпичей и то теряясь в восточном направлении. Восточная стена помещения к северу постепенно понижается и исчезает. По всей видимости здесь располагался проход в помещение 6 и, видимо, этим можно объяснить полное отсутствие следов восточной стены даже по самому нижнему уровню.

Следующее помещение 6 имело также вытянутую коридорообразную форму. Северная ее часть из-за понижения рельефа местности и раз-

мывания осадками реконструируется предположительно. Ширина помещения 1,8 м, предположительная длина 6,6 м, ширина прохода также может быть определена условно в пределах 1 м. Сохранившаяся длина восточной стены помещения 4,5 м, ее ширина как и по южной стене 0,45 см и также выполнена из кирпича 45х21-22х8-9 см. В южной части помещения вдоль стены были выявлены нижние части двух хумов аккуратно уложенных, с некоторым заглублением в пол. На дне одного из них лежал обломок каменного жернова. Диаметр дна более крупного восточного 0,55 см, а меньшего западного соответствовал 0,46 см.

К югу от комплекса вскрытых помещений располагалось свободное дворовое пространство, пол которого был неоднократно обмазан глиняными прослойками толщиной 2-5 см. В прослоечных слоях было найдено много бус из стекла и стеклянной пасты, несколько различной формы поясных нашивных бляшек, а также костяная заковка и пуговица. Верхний культурный слой под полами в южной дворовой части объекта был заполнен остатками строительных завалов, небольших зольников и в отдельных местах мощными гумусными отложениями. Мы полагаем, что эта дворовая часть раскопа непосредственно примыкавшая к южным стенам шахристана, будучи некогда относительно свободной в XII в., видимо, была полностью застроена. Строения эти практически не сохранились, но большое количество бадрабов, опускающихся сверху и разрушивших нижние культурные слои являются свидетельством этого.

Так, в бадрабах 1 и 4 было найдено несколько археологически целых стеклянных колб и фрагментов. Из бадраба 1 происходит колба из голубоватого стекла традиционной формы (рис. 5:2),

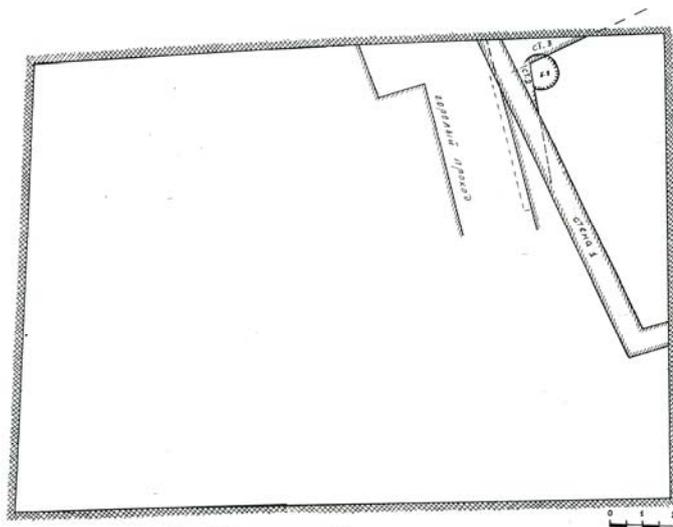

Рис. 3. План помещений раннего средневековья

небольших размеров и орнаментом из мелких круговых вмятин по тулову сосуда, видимо, получавшихся при вдувании сосуда в форму (д.д. - 7 см; д.в. - 4,4 см; высота 18 см). Следующая колбообразная форма (рис. 5:1) из желтоватого стекла по размерам близка первой. Орнамент по ее тулову состоит из мелких круговых вмятин, но выполненных более четко и из более тонкого стекла. Отличие последней также заключается в том, что традиционный венчик с раструбом для украшения слегка повернут на 45°, имеет косые складки и клювовидный слив, напоминая графин (д.д. 6 см, д.в. 3,5 см, высота 20,5 см). Из бадраба 8 происходит крупный фрагмент стенки и донце поливных блюд, имеющих характерный для второй пол. XII - нач. XIII вв. процарапанный подглазурный орнамент.

Наряду с материалами из бадрабов опускавшихся с уровня верхнего горизонта XII века, непосредственно с полов выше отмеченных помещений XI века происходят еще две формы стеклянных изделий. Первая из них это крупный графин зеленоватого стекла с цилиндрической формой тулова и горловиной с раструбом (д.в.-9, д.д. -11,5, высота-31,4 см). Он оформлен круговой стеклянной спиралью по основанию венчика, а для укрепления стенок выступающим наружу стеклянным шнуром по основанию корпуса и выгнутым внутрь стеклянным каркасом у плечиков (рис. 5: 3).

Второй образец представлен не полностью сохранившимся вазообразным сосудом из желтого стекла (рис. 5: 4) с орнаментацией по тулову из повторяющихся парных S-образных и точечных налепов по тулову, а также контрастной синей ленточной полосой венчика (д.в.-17 см).

К особенностям графина предназначавшегося для переноски и хранения объемов жидкости необходимо отнести типы внешних и внутренних каркасов укреплявших стенки тулова, а второй сосуд новой оригинальной, вазообразной столовой формой, орнаментацией и контрастной цветовой гаммой.

Но наибольшее количество археологически целых материалов было получено из двух бадрабов № 6 и 7 располагавшихся в непосредственной близости друг от друга (0,54 см), в северной части помещения 6 и, несомненно имевших последовательный характер заполнения.

Из бадраба 6 (диаметр - 0,90 см) было собрано два археологически целых поливных, светлофонных блюда с секторным орнаментом из темно-коричневых псевдонадписей по венчику (рис. 6:1, 7). Последние очень короткие и узкие, подразумевали лишь одно слово, состоят из прямой линии с зубчатым мотивом снизу, уже полностью

превратились в орнамент, неся лишь внешнюю, символическую нагрузку. На первом блюде они состояли из пяти, а на втором из двух имитаций, оставляя основной фон абсолютно свободным. Донца блюд дисковидно-вогнутые, на втором – с полусферическими стенками (д.в. 21,5 см, д.д. 7 см, высота 9 см), а на первом – косо отходящие стенки, плавно перегибаются к вертикали венчика (д.в. 21,3 см; д.д. – 6 см; высота 6,3 см). Блюдо очень близкое как по форме, так и по характеру орнаментации было выявлено с полов описанных помещений XI в. соответствующих функционированию бадраба б (рис. 4:6). Из-за фрагментарности образца мы можем отметить лишь наличие одной псевдонадписи (д.в.-21; д.д.-6,6; высота-6,3 см). Обращает внимание то, что псевдоэпиграфика является основным типом орнаментации. Широкие параллели подобных надписей по соседним регионам хронологически определяются в пределах XI века.

Выявлены также два археологически целых глазурованных светлофонных чиражка с псевдонадписями по бокам резервуара и длинными носиками (рис. 6:11), а также неполивной чиражок – плоская примитивной формы. Примитивность последней не исключает ее переотложенности и более ранней датировки (рис. 6:2). Хотя надписи на чиражках сильно стилизованы, но еще не превратились в полную имитацию, как на посуде и, возможно, могут быть варианты чтения специалистами.

Интерес представляет и маленький медный сосудик цилиндрической формы (д.в. – 5 см; д.д. – 4,5 см; высота – 4,2 см). Подобная медная посуда в быту исследуемого периода могла носить, по отдельным параллелям, парфюмерно-аптекарское назначение. В них было удобно размельчать или подогревать на огне какие-либо препараты медицинского или косметического назначения (рис. 6:3).

В медицинском аспекте привлекательно было бы предположить в них форму параллельную кровотоотсасывающим банкам-алембикам, широко использовавшимся в исследуемую эпоху и, на характере назначения которых мы останавливались ранее (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов. 1988. С. 179). На основании известного трактата о хирургии и инструментах медика, жившего на рубеже X-XI вв., где говорится о применении кровотоотсасывающих банок и способе пользования ими, можно расширить имеющуюся информацию. Прежде всего автор отмечает, что банки делались из рогов, дерева, меди или стекла. Ставились двумя способами: с надрезами на коже и отсасыванием крови, и без надрезов (с огнем и без огня) (Абул-Касим аз-

Захравий, 1983. С. 211-216). Таким образом, наша бронзовая баночка, по размерам практически идентичная алембикам, на основании данных приведенного источника, могла использоваться «без надреза, с огнем», то есть как прообраз современных огневых банок, используемых при простудных заболеваниях. В зависимости от назначения врачей, банки могли иметь различные конструкции и размеры. Различия в размерах объясняются также возрастом пациентов и местом куда они прикладывались (Абул-Касим аз-Захравий, 1983. С. 211-216).

В комплексе встречен также миниатюрный железный ножичек. Несмотря на плохую сохранность просматривается расположение лезвия с внутренней вогнутой стороны, на черешке сохранились следы от деревянной ручки (рис. 6: 4). Он имел слегка изогнутую форму, однолезвийный, с небольшим черешком, видимо носил характер перочинного и выпал из кармана. Подобные ножи, будучи удобными в повседневном быту, часто встречаются среди предметов материальной культуры X - нач. XIII вв. (Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 165, рис. 7) (общая длина 8,5 см, длина лезвия 6 см, черенок – 2,5 см). Еще одним интересным повседневным предметом в жизни семьи явилась находка половины от костяной игровой фишки с цифровыми обозначениями по краям от 1 до 6 (рис. 6:8). Находки подобных предметов также нередки и характеризуют одну из сторон досуга средневековых горожан в данную эпоху (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Некрасова, 1990, рис. 1).

Также большую группу в комплексе составляют несколько археологически целых форм и фрагментов стеклянных изделий. Это прежде всего маленький колбообразный сосудик из зеленого стекла (д.в. – 1,3 см; д.д. – 2,5 см, высота – 6 см), предназначавшийся для ароматических косметических снадобий (рис. 6:12) и небольшой кувшинообразный сосуд, напоминающий по размерам и назначению стакан, также из зеленого стекла, выполненный в технике выдувания с вращением (д.в. 6,5 см, д.д. 5 см, высота 7,9 см). Он имел широкий венчик и скошенную гофрированную форму тулова (рис. 6:9).

Следующий археологически целый сосуд в виде салатницы из синего стекла был также выполнен с выдуванием и вращением в форму (д.в. - 18 см; д.д. - 14 см; высота - 4,3 см (рис. 6:14). Остальные четыре формы стеклянных изделий из бадраба б представляли из себя бокалы и фужеры из прозрачного тонкого желтоватого стекла. Диаметры их венчиков колеблются от 6,5 до 8,4 см, диаметры ножек от 3,4 до 3,8 см. Высота от 10,5 до 14,2 см. По характеру художественного испол-

нения они делились на простейшие без всякой орнаментации (рис. 6:5) (д.в. – 6,8 см; д.д. – 3,5 см; высота – 11,5 см) и с наложением по середине резервуара от двух и более круговых однотипных наклепных стеклянных нитей (рис. 6:13) (д.в. – 8,4 см, д.д. – 3,7 см; высота – 14,2 см), а также добавлением по нижней части резервуара наклепной волнистой, ломанной и особо изысканной накрученной одна на другую стеклянных нитей в виде косой юбочки по основанию резервуара (рис. 6:6) (д.в. – 6,5 см; д.д. – 3,4 см; высота – 12 см) и (рис. 6:10) (д.в. – 8 см, д.д. – 3,8 см; высота – 10,5 см). По месту и времени находки наиболее близки к последнему образцу, бокал и рюмка XI в., также найденные в Куве (Ахраров, 1960, рис. 1, 2; Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963, рис. 23, 24).

Бадраб 6, из которого получен данный комплекс не был очень глубоким, и время его функционирования вряд ли могло превысить более десяти лет.

Таким образом необходимо отметить, что на основании материалов бадраба 6, представляющего собой закрытый комплекс предметов домашнего обихода, на определенном хронологическом срезе времени, одной из кувинских семей можно сделать ряд предварительных выводов.

Прежде всего, на представленной посуде эпиграфические мотивы полностью превращенные в орнамент становятся основным видом художественного оформления изделий. При этом они имитируют одно слово и занимают очень ограниченное количество места, оставляя свободной подавляющую часть как внутренней, так и внешней поверхности посуды. Сокращение надписей в количественном и превращении их в орнамент в качественном плане, как мы уже отмечали в более ранних публикациях (Мирзаахмедов, 2007. С. 65-66), в значительной степени удешевляет ее себестоимость, являясь прямым показателем постепенного влияния экономического спада, связанного с «серебряным кризисом» на явное ухудшение художественных особенностей столовой посуды.

Вторым показателем в комплексе является наличие большого количества форм разнообразных и разноцветных, хорошего качества, стеклянных изделий. В свою очередь, при ограниченном в количественном и низком, в художественном плане типов керамической посуды, ее место на полках михманханы начинает постепенно вытесняться изящными, высокохудожественными образцами стеклянной посуды. Особо выделяются среди стеклянной посуды бокалы и фужеры, от самых простых до изысканно украшенных наклепными нитями. Несмотря на различную сте-

пань усложненности их внешнего оформления, предполагающая разброс цен, их одноцветность, стандартность форм и техники украшения предполагает их изготовление одним мастером. На основании керамических материалов хронологически они определяются XI веком, предполагая ее широкий экспорт по соседним регионам.

Бадраб 7 (диаметр – 0,95 см), расположенный рядом по одному уровню пола и, несомненно, носивший последовательный характер заполнения, оказался еще более богатым. Полученный отсюда закрытый комплекс подразделялся на поливную и неполивную керамику, а также стеклянные изделия.

Археологически целые и фрагменты глазурованных изделий делятся на блюда, чаши, получаши (нимкоса), пиала и светильники. Все они покрыты белым ангобом и прозрачной светлой свинцовой поливой. Как и в предшествующем комплексе (бадраб 6) столовая посуда имела дисковидно-вогнутые поддоны. На одном блюде (рис. 7:5) стенки имели традиционную полусферическую форму (д.в. 20,5 см; д.д. 6,8 см; высота 7,5 см). На двух других они косо отходили в стороны и с граненым перегибом переходили к прямым, близким к вертикали венчикам – вверх (рис. 7:1, 3). Диаметр венчика первого, частично сохранившегося блюда составлял 29 см, размеры второго: д.в. 26,8 см; д.д. – 8 см; высота 7 см). В отличие от первого комплекса, в бадрабе 7 встречены три чашевидные формы: чаши (коса), получаши (нимкоса) и пиалы. Они имели усеченно-конические профили стенок на дисковидно-вогнутых поддонах. Чаша (рис. 7:2) имела д.в. – 19,8 см; д.д. – 6,7 см, высота 7,3 см. Получаша (нимкоса), донце не сохранилось, д.в. – 16,3 см, предполагаемый д.д. – 5,4 см; предполагаемая высота – 6,4 см (рис. 7:4).

Пиала (рис. 7:6), д.в. -12,3 см; д.д. – 4,3 см, высота – 4 см. Наряду с представленным экземпляром, выявлены еще фрагменты от двух пиал, диаметр венчика первого - 15 см, диаметр дисковидного донца второго – 5,2 см.

В комплексе отмечен также археологически целый чиражок (рис. 7:7) с характерной петле-видной ручкой, длинным носиком и стилизованной надписью по обеим сторонам резервуара. По форме и характеру стилизованной надписи он близко напоминает чиражок полученный с уровня полов описанных помещений XI века (рис. 4:7) на нашем раскопе, а также по материалам XI в. Ахсикета (Анарбаев. 2006, рис. 3:1,5). Псевдо-эпиграфика на обеих черажках уже не читаема.

Орнаментация на блюдах, чаше, получаше (нимкоса), пиале и чиражке в основном монохромная. Лишь в одном случае блюдо, видимо,

носившее парадный характер исполнения было полностью расписано оливковой краской из двух ленточных полос, повторяющихся круговых мотивов с добавлением красных завитков (рис. 7:1). На всех остальных образцах это стилизованные псевдоэпиграфические надписи, выполненные темно-коричневыми или оливкового цвета красками по венчикам чаш, блюд, пиал и резервуару чиражка. При этом, на образцах последних, как и, в целом, по предыдущему комплексу, короткие имитации надписей исключительно просты в исполнении, занимают минимум пространства и затрат на оформление, предполагая максимальное сокращение цен на производимую продукцию.

Неглазурованная керамика делится на три формы котлов, две копилки и двух фрагментированных форм сероглиняных кувшинчиков (рис. 8).

Первый археологически целый котел имел цилиндрическую форму резервуара с полусферическим основанием и кольцевым поддоном. По бортику располагались два вертикальных ушка (д.в. – 20 см, д.д. – 7 см, высота 15,5 см). Изготовлен из хорошо промешанной огнеупорной глины с примесью дресвы. Черепок коричневый, покрыт желтоватым ангобом (рис. 8:1). Второй котел имел полусферические стенки и отогнутый наружу венчик с круговой выемкой, предназначенной для установки крышки (рис. 8:2). По плечикам украшен вдавленным волнистым орнаментом, а по венчику защипами (д.в. – 23 см). Форма третьего котла шаровидная, с невысоким отходящим вверх венчиком (рис. 8:3). На плечиках располагаются два выступающих от корпуса, в виде полумесяца ушка (д.в. – 20,5 см).

На двух последних образцах котлов огнеупорное тесто черепков мелкое, но очень твердое. Практика показала, что в большинстве случаев доходящие до нас котлы плохой сохранности, с крошащейся структурой черепков, скорее являются образцами длительного время использовавшимися на огне и, в результате, потерявшими свою первоначальную структуру.

Копилки имеют шаровидную форму, на дисковидном поддоне. Верхняя часть копилки украшена небольшой полукруглой выступающей пуповиной на вершине и узкой прорезью для бросания монет сбоку (рис. 8:4, 5). Первая большая имела высоту 9,5 см, д.д. – 5 см, ширина по тулову – 9 см. Вторая соответственно: 8 см, 3,6 см и 9 см.

Наряду с фрагментами нескольких неподдающихся восстановлению кувшинов в комплексе было выявлено два частично реконструируемых сероглиняных образца. Орнаментация по тулову

состоит из вдавленных концентрических круговых линий и выполненных насечками вертикальных и процарапанных волнистых полос (рис. 8:6, 7).

Вместе с образцами поливной и неполивной керамики в бадрабе 7 встречено большое количество фрагментов стеклянной посуды, из которых нам удалось собрать ряд оригинальных форм.

Наибольшим количеством, в шести экземплярах, представлены стеклянные фужеры. Из них, как и в предыдущем комплексе, четыре экземпляра составляют обычные формы (рис. 9:1, 2) без дополнительного художественного оформления (1-й: д.в. – 6 см; д.д. – 3,5 см; высота – 10 см;

2-ой: д.в. – 6,3 см; д.д. – 3,6 см; высота – 10,3 см;

3-й: д.в. – 6,1 см; д.д. – 3,3 см; высота – 11,1 см;

4-й: собирается по основанию – д.д. – 3,1 см).

Стекла прозрачные, на первых трех по основанию желтовато-зеленоватые, на четвертой желтоватое. Пятая форма такая же, лишь с дополнением в виде дисковидного выступа по основанию резервуара (рис. 9:4). Стекло желтоватое с желтовато-зеленоватым оттенком по основанию (д.в. – 7 см; д.д. – 3,6 см, высота – 11 см). Шестая форма более усложненная, выполненная из прозрачного бесцветного стекла с желтовато-зеленоватым оттенком по основанию. По середине резервуара проходят четыре контрастных синих накладных стеклянных нитей (рис. 9:5). Ниже по корпусу резервуара фужера нанесен из более толстых синих стеклянных нитей псевдоэпиграфический узор, а по основанию резервуара накладная из стеклянных нитей дисковидная юбочка (д.в. – 6,6 см; д.д. – 3,3 см; высота – 11,1 см. В целом, размеры фужеров по высоте варьируют в пределах 10-11,1 см; диаметры венчиков 6-7 см; диаметры д. 3,3-3,6 см.

Наряду с фужерами были найдены фрагменты и восстановлена форма одного бокала. В отличие от фужеров он имел более крупные размеры и более полусферическую форму основания резервуара. Стекло прозрачное желтоватого оттенка. Орнаментация по тулову резервуара состоит из чередующихся накладных нитей того же желтого стекла в виде S-образных спиралей и зигзагообразных ломанных линий выполненных контрастным синим стеклом. Выше нанесена стандартная орнаментация из нескольких круговых налипных стеклянных полос цвета основы. Д.в. – 9 см, д.д. – 4,7 см, высота – 14,5 см (рис. 9:3).

В отличие от предшествующего комплекса мы здесь наблюдаем более объемную, новую форму бокала, а к характеру орнаментальных композиций добавляется дизайн из накладных нитей кон-

трастного синего стекла. Практически идентичен ей по форме, цветовой гамме и орнаментальной композиции бокал из Кувы (Ахраров, 1960, рис. 1). Хотя он несколько больше по размерам, но цветовая гамма и повторение S-образных и зигзагообразных мотивов, отмеченных далее и на форме ароматницы, несомненно свидетельствует об их производстве одним мастером.

Ароматница выполнена из прозрачного желтоватого стекла. Имеет кольцевое донце, шаровидное тулово и длинный сужающийся кверху носик. Орнаментация по тулову состоит из толстых и тонких чередующихся S-образных и зигзагообразных желтоватых накладных нитей (рис. 9:6). По основанию горловины из таких же накладных нитей выполнены две неширокие юбочки (д.д. – 6,6 см, ширина по тулову резервуара – 9,6 см, высота – 20,7 см).

В ароматницах содержалась розовая вода, которой обычно обрызгивали гостей и помещения во время праздников, торжеств, свадеб и т.д. Поэтому ароматницы носили парадный характер исполнения и выставлялись на полках михманханы. Подобная ароматница по формам, размерам, характеру орнаментации была найдена нами среди материалов XI в. из ближайшего города Ахсикет (Абдуразаков. 1968, стр. 1), а также широко известна по соседним регионам (Шишкина, 1986, рис. 11:8; *Islamische Kunst. Band 1. 1984*, илл. 138, 190, 192, 197; *Искусство Ислама. 1990. № 64*; Байпаков, 1990. С. 137), бытуя вплоть до позднего средневековья (Масленицына, 1975. № 52).

Исходя из средневековых источников по Ирану можно утверждать о широком распространении в исследуемую эпоху промышленного цветоводства, массового изготовления богатыми землевладельцами различных сортов розового масла и розовой воды, использовавшихся не только в парфюмерно-косметических целях, но и как лечебных мазей при различных заболеваниях (Петрушевский. 1960, стр. 226-229). Подобную же роль, не только для декоративных целей, но и для изготовления различных лекарственных средств и предметов парфюмерии цветы играли и в Средней Азии (Абдураимов. 1966, стр. 229-230).

Тувак выполнен из непрозрачного черного стекла. Обычной цилиндрической формы с отогнутым наружу бортиком (рис. 9:8). Техника выдувания свободная в форму с широко распространенным мотивом ромбиков по тулову (д.в. – 12 см; д.д. – 9 см, высота – 14,2 см). Также практически идентичный по размерам, цветовой гамме и характеру оформления еще один тувак во фрагментах (рис.4:8) был выявлен из слоя XI века в раскопе (д.в. – 12,6 см; д.д. – 9 см; высота –

14,5 см). Исходя из этого и других материалов по соседним раскопам вызывает интерес то, что большинство стеклянных туваков этого периода, принимая во внимание их назначение, делались из непрозрачного черного стекла, как бы вводя этот дизайн, стандартизацию размеров и внешнее оформление в массовую культурную традицию.

Колба выполнена из прозрачного зеленоватого стекла. Форма тулова шаровидная, с сужающимся к венчику устьем и отогнутым наружу бортиком (рис. 9:7). Предположительное назначение колбы, при рассмотрении его в комплекте с другими находками из стекла, может быть выражено в виде посуды для хранения и разлива различных винных напитков или, возможно, соков широко употреблявшихся в исследуемый период. Д.в. – 5,5 см; ширина по тулову – 18 см; высота – 24 см. Также эта особая форма посуды, наряду с бокалами, фужером и ароматницей, видимо, являлась не только необходимым столовым прибором, но и хорошим украшением и незаменимым дополнением рассмотренного комплекта на полках михманханы. Поэтому она достаточно часто встречается в широких ареалах исследуемой эпохи (*Islamische kunst. Band 1. 1984*, илл. 10).

Подводя итоги описанию находок второго комплекса из бадраба 7 можно отметить значительные параллели с материалами из бадраба 6, хотя второй комплекс значительно богаче и более шире представляет бытовую утварь и культуру повседневной жизни эпохи.

Прежде всего это касается вдвое больших по количеству предметов поливной керамики, дополненных усеченно-коническими формами чаш (коса), получаш (нимкоса) и чашечек (пиала), а одно блюдо носило полностью расписанный парадный характер. При этом образцов столовой посуды с росписью и эпиграфическими мотивами в оливковой цветовой гамме, возможно, изготовлявшимися в подражание иранским и ближневосточным люстрам, в первом комплексе не было. Сближает оба комплекса практически единый стилиевой и преобладающий характер псевдонадписей как на столовой посуде, так и образцах чиражков, а также формы, цветовая гамма, ограниченность простейшей орнаментации на подавляющем общем свободном пространстве изделий. Исходя из этого, можно предполагать и хронологическую последовательность в заполнении бадрабов 6 и 7.

К дополнительным материалам из бадраба 7 можно отнести и ряд форм неглазурованной керамики – трех различной профилировки котлов, двух копилков и двух сероглиняных кувшинов.

Интерес вызывает (рис. 7:1) усложненная форма первого котла, видимо, имитировавшего по-

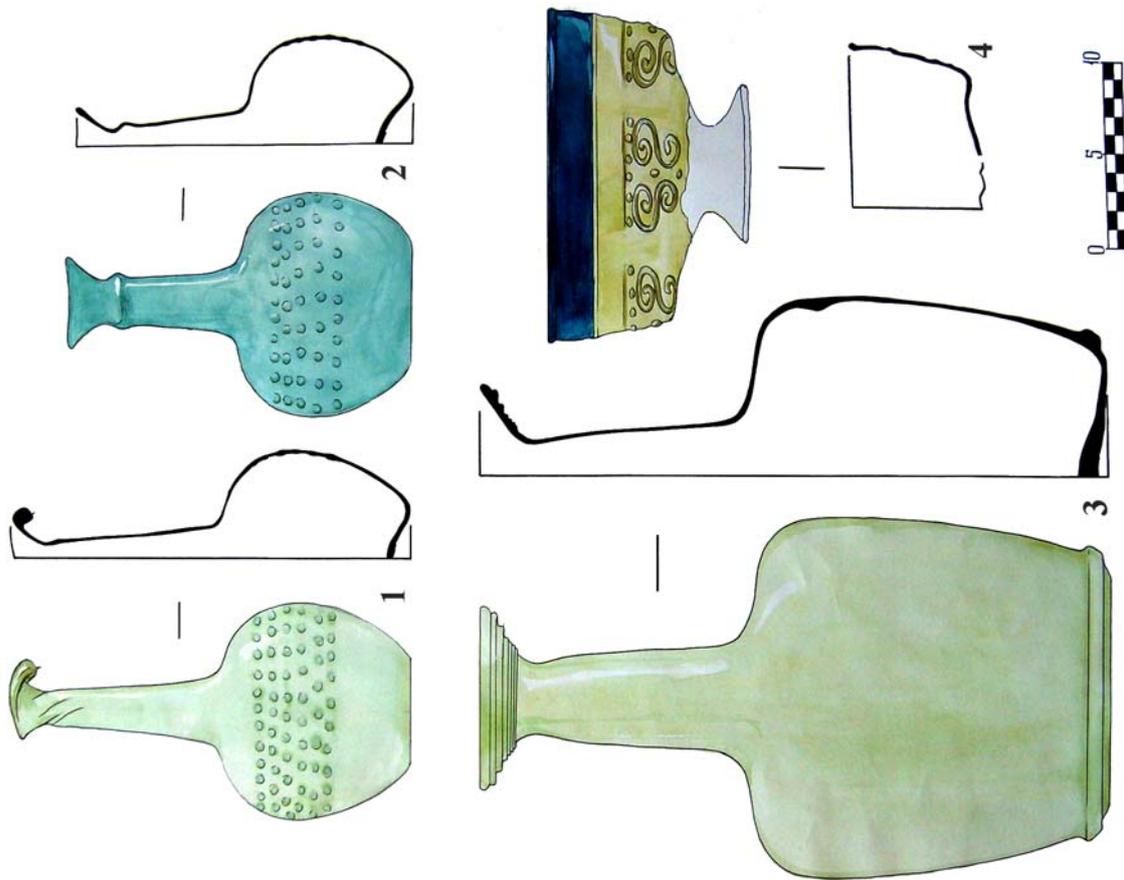

Рис. 5. Находки стеклянных изделий XI-XII вв.

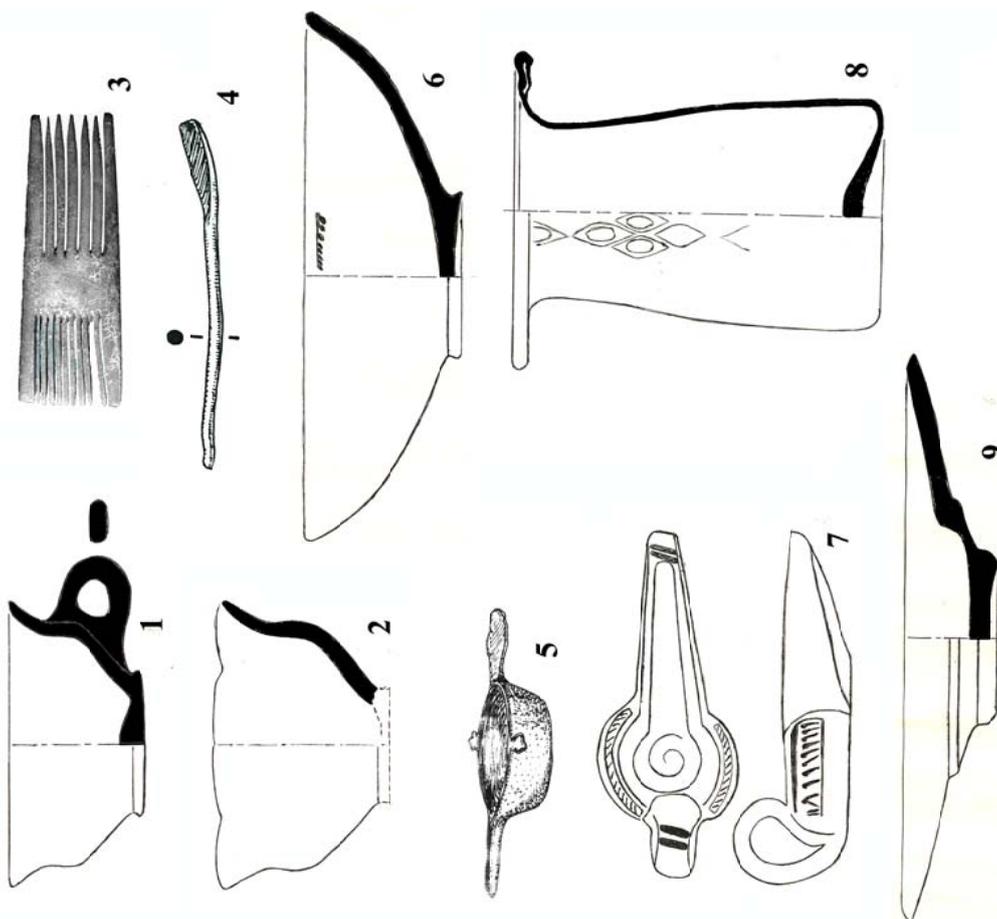

Рис. 4. Находки из раскопа - 4 б

Рис. 6. Комплекс материалов из бадраба 6

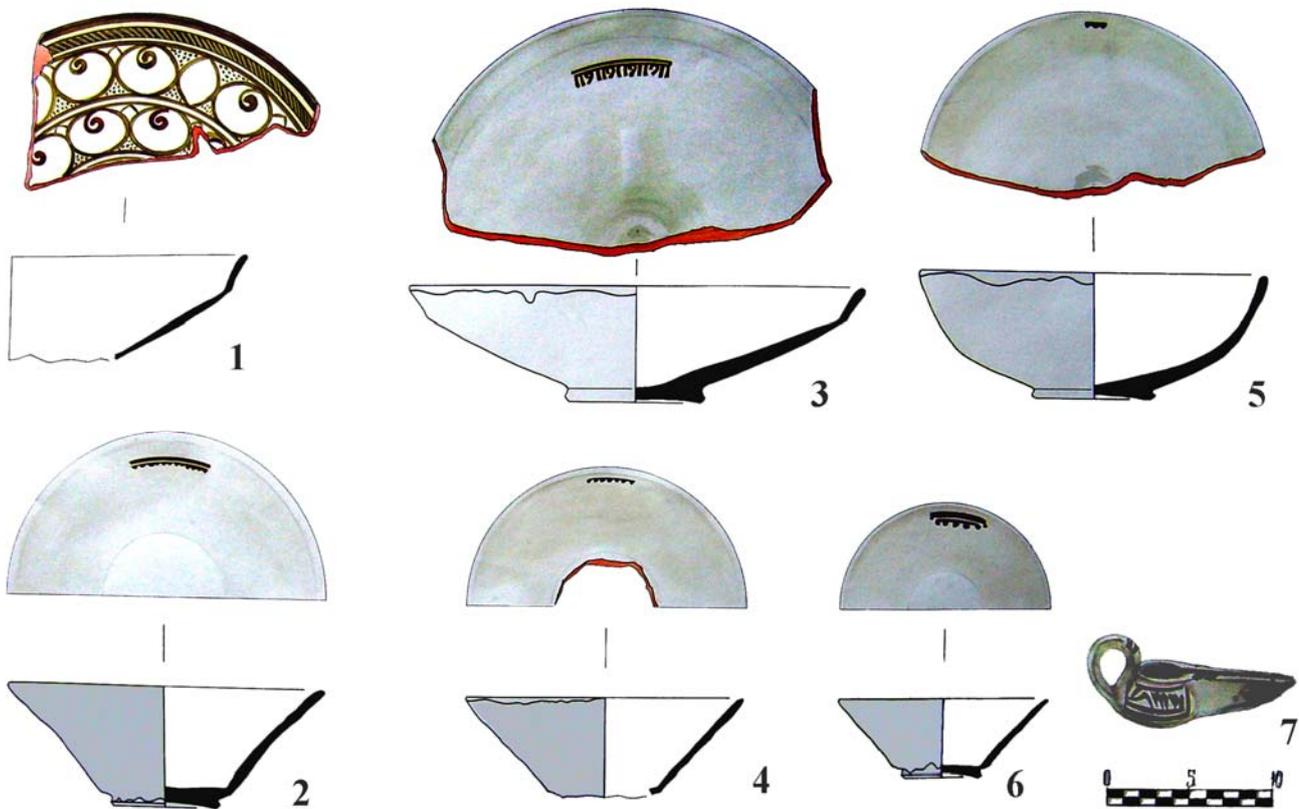

Рис. 7. Комплекс глазурованной посуды из бадраба 7

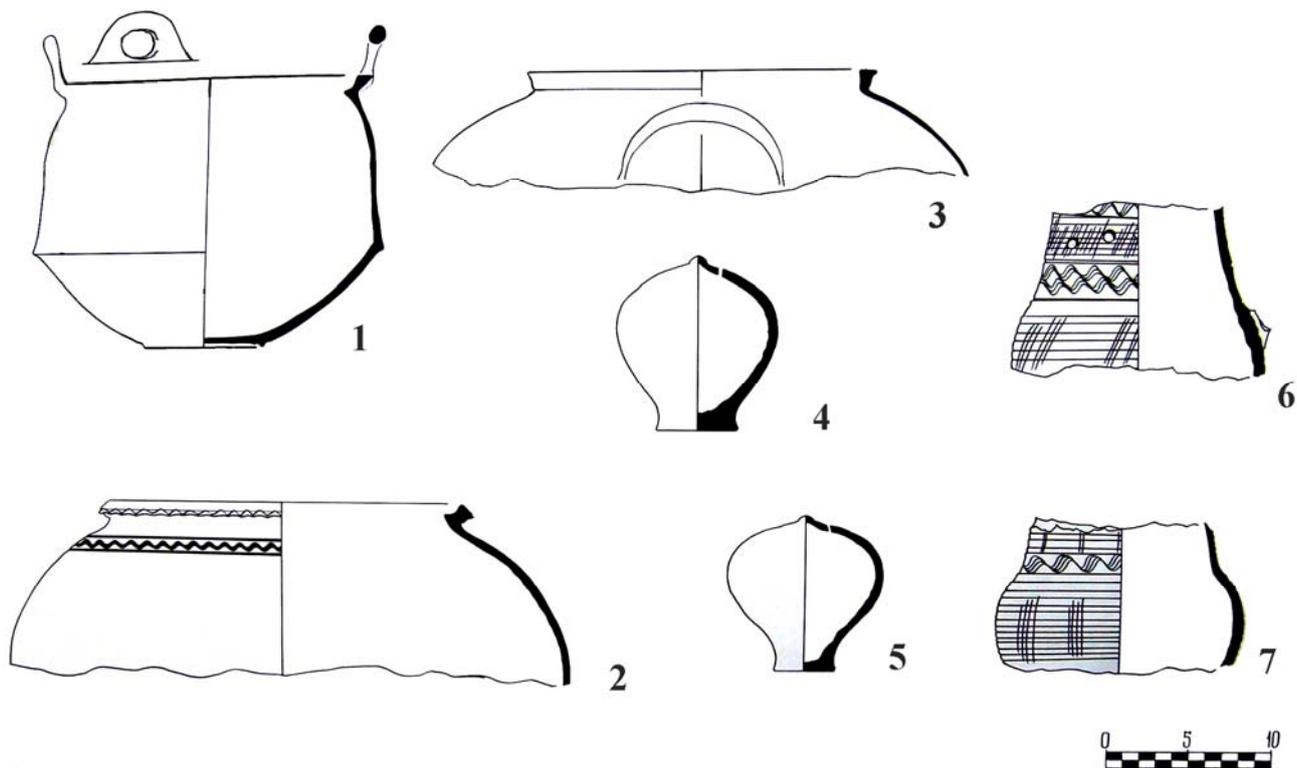

Рис. 8. Комплекс неглазурованной посуды из бадраба 7

Рис. 9. Комплекс стеклянной посуды из бадраба 7

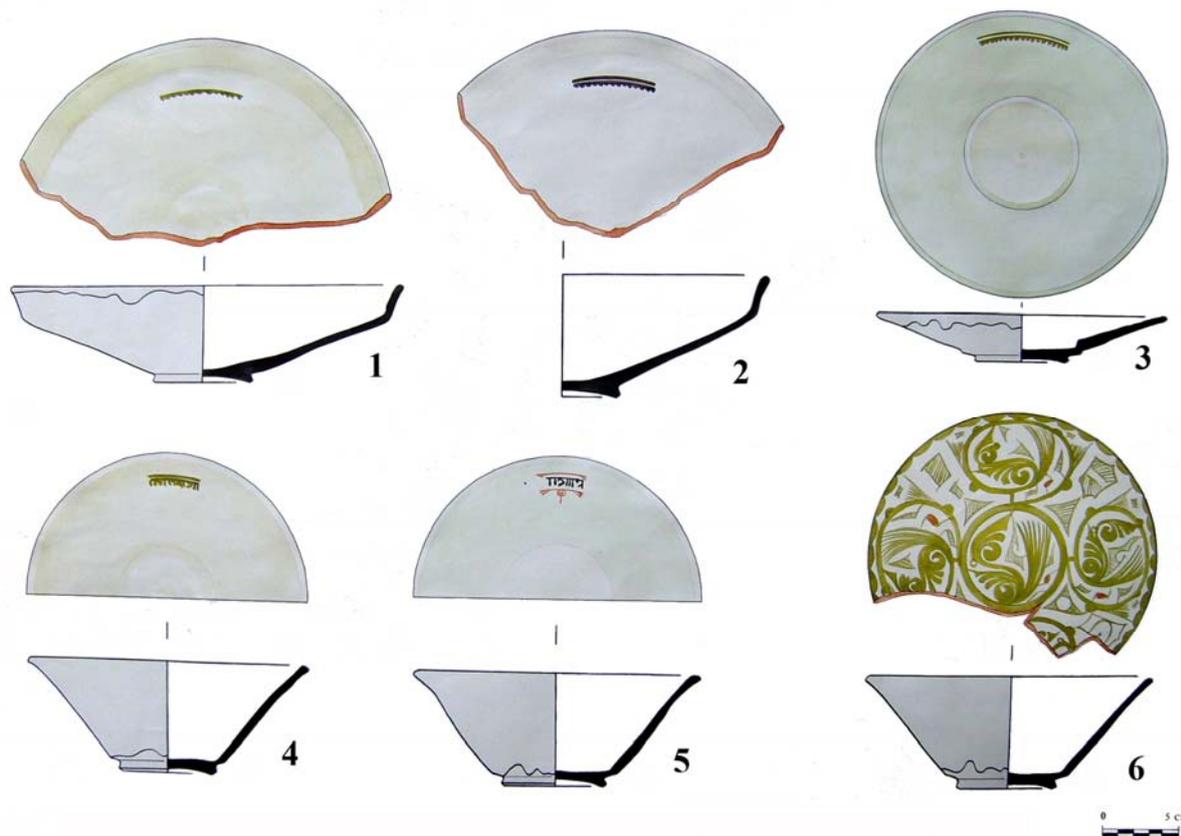

Рис. 10. Комплекс глазурованной посуды из бадраба 17 (P-9)

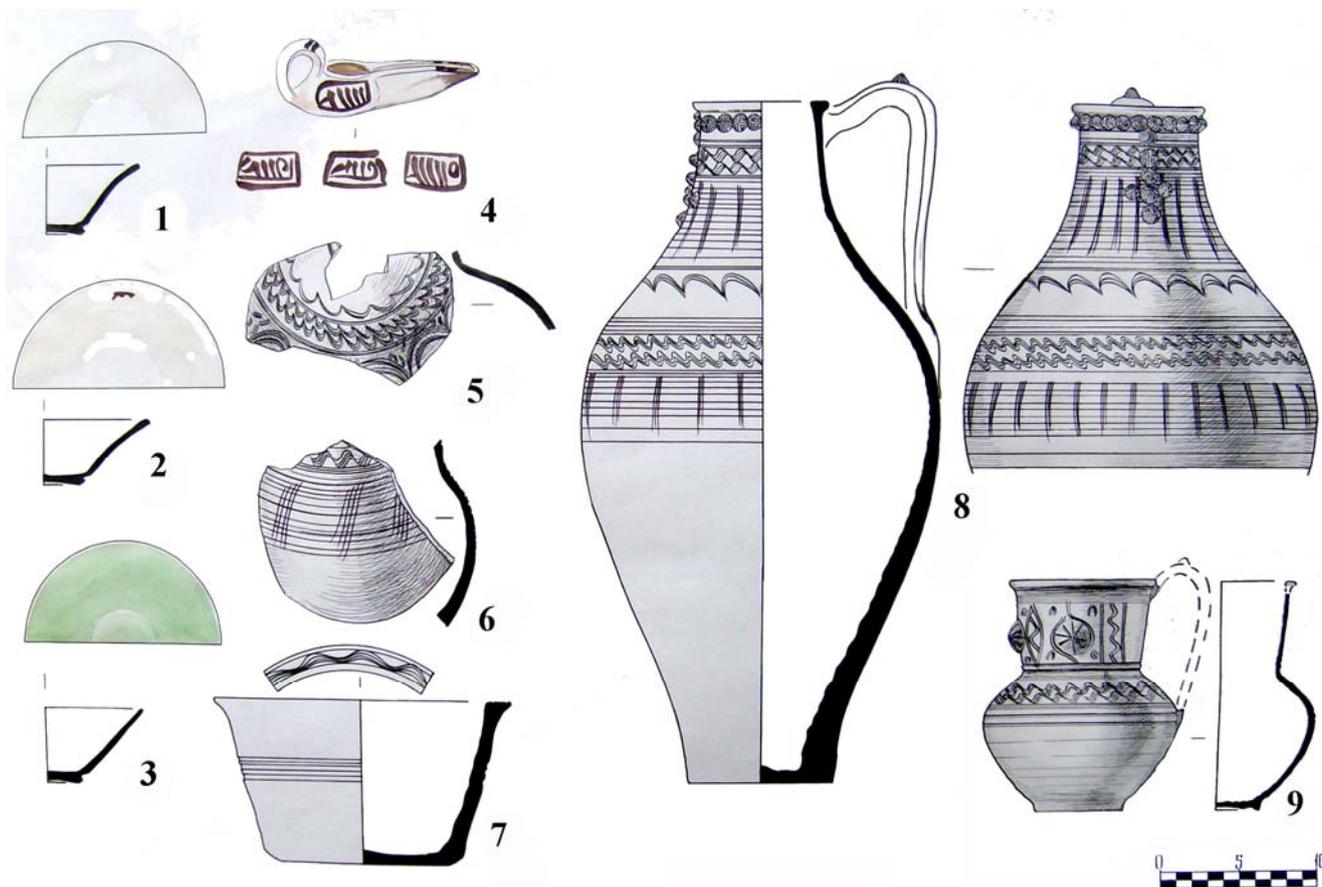

Рис. 11. Комплекс глазурованной и неглазурованной керамики из бадраба 17 (P-9)

добные металлические образцы, но к сожалению, из-за дороговизны цветных металлов и их переплавке, редко доходящих до нас. Примечательно также наличие на двух котлах ложбинки для установок крышек, являющихся не только показателем экономии времени и топлива, но и, в целом, повышения уровня знаний, гигиены и культуры кулинарии (рис. 7:1, 2). Большая вместимость двух последних образцов (не менее 5 л объема) является также показателем численности семьи, видимо, состоявшей из 5-6 человек (рис. 7:2, 3). Вертикальные ручки, цилиндрический корпус, при максимальной его ширине в 22,5 см и плоское кольцевое донце первого котла, при сравнении с более объемными сферическими корпусами, достигающими 35 см, двух последних котлов, может указывать на то, что первый образец носил более универсальный характер. Он мог использоваться как для приготовления пищи на очаге, так и подогрева воды, устанавливаясь плоским кольцевым донцем прямо на золу от очага или тандыра и используя тепло тандыра после выпечки лепешек и золы очага после приготовления пищи.

Наличие в комплексе двух копилек, свидетельствует о широком распространении этих форм в исследуемую эпоху, о появлении новых семейных традиций бережливости хозяев. А если принять во внимание, что возможно, меньшая была детской, в уменьшении себестоимости монет, представлявших ценность лишь в большей массе.

Появление в бадрабе 7 двух сероглянянных кувшинов не только показатель появления новых типов неглазурованной керамики, подражавшей под металлические изделия, но и, учитывая, что в бадрабе 6 таких не было, еще одно доказательство хронологической последовательности их заполнения.

Материалы по стеклянным изделиям также дают несколько новых форм – это колба, ароматница, тувак, бокал и один из фужеров, оформленные накладными синими стеклянными нитями, по сравнению с предшествующим комплексом, являются показателем изысканности, дальнейшего совершенствования художественной стороны ремесла. Присутствие тувака из черного стекла также показатель роста культуры и присутствие в семье ребенка.

В целом, исходя из материалов, полученных из бадрабов 6 и 7 и прежде всего, на основании комплексов поливной и неполивной керамики, а также нумизматических материалов как оба бадраба, так и вышеописанная архитектура второго строительного горизонта может быть датирована в пределах XI в., но с учетом того, что бадраб 7

был заполнен вслед за бадрабом 6.

Для усиления и более полной характеристики материальной культуры исследуемой эпохи привлечем для рассмотрения материалы бадраба 17 из 9 раскопа, расположенного в южной части цитадели Кувы. Условно его можно назвать третьим закрытым комплексом. Полученные здесь предметы ремесла – поливная керамика, стеклянные изделия и неглазурованная керамика имеют безусловные параллели с вышеописанными комплексами, в определенной степени дополняя их.

Сходство в большей степени проявляется на образцах самой массовой столовой посуды и чиражках. Это общие формы блюд и чаш на дисковидно-вогнутых поддонах, белый, желтоватый или слегка зеленоватый фон поливы по белому ангобу, стандартный тип полностью превращенных в орнамент имитаций надписей, выполненных темно-коричневой и оливковой цветами росписи. Параллели с единственным парадным блюдом из второго комплекса прослеживаются в единственной, полностью расписанной повторяющимися веерными мотивами оливковой гаммы, с небольшими вставками красного цвета по внутренней плоскости чаши. Несмотря на различие мотивов орнаментации, их объединяет цветовая гамма росписи, полное заполнение изящной композицией всей внутренней плоскости посуды, указывая на исполнение мастерами единичных экземпляров парадного характера, предназначавшихся, несомненно, для обозрения на полках михманханы.

Таким образом, блюда представлены двумя образцами, с косо отогнутыми стенками и крутым перегибом венчиков вверх (рис. 10; 1, 2). Орнаментация состоит из одной или двух коротких имитаций надписей. На первом – оливковой росписью (д.в. – 28 см; д.д. – 7,2 см; высота – 5,5 см), а на втором блюде – черной (д.в. – 28 см; д.д. – 7,2 см, высота – 6,9 см). Глазури прозрачные, со слегка желтоватым или зеленоватым оттенком.

Третий образец представляет форму небольшой тарелки, не отмеченной в двух предшествующих бадрабах – 6 и 7 (рис. 10: 3) с имитацией нанесенной по венчику одинарной короткой псевдоэпиграфики, выполненной оливковой росписью (д.в. – 19 см; д.д. – 6 см, высота – 2 см). Ее оригинальность в единичности надписи, чего мы не могли уверенно констатировать на двух предшествовавших блюдах, из-за фрагментарности. Из единичности надписи вытекает также ряд бытовых и этических норм не характерных для исламской и восточной традиций. Из них самое элементарное, почему в XI веке мастера перестали следовать принципам симметрии (парность) или секторному расположению (когда такая парность

могла игнорироваться), которые так часто соблюдались при художественном оформлении посуды IX-X веков? Как бы то ни было, но отсутствие подобного типа орнаментации как по предшествующему периоду, так и по соседним регионам, видимо, является характерным показателем нового художественного направления ферганской школы мастеров. Добавим, что в комплексе было встречено еще несколько фрагментов от другой тарелочки, с поддающимся определению диаметром венчика – 22 см, а также археологически целый образец с полов помещений XI в. нашего раскопа 5б (рис. 4:9), но без следов надписей на сохранившейся части (д.в.-22,5; д.д.-6; высота-4 см).

Следующую группу столовой посуды представляют стандартные формы усеченно-конических чаш. Белая с зеленоватым оттенком глазурь и белый ангоб, принимая, в целом, желтоватый фон, покрывают за редким исключением, вплоть до основания, внешнюю поверхность стенок.

На первой чаше (рис. 10:4) орнаментация, как и на предшествовавшей тарелочке, состояла из одной псевдо-эпиграфической надписи, выполненной оливковой росписью. Таким образом, повторившаяся на чаше одинарная надпись является не исключением, а одним из показателей стиля эпохи (д.в. 20 см; д.д. - 6,7 см; высота – 6,5 см).

Орнаментация на следующей чаше также состояла из одной короткой строки псевдонадписи (рис. 10:5). Но здесь она в окантовке из тонких изящных красных нитей, выполненная черной краской, имеет более близкий к эпиграфике характер и, возможно, поддастся раскрытию смысловой нагрузки (д.в. – 18,5 см; д.д. – 6,5 см; высота – 6,7 см).

На характеристике третьей парадно расписанной растительно-геометрической орнаментацией чаши мы уже останавливались выше (рис. 10: 6). Можно лишь добавить, что оба парадных образца выполнены в подражание лучшим традициям столовой посуды X в., хотя, без сомнения, преобладающий оливковый цвет с крапинами красного, на слегка желтоватом фоне поливы становится характерным лишь для XI в. (д.в. 19 см; д.д. 6,8 см; высота – 6,5 см), находя прямые параллели в образцах из Канки, Бинката-Ташкента и Афрасиаба (Шедевры Самаркандского музея. 2004. С. 9; Брусенко, 1986. С. 58; Шишкина, 1979. Табл. LIX, фиг. 1).

Наряду с вышеотмеченными тремя чашами в третьем комплексе были выявлены еще, по крайней мере, три археологически целых образца. Они имели те же формы, цвета ангоба и глазури. Размеры четвертной чаши: д.в. – 19,5 см, д.д. –

6,5 см, высота – 6,7 см.

Размеры пятой: д.в.- 18,5 см, д.д. – 6,5 см, высота – 5,8 см.

На шестой чаше сохранилась большая часть стенок и венчик, донце отсутствовало: д.в. – 18 см.

На всех последних трех чашах следов орнаментации или надписей не выявлено, хотя они, в большей степени, представляли археологически целые экземпляры. Несмотря на то, что нельзя исключать присутствия одинарных псевдонадписей на несохранившихся частях посуды, но более вероятным может быть и их полное отсутствие, исходя из общей динамики процессов сокращения, стилизации и, как целевой результат, удешевление столовой посуды исследуемой эпохи. К этому можно привести и ряд параллелей по соседним областям и городам для XI века (Мирзаахмедов, 2007, рис. 3).

Подтверждением увеличения количества столовой посуды без какой-либо орнаментации могут послужить и образцы пиал, полученные из комплекса. Как и чаши, они имели усеченно-конические формы на дисковидно-вогнутых поддонах (рис. 11: 1-3). Ангобы белые, глазури прозрачные, со слегка зеленоватым оттенком придают посуде желтоватый фон. На первой чашечке орнаментация полностью отсутствует (д.в. – 11,9 см, д.д. – 4,8 см, высота – 3,5 см)

В отличие от первой, на второй пиале нанесена очень короткая имитация надписи черной краской (рис. 11:2). Так как пиала сохранилась частично, нельзя исключать и, возможно, второй имитации (д.в. – 14 см, д.д. - 5,1 см, высота – 3,2 см).

Третья пиала отличается большей массивностью, плохим качеством ангоба и значительно более зеленоватой поливой (рис. 11:3). Какого-либо присутствия орнаментации или псевдоэпиграфики не отмечено (д.в. – 12,8 см, д.д. – 4,4 см; высота – 3,8 см).

Кроме того, в комплексе выявлено еще четыре археологически целых и фрагментов пиал. Практически все они едины по форме и технике изготовления. Но даже принимая во внимание, что они сохранились не полностью, ни на одном из них, каких-либо следов орнаментации или псевдоэпиграфики не отмечено.

д.в. – 10,8 см; д.д. – 4,1 см; высота – 3,1 см.

д.в. – 10,9 см; д.д. – донце отсутствует.

д.в. – 11 см; д.д. – 4,7 см; высота отсутствует.

д.в. – 11 см; д.д. – донце отсутствует.

Прежде всего, необходимо отметить о значительном количестве в третьем комплексе форм пиал (7 экземпляров). При этом лишь на одном из них мы безусловно фиксируем присутствие

одинарной короткой псевдоэпиграфики, полностью превратившейся в орнамент. Таким образом, материалы третьего комплекса безусловно свидетельствуют не только о новых стилевых направлениях ферганской керамической продукции с внедрением на посуде коротких одинарных псевдоимитаций, но и массовом распространении образцов без какой-либо орнаментации.

Чираги традиционной для исследуемой эпохи формы (рис. 11:4), с петлевидной ручкой, длинным носиком и достаточно распознаваемых псевдоэпиграфических надписей по обеим сторонам резервуара. На рисунке нами также представлены еще несколько вариантов надписей от других фрагментов чирагов.

Всего в комплексе отмечено до десяти археологически целых и фрагментов от подобных изделий. Характерным является наличие на них по два темных штрижка на ручке и носике, видимо, являвшихся имитацией щитка на ручке и маленьких крылышек на носике, имевших широкие параллели на бронзовых светильниках XI-XII вв. (Древности Таджикистана. 1985. № 773-774; *Terres secreies de Samarcande*. Paris, 1992, N 324-325; Кальтер, Повалой, 1997, илл. 207; *Islamische kunst band 2*. 1985, илл. 229) и получивших распространение в XII веке керамических. Причем нередки случаи изображения птиц на ручках и щитках последних (Сенигова, 1968, рис. 11, 13; Мирзаахмедов, 2006, рис. 1:6). В целом же, подобные специфические детали оформления свидетельствуют о каких-то доисламских представлениях, связывающих и имитирующих в светильниках сказочную птицу, несущую людям священный свет и огонь. Вся орнаментация на чиражках выполнена черной или темно-коричневой краской. Присутствие такого большого количества осветительных приборов безусловно является показателем наличия большого количества слабо освещенных помещений или, возможно, ночной работы хозяев каким-либо ремеслом.

Следующую группу предметов третьего комплекса составляют неглазурованные изделия хозяйственного назначения. Они состояли из нескольких столовых и одного большого водоносного кувшина, а также небольшого цветочного горшка (тувак).

На рисунках (11: 5, 6) представлены фрагменты стенок и плечики от двух фрагментированных столовых кувшинов. Первый с красноватым обжигом черепка покрыт светлым ангобом, второй имел слегка розоватый цвет черепка и покрыт сероватым ангобом. Орнаментация в основном состояла из процарапанных гребенчатых волнистых, концентрических круговых линий и насечек.

Третий столовый сероглиняный кувшин дает археологически целую форму (рис. 11:9) с яйцевидным туловом и широкой горловиной. Орнаментация состоит из таких же элементов, отмеченных выше кувшинов с добавлением наклепных штампованных соляных мотивов по горловине (д.в. – 9 см; д.д. – 5,5 см, высота 14 см). Четвертый крупный сероглиняный кувшин (рис. 11:8) предназначался для хранения и переноски воды. Имел широко распространенную каплевидную форму с ленточной ручкой, но значительно богатую процарапанную орнаментацию из тех же волнистых гребенчатых и концентрических круговых линий с насечками, а также наклепных штампованных соляных мотивов (д.в. – 8 см; д.д. – 8,5 см, высота – 42 см). Мы полагаем, что столь богато орнаментированный кувшин вряд ли использовался для обычной переноски воды. Скорее всего он, по традиции, основанием чуть вкапывался в землю и, видимо, предназначался для хранения воды в парадной михманхане для пользования гостями.

Последний неглазурованный предмет в комплексе представляет цветочный горшок (тувак) имеющий форму традиционно дошедшую до наших дней (рис. 11:7). Орнаментирована процарапанными гребенчатыми волнистыми и круговыми линиями по бортику и тулову сосуда (д.в. – 19 см; д.д. – 11 см; высота – 9,9 см). Находка подобного тувака, несомненно, свидетельствует о наличии в помещениях полок и ниш, куда они устанавливались и богатой культуре украшения цветочными растениями интерьеров домов.

Среди находок из бадраба было получено и несколько форм стеклянных предметов. К первой относится широкая плоскостная форма, условно названная нами салатницей (рис. 12:1) с невысокими вертикальными стенками, выполненная из синеватого стекла (д.в. 19 см, д.д. 16 см, высота 2,3 см). Подобные формы изделий несомненно могли служить для подачи на стол широкого набора от мелких сладостей, до различных косточек, орехов, кишмиша, кураги, джиды, ягод и т.д.

К следующему предмету относится изящная кувшинообразная форма сосуда без ручки с полусферическим туловом и широкой горловиной (рис. 12:2). Изделие выполнено из желтоватого стекла с наклепными спиралевидными и точечными мотивами того же цвета. Лишь по отдельным местам для контраста использованы точки синеватого оттенка (д.в. – 10,5 см; д.д. – 6,5 см; высота – 13,5 см). Несомненно являясь украшением, в торжественных случаях она могла служить и за столом для разлива различных соков или сладких напитков.

К последнему предмету из стекла относится

традиционная для Кувы XI в. форма фужера (рис. 12:3) желтоватого оттенка с юбочкой по основанию резервуара из накладных нитей и спиралевидных, зубчатых мотивов по тулову (д.в. - 6 см; д.д. - 3,7 см; высота - 10,9 см).

Стекланные изделия из третьего бадраба, в очередной раз, показывают широкий ассортимент форм и характера назначения подобных образцов, несомненно, вытесняя как со стола, так и с полок для украшения михманханы традиционную керамическую посуду. Подобную массовость, разнообразие форм, цветов и изящество при их изготовлении мы, отчасти, наблюдаем лишь в соседнем региональном столичном центре Ферганы Ахсикете. Тем не менее, как по нашим, так и материалам предшествующих лет, Кува может стоять в ряду крупнейших ее производителей в Центральной Азии.

Традиция использования дорогой импортной иранской стеклнной посуды при приеме именитых гостей, а также ее выставление в качестве украшения на многочисленных полках михманханы отмечена для 30-х годов XIV в. в Хорезме Ибн Баттутой (Ибрагимов, 1988. С. 75-76). Нет сомнения, что для Мавераннахра исследуемой эпохи XI века, при столь развитом стеклоделии, использовалась, ничем не уступавшая западным образцам, местная продукция. В отношении эпохи XIII-XIV вв. по археологическим материалам, отмечается ее значительный спад в связи с катастрофическими последствиями монгольского завоевания. Видимо этим и объясняется присутствие дорогого Иракского импорта, отмеченное Ибн Баттутой, в Хорезме для начала XIV в.

Таким образом, на основании материалов, полученных из трех закрытых комплексов – бадрабов 6, 7 и 17 можно сделать ряд интересных предварительных выводов, характеризующих особенности керамических изделий исследуемой эпохи, в сравнении с предшествующим X веком.

В формах столовой посуды обращает внимание продолжение использования дисковидных поддонов на всех образцах блюд, чаш и пиал.

В формах блюд, наряду с небольшим количеством полусферических, массовое распространение получают образцы с косо отходящими стенками и граненым перегибом венчиков вверх.

Формы чаш не меняются, но несколько уменьшаются в объемах, приближаясь по размерам к современным образцам.

Белый ангоб и прозрачные поливы желтоватых или слегка зеленоватых оттенков покрывают внутреннюю, а на отдельных образцах, вплоть до поддона внешней поверхности изделий.

Значительное сокращение расписных изделий и в том числе полихромных на монохромные. На

единичных парадных расписных изделиях, с незначительным добавлением красной краски преобладает оливковая цветовая гамма. Хотя она широко использовалась здесь и в X веке, но в данный период, видимо, изготовлялась в подражание под люстровую посуду Ближнего Востока (Oliver Watson, 2004. P. 274-279).

На подавляющем большинстве столовой посуды при практически полном свободном пространстве внутренней поверхности, наблюдается массовое преобладание в орнаментации коротких и узких псевдоэпиграфических надписей по венчику изделий. В отличие от образцов предшествующего периода конца X - нач. XI вв. с имитацией эпиграфики выполнявшейся более крупным шрифтом и еще несущих какую-то смысловую нагрузку (Мирзаахмедов, 2007, рис. 9, 11), на исследуемых типах посуды надписи постепенно мельчают, выражаясь в коротких штрижках и зубчатом мотиве, лишь образно имитируя абстрактную орнаментальную графику.

Обращает на себя внимание появление образцов посуды с одинарными надписями, а в отдельных случаях, чаще на пиалах, их полное отсутствие. Тем не менее, в целом, это еще раз подчеркивает особое значение и подавляющий приоритет благожелательных надписей в художественном оформлении столовой посуды ферганской школы мастеров.

Наличие большого количества разноцветных стеклнных изделий, разнообразия их форм, назначения, наложение одних цветовых мотивов на другие, создавали неподражаемую красочность продукции стеклоделов. Нет сомнения, что изящные, разнообразные по формам и цветовой гамме стеклнные изделия стали успешно конкурировать и вытеснять с полок михманханы уже потерявшую, в большинстве случаев, свою неподражаемую красочность керамическую посуду. К тому же, она могла быть дешевле, в сравнении с керамической продукцией.

Мы также предполагаем, что столь высокое качество и большое количество стеклнных изделий позволяет считать Куву одним из крупнейших производителей этой продукции и экспортеров в другие регионы Центральной Азии.

В хронологическом аспекте, мы полагаем, что закрытые комплексы материалов из бадрабов 6, 7 и 17 носили последовательный характер заполнения, так как в каждом из них мы наблюдаем определенные предметы не встречающиеся в предшествующем. Так для керамики из бадраба 7 характерна чаша полностью оформленная оливковой росписью с небольшими вставками красной краски. Также из бадраба 7 происходят образцы сероглиняных кувшинов не отмеченных в шес-

том бадрабе.

Для бадраба 17 характерно появление одинарных надписей, а на отдельных образцах пиал полное отсутствие орнаментации. По материалам из стекла, в сравнении с предшествующим периодом X в. наблюдается, определенный подъем. По массовой керамической посуде бросается в глаза снижение в художественном оформлении изделий что, видимо, было связано с общими процессами спада в экономике тесно увязывающейся с последствиями «серебряного кризиса» (Мирзаахмедов, 2007. С. 65; Ильясова, Мирзаахмедов, Адылов, 2000. С. 238-239).

В целом же, наличие на нашей керамической столовой посуде дисковидных поддонов (переходящих к XII в. в кольцевые), в формах блюд широкое распространение перегиба стенок венчика вверх, выполнение отдельных парадных экземпляров столовой посуды в подражание под ближневосточный люстр, практическое исчезновение на посуде натуралистических зооморфных мотивов, полной стилизацией больших назидательных выражений в короткие псевдоэпиграфические абстрактные орнаментальные мотивы, а также отсутствие орнаментации на отдельных образцах пиал, при сравнении с материалами по соседним городам Ферганской долины (Мирзаахмедов, 2007, рис. 1-11) и соседним регионам может датировать комплекс серединой – третьей четвертью XI в. Не противоречат данной хронологии и материалы раскопок на цитадели Жукова, который отмечает, что в начале второй половины XI в. ее большую часть занимало кладбище (Жуков. 1960. С. 84). Если учесть, что наш третий комплекс был получен с южной части цитадели, то это дает определенные поздние рамки для функционирования не только материалов бадраба 17, но и близких ему по составу бадрабов 6 и 7.

В целях дальнейшего изучения более нижних культурных горизонтов памятника, но в то же время сохранения вскрытых частей архитектуры XI в., мы начали понижение грунта в более свободной северо-восточной угловой части раскопа.

Заглубление производилось с северной границы в помещениях 4 и 6, где культурные слои состояли из гумусных отложений и строительных остатков. В результате на глубине 2,15 м от уровня дневной поверхности был выявлен проход шириной 2,10 м (рис. 3), идущий несколько под углом к раскопу, но по направлению С-Ю. С западной стороны к северной границе раскопа проход расширяется углом, направление западной стены которого, в основном, соблюдает направление основного прохода. Высота сохранившихся стен прохода достигает 0,55 м. При этом ширина прохода с примыкающей угловой частью на се-

верной границе раскопа достигает 3,80 м. Коридорообразная, основная часть прохода, зафиксированная по восточной стене на длину 6,20 м, имела горелые стены. Исходя из этого можно утверждать, что данный уровень соответствует основной части вскрытых горизонтов соседнего объекта Р4а, где большая часть помещений имеет горелые красноватые стены и датируется эпохой борьбы с арабским нашествием, т.е. первой половиной VIII в.

Проход северной частью стен уходит под бровку раскопа в направлении Р 4а, в южной же части он прерывается монолитной забутовкой, видимо, имевшей отношение к последующему строительству в IX-XII веках, или усилением мощной глинобитной платформой близлежащих подступов к основанию южной крепостной стены.

Почти на всем протяжении восточной стороны прохода у основания стены, будучи несколько заглубленным в грунт, выявлены остатки длинного бревна (возможно арча или карагач). Сохранился он в длину 2,70 м при диаметре 0,19 см. Верхняя выступавшая над полом часть частично сгорела, а нижняя утопавшая в грунт половина сгнила вместе с внутренней сердцевиной. Хотя наличие таких бревен прослеживается на всем протяжении этой стены, тем не менее на остальных участках читается только углубление со сгоревшими и сгнившими остатками. На основании полуистлевшей сохранившейся части можно предположить, что здесь было установлено по краю основания восточной стены наполовину разрушенное по ширине бревно, полукруглой частью утопленное в грунт. Если считать, что мы действительно имеем дело с проходом или выходом из домовладения, то перед входом, по этнографическим данным, часто располагалось подпирающее крышу или болохану – каркасное сооружение. При этом нами зафиксирован лишь нижний горбыль, на который устанавливался вертикальный каркас лишь на восточной стороне прохода, из чего можно заключить, что крыша или болохана своей второй стороной садилась на западную стену прохода, Установка каркасной подпорки не на восточную стену, а к ней впритык, видимо, объясняется тем, что восточная стена принадлежала соседнему домовладению и не могла быть использована основанием для крыши или болоханы хозяина прохода.

Обгоревшие стены прохода были выложены из пахсы, ширину их проследить не удалось, так как они почти совпадали по направлению с расположенными выше стенками помещения 6, относящегося к XI в.

Археологический материал, полученный при

исследовании прохода был очень незначителен и маловыразителен. Тем не менее слой под пом. 4, состоявший из гумусных отложений по фрагментам керамики и стекла может быть датирован XI в., а из слоев под полом пом. 6, состоявшем из строительной забутовки, керамики XI в. и мелких невыразительных фрагментов керамики раннего средневековья (предположительно VIII в.). Все это указывает на то, что вскрытый нами проход или выход из домовладения относящийся к VIII в., в XI в. был забутован строительными остатками и гумусными отложениями, а также прорезавшими их несколькими бадрабами этого же периода.

Далее, продолжая исследования в северо-восточном направлении, нами несколько ниже уровня помещений второго строительного горизонта XI в. была выявлена длинная стена, проходившая косо по отношению к стенам раскопа и, приблизительно, по направлению север-юг. Ее плохо сохранившееся начало фиксируется уходящим под бровку северной части раскопа и перекрытием на небольшом северном отрезке раскопа, располагавшуюся под ней восточную стену горелого прохода третьего строительного горизонта VIII в. В то же время вскрытая стена отношения к помещениям второго строительного горизонта XI в. также не имела, так как располагалась под углом к ближайшим стенам помещения шесть XI в. Стена эта имела длину 9,15 м, ширину 0,70 м, сохранилась на отдельных участках на высоту 0,60 м и была выложена из пахсы и сырцовых кирпичей 46x24x10-11 см.

Подходя ближе к юго-восточному краю раскопа она, образуя угол, поворачивала на восток (рис. 3) на длину одного метра и уходила под бровку восточной границы раскопа. Археологический материал, полученный с уровня стены был очень невыразителен, но в целом также может быть отнесен к XI в., но стратиграфически построенный несколько раньше комплекса помещений второго строительного горизонта. В стратиграфическом плане также определяющим является то, что эта стена в северной части раскопа была частично прорезана большим бадрабом 9 (диаметр 1,36 м), опускавшимся с уровня самого позднего строительного горизонта. – XII – нач. XIII вв. Керамический материал незначителен и невыразителен.

Наиболее интересной находкой здесь явилось достаточно хорошо сохранившееся небольшое яйцо курицы, с одной стороны которого имелось незначительное отверстие. Если учесть, что подобное по размерам и с таким же маленьким отверстием по оси яйцо было найдено в соседнем раскопе 4а, также из бадраба, но датированное XI

веком, то можно предположить, что в средние века в Куве существовала устойчивая традиция питья сырых яиц.

Продолжая исследования за вскрытой восточной стеной были выявлены мощные гумусные отложения и забутовки, относящиеся на основании небольших фрагментов керамики к XI-XII вв.

Нумизматические материалы с раскопа 5б.

Всего на раскопе было выявлено 27 монет. Из них по определению нумизмата, к.и.н., ведущего научного сотрудника Института археологии А. Атаходжаева 7 экземпляров относились к категории полностью утративших информацию, т.е. полностью стертые, окисленные или фрагменты монет.

К следующей группе нумизматических материалов, представляющих ограниченную информацию, относятся три бухархуатоидных дирхема с надписью «Ал-Махди», имевших широкие рамки хождения с VIII – по нач. XIII вв. Они были получены из верхнего культурного горизонта XII – нач. XIII вв., из второго культурного горизонта, датированного XI в. и из бадраба № 6.

К следующей группе относятся четыре фельса периода Аббасидов. Первый был получен из слоя верхнего строительного горизонта (XII – нач. XIII вв.) и являлся переотложенным (Самарканд,

Рис. 12. Комплекс стеклянной посуды из бадраба 17 (P-9)

153/770 г. Хамза б. Амр; Хумайда б.Кахтаба). Второй был получен со слоя второго культурного горизонта XI в. и также являлся переотложенным (Бухара, 148/765-66 г. Ма'бад). Третья монета была получена с уровня третьего культурного слоя и может датировать его последний этап в пределах VIII в. Более точной даты и другой информации она, к сожалению, не несет, так как была плохой сохранности и определяется визуально. Четвертый фельс был получен из бадраба №4, оказался также плохой сохранности и лишь визуально может быть отнесен к нач. IX в. Так как из этого же бадраба № 4 происходит фельс пер. пол. XI в., то нет сомнения, что первая находка носит переотложенный характер.

Хотя культурных горизонтов эпохи Саманидов на раскопе нами выявлено не было, тем не менее, два саманидских фельса, полученных здесь, свидетельствуют об обживании городища в этот период. Один из них (Самарканд, 256/869-70 г. Наср I б.Ахмад) был получен из верхнего заполнения бадраба. Второй (Ахсикет, 270/883-84 г., Ахмад II б. Асад) происходил из заполнения 2-го слоя (Караханиды).

Нумизматический материал эпохи Караханидов можно условно разделить на два периода: монеты XI и XII вв.

Для первого периода XI в. мы располагаем 8 монетами, половина из которых имеет подъемный характер и была получена из размытых слоев шахристана вокруг раскопа. Наиболее лучше сохранившийся экземпляр низкопробного серебряного дирхема имеет следующее чтение: Куба или Маргинан, 442/1150-51 гг., Арсланхан и Адуд ад-Даула. Остальные три подъемные монеты (два медно-свинцовых и один низкопробный серебряный дирхем), определяются визуально.

Среди трех фельсов и одного медно-свинцового дирхема XI в., полученных на раскопе, первый относится к первой половине XI в. и происходит из бадраба 4. Второй происходит из верхнего горизонта юго-западной части раскопа и также относится к первой половине XI в., но как явствует из стратиграфии, имел переотложенный характер. Третий фельс был получен из второго культурного горизонта и по своему характеру соответствует ему. Четвертый медно-свинцовый дирхем второй половины XI в. был получен из верхнего горизонта и несомненно является переотложенным.

И последнюю группу составляют низкопробные Караханидские серебряные дирхемы XII в. Первая была получена с уровня пола верхнего горизонта и датируется первой половиной XII в. Вторая, также полученная с верхнего горизонта, датируется около 1130-36 г. Также с пола верхне-

го горизонта в западной части раскопа был получен небольшой клад низкопробных дирхемов Караханидов XII в.

Таким образом, полученный нумизматический материал наиболее полно отражает последний период обживания городища – XII – нач. XIII вв. Следующие два культурных горизонта нумизматическим материалом отражены значительно слабее. Это, видимо, объясняется процессами разрушения второго и третьего горизонтов, опускавшимися сверху бадрабами и перестроечными работами в результате чего и наблюдается значительное смешение полученных отсюда нумизматических материалов.

В заключение необходимо отметить, что на основании проведенных исследований на раскопе 5б фиксируется археологический материал и строительные остатки, относящиеся в основном к трем историческим периодам.

Самый верхний строительный горизонт XII – нач. XIII вв. почти полностью смыт и разрушен. Полученный материал фиксируется из слоев строительных разрушений, зольников и множества бадрабов, прорезавших нижние культурные слои памятника.

Второй строительный горизонт, относимый нами к XI в. Фиксируется на основании архитектурных остатков ряда помещений, хозяйственных приспособлений и бадрабов, из которых был получен многочисленный и по своей ценности уникальный материал, характеризующий значительный расцвет городской культуры Кувы-Кубы в данную эпоху.

Самый ранний строительный горизонт, относимый нами к VI-VIII векам, характеризуется архитектурными остатками стен и обожженного прохода в северо-восточном углу раскопа. Археологические материалы, полученные здесь не только очень незначительны и маловыразительны, но и в значительной степени перемешаны с материалами XII – нач. XIII вв.

Также необходимо отметить, что сильный уклон рельефа от южной части раскопа, где далее располагались некогда сильно возвышавшиеся стены шахристана – к северу, на территорию соседнего раскопа 4а, привел к полному смыву архитектурных остатков как верхнего горизонта (как и на соседнем отмеченном выше раскопе 4а), так и смывом архитектурных остатков второго строительного горизонта у северной кромки раскопа.

Эпизодическое обживание памятника на основании наших исследований также фиксируется и для конца XIX – нач. XX вв. в связи с находками парфюмерных стеклянных изделий и мелких фрагментов керамики указанного периода из бад-

раба в южной части раскопа. Не исключено, что культурный слой этой эпохи мог быть более масштабным, но также был смыт из-за понижения рельефа участка раскопок и хозяйственной дея-

тельности местного населения, бравшего в 30-50-х годах здесь землю для удобрения полей и работавшего рядом кирпичного завода.

Использованная литература

- Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана и Шелковый путь // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.
- Бичурин Н.Я. Собрания сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., 1950.
- Заднепровский Ю.А. Фергана на Великом Шелковом пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.
- Абдулгазиева Б. К сложению трассы Великого Шелкового пути по Южной Фергане // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд. 1997.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соб. соч. Т. I. М., 1963.
- Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кубы) // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000
- Жуков В.Д. Обследование городища Старая Кува в 1956 г. // КСИМК. Вып. 80. М., 1960.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Некрасова Е. К вопросу о некоторых настольных играх средневековой Бухары // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент. 1990.
- Агапов П., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Мирзаахмедов Д.К. К характеристике отдельных типов поливной керамики Ферганы конца X-XI вв. // Роль города Маргилана в истории мировой цивилизации. (Материалы международной конференции, посвященной 2000-летию юбилею города Маргилана). Ташкент-Маргилан, 2007.
- Анарбаев А.А. Средневековое жилище Ахсикента (XI- XII вв.) // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Terres secretees de Samarcande. Ceramiques de VIIe au XIIIe siècle. Paris, 1992.
- Йоханес Кальтер, Маргарета Повалой. Наследники Шелкового пути. Узбекистан. Штутгарт, 1997.
- Масленицина С. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л., 1975.
- Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Ахраров И. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы // Известия АН УзССР. Серия общественных наук. № 4. Ташкент, 1960.
- Islamische Kunst. Loseblattkatalog unpublizierter werke aus deutschen museen. Band 1. Mainz / Rhein. 1984.
- Islamische Kunst. Loseblattkatalog unpublizierter werke aus deutschen museen. Band 2. Mainz Rhein. 1985.
- Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.
- Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1990.
- Искусство ислама. Каталог выставки. Л., 1990.
- Ильясова С., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. Раздел 2. Керамические изделия // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Абул-касим аз-Захравий. Трактат о хирургии и инструментах. М., 1983.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкент. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
- Oliwer Watson. Ceramics from Islamic lands. Kuwait national museum. The al-Sabah collection. London, 2004.
- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
- Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
- Шедевры Самаркандского музея. Ташкент, 2004.
- Мирзаахмедов Д.К. Новые позднесредневековые археологические комплексы по материалам Бухары // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд-Рим. 2006
- Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л., 1960.
- Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX века. Т. I. Ташкент, 1966.
- Абдуразаков А.А. Сув ўтмас, ўтда куймас // Фан ва турмуш. 1968. № 11.
- Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // Советская археология. М., 1968, № 1.

Ю.Ф. Буряков, Г.И. Богомолов, Эм.Ф. Вульферт

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОГО НУКЕТА И ЕГО ОКРУГИ¹

К числу историко-культурных областей, изучение которых важно в решении многих исторических проблем Средней Азии, принадлежит Ташкентский оазис, включавший в свой состав два владения Чач (Шаш) и Илак, но фактически являлся единой экономической и культурно-исторической единицей. Это отмечалось еще средневековыми историческими хрониками: «Что касается Чача и Илака, то величина их пространства в два на три дня (пути). Они изобилуют селениями, возделанными землями и соборными мечетями и расположены на равнине со множеством пастбищ и лугов... Чач и Илак соединены, нет между ними никакого разделения», - писал в X в. ал-Истахри (Истахри. С. 328, 332-333).

Через Чач-Илак проходили торговые караванные пути, связывавшие различные районы восточного мира. В средневековую эпоху это был не просто цветущий оазис, но и важный экономический район Мавераннахра, обладавший крупными золотыми и серебряными рудниками, месторождениями самоцветов, в частности, бирюзы, и сырьем для изготовления отличной посуды. Отсюда на рынки поступали продукты сельского хозяйства и скотоводства, прекрасные ткани, изделия из кож и металла. Славилась керамическая посуда Чача. Все эти факторы обусловили необычно бурный рост городской культуры.

Городская культура Чача привлекла внимание археологов (Буряков, 1982. С. 104-105), которыми проводилось изучение столичных центров Чача и Илака, городов, стоявших на ведущих торговых направлениях – северной и южной трассах Великого шелкового пути (Буряков, 1975. С. 38) Последующие исследования показали, что урбанизация охватила не только северные и южные районы Ташкентского региона. Активный процесс формирования городов проходил и в центре оазиса – в междуречье Чирчика и Ахангарана, причем некоторые города в своем развитии даже претендовали на роль столичных центров. К таким городам принадлежал древний Нукет, руины которого, известные под названием Улькантойтепа, лежат на северо-западной окраине современного районного центра Тойтепа (рис. 1).

История изучения городища Улькантойтепа начинается еще в XIX столетии. Впервые предварительное обследование этого памятника в 1884 г. проводил Н.И. Веселовский. Он провел небольшие раскопки в Тойтепа, на памятнике Чарлакте-

па близ с. Намданак. В Тойтепа он отметил остатки дворца владетеля, где «часто встречалась кладка стен на глиняном цементе» (*вероятно, цитадель – Ю.Б.*). Раскопки здесь велись три дня, но по сообщению Н.И. Веселовского, не привели к благоприятному результату. При раскопках были найдены битая глиняная и стеклянная посуда, светильники, сфероконические сосуды, медные хорезмшахские монеты (Шишкин, 1969. С. 25-26). После этих работ памятник длительное время посещался только краеведами. И лишь в 1928 г. специальное обследование со съемкой плана провел М.Е. Массон, который отождествил памятник со средневековым городом Илака Нуке-том (Массон, 1953. С. 45-54). Затем после длительного перерыва в 1958 г. городище стало объектом разведочного исследования Ю.Ф. Бурякова, охарактеризовавшего комплексы материалов, полученных в связи с его хозяйственным освоением (Буряков, 1963. С. 251-262). Оно включало наблюдения и частично зачистки в шахристане, определение размеров рабада. В шахристане в 1959 и 1963 гг. было найдено два клада медных караханидских монет, насчитывавших первый – более 200, второй – более 500 экз.² Первый клад включает монеты XI–XII вв. Второй, поступивший в Музей истории народов Узбекистана АН РУз лишь частично (поступило 128 целых монет и 8 фрагментов), включает интересные монеты конца XII в. В 1965 г. к югу от шахристана, при земляных работах был найден клад начала XI в., включающий 275 целых и ломаных («дирхемы шикасте») серебряных караханидских монет. Вместе с ними лежали обломки серебряных ювелирных изделий (общий вес клада 748,35 г)³. Клад интересен как показатель использования в пору серебряного кризиса монет и серебряных изделий, ходивших по весу, в связи с чем, в нем оказалась масса ломаных монет. Клад наряду с керамическими находками является также показателем южной границы рабада, протянувшегося на юг не менее, чем на 1 км. В 1969 г. в Музей истории народов Узбекистана поступила группа сосудов из погребений к востоку от шахристана. Это лепные горшочки каунчинского типа, некоторые из них украшены расписным орнаментом в виде заштрихованных и контурных треугольников. Краска черного цвета нанесена непосредственно на черепок. Форма и орнамент аналогичны сосудам III–IV вв. (погр. №3) городища Кендык-

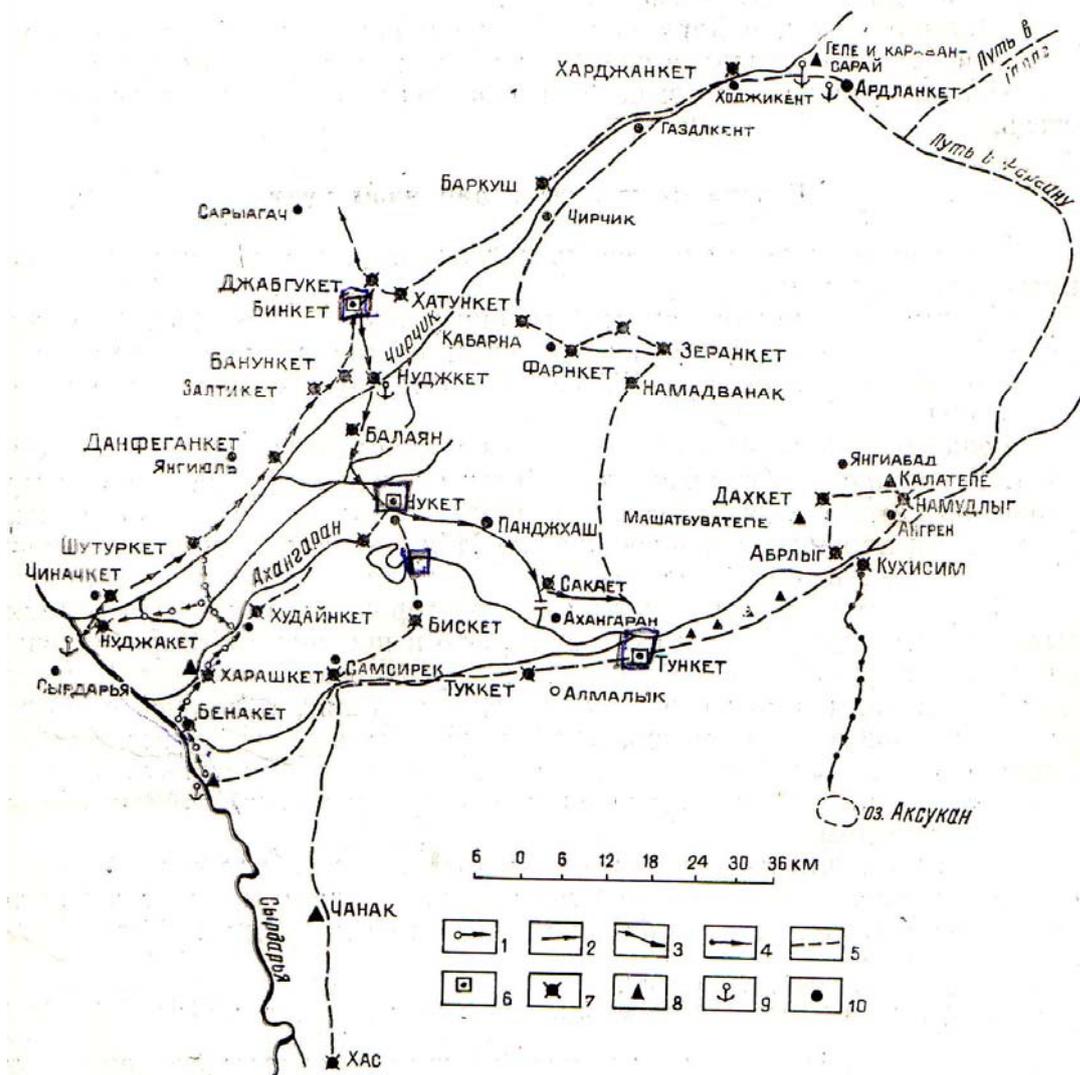

Рис. 1. Карта городов и торговых путей Чач-Илака.

1 - южный путь в Чач; 2 - северный путь в Чач; 3 - путь Бинкет-Тункет; 4 - путь к серебряному руднику Чача; 5 - местные пути; 6 - столичные города; 7 - средневековые города; 8 - поселения; 9 - пункты переправ; 10 - современные города

тепа на Туябугузском водохранилище. С округой Улькантойтепа связаны находки оссуариев овальной формы VI–VII вв.

Городище, особенно его рабады, сильно разрушены при строительных работах и планировке полей. Шахристан Нукета имел подпрямоугольную форму, слегка вытянутую с запада на восток, общая площадь его около 20 га. Сохранились следы окружавших его оборонительных валов. В северном фасе расположена прямоугольная цитадель площадью около 1 га, три стены которой выступают из шахристана, возвышаясь от подножья на высоту до 20 м. Четвертая, южная включается в общий фас оборонительных сооружений шахристана. С четырех сторон шахристана отмечаются следы ворот. Въезд в цитадель проходил вдоль его западного фаса (рис. 2). Границы рабады определить трудно, однако они обширны. На

запад следы границы прослеживаются до 400 м, на юге в 1968 г. они были прослежены на 1000 м. Территория к востоку сильно нарушена, однако и здесь на обширной площади были обнаружены остатки отдельных строений, возводившихся с применением жженого кирпича, отвалы керамического производства преимущественно XI–XII вв. Однако на холме Байтемиштепа к юго-востоку от шахристана встречены фрагменты керамики IX–XII вв. Следует отметить, что в восточном рабаде зафиксированы следы погребений с материалами первой половины – середины I тысячелетия н.э. Таким образом, если даже считать, что к северу от шахристана рабады отсутствуют, общая площадь Нукета с пригородами в момент наивысшего расцвета составляла не менее 150 га.

Специальные археологические раскопки на городище не проводились. Стратиграфический

материал получен из строительных котлованов в шахристане. Они дали разрез глубиной 9 м (до материка не доведен), включавший архитектурно-строительные остатки двух крупных периодов. Нижний (мощностью 3 м) содержал материал VIII–X вв., верхний, толщиной 6 м, включал материал конца X–нач. XIII вв. В 1968 г. в юго-восточном рабаде зафиксированы мастерские X–XI вв., специализировавшиеся на обжиге кирпича размером 32x16x3–4 см, неглазурованных крышек сосудов со штампованным и процарапанным орнаментом и керамических игрушек – схематических изображений всадников.

Пока наиболее древний материал с территории Нукета относится к III–V вв. и связывается с комплексом материалов позднекаулчинского типа, характерного для ранних слоев городищ Кендыктепа, Канка и комплекса подбойно-катакомбных погребений бассейна Чирчик-Ахангаранского междуречья. Не исключено, что уже в это время здесь складывается территория городского типа. Косвенными данными, указывающими на античную основу Нукета, являются правильная прямоугольная форма укреплений шахристана и мощный характер наслоений, характерный лишь для городов Чач-Илака, складывавшихся с первых веков до н.э. (Шахрухия, Канка, Кавардан, Кендыктепа).

Следует отметить, что до 150 погребальных курганов различных размеров зафиксированы М.Е. Массоном к востоку от территории рабада (Массон, 1953. С. 54).

Более разнообразен материал VI–VIII вв. в шахристане, он представлен неглазурованной керамикой – кувшинами, горшочками, котлами и кружечками, изготовленными на гончарном круге медленного вращения. В восточном рабаде, как отмечалось выше, найдены оссуарии овальной формы. Аналогичные оссуарии встречались ранее вдоль Ислахатарыка к востоку от рабада (Массон, 1953. С. 29, 54). Уникальна находка каменной стелы и ажурной бронзовой пластинки с изображением танцовщицы в легких: ниспадающих одеждах, связываемая с доарабскими культурами Чача (Массон, 1953. С. 52–53).

Последующий период представлен более обширно. И в шахристане, и в южном, и в западном рабаде встречены керамические и стеклянные сосуды и металлические изделия X в. Все это служит показателем того, что стоявший в центре оазиса на экономически важном для обеих областей пути, Нукет превратился к X в. в крупный торгово-ремесленный центр Илака. Здесь останавливались все транзитные караваны, идущие по двухдневному пути Бинкет – Тункет в Фергану и Уструшану. Не случайно Нукет этого време-

ни описывается как второй по величине (после столицы) городской центр Илака.

Археологические наблюдения показали, что наивысшего расцвета городская жизнь Нукета достигла в XI–XII вв. В шахристане к этому времени относятся наслоения мощностью до 6 м. Крупные клады медной монеты местного обращения, керамические изделия и жженный кирпич караханидского стандарта встречаются на всей территории города. Помимо широко распространенной глазурованной посуды, особенно характерных для Чач-Илака сосудов с темно-зеленой, бледно-зеленой и лимонно-желтой поливой, интересны находки люстровой посуды и сероглиняных сосудов с изящным штампованным орнаментом в калыбах, аналогичные образцам парадной керамики Мерва (Лунина, 1962), бронзовым сосудам с чеканным орнаментом.

Долгие годы памятник был закрыт для научных исследований. И лишь в настоящее время, вновь появилась возможность приступить к его археологическому изучению.

В полевом сезоне 2006–2007 гг. в процессе полевых работ было проведено детальное обследование шахристана и цитадели с зачистками разрезов траншей, прорытых в 60-е годы, когда памятник был превращен в пункт гражданской обороны. Особенно пострадали верхние культурные наслоения. Все это потребовало интенсивных работ по исследованию поверхностных культурных наслоений. Предварительное изучение цитадели показало, что стены ее возводились из сырцового кирпича не позднее VI–VII вв. и неоднократно ремонтировались. В большом количестве на шахристане встречены жженные кирпичи размерами 28x14x4 см, 27x13x3,5 см, 24x12x3 см.

Среди керамических находок много фрагментов чирагов граненой формы, покрытых зеленой глазурью с фигурным оформлением ручки в виде листового завершения с рельефным подглазурным декором. Собрано также большое количество фрагментированных дастарханов с резным и налепным орнаментом. Все это свидетельствует, что в караханидское время шахристан был застроен жильем состоятельных горожан.

Характеристика керамического комплекса показывает высокий уровень материальной культуры. Основной керамический комплекс шахристана датируется VI–XII вв.

Интересные находки на территории к югу от цитадели металлических шлаков и фрагментов симобкузача, позволяющих локализовать здесь мастерские по очистке и окончательной обработке железа и цветных металлов. Возможно, здесь же осуществлялись работы, связанные с использованием ртути, употреблявшейся при амальгама-

ции благородных металлов, в торовитке и ювелирном деле. Фрагменты симобкузача найдены и в северо-западной части шахристана.

Шахристан был обнесен крепостной стеной с башнями (одна из которых, частично разрушенная, выявлена в северо-западной части). Вокруг проходил ров, ныне заполненный оплывами разрушающейся стены, но четко читаемый по микрорельефу. Он заполнялся водой из естественно-го протока, подходившего к городу с востока.

Собранный на территории городища материал подразделяется на несколько групп по типу и назначению сосудов.

Комплекс неполивной керамики из подъемного материала представлен сосудами хозяйственного назначения: хумы, горшки, котлы, крышки, дастарханы (рис. 6). Горшки представлены несколькими фрагментами однотипных сосудов. Котлы – сферической формы, все фрагментированы, с характерной примесью мелкотолченой дресвы и шамота в тесте. Крышки представлены несколькими типами: выпуклыми и плоскими. Характерно, что все они вылеплены на песчаной подсыпке. Причем выпуклые, как часть столового набора изготовлены более тщательно и на подсыпке более мелкого песка. В качестве декоративного оформления использованы линейно-геометрический орнамент и различные варианты оттисков зубчатой гребенки.

Большую группу в подъемном материале составляют фрагменты сферокузов–симобкузача. Их обилие свидетельствует о значительной потребности ртути в ремесленном производстве города (Богомолов, 1997. С. 17-18).

Комплекс неполивной керамики обнаруживает полные аналогии среди находок средневековых памятников XI–XII вв. Поливная керамика представлена ляганами, светильниками-чиргами, сосудами закрытого типа (кувшинчики?). В декоре преобладает глазурь зеленого цвета, есть фрагменты сосудов покрытых светлой оливковой, белой и серовато-бежевой глазурью с рисунком, нанесенным темно-коричневым цветом. На одном из ляганов отмечено матовое покрытие темно-коричневого цвета с металлическим блеском. Следует отметить как прием декора и подглазурный орнамент, нанесенный по сырой глине, перед покрытием глазурью.

Отмечается вторичное использование, когда донца разбитых блюд обтачивались и высверливались для использования в качестве пряслиц-утяжелителей.

Поливная керамика находит аналогии в комплексах Ташкентского оазиса второй половины XI – начала XII в.

Наряду с поливными сосудами XI–XII вв.

встречаются и более поздние XVII–XVIII вв., характеризующие последний период обживания городища.

Таким образом, подъемный материал отражает интенсивность жизни города в период XI–XII вв. и наличие слоев XVII–XVIII вв. В то же время встречено несколько невыразительных фрагментов с красным горизонтальным полосчатым лощением, относящихся к III–IV вв. н.э., что позволяет говорить о более раннем обживании городища. Наряду с изучением самого городища производилось обследование и его окрестностей, где в конце 80–90-х годов XX века началась интенсивная застройка, практически уничтожившая раннюю архитектуру. По сообщению М.Е. Массона, к восточным воротам примыкал участок со следами гончарного производства с керамическими шлаками и припасом (Массон, 1953. С. 51). В настоящее время отсюда происходят фрагменты сферокузов, тагора со следами брака, неполивная чаша, обломки жженого кирпича прямоугольного формата, что подтверждает обживаемость данной территории в домонгольскую эпоху.

Севернее, по данным М.Е. Массона, располагалось обширное старое кладбище (Массон, 1953), которое уже в XII – начале XIII вв. перекрывается керамическими отвалами. Кладбище простиралось на восток примерно на 120 м. Здесь при строительных работах находили грунтовые могилы. Видимо, восточная граница средневекового кладбища проходит по современной улице Дехканабад. На ее западных участках встречаются средневековые погребения, а с восточной стороны – находки керамики и строительных конструкций. Осмотр участков подтвердил наличие здесь культурных слоев XI–XII вв. Видимо, застройка рабада тянулась на восток почти на 600 м, граница даже сейчас фиксируется понижением рельефа, по которому сейчас проходит улица.

Однако отдельные находки керамики встречаются и дальше к востоку и юго-востоку. Так в 1 км восточнее Улькантойтепа жители при строительстве находили остатки средневековых строений. В одном случае это были остатки сырцовых кирпичей, стекла, неполивной керамики и кусков окислившегося железа. Во дворе одного из домов обнаружен колодец, диаметром 84,5x82 см, глубиной 3,62 м, а возможно, и глубже, т.к. стенки уходят вниз. Внутренний край колодца обложен жженым кирпичом трапециевидной формы 20x19,5(16)x4 см. Кирпич в массе желтого цвета (грунт для его формовки был взят из слоя, подвергнувшегося антропогенному воздействию). В кладке через каждые 67 см по спирали оставлены щели (ступени) шириной 13 см, высотой 12-14

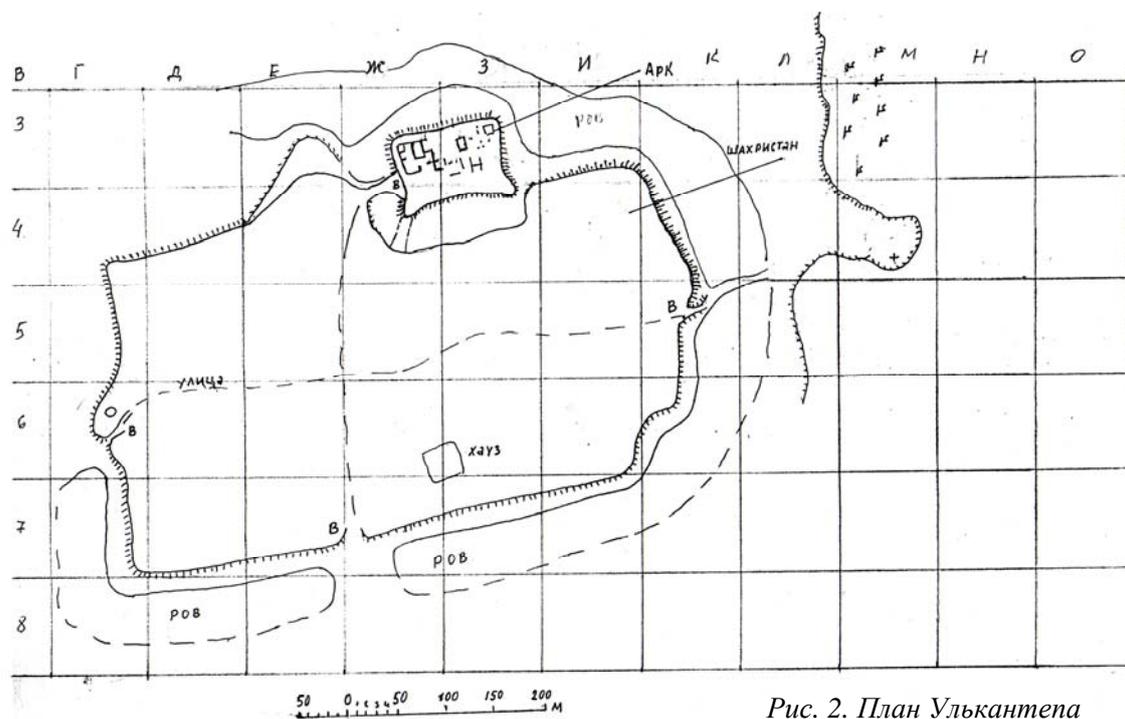

Рис. 2. План Улькантёпа

см. Кладка производилась чередованием уложенных плашмя кирпичей короткой (узкой) и широкой стороной, и сводилась к традиционному «цепному» приему кладки, со смещением в следующем ряду на 1/3 кирпича. Из заполнения колодца была извлечена различная бытовая керамика: стенки хумов, горшков, крышек, кухонных котлов, фрагмент дастархана в виде столешницы и светлофонная глазурованная керамика. Фактура и размеры кирпичей позволяют датировать возведение колодца началом XI в. Керамика из заполнения резервуара отражает более поздние этапы его функционирования, которые можно отнести к концу XI в.

Почти в 600 м к юго-востоку от шахристана Улькантойтепа сохранился Байтемыштепа – овальный холм (110x80 м, высотой до 4 м), с сильно подрезанными краями, возможно, раньше он был прямоугольной формы (Массон, 1953. С. 51). В разрезах видны фрагменты керамики XI–XII вв. Вероятно, это была богатая усадьба, входившая в застройку рабада (Буряков, Касымов, Ростовцев, 1973. С. 73).

Отдельным маршрутом было обследовано городище Чардара, располагающееся в 1,5 км северо-восточнее Улькантойтепа. Некогда, судя по материалам М.Е. Массона, оно имело почти квадратную форму с нечеткой линией периметра стен (уступами в северо-западном углу и в центре фаса). Размеры его составляли почти 210x200 м, т.е. примерно 3 га (Массон, 1953. С. 45). Поселение имело двое ворот: в центре северного фаса и в южном фаса ближе к западному углу (рис. 3). В северо-западном углу возвышается прямоуголь-

ное укрепление – замок-урда Юлдашбека, видимо, одного из местных правителей или чиновников первой половины XIX в. Размеры его 60x50 м. В северо-восточном углу фиксировалось квадратная башня-донжон. К сожалению, сейчас вся территория городища практически освоена, хотя ее былые границы хорошо прослеживаются по возвышенности рельефа. Об относительной сохранности можно говорить лишь по цитадели-урде. Основания стен подрезаны по периметру. Верхняя площадка укрепления сnivelирована (видимо, на высоту около 1 м), уничтожена башня-донжон. В центре южного фаса устроен въезд-пандус. В целом урда сохранилась на высоту около 6 м. В ее северо-западной части прорыты траншеи для подъема воды, а на сnivelированной поверхности – следы попытки устройства сада. В центре видны обломки сырцового кирпича, возможно остатки выхода сырцовых стен. По мнению М.Е. Массона, это был раннесредневековый замок, перестроенный в XVIII – середине XIX в. Зачистки в основании юго-западной башни показали наличие небольшого культурного слоя и подстилающего его чистого материкового лесса.

Пункты фиксации находок керамики и строительных остатков могут говорить о распространении рабада к востоку от шахристана Улькантойтепа на 600 м, а в южной части – на 300-400 м.

Совершенно неисследованной пока остается западная часть рабада, где фиксируются два всхолмления. Первое из них представляет собой крупный подпрямоугольный холм. Его название Мазартёпа, вероятно, обусловлено расположени-

Рис. 3. Чордара

ем здесь современных кладбищ. Вероятней всего, Мазартепа представляет собой остатки ранне-средневекового замка с прилегающим с севера шлейфом поселения. Собранный материал мало выразителен. В основном это фрагменты неповальной тарной посуды и несколько мелких фрагментов глазурованных стенок с зеленым и белым фоном середины XI в.

Почти в 50 м северо-восточнее угла этого холма фиксируется еще одно слабо выраженное в рельефе возвышение, вытянутое по линии запад-юг, длиной почти 100 м и шириной 20 м. Возможно, это остатки вала рабада, некогда ограничивавшего его северную часть. Малочисленные находки невыразительной керамики говорят о том, что это пространство было слабо застроено.

В целях изучения системы связей с ближайшими городскими центрами оазиса были проведены исследования городища Кендыктепа (Буряков, 1973. С. 59-61), расположенного в долине Ахангарана у впадения в него правого притока Бургулюкская. Памятник занимает узкий мыс длиной до 1150 м и шириной от 180 до 270 м. Он удобно защищен с трех сторон водами рек, а с единственной уязвимой юго-восточной стороны поднимается круглая в плане цитадель диаметром до 120 м и высотой более 10 м (рис. 4). Площадь городища более 25 га. Территория шахристана разделена естественными и

Рис. 4. Кендыктепа

искусственными рвами. Вокруг города и на его окраинах поднимаются погребальные всхолмления. Проведившимися ранее раскопками вскрыты катакомбы с групповыми захоронениями в сопровождении сосудов каунчинского типа, железных ножей и других орудий труда, поясных пряжек, украшений (бусы, серьги) (Агзамходжаев, 1962).

В цитадели стратиграфическим раскопом вскрыты слои от первых веков н.э. до XV в. В шахристане 1 расчищены остатки сооружения, вероятно, оборонительного назначения и металлургические печи II-IV вв. н.э., связанные с обработкой железа.

В западной части шахристана-2 ранее была вскрыта часть уличной магистрали с домами с обеих сторон. Хозяйства включают от двух до четырех помещений жилого, хозяйственного и производственного назначения. В помещениях производственного назначения расчищены пристенный очаг, жернова, сосуды, часть которых была вкопана в пол, жаровня в виде перевернутого сосуда без дна. Все это перекрыто сгоревшими балками. Интересны детали ткацкого станка, найденные в одном из помещений. Прослеживаются на городище и следы ювелирного ремесла.

Многочисленный материал этого времени представлен и в подъемном материале и в раскопках. Это сосуды-хумы, корчаги, горшки, кувшины, миски каунчинского типа. Интересны сосуды с штампообразными знаками на плечиках и сосу-

ды, украшенные снаружи росписью в виде заштрихованных треугольников. Характерны груболепные горшки-котлы грушевидной формы с двумя вертикальными ручками от венчика на плечико. Типичны для слоя керамические подставки-шашлычницы в виде сдвоенных головок баранов и рогатые кирпичи – головы быка реалистичной и стилизованной трактовки. Комплекс укладывается в рамки I-IV вв. н.э.

Интересны печати, керамические и медные подвески цилиндрической формы с отверстиями для продевания нити. Изображения на печатках рельефные, чаще двухсторонние – это кресты, простые и сложные тамги. Интересно изображение на бронзовой печати: с одной стороны олень, с другой – сибирский козел с откинутыми назад рогами.

С описанными материалами следует связать ранние монеты, извлеченные из обрывов нижних слоев городища. Они представлены мелкими (д. 16-17 мм) медными кружками с изображением на аверсе головы правителя влево, на реверсе – тамги и легенды, сохранившейся фрагментарно.

На значительно меньшей территории встречаются керамика и монеты VI-VIII вв. н.э. К этому времени относится возведение одной из оборонительных стен в замке цитадели.

Новый подъем происходит в IX-XII вв., хотя город в это время не достигает размеров, занимаемых в первые века н.э. Помимо культурных напластований с керамикой, в цитадели, шахристане-1 и частично в шахристане-2 материал представлен большим количеством монет и целых монетных кладов⁴. Уникальна коллекция монет VIII- начала IX вв., в которой как в зеркале отразилась динамика перехода города из рук в руки, отчасти повторяющая историю оазиса. Кроме черных дирхемов и медных аббасидских фельсов ал Махди, интересны ранние фельсы, один из которых бит в Самарканде в 205 г.х. от имени Гассана ибн Аббада.

Важную роль играет находка саманидских монет двух этапов. Монеты первого этапа, когда Саманиды являлись заместителями Тахиридов, представлены фельсами Нуха бин Асада чекана 214, 217, 224 г.х. Монета 214 г.х. (или 224 г.х.) чеканена в Чаче. Вместе с ними имели хождение монеты, чеканенные самими Тахиридами, в частности 4 фельса Тахира бин Абдаллаха чачского чекана 241 г.х.

Второй этап представлен монетами Насра и Исмаила бин Ахмада поры перехода к Саманидам всей полноты власти. Среди эмиссий этого периода, кроме нечетко датированных, найдены три фельса, выпущенные в Чаче в 254 г.х.

Караханидская эпоха представлена, кроме от-

дельных монет, двумя кладами. Первый, состоящий из 14 монет, поступил в Музей истории народов Узбекистана в 1965 г. и относится к концу XII – началу XIII вв. (Федоров, Буряков, 1969. С. 106), второй, полученный нами в 1972 г., уникален. Он насчитывает 49 медных монет, найденных в цитадели и принадлежащих чекану Бенакета конца XII в. Из отдельных монет 2 дирхема относятся к середине XI в., две более поздние – конца XII – начала XIII вв., причем одна из них либо позднекараханидская, либо хорезмшахская.

Обилие монетных находок говорит о довольно интенсивной торговой жизни городка, находившегося в центральном районе оазиса между крупными городскими пунктами.

Важным аспектом обследования окрестностей Тойтепа был сбор материалов по погребальным сооружениям. Еще в 1929 г. в 1,5 км к югу от Тойтепа А.А. Потаповым были отмечены два безымянных тепа и расположенные рядом с ним погребальные курганы. Раскопки их не производились (Буряков, Касымов, Ростовцев, 1973. С.73). Видимо, в настоящее время большая часть курганов разрушена. Именно отсюда поступили находки керамики в отдел культуры хокимията г. Тойтепа.

Керамический сосуд, большая кружка. Вылеплена вручную. Красноглиняная. Имеет биконическую форму тулова с плавными покатыми плечиками, плоским дном, высокой и широкой горловиной. Венчик простой, прямой, чуть отогнут наружу. Черепок в изломе красно-коричневого цвета, слоист. Тесто хорошего промесса, сильно насыщено мелким речным песком. Обжиг средний. С внешней стороны сосуд тщательно затерт. Местами имеются даже следы вертикального лощения. С плечиков до нижней части имеются мелкие выбоины на поверхности сосуда – следы его бытового использования. В верхней части тулова посажена вертикальная петлевидная ручка со столбиком-упором, оформленным в виде схематической фигурки животного (рис. 5, 1) с острой мордочкой и вертикальными, пирамидальной формы ушами. Последние отбиты и не сохранились. Скорее всего, ручка передавала хищника – волка или лисицы. Размеры: высота сосуда 15,3 см, диаметр венчика 9 см, диаметр донца 7 см. Сосуд находит аналогии среди керамики первых веков н.э. Ташкентского оазиса и Южного Казахстана. Правда, Л.М. Левина предлагала датировать такие кружки III-V вв. н.э. (Левина, 1971. С. 122, 184).

Небольшая кружка вылеплена вручную. Сосуд имеет приземистую шаровидную форму с невысокой раструбообразной горловиной. Венчик простой, прямой с овальной закраиной, заметно

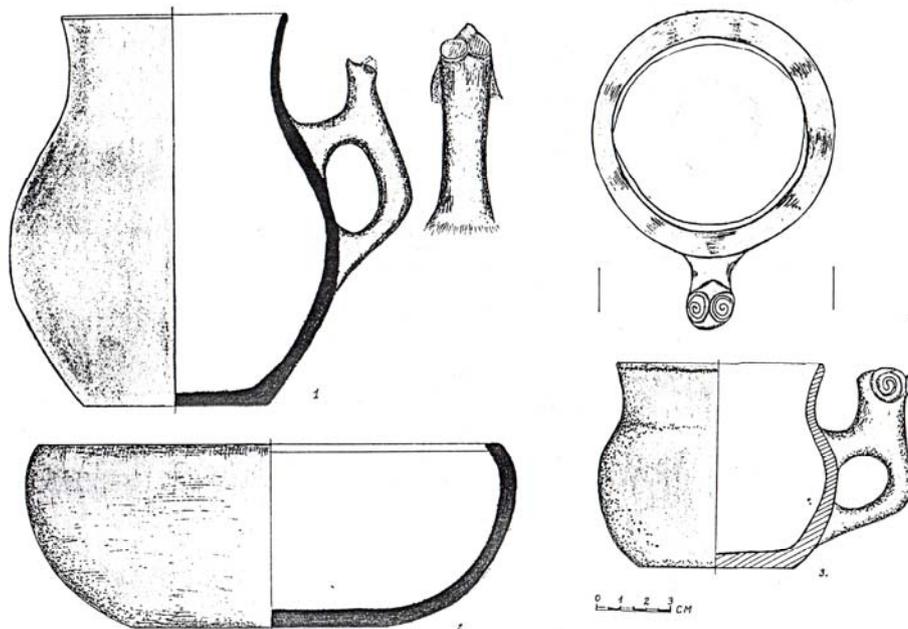

Рис.5. Керамика из погребений в округе Нукета

отогнутый во внешнюю сторону. Днище плоское со следами срезки нитью. Черепок в изломе коричневого цвета, слоист, рыхловат, т.к. тесто, хотя и сравнительно хорошего промеса, сильно насыщено мелким речным песком. Обжиг нормальный, ангобного покрытия нет, внешняя поверхность грубовато затерта. С одного бока на тулово посажена довольно крупная (относительно пропорций самого сосуда) вертикальная петельчатая ручка ленточной формы с вертикальным округлым столбиком-упором в верхней части. Последней придана форма схематической головки барана-кучкара со спирально закрученными рогами. Размеры: высота сосуда 8,2 см; диаметр устья – 8 см; диаметр днища – 6,2 см. Датировка – II-III вв. н.э. (рис. 5, 3)

Керамический кувшин. Вылеплен вручную. Имеет почти шаровидную форму с плавными пологими плечиками, с невысокой горловиной. Венчик простой, прямой с округлой закраиной, слегка отогнутый наружу. Днище плоское, чуть вогнутое, со следами срезки нитью. Черепок в изломе коричневатого-красного цвета, рыхлый, т.к. тесто сильно насыщено мелким песком. Обжиг в норме. Ангоба нет, хотя на внешней поверхности тулова имеются черные пятна ложного ангоба. С одной стороны закраины устья на плечике опущена вертикальная петлевидная ленточная ручка. На спинке ручки прочерчены три продольные (вертикальные) линии и одна поперечная в верхней части. С противоположной стороны в основании горловины имеется конусовидная шишечка-налеп. На тулове и горловине следы вертикального заглаживания и лощения. Размеры: высота сосуда 22 см; д.в. – 9,4 см; д. днища – 11,6 см. Руч-

ка высотой – 7 см, ширина – 3 см, толщина 0,8 см. Датировка – III-IV вв. н.э.

Керамический кувшин. Изготовлен достаточно грубо. Сосуд имеет грушевидную форму с утяжеленной нижней частью. Горловина высокая, воронкообразной формы с простым прямым венчиком, отогнутым наружу так, что один край образует устье, другой – ребро у его основания. Днище плоское со следами срезки нитью. Черепок в изломе розового цвета, плотный. Тесто среднего промеса, в котором видны отощители дресвы, мелкие растительные добавки, песок. Имеются следы ложного ангоба и горелое пятно с одного бока.

Все это указывает на костровой обжиг. От закраины венчика на плечики опущена вертикальная петлевидная ручка ленточной формы. В верхней части ручки, на спинке пальцем нанесено округлое углубление (упор?). С противоположной стороны сосуда на тулове ниже основания горловины крупно и небрежно палочкой до обжига прочерчен тамгообразный знак в виде вертикальной черты, в верхней части от которой в стороны отходят две линии, нижняя часть завершается восьмеркообразной фигурой. Размеры: высота сосуда 18,2 см; диаметр устья горловины – 3 см; высота горловины – 5,7 см, диаметр днища – 12,4 см. Длина знака – 7,2 см. Датировка – (V) VI – начало VIII вв. н.э.

Керамическая кружечка небольших размеров. Изготовлена на гончарном круге. Тулово призмисто-шаровидной формы. Горловина короткая почти цилиндрической формы. Горловина короткая, почти цилиндрической формы с простым прямым венчиком с овальной закраиной. С внешней стороны венчик выделен желобком с валиками. Днище плоское со следами срезки нитью. Черепок в изломе красно-коричневого цвета, плотный, тесто среднего промеса, в качестве отощителя использованы мелкие выгорающие растительные добавки и песок. Обжиг в норме. С внешней стороны и изнутри сосудик тщательно спрятан. Ангобного покрытия нет. С одного бока в месте наибольшего расширения тулова вертикально посажена округлая ручка ленточной формы с продольным невысоким валиком (ребром) по спинке ручки. Размеры – высота сосуда – 9 см, диаметр венчика – 8 см, диаметр днища – 6 см. Датировка – VI в. н.э.

Керамический сосуд небольших размеров, закрытой формы, сфероконус. Изготовлен на гончарном круге. Тулово луковичной формы, венчик конического тулова отбит и утрачен. Горловина короткая, выделена в виде цилиндрика грибовидной формы. Черепок в изломе зеленовато-серого цвета, плотный отмучка тонкая, хорошего качества. В результате клинкерного обжига и полной спекаемости массы примеси не видны. На тулове сосуда имеется простой процарапанный линейный орнамент в виде кругов с оставленной в середине необработанной поверхностью с четырех сторон сосуда. Размеры – высота – 12,5 см; наибольший диаметр тулова – 7,8 см. Диаметр горловины – 2,6 см, диаметр отверстия (устья) – 0,8 см. Датировка XI в. (вероятнее всего первая половина).

Керамический светильник (чираг). Изготовлен с применением гончарного круга. Туловорезервуар оформлен в виде невысокого усеченноконического цилиндра с зауженной нижней и расширенной верхней частью. Резервуар с внешней стороны был подрезан ножом, что придало ему ребристость. Черепок плотный розового цвета. В тесте в качестве отощителя использованы выгорающие растительные добавки. Снаружи и изнутри сосудик был покрыт белой (меловой) подгрунтовкой, а сверху глазурью зеленоватого цвета. Последняя тонкая, почти прозрачная. С одного края к резервуару был приделан длинный прямой носик, который сохранился не полностью, кончик его отбит. С противоположной стороны приделана ручка овальной формы, чуть сжатая с боков. К ее верхней площадке приделан упор листовидной формы. От последнего, к сожалению, сохранилась только нижняя часть. Характерным элементом является выделение устья чирага невысоким валиком, по краю которого сделаны мелкие прямоугольные углубления (наколы). Размеры – высота цилиндра – 4 см, диаметр верхней части – 7,4 см, устья – 2,8 см, диаметр днища – 5,8 см, носик сохранился на длину 5 см. Ручка длиной 3,8 см, толщиной 1,2 см. Датировка XII в.

Крупный кувшин Изготовлен на гончарном круге. Имеет тулово яйцевидной формы, вытянутое вверх, с плавными покатыми плечиками. К сожалению, верхняя часть сосуда утрачена, сохранилось только основание горловины. Днище плоское. Черепок плотный, в изломе розоватого цвета. Тесто среднего промесса с мелкими растительными выгорающими добавками. Обжиг нормальный. С внешней стороны поверхность сосуда покрыта светлым бежевым ангобом. Верхушка плечиков украшена неглубоким горизонтальным желобком. Кувшин изготовлен профессионально.

Размеры – сохранившаяся высота сосуда – 25,8 см, диаметр дна – 12,6 см, наибольший диаметр тулова – 2 см. Датировка XI – первая половина XII в.

Большая группа погребальных сооружений, известная еще с конца 20-х годов, располагается на адырах в 1,5 км к востоку от Тойтепа (Массон, 1953. С. 20, 54). Это крупное скопление курганов, грунтовых могил и захоронений в оссуариях. Курганы датируются первыми веками н.э. (Буряков, Касымов, Ростовцев, 1973. С. 72), но, видимо, часть из них представляет собой наземные склепы эпохи раннего средневековья. В последнее время этот район интенсивно разрушается старыми и новыми кирпичными заводами. Именно отсюда поступают сообщения о случайных находках отдельных сосудов, человеческих костей и оссуариев.

Оссуарии или астодоны, как часть погребальной обрядности домусульманского населения Средней Азии, известны уже давно. Но до сих пор они остаются предметом дискуссии, от вопросов по технике их изготовления, типологии, районирования и хронологическим рамкам бытования типов, символики декора до их конфессиональной принадлежности. Большинство исследователей соотносит их с предписаниями зороастрийской погребальной практики, хотя последнее время высказываются сомнения о такой принадлежности (Смагулов, 2004. С. 52).

При изучении периферии Нукета большой интерес представили участки, связанные с крупным оссуарным некрополем раннесредневекового города. Еще в 1929 г. М.Е. Массон и Т. Миргиязов получили из Тойтепа для музея 11 оссуариев и обломки крышек и корчаг-хумов. Оссуарии, по описанию авторов, находились в отдельных подземных камерах со специальными впускными входами. Они устанавливались на полах без последующей засыпки землей. Ориентация по странам света не прослеживалась. Оссуарии находились в каньоне расширения Ислахатарыка (Массон, 1953. С. 20-22). Было получено 14 целых оссуариев и масса обломков (Массон, 1953. С. 29).

В 1998 г. были найдены 4 оссуария, три из которых были накрыты крышками. К сожалению точного описания пункта находки не дано. Отмечено лишь, что находки сделаны в самой высокой точке холма. Оссуарии стояли на глубине 1 м, но остатков наземных сооружений выявить не удалось. Все оссуарии в основном овально-вытянутой или яйцевидной в плане формы с купольными или конусообразными крышками. Датируются VI-VII вв. н.э. Фасады имеют разнообразный налепной декор, есть и выдавленный (Мина-

сянц, 2002. С. 168-170).

В сентябре 2001 г. стало известно о находке сосуда с костями на восточной окраине Тойтепа. Академик АН РУз А.А. Аскарлов оперативно организовал небольшие работы на месте находки. Была разбита траншея 15х2 м и в результате на глубине 2 м были обнаружены еще два оссуария и четыре кучки человеческих костей (Аскарлов, 2001. С. 33). Два из них позже были переданы в Государственный Музей истории Узбекистана АН РУз, один остался на кафедре «Ватан тарихи» исторического факультета Ташкентского Государственного педагогического университета им. Низами (ТГПУ). Видимо, они были изготовлены одним мастером или в одной мастерской. На это указывает единая, качественная характеристика глиняного теста, способ изготовления – предварительная раскатка и подрезка днища оссуария, ширина лент – 6,5 см, единое оформление декоративных элементов (например, грибовидные навершия вертикальных столбов, косая сетка и т.д.). Вместе с тем, в каждом конкретном случае мастер применил индивидуальные, иногда уникальные приемы отделки – от простого широко распространенного декора, до сложного с применением штампа. Но все они связаны с идеей будущего возрождения. Возможно так же, что во внешней отделке оссуариев отражено социальное положение или благосостояние заказчика.

Все оссуарии, обнаруженные на восточной окраине Тойтепа, составляют единую хронологическую группу. По форме, технике изготовления и большинству элементов декора они находят полные аналогии среди других групп Ташкентских оссуариев (Массон, 1953. С. 30-31; Минасянц, 1990. С. 73-74) и могут быть датированы VI-VII вв.).

Археологические работы в Ташкентском оазисе показывают, что погребальная обрядность накануне арабского завоевания не была однородной, одновременно сосуществовали несколько типов захоронений. В этой связи интересен факт существования средневекового городского кладбища к востоку от Улькантойтепа. Археологические материалы показывают, что большинство могил были подбойными с нишей-лахадом вдоль западной стены, которая закладывалась сырцовым кирпичом. Вместе с тем изучение этих погребений поднимает вопрос о формировании средневековой погребальной обрядности. К сожалению, достоверно раннеисламских, арабских кладбищ на территории Средней Азии не известно. Отчасти это, видимо, было связано с тем, что в первоначальном исламе отношение к погребению было предельно простым. Это шло от кочевнических традиций, согласно которым покойника

просто закапывали в землю, не ставя даже намогильных камней. После этого могилу никто не посещал, и скоро исчезали все следы захоронения. Согласно одному из хадисов на могиле мусульманина не следует ставить никаких памятников. Она была сравнена с землей таким образом, что сделав 7 шагов в сторону ее нельзя было отличить от окружающей почвы. Одним из обязательных правил мусульманской обрядности стало незамедлительное предание тела умершего земле в течение суток после смерти. Видимо, тело умершего обмывали, натирали благовониями, раствором камфоры, заворачивали в кафан (саван) из белого полотна. Затем саван завязывался у головы и ног. Тело помещалось на погребальные носилки (табут) и несли на ближайшее кладбище к уже заранее подготовленной могиле.

Еще одним обязательным условием мусульманского погребения является ориентация умершего в могиле либо головой, либо правым боком (лицом) в сторону Мекки.

Вместе с тем, в современной погребальной обрядности мусульман Средней Азии имеется целый ряд локальных особенностей, многие из которых представляют собой результат адаптации и переработки исламом доисламских традиций.

Полученные материалы позволяют предварительно осветить страницы истории средневекового Нукета.

В саманидскую пору Нукет представлял собой уже один из самых крупных городов оазиса, а по некоторым данным, – был самым крупным.

Так, ал-Истахри он назван вместе со столицей Илака – Тункетом крупнейшим городом этого владения (Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана, 2002. С. 24). В то же время в персидском переводе его труда, хотя Тункет и упомянут в качестве столицы, он отнесен к небольшим городам Илака, в то время как Нукет характеризуется как самый большой город этого владения (Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана, 2002. С. 34-35).

Изучение исторической топографии этих городов показало, что, если общая площадь Тункета в пределах внешней стены составляла в саманидскую эпоху около 189 га, то густая застройка наблюдается лишь в пределах шахристана (12,5 га), а остальная площадь обжита слабо. Выделяются лишь отдельные крупные массивы – кварталы металлургов со шлаковыми отвалами. Остальная территория обживалась свободно, отдельными усадьбами.

В то же время в Нукете, общая площадь которого составляет не менее 200 га даже в условиях сильной разрушенности, активно обживался не

только шахристан, сформировавшийся в рамках 20 (до 24) га (600x400 м) еще в раннесредневековую эпоху, но и обширные рабаты площадью не менее 180 га (Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана, 2002. С. 107-108). Цитадель имеет размеры 100-110x80 м (т.е. ее площадь около 1 га).

Для характеристики экономического потенциала города не без интересен анализ нумизматического материала, проведенный Б.Д. Кочневым (Кочнев, 1978. С.120-121).

В исторической литературе известны самаркандские медные фельсы, чеканенные в Илаке Насром II б.Ахмадом. Х.М. Френ опубликовал монеты 302/924-25 г. Поскольку восточные географы сообщают, что монетные дворы в Мавераннахре есть лишь в Самарканде и Тункете (Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана, 2002. С. 24, 35), он отнес их к чекану Тункета. К этому же городу отнесли монеты и А.К. Марков и Р.Р. Фасмер. В то же время все они отмечали, что название города не имеет буквы «н». Б.Д. Кочнев, просмотрев все монеты этого чекана в различных музеях отметил, что она отсутствует на всех экземплярах, т.е. город может читаться только как «Тукет» или «Нукет». В Илаке есть город Туккет, однако написание его иное. Следует отметить, что А.К. Марковым был выявлен серебряный дирхем Илака караханидской эпохи, чеканенный от имени Арслан-хана и Адуд ад-Даула Чагры тегина в 410/1019-20 г. Название города вновь дано без буквы «нун», что дало основание Б.Д. Кочневу отнести его к чекану Нукета. Таким образом, если в саманидское время известен медный чекан Нукета, рассчитанный в основном на внутреннее употребление, в городе, который по археологическим данным определяется как крупный торгово-экономический центр Мавераннахра (а для Илака – самый крупный город), то выпуск в XI в. серебряной монеты, направленной на внешнеторговые связи, позволяет нам более твердо, чем раньше считать, что автор XII в. Идриси был прав, назвав Нукет столицей Илака, т.е., судя по полученным нами материалам, он уже в X в. был, если не политической, то экономической столицей области.

Вместе с тем, археологические материалы и их концентрация демонстрируют неоднородность и неперманентность динамики развития. Наибольшее количество находок и границ освоения относится к XI–XII вв. Именно в это время интенсивно развивается шахристан Улькантойтепа, а границы рабада (если судить по рельефу и фиксации археологических находок) охватывали территорию с востока на запад – 1,5 км, а с севера на юг – 0,9 км, т.е. почти 135 га. Безусловно Улькан-

Рис. 6. Венчик хума. Улькантойтепа

тойтепа, или Нукет арабских дорожников, занимал важное место в торговле и экономике Илака.

Здесь пересекались несколько торговых трасс. Одна из них – из верховьев Чирчика через Бинкет (Ташкент), Нуджкет, Балаян, разделялась в Нукете. Западное ответвление через Худайкет выходило к двум крупнейшим экономическим центрам средневекового Шаша – Харашкету и Бенакету, а дальше после переправы через Сырдарью включалось в самаркандскую трассу. Второе ответвление уходило на юг к Бискету (Пскенту) затем к Самсиреку, где пересекалось с дорогой из долины Ахангарана (Туккет, Тункет, Кухисим). Дальше в южном направлении она проходила через степь к небольшому городу Хас. Ю.Ф. Буряков считал его одним из древнейших городских пунктов Илака, возможным, связанным с переправой через Сырдарью, откуда можно было попасть в Фергану и Уструшану. Расцвет жизни города относится к X–XII вв. (Буряков, 1975), что можно соотнести с расцветом Улькантойтепа и интенсивным развитием этой торговой трассы.

Таким образом, обследование Тойтепа – городища Улькантойтепа и его окрестностей в 2006-2007 гг. показало, что уже в первые века н.э. здесь возникают поселения оседлых земледельцев, которые соседствовали с кочевниками-скотоводами. Керамика этого времени найдена в центре и в северной части шахристана Улькантойтепа.

Эти материалы дают основание предполагать, что Нукет играл большую роль в экономической и политической жизни Чач-Илака и требует специального внимания археологов. Анализ систем расселения в центральной части оазиса показал, что через Нукет проходила специальная трасса экономических связей из ранней столицы Чача – Харашкета (городище Канка) вглубь оазиса, в долину Ахангарана. Рамки исследования были расширены за счет изучения округа Нукета и пунктов городского типа, лежащих между Ха-

рашкетом и Нукетом, среди которых большую роль играло городище Киндыктепа, стоявшее к западу от Нукета в зоне нынешнего Туябугузского водохранилища.

Сноски

- 1 Работы осуществлялись в 2006-2007 гг. по проекту Фонда поддержки фундаментальных исследований АН РУз. Грант «Городская культура Чача и Илака (по материалам средневекового Нукета)»
- 2 Первый клад полностью поступил в Музей истории народов Узбекистана, второй частично разошелся по рукам. Сведения о нем поступили от Б.Г. Зайцева. Часть клада доставлена в музей научным сотрудником К.А. Шахуриным. См. Комсомольская правда. 1965, № 489 от 10 декабря
- 3 Клад поступил в музей в 1968 г. через Б.М. Байбуленову и С. Мансурова. П № 615 от 12 марта 1968 г.
- 4 Основная группа монет определена Б.Д. Кочневым. Монеты хранятся в Музее истории народов Узбекистана

Использованная литература

- Истахри. ВГА, VII, р. 328, 332-333.
- Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Филанович М.И. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
- Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Буряков Ю.Ф. Новые археологические данные о городище Улькантойтубе (шахристан Нукета) // Научные работы и сообщения. Кн. 6. Ташкент, 1963.
- Буряков Ю.Ф. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища // ОНУ, Ташкент, 1973. № 1.
- Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве в X – начале XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
- Богомолов Г.И. Сфероконусы Шаша // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития. Ташкент, 1997.
- Буряков Ю.Ф., Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973.
- Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
- Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
- Федоров М.Н., Буряков Ю.Ф. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г. ЭВ, XIX. Л., 1969.
- Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. М., 1971.
- Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». Алматы, 2004.
- Минасянц В.С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции, их иконография и символика // Культура среднего Востока (с древнейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Минасянц В.С. Новые находки оссуариев из Тойтепа // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
- Аскараров А.А. Бешкапа оссуарийлари // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 г. Ташкент, 2002.
- Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 2002.
- Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I. (Саманиды, Караханиды, Джаниды) // ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.

А.А. Анарбаев, З.А. Караева

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ АХСИКЕТА (IX-XI ВВ.)

Исследование жилищ занимает все более заметное место при археологических работах в Центральной Азии, в частности, Узбекистана. Потому что без представления об облике жилищ, понимания взаимоотношений города и сельской округи, роли городского ремесла, невозможно разобраться в сути самого общества, его социальном строе, истории. Вскрытие широких площадей городской застройки средневекового периода на городище Эски Ахси (Ахсикет) позволяет выявить черты городских ферганских домов, принадлежавших лицам из различных социальных слоев. Известные сейчас городские жилища XI-XII вв. находятся на шахристане и принадлежали, в основном, ремесленникам и мелким торговцам (Анарбаев, 2006. С. 221, рис. 1).

В публикации рассматриваются остатки дома типа «усадьбы», находящейся на объекте V городища Эски Ахси. Объект расположен в северо-западной части Ахси II (западного рабада), к западу от позднего кладбища, на краю оврага. До раскопок здесь по рельефу читались остатки отдельно стоящего дома типа усадьбы в виде оплывшего холма, размерами по линии ЮЗ-СВ - 18 м, СЗ-ЮВ - 12 м и возвышающегося над окружающей поверхностью на 2,70 м. В результате раскопочных работ были вскрыты остатки здания с четырьмя помещениями (рис. 1)¹.

Помещение 1 - прямоугольное в плане, размеры его 4,50x2,80 м, стены сложены из пахсовых блоков (50-60x70-80 см) и оштукатурены глиной с саманом. Максимальная сохранность в высоту 2 м. Северная стена помещения общая для 1 и 2 помещений, ее протяженность 6 м, ширина 2,20 м, в северо-западном ее углу имеется проход шириной 1,45 м. Восточная стена, отделяющая его от 2 помещения, шириной 1,60 м и протяженностью 3,50 м. В северо-восточном углу 1 помещения имеется проход шириной 1 м, соединявший его со 2 помещением. Южная стена является общей для всех помещений, причем, стены, отделявшие помещения, не имеют с ней связи и сложены впритык. Западная стена помещения протяженностью 7,00 м и шириной 1,50 м также сложена впритык к южной.

К западной стене в 0,30 м от грани южной была пристроена тамбурная перегородка, протяженностью 2 м и шириной 0,30 м (сохранилось лишь основание стенки, сложенное из жженного кирпича: 30x16x6 см в один ряд), она, как бы образывала неширокий «Г»-образный коридор

(шириной 1 м), через который можно было попасть в 1 и 2 помещения, проход в первое помещение шириной 0,80 м. В 0,70 м от западной стены в помещении к тамбуру был пристроен очаг размерами 60x50 см, сложенный из жженного кирпича 30x16x5-6 см; размеры очага 60x50 см.

Пол помещения, на котором сложен очаг, расположен на уровне конца VI яруса и представляет собой плотно утрамбованную землю со следами обгорелости; стены сложены непосредственно на полу без фундамента. Над полом имеется слой наносных песчаных отложений, имеющих слоистую структуру, мощность их 10-15 см. Заполнение помещения - плотное и состоит из рухнувших пахсовых блоков стен и обломков, также целых сырцовых кирпичей размерами 38-40x20x7-8 см (кирпич без примеси самана), что позволяет предположить, что перекрытие было сводчатое, сложенное из сырцовых кирпичей.

Из находок на полу в первом помещении было встречено несколько фрагментов глазурованной и неглазурованной керамики, изготовленной на гончарном круге, тесто хорошей отмучки, без примесей, черепок в изломе кремового и розового цветов.

Глазурованная керамика: 10 фрагментов, из них 2 фрагмента (венчик и донце), видимо, от одного сосуда. Форма сосуда в виде неглубокой чаши на кольцевом поддоне, венчик плавно изгибается наружу, ангоб белый без орнамента, глазурь бесцветная. Фрагмент венчика от крупной чаши с коническими стенками и прямым венчиком, ангоб белый, орнамент нанесен коричневой краской - ряд треугольников по краю венчика вершинами вниз, глазурь бесцветная (рис. 2:7). Два фрагмента венчика от кувшинов. Первый широкогорлый с петлевидной ручкой и круглым налепом на ней (рис. 2:8); второй узкогорлый с венчиком загибающимся внутрь и со сливом, ручка также петлевидная (рис. 2:12). Оба сосуда покрыты пятнистой зеленой поливой. Три фрагмента от крупной полусферической чаши с прямым слегка утолщенным венчиком слегка утолщенным. Полива пятнистая с потеками, орнамент только на внутренней поверхности (рис. 2:5).

Два фрагмента от небольших глубоких тарелок, с внутренней орнаментацией поверхности - линии зеленой краской по белому фону и - пятна зеленой краской.

Неглазурованная керамика представлена в виде горшков с невысокой горловиной и фрагмента

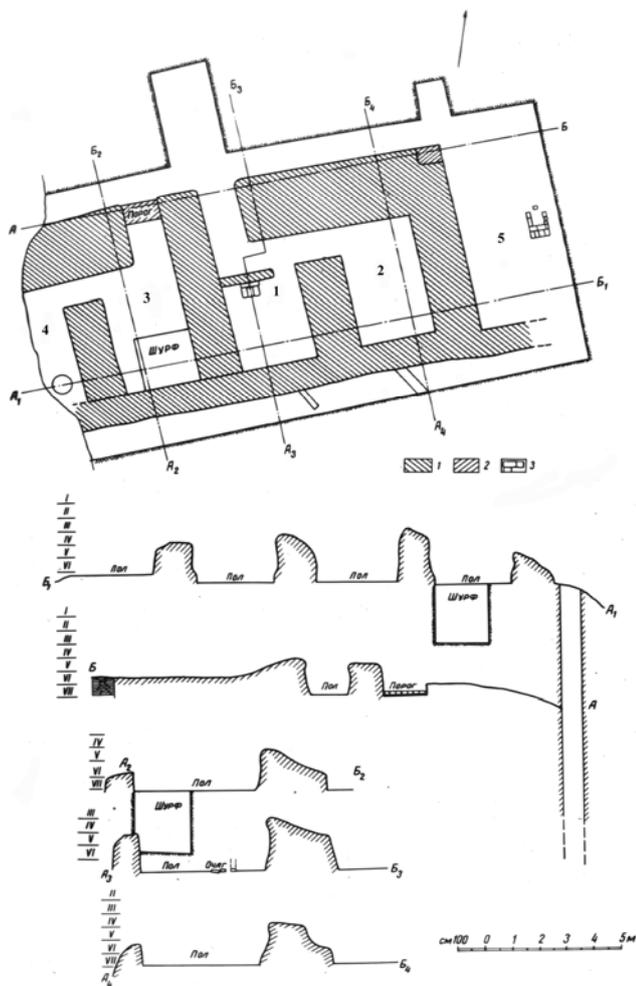

Рис. 1

кувшина с фестончатым венчиком и массивной ручкой. Найден также фрагмент венчика стеклянного сосуда. Кроме посуды на полу 1 помещения выявлен фрагмент каменной зернотерки 15x14x8 см. В заполнении помещения на уровне начала IV и V ярусов найдены два каменных ядра для пращи: одно многогранное (диаметром 6 см), другое - шестигранное (длина грани 4 см). По уровню середины V яруса найдено 4 сильно окислившихся железных наконечника стрел.

В заполнении начала IV яруса у западной стены первого помещения, а также в северо-западном проходе было найдено несколько фрагментов штукатурки с росписью, которая наносилась поверх глиняной штукатурки с саманом и слоя ганчевой грунтовки, являвшейся фоном для росписи. Краски красного, голубого и черного цветов. Незначительность размеров фрагментов не позволяет установить сюжет росписи. Имеется фрагмент с чешуйчатым рисунком, а также фрагмент с полосами, выполненные черной краской с промежутками, в отдельных случаях закрашенными голубой. Более крупный фрагмент росписи был найден на уровне конца V яруса в центре

помещения - в виде завитков и линий, выполненных черной краской, промежутки между ними заполнены голубой.

Помещение 2 имеет аналогичные размеры, что и помещение 1 - 2,75x4,40 м. Северная стена общая с первым помещением и тоже сложена из блоков пахсы. Максимальная ее сохранность по высоте 2 м. Северо-восточный угол здания с внешней стороны укреплен кладкой из жженного кирпича разного формата, целого и обломков вперемежку с галькой и обломками шлака, ширина выкладки 0,80 м, высота 0,60 м, а поверх кладки положена пахса. Восточная стена протяженностью 4,40 м и шириной 1,50 м имеет максимальную сохранность по высоте 1,50 м. Южная стена - 2,75 м, общая с первым помещением, сохранность по высоте 0,80 м, внешняя грань этой стены сильно разрушена, сохранившаяся ее ширина 1 м. Западная стена, отделяющая 2 помещение от 1-го, протяженностью 3,50 м, шириной 1,60 м, сохранность по высоте 2,00 м. В северо-западном углу помещения имеется проход шириной 1 м, соединяющий его с первым помещением. Пол помещения, как и первого, находится на уровне конца VI яруса. Он состоял, как и в первом помещении, из плотно утрамбованной земли, с глиняной коркой надувного песка, плотно слежавшегося, толщиной 10-15 см. Заполнение этого помещения аналогично заполнению первого и состоит из рухнувшего сводчатого перекрытия (из обломков и целых сырцовых кирпичей размером 38-40x20x7-8 см) и пахсы от разрушившихся стен.

Из находок следует отметить медную окислившуюся саманидскую монету, найденную на полу помещения у грани южной стены в 0,80 м от юго-западного угла. Керамический материал, полученный с пола этого помещения наиболее обильный - 71 фрагмент. Поливная керамика (29 фрагментов) в основном одного типа - это глубокие чаши с коническими стенками (рис. 2: 1-4). Выделяется археологически целая чаша. Снаружи и изнутри покрытая белой поливой. Орнамент эпитафический по кругу венчика выполнен коричневой краской (рис. 2:1).

К группе посуды специального назначения относится также археологически целый чираг, покрытый белой поливой и орнаментированный по тулову, носику и ручке коричневой краской. Неглазурованную керамику можно разбить на две основные группы: 1. Штампованная. 2. Кухонная посуда.

Керамика первой группы представлена стенками сосудов, не дающими форм (4 фрагмента). Черепок керамики этой группы хорошего качества, кремового цвета в изломе. Все они снаружи покрыты светлым ангобом, на внутренней по-

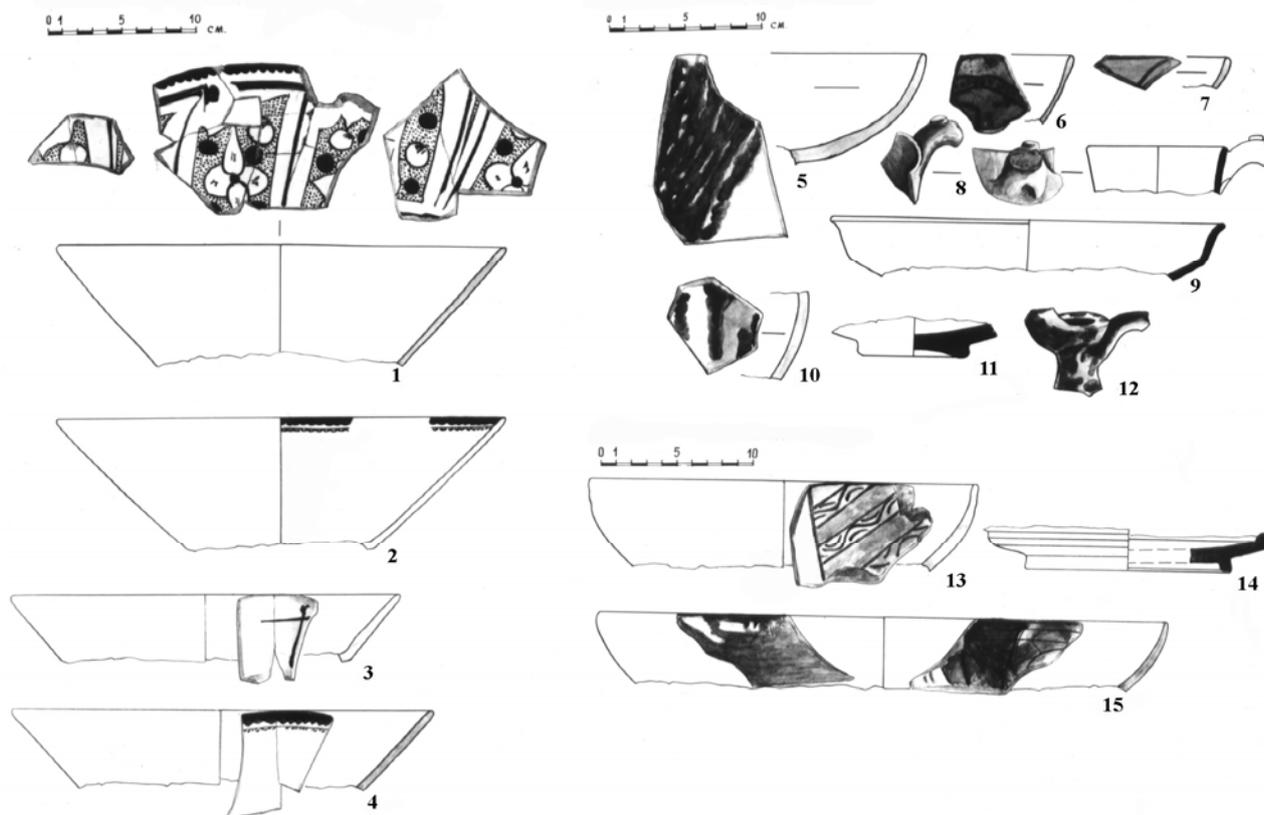

Рис. 2

верхности сосудов имеются следы вдавливания пальцами глины в калыб.

Орнамент на штампованной керамике геометрический в виде пересекающихся прямых линий, косых косичек, кружков с точкой посередине, а также растительный в виде завитков-стеблей с листьями и плодами. Керамика 2 группы представлена: 2 фрагментами кухонных горшков и котлов, тесто черепка с примесью дресвы и шамота. Кроме глиняной посуды на полу помещения 2 были найдены фрагменты венчиков стеклянных сосудов - кувшинчиков и донца стеклянных сосудов. На полу помещения 2 также были найдены фрагменты каменной зернотерки 17x12x7 см. Кроме того, на полу помещения были найдены 4 астрагала, круглая керамическая фишка (диаметр 3 см).

Помещение 3 изолировано от двух первых и не соединяется с ними проходом, однако его размеры (4,50x2,70 м) аналогичны размерам предшествующих помещений. Северная стена является общей для 3 и 4 помещений, сохранившаяся ее протяженность 4 м, ширина 2,20 м, сохранность по высоте 1,50 м, сложена она также из блоков пахсы. В северо-восточном углу имеется проход шириной 1,30 м, через который можно попасть в 3 помещение, причем в отличие от прохода в 1 помещении, здесь имеется порог, сложенный из одного ряда сырцовых кирпичей размером 38-

40x20x7-8 см, положенных ложком друг к другу и внешнего ряда, сложенного из целого и битого жженного кирпича размером 30x16x5-6 см, ширина порога 0,70 м, высота 0,15 м. Восточная стена, протяженностью 7 м и шириной 1,50 м, также сложена из блоков пахсы и пристроена вплотную к южной, но не имеет с ней связи, максимальная поверхность ее по высоте 2 м. Южная стена протяженностью 2,70 м и шириной 1 м. Максимальная сохранность ее по высоте 1 м, также сложена из блоков пахсы 50-60x70-80 см, внешняя грань ее сильно разрушена.

Западная стена также из блоков пахсы, протяженность ее 3,60 м, ширина 1,50 м, сохранность по высоте 1,20 м. Она также, как и восточная стена пристроена впритык к южной и не имеет с ней связи. В северо-западном углу помещения имеется второй проход шириной 0,85 м, соединяющий третье помещение с четвертым. Пол 3 помещения расположен несколько ниже пола двух предыдущих, на уровне 15 см VII яруса и представляет собой плотно утрамбованную землю. На полу 3 помещения, как и в 1 и 2 помещениях имеются сложные плотные отложения надувного песка мощностью 10-15 см. Заполнение помещения также состоит из упавших блоков пахсовой стены и обломков целых сырцовых кирпичей размером 38-40x20x7-8 см от рухнувшего сводчатого перекрытия. Из находок на полу отмечено

лишь несколько, не дающих форм, фрагментов неглазурованной керамики, а также обломки жженного кирпича.

Помещение 4 сохранилось не полностью, большая его часть смыта оврагом, сохранилась лишь восточная стена, отделявшая его от 3 помещения, протяженность ее 3,60 м, ширина 1,50 м, сохранность по высоте 0,30 м. Сохранилась также часть северной стены, являвшаяся общей для двух помещений. Можно предположить, что размеры этого помещения аналогичны размерам трех предыдущих. Пол четвертого помещения находился на одном уровне с полом 3-го (15 см VII яруса).

Находок на полу не зафиксировано. Лишь под полом, на уровне середины VII яруса, на краю обрыва у прохода в северо-восточном углу был расчищен сосуд с плоским основанием и покатыми стенками, слегка сужающимися к горловине, венчик прямой. Сосуд изнутри разделен перегородкой на две половины. В верхней части имеются четыре ручки, между ними налепы в виде вертикальных жгутиков. Сосуд лепной с примесью дресвы и шамота в тесте (рис. 3).

В свое время И.А. Ахраровым было высказано мнение о том, что этот сосуд мог быть использован как оссуарий. Но, к сожалению, сама форма сосуда и ее место нахождения опровергают это мнение. Во-первых, в сосуде не было останков человеческих костей; а во-вторых, сюда практически невозможно было поместить человеческие черепа, так как размеры ячеек, одной и другой, не позволяют этого.

В юго-восточном углу помещения был расчищен бадраб (диаметр - 0,70 м), до дна дойти не удалось (пройдено 9,5 м). С конца XXV яруса до середины XII яруса в бадрабе шло плотное заполнение, встречались обломки и целые жженные кирпичи, (30x16x5-6 см), а также битый сырцовый кирпич. Керамика встречалась редко, на уровне XIX яруса были выявлены: фрагменты венчика белфонной чаши полусферической формы, покрытой с бесцветной глазурью. Орнамент изнутри - широкие косые полосы, выполненные зеленой и желтой красками, промежутки между ними заполнены волнистой линией коричневого цвета (рис. 2:13) и фрагмент венчика чаши с зелено-желтой мраморовидной поливой и подглазурным процарапанным орнаментом (рис. 2:15). На уровне начала XVIII яруса найден фрагмент донца тарелки с бесцветной глазурью (рис. 2:14). На уровне конца XV яруса была выявлена археологически целая миска со следами орнамента, выполненного коричневой краской. С середины XII яруса до начала VII яруса шло рыхлое заполнение с примесью надувного песка, находок в

этих слоях не было.

С восточной стороны к внешней грани стены помещения 2 примыкает еще одно помещение (5), которое сохранилось очень плохо. Северная граница помещения прослежена на протяжении 3,70 м, причем край площадки выложен сырцовым кирпичом 38-40x20x7-8 см в один ряд, направление ее несколько не совпадает с направлением внешней грани северной стены сводчатых помещений, часть помещения смыта и проследить ее не удалось. С южной стороны помещения ограничивала пахсовая стена, сохранившаяся протяженность стены 1,50 м, ширина 1 м, максимальная сохранность по высоте 0,50 м. С западной стороны помещения было ограничено внешней гранью восточной стены сводчатых помещений (рис. 1). В полу имеется очаг-санда - 0,70x0,90 м, выложенный обломками и целым жженным кирпичом размерами 29-30x16x5-6 см, пол вокруг очага сильно обожжен, западнее и южнее очага-санда на полу также имеются следы обгорелости.

Итак, анализ археологических материалов дает основание судить о том, что рассматриваемый дом был довольно большой, двухэтажный и состоял из нескольких жилых комплексов. Хорошо сохранились мощные стены четырех помещений из пахсовых блоков, которые являются помещениями первого этажа. Все четыре помещения имели сводчатые перекрытия из сырцовых кирпичей, состоявшие из двух жилых комплексов с отдельными входами.

Аналогичные конструкции нижних этажей, широко представлены в раннесредневековой жи-

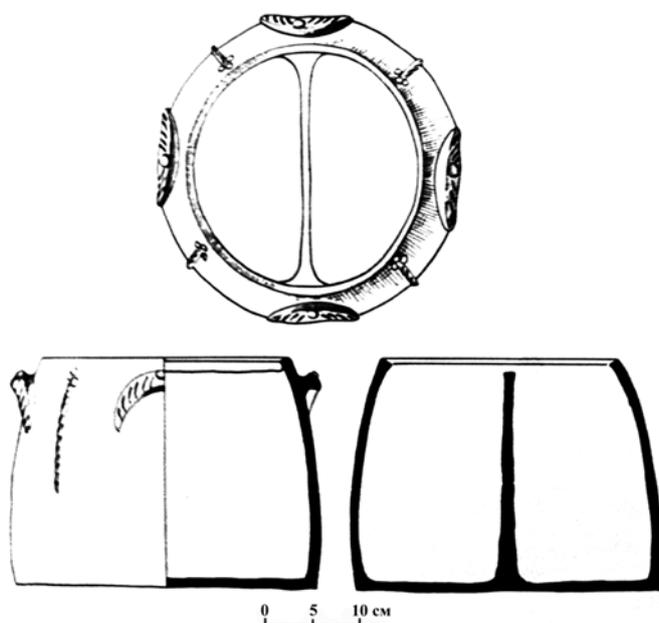

Рис. 3

лой архитектуре Средней Азии (Воронина, 1958; Беленицкий, 1973. С. 25-36; Нильсен, 1966; Распопова, 1990. С. 135-160). А в жилищах XI-XII вв., раскопанных в шахристане Ахсикета, такие архитектурные конструкции отсутствуют, так как они все были одноэтажными и имели плоское перекрытие (Анарбаев, 2006. С. 220-229). В это время, аналогичные архитектурные приемы применялись, в основном, в общественных сооружениях, в частности, при строительстве бань (Бернштам, 1940. С. 177-183; Большаков, 1973. С. 307-309; Байпаков, 1986. С. 141-147; Анарбаев, Ахраров, 1991. С. 173-183; Хмельницкий, 1999. С. 287-289).

Интересным оказался широкогорлый горшко-

образный сосуд из ячеек, который был установлен под полом помещения 4. Сосуд, по всей видимости, использовался в летнюю жару для хранения мясо-молочных продуктов. Аналогичный способ хранения мясо-молочных продуктов можно увидеть в этнографическом материале². Следует отметить, что парадная часть дома вместе со вторым этажом не сохранились. Но, несмотря на это, судя по стратиграфии и археологическому материалу, дом датируется IX-XI вв., т.е. он функционировал не менее двухсот лет. Дом принадлежал состоятельному человеку, о чем свидетельствует его архитектурно-планировочная структура и остатки росписи.

Сноски

1. Дневник, чертежи и фотографии по объекту были любезно переданы нам Х.Г. Ахунбабаевым, за что мы ему очень благодарны. Керамический материал был сдан И. Ахраровым в Наманганский областной музей. К сожалению, нам не удалось его обработать.
2. В 1960-х гг. в селе Карабагиш Мархаматского района Андижанской области и в селе Чекабад Араванского района Ошской области мне пришлось наблюдать аналогичный способ хранения мясо-молочных продуктов.

Использованная литература

- Анарбаев А.А. Средневековое жилище Ахсикента // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006.
- Анарбаев А.А., Ахраров И.А. Баня средневекового Ахсикента // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Воронина В.А. Архитектура древнего Пенджикента // МИА, № 66. М.-Л., 1958.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986.
- Беленицкий А.М. Город в VI - середине VIII вв. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бернштам А.Н. Баня средневекового Тараза и ее датировка // ТОВЭ. Т. 2.
- Большаков О.Г. Город в конце VIII – начале XIII вв. // Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966.
- Распопова В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990.
- Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками // Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин-Рига, 1992.

М.И. Филанович, С.Р. Ильясова, Л.С. Баратова

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БИНКАТА (ТАШКЕНТА)

Средневековый Бинкат, описанный арабскими историками и географами X века как столица Шаша (Чача) в свое время был отождествлен В.В. Бартольдом (Бартольд, 1965. С. 219) и М.Е. Массоном (Массон, 1954. С. 110) с городищем, которое читается в рельефе под застройкой «Старого города» Ташкента.

Это отождествление было признано в литературе и подтверждается результатами археологических исследований, проводимых много лет на его территории в связи со строительными работами в современном Ташкенте.

По описанию Ибн-Хаукаля, город включал в себя шахристан и цитадель, обведенных единой стеной, и два рабада – внутренний и внешний, каждый из которых также имел свою стену. Автор подчеркивает, что большинство базаров находилось в рабадах; через них протекали основные каналы, в изобилии снабжавшие водой город, который утопал в зелени (Бетгер, 1957. С. 23).

Наиболее крупный участок археологических исследований 1989 года располагался в западном внутреннем рабаде Бинката, что соответствует в современном рельефе участку городской застройки, снесенной при строительстве Крытого рынка. Целью работ являлось выявление археологических слоев, фиксация застройки и следов обживания средневекового рабада. На территории, прилегающей к строительной площадке Крытого рынка, была обследована площадь в 1,5 га, которая при строительстве понижалась на глубину до 4-5 метров, а грунт вывозился.

В результате работ было выявлено 32 бадраба, материал из которых позволяет определить как время заселения данной территории, так и интенсивность ее обживания на протяжении нескольких веков.

По времени функционирования, бадрабы можно разделить на три большие группы.

I группа – вторая половина IX-XI вв.;

II группа - XIV-XVI вв.;

III группа – XVII - XIX вв.

Также был собран подъемный материал, в основном, глазурованная керамика, датирующаяся по технологическим особенностям в пределах этих трех групп и включенная в описание вместе с материалами из бадрабов синхронного им времени.

Бадрабы I группы (13 бадрабов) представляют собой цилиндрические ямы диаметром 60–90

см, с сохранившейся высотой от дна – 1,70–2,35 м. Заполнение бадрабов составляла обычно рыхлая серо-зеленая земля с включением угольков, золы, керамики, костей животных, фрагментов металлических изделий и стекла. Основная масса керамики из бадрабов представлена типами глазурованной посуды. Неглазурованная керамика, в основном, кухонного и хозяйственного назначения.

Глазурованная керамика представлена типами кувшинов, чаш, тарелок и светильников-чирагов.

Чаши – самая многочисленная группа изделий, по форме двух типов:

I. Полусферической формы на плоском или слегка вогнутом дисковидном или кольцевом поддоне. Диаметр венчиков – 13-35 см, донца – 5-13 см, высота – 7-9 см¹. Обе стороны покрыты белым ангобом и бесцветной глазурью или целиком, или - на 2/3 сосуда - снаружи. Внутренняя поверхность покрыта по белому фону полихромной росписью (красный, черный, оливковый цвета).

II. Чаши с усеченно-коническим корпусом на кольцевом или дисковидном поддоне. Д.в. – 18-36 см; д.д. – 7-14 см; в. – 6,6-13 см.

По характеру орнаментации выделяются группы:

1). С росписью растительно-геометрического характера – это треугольники, ромбы в круге (рис. 1: 1); изображение шестиконечной звезды в круге, вокруг которого располагаются четыре граната, а между ними – полупальметты (рис. 1: 4), (Sugimura T., Sasaki T. et al, 1999. P. 45, fig. 5:4); сердечки, образованные 3 крапинами (рис. 1: 6); 5) переплетенные овалы (рис. 2:1). Композиции заканчиваются бордюрами по венчику чаш: зубчатым, из полосы с переплетающимися овалами; из ряда с z-образными завитками; «меандровый пояс». Все эти элементы характерны для орнаментации глазурованной посуды Бинката первой половины X века (Брусенко, 1986. Табл. 10, 3, 7, 16; табл. 23, 3, 8; табл. 33, 7).

На одной из чаш, имеется изображение мотива, который, по нашему мнению, был заимствован из декора керамики с щелочно-свинцово-оловянной глазурью. В центре этой чаши помещено изображение квадратной или ромбовидной фигуры, состоящей из параллельных штрихов и вписанной в круг. Незаштрихованное пространство внутри квадрата также образует круг, пересекающийся полоской псевдонадписи. Вокруг

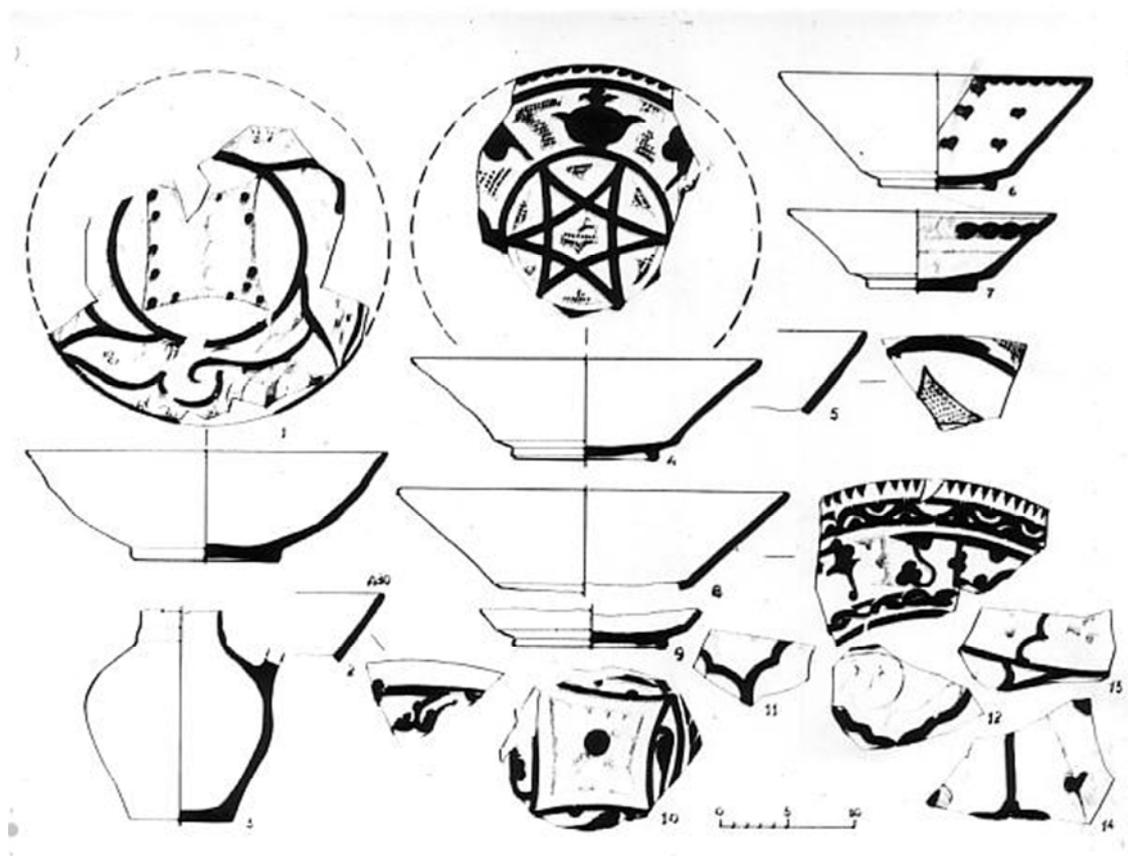

Рис. 1. Сводная таблица глазурованной керамики X в.

внешнего круга расположены крупные листья, повернутые в правую сторону. По всему полю разбросаны зеленые пятна (рис. 1: 1). Мы полагаем, что основа данной композиции восходит к более ранним образцам, представленным на ряде ташкентских сосудов с надглазурной росписью с щелочной глазурью (Древний Ташкент, 1973. С. 88, рис. 24; Брусенко, 1986. Табл. 25,14). Дальнейшее развитие композиции с вписанным в круг квадратом мы видим на фрагменте другой чаши (рис. 1: 10). На донце этого сосуда в круг помещены два четырехугольника с вогнутыми сторонами, вписанный один в другой.

Пространство внутреннего квадрата заполнено изображением цветка с четырьмя крупными лепестками; стороны внешнего квадрата, выполненного темно-коричневой краской, украшены полупальметтами и "узлами", типичными для X века.

В собранной коллекции выделяются две чаши XI в. с изображением цветочных «букетов».

Первая - тонкостенная чаша полусферической формы на кольцевом поддоне, покрытая с обеих сторон белым ангобом и бесцветной глазурью хорошего качества, внутри – роспись коричневой краской в виде двух букетов (рис. 4: 1). Прослеживая эволюцию этого мотива на чашечной керамике, Л.Г. Брусенко пришла к заключению, что

более ранние букеты представляют собой только цветочные розетки на тончайших стеблях; к середине X в. фон, на котором расположены цветы, плотно насыщается разнообразными элементами в виде остролистников, миндалевидных фигур, крапин и точек, а к концу X в. собственно цветочные розетки исчезают, сменяясь на крупные миндалевидные бутоны с процарапанным узором, при этом соединяются букеты не тонкой линией псевдонадписи, а небольшим узлом (Брусенко, 1986. С. 51, табл. 47). Наша чаша позволяет проследить выявленную Л.Г. Брусенко тенденцию в процессе ее развития: на чаше полусферической формы мы имеем два букета, составленных уже не из цветочных розеток, а исключительно из остролистников и миндалевидных бутонов, но соединенных, тем не менее, "тонкой линией псевдонадписи", то есть линией с точками (рис. 4: 1). Очевидно, что трансформация мотивов происходила постепенно, в ходе творческого поиска мастеров-керамистов.

Вторая чаша также имеет особенности: форма – с изломом профиля стенки корпуса. Внутри – роспись красным и коричневым цветами по белому ангобу. Элементы букета упрощенной формы в виде чередующихся веерообразных пучков, обычно характерных для оформления наружного

Рис. 2. Чаши

края чаш XI в. (Брусенко, 1986. С. 59). Глазурь окрашена в зеленоватый оттенок, причем, внутри и по краю снаружи - более интенсивного оттенка (рис. 2: 2). По мнению некоторых исследователей, недостаточное очищение глазурной массы от разных примесей придавало ей желтоватый или зеленоватый оттенок (Литвинский, Давидович, 1955. С.105). Окрашенность в зеленоватый цвет получалась и при незначительном попадании красителя в глазурь (Сайко, 1963. С. 27).

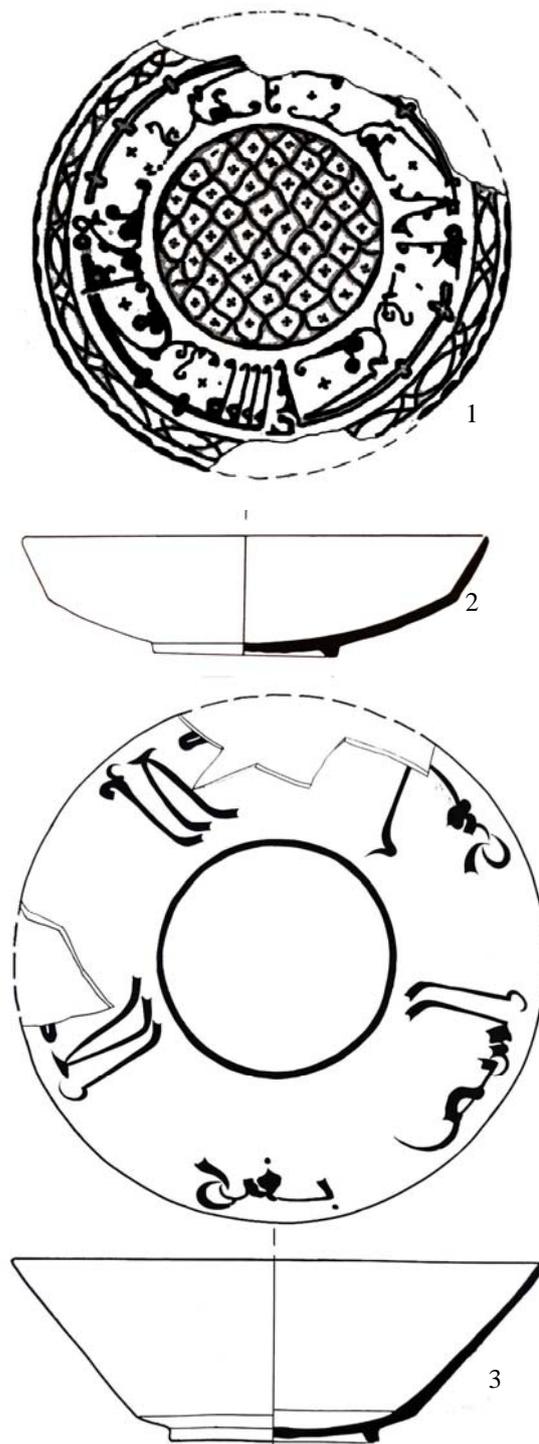

Рис. 3. Глазурованные чаши X в. с надписями

Ранее, на территории площади Джами была найдена археологически целая чаша полусферической формы с орнаментом в виде четырех букетов, также под поливой зеленоватого оттенка. Д.в.- 31 см, д.д. – 10 см, в. – 10,5 см. (рис. 2: 3). Чаша с аналогичными букетами из встроенных миндалевидных картушей, выполненных красным и черным цветом по белому ангобу под бесцветной глазурью была найдена на городище

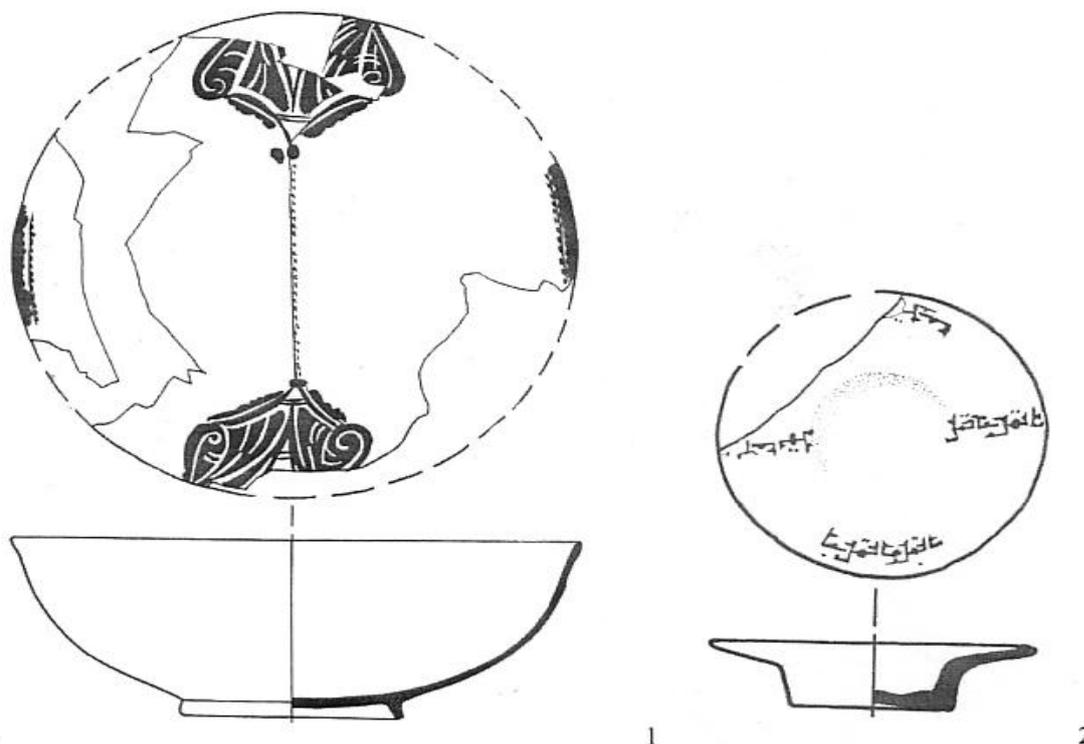

Рис. 4. Чаши X в.

Канка в слоях начала XI в. (Брусенко, Галиева, 1982, рис. 2, 9. С. 131). Такой же зеленоватой поливой покрыт фрагмент сосуда с псевдонадписью в виде тонкой полосы с мелкими беспорядочными штришками, располагавшимися по венчику сосуда.

2) Эпиграфический декор: это короткие куфические надписи, расположенные в центре чаш по белому фону; круговые надписи по корпусу чаш, обычно исполненные строгим куфи; надписи цветущим куфи; псевдонадписи, представляющие собой тонкую полоску с мелкими беспорядочными штришками, располагающимися по венчику сосуда непрерывным бордюром или поперек всей чаши, в сочетании с отдельными отрезками по краю чаш (рис. 5: 8, 19).

На двух чашах удалось полностью прочесть арабские надписи:

1. Чаша конической формы, целиком покрыта белым ангобом и бесцветной глазурью внутри и снаружи до поддона (рис. 3: 2). Д.в. – 34 см, д.д. – 12 см, в. – 12 см. Переход от дна к стенкам выделен темно-коричневой линией. Надпись выполнена темно-коричневой краской почерком керамического курсива, состоит из пяти слов, второе и третье сохранились не полностью: *Йуфараху 'л-адиби би'л-адиби кафарахи 'л-муриди* - перевод: "Радуется просвещенный просвещенному, как радуется больной...". Очевидна незавершенность фразы, в чем, по-видимому, отразилось же-

вание разместить на блюде именно пять слов. Это свидетельствует о том, что для писца элемент декоративности был, возможно, более важен, чем содержание написанного.

Смысл фразы не совсем ясен, можно предположить, что окончание предложения звучало примерно так: "... как радуется больной исцелению (или врачу)".

Единственная известная нам аналогия – это надпись на сосуде из Тегеранского музея, которая звучит так: *Лафараху 'л-адиби би'л-адиби кафарахи 'л-муриди би'л-муриди* - перевод: "Удовольствие (общения, встречи) просвещенного с другим просвещенным, подобна удовольствию (общения, встречи) ученика с другим учеником" (Ghouchani, 1986. С. 130, табл. 55). Возможно, содержание фразы могло варьироваться при сохранении общего смысла. Чаша из Нишапура датируется IX–X вв., чашу из Бинката можно датировать X в., возможно, его второй половиной (Ильясов, Ильясова, 2001. С. 22-23; табл. 1, 3).

2. Чаша с перегибом стенок, на кольцевом поддоне, полностью покрыта белым ангобом, бесцветная глазурь покрывает сосуд до дна (рис. 3: 1). Д.в. – 33 см, д.д. – 12,5 см, в. – 4,3 см. По венчику – зубчатая полоса, на вертикальной части бортика полоса узора из переплетающихся линий. Между этой полосой и центральной плетеной круговая надпись почерком цветущего куфи: *Ман касура каламуху касура сак, туху.*

Перевод: "Тот, кто много говорит, часто ошибается". Фон надписи украшен четырехлепестковыми розетками темно-коричневого и красного цвета. Детали букв в надписи и плетенки по борту выполнены техникой процарапывания по росписи.

Внутренняя поверхность расписана темно-коричневой краской – в центре круг диаметром около 16 см, разбитый неровными пересекающимися линиями на неправильные квадраты. Чаша датируется X в. (Ильясов, Ильясова, 2001. С. 23; табл. 1, 4).

Аналогичный афоризм имеется на фрагменте сосуда закрытой формы (альбарелло?), изнутри и снаружи покрытого белым ангобом. Снаружи бесцветная глазурь покрывает узор в виде двух полос оливкового цвета, между которыми темно-коричневой краской нанесена надпись почерком цветущего куфи: "... много говорит...". Использована техника процарапывания. Это, без сомнения, часть той же фразы, что и на предыдущем сосуде. Сосуд датируется X в. (Ильясов, Ильясова, 2001. С. 23-24, табл. 1, 5).

Надпись "Кто много говорит, часто ошибается" имеется на двух нишапурских чашах (одна хранится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, другая – в Национальном музее восточного искусства в Риме), а также на чаше из коллекции ас-Сабах, хранящейся в Кувейте. Этот афоризм приписывается пророку Мухаммаду, а также "праведным" халифам Умару ибн Ал-Хаттабу и Али ибн Аби-Талибу. В материалах Бинката он представлен на двух экземплярах. Таким образом, это второй по счету хадис, прочитанный на керамике Мавераннахра. Первый - "Скромность (точнее: стыдливость) – ветвь веры" был опубликован О.Г. Большаковым (Большаков, 1969. С. 42–47).

Кроме чаш, надпись из четырех букв, которые можно прочитать как слово "айкана" – "уверенность", расположена по бортику симметрично в четырех местах на миниатюрной тарелочке (рис. 4: 2; рис. 5: 16). Возможно, что это сильно усеченная форма одного из двух известных нам афоризмов, в которых фигурирует слово "уверенность", например, "Кто уверен в воздаянии, тот щедр в дарении".

Кувшины по форме тулова, горла разделяются на II типа:

Кувшины I-го типа - на плоском чуть вогнутом дисковидном поддоне, с грушевидным туловом и расширяющимся раструбом кверху горловиной, в месте перехода тулова к горловине - уплощенные в сечении две петлевидные ручки, расположенные симметрично. Сосуды покрыты с обеих сторон белым ангобом, по которому снару-

жи нанесена полихромная роспись (черным, красным, оливковым) под бесцветной блестящей прозрачной глазурью хорошего качества. Орнамент растительного (рис. 6: 2) или зооморфного характера (рис. 6: 3) (Алимова, Филанович и др., 2007. С. 26). Кувшин X в. с аналогичным орнаментом опубликован Л.Г. Брусенко (Брусенко, 1986. Табл. 30, 3).

Кувшины II-го типа – на плоском дне с грушевидным туловом, переходящим в узкое горло, с длинной лентовидной ручкой. Снаружи кувшин полностью покрыт темно-зеленой глазурью прямо по черепку. Место перехода к горловине украшено резными косыми насечками (рис. 1: 3). Интересен фрагмент стенки кувшина с покрытием внешней стороны черным ангобом, по которому проходят полосы, заполненные рядами крапин, бесцветная прозрачная глазурь покрывает обе стороны, внутреннюю – прямо по черепку. Кувшин с носиком-сливом представлен единственным экземпляром. По тулову в верхней части расположена надпись почерком цветущего куфи: **Баракатун ва ниъматун лисахибихи** – перевод: «Благословения и благоденствия владельцу сего» (рис. 6: 1).

Светильники-чираги, большинство из которых представлены фрагментарно, по форме тулова делятся на два типа: 1) – с полусферическим резервуаром, круглой ручкой и длинным прямым носиком, в. - 2,5 - 3,5 см, д. д. - 5,5-6 см (рис. 5: 14). Снаружи покрыты полихромной росписью, красно-коричневого и черного цветов по белому ангобу под бесцветной глазурью. Роспись в виде елочной штриховки, крапины в кольце точек; 2) с цилиндрическим резервуаром, петлевидной ручкой, с длинным носиком, в. 3-3,5 см, д. д. – 5-6 см. Чираги этого типа обычно полностью покрыты глазурью по коричневому ангобу. По аналогии с опубликованными материалами из Ташкента они датируются X в. (Брусенко, 1986. Табл. 10, 17; табл. 31, 9, 14).

Интересна находка двурожкового чирага на 3-х ножках (одна из них не сохранилась). Д. резервуара – 7 см, д.в. – 5 см, длина рожков – 6,5 см, высота резервуара – 4,5 см, ножек – 2,5 см. Основания ножек плоские, треугольные в сечении, с поперечной линией, и, вероятно, имитируют лапки животного. Чираг полностью покрыт белым ангобом, поверх которого с наружной стороны – геометрический орнамент; причем с одной стороны – это клетки с заполнением ячеек крестиками, места пересечений выделены черными крапинами; а с другой стороны - орнаментирован фигурами каплевидной формы с глазком в центре. Свободное пространство между ними заполнено мелкими черными точками (рис. 5: 17). Чираг очень

оригинален. Двурожковые чираги были найдены в Таразе (Сенигова, 1972. Табл. ХП, 27; Сенигова, 1968. С. 220, рис. 13, 1). Прототипом этого типа чирагов с несколькими рожками и ножками в виде лап животных являются металлические осветительные приборы, образцы которых были найдены в Таразе (Сенигова, 1968. С. 163-164).

Неглазуванная керамика представлена типами хозяйственной и кухонной посуды: кувшины, тагора, котлы, крышки, сковороды-жаровни, дастарханы, «чайники», симобкузача.

Кувшины узкогорлые с вытянутым грушевидным туловом, с длиной лентовидной, овальной в сечении ручкой, на плоском дне. Ручка прикреплена к венчику и к верхней части тулова, на одном из кувшинов место крепления ручки к венчику оформлено плоским подпрямоугольным налепом. Некоторые ручки украшены в месте ее наибольшего подъема налепом-пуговкой с углублением посередине. Диаметры венчиков – 6-10 см, донцев – 11,5-13 см, толщина стенок – 0,4-0,6 см. Некоторые из фрагментов кувшинов имеют снаружи потеки темно-коричневого ангоба, или орнаментированы рядом коротких врезных насечек, что характерно для керамики Бинката X - первой половины XI в. (Брусенко, 1986. Табл. 4, 19; табл. 12, 11).

Интересен кувшин с грушевидным туловом и с круглым в сечении носиком. Диаметр донца – 16 см, диаметр отверстия – 1 см. Внешняя сторона покрыта густым красно-коричневым ангобом. Горшки малочисленны, диаметр венчиков от 16 до 20 см, венчик подквадратный в сечении, тулово – вытянутое, на плоском дне. Изготовлены на гончарном круге, черепок красножгущийся, с

добавками мелкозернистого песка, обжиг ровный. Тагора с Т- или Г-образным в сечении венчиком, с корпусом в форме усеченного конуса, на плоском дне. Диаметры венчиков 35, 50-54 см; толщина стенок – 0,8-1-1,5 см. Изготовлены на гончарном круге, черепок красножгущийся, без видимых добавок, обжиг равномерный. Встречен экземпляр с двумя широкими (ширина 4,5 см) уплощенными ручками с двумя продольными желобками. Ранее они отмечены в слоях второй половины IX – первой половины X в. (Брусенко, 1986. Табл. 9, 11).

Крышки трех типов: 1. Плоские с волнистым бортом, изготовленные на гончарном круге, тесто светложгущееся, обжиг ровный. Д. – 22-25 см, толщина стенок – 1 см. На внешней поверхности крышек – орнамент из концентрических поясов с точками, выполненный острым предметом по сырой глине.

2. Дисквидные вогнутые крышки, д. – 20, 23, 25 см, толщиной стенок 0,5-0,8 см. 3. Полусферические (Д.-18,5 см) с грибовидной ручкой (д.-4 см). Иногда в центре ручки делалось воронкообразное углубление или просто вмятина. Аналогичные крышки найдены Л.Г. Брусенко в комплексе второй половины X в. – первой половины XI вв. (Брусенко, 1986. Табл. 12, 1, 2, 3, 13).

Котлы шаровидной формы с венчиком, с утолщением наружу. Изготовлены на гончарном круге, но есть и лепные. Черепок жаростойкий, с белыми вкраплениями, в основном красножгущийся, имеются единичные экземпляры светложгущихся и сероглиняных. Диаметры венчиков варьируют в пределах от 16 до 24 см; толщина стенок от 0,4 - 0,9 см. Котлы имеют скобовидные ручки с волнистым выступающим краем или налепы, имитирующие эти ручки, или просто горизонтальные налепы с волнистым краем (Брусенко, 1986. Табл. 12, 14).

Интересен фрагмент венчика от лепного котла (Д. – 20 см), который украшен двумя переплетающимися косичками-полосками, соединяющимися двумя круглыми налепами (наподобие защелки кошелька). Снаружи покрыт красным ангобом со следами лощения. Чайник представлен фрагментом стенки с носиком, круглым в сечении. Лепной, черепок с белыми вкраплениями, светложгущийся, диаметр носика – 2,5, отверстия – 1 см.

Симобкузача (сферокопусы) – сероглиняные, в основном во

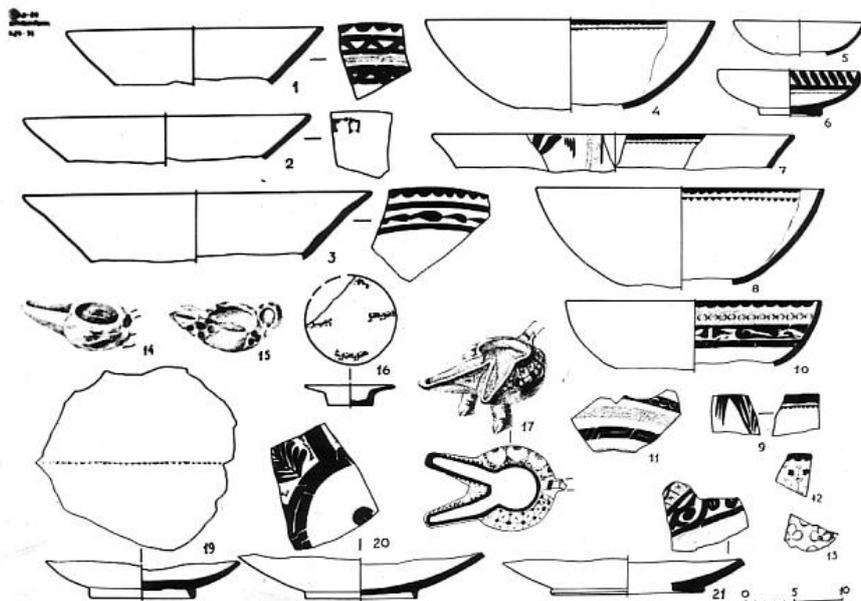

Рис. 5. Керамика с растительным и эпиграфическим декором X в.

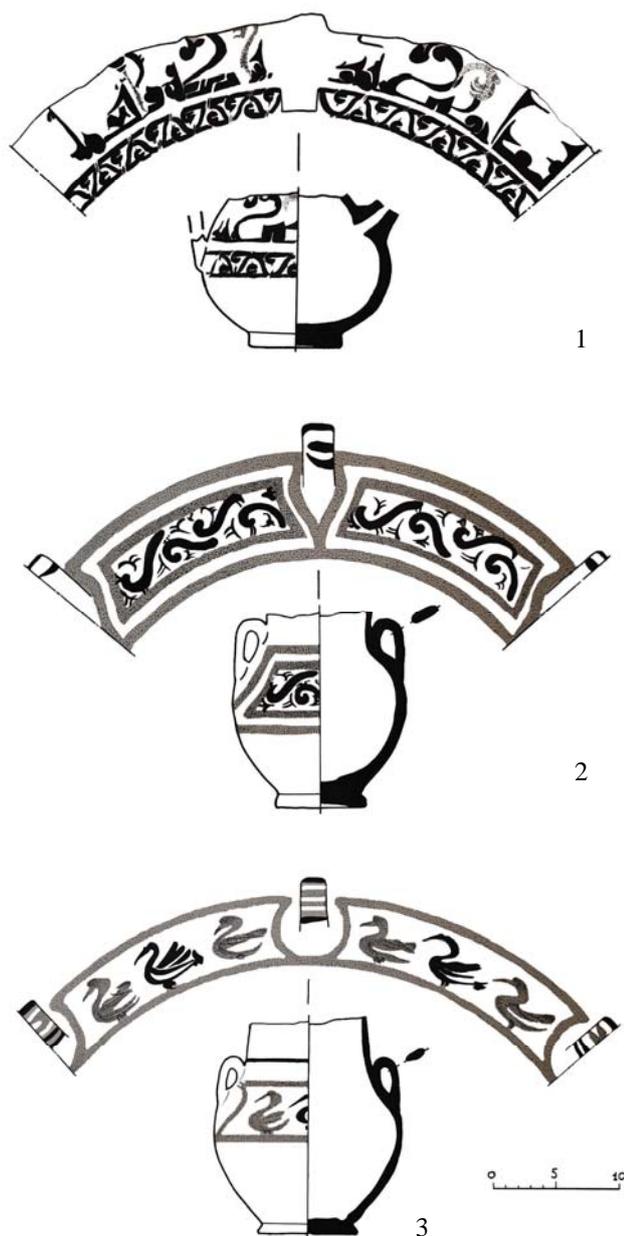

Рис. 6. Глазурованные кувшины X в. с эпиграфическим, растительным и зооморфным орнаментом

фрагментах. Высота целой – 10 см; диаметр горла – 2,5; диаметр отверстия – 0,7; толщина стенок в придонной части – 1,3 см. С одной стороны – уплощение сбоку. Есть несколько фрагментов, орнаментированных поясом из штампованных кружков.

Фрагмент ножки и столешницы дастархана (Д. столешницы – 60, ножки – 19-20 см, высота – 5,5 см). Черепок красножгущийся, обжиг ровный.

Сковорода-жаровня с прямыми стенками, черепок жаростойкий, с белыми вкраплениями добавок. Обжиг равномерный. Д.в. – 37, 40 см; д.д. – 30, 35 см; в. стенок – 12 см; толщина стенок – 0,8

см.

Стекло. Встречалось при работах довольно часто, обычно во фрагментах (донца, венчики, ручки и стенки от изделий), покрытых патиной. Цвет стекла обычно голубой, зелено-синий, белый, единичные находки из желтого, черного стекла. Толщина – 0,1-0,2 см

По имеющимся фрагментам удастся восстановить некоторые формы стеклянных изделий.

1. Маленькие кружки с круглой ручкой (сохранившаяся высота – 4,5 см; диаметр горла – 2 см).

2. Узкогорлые кувшины с длинной, круглой в сечении, ручкой, отходящей от венчика сосуда. В месте крепления ручки к венчику обычно наверх, каплевидное в разрезе.

3. Банкообразные сосуды с прямыми стенками и на вогнутом донце (д.в. – 10 см), с длинной ручкой, овальной в сечении.

4. Рюмки – на полем поддоне с удлиненным резервуаром, с расширяющимися кверху стенками (д. в. – 8 см; д.д. – 6 см).

Аналогичные стеклянные изделия встречены в Ахсикете, Бухаре, Канке (Папахристу, Ахраров, 1981. С. 90; Абдуллаев, 1981. С. 53; Брусенко, Галиева, 1982. С. 125, рис. 1).

Бадрабы II-ой группы представляют собой цилиндрические ямы диаметром 1-1,20 м. Расположены были по всей территории исследуемой площади, иногда рядом с бадрабами I-ой группы, иногда врезааясь в них. Заполнение ям составляла рыхлая земля зеленого, иногда серо-зеленого цвета с включением угольков, обломков жженого кирпича, костей животных, фрагментов железных изделий и керамики. Глазурованная керамика представлена типами столовой посуды. Это, в основном, чаши-коса с полусферическим корпусом на кольцевом или дисковидном поддоне. Все изготовлены на гончарном круге, черепок плотный, красножгущийся или светложгущийся, обжиг ровный. Д. в. от 15 до 27; д.д. – от 7 до 9,5 см, стенки более массивные, особенно в придонной части (от 0,7 до 1,2 см), в средней части – 0,4-0,6; у венчика – 0,3-0,4 см; высота чаш – 11-12 см. Чаши покрыты белым ангобом с внутренней и на 2/3 или до поддона с внешней стороны. По ангобу нанесена роспись, чаще всего монохромная (ярко-синей или голубой краской). Для группы с синей росписью характерно сочетание в орнаментации линейно-геометрических мотивов с растительными: внутри чаши в круге расположены шестиугольные или шестилучевые розетки с вписанными или вплетенными в них растительными завитками (рис. 7: 15, 16), по венчику-бордюру – в виде прямых полос или узкой полосы с растительными побегами. Снаружи чаши расписаны

полностью: по венчику – прямые полосы или орнаментальная полоса с растительными завитками; ниже – широкая полоса орнамента растительного характера, представляющая собой круги или овалы в окружении завитков и листьев; ряд из пересекающихся кругов или овалов с вписанными в них 3-лепестковыми фигурами в окружении завитков; иногда в круги вписывались занимающие всю площадь ромбы, с точками в центре и на сторонах. Над и под овалами – 2-х лепестковые фигуры (рис. 7: 10). Встречены фрагменты с росписью синей краской по белому фону ромбовидных фигур с усиками, отходящими от верхнего и нижнего углов ромба. Все пространство внутри ромба заполнено короткими волнистыми линиями. Очень эффектны чаши с кругом в центре донца и вписанным в него цветочным бутонем, на извилистом стебле с округленными листьями; наружная сторона вся расчерчена строенными прямыми на ромбы, внутреннее пространство которых заполнено (рис. 7: 2). Иногда в росписи применялась темно-коричневая или черная краска в сочетании с синей или бирюзовой. Мотивы орнаментации аналогичны вышеописанным. Разница лишь в том, что рисунок внутри чаш выполнялся двумя цветами: контуры рисунка даны более темным, а сами фигуры – более светлым, наружная сторона этих чаш – с монохромной росписью, обычно темно-коричневым или черным цветом, лишь по венчику чередуются полосы двух цветов. Глазурь бесцветная, сероватого оттенка, с цеком, покрывает чаши изнутри и на 2/3 сосуда снаружи.

Кроме чаш имеются фрагменты от тарелок двух типов:

1. Глубокие тарелки с корпусом в виде усеченного конуса и слегка отогнутым бортиком. Д. в. около 29 см, т.ст. в средней части – 0,8 см; в верхней – 0,5 см. Белый ангоб покрывает чашу изнутри и по бортику снаружи. Поверх ангоба – роспись синей краской. По бортику – пояс с волнистыми линиями и листьями, ограниченный с двух сторон спаренными прямыми; по корпусу – вертикально расположенный пояс из X-образных фигур с завитками. Глазурь бесцветная с цеком – с внутренней и по бортику – с наружной сторо-

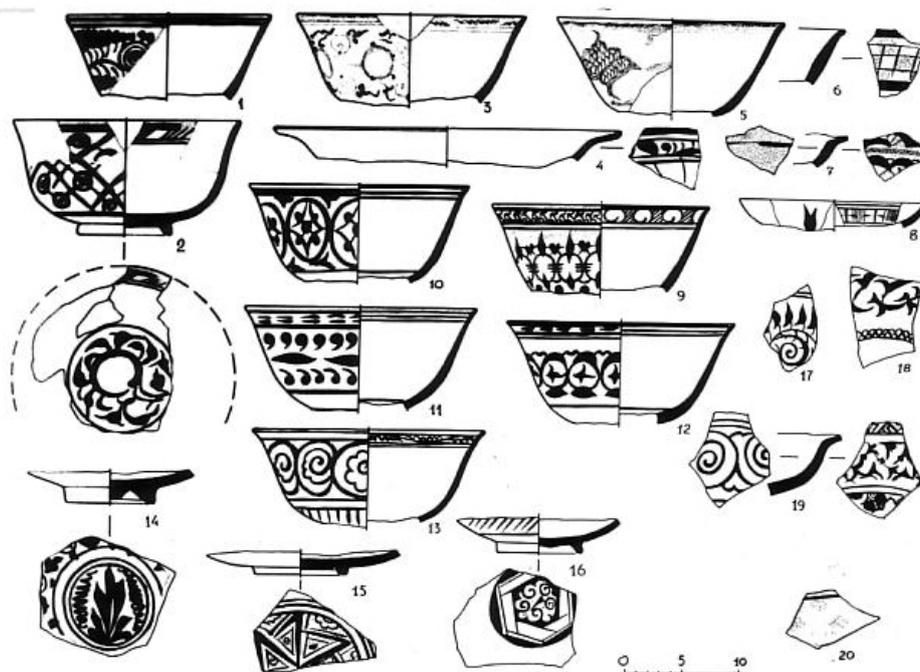

Рис. 7. Керамика XIV-XVI вв.

ны.

Мелкие тарелки с плавным переходом стенок в горизонтальный бортик. Обе стороны покрыты белым ангобом, по которому с 2-х сторон роспись синим цветом. Внутри – в центре круг с вписанными элементами растительного орнамента, выше пояс из треугольных веерообразных фигурок, по бортику – сетка с вписанными завитками. Снаружи – крупные спиралевидные завитки, поверх росписи – глазурь с цеком.

Ляганы. На кольцевом поддоне с полого отходящими от донца стенками. Д.д. – 9 см, д.в. – 27-32 см, в. – 3,5 см. Черепок плотный, красножгующийся. Внутри покрыт белым ангобом, по которому роспись ярко-синей и голубой красками растительно-геометрического характера: в центре круг с цветочным бутонем (?), вокруг которого широкая полоса ажурного рисунка из пересекающихся линий, полукругов, завитков. По бортику – полоса сильно стилизованного эпиграфического орнамента. Глазурь с цеком только с внутренней стороны чаши. Интересен фрагмент массивного лягана на плоском дне. Д. – 38 см, т.ст. в придонной части – 2,2 см. Внутри покрыт белым ангобом, по которому нанесена роспись светло-зеленой, красно-коричневой, темно-оливковой, черно-фиолетовой красками. Роспись растительного характера – на дне крупные трилистники в окружении завитков, точек и звездочек, выше – две полосы с цепочкой «перлов», по бортику – трилистники с завитками и листьями. Глазурь бесцветная, хорошего качества только с внутренней стороны. По элементам орнаментации и технологическим качествам этот ляган не

характерен для керамики Средней Азии XV- XVI вв., и, по-видимому, привозной.

Из глазурованных сосудов закрытой формы найдены лишь массивные донца (д. 8-9 см), плоские, покрытые глазурью с фиолетовым или зеленоватым оттенком с внутренней стороны. Из археологически целых сосудов можно выделить кувшины с подквадратным в сечении венчиком (Д. 13-14 см), с прямым горлом. С двух сторон покрыт грязно-зеленой глазурью.

Тагора – с подквадратным в сечении венчиком, отогнутым наружу. Д.в. 46-58 см, т.ст. - 1,1-1,5 см. Внутренняя поверхность покрыта белым ангобом и бирюзовой глазурью с перламутровым отливом. Горшки с овальным в сечении венчиком, отогнутым наружу, с вытянутым туловом на плоском дне. Д.в. 9 см; д.д. 11 см. Тесто серое с белыми вкраплениями.

Тувак (Д.в. 15 см; д.д. 8 см) внутри покрыт глазурью грязно-желтого цвета.

В целом комплекс керамики аналогичен синхронным комплексам из памятников Самарканда (Бурякова, Буряков, 1973. С. 185, 203) и Отрара (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981. Табл. 59, 63).

Бадрабы III-ей группы имеют диаметр от 1,2 до 1,5 м. Заполнение рыхлой землей серо-черного цвета с включением керамики, в основном, глазурованной, костей животных, кусочков железа и битого жженого кирпича.

Глазурованная керамика представлена чашами двух типов (с усеченно-коническим и полусферическим корпусом), тарелками, ляганями и сосудами закрытой формы (кувшины, горшки, тувачи). Для всех типов глазурованной посуды характерны утяжеленность форм, огрубление, небрежность исполнения росписи. Чаши – д.в. 22, 26, 27 см. Иногда на широком кольцевом поддоне – д.д. 7 см. По цвету поливы, цветовой гамме росписи, характеру орнаментации глазурованная посуда делится на следующие группы:

Керамика с бесцветной поливой: это керамика с росписью бирюзовой и марганцево-черной красками по белому ангобу, чаще всего с двух сторон. Роспись растительно-геометрического характера. Среди основных ее элементов - стилизованные листья, побеги, ветви. Для донцев характерны розетки, с вписанным в них цветочным бутоном или просто кругом. По венчику располагались горизонтальные пояски геометрического орнамента. Встречается роспись, где преобладают геометрические мотивы: сетка, ячейки которой могут быть пустыми, или заполненными точками или растительными завитками; 4-лепестковая фигура; завитки; спирали: центрическая композиция в виде 2 или 3 поясов во-

круг центральной розетки. Для этой группы керамики особенно характерна орнаментация «кляксами». Наружная роспись выполнена теми же цветами, что и внутренняя, в основном, в сочетании растительных и геометрических элементов. Есть чаши под бесцветной глазурью с процарапанным до ангоба рисунком геометрического характера. В росписи применялись также и другие цвета – бирюзовый, фиолетовый, голубой, светло-зеленый. Характерны чаши с росписью разводами зеленой и желтой красками по белому фону.

Керамика с голубой или зеленой поливой, представлена сосудами закрытой формы. Неглазурованная керамика представлена горшками, кувшинами, крышками, фрагментами хумов, котлами. Горшки широкогорлые с овальным в сечении венчиком, невысоким горлом, переходящим в яйцевидное тулово, черепок красножгущийся с добавками белых вкраплений. Д.в. 18 см, т. ст. 0,5-0,7 см. Ручки - уплощенные, лентовидные, прикреплены к венчику и верхней части тулова.

Кувшины узкогорлые (д.в. 5,4-8 см); красножгущийся черепок, обжиг ровный. Интересен фрагмент от сосуда с вытянутым туловом на плоском дне и с носиком в средней части тулова. Д.д. 16 см, диаметр отверстия носика 1 см.

Снаружи сосуд покрыт густым красно-коричневым ангобом. Ручки полусферические (длина - 18,5 см) с грибовидной ручкой (д. 4 см).

Хумы с подтреугольным в сечении венчиком - валиком наружу. Д. 44 см, толщина стенок – 1,8 см. Снаружи - потеки красного ангоба.

Котлы с Т-образным венчиком, отогнутым наружу. Д.в. 20-24 см, т. ст. – 0,9 см. Черепок красножгущийся, с большим количеством белых вкраплений. На внешней стороне – скобообразная ручка или налп, имитирующей ее.

Керамика из бадрабов III-ей группы находит широкие аналогии в материалах позднесредневековых памятников Средней Азии (Бурякова, Буряков, 1973. С. 189; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981. С. 162-166). Кроме керамики в бадрабах III-ей группы встречены стеклянные изделия (маленькие бутылочки) и фрагменты фарфоровой посуды 19 в. фабрики Кузнецова.

Ташкентским археологическим отрядом в 1989 г. осуществлялся также надзор на территории котлована под «Дом колхозника», в зоне строительства Крытого рынка.

Археологическими работами здесь было зафиксировано 6 бадрабов, относящихся к XIV-XVI вв. (бадрабы № 33, 36, 37, 38); и к XVII-XIX вв. (бадрабы № 34, 35).

Бадрабы были обнаружены, в основном, в северном срезе котлована, и на территории к северу

от купольного здания, строящегося в то время Крытого рынка.

Диаметры бадрабов 1,2-1,5 м. Заполнение составляла земля темно-зеленого и черного цветов, рыхлая, с включением керамики, костей животных, обломков жженого кирпича, расслоившегося листового железа, стеклянных изделий и фрагментов фарфоровой посуды фабрики Кузнецова.

Комплексы керамики XIV-XVI вв. и XVII-XIX вв. аналогичны синхронным комплексам из бадрабов, обнаруженных на первом участке. Кроме описанных бадрабов, на данной территории были зафиксированы следы производственной деятельности. К востоку от купольного здания на расстоянии около 150 метров, была зафиксирована яма, разрушенная экскаватором. Заполнение составляла рыхлая черная земля с большим количеством угольков, пепла и кусками шлаков, состоящих из бронзы или меди с вкраплениями угольков от сгоревшего дерева. В этом же заполнении были найдены несколько фрагментов стенок глазурованной посуды, позволяющих датировать содержимое ямы XV-XVII вв.

В западном срезе котлована была обнаружена топочная камера кирпичеобжигательной печи.

Верхняя граница стенок камеры находится на глубине 1,5 метра от современной поверхности.

Был зачищен лаз в топочную камеру (90 см), толщина прокаленных стенок – 12-25 см. Южная стенка топочной камеры прямая, в направлении на запад прослежена на 1,99 м, затем закругляется. Вторая стена от топочной камеры идет по кругу. У основания стены расчищены устои, сложенные из кирпича размером 30x30x7 см, скрепленные глиняным раствором, длина основания 1-го устоя – 46 см, длина верхней площадки – 48 см, ширина у стены - 36 см, суживается до 32 см. Второй устой находится на расстоянии 75 см от первого и имеет размеры: длина основания – 45 см, верхней площадки – 48 см, ширина – 35 см, высота устоев 73-75 см. Диаметр топочной камеры (расстояние между стенками) – 3,95 м, высота 2,2 м. Камера плотно забита не до конца обожженными кирпичами размером 21x21x4; 21x15x4 см, оказавшимися в ней в результате обвала пода обжигательной камеры, после чего и была заброшена печь. Никакого археологического материала в самой печи обнаружено не было, к северу от печи отмечен участок земли темно-зеленого цвета, плотной, с вкраплениями ржавчины, без четких границ.

К югу от печи был расчищен бадраб с заполнением рыхлой землей черного цвета с керами-

кой XVII в. Вероятно, и время функционирования самой печи можно отнести к этому периоду.

Таким образом, исследования показали, что участок рабада, располагавшийся к западу от шахристана Бинката, был наиболее плотно обжитой территорией внутреннего рабада, как и некогда выделенный участок к югу от шахристана на противоположном берегу сбросного арыка Чорсу, служившего рвом перед стеной шахристана и отделявшего его от рабада. С западной стороны такого рва не прослежено, но здесь из шахристана выходил арык Регистан, прорезавший и питавший его. Его древнее русло зафиксировано ранее (в 1968 году) в квартале

Калляхана, также интенсивно обжитом в IX-X вв. и непосредственно примыкавшем к западной стене шахристана. Площадь, исследованная в 1989 году, смыкается с этим кварталом, хотя сейчас его уже нет и рельеф в процессе стройки и прокладки линии метро изменен до неузнаваемости.

Исследованные бадрабы показали, что эта территория начала обживаться с начала IX в. и в X-XI вв. и была компактно заселена, причем выделяется ее ремесленная направленность, что было открыто и ранее в Калляхона.

Далее на запад простирается квартал пока нетронутой старгородской застройки до арыка Джар, а его заглубленный и широкий каньон, условно, был некоей естественной границей и, возможно, над ним проходила стена рабада. Вопрос, требующий дальнейшего решения: была ли застройка территории рабада до обводной стены столь же интенсивной, как и на участке, прилегавшем к шахристану?

Некоторые исследования траншей и котлованов непосредственно у каньона Джарарыка пока не дали материалов времени Бинката.

Работы на западном участке рабада показали отсутствие материалов XII-XIII вв., т.е. они еще раз подтвердили выявленную ранее закономерность, когда материалов конца XII-XIII вв. нет совсем, а керамика середины XII в. встречается реже и не везде, т.е. часть территории городских рабадов забрасывается в это время. Имеется ряд политических причин вполне объясняющих эту закономерность. Работы показали также, что территория западного рабада была вновь интенсивно обжита в XV-XVI вв. Наблюдения 1989 года дополняют данные уже собранных материалов, анализ которых позволяет сделать ряд выводов о развитии города на протяжении многих веков, начиная с IX в.

Сноски

1. Далее в тексте приняты сокращения при описании размеров сосудов.
1. В наблюдениях на строительной площадке также принимала участие археолог Э.Ф. Вульферт.
2. Чтение и интерпретация надписей выполнены Дж.Я. Ильясовым.

Использованная литература

- Абдуллаев К. Стекланные изделия X-XII вв. из Бухары // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Б.И. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.
- Алимова Д., Филанович М., Хакимов А. и др. Ташкент – жемчужина исламской культуры. Ташкент, «Ўзбекистон», 2007.
- Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. т. III. М., 1965.
- Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль-Касыма ибн Хаукаля // ТСАГУ. Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957.
- Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. (V) // Эпиграфика Востока. Вып. XIX. М.–Л., 1969.
- Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII веков. Ташкент, 1986.
- Брусенко Л.Г., Галиева З. Керамика X-XII вв. городища Канка // ИМКУ. Вып.15. Ташкент, 1980.
- Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда в 1969-1971 гг. // «Афрасиаб». Вып. II. Ташкент, 1973
- Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище былого Самарканда. Ташкент, 1926.
- Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
- Ильясов Дж.Я., Ильясова С.Р. Арабские надписи на глазурованной керамике Мавераннахра IX–X вв. // Эпиграфика Востока. Вып. 26. М., 2001.
- Литвинский Б.А., Давидович Е.А. Археологический очерк Исфаринского района // Труды АН Тадж. ССР. Т. XXXV. Душанбе, 1955.
- Массон М.Е. Прошлое Ташкента. ИА АН УзССР. Ташкент, 1954, №2.
- Папахристу О.А., Ахраров И. Стекло из раскопа в арке домонгольского городища Ахсыкет // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
- Сайко Э.В. Глазури керамики Средней Азии VIII-XII вв. (По материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы) // Труды АН Таджикской ССР, Т. XXXVI. Душанбе, 1963.
- Сенигова Т.Н. осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // Советская археология. М., 1968. № 1.
- Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Sugimura T., Sasaki T. et al. Islamic and Chinese Ceramics of Central Asia. Silk Roadology 7. Bulletin of the Research Center for Silk Roadology. Nara: The Nara International Foundation – Commemorating the Silk Road Exposition, 1999.

М.-Ш. Кдырнийзов, Б. Турганов, О. Кдырнийзов

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

Сведения о вооружении, в частности, о военном деле народов Средней Азии, отражены в письменных источниках и памятниках изобразительного искусства. На одной из античных фляг Хорезма изображен всадник с копьем наперевес (Койкрылган кала, 1967. С. 203, рис. 75, 3). В керамическом центре Южного Хорезма Хумбуз тепа обнаружена стенка парадной фляги с изображением всадника в пластинчатых доспехах на лошади (Мамбетуллаев, 1977. С. 30). Элементы Хорезмского вооружения и фортификации известны по памятникам искусства. Во дворце Топраккала в зале "темнокожих гвардейцев" изображены статуи воинов в железных чешуйчатых панцирях и щитами (Толстов, 1962. С. 213; Топраккала, 1984. С. 101-109). На памятнике ранне-средневековой торевтики Хорезма - Аниковском блюде реалистично воспроизведены воины-всадники с колчаном, мечом, копьем, луком, панцирем и щитом (Толстов, 1948а, табл. 86). Сведения о военном деле содержатся во многих письменных источниках средневековья. В частности, приводятся факты о "манджаниках" (машины метательной артиллерии), "ядрах" (из тутового дерева и камня), "джамалун" (охранная навес-башня), "аррада" (катапульта) и "тир-чарх" (самострелы) (МИТТ, 1938. Т. I. С. 473, 475, 487, 515). В источниках среди предметов вооружения часто упоминаются атрибуты дистанционного (лук, стрела), ближнего боя (меч, сабли, копья), из средств защиты - щит, шлем, кольчуги. Все эти предметы вооружения и военного дела относятся к античной и средневековой эпохе.

Ценные сведения по военному делу Хорезма содержат письменные источники, начиная с раннего средневековья. Источники X века «единодушно рисуют хорезмийцев не только как смелых путешественников и купцов, но и как неустрашимых и закаленных в боях воинов, успешно сражающихся с соседями – тюрками-огузами». В частности, ал Истахри (930-933) пишет: «Они, храбро воюют с гузами и недоступны для них». Его сведения дополняются данными ал Мукадаси (985-1000), который отмечает: «они, люди гостеприимные, храбрые, крепкие в бою...». «Люди его – борцы за веру и воинственны», - пишет автор «Худуд аль-Алем» (X в.) о жителях столицы хорезмшахов - Мамунидов Кята (МИТТ. Т. I. С. 180, 185, 216).

Военное дело и вооружение хорезмийцев развивалось в тесной связи с окружающими кочевы-

ми племенами и народами, чему немало способствовало его географическое положение. С момента возникновения в стране орошаемого земледелия начинают фиксироваться нападения, грабительские набеги и широкие завоевательные походы кочевников. Это особенно усилилось в средние века. По определению первооткрывателя хорезмской цивилизации С.П. Толстова (1907-1976) «война с огузами – это явление повседневного быта хорезмийцев, с X века закрепляется традиционными обычаями и даже обрядами». Абу Райхан Беруни (973-1050) описывает хорезмийский «праздник Фагбурия - выход царя, справляющийся с наступлением осенних холодов, когда царь Хорезма выступал из своей резиденции на традиционную зимнюю кампанию против огузов, отбрасывая их от своих границ» (Толстов, 1948б. С. 244). Кроме того, Хорезм часто подвергался нападениям соседних государств. Эти факты явно свидетельствуют о безусловных причинах, способствующих развитию военного дела и предметов вооружения в средневековом Хорезме.

По мере возрастания опасности со стороны кочевников и иноземных походов, вооружение, военное искусство, военизация различных сторон государственного устройства и общественной жизни становятся объектом усовершенствования во многих оседло-земледельческих государствах. Можно сказать, что развитие вооружения и военного искусства в Хорезме, граничащем с кочевой степью, находилось в тесном взаимодействии и во многом определялось характером военного противостоянияномадам. Города Великих Хорезмшахов (1097-1231) до и после появления в Средней Азии монголов часто оказывались под воздействием агрессии кочевников. Однако военное дело, уровень развития фортификации в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов, способствовали активному сопротивлению завоевателям, что видно на примере сопротивления хорезмийцев во главе с последним хорезмшахом, султаном Жалаладдином Мангуберди (1220-1231). Следовательно, хорезмийский комплекс вооружений в малоизмененном виде был представлен и в XIII-XIV вв. Этот факт убедительно демонстрируется находками предметов вооружения на памятниках до и послемонгольского времени.

Расцвет военного дела средневекового Хорезма приходится на XI - начало XIII вв. В этот период армия Хорезмшахов-Ануштегинидов была

хорошо обучена, вооружена разнообразным оружием и опытна в боевых действиях. Этому способствовали долгая борьба за независимость, а потом и изнурительные, жестокие войны за расширение границы государства. Хорезмийцы, совершенствуя свое военное мастерство, получили новые виды вооружения в завоеванных странах. Кроме обычного оружия – мечей, копий, луков и стрел, палиц и пик - на вооружении войск хорезмшахов имелись катапульты (манджаник), осадные машины (даббабат), «черепахи», т.е. подвижные башни (матарис), тараны (джама-лукал) и штурмовые лестницы (салалим) (МИТТ. Т. I. С. 473, 475; Буниятов, 1986. С. 91). По мере усиления борьбы при неоднократных вторжениях в границы Приаралья кочевников и военных походов за новые территории, Хорезмшахи ввели в государстве систему всеобщего обязательного обучения населения военным знаниям. Все это привело к военизации общества, где его жители являлись не только «воинственными, храбрыми и крепкими в бою», но и искусными ремесленниками - оружейниками.

Закарийа ал-Казвини (XIII в.) пишет о столице государства Хорезма Гургандже: «Это огромный город с многочисленным населением, и все его жители являются воинами, даже зеленчики, мясники, пекари и ткачи. Говорят, что Султан Мухаммед ибн Текеш (1172-1200) укрылся в городе, когда кара-хитаи (каратели императрицы Чэн-Тянь (1164-1177) в одной из битв разгромили его войска. Султан бежал от них с малым числом людей. В город он вошел ночью, чтобы никто не заметил, что у него очень мало воинов. А когда наступило утро, он выехал из города в сопровождении 30 тысяч всадников, с которыми пошел на врага» (Буниятов, 1986. С. 88). Тот же ал-Казвини пишет, что «жители Гурганджа искусные ремесленники, особенно кузнецы». Несомненно, среди них были и оружейники. Следующий автор, упоминая о Хазараспе, одной из наиболее мощных крепостей средневекового Хорезма, отмечал, что «ее обитатели рождены под звездой сражений, вскормлены молоком копий и мечей» (Буниятов, 1986. С. 88).

Недостаток информации в письменных источниках о предметах вооружения и военного дела в средневековом Хорезме, в определенной мере восполняется за счет изучения археологических находок и их аналогии среди памятников кочевых племен и народов Евразии, достигших определенного уровня развития в изучаемую эпоху. Для освещения материалов нашей темы выбран комплекс железных предметов вооружения из памятников Хорезма от VIII-X до XIV вв. Накопленный материал из раскопок (за исключением

древних видов вооружения) (Мамбетуллаев, 2003. С. 21-31), проведенных в различные годы в Хорезме, не систематизирован и не обобщен. Исследования в этом направлении важны не только для изучения вооружения средневекового Хорезма, но и для среднеазиатского военного дела в целом. Использованные нами в данной работе предметы вооружения извлечены из археологических объектов в ходе полевых работ, некоторые из них опубликованы в печати в качестве отчетного иллюстративного материала. Многие из них хранятся в музейных собраниях (Каракалпакский государственный музей искусства им. И.В. Савицкого, Краеведческий музей Республики Каракалпакстан, Национальный музей им. Бердаха. Нукус). Из-за коррозии предметов, намеренно не затрагиваем вопроса технологии изготовления предметов вооружения.

Лук. Оружие дистанционного боя - луки в памятниках Хорезма (кроме античных) найдены в сильно деформированном, фрагментированном виде, вследствие чего трудно сделать заключение об их конструктивных особенностях. Однако, по материалам античных, раннесредневековых и периферийных памятников XII-XIV вв. Хорезма, можно предположить, что в употреблении были сложносоставные луки, от которых сохранились костяные накладки. Они известны по погребению в кургане 2 стреловидной планировки Жарынкудык-14 (Ягодин, 1991. С. 154). Детали этого сложносоставного лука, состоящие из боковых дуговидно-изогнутых пластин (срединная боковая часть), по мнению исследователя В.Н. Ягодина относятся к срединным накладкам II типа по классификации Г.А. Федоров-Давыдова и к III типу кимакских луков (Федоров-Давыдов, 1966. С. 25; Худяков, 1986. С. 181; Ягодин, 1991. С. 154).

В Хорезме сложносоставной лук, очевидно, сложился в раннеантичное время (I в. до н.э. - I в. н.э.), в связи с развитием и распространением тяжелых железных доспехов. Наличие сложносоставных луков в Хорезме археологически отмечено при раскопках дворцового комплекса позднеантичного времени в Топрак-кале. Здесь найдены фрагменты четырех луков, один из которых почти целый. Луки сложные, укреплены костяными накладками, около 160 см в длину (Толстов, 1952. С. 32-35, рис. 20-22; Топрак кала, 1986. С. 216-218, рис. 88, 89). Кроме того, много заготовок для изготовления луков из оленьего рога найдено в античных городах-крепостях Хорезма, таких как Койкрылган-кала (1967. С. 136-137, рис. 54, 1, 3), Куны-Уаз, Капарас (Коляков, 1979. С. 48) и средневековых городищах Куюк-кала (Мамбетуллаев, 2007. С. 33-43) и Кят (XIII-

XIV вв.).

В средневековую эпоху, в отличие от простого метательного оружия, большое распространение получили сложносоставные луки. Возможно, именно их часто упоминают в анналах. По данным ранне-средневековых армянской и арабской историко-географической литературы, из Хорезма вывозили «замечательные луки». Об этом сообщает Мовсес Хоренаций (Моисей Хоренский - VIII в.) (Толстов, 1948а. С. 224; Тер-Мкртичан, 1979. С. 44). Ал-Макдиси свидетельствует, что в Хорезме изготовлялись «луки, которые могут натянуть только самые сильные люди» (МИТТ, т. I. С. 202; Толстов, 1948б. С. 242). Другой средневековый источник, автор «Худуд ал-Алам» сообщает о жителях Ургенча: «Население его славится воинственностью и искусством метать стрелы» (МИТТ, т. I. С. 217). Лук был непременной принадлежностью вооружения не только рядового воина, но и полководца. В бою лук держался вертикально, натягивался по «монгольскому» способу - большим пальцем, для чего на палец надевалось специальное костяное кольцо (рис. 1. 8-9).

Согласно письменным источникам, хорезмийцы не только изготовляли, но и вели торговлю оружием не только внутри области, но и с кочевой степью, ближайшими странами. По сведению Ал-Макдиси, в числе ассортимента товаров, вывозимых из Хорезма, числятся и луки (МИТТ, т. I. С. 202). Кроме того, есть сообщения Антонио Дженкинсона (1558 г.), где он пишет об "изготовлении в Хорезме мечей, луков и стрел, а также о старых традициях оружейных ремесел" (Дженкинсон, 1938. С. 178). Другой источник, относящийся к первой четверти XVIII в., так же свидетельствует о существовании в Хорезме предметов вооружения архаического типа: «А ружье у них было, пищали, и сайдаки, и копыя, а пушек не было» (Жаббаров, 1971. С. 80).

Развитие лука происходило во взаимосвязи с эволюцией стрел и тактикой применения ручного метательного оружия в конном строю.

Наконечники стрел. Это единственный вид вооружения, являющийся довольно массовым материалом при раскопках Хорезмийских памятников. По форме их можно разделить на несколько типов.

I тип. Трехлопастные ассиметрично-ромбические. Такие наконечники стрел найдены на памятниках VII-IX вв. в Беркуткалинском оазисе и

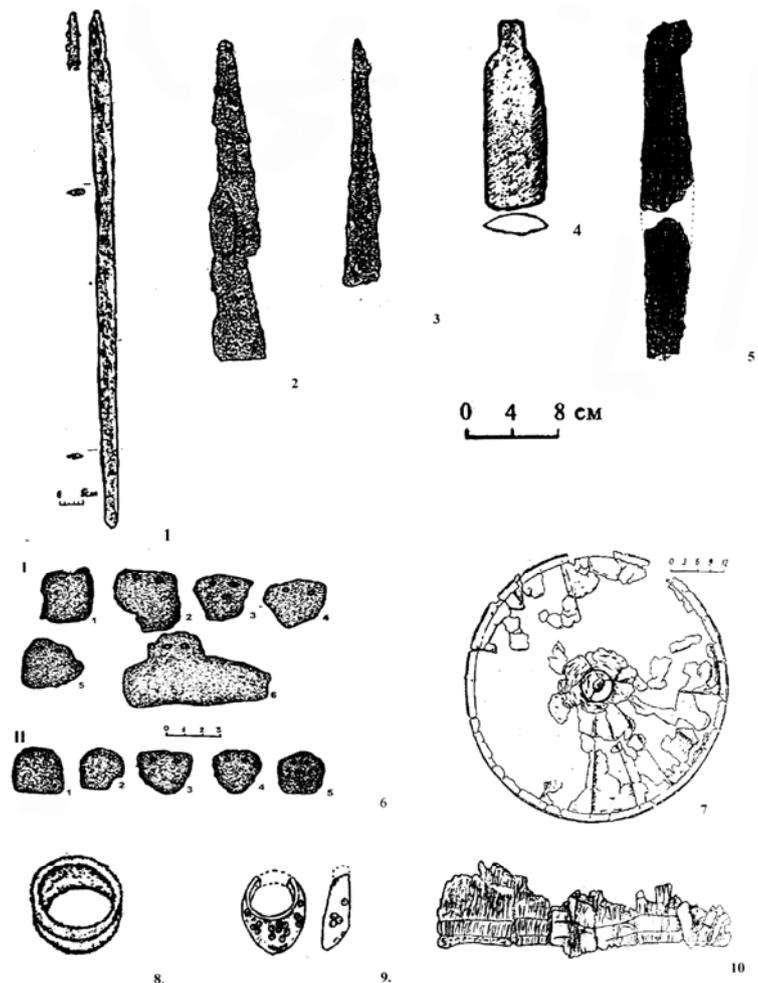

Рис. 1. Вооружение средневекового Хорезма. 1, 10 - Палаши. Колчан берестяной. 2-3, 7 - Наконечники копий. Щита. Бештам-кала. Толстов С.П. 1962. 4-5 Кинжалы. Миздахкан. (ГКМРК) Шемаха-кала. Вактурская, 1952

Ток-кале (рис. 2, 2-5, 6-7). Длина пера у них - 5,5-6 см, ширина - 2,5 см, черешка - 2,5-3 см. Трехлопастные наконечники стрел предназначались для стрельбы по легко вооруженному, не защищенному панцирем противнику. Ранние железные трехлопастные черешковые наконечники стрел известны на античных памятниках Хорезма - Кой-крылган-кала (IV в. до н.э - IV в.) и Топрак-кала (II-IV вв.) (Топрак-кала, 1984. С. 220-221). В Средней Азии вопрос о типологии трехлопастных и других видов наконечников разработан Б.А. Литвинским (1965, С.75-91).

II тип. Плоские подтреугольные формы - «срезни» (рис. 2, 12, 13, 14). Его максимальный удар приходится на режущую грань. Такие наконечники стрел встречаются на памятниках Пил-кала (VIII-IX вв.), Миздахкан (XIII-XIV вв.) и сельских жилищах средневекового Хорезма (Неразик, 1976. С. 114, рис. 66, 1-3; Кдырниязов, 1989. С. 153, рис. 15, 2). Общая длина наконечника 7 см, ширина пера 5 см, черешка 2 см. Однако

подобные наконечники - «срезни» появились до монголов, уже в VI-VIII веках, например, в Южной Сибири. Подобные наконечники широко применяются в Средней Азии, особенно в XIII-XIV вв.

III тип. Ассиметрично-ромбические (рис. 2: 17, 18, 19, 20). К ним относятся наконечники с широким плоским пером, завершающимся невысокой шейкой с упором. Подобные наконечники обнаружены на памятниках Пил-кала, Миздаххан. Длина пера 5,7 см, ширина 5,5 см, длина черешка 1,8 см. Впервые подобные наконечники появились еще в I тыс. н.э. в Сибири, однако широко применять их стали лишь с начала II тыс., особенно в монгольскую эпоху. Все наконечники принадлежат к наиболее характерным типам стрел тюркского и монгольского времени, распространенных в Средней Азии, Восточной Европе, Сибири.

Типолого-хронологическая классификация, разработанная Г.А. Федоров-Давыдовым для средневековых кочевников Восточной Европы позволяет предположить, что стрелы ромбические (тип 3), треугольники-«срезни» (тип 2) особенно характерны для XIII-XIV вв. (Кдырниязов, 1989. С. 80).

IV тип. Двурогие или вильчатые (рис. 2, 8). Подобные наконечники стрелы обнаружены на памятниках VII-VIII вв. Якка Парсан и средневекового архитектурного комплекса Шамун-Наби в Миздаххане (XIII-XVIII вв.). Миздахханский железный наконечник стрел имеет раздвоенное перо. Общая длина 13 см, длина пера 5,5 см, ширина 1,5 см. Наконечники данного типа традиционно считаются охотничьими (для охоты на птиц). Двурогое острие функционально предназначено для дифференциации силы удара при попадании в цель, для оглушения, без нанесения глубокой кровоточащей раны. Возможно, их использовали при военных конных столкновениях для глубоких надрезов кровяных артерий коня. Впервые наконечники такого типа появились во второй половине I тыс. н.э. в Сибири, но широкое распространение получили во II тыс. н.э. В Средней Азии вопрос о вильчатых наконечниках впервые разработан В.А. Рановым (1960, с.30). Аналогичные наконечники стрел широко известны на памятниках кочевых и охотничьих племен Сибири, Центральной Азии, курганах Забайкалья, Южного Урала и других регионах восточной части Евразии (Степи Евразии, 1981. С. 170, рис. 55, 47-49; Иванов, Кригер, 1988, рис. 1, BVI; Ходжаниязов, 2006. С. 69). В средневековую эпоху костяные наконечники стрел меньше использовались в Хорезме. Известные экземпляры происходят из периферийных памятников (Уйгарак, Ус-

тюрт). Вероятно, легковооруженные всадники-лучники, при нехватке железных наконечников стрел могли использовать костяные (Ягодин, 1991. С.154).

Колчаны. Для хранения и ношения стрел в средневековом Хорезме, как и в других регионах Евразии, пользовались колчанами. Колчаны изготавливались из кожи. Тюрко-монгольские лучники хранили и носили стрелы в берестяных колчанах (Малиновская, 1974. С. 168,169; Худяков, 1986. С.151,152, 190). Колчаны крепились к поясу или портупее с помощью ремней. На периферийных памятниках Хорезма берестяной колчан найден в кургане 4 группы III комплекса археологических объектов Казган-2. Колчан берестяной, усеченно-конусовидной формы (Ягодин, 1991. С. 154, рис. 57, 1). Длина колчана 65 см, ширина по днищу около 17-18 см, по горловине около 11-12 см. Берестяные колчаны с приемником усеченно-конической формы известны в вещевых комплексах кипчакских курганов XII-XIV вв. Южного Урала (Иванов, Кригер, 1988. С. 13, рис 2, 3; 15, 39).

На позднеантичном памятнике Хорезма, во дворце Топрак-кала найдена нижняя часть колчана. Дно его представляло собой деревянный брусок со скругленными концами длиной 17,7 см, шириной 4,3 см, с толщиной 2,7 см. Оно было обтянуто очень ветхой ильмовой корой, которая выступала над краем дна на 5 см. Кусочки такой коры встречались еще в некоторых местах (Топрак-кала, 1986. С. 220, рис. 89, 11). Колчан прямой формы с орнаментом косых клеток и точек изображен в монетах хорезмшаха Азказара-Абдаллаха (VIII - нач. IX вв.) (Вайнберг, 1977. С. 44).

Для ношения лука мастера готовили чехол, а для стрел - колчан (саадак). В средние века для султанов и ханов изготавливались саадаки, которые делались из дорогой кожи, украшались драгоценным металлом и самоцветами. В позднесредневековую эпоху подобные саадаки служили одним из предметов вывоза в другие страны, как и «луки с золотом» («каман-и тиллакари») (Мукминова, 1976. С. 116).

Копья. Копьями были вооружены как легковооруженные, так и тяжеловооруженные всадники. Копья использовались для поражения в ближнем бою защищенного панцирем или кольчугой противника. Железные наконечники копья Хорезма найдены в слоях XII-XIII вв. в Бештам-кале (Толстов, 1962. С. 289, Рис. 185) и слоях XIII-XIV вв. Джанпык-калы. Наконечник копья из Джанпык-калы имел втульчатое завершение незамкнутой формы, длина 45 см, острие пера 2,5 см и по своим формам относится к дротикам

(Доспанов, 1992. С. 70).

Хорезмийская конница была вооружена длинными тяжелыми копьями еще в IV-II вв. до н.э., о чем свидетельствуют изображения всадников (катафрактариюв), выполненные в рельефе, на керамических флягах того времени (Койкрылган кала, Хумбуз тепа). Железные наконечники копий найдены в позднеантичных памятниках Хорезма, в слоях III - нач. IV вв. Топрак-калы (Топрак-кала, 1986. С. 222, рис. 89, 10). Античные авторы сообщают, что в VI в. до н.э. копьё имело широкое распространение у массеетов, которых так и называли «копьемосцами» (Литвинский, Пьянков, 1966. С. 40). Всадник, изображенный на хорезмийских монетах раннего средневековья, держит копьё в левой руке (Вайнберг, 1977. С. 42-43, табл. IX). Таким образом, копьё, несомненно, как в древности, так и в средние века, занимали важное место в хорезмийском наступательном вооружении, что подтверждается данными письменных источников развитого средневековья. В частности, описывая боевые действия хорезмийцев, в анналах говорится, что войска и жители Гурганджа в 1220 г. сопротивлялись и сражались против монголов «мечами, стрелами и копьями» (МИТТ, Т. I. С. 481, 487).

Железные кинжалы, мечи и палаши - редкость среди находок на хорезмийских памятниках.

Палаши. Палаши без перекрестия найдены в могилах кургана Калалык-2 на Устюрте. Прямые аналоги, по определению В.Н. Ягодина, известны по памятникам Южного Урала и степей Восточной Европы (Ягодин, 1991. С. 149-150). Несмотря на отсутствие мечей или сабель в археологических комплексах Хорезма, можно предположить, что в этот период они были довольно широко распространены среди воинов-земледельцев, а также кочевой степи, причем, не только в Хорезме, но и в Мавераннахре. По материалам Королевки (Казахстан) и Кызтепа (Узбекистан) в мужских погребениях найдены типологически близкие сабли с брусковидным перекрестием и рукояткой (Степи Евразии, 1991. С. 196). Из других видов вооружения, несомненно, были известны мечи, которые часто упоминают письменные источники (МИТТ, Т. I. С. 473,

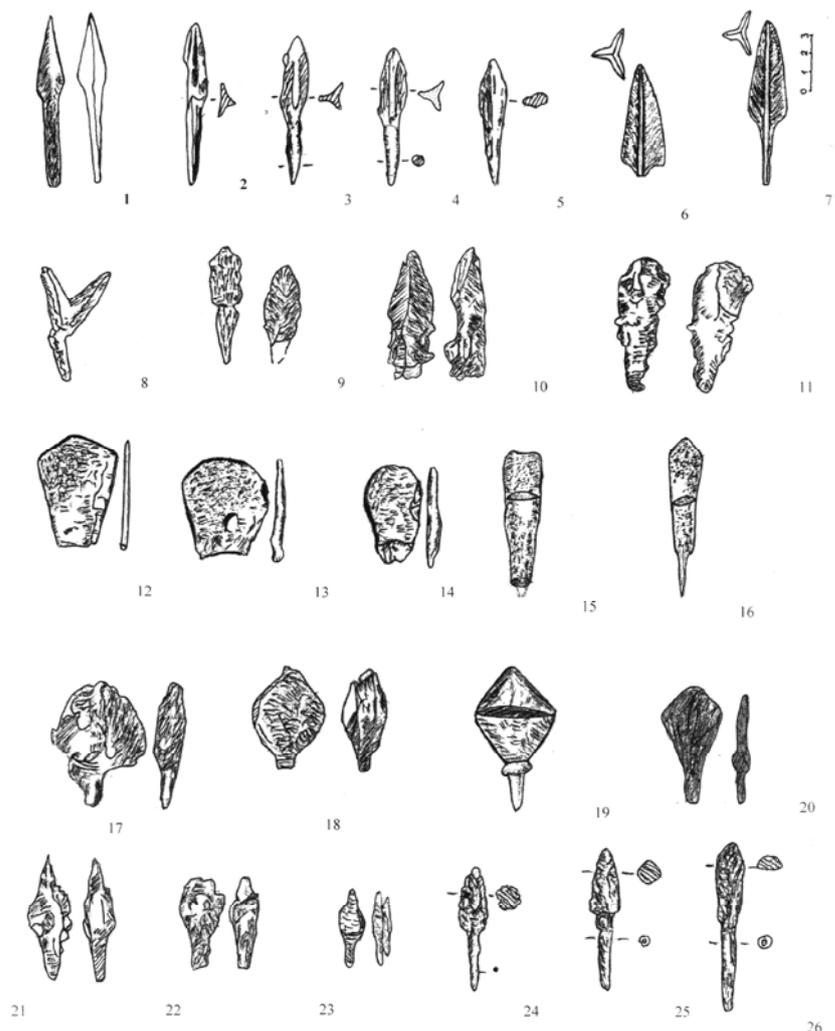

Рис. 2. Наконечники стрел средневекового Хорезма.

1 - Беркут-кала. Толстов С.П. 1948. Афригидское время. 2-5 - Ток-кала. Гудкова А.В. 1964. 6-7 - Беркуткалинский оазис. ГКМРК. 8 - Якка-парсон. Неразик Е.Е. 1963. 9,19,20 - Миздахкан. Пил-кала. Кыдырниязов М.-Ш. 1989 10-14, 17-18, 21-23 Сельское поселение в Хорезме. Неразик Е.Е. 1976. 24-26 - Могильник Устюрта. Ягодин В.Н. 1991

479, 487).

Палаши были важной составной частью вооружения средневекового Хорезма. В литературе их часто называют «мечами». Палаши найдены в периферийных памятниках Хорезма, в погребениях кургана Калалык-2 на Устюрте. Во фрагментах палаш обнаружен также в кургане 2 стреловидной планировки Жарын-кудук-14. Палаш из кургана Калалык-2 без перекрестия, навершия с обоюдоострым концом. Полоса прямая, широкая с лезвием, параллельная спинке, в поперечном сечении, каплевидная спинка уплощенная. Острие обоюдоострое, остроугольное, линзовидное в поперечном сечении. Общая длина палаша 110 см, длина черенка 11 см, длина клинка 99 см, ширина полосы 3,5 см. Палаш цельнокованный,

железный (1, 1). Прямые аналогии по определению В.Н. Ягодина известны по памятникам Южного Урала и степей Восточной Европы (Ягодин, 1991. С. 149-150).

Кинжалы. Наряду с мечами, кинжалы являлись важным оружием ближнего боя в средневековом Хорезме. Воины носили свои мечи слева, а кинжалы справа. По памятникам средневековья Хорезма кинжалы известны в нескольких пунктах. В Южной нише вестибюля в специальном "жертвеннике" в комплексе Шамун-Наби (XIII-XIV вв.) находились кинжал с костяной рукояткой в кожаных ножнах и железный наконечник посоха (Хожаниязов, Юсупов, 1977. С. 127, рис. 3, 19, 20). В кварталах Миздахкана, в комплексе других вещей обнаружены железные кинжалы. По форме их можно разделить на два типа.

I тип. Клинок прямой, без навершия и перекрестья, рукоятки изогнуты. Такие кинжалы найдены на памятниках XIII-XIV вв. Шемаха кала, Пульжай и караван-сарай Косбулак (Вактурская, 1952, рис. 5,5; Кдырниязов, 1989, рис. 12, 1-2; Манылов, рис. 8, 26).

II тип. Клинки ромбовидные в сечении, с деревянной ручкой, черешок отломан. Такой кинжал обнаружен в кварталах Миздахкана XIII-XIV вв. Аналогичные кинжалы встречаются в курганах XII-XIV вв. на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 11, рис. 2,2; 7, 16).

Предметами вооружения армии хорезмийцев несомненно были каменные и «тутовые ядра». Их, в отличие от античного пращника, использовали с помощью метательных орудий - «манджаник» (МИТТ, Т. I. С. 505).

Средства защиты. Из защитных, боевых доспехов на средневековых памятниках Хорезма обнаружены панцири и щиты. Ранние образцы чешуйчатого панциря, составленные из железных пластинок были найдены в дворцовом комплексе Топрак-кала и на городище Куня-Уаз (Топрак кала, 1984. С. 222, 223).

Доспех, с подобными пластинами, употреблялся как для защиты воина, так и коня. Об этом сообщает древнегреческий историк Геродот (VI-V в. до н.э.): «Все предметы у них (массагетов) из золота и меди, все, что требуется для копий, стрел и секир, готовится из меди; головные уборы, пояса и повязки украшаются золотом. Также из меди делают они грудные панцири для лошадей» (Геродот, 1972. С. 8).

Изображение на фляге из Хумбузтепа хорезмийского всадника - катафрактария на коне (Мамбетуллаев, 1977. С. 278) и фрагменты железного пластинчатого доспеха из Чирик-рабата (Толстов, 1962, рис. 82а, б) позволяют предположить, что «в Хорезме и окрестных степях» в IV-

III вв. до н.э. зародился пластинчатый доспех-катафрактарий. В Хорезме пластинчатый доспех получил распространение в первых веках н.э., когда в военном деле особенно возросло значение тяжеловооруженной конницы. Некоторые представления о том, как мог выглядеть хорезмийский пластинчатый доспех этого времени, дает скульптурный торс воина в панцире из помещения 8 дворца Топрак-кала (Топрак-кала, 1984. С.223).

Пластины чешуйчатого панциря найдены в средневековом Шехрлике и периферийных памятниках Хорезма, в комплексе кургана I системы стреловидной планировки Бернияз, группы Казган-4 (XII-XIV вв.). В Шехрлике (XIII-XIV вв.) обнаружено 30 экземпляров железных пластин доспеха. Размеры пластин разные - 3,5x3 см; 4x3см; 4,5x3,5 (ГМИК. Кп. 40080/32-40, инв. 904-912; кп 40080/43-63, инв. 915-935)¹. Находки из кургана I в системе стреловидной планировки Бернияз представлены одинаковыми железными пластинами, длиной 7,5-7,6 см, шириной 2,0-2,2 см. С одного края пластина закруглена. В каждой пластине имеется по 13 сквозных отверстий диаметром 2-3 мм на прямоугольном основании, три пары отверстия по боковым краям пластины, в центре одно, по середине пластины, на верхнем закругленном крае, - две пары по центру пластины и по ее краям (Ягодин, 1990. С. 155, рис. 50, 11, 1-10, 12). Подобные пластины с различными вариантами расположения отверстий распространены чрезвычайно широко. Их находят в славянских памятниках VI-XIV вв. (Медведев, 1959б, рис. 2, 1), в курганах средневековых кочевников степей Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966. С. 35), Западного Казахстана (Синицын, 1956. С. 97), Южного Урала (Иванов, Кригер, 1988. С. 13), Алтая (Гаврилова, 1965, табл. V, 1)².

Средневековый чешуйчатый доспех воина степной зоны имел вид рубашки с короткими рукавами. Пластины скреплялись проволокой или нашивались на тканевую основу. Скреплялись они у древних тюрок ламеллярным способом, т.е. с помощью соединительных ремешков. В состав доспеха входили пластины и других типов, которые дополняли другие детали.

Щит. Единственный щит обнаружен внутри средневековой стены Бештам-кала. Металлический щит круглой формы с серебряным умбоном. Щит покрыт тонким слоем олова, придававшего ему серебристый цвет (Толстов, 1962. С. 288, рис. 185). Щиты применялись легко вооруженными тюркскими воинами на всем протяжении второй половины I тыс. н. э. Использовали их вероятно, и панцирные всадники (Худяков, 1986. С. 159).

Для изготовления щита служили разные мате-

риалы. В частности, использовались дерево, кожа, металл. Деревянные щиты могли быть сделаны тут же во время осады крепости мастерами, находившимися при войске. Изготавливались и более надежные щиты с металлическими украшениями (рис. 1, 7). Но и их иногда пронзали стрелы, особенно если были пущены хорезмийцами-юношами, являвшимися, по признанию современников, хорошими стрелками. «Они так хорошо метали стрелы, что не раз простреливали насквозь щит и кольчуги, а иногда даже две кольчуги» - писал Захириддин Бабур («Бабурнаме», 1993. С. 171).

Щиты из кожи скреплялись металлической пластинкой в форме кольца, на которую часто наносился разноцветный орнамент, чаще использовались черная и красная краски. Такие разноцветные щиты упоминаются Хафизом Танышем в «Абдулла-наме». Хофиз Таныш («Абдулла нама»), говорит также о щитах рубинового цвета - лал. Кроме круглой формы, щиты были также продолговатыми, сужающимися к центру и рас-

ширяющимися к углам. Голову воина защищал шлем, который мог быть разной формы, сшитым из войлока, а также металлическим, с подвешенной кольчужной сеткой и без нее (Мукминова, 1976. С.117). В средневековых памятниках Хорезма шлемы не обнаружены.

Таким образом, предметы вооружения Хорезма в своем развитии прошли ряд этапов, в средние века, совершенствуется оружие ближнего и дистанционного боя, распространяются сложно-составные луки с костяными накладками, широким разнообразием отличаются наконечники стрел, появляются бронебойные стрелы. Развиваются защитные средства - панцири, щиты. В целом, вооружение Хорезма, зародившись в древнейшую эпоху, пережило свой расцвет в средние века и с появлением новых видов вооружения, угасло к середине XIX столетия. Дошедшие до нас археологические и письменные памятники содержат ценную информацию о вооружении, войске, военной организации и военном искусстве народов Хорезмского оазиса.

Сноски

1. ГМИК- Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого (Нукус).
2. Литературная ссылка на работу В.Н. Ягодина. Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып. V. С. 155.

Использованная литература

1. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1993.
2. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231). М., 1986.
3. Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха кала // Труды ХАЭЭ.Т.1. -М.,1952.
4. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
5. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.
6. Геродот. История. В девяти книгах. Пер. и примечание Г.А. Страпоновского. Л.,1972.
7. Дженкинсон А. Путешествие по Средней Азии в 1558-1559 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1939.
8. Доспанов О.Т. Жампык кала орта эсир естелиги. Нукус, 1992.
9. Жаббаров И.М. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX - нач. XX в. // Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971.
10. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988.
11. Коляков С.М. Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
12. Койкрылган кала памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э – IV в. н.э. // Труды ХАЭЭ. Т.V. М., 1967.
13. Литвинский Б.А. Среднеазиатские наконечники стрел // СА. 1965, № 2.
14. Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
15. Мамбетуллаев М.М. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбузтепа // Советская археология. М., 1977. № 3.
16. Мамбетуллаев М.М. Вооружение и военное дело Хорезма // Археология Приаралья. Вып. VI. Нукус, 2003.
17. Мамбетуллаев М.М. Оружие населения Кердера в ранне средневековье (по материалам некрополя Куяк кала) // Вестник МИЦАИ. Самарканд-Бишкек, 2007. № 5.
18. Маньолов Ю.П. Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент, 1972.
19. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.-Л., 1938.
20. Мукминова Р.Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976.
21. Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V-VII вв. М., 1979.
22. Толстов С.П. Древний Хорезм. 1948а.
23. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.,1948б.

24. Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945-1948 гг.) // Труды ХАЭЭ. Т.1. М., 1952.
25. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
26. Ранов В.А. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир) // Известия отд. общ. наук АН Тадж. ССР. 1960. № 1 (22).
27. Литвинский Б.А., Пяньков И.В. Военное дело у народов Средней Азии в VI-IV вв. до н.э. // Вестник древней истории. М., 1966. № 3.
28. Сеницын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.1. Археология. Алма-Ата, 1956.
29. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
31. Хожаниязов Г.Х. Вильчатый наконечник стрел XIV в. из Миздахкана // История и материальная культура Каракалпакстана. Нукус, 2006.
32. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
33. Ягодин В.Н. Стреловидные сооружения Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 5. Ташкент, 1990.

Е.А. Смагулов

К РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЯ «САУРАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС»: дефиниция, содержание, границы

Со времени первого археологического обследования (Гейнс, 1966; Лерх, 1870. С. 12-15) в специальной литературе Сауран понимается и описывается как отдельное городище, имеющее в плане вид овала, окруженного сравнительно хорошо сохранившимися крепостными стенами Лерх, 1870. С. 16-17; Свод памятников истории и культуры Казахстана, 1994. С. 308-310). Пригородная зона со следами средневековых агроирригационных планировок понимается как обширная сельскохозяйственная округа, площадь которой оценивается по-разному и приблизительно. До сих пор при визуальном осмотре, а тем более на аэрофото, здесь четко различимы отдельные усадьбы с прямоугольными огороженными приусадебными участками садов, виноградников и огородов, сеть каналов и арыков. Еще в конце 60-х годов в результате дешифровки аэрофотографий окрестностей городища были выявлены следы кяризов - подземных водоводных галерей, подводивших грунтовую воду к городу (Акишев, Байпаков, 1973. С. 76-78). Как имеющее отношение к Саурану, опять же со времен П. Лерха, описывается городище Миртобе в 6 км к северу (Свод памятников..., с. 307). Исследователи полагают, что в названии этого небольшого укрепления у сардобы (Лерх, 1870. С. 14) с разбитым вокруг садом-парком, отразилось прозвище Мир-Араб, которое имел местный сеид Эмир-Абдаллах, известный так же тем, что он построил и подарил, по сведениям Зейнатдина Васифи, городу два уникальных живительных кяриза (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 74-77; Бабабджанов, 1995. С. 88-102; Джураева, 1985. С. 74-79). С ранней историей города Сауран связывается городище Каратобе, расположенное в 3-х км южнее позднесредневековой крепости и имеющее культурные слои с сер. I тыс. н.э. до XIII в. (Свод памятников..., с. 307; Байпаков, Смагулов, 2005. С. 62-65).

Таким образом, с историей города Сауран на современном уровне знаний вполне обоснованно связывается ряд разнохарактерных конкретно локализованных археологических памятников разной степени сложности. Каждый из них, естественно, имеет свою индивидуальную структуру, но все вместе они образуют совокупность (комплекс), которая характеризует такое явление как средневековый город, гораздо полнее, чем анализ каждого из них по отдельности¹. Поэто-

му, обобщая материал и наблюдения, полученные при их анализе, мы можем сформулировать и предложить понятие «сауранский археологический комплекс», который более полно и всесторонне характеризует средневековую городскую культуру Казахстана. Из вышесказанного вытекает, что под «Сауранским археологическим комплексом» следует понимать совокупность разноплановых и разнохарактерных археологических объектов, связанных во времени исторической судьбой, а в пространстве структурообразующими связями и в целом разносторонне характеризующих непрерывную историю культуры определенного социума на конкретной территории.

Основные структурообразующие компоненты Сауранского археологического комплекса уже в разной степени исследованы, описаны, зафиксированы на местности. Поскольку они являются разнотипными археологическими памятниками, а в нашем случае, и разномасштабными, то, естественно, требуют различного подхода, разной методики исследования и фиксации, при этом они обладают различным познавательным потенциалом для исследования и характеристики различных сторон городской культуры. Это, прежде всего городище-крепость Сауран с прилегающей пригородной территорией и некрополем. Этот памятник предварительно исследовался археологически (Байпаков, 1999. С. 81; Смагулов, 2000. С. 100-109). В рамках реализации Госпрограммы «Культурное наследие» здесь развернуты широкомасштабные исследования ряда выдающихся архитектурно-археологических объектов (мечети, медресе, ханака, усадьбы, городские ворота). Археологические работы ориентированы на создание здесь города-музея (Байпаков, Смагулов, Ергигитова, Туякбаев, Толеев, Бейсебаев, Железняков, 2005. С. 304-307). Городище неоднократно и достаточно подробно охарактеризовано (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 67), поэтому не будем останавливаться на его описании. Отметим лишь, что оно, как и любое городище, обладает своей сложной внутренней структурой. На сегодняшнем уровне знания мы можем определить такие крупнейшие составляющие города:

1. Собственно городище (или крепость Сауран) - территория внутри крепостных стен, которая имеет, очевидно, традиционную квартальную застройку с сетью коммуникаций, перемежающуюся участками общественно-значимой за-

стройки.

2. Зона древнего некрополя (городского кладбища) с мечетью-намазгох к востоку от городских стен и к юго-востоку с огороженными участками «хазира», вероятно, с погребениями под открытым небом.

3. Зона пригородной усадебной застройки, охватывающая городище со всех сторон.

Дальнейшее детализированное исследование топографии города, вероятно, приведет к выделению других значимых зон города. Определение, описание, исследование структурных элементов городищ является обязательным условием археологического исследования городских образований. В нашем случае, одной из первостепенных задач является определение реальных границ и адекватное описание пригородной зоны.

Следующим по значимости и масштабности является городище Каратобе. Основанием включения этого городища в Сауранский археологический комплекс служат итоги исследования исторической географии региона, в частности, работы по локализации средневековых городов Казахстана. Поскольку на городище Сауран в основании свиты культурных напластований не были выявлены слои и материалы, датируемые более ранним временем чем XIII-XIV вв., а в письменных памятниках Сауран упоминается с X в., в середине прошлого века было сформулировано мнение о том, что ранний Сауран локализуется где-то на левом берегу р. Сырдарья (Агеева, Пацевич, 1958. С. 109-110). Т.е. город за свою многовековую историю сменил свое местоположение. (Это вполне ординарное явление в истории городов вообще, а в Центральной Азии - тем более). Позже предлагалась локализация домонгольского Саурана на месте городища Мейрамтобе, имеющего своеобразную топографию с многоярусными кольцевыми стенами (Байпаков, 1986. С. 27). И лишь более детальные историко-топографические исследования позволили локализовать ранний Сауран на ближайшем к позднему Саурану городище Каратобе (Свод памятников..., с.307; Байпаков, 1998. С. 65-70). Предварительные археологические исследования на городище датировали его верхний культурный слой, а значит, верхний рубеж интенсивной городской жизни, XII-XIII вв. (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 62-67). Эта датировка совпала по принципу последовательности с датировкой нижних слоев внутри крепостных стен Саурана. Обнаружение под первичным строительным горизонтом позднего Саурана захоронений послужило основанием для гипотезы о перемещении нового города на место старого городского кладбища (Смагулов, Туякбаев, Ержигитова, 2000). Т.е. в данном случае мы

можем говорить о хронологической и территориальной преемственности, что в свою очередь, усиливает аргументацию в пользу локализации раннего Саурана на городище Каратобе.

Визуальные топографические обследования местности и анализ имеющейся теперь детальной аэрофотосъемки городища Каратобе, позволяют представить данный объект как достаточно сложный и интересный памятник городской культуры. Его топографию можно описать как три, ограниченных крепостными стенами, пространства, почти строго концентрически вписанных друг в друга.

Контур наружных стен описывает почти правильный круг диаметром 1900-2000 м и площадью около 3 км² с ломаным периметром стен. Стены местами имеют прямые участки, иногда образуют прямые углы, местами идут по дуге. Они плохо распознаются на местности, но достаточно четко дешифруются на аэрофотографиях, сделанных при боковом освещении. Обращает на себя внимание вроде бы отсутствие регулярных крепостных башен по периметру этой стены. Но зато имеются характерные повороты стены под прямым углом не обусловленные особенностями рельефа местности. Очевидно, здесь мы имеем специальный фортификационный прием, обеспечивающий фланговую оборону наиболее ответственных участков стены с верхней стрелковой галереи, шедшей по гребню стены. В теории крепостного строительства еще с античных времен известен прием возведения стен, в виде меандров или зубьев. Среднеазиатским вариантом воплощения этого приема, по мнению специалистов, является ранняя южная городская стена Пенджикента (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 20; Семенов, 1990. С. 60).

Внутреннее пространство территории, охваченное внешним кольцом стен, лишь местами имеет плотную застройку, особенно, в западной половине. Культурный слой, наличие которого дешифруется по массивам сплошной застройки желтого цвета, занимает примерно одну четверть всей внутренней площади. Остальная территория, скорее всего, не имела сплошной застройки капитальными зданиями. Через эту территорию с северной стороны протекали две естественные, судя по меандрирующим руслам, речушки. Западная речка уже внутри города имеет разветвленную сеть естественных (или искусственных?) русел. В центре этой территории между речными руслами расположен собственно город со сплошной капитальной застройкой (рис. 1). Этот участок имеет квадратную в плане форму, ориентированную углами по сторонам света с длиной сторон около 550 м и занимает площадь пример-

Рис. 1. Аэрофото шахристана городища Каратобе

но в 0,3 км.² Прямой угол этой площади особенно отчетливо читается в СЗ углу. Остальные угловые части этого участка к настоящему времени оказались срезанными и деформированы нивелировкой под поздние поля, а так же руслами арыков. Но, сохранившиеся не потревоженными края сплошной застройки с южной и восточной сторон, похоже, были первоначально параллельны северному и западному краям.

Опять же в центре этого участка высится центральный холм городища (цитадель) овальной формы с прямой южной стеной. Его площадь 340x280 м, поверхность возвышается над окружающей «квадратной» территорией на 6-8 м. В самом центре этого холма в микро топографии хорошо читается «заплывший» прямоугольник размерами 130x115 м. В его юго-восточной части в виде массивного холма находится наивысшая точка всего городища.

Таким образом, в настоящее время мы можем реконструировать на городище Каратобе три ряда concentрических крепостных стен (линий обороны). Первая стена (наружная) охватывает площадь в 3 км² и имеет общую протяженность около трех км. Внутренний город был ограничен стеной длиной в 2200 м. Овальную цитадель в центре квадрата охватывала стена протяженностью около 1000 м.

Как отмечено выше, верхний рубеж интенсивной городской жизни на Каратобе – XII (нач. XIII?) вв. (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 62-67). Значит, описанная выше топография городища характеризует город IX-XII вв., т.е. саманидского и караханидского времени, времени наивысшего расцвета городской жизни на юге Казахстана, всплеска роста городов и вообще оседлой

культуры в регионе (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 195; МИИТ, т. 1. С. 185). Отмеченные топографические особенности свидетельствуют, что город был заложен и первоначально строился по четкому градостроительному и архитектурному плану. Предварительная характеристика его основных топографических элементов и структурных частей (концентрическая зональность, продуманность фортификации, обеспеченность водой и пр.) говорят о высоком уровне проявленного здесь градостроительного искусства.

Уникальным вообще для средневековой культуры Казахстана памятником загородной садово-парковой архитектуры является следующий элемент сауранского архитектурного комплекса - Миртобе. Обычно в описании этого памятника фигурирует квадратное укрепление с длиной сторон около 70 м и высотой стен до 5-6 м и какие-то сельскохозяйственные планировки с остатками жилья в его окрестностях (Свод памятников..., с. 307). Эта местность, описана у известного автора начала XVI в. Зейнетдина Васафи (Болдырев, 1957). Нужно сказать, что приведенные им сведения в целом хорошо «ложатся» на карту местности. Более того, анализ детальных аэрофото позволяет скорректировать их и дополнить. Помимо собственно квадратного укрепления Миртобе к востоку от него четко различим на местности и на аэрофото еще один аналогичных размеров квадрат (рис. 2). Возможно, здесь мы имеем сильно оплывшие развалины более раннего укрепления, которое при Мир-Арабе не стали восстанавливать, а рядом построили новое.

Что касается **чарбага** (благоустроенного сада-парка), он может соответствовать или огороженной стенами территории, окружающей крепости (на первом этапе), или, скорее всего, другой планировке, обнесенной прямыми стенами с выступами регулярно расположенных башен. Площадь огражденного участка примерно **300x1200 м**. Следы этой планировки особенно отчетливо фиксируются на **расстоянии 150 м к северо-востоку от крепости**². Данная планировка фактически построена на линиях каризов и как-то (пока не ясно) соединена с ними. Внутри ее стен расположен водоем, а также руины какого-то сооружения, которое может соответствовать хозяйственным помещениям, описанным Васафи. Вдоль этого участка за стеной прослеживается линия

другого кяриза. Внутреннее пространство имеет характерную «гребенчатую» планировку, свойственную для следов виноградников, а в центре участка читается понижение подквадратной формы площадью 35x30 м, где можно предполагать развалины упомянутой Васафи сардобы.

В районе Миртобе и севернее Саурана установлено, что кяризы Саурана и Миртобе конструктивно не связаны между собой и представляют разные системы. Они состоят из двух разных систем кяризов, расположенных в разных зонах (Deom, Sala, 2005. P. 120-132). Т.е. сведения Васафи, что исток кяризов построенных Мир-Арабом и подводивших воду к Саурану расположен у Миртобе, не находит пока подтверждения. Впрочем, как и некоторые другие сведения о параметрах «кяризов Мир-Араба» (Смагулов, 2003. С. 172-190; Байпаков, Смагулов, 2005. С. 73-80).

Наличие кяризной системы водоснабжения города было отмечено еще в конце 60-х годов прошлого века (Акишев, Байпаков, 1973. С. 76-78). В 1986-1988 годах В.А. Грошев обнаружил 3 линии кяризов, и, исходя из полученных данных, предположил, что все 3 линии могли бы быть частью одной и той же очень крупной системы. Мы предложили назвать ее Большой Сауранский кяриз, о которой писал Васафи с истоком, расположенным в районе средневековой крепости Миртобе (Грошев, 1996. С. 184-186) (рис. 3).

Таким образом, стало ясно, что применение только археологических методов исследования к данному виду памятников средневековой гидротехнической культуры оказывается не достаточным. Назрела необходимость использования иных подходов и методик фиксации, описания и изучения этого феномена. Новые материалы нам удалось получить при реализации условно называемого «гео-археологического» подхода к разведке, фиксации и документации (Смагулов, 2003. С. 172-190). Примененная методика позволила выявить, документировать, картографировать в районе средневекового Саурана следы 235 кяризов разной протяженности (в реальности их значительно больше). Если предполагать под кольцевыми цепочками, фиксируемыми на поверхности земли, подземные водоводные туннели-галереи, то их общая протяженность составит более 110 км.

Рис. 2. Аэрофото Миртобе

Установлено, что средневековый город Сауран располагался в нижней дельтовой части трех горных речек, берущих начало в горах Каратау – Тастаксай, Аксай и Майдантал, текущих с южных склонов гор Каратау в сторону Сырдарьи. Их средние и нижние русла имеют множество параллельных, отклоняющихся и сходящихся разветвлений. В целом они составляют три конуса выноса, сходящиеся все вместе в районе древних городищ Каратобе и Сауран, где и происходит соединение их наземных и подземных вод (Deom, Sala, 2005. P. 120-132). В Майдантале находятся самые крупные наземные и подземные потоки воды и фактически этот район составляет главный гидрологический фундамент бассейна; поток реки Аксай менее значительный, но в связи с его расположением в центральной и более низкой местности, он имеет среднее и нижнее русло, которое снабжается водой в месте, где сходятся подземные воды 2 других потоков. Кроме главного каньона рек Тастаксай и Майдантал и более низких участков реки Аксай, которые имеют хоть и скудный, но постоянный поток воды почти в течение круглого года, все другие русла рек имеют водоток только весной.

Вдоль этих речных русел и выявлена необычайная концентрация следов кяризов (Акишев, Байпаков, 1973. С. 76-78; Смагулов, 2003. С. 172-190). Документально установлено, что два сауранских кяриза упоминаемые в сочинении Васафи отнюдь не являются уникальными и невиданными ранее здесь сооружениями. Кяризы сооружались не только для водоснабжения города, но также для полива полей, т.е. в целях ирригации и появились они здесь значительно раньше, чем построенные Мир-Арабом. В местных условиях аридного среднеазиатского климата земледелие и

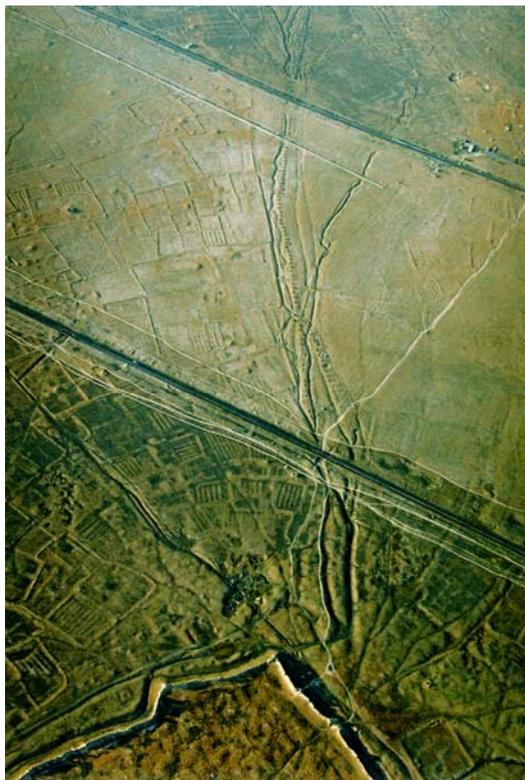

Рис. 3. Нижний участок Большого Сауранского кяриза

стационарные поселения не могли базироваться только на дебете горных речек, питавшихся в основном паводковыми и родниковыми водами. Обычно на таких землях в летний жаркий период возникал острый дефицит воды. Чтобы преодолеть этот дефицит, создать надежную водную базу земледелию и были созданы кяризы, использующие благоприятные местные гидрологические условия и стабильно обеспечивающие жителями водой посевы и поселения.

Таким образом, нами в регионе зафиксирована и документирована устойчивая традиция активного использования подземных грунтовых вод в целях водоснабжения городов (Сауран, Туркестан) и орошения полей, садов и огородов в эпоху средневековья. Теперь встает задача датировки кяризов в регионе и изучение их конструкции. Учитывая важность водных источников в местных весьма аридных условиях можно считать систему кяризного водоснабжения и орошения Саурана одним из важнейших элементов археологического комплекса. Средневековые арабоперсидские письменные источники очень редко и мало говорят о кяризах, хотя, характеризуя какой-нибудь город Средней Азии или Хорасана они обычно упоминают водные источники, благодаря которым

и существовал тот или иной город или крупное селение. Характерно, что в фундаментальном обзоре этих сведений В.В. Бартольда упоминается лишь о кяризах Мерва, Феравы и Саурана (Бартольд, 1965. С. 130, 138, 225). Экологическая ценность кяризной (по сути - родниковой) воды признана современными гидроэкологами (Турсунов, 2002), а в традиционной культуре Центральной Азии широко известно особое ее почитание. Причем это особое отношение, как к «священному дару» вплоть до сакрализации, характерно как для сельского, кочевого и полукочевого населения, так и для жителей больших городов. Например, среди жителей Самарканда до недавнего времени сохранялось представление о чудесных лечебных свойствах вод каналов Обирахмат и Обимашад. Эти каналы питаются подземными водами родников (карасу) (Исамидинов, 2002. С. 16).

Система кяризов совместно с утилизацией сезонных поверхностных вод посредством «тоганов» и арыков, четко фиксируемых в микротопографии местности, обеспечивала функционирование обширной сельскохозяйственной зоны, расположенной в бассейне указанных рек и в окрестностях города Сауран. Следы средневековых агроирригационных планировок хорошо фиксируются на поверхности и мало искажены позднейшей деятельностью. Зона их распростра-

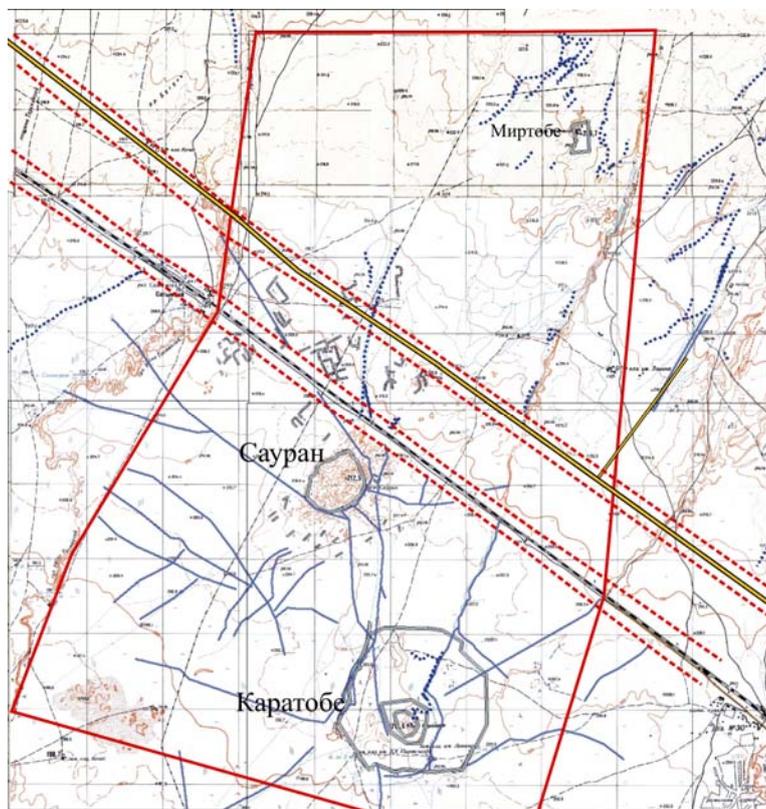

Рис. 4. Карта-схема возможного Сауранского археологического заповедника

нения как бы охватывает и объединяет выше описанные прочие элементы сауранского археологического комплекса. В целом, данный памятник развитой сельскохозяйственной округи Саурана документирует известное теоретическое положение об аграрном характере средневековых среднеазиатских городов, в отличии, например, от западноевропейских.

Как видно, системное обобщение археологических, исторических, топографических данных подводит нас к несколько иному, чем принятое, пониманию этого археологического памятника. Уникальность памятника Саурана заключается в том, что **все** основные элементы его археологического комплекса пока еще имеют удовлетворительную сохранность и доступны для исследования.

Сноски

1. Термин «комплекс» широко используется в понятийном поле археологии при описании явлений разного масштаба и степени сложности (от «археологический комплекс культуры», до «археологический комплекс погребения»). Принято различать закрытые и открытые АК. «В случае, если два или более предмета найдены вместе и можно доказать, что они оказались на этом месте одновременно, они считаются находящимися в истинном или закрытом К. В случае открытого К. одновременность лишь предполагается, но не является доказанной. Случайным совпадением значения не придается. Важность любой находки возрастает благодаря К. с другими вещами, которые могут помочь ее интерпретации – датировке, установлению культурных связей, назначения и т.д...» (Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990, с.117). Последнее обстоятельство о возрастании актуальности артефактов при комплексном их рассмотрении, в полной мере характеризует описываемую ситуацию.
2. При написании данной статьи использованы аэрофотосъемка и другие материалы Ренато Сало и Жан-Марка Деом. Пользуясь случаем выразить им благодарность за весомый вклад в совместную работу.

Использованная литература

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5, 1958.
- Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // Вестник АН Каз.ССР, 4, 1973.
- Бабаджанов Б. Мир-и Араб // Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Материалы Международной конференции. г.Алматы, 1995.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.
- Байпаков К.М. Средневековый Сауран // Города Туркестана. Алматы, 1999.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Туякбаев М.К., Толеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б. Исследования городища средневекового Саурана // Мемлекеттік “Мәдени мұра” бағдарламасы бойынша 2005 жылғы Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2005.
- Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения, т. III. М., 1965.
- Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Болдырев А.Н. Зайнатдин Васифи - таджикский писатель XVI в. М., 1957.
- Грошев В.А. Древняя ирригация Юга Казахстана. Алматы, 1996.
- Джураева Г.А. Мир-и Араб и политическая жизнь в Бухаре в XVI в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
- Исамидинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
- Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.
- Птицын Г.В. К вопросу о географии «Шах-наме» // ТОВЭ, т. IV. М., 1947.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994.
- Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согде // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Смагулов Е.А. Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефикации // Отан тарихы, №1-2, 2000.
- Смагулов Е., Туякбаев М., Ержигитова А. Краткие итоги исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999 г. // Известия МОН РК, НАН РК, №1, 2000.
- Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Известия МОН РК, НАН РК, сер. общ. наук, №1, 2003.
- Турсунов А.А. От Арала до Лобнора. Гидроэкология бессточных бассейнов Центральной Азии. Алматы, 2002.
- Deom J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы, 2005.

ЗАМЕТКИ

Д. Жўракулова

САМАРҚАНД ПАЛЕОЛИТ МАКОНИ – ТОШ АСРИ БЎЙИЧА ЎРТА ОСИЁНИНГ ЭТАЛОН ЁДГОРЛИГИ

Самарқанд шахрининг марказида жойлашган бу ёдгорлик 1939 йилдан маълум. Аммо жаҳон урушининг бошланиб кетиши натижасида, макон 1958 йилга қадар ўрганилмай қолиб кетди. 1957 йили археолог Д.Н. Лев Ургут тоғининг шимолий-шарқий дараларида жойлашган Омонқўтон ва Такалисой ўрта палеолит маконларини текшириб тугатган эди. Шу йили баҳориди Я.Ғ. Ғуломов Самарқандга келганида Д.Н. Лев у киши билан учрашган, тўплаган археологик материалларини кўрсатиб, ўзининг навбатдаги дала археологик ишлари ҳақида маслаҳатлашган. Я. Ғуломов Самарқанд маконини текширишни давом эттиришни маслаҳат берган ҳолда, ўша йиллари (1943-1960) Ўз ҒА тарих ва археология институти археология бўлими мудири бўлиб ишлаб келаётган В.А. Шишкин билан маслаҳатлашиб, лозим бўлса маблағ билан ҳам кўллаб-қувватлаш фикрини билдирган ва шундай ҳам бўлган. Хуллас, Самарқанд маконини астойдил ўрганиш Я.Ғ. Ғуломов раҳнамолигида бошланган ва Д.Н. Лев бу ёдгорликни 1968 йилгача тадқиқ қилиб, нафақат Зарафшон хавзасида, шунингдек, Ўрта Осиёда эталон, намуна ёдгорлик эканлигини аниқлаб, фанга киритган. Д.Н. Лев вафотидан сўнг бу ердаги қазилар ишлари унинг шогирд ва ҳамкасблари М. Жўракулов, Н. Тошкенбоев ва Р. Сулаймоновлар томонидан давом эттирилиб, маконнинг тўла қазиб ўрганилишига эришилган.

Кейинчалик ҳам Я.Ғ. Ғуломов Ўз ҒА тарих ва археология институти директори вазифасини бажарувчи сифатида бу ёдгорлик ўрганилишининг бориши билан қизиқиб турган ва Самарқандга келганида ҳар доим Д.Н. Лев ишлари, тўплаган археологик материаллари билан танишиб, зарур маслаҳатлар берган. Д.Н. Лев шогирдларининг ахборотиغا қараганда, Я.Ғ. Ғуломов Самарқанд университетида келганда тарих факультети талаба ва профессор ўқитувчилари учун археология фанининг янги ютуқлари ҳақида маъруза қилиб, Д.Н. Лев фаолияти ҳақида илиқ гаплар айтган, унинг тадқиқотларнинг ката илмий аҳамияти тўғрисида сўз юритиб, ўша йиллари СамДУ тарих факультетининг декани бўлиб ишлаётган доцент М.У. Усмоновдан археолог олимни алоҳида археология хонаси билан таъминлашни сўрган. Бу иш амалга ошган ва кейинчалик, шу асосда

мустақиллик йилларида университет ҳузурида археология музейи ташкил қилинган. Музей айни вақтда Ватанимиз ўтмиш маданияти тарихи билан қизиқувчиларнинг доимий қадамжойига айланган. Музей заҳирасида 40 мингдан зиёд ноёб археологик топилмалар тўпланган бўлиб, бу фондда Зарафшон воҳасининг ўрта палеолит давридан милодий IX-XI асрларгача бўлган даврни ўз ичига олган моддий маданият дурдоналари акс этган. Булардан ташқари Я.Ғ. Ғуломовнинг тавсияси ва кўллаб-қувватлаши туфайли университетда археология кафедраси ташкил қилинган, В.А. Шишкин раҳбарлигида Ўз ҒА археология экспедицияси билан СамДУ археология отряди кўп йиллар ҳамкорликда фаолият кўрсатиб, Зарафшон воҳаси ибтидоий давр тарихига тегишли кўпгина ёдгорликларни кашф қилганлар ва ўрганиб чиқишган. Кейинги йилларда ҳам бу фаолият Самарқандда ташкил қилинган Ўз ҒА Археология институти билан ҳамкорликда олиб борилмоқда. Унинг ифодаси сифатида қўшма кафедра ташкил қилиниб, институтнинг етакчи илмий ходимлари бу таълим марказида ўқув-тарбиявий ишлар олиб боришмоқда. Шундай қилиб, Я. Ғуломов раҳнамолигидаги СамДУда ташкил қилинган илмий-ташкилий ишлар бугунги кунда ўз самарасини бермоқда.

Бевосита Самарқанд палеолит макони ҳақида кўз юритилганда шуни айтиш лозимки, унинг дастлабки кузатув тарзида ўрганилган (1939) ва тўпланган материалларининг тақдири аянчли кечган. Ўша йиллари Самарқанд музейининг ходими Н.Ғ. Харламов, геолог В.В. Шумов, археолог М.В. Воеводский томонидан дастлабки йиғилган археологик манбалар Москва Давлат университетининг Антропология Давлат музейига элтиб топширилган, аммо уруш йиллари (1941-1945) Москва университетига тушган бомбанинг портлаши натижасида бу коллекциянинг бир қисми ва хужжатлари йўқолган, зарар кўрган (Джуракулов, 1987. 9-б). Бундан ташқари, ўша йиллари Самарқанд макони ҳақида етарли тасаввурга эга бўлмаган кузатувчи тадқиқотчилар, жумладан, М.В. Воеводский ёдгорликнинг еши тўғрисида аниқ фикр билдирмаган ва уни ҳатто вақтинчалик қароргоҳ деб ноаниқ хулосага келган (Воеводский, 1940). Бундан ташқари археолог В.А. Ранов

ҳали тўла ўрганилиб чиқилмаган бу макон манбалари билан дастлабки танишиб чиқиши натижасида, маконнинг моддий маданият ашёларини анча ешартириб, ноаниқликларга йўл кўйган (Ранов, 1969). Ёдгорликнинг асосий тадқиқ қилувчилари тафсилотларнинг ноаниқ ва эрта эканлиги ҳақида фикрлар билдирилиб, мутахассислар орасида маконнинг, айниқса, ёши ҳақидаги мунозаралар кўп йиллар давом этди.

Бу тадқиқотчилар макон худудидан илгариги йиллари мустъе (ўрта палеолит) даврига тегишли топилган археологик ашелар ҳақида тадрижий хулосалар қилмади, шекилли, 1940 йили археолог Г.В. Григорьев макон жойлашган худуд атрофидан тош сихчалар ва учирма топиб, уларни мустъе даври билан давр эди (Григорьев, 1941). Бинобарин, маконнинг асосий тадқиқотчиси Д.Н. Лев едгорликнинг манбалари, хос хусусиятлари ҳақида қатор асарлар эълон қилган. Уларнинг деярли ҳаммасида макон ашеларининг архаик характерга эга эканлиги, мустъер технологияси анъаналарининг кучли намоёнлиги, хуллас, ёдгорликнинг ёши камида 35-25 мингинчи йиллар атрофида бўлиши ҳақида фикрлар билдирган (Лев, 1967. 10-14 бб.; Лев, 1964; Лев, 1965). Шу тарзда макон манбаларини астойдил ўрганиб чиқиш ва едгорликнинг Ўрта Осиёдаги мавқеи ва ўрнини илмий исботлаб бериш вазифаси турарди.

Самарқанд палеолит макони манбаларини ўрганиш ишлари мустақиллик йилларида янги поғонага кўтарилди. Ёдгорлик бўйича турли йилларда қўлга киритилган тош ашёларни бир қолипга солиб, янги, замонавий технологик методлари асосида ашеларни қайта таҳлил қилиш заруриятидан келиб чиқиб, бу ишга соҳа бўйича таниқли мутахассислар жалб қилинди. Санкт-Петербурглик олимлардан археолог, Ўрта Осиё тош даври бўйича машҳур мутахассис, акад. Г.Ф. Коробкова, антрополог В.В. Гинзбург, И.И. Гохман ва бошқалар шулар жумласидандир. Д.Н. Лев макон ҳақидаги қазималар натижалари юзасидан деярли ҳар йили (1958-1966) Санкт-Петербургдаги археология институти тош даври секторида ҳисобот маърузалари қилиб турган. Д.Н. Лев ишига, манбаларнинг ноеблигига машҳур олимлар акад. П.П. Ефименко, проф. П.И. Борисковскийлар юқори баҳо беришган (Ефименко, 1964. 3-5 бб.; Борисковский, 1964).

1958-1960 йиллар давомида йиғилган манбалар 1997-1998 йилларда едгорлик тош артефактига янги ендашув, замонавий технология асосида тўла ўрганиб чиқилди. Бу ишни Г.Ф. Коробкова амалга оширди. Ашёлар кучайтирилган микроскоп ердамида текшириб чиқилди. Бу технологик усул аслида Санкт-Петербурглик машҳур олим С.А. Семёнов томонидан ишлаб чиқилган ва фан-

га жорий қилинган эди (Семёнов, 1957; Семёнов, 1968). Бу технологик янгилик ҳозирги замон археология фани учун жуда асқотмоқда. Бу усул Ғарб ва Шарқ археологиясига ҳам кириб бормоқда. Санкт-Петербургда унинг мактаби вужудга келган. Шу мактабнинг вакилларида, С.А. Семёновнинг шогирдларидан бири акад. Г.Ф. Коробкова Самарқанддаги Ўз ФА археология институти ҳамда СамДУ археология кафедраси билан у киши соҳавий илмий ҳамкорлик олиб боради. Афросиёб ва Кўктепа илк шаҳарларининг ашевий манбаларини ҳам бу олима шу янги усулда тадқиқ қилган.

Бу янги технологик усулнинг асосий жиҳати, айниқса, энг қадимги давр ашёларини, айнаи дамда, тош ашёларнинг пайдо бўлиши, ўзаклардан парчалаб олиниши, ишлов берилиши, ясалган қуролларнинг нималарни чопишда, кесишда, пармалашда, тешишда ва бошқа ҳодисаларда фойдаланилган изларини кучайтирилган микроскоп ёрдамида тадқиқ қилишдан иборат. Масалан, тош болта, пичоқ, ранда билан қандай нарсалар чопилган, кесилган, рандаланган ва ундан қайси предметларни қайта ишлашда ҳамда қанча вақт ишлатилганлик даражасини аниқлашдан иборат. Тош қуролларга берилган микроишловлар, ишлатилганлик даражасини оддий кўз билан илғаш айрим ҳолатларда жуда қийин. Микроскоп ёрдамида 100 ва ундан ошиқ марта катталаштирилган изларни аниқлаш мумкин. Бу технологик услуб археологияда самара бермоқда. Масалан, авваллари кўпгина тош ашелар, жумладан, парақалар, учриндилар, ўзаклар каби топилмалар турмушда фойдаланилган бўлса-да, уларнинг иш изларини оддий кўз билан илғаб бўлмас эди ва ишлаб чиқариш чикиндиси тоифасига кўшиб юбориларди. Бу ҳодиса ёдгорлик манбалари ҳақидаги тасаввурларимизни илмий жиҳатдан тўла бўлмаслигига олиб келарди. Шу тарзда ёғочга, суякка (агар сақланган бўлса) қайси тош ускуналар билан ва қанча, қандай ишлов берилганлик жараенини ҳам аниқлашга эришилади.

Мана шундай технологик усулдан фойдаланиб, Самарқанд макони тош индустрияси илмий таҳлил қилинди ва қизиқарли жараен кузатилди. Жумладан, авваллари кўпгина учиринди, тош синиқлари, бўлаклар, ўзаклар синиқлари, тош тўқмоқ ва сандонларни ишлаб чиқариш чикиндиси тоифасига кўшиб юборилар эди. Бундай «чикиндилар»ни трассологик жиҳатдан ўрганиш, уларнинг аксариятидан турмушда турли юмуш ва фаолиятда фойдаланилганлигини кўрсатди. Масалан, чикинди ҳисобидаги текширилган 12 та ўзак синиқларидан 7 тасидан ёғоч, хайвон терилари ва суякларига ишлов беришда қўлланилган экан, 28 та бирламчи учириндилардан 3 таси ран-

да, 6 таси искана, 2 таси кескич, 10 таси қирғич, 8 таси пичок, 1 таси тешгич сифатида фойдаланилганлиги аниқланди. Ташландиқ 22 та ўзакдан 8 таси искана, 2 таси қирғич ва бошқалари бўлиб, хуллас, 14 тасидан турмуш юмушларидан фойдаланилган экан. Кўндалангига ажратилиб олинган 18 та учириндиларнинг 14 тасидан қирғич, искана, пичок, тешгич каби қуроллар сифатида фойдаланилган. Бундай жараёни бошқа айрим учиринди ҳисобланган тош синиқлари орасида ҳам кузатиш мумкин бўлди.

Илгарилари едгорлик тадқиқотчилари кўпгина меҳнат қуролларининг турмушда қўлланилганлигини аниқ эмас, балки мавҳум ҳолда тушунарди. Трасологик анализлар бутунлай ўзгача манзарани кўрсатмоқда. Хусусан, кўпгина қуролларнинг аниқ функциялари аниқланди. Масалан, технологик анализдан ўтказилган қуролларнинг функционал жадвалини келтирамыз:

- Гўшт учун ишлатилган пичоқлар – 61 (16,6%)*
Гўшт учун қадаматош пичоқлар – 4 (1,1%)
Терига ишлов берувчи қирғичлар – 63 (17,2 %)
Егоч, суяк ва шохга қўлланилган исканалар – 62 (16,9 %)
Мослаштирилган кескич қуроллар – 28 (7,6)
Суяк, егоч ва шохга ишлатилган рандалар – 56 (15,3 %)
Егочга ишлов берадиган кескичлар – 2 (0,5 %)
Материалларга сайқал берувчи рандалар – 26 (7,1 %)
Егоч, суяк ва тош бурғилари – 6 (1,6 %)
Тери тешкичлар – 6 (1,6 %)
Егочни рандалаш пичоқлари – 2 (0,5 %)
Тош тўқмоқлар – 16 (4,4 %)
Егочга қўллайдиган теша – 2 (0,5 %)
Суякларни бурдалайдиган чўқмор қурол – 1 (0,3 %)
Тишли қуроллар – 2 (0,5 %)
Ишланган, изи сақланмаган чопперлар – 2 (6,5 %)
Ишланган, изи сақланмаган чоптинлар – 2 (6,5 %)
Ярим функцияга эга қуроллар – 13 (3,5 %)

Бу рўйхатни яна давом эттириш мумкин. Хуллас, жадвалда келтирилган бу меҳнат қуроллари авваллари ишлаб чиқариш чиқиндиси сифатида сақланган.

Технологик таҳлил давомида авваллари кўпгина оддий тош бўлаклари еки парчалари шундайлигича қабул қилинган бўлса, трасологик таҳлил туфайли уларнинг муайян юмушларда қўлланилганлиги маълум бўлди. Бундай янги ёндашув таҳлиллар ёдгорликнинг даврий чегараси ҳақидаги аввалги хулосаларга ойдинликлар киритилиб, Д.Н. Лев томонидан билдирилган хулосалар, яъни ёдгорликнинг илк ва ривожланган сўнгги палеолит даврига тегишлилиги янги ёндашув, текширувлар натижасида ўз исботини топди.

Макон ҳақида геологлар орасида ҳам айрим мунозаралар бўлганлиги фанда маълум. Аслида макон жойлашган Чашмасиеб сойининг ўн қирғоғи қалинлиги 4-5 метр етқизиқли қайирдан иборат бўлган. Демак, сой ўша замонларда ҳозирги вақтдагига қараганда чуқурроқ, қайир эса янада баландроқ бўлган. Эрозия, сел сув тошқинлари натижасида маконнинг ғарбий чеккаси доимий емирилишни бошдан кечирган, жарлик ҳисобидан қулаган вақтлари ҳам бўлган бўлиши мумкин. Натижада, маконнинг устки қатламининг бир қисми жарликка силжиб тушган бўлиши мумкин. Бинобарин, маконнинг энг пастки қатламидан қўлга киритилган ашеларнинг анча такомиллашган ҳолатда кўриниши бу вазиятдан гувоҳлик беради. Бу ҳодиса пастки маданий қатламнинг юқориси билан аралашуви олиб келган. Топилма меҳнат қуролларининг жарлик қулаган жойда қисман аралашуви кечган бўлиши мумкин. Бу ҳодиса тадқиқотчи мутахассислар орасида макон еши ҳақидаги ҳар хил мунозараларнинг келиб чиқишига сабаб бўлган. Макон аслида 3 маданий қатламдан иборат бўлиб, бузилмаган ёки тегинилмаган ҳудудларида бу қатламлар кенг доирада очиб ўрганилган ва синхрон, пешма-пеш тараққиёт жараёни аниқланган.

Макон атрофида (Григорьев, 1940) топилган мустье даврига тегишли сихча, тош учирмаси, шунингдек, маконнинг энг пастки қатламидан мустье даврининг аъналарини кучли сақлаб қолган тош қуроллар Чашмасиебнинг ўнг қирғоғи бўйлаб, кенг майдонда ўрта палеолит давридан инсонлар яшаб келганлигидан ва тараққиёт сўнгги палеолит даврида узлуксиз давом этганлигидан гувоҳлик беради. Бундан ташқари, Самарқанд макони тош қуроллари аксарият тарзда техник жиҳатдан учирма парчалар асосида ясалганлиги кузатилган. Бу жараёни Зарафшон воҳасида ўрганилган Зирабулоқ, Кўтирбулоқ мустье даври маконлари билан боғлаш мумкин. Масалан, Кўтирбулоқ макони сўнгги еки ривожланган мустье даври саналанганлиги фанда эътироф қилинади (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. 95-96 бб.; Коробкова, Джуракулов, 1980. 457-б.). Бундан ташқари Самарқанд маконининг ўтмиш жамоалари авлодлари шу атрофда яшаган бўлишлари илмий тасаввурдан узоқ эмаслигига археолог Г.В. Григорьев топилмалари гувоҳлик бериб турибди. Самарқанд макони маданиятининг келиб чиқиш илдизларини кўним макон мустье даврининг сўнгги босқичларига тегишли Зирабулоқ едгорликлари билан боғлаш мумкин. Бу ҳақда Самарқанд маконини тадқиқ қилган Д.Н. Лев, М. Джуракулов, Р. Сулаймонов, Н. Тошкенбоевлар ҳам шундай фикрларга келишган. Самарқанд макони жамоа-

ларининг кейинги авлодлари Самарқанд маконига яқин, «Динамо» ўйингоҳидан пастроқда жойлашган Сиёбча, Булунгур туманидаги Хўжамазгил маконлари бўйлаб яшаганлигига шубҳа йўқ (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. 80-86 бб.).

Самарқанд маконининг тош индустрияси ўзига хос техника ёрдамида ишланган. Жумладан, призма шаклидаги парақалар кам бўлиши билан биргаликда қалин ва ҳали анча дағал, кирғичлар, рандасифат куроллар ва бошқалари аксарият ҳолларда учирмалар, яъни тош парчалари асосида ясалган бўлиб, мустъе даврининг сўнгги босқичи анъаналарини ўзида кучли сақлаган. Макон индустриясида чопувчи, кесувчи, қирувчи, рандаловчи ҳамда йўнувчи куроллар аксариятни ташкил қилади.

Самарқанд сўнгги палеолит макони жамоалари турли-туман ва шакл-шамойилдаги куролларни ясашга устамон бўлишган. Бу ҳодиса макон эгаларининг ўз даврида ўзига хос ва мос юксак маданият соҳиблари бўлганлигидан гувоҳлик беради. Самарқанд макони кўп қатламли ёдгорлик

бўлиб, пастки қатламдан юқорига қараб пешмапеш тараққиёт босқичлари узлуксиз содир бўлганлигини манбалар кўрсатиб турибди. Макон узоқ вақтлар бу жамоаларнинг кўним жойи бўлган. Маконнинг юқори қатламида кулба-капа қолдиғининг ва бўлиқ гулхан қолдиқларининг ҳамда ўша давр ҳайвонот дунесининг топилиши макон бутун сўнгги палеолит даврида одамзод жамоаларининг узлуксиз кўним жойи бўлганлигидан гувоҳлик беради. Макондан, шунингдек, «ҳома сапиенс», яъни ҳозирги замон ақли одам қолдиғининг ва санъат намуналарининг топилиши бу ёдгорликнинг ўзига хос хусусиятини белгилаб беради. Самарқанд сўнгги палеолит маконидек моддий маданият манбаларига бой ёдгорлик Ўрта Осиёда ҳозирча топиб ўрганилган эмас. Шунинг учун ҳам бу макон ҳамон Ўрта Осиёдаги эталон – намуна ёдгорлик бўлиб, фанда муносиб ўрин тутади (Коробкова, Джуракулов, 1980. 385-б.). Самарқанд палеолит маконининг ашёларини ўрганиш давом эттирилмоқда.

Фойдаланилган адабиётлар

- Джуракулов М.Д. Самарқандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Воеводский М.Э. Археологические исследования Узбекистанского комитета по изучению памятников материальной культуры // ВДИ. М., 1940, №1.
- Ранов В.А. Самарқандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии // Известия отд. общ. наук Тадж. ССР, 1969, №4/58.
- Григорьев Г.В. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. VIII. М.-Л., 1941.
- Лев Д.Н. Палеолит Самарқандской области и ее специфические особенности // Труды СамГУ, н.с., вып. 166, 1967.
- Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде // Труды СамГУ, вып. 135. Самарқанд, 1964.
- Лев Д.Н. Самарқандская палеолитическая стоянка // ИМКУ, вып. 6. Ташкент, 1965.
- Ефименко П.П. К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде // Поселение древнекаменного века в Самарканде // Труды СамГУ, вып. 135, Самарқанд, 1964.
- Борисковский П.И. Предисловия // Лев Д.Н. Поселения древнекаменного века в Самарканде // Труды СамГУ, н.с. вып. 135, Самарқанд, 1965.
- Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). МИА, №54. М.-Л., 1957.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д. Самарқандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // Монография в журнале *Stratum plus*. Кишинёв, 2000. №1.
- Ташкенбав Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.

К.А. Рахимов

ОТОПИТЕЛЬНЫЕ И КУХОННЫЕ ОЧАГИ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам раскопок арка Джаркутана)

Известно, что хозяйственные очаги имеют различное назначение, отличаясь по виду, методам постройки, состоянию обжига в камере огня и расположению.

Очаги, в основном, выстраивались в середине комнаты, при стенах помещений, внутри стен (очаг-камин) или во дворе из целых или обломков сырцовых кирпичей. В результате раскопок, проведенных в течении 1969-1974 гг. на Сапаллитепа найдено несколько десятков очагов (Аскар-ов, 1973. С. 41; 1977. С. 33; Рахманов, 1977. С. 25). Очаги из Сапаллитепа в свое время А.А. Аскаровым были разделены в два типа:

1. Очаги-каминк, встроенные внутрь стен.
2. Пристенные очаги.

Все камины являлись квадратными или прямоугольными, а по виду спереди - куполообразными (Аскар-ов, 1973. С. 41; 1978. С. 33; Рахманов, 1977. С. 25).

Очагов второго типа на Сапаллитепа обнаружено 4 экз., но исследователи до сих пор не дали полной информации об их форме и типах (Аскар-ов, 1973. С. 41; 1977. С. 33), лишь А.А. Аскар-ов отмечал, что они имели прямоугольную форму (Аскар-ов, 1976. С. 49). Кроме того, на памятнике обнаружены (на полах комнат №№ 12, 89, 104, 123, 135) и исследованы отопительные очаги-сандалы (Аскар-ов, 1977. С. 33).

На другом памятнике сапаллинской культуры - городище Джаркутан, также найдено несколько хозяйственных очагов. Внутри стен комнат №№ 4, 5, 6, 7, святилище огня Джаркутан находились очаги-камины прямоугольной формы (Аскар-ов, Ширинов, 1993. С. 67, рис. 34. II; 1989. С. 13).

На холме № 8 был открыт жилищный комплекс, состоящий из шести комнат, относящийся к джаркутанскому и молалинскому строительным периодам сапаллинской культуры. В северной части двора обнаружен очаг подковообразной формы, относящийся ко второму строительному периоду (XI-X вв. до н.э.) (Аскар-ов, Ширинов, 1993. С. 74).

В восточной части арка Джаркутана внутри восточной стены первой комнаты жилищного комплекса, принадлежавшего патриархальной семье, был исследован полностью сохранившаяся очаг-камин (Рахимов, 2000. С. 70-76).

Цель работы - показать результаты новых исследований по типологии, морфологии, а также назначению хозяйственных очагов, найденных в арке Джаркутана совместной Узбекистанско-

Германской экспедицией в течение 1994-2003 гг.

В 1998 г. на севере арка был заложен раскоп (№ 7) размерами 7,75x6,60 м. В результате обнаружены керамическая печь и хозяйственный очаг. На глубине 50 см от поверхности земли здесь был расчищен пол, выложенный из камней, оказавшийся полом двора 4 комнаты на востоке арка. Очаг расположен в северной части этого дома. Его размеры составляют 80x55 см. Он имел овальную форму и обращен на запад (рис. 2, 1).

Очаг построен из обломков сырцовых кирпичей и саманной глины. Толщина стенок 15-18 см, высота 13-15 см. Размеры камеры огня очага составляют 65x34 см, которая находилась на глубине 8-10 см. Внутренние стены очага оштукатурены один раз саманной глиной. Его северная стена сохранилась полностью, а восточная и южная лишь частично. Сзади очага, т.е. на восточной части был приставлен камень размерами 25x18x5 см, который видимо, использовался для дымохода. Стратиграфия очага такова: верх пола шел рыхлый слой пепла толщиной в 15 см, который перекрывавшийся рыхлым слоем песка.

В 1998-2002 гг. на юге арка Джаркутана был открыт большой дом патриархальной семьи, состоящий из 9 комнат (рис. 1). Дом относился к джаркутанскому периоду сапаллинской культуры. В комнатах №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8 обнаружены очаги. Кроме того, два хозяйственных очага обнаружено во дворе дома, 4 из них - это очаги - камины (комнаты №№ 1, 2, 6, 8), один двухкамерный, один - для плавки металла и 3 для приготовления пищи.

Комната № 1. Она имеет подпрямоугольную форму, сохранность ее стен составляет 20-25 см. В восточной стене комнаты был обнаружен очаг-камин плохой сохранности (рис. 3, 1). Его размеры 80x50 см, северная стена сохранилась полностью, а восточная и южная стены только частично. Очаг имеет прямоугольную форму, камера огня оштукатурена один раз при помощи саманной штукатурки. Стратиграфия очага такова: на полу находился пепельный слой толщиной 6-8 см, который перекрывал слой рыхлого грунта.

Комната № 2 расположена к западу от первой, разделяясь стеной, имеет прямоугольную форму, толщина стен доходит до 50-60 см. Вдоль восточной стены пристроена суфа из сырцовых кирпичей, шириной 1 м. Внутри западной стены построен камин-очаг для отопления, не являвшийся синхронным со стенами (рис. 3, 2). При построй-

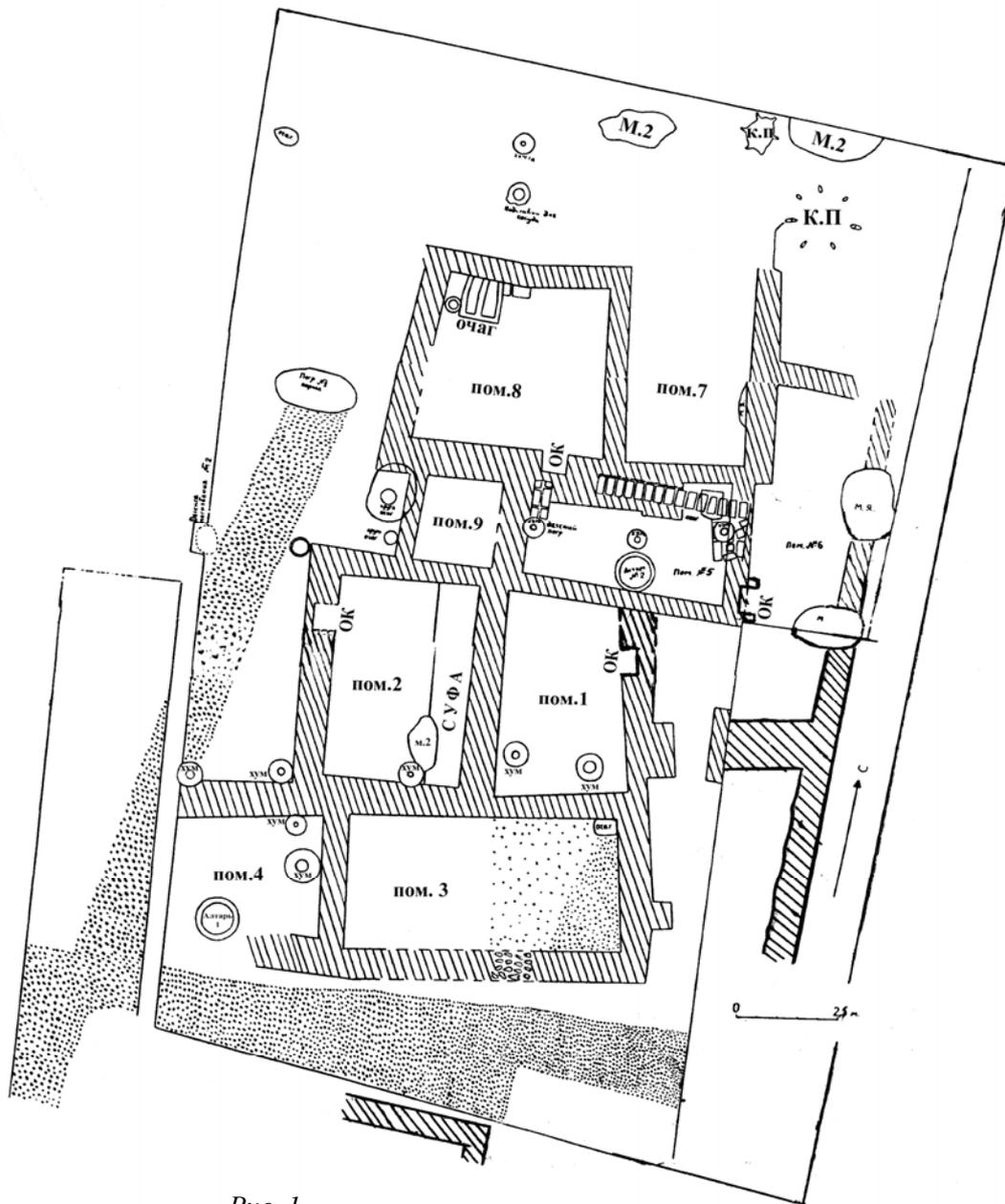

Рис. 1.

ке очага были разобраны кирпичи стены, и задняя часть была заложена саманной глиной толщиной 18-20 см.

Очаг-камин имеет прямоугольную форму (70x55 см), сохранилась только камера огня. Внутренняя сторона камеры была девять раз оштукатурена саманной глиной и на каждом слое штукатурки обнаружены следы обжига. Следовательно, очаг был объектом длительного использования. Стратиграфия очага состоит из пепельного слоя толщиной 4-5 см, перекрывавшийся слоем рыхлого грунта. В этих слоях археологический материал не обнаружен.

Комната № 3 имеет прямоугольную форму (7x3,40 м). В северо-восточном углу комнаты находился кухонный очаг квадратной формы размерами 80x80 см (рис. 2, 2). Он был построен из

обломков сырцового кирпича и саманной глины. На этой суфообразной постройке располагался резервуар для огня овальной формы со следами обжига. Его размеры 57x50 см. Стратиграфия очага состоит из пепельного слоя над полом толщиной 5-6 см, а затем рыхлого грунта в 6-7 см. В слоях археологический материал не обнаружен.

Комната № 6 имеет прямоугольную форму (6x2,50 м). При повторной зачистке южной стены комнаты в 2002 году был обнаружен очаг-камин, расположенный внутри западной стены (рис. 3, 3). Из-за небольшой ширины западной стены боковые стены очага выступали на 30 см от основных стен. Южная стена очага сохранилась плохо. Очаг имеет прямоугольную форму (70x55 см). Дымоход очага не сохранился. Стратиграфия очага однородная, т.е. имеется 25 см пепельная

смесь с рыхлой землей на полу.

Комната № 8 имеет подпрямоугольную форму (4,85x4,10 м). У южной стены находился очаг-камин (рис. 3, 4). Он прямоугольной формы, топочная камера оштукатурена 2-3 раза саманной глиной, что видно по следам обжига.

Стратиграфия очага-камина состоит из пепельного слоя на полу в 5-6 см, а над ним смешанный слой золы и линза земли толщиной 15-17 см. В слое обнаружены куски обожженного сырцового кирпича. Поверх слоя имелся пепельный слой толщиной в 2-3 см. Верхний слой однородный, рыхлый, толщиной в 45-48 см. В слое обнаружены 6 обломков сырцового кирпича.

На северо-западе двора большой патриархальной семьи был найден сезонный очаг. Он имеет овальную форму, размерами 57x43 см, сохранившаяся глубина 15 см (рис. 2, 3). От очага сохранилась только топочная камера, вкопанная в землю и обращенная на запад. Стратиграфия очага состоит из пепельного слоя на полу толщиной 10-11 см и над ней слоя мягкой земли 4-5 см. На уровне очага также обнаружены керамические изделия джаркутанского (1500-1350 до н.э.) и кузалинского (1350-1200 до н.э.) периодов, а под ними находки, относящиеся только ко времени Джаркутана. Отсюда видно, что очаг существовал только в эпоху Кузали (1350-1200 до н.э.). На восточной стене дома обнаружен другой сезонный очаг овальной формы (рис. 2, 4). От очага сохранился только пол, покрасневший от огня. Судя по полу, размеры очага составляли 60-40 см. В середине очага сохранился пепельный слой толщиной в 1 см, в котором найдены керамические сосуды эпохи Джаркутана, что делает возможным отнесение очага к этому периоду. Все упомянутые выше очаги по форме и функциональному назначению можно разделить на три типа:

1. Очаги-камины с дымоходами, построенные внутри стен;
2. Пристенные очаги комнат без дымоходов;
3. Овальные сезонные очаги, построенные во дворе.

На территории Средней Азии очаги-камины встречаются на памятниках джейтунской культуры: в Монжуклитепа, Чопонтепа, в 13 комнате Джейтуна эпохи неолита (Бердиев, 1968. С. 10; 1970. С. 28-29; 1976. С. 32; Хлопин, 1961. С. 148; Массон, 1961).

И.С. Масимовым отмечено, что они встречаются в Геоксюре 1 и Акчатепе в долине Геоксюра (Масимов, 1983. С. 476-477).

На территории древней Бактрии они встречаются чуть позже, т.е. с эпохи бронзы на памятниках Сапаллитепа, Джаркутан, Даштли 1, Даштли 3 и в Кучуктепа (Аскарлов, 1973. С. 124; 1976. С. 48; 1977. С. 13-33; Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 67; Аскарлов, Альбаум, 1979; Кругликова, Сарияниди, 1972. С. 55-56; Сарияниди, 1972. С. 17; 1974. С. 52; 1976. С. 24-25; 1977. С. 33; 1984. С. 22).

В долине Мургаба очаги-камины встречаются на памятниках, относимых ко второму тысячелетию до н.э. - Келлели 4 и Таиптепа (Масимов, 1983. С. 476-477; 1986. С. 173), а также в эпоху Намазга 5 и Намазга 6. Это позволило говорить И.С. Масимову и В.И. Сарияниди о том, что жители, занимающиеся орошаемым земледелием в долине Мургаба, проникли по Амударье на территорию древней Бактрии (Масимов, 1986; Сарияниди, 1980). Тип камин-очаг также встречается

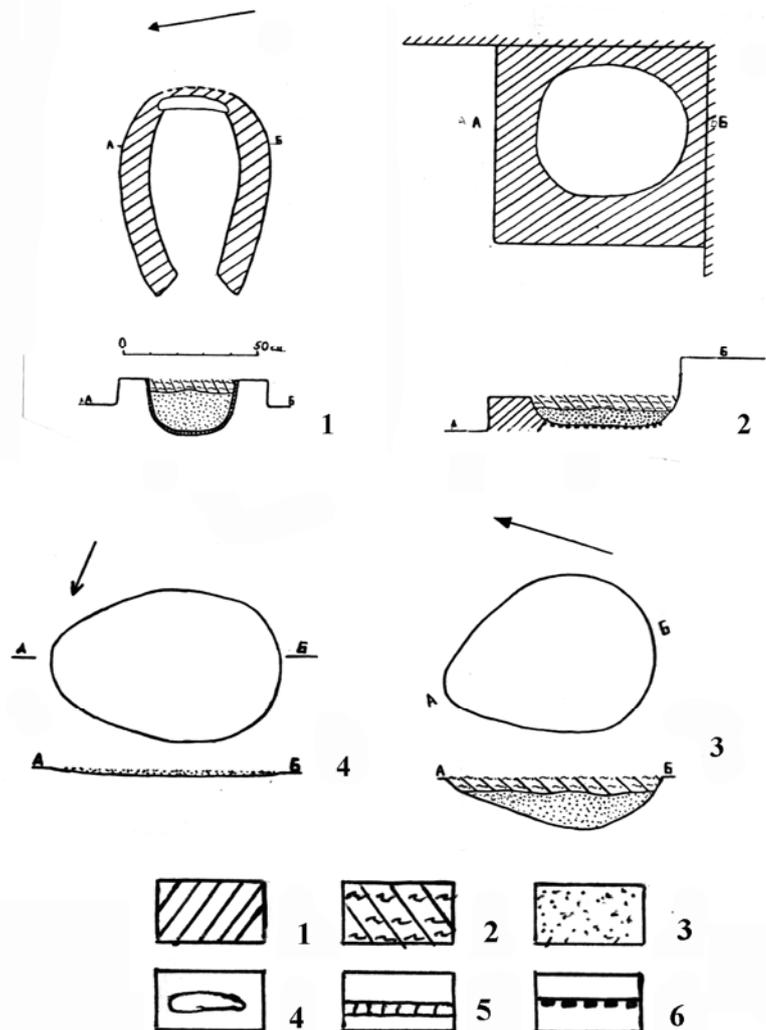

Рис. 2

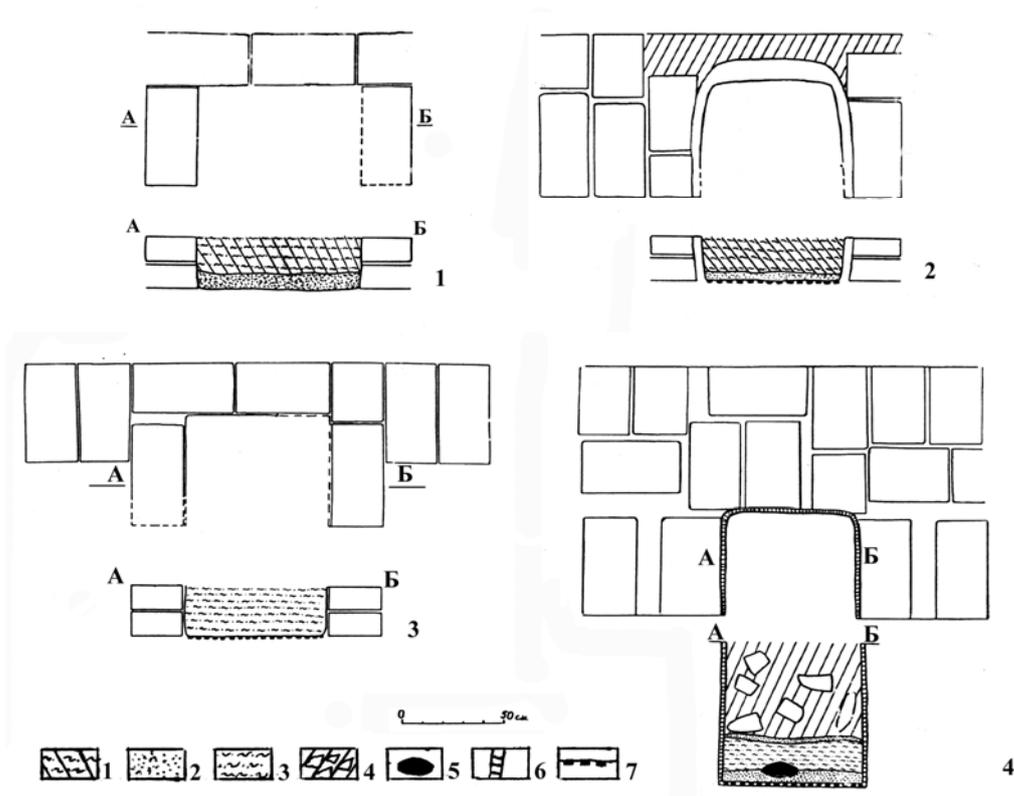

Рис. 3

ся на поселении Дальверзин чустской культуры (Заднепровский, 1962; Матбабаев, 1985. С. 51-52). Очаги-камины на Сапаллитепа А.А. Аскарлов разделил на два типа: на квадратные и прямоугольные (Аскарлов, 1973. С. 12-41; 1977. С. 13-33). По мнению исследователей эти очаги - камины использовались только в целях отопления (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 67; Сарияниди, 1976. С. 24-25).

По мнению О. Бердиева подобные очаги одновременно могли использоваться и для приготовления пищи (Бердиев, 1970. С. 28-29; 1976. С. 32). Такое заключение может быть приемлемо и для очагов-каминов сапаллинской культуры.

Камины-очаги эпохи бронзы по структуре и метода постройки были очень сложными, что требовало от строителей значительных навыков. Построение подобных очагов внутри помещений, да еще с дымоходом, предохраняло их от копоти.

Второй тип очагов пристраивался у стен помещений или дворов, поэтому их специалисты называли пристенными (Аскарлов, 1973. С. 41; 1977. С. 33; Сарияниди, 1974. С. 52; 1976. С. 24-25; 1977. С. 209-212; 1973. С. 33; 1983. С. 22; Кругликова, Сарияниди, 1971. С. 55-56). Очаги подобного типа впервые были обнаружены в периоды Намазга 1-2, в комнатах 1 и 16 Дашлиджитепа (Хлопин, 1961. С. 149-150). Кроме того, квадратные пристенные очаги встречены на Алтынтепа. В.М. Массон датирует их периодом Намазга 5,

т.е. 2300-1850 до н.э. (Массон, 1981. С. 35-55).

В Сапаллитепа их всего 4 экз. и все они четырехугольные (Аскарлов, 1973. С. 41; 1976. С. 49; 1977. С. 33). На Кучуктепа встречен большой пристенный очаг, относящийся к периоду строительства Кучук 1 (XI-X вв. до н.э.) (Аскарлов, Альбаум, 1979. С. 19). В одной из землянок бургулюкской культуры в Ташкентском оазисе, относящейся к IX-VIII вв. до н.э., встречен один пристенный очаг (Дуке, 1977. С. 49-50). Подобные очаги, как утверждают некоторые исследователи, использовались только для приготовления пищи (Сарияниди, 1974. С. 52; 1977. С. 33).

Пристенный очаг, найденный в комнате № 3 арка Джаркутана, также мог использоваться только для приготовления пищи, так как пол этой комнаты был выложен мелкими камнями до уровня очага. Следовательно, эта комната выполняла функции кухни.

Очаги третьего типа на сегодняшний день не были встречены на других памятниках сапаллинской культуры. Их всего 3 экз., два из них относятся к джаркутанскому (1500-1350 гг. до н.э.) и один к кузалинскому периодам (1350-1200 гг. до н.э.) сапаллинской культуры. Все они располагаются во дворах и жители могли использовать их сезонно в теплые времена года для приготовления пищи. Стены у этих очагов построены из обломков сырцовых кирпичей.

Племена Джаркутана использовали разные

типы очагов для различных целей. Например: для отопления помещений, приготовления пищи, плавки металла и культовых отправлений.

Таким образом, очаги найденные в домах восточной и южной частей арка Джаркутана, их хорошая сохранность и редкие формы позволяют восстановить некоторые детали истории общественной жизни населения во второй четверти второго тысячелетия до н.э. Первый тип очагов встречается во всех домах предназначенных для патриархальных семей. Но очаги-камины встре-

чаются не во всех таких домах. Это говорит о том, что жители домов с очагами-каминами имели отдельный статус в обществе того времени. Наряду с другими источниками, такими как монументальная архитектура, богатые могилы, ремесло и т.д., очаги-камины могут информировать о расчленении на сословия джаркутанских племен во II тыс. до н.э. Во-вторых, планы, методы построек, а также формы очагов говорят о том, что они строились по заранее задуманным проектам.

Использованная литература

1. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
2. Аскарлов А.А. К вопросу о выделении культуры Сапалли // Древняя Бактрия. Л., 1974.
3. Аскарлов А.А. Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древне-восточных цивилизаций) // Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1976.
4. Аскарлов А.А. Древневосточная культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
5. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселения Кучуктепа. Ташкент, 1979.
6. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Древнебактрийский храм огня в южном Узбекистане // Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989.
7. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
8. Бердиев О. Изучение памятников эпохи неолита // Кайракумские древности. Вып. 1. Ашхабад, 1968.
9. Бердиев О. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений // Кайракумские древности. Вып. III. Ашхабад, 1970.
10. Бердиев О. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976.
11. Дуке Х. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
12. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. Вып. 118. М.-Л., 1962.
13. Кругликова И.Т., Сарияниди В.И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА, 1971, № 4.
14. Масимов И.С. Работы на Таиппе I // Археологические открытия 1979 г. М., 1980.
15. Масимов И.С. Раскопки в Келлелинском оазисе // Археологические открытия 1981 г. М., 1983.
16. Масимов И.С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока (материалы II Советско-американского симпозиума). Ташкент, 1986.
17. Массон В.М. Джейтунская культура // Труды ЮТАКЭ, Л., 1961.
18. Масон В.М. Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ, Вып. XVIII. Л., 1981.
19. Матбабаев Б.Х. Локальные варианты Чустской культуры Ферганы. Автореф. дисс..... канд.ист.наук. Л., 1985.
20. Рахманов У.В. Хозяйственные помещения за пределами крепости Сапаллитепа // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
21. Рахимов К.А. Бронза даври – Жаркутон учоклари // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
22. Сарияниди В.И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане // КСИА. Вып. 132. М., 1972.
23. Сарияниди В.И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса // КСИА. Вып. 91. М., 1962.
24. Сарияниди В.И. Бактрия в эпоху бронзы // СА, № 4. М., 1974.
25. Сарияниди В.И. Исследования памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М., 1976.
26. Сарияниди В.И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА, № 1. М., 1977.
27. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
28. Сарияниди В.И. Культовый сосуд из Маргианы // СА, № 2. М., 1980.
29. Сарияниди В.И. Раскопки моментальных зданий из Дашлы 3 // Древняя Бактрия. М., 1984.
30. Хлопин И.Н. Денгильджетепе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. М., 1961.
31. Shirinov T.S. Die fruhurbone kultur der Bronzezeit im Sudlichen Mittelasiien. (Die vorgeschichtliche siedlung Dzarkutan) // Archeologische mitteilungen aus Iran und Turan. Band 34. Berlin, 2002.

А. Горин

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С ХУДОИДОТТЕПА

В течение 2004-2006 гг. экспедиция Международного караван-сарая культуры (МКСК) Академии художеств Узбекистана, под руководством К.А. Шейко, проводила археологические исследования в Сурхандарьинской области. Объектами изучения в разные годы являлись Мунчактепа (кишлак, Мунчак, Байсунский район), Худоидот-

тепа (райцентр Музрабат, Музрабатский район) и Шуроб-курган (кишлак Шуроб, Музрабатский район). К сожалению, большая часть материалов (и даже сведения о них), по разным причинам до сих пор не опубликованы. Публикацией нумизматического материала из раскопок экспедиции, попытаемся отчасти восполнить этот информаци-

№ №	Особенности изображений и легенд		Вес г	Диаметр, мм	Оси ч.	Место и обстоя- тельства находки
	Л.ст.	Об.ст.				
1	“Сотер Мегас” Погрудное изображение правителя вправо. В левой руке дротик. Вокруг головы различимы 6 лучей нимба. Изображение окислено [Массон, 1950, с. 18-24, класс 1, 1 группа; Göbl, 1993, s. 117-118, no. 53, 57-66, taf. 40; Cribb, 1996, p. 114-115: fig. 12, type 5, variety a, b].	Всадник вправо. Круговая легенда и изображение тамги не различимы. Изображение окислено.	7,4	21,7x21, 5	XII	Подъем
2	Вима Кадфиз Контур изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая рука у пояса. Изображение коррозировано [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 4, 5; Göbl, 1984: 760, 762-63].	Контур изображения Шивы перед горбатым быком (Нанди), обращенным влево. Правой рукой опирается на быка. Левая рука поднята вверх, изображение зажатого в ней трезубца не различимо. Изображение коррозировано.	13,9	28,7x27, 9	-/-	Подъем
3	Вима Кадфиз Контур изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая рука у пояса. Изображение коррозировано [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 4, 5; Göbl, 1984: 760, 762-63].	Шива перед горбатым быком (Нанди), обращенным влево. Штемпель смещен влево и вверх. Изображение коррозировано.	11,9	27,2x28	-/-	Подъем
4	Вима Кадфиз Контур изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем, левая рука у пояса. Изображение коррозировано [Зеймаль, 1967, с. 62, рис. 4, 5; Göbl, 1984: 762-63].	Шива перед горбатым быком (Нанди), обращенным влево. Изображение коррозировано.	15,7	27,1x27, 4	-/-	Подъем
	Канишка I Контур изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней не различимо. Монетный кружок неровный. Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась [Зеймаль, 1967, с. 68, № 9; Göbl, 1984: 768-71, 794, 796].	Контур изображения божества обращенного влево с вытянутой правой рукой. Легенда не различима. Изображение коррозировано.	15,5	25,3x25	-/-	- 1,20 м от дневной поверхности (III ярус).

5	Канишка I Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней не различимо. Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась частично [Зеймаль, 1967, с. 68, рис. 8, 3; Göbl, 1984: 774-75, 801].	Божество с вытянутой правой рукой, обращенное влево. Кругом мелкоточечный ободок. Справа в поле (на уровне II-IV ч.) легенда бактрийским письмом: M(?) AO (Мах).	16	26x25,5	--/	– 1,75 м от дневной поверхности и (IV ярус).
6	Канишка I Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней не различимо. Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась частично [Зеймаль, 1967, с. 68, рис. 8, 3; Göbl, 1984: 774-75, 801].	Божество с вытянутой правой рукой, обращенное влево. Кругом мелкоточечный ободок. За плечами рога полумесяца.	15,1	25,9x26,1	--/	– 1,82 м от дневной поверхности и (IV ярус).
7	Канишка I Контурсы изображения царя, обращенного влево. Правая рука вытянута над алтарем. Левая поднята на уровень груди, изображение копья, зажатого в ней не различимо. Монетный кружок неровный, подтреугольной формы. Изображение коррозировано. Легенда не сохранилась [Зеймаль, 1967, с. 69, № 12; Göbl, 1984: 776, 805].	Божество в длинном одеянии, обращенное вправо. Руки подняты на уровень груди, изображение зажатых в них предметов неразлично. Слева в поле (снизу вверх) бактрийская легенда: NANA. Изображение коррозировано.	17,0	28,4x26,9	--/	– 2,20 м от дневной поверхности и (V ярус).
	Подражание монетам Гелиокла Имитация изображения на монетах греко-бактрийского царя Гелиокла. Голова правителя вправо. Монетный кружок неровный, обломан на уровне V-VII ч. Изображение покрыто окислом. [Зеймаль, 1983, с. 111-112, табл. 13-15, группа 3; Mitchiner, 1975: 506].	Контурсы изображения с перуном в правой руке в фас. Монетный кружок расслаивается. Изображение коррозировано и плохо различимо.	5,2	21,3	XI	– 1,25 м от дневной поверхности и (конец VI- начало VII яруса).

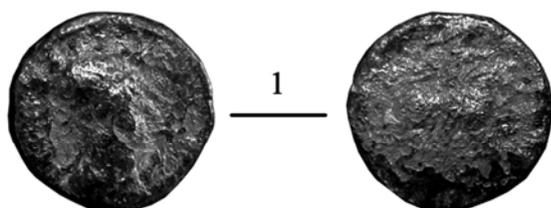

Рис. 1. Монета “Сотера Мегаса” (№ 1)

Рис. 2. Монета Вимы Кадфиза (№ 3)

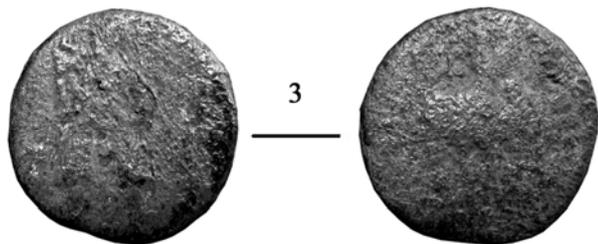

Рис. 3. Монета Вимы Кадфиза (№ 4)

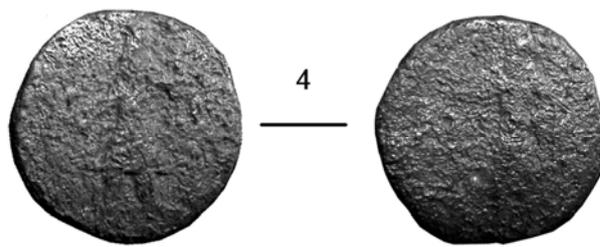

Рис. 4. Монета Канишки I (№ 6)

онный пробел.

Весной 2005 года (в качестве самостоятельно-го отряда Тохаристанской археологической экспедиции, руководитель Э.В. Ртвеладзе) на поселении Худоидоттепа (другое название, распространенное среди местных жителей Курган), расположенном близ райцентра Музрабат, был зало-

жен стратиграфический шурф. В ходе археологических работ и поверхностных сборов найдено 11 медных (бронзовых) монет. Ниже, в таблице приводится описание девяти из них, одна монета полностью коррозирована, другая не определена (изображение не различимо).

Использованная литература

- Зеймаль Е.В. Монеты великих кушан в Государственном Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IX. Л., 1967.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
- Массон М.Е. Происхождение безымянного “царя царей – великого спасителя” // Труды САГУ. Новая серия. Вып. XI. Гуманитарные науки. Кн. 3. Археология Средней Азии. Ташкент, 1950.
- Mitchiner M. – Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. 4. London. 1975.
- Göbl, 1984 – Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kušānreiches. Wien, 1984.
- Göbl R. Donum Burns. Die Kušānmünzen im münzkabinett Bern und die chronologie. Wien, 1993.
- Cribb, 1996 – Cribb J. The Rabatak Inscription, its historical implications and numismatic context. Part II. / Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archeology. Vol. 4. Kamakura.

А.А. Грицина, М.М. Мамбетуллаев

С.П. ТОЛСТОВ - ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В Центральной Азии еще в советский период сложились три значительные школы археологической науки. Первую и вторую возглавляли Михаил Евгеньевич Массон и Яхё Гулямов, третью – Сергей Павлович Толстов. Силы были не очень равными – ведь первый и второй представляли местную среднеазиатскую науку, а третий – мощный научный центр Советской державы. Они всегда соперничали друг с другом. Соперничество это было очень плодотворным. Так всегда бывает, когда сталкиваются друг с другом, хотя и противостоящие, но достаточно компетентные в науке силы. Именно в этом противостоянии и рождалась истина.

Сергей Павлович Толстов – виднейший русский востоковед, историк-археолог, этнограф и нумизмат, доктор исторических наук (Лунин, 1977. С. 75-79), членкор. АН СССР, заслуженный деятель науки Каракалпакстана (Виноградов, Итина, 1967. С. 111-114), почетный академик АН Республики Узбекистан родился 25 января 1907 г. в Санкт-Петербурге, в семье военного, погибшего во время первой мировой войны (1916). С 1918 г. он воспитывался в детском доме. В 1930 г. окончил Московский университет, где обучался на физико-математическом факультете, изучая, в то же время, антропологию и этнографию на историко-этнологическом факультете, который окончил по специальности «этнография тюркских народов». Его учителями являлись Д.Н. Анучин, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин и другие. Аспирантуру закончил по специальности «история и археология Средней Азии» (Библиографические очерки, 1977. С. 164).

С «древним Хорезмом» или «среднеазиатским Египтом», как он называл этот край, С.П. Толстов впервые познакомился в 1929 г. и настолько увлекся необычайными археологическими памятниками, своеобразием быта и культуры местного населения, что всю свою дальнейшую жизнь и научную деятельность связал с этой своеобразной областью Средней Азии (Толстов, 1948а. С. 8). Хорезмская экспедиция начала работу в 1937 г. Ее исследования принесли С.П. Толстову, руководителю и вдохновителю крупнейших открытий на землях Хорезма, мировую славу. Этот древний оазис в низовьях Амударьи, благодаря специфическим климатическим условиям, превратился в удивительный естественный музей под открытым небом, где среди песков высились

стены крепостей и замков, прослеживались сухие ложа древних каналов и, как осколки прошлого, в изобилии, под ногами, находились обломки посуды различных времен. Пораженный всем увиденным, описывая свои первые впечатления, С.П. Толстов заключал: «Мы были у ворот древнего Хорезма, на пороге пути в неизведанное прошлое» (Толстов, 1948б. С. 20).

С.П. Толстов не был первым, кто увидел величественные развалины хорезмийских городов, крепостей и замков. Еще 1928-1929 гг. развалины Куны-Ургенча, Гяуркалы исследовались А.Ю. Якубовским. В 1934 г. на развалинах средневекового Замахшара работал М.В. Воеводский, в 1936-1937 гг. в районе средневекового Гульдурсуна, Наринджана и на оссуарном некрополе на горе Кубатау - Я.Г. Гулямов, Т. Миргиязов, Р. Набиев. Все эти исследования, несомненно, являлись ценным вкладом для воссоздания истории древнего Хорезма. Однако именно с именем С.П. Толстова, крупного ученого и организатора науки, талантливого наставника связано открытие древнего Хорезма (Итина, 1981. С. 5).

Понять движущие силы тех процессов, которые в отдельные периоды истории Хорезмского оазиса приводили к торжеству природы над человеком, превращению цветущих земель в пустыню, дать периодизацию истории Хорезма, ответить на вопрос об общественном строе древних хорезмийцев - вот те задачи, которые поставила перед собой Хорезмская археологическая экспедиция, «экспедиция С.П. Толстова», как ее называли в Средней Азии в начале пути. И хотя аэрометоды в археологии использовались уже в начале двадцатого века (Deuel, 1969), впервые в широком масштабе и в специальных целях они были применены в Хорезме, но к сожалению, так и не получили сколько-нибудь дальнейшего целенаправленного развития (Толстов, Андрианов, Игонин, 1962, №1; Андрианов, 1979. С. 274-286). Однако так блистательно начатые работы были прерваны войной.

Итоги работ довоенных лет были подведены С.П. Толстовым в монографиях «Древний Хорезм» (1948) и «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948). На скудном, по нынешним меркам, археологическом материале, но с использованием всех остальных видов исторических источников, была дана периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья, с

некоторыми коррективами, действующая и поныне. Круг вопросов, затронутых в этих работах Сергея Павловича, выходит далеко за рамки собственно хорезмийских проблем. Основные темы исследования - периодизация истории и реконструкция основ общественного строя, хозяйства и культуры древнего Хорезма – рассмотрены в этих работах на широком фоне истории народов всей Средней Азии и стран Востока в целом. Некоторые из частных для истории Хорезма вопросов переросли в интереснейшие экскурсии, привлекающие читателя глубиной анализа разнообразных источников, оригинальностью сопоставлений, огромной, энциклопедической эрудицией автора.

Именно в книге «Древний Хорезм» первостепенное внимание было уделено истории хорезмийской ирригации, изучение и картографирование которой позволили С.П. Толстову уже тогда заключить, что развитие ирригационного земледелия в Хорезмском оазисе в значительной мере способствовало превращению Хорезма в античное время в государственное образование с централизованной властью.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции приняли еще больший размах на новой методической основе. Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследований, С.П. Толстов реорганизовал экспедицию в комплексную археолого-этнографическую. Участие в работах экспедиции, помимо археологов и этнографов, географов, геоморфологов, почвоведов, антропологов значительно расширило рамки исследований и углубило их.

Итоги послевоенных работ Хорезмской экспедиции отражены в книге С.П. Толстова «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962), в шестнадцати томах трудов Хорезмской экспедиции (1952-1991), более десяти выпусках материалов экспедиции, монографиях и статьях ее сотрудников. Важным результатом Хорезмской экспедиции стало разрешение проблем направления древних и средневековых русел Амударьи и Сырдарьи и их освоения человеком. Успешно решалась проблема древней центрально-азиатской ирригации. Общественный строй и культурно-бытовой уклад населения степных окраин - вот далеко не полный круг проблем, которыми занималась Хорезмская экспедиция.

Исследование античных памятников на территории Хорезма - городищ, укреплений, дворцовых и храмовых комплексов, сельских поселений - дало огромный материал по хозяйственной и политической истории, истории общественной организации, культуре, религии Хорезмского государства. К IV-II вв. до н.э. относятся системы

городов-крепостей с мощными оборонительными стенами и сложными предвратными лабиринтами, замыкающие сельскую округу. Они являлись торговыми, ремесленными и культовыми центрами. К их числу относятся Джанбаскала, Базаркала на правом берегу Амударьи, античные в основе средневековые города Хазарасп, Садвар, Джигербент, расположенные вдоль древнего караванного пути на левом берегу Амударьи, укрепление Капарас и культовый центр Елхарас, ведущего из Хорезма на юг. Трудно переоценить значение проведенных С.П. Толстовым раскопок храма-мавзолея Кой-Крылганкала (IV в. до н.э. - IV в. н.э.). Этот памятник, связанный, видимо, с астральным культом, дал интереснейший материал по истории архитектуры, искусства и религии Хорезма античного времени.

Мировую известность приобрели памятники хорезмийского искусства первых веков нашей эры. Особенно при раскопках Топраккалы - замка хорезмского царя, огромного здания своеобразной сырцовой архитектуры со множеством помещений, украшенных монументальной скульптурой и живописью. Открытие этих памятников древнехорезмийского искусства является одним из самых блестящих результатов плодотворной деятельности Хорезмской экспедиции.

Раскопки городища Топраккалы в последние годы выявили интересную систему его укреплений и четыре строительных горизонтов жилых построек, датируемых III-V вв. н.э. Разделение городища на кварталы с центральной меридиональной артерией, которая делила застройку на две половины, было зафиксировано еще С.П. Толстовым. Каждый квартал состоял из трех-четырёх замкнутых домохозяйств, а на основании анализа топраккалинских документов, прочтенных С.П. Толстовым и В.А. Лившицем, можно предположить, что основой каждого домохозяйства был крупный родственный коллектив - большая семья. Следует подчеркнуть, что топраккалинский хозяйственный архив дал существенные материалы к гипотезе о рабовладельческой структуре хорезмийского общества эпохи античности. Важным источником по истории и экономике домусульманского Хорезма служит нумизматический материал.

Исследования Хорезмской экспедиции в Беркуткалинском оазисе дали возможность выявить специфику структуры большесемейной общины земледельческого населения Хорезма в VI-VIII вв. н.э. Исследование материальной культуры показало тесную взаимосвязь оазиса и окружавшего его скотоводческого населения. Культура раннесредневекового, афригидского Хорезма сложилась в значительной степени при участии

пришлых племен с северо-востока Центральной Азии.

Средневековый домонгольский Хорезм, о котором мы так много знаем благодаря уникальным трудам В.В. Бартольда, археологически изучен не столь полно.

В работах С.П. Толстова особенно важны страницы, посвященные развитию средневекового города, обусловленного расцветом городской ремесленной промышленности. Разбирая этот существенный момент социальной истории Средней Азии, он вносит ряд поправок в принятую в исторической науке теорию В.В. Бартольда – А.Ю. Якубовского о развитии среднеазиатского средневекового города (Толстов, 1948б. С. 240 и сл.). Наряду с «классическим» делением города на арк, шахристан и ремесленные предместья – рабады, существовало и иное членение города и далеко не всегда победа средневекового способа производства ведет к запустению шахристана и переходу основной жизни города в рабады. С.П. Толстов впервые дает широкую картину экономических связей Хорезма с соседними странами, особенно, с Восточной Европой. Совершенно новыми и по привлекаемому материалу, и по его трактовке являлись идеи, посвященные огузам и истории их городов. Далеко не все идеи С.П. Толстова безоговорочно воспринимались исследователями, до сих пор они вызывают научные дискуссии (Массон, 1999. С. 88-95), являясь живым показателем значимости его идей.

Заслугой Хорезмской экспедиции является открытие большой караванной дороги, шедшей вдоль западного берега Аральского моря из Хорезма в Восточную Европу, оборудованной прекрасными каменными караван-сараями и выложенными камнем колодцами.

Специальные циклы исследований Хорезмской экспедиции были посвящены изучению реликтов доисламских верований, древних семейных обычаев и обрядов, своими корнями уходящих в глубокую древность (Снесарев, 1969). Во многих случаях удалось обнаружить явные пережитки зороастризма – религии, проявление которой в погребальном обряде (оссуарные захоронения) четко зафиксировано на территории Хорезма с античности и вплоть до арабского завоевания. Велись работы по исследованию музыкальной культуры древнего Хорезма, в основу кото-

рых был положен иконографический материал, добытый в процессе раскопок и данные о современных среднеазиатских музыкальных инструментах и ансамблях (Садоков, 1970).

Даже столь короткий перечень некоторых аспектов комплексных археолого-этнографических исследований экспедиции позволяет заключить, насколько оправдывает себя это направление, задуманное и внедренное С.П. Толстовым.

С.П. Толстова знают далеко за пределами родины. Многие из его работ по актуальным проблемам этнографии, археологии и истории Хорезма переведены на западноевропейские и азиатские языки. Результатам многолетних археологических исследований в Центральной Азии были посвящены лекции, прочитанные С.П. Толстовым по приглашению крупнейших научных обществ и университетов Англии, Франции, Италии, Индии. Признанием выдающихся научных заслуг Сергея Павловича является избрание его вице-президентом Международного союза антропологических и этнографических наук, членом-корреспондентом Академии наук Германии, почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического обществ, Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии, Археологического департамента Индии, Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета. Заслуги ученого высоко оценены международным научным сообществом (Betts, 2007. P. 23). Высокую оценку деятельности С.П. Толстова в ряде своих статей дал Я.Г. Гулямов (Буряков, Филанович, 2007. С. 82-83).

С.П. Толстов является выдающимся наставником, подготовившим плеяду высококвалифицированных специалистов, положившим начало самобытной Хорезмской и центральноазиатской школе археологии, внесшего ценный вклад в подготовку кадров для научных учреждений бывшего Советского Союза.

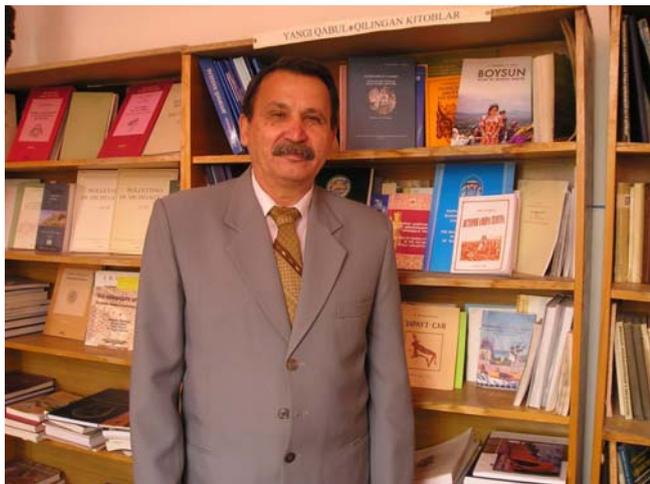
Оценивая вклад С.П. Толстова и его школы в изучение цивилизаций народов Центральной Азии, мы должны констатировать, что он не просто значителен, но является одним из основополагающих в изучении истории Хорезма и Центральной Азии в целом.

Использованная литература

- Андрианов Б.В. Послесловие // Полет в прошлое. М., 1979.
Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. II. Составитель Б.В. Лунин. Ташкент, 1977.
Виноградов А.В., Итина М.А. К 60-летию С.П. Толстова // СА. М., 1967.
Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. «По следам древнехорезмийской цивилизации» (к 100-летию Сергея Павловича

- Толстова) // *О'zbekiston tarihi*. 2007. № 3.
- Дойель Л. Полет в прошлое. М., 1979.
- Итина М.А. Хорезмская экспедиция – основные итоги и перспективы исследований. Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Лунин Б.В. Указатель публикаций С.П. Толстова (с 1927 по 1969 гг.) // ОНУ. 1977. № 2.
- Массон В.М. Цивилизация древнего Хорезма (этапы и пути самоидентификации) // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
- Садоков Р.Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948а.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948б.
- Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. 1962, № 1.
- Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Deuel L. Flights into yesterday. London, 1969.
- Betts A. S.P. Tolstov and the West // Приаралье на перекрестке культур. Тезисы докладов Международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. Нукус, 2007.
- Mambetullaev M.M. S.P. Tolstov – the explorer of ancient Khorezm // *Bulletin International Institute for Central Asian Studies*. № 6. 2007.

К 60-летию ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА РУЗАНОВА

Владимир Дмитриевич Рузанов родился 13 августа 1948 г. в семье служащих в г. Самарканде. После окончания средней школы в 1966 г. поступил на химический факультет Самаркандского государственного университета. Закончив в 1971 г. обучение, он начал свою трудовую деятельность в Институте археологии Академии наук Республики Узбекистан, сначала в должности лаборанта, а затем старшего лаборанта Отдела химико-технологических исследований и консервации археологических памятников.

Полученные в университете знания в области химии пригодились В.Д. Рузанову в освоении профессии реставратора. При его участии, сохранен ряд уникальных материалов выявленных при раскопках памятников Республики. Это

предметы из металла, керамики, стекла и дерева, а также глиняные и ганчевые скульптуры, образцы монументальной живописи на лессовой основе, найденные на Афрасиабе, Фаязтепе, Балалыктепе, Еркургане и других памятниках. Среди отреставрированного им археологического материала подавляющую часть (более 2 тысяч экз.) составляют предметы, сделанные из меди, бронзы, биллоновых сплавов и железа.

Одновременно с этим В.Д. Рузанов проявил интерес к древним производствам, в частности, к древней металлургии и металлообработке. Его первое знакомство с методами спектральных анализов металлических изделий состоялось в начале 1974 г. во время командировки в ЛОИА /ныне ИИМК АН РФ/. Здесь в химико-спектральной лаборатории была проанализирована серия металлических предметов одного из древневосточных памятников эпохи поздней бронзы Южного Узбекистана. В дальнейшем это новое для Отдела химико-технологического исследования ИА АН РУз направление станет основным в научной деятельности В.Д. Рузанова.

В конце 1974 г. В.Д. Рузанов послан на 2 года на стажировку в Московский Институт археологии АН РФ в лабораторию естественнонаучных методов для освоения методов изучения древних медно-бронзовых предметов. Его научным руководителем стал известный учёный-археолог, доктор исторических наук Е.Н. Черных, проводящий исследования памятников металлургического производства и горнорудного промысла древнего периода на территории Евразии. В том же Институте в 1976-1979 гг. В.Д. Рузанов проходит обучение в очной аспирантуре со специализацией по истории древней металлургии и горного дела Узбекистана.

После окончания аспирантуры в 1979 г. В.Д. Рузанов принят на должность младшего научного сотрудника в отдел химико-технологического исследования ИА АН РУз. В 1982 г. В.Д. Рузанов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «История металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа» на кафедре археологии исторического факультета МГУ. В 1984 г. В.Д. Рузанов переведен на должность старшего научного сотрудника отдела химико-технологического исследования. В 1991-1994 гг. В.Д. Рузанов находится в докторантуре при ИА АН РУз. В качестве докторской диссертации им выбрана тема «Металлургия Средней Азии в эпоху бронзы». В 1994 г. после окончания докторантуры В.Д. Рузанов переведен на должность старшего, а в 2002 г. – ведущего научного сотрудника отдела химико-технологического исследования. С 1995 г. В.Д. Рузанов участвует в работе Ученого совета ИА АН РУз, с 1995 г. по 2005 г. он входит в состав редколлегии журнала Института «История материальной культуры Узбекистана».

За 33 года исследований, посвященных историко-металлургической тематике, В.Д. Рузанов собрал сведения о 3,5 тысячах медных и бронзовых изделий из разных памятников эпохи бронзы, раннего железа, античности и средневековья Узбекистана и сопредельных территорий. Из них изучен химический состав металла более 2 тысяч предметов. Основная часть, около 1,5 тысяч, анализов произведена в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН РФ, тесные связи с сотрудниками которой В.Д. Рузанов поддерживает все это время. Результаты, полученные при комплексном подходе в изучении древнего металла, сочетающие методы естественных наук и традиционные для археологии методики исследова-

дования, и их системное обобщение легло в основу 87 публикаций юбиляра. Важной частью его работ является характеристика металлообрабатывающего производства земледельческих и степных культур Средней Азии эпохи раннего металла. При этом обстоятельно и принципиально по-новому рассматриваются вопросы генезиса, хронологии и связей некоторых очагов и центров металлообрабатывающих производств среднеазиатского региона. Особо следует отметить изыскания В.Д. Рузанова в изучении металла чувстской культурно-исторической общности. Безусловно, открытием является выделение двух этапов (дальверзинского и чувстского) в развитии металлургии чувстских племен. Впервые на металлическом материале на 500 лет удревнена дата поселения Дальверзин, что, кстати, подтверждают данные радиоуглеродных определений. В.Д. Рузанов убедительно доказал хронологическую разницу между поселениями Дальверзин и Чуст, которые раньше исследователи относили к одному периоду, что Дальверзин следует отнести к более раннему времени (середина XIV-конец IX- первая половина VIII вв. до н.э.), нежели Чуст (конец IX—VIII-VII вв. до н.э.). Установленные даты представляются важными и для постановки вопроса о характере распространения памятников с лепной крашеной керамикой на территории Средней Азии. В одной из своих работ В.Д. Рузанов на металлических материалах бронзовых культур восточной зоны среднеазиатского региона установил миграции групп племен с лепной расписной керамикой с севера на юг – из Ферганы и Ташкентской области в Северную Бактрию. Этот вывод согласуется с мнением, высказанным раньше некоторыми узбекистанскими археологами, с той лишь разницей, что процесс формирования культур крашеной керамики в древней Бактрии начался не в начале I тысячелетия до н.э., а в более раннее время, по мнению В.Д. Рузанова, в конце II тысячелетия до н.э. и в нем принимали участие не только чувстские (точнее дальверзино-бургулюкские) и степные племена, но и популяции сапаллинской культуры на поздней бустанской фазе ее развития.

Другим важным заключением, которое было сделано В.Д. Рузановым в последние годы, является выделение ТУРАНСКОЙ металлургической провинции на территории Средней Азии. Начало становления этой провинции, как считает исследователь, восходит к третьей четверти II тысячелетия до н. э. Ее характеризуют металлургия племен культур с лепной крашеной керамикой и степных племен, а чуть позже металлообработка древневосточной сапаллинской культуры, функционировавшие в среднеазиатском междуречье в то время.

Необходимо также отметить полевою работу В.Д. Рузанова, в результате которой были добыты разнообразные материалы, характеризующие древний горнорудный промысел на территории нашей республики. В.Д. Рузанов участвовал в международной узбекско-немецкой археологической экспедиции, проводившей обследование древних оловянных рудников в Зирабулак-Зиаатдинских горах.

Исследования древней металлургии Средней Азии В.Д. Рузанова вызвали большой интерес у зарубежных коллег: его приглашают участвовать в работе международных конгрессов дальнего (Италия, США, Бельгия, Германия, Турция, Чехословакия) и ближнего (Россия, Украина, Грузия, Туркмения, Киргизия, Таджикистан) зарубежья. Со своими разработками В.Д. Рузанов щедро делится с коллегами Института и других археологических учреждений, выступая с докладами на республиканских конференциях и отчетных сессиях.

Хочется от имени сотрудников отдела и всего Института археологии пожелать дорогому юбиляру новых творческих успехов и долгих лет жизни.

Список основных публикаций В.Д. Рузанова:

- Рузанов В.Д. О некоторых древних оловянных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. Вып.15. Ташкент,1979. С.98-104.
- Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чувстской культуры // СА. 1980. №4. С.55-64.
- Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дисс... канд. ист. наук. МГУ. М.,1982. 22 с.
- Рузанов В.Д. Древние сплавы Средней Азии // ИМКУ. Вып.21. Ташкент, 1987. С.192-203.
- Рузанов В.Д. К вопросу о происхождении Чимбайлыкского клада // ИМКУ. Вып.22. Ташкент, 1988. С.214-219.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д. Очаги металлургии и металлообработки Средней Азии эпохи бронзы // Материалы IV советско-американского коллоквиума: «Древнейшая металлургия Старого Света». Тезисы докладов. Тбилиси, 1988. С.25-30.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 // ИМКУ. Вып.23. Ташкент, 1990. С. 6-12.
- Рузанов В.Д. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. Вып.24. Ташкент, 1990. С.219-220.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д. Металлообработка у племен кучукской культуры // ИМКУ. Вып.26. Ташкент, 1991. С.211-225.

- Новиков В.П., Радилловский В.В., Рузанов В.Д. Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии. Путеводитель экскурсий Семинара. Душанбе, 1991. 29 с.
- Ruzanov V.D. On the Problem of Sources of Tin Bronzes from the Sites of Early Agricultural Cultures of Central Asia // Theses of the papers of the International Congress: The Beginning of Metallurgy. Bochum, 1995. P.37-38.
- Рузанов В.Д. Результаты спектроаналитических исследований металла памятников тазабагыбской культуры // ИМКУ. Вып.27. Самарканд, 1996. С.200-204.
- Рузанов В.Д., Буряков Ю.Ф. Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау // ИМКУ. Вып.28. Самарканд, 1997. С.175-178.
- Рузанов В.Д. К вопросу о хронологии металлического комплекса культуры Заманбаба // ИМКУ. Вып.29. Самарканд, 1998. С.41-42.
- Рузанов В.Д. О хронологии металлического комплекса Бургулюкской культуры // ОНУ. №2. Ташкент, 1998. С.46-50.
- Ruzanov V.D. Zum fruhen Auftreten der Zinnbronze in Mittelasien // The Beginning of Metallurgy. International Symposium, 26-28 April, 1995. Bochum, Germany, 1998. P.105-107.
- Рузанов В.Д. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА. № 4. М., 1999. С.24-37.
- Рузанов В.Д., Черный Я., Вайсгербер Г. Об итогах работы международной узбекско-немецкой экспедиции в 1997-1998 годах по археологическому обследованию древних источников олова в Зирабулак-Зиаэтинских горах // ОНУ. № 7-8. Ташкент, 1999. С. 68-72.
- Рузанов В.Д. К вопросу о истоках оловянистых бронз из памятников древнеземледельческих культур Средней Азии // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999. С.37-40.
- Рузанов В.Д. Дальверзино-чустско-бургулюкский очаг в системе металлообрабатывающих и металлургических производств Средней Азии // История, культура и экономика юга Кыргызстана. Т.1. Ош, 2000. С. 31-37.
- Рузанов В.Д. Новые данные о дате погребений типа «ямы со спуском» Тулхарского могильника // Взаимодействие культур и цивилизаций. Сборник посвящен 70-летию акад. В.М. Массона. С-Пб., 2000. С.142-144.
- Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение – источник олова эпохи бронзы // ИМКУ. Вып.31. Самарканд, 2000. С.54-57.
- Рузанов В.Д., Лушпенко О.Н. Некоторые результаты изучения химического состава металла бургулюкской культуры // ИМКУ. Вып.31. Самарканд, 2000. С.77-85.
- Рузанов В.Д. Некоторые сведения об источниках сырья бактрийского металла и характере перехода примесей из руды в медь в процессе металлургической плавки // ИМКУ. Вып.33. Самарканд, 2002. С.64-67.
- Рузанов В.Д. К вопросу о хронологии комплексов сапаллинской культуры // Археологические исследования в Узбекистане—2001. Ташкент, 2002. С.128-138.
- Рузанов В.Д. Металлургия меди и бронзы чустской культуры Ферганы /Новые данные о происхождении, хронологии, характере и особенностях развития производства // Материалы международной научной конференции: Цивилизации Центральной Азии: Земледельцы и скотоводы, традиции и современность. МИЦАИ. Самарканд, 2002. С.32-33.
- Ruzanov V.D. Early mines in Uzbekistan. Kagaly International Field Symposium – 2002: Earliest stages of mining and metallurgy in northern part of Eurasia: Kargaly complex. Proceedings of Symposium. Москва, 2002. P.79-80.
- Рузанов В.Д. Морфолого-типологические и химико-металлургические особенности металлического инвентаря Чуста и Дальверзина. (Результаты сравнительного анализа) // ИМКУ. Вып.34. Самарканд, 2004. С.32-35.
- Рузанов В.Д. О votивных металлических изделиях из памятников земледельческих культур Северной Бактрии // Археологические исследования в Узбекистане—2003. Ташкент, 2004. С.170-177.
- Рузанов В.Д. Древнейшая медно-бронзовая индустрия Южного Узбекистана // MOZIYDAN SADO. №2. Тошкент, 2004. С.16-18 (на узбекском, русском и английском языках).
- Рузанов В.Д. Дополнения к сказанному о раннем железе Средней Азии // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. МИЦАИ. Самарканд-Бишкек, 2005. С.147-154.
- Рузанов В.Д. К вопросу об истоках металлообработки сапаллинской культуры Южного Узбекистана // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Сборник посвящен 70-летию акад. А.А. Аскарова. Ташкент, 2005. С.48-53.
- Рузанов В.Д., Анарбаев А.А., Реутова М.А. Химико-металлургическая характеристика металла Бричмуллинского клада // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд, 2006.

М.А. Реутова

МУНДАРИЖА

Ж.К. Мирзааҳмедов.		
Академик Я. Ғуломов ҳаёт йўли ва мероси		7
Б.Қ. Сайфуллаев.		
Қўтирбулоқ тошларига ишлов бериш техникаси ривожда хом ашёнинг роли		10
Б.Қ. Сайфуллаев, И.М. Қурбонбоев.		
Қизилқумдаги қадимги тош даври устахоналарини ўрганилишига доир (Есен 2 ва Кўкаёз 1, 2, 3 ёдгорликлари мисолида)		15
Н.У. Холматов, К.А. Крахмаль.		
Очилғор макони маданий қатламлар классификациясини ўрганишга доир		19
А.П. Деревянко, Ў.И. Исломов, К.А. Колобова, Д. Фляс, А.И. Кривошапкин, С.В. Лещинский, К.А. Крахмаль, С.В. Звинц, К.К. Павленок, Г.А. Мухторов.		
Кўп қатламли Кўлбулоқ манзилгоҳида археологик ишларнинг қайтадан бошланиши		25
Б.Х. Матбобоев, З.З. Машрабов.		
Андижон шаҳрининг тарихий-археологик ўрганилиши (2000-2007 йиллардаги қазилмаларнинг айрим натижалари)		38
В.Д. Рузанов.		
Замонбобо маданияти металл буюмларини ўрганилишининг айрим натижалари		47
Л.М. Сверчков, Н. Бороффа.		
Бандихондан топилган Ёз II комплекси		50
Хулио Бендесу-Сармьенто, Самариддин Мустафоқулов.		
Жарқўтон ёдгорлигида олиб борилган архео-антропологик тадқиқотлар		56
Ш.Т. Адылов, Ж.К. Мирзааҳмедов.		
Варахша массивининг ўзлаштирилиши тарихига оид янги маълумотлар (Варахша ва унинг атрофи қишлоқларини ўрганилиши натижалари бўйича даврлаштириш ва хронологияси масалалари)		61
Э.В. Ртвеладзе.		
Кампиртепа шаҳар харобасидан кхароштхи ёзуви намунасининг топилиши		79
А.В. Омельченко.		
Пойкенд шаҳри аркидаги ибодатхонани ўрганилишига доир		85
Ш.Р. Пидаев, М.А. Реутова.		
Зартепа деворий суратлари		91
Маттео Компарети.		
Афросиёб деворий суратлари: тадқиқотларнинг ҳозирги ҳолати		102
А.А. Грицина.		
Пшағарсой ҳавзасидаги археологик тадқиқотлар		109
А.А. Раимқулов, М.Х. Исомиддинов, Ф. Эгамбердиев.		
Тўрткўлттепа илк ўрта асрлар сопол буюмлари		118
А.М. Маликов.		
Суғдаги илк ўрта асрлар даври этномаданий жараёнлари: турк-суғд ўзаро алоқалари		128
Г.И. Богомолов.		
Чочда Гопатшоҳ образи (тимсоли)		133
О.Ю. Арипджанов.		
Ўрта Осиёдаги ошиқ ўйинлари топилмалари		142
А.А. Мусакаева, Г.И. Богомолов, В.С. Миносянц, П.И. Гендельман.		
Кушонлар Бактриясидаги дафн меросимлари тарихига доир: Эски Термиз науслари		149
Н.Б. Немцева.		
Ислон дунёсида машадлар (тарихий ретроспектива)		157
А.Э. Бердимуратов, Г.И. Богомолов.		
Суғдийларнинг Шимолий Хитойдаги дафн иншоотларидаги қуш-одам образи		171

Ж.К. Мирзааҳмедов, Ш.Т. Адылов, Б.Х. Матбобоев.	
Қува шахристонидаги Р5-б қазишмасидаги археологик тадқиқотларнинг натижалари	189
Ю.Ф. Буряков, Г.И. Богомолов, Эм.Ф. Вульферт.	
Ўрта асрлар Нукут шаҳри ва унинг атрофини ўрганиш бўйича янги материаллар	210
А.А. Анарбаев, З.А. Караева.	
Ахсиқентнинг ўрта асрлардаги уй-жойлари (IX-XI асрлар)	222
М.И. Филанович, С.Р. Ильясова, Л.С. Баратова.	
Бинкат (Тошкент) моддий маданияти тўғрисида айрим маълумотлар	227
М.-Ш. Қдырнийазов, Б. Турганов, О. Қдырнийазов.	
Ўрта асрлар Хоразмининг қурол-яроғ буюмлари	238
Е.А. Смагулов.	
Сауран археологик комплекси тушунчасига доир: (дефиниция, моҳияти, чегаралари)	246

АХБОРОТ

Д. Жўракулова.	
Самарқанд палеолит макони – тош даври бўйича Ўрта Осиёнинг эталон ёдгорлиги	252
К.А. Раҳимов.	
Сополли маданиятининг иситиш ва ошхона ўчоқлари (Жарқўтон арки материаллари асосида)	256
А. Горин.	
Худойдоттепадан топилган тангалар	261
А.А. Грицина, М.М. Мамбетуллаев.	
С.П. Толстов – Марказий Осиё қўхна маданиятининг машҳур тадқиқотчиси	264
М.А. Реутова.	
Владимир Дмитриевич Рузановнинг 60-йиллигига	268

СОДЕРЖАНИЕ

Д.К. Мирзаахмедов. Жизненный путь и наследие академика Я.Г. Гулямова	7
Б.К. Сайфуллаев. Роль сырья в развитии техники обработки камня в Кутурбулаке	10
Б.К. Сайфуллаев, И.М. Курбонбоев. К изучению мастерских древнекаменного века в Кызылкумах (по материалам памятников Есен 2 и Кукаяз 1, 2, 3)	15
Н.У. Холматов, К.А. Крахмаль. К проблеме классификации культурных отложений пещерной стоянки Очилгор	19
А.П. Деревянко, У.И. Исламов, К.А. Колобова, Д. Фляс, А.И. Кривошапкин, С.В. Лещинский, К.А. Крахмаль, С.В. Звинц, К.К. Павленок, Г.А. Мухтаров. Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак в 2007 г.	25
Б.Х. Матбабаев, З.З. Машрабов. Историко-археологическое изучение города Андижана (некоторые итоги работ 2000-2007 гг.)	38
В.Д. Рузанов. Некоторые итоги изучения металла Заманбабинской культуры	47
Л.М. Сверчков, Н. Бороффка. Комплекс периода Яз II из Бандыхана	50
Хулио Бендесу-Сармьенто, Самариддин Мустафакулов. Археo-антропологические исследования на могильнике Джаркутан	56
Ш.Т. Адылов, Д.К. Мирзаахмедов. Новые сведения по истории обживания Варахшинского массива (вопросы периодизации и хронологии по результатам изучения Варахши и её сельской округи)	61
Э.В. Ртвеладзе. Открытие надписей кхароштки на городище Кампыртепа	79
А.В. Омельченко. К изучению храма на цитадели Пайкенда	85
Ш.Р. Пидаев, М.А. Реутова. Живопись Зартепа	91
Маттео Компарети. Цикл росписей с городища Афрасиаб: современное состояние исследований	102
А.А. Грицина. Археологические исследования в бассейне Пшагарсая	109
А.А. Раимкулов, М.Х. Исамиддинов, Ф. Эгамбердиев. Раннесредневековая керамика из Турткультепа	118
А.М. Маликов. Этнокультурные процессы в Согде в эпоху раннего средневековья: тюрко-согдийские взаимовлияния	128
Г.И. Богомолов. Образ Гопатшаха в Чаче	133
О.Ю. Арипджанов. Находки игральнoх костей в Средней Азии	142
А.А. Мусакаева, Г.И. Богомолов, В.С. Миносянц, П.И. Гендельман. Из истории погребальной обрядности кушанской Бактрии: наусы Старого Термеза	149
Н.Б. Немцева. Машады в исламском мире (историческая ретроспектива)	157
А.Э. Бердимуратов, Г.И. Богомолов. Образ птичеловека на рельефах погребальных сооружений согдийцев в Северном Китае	171

Д.К. Мирзаахмедов, Ш.Т. Адылов, Б.Х. Матбабаев.	
Результаты археологических исследований на объекте Р 5б городища Кува	189
Ю.Ф. Буряков, Г.И. Богомолов, Эм.Ф. Вульферт.	
Новые материалы по изучению средневекового Нукета и его округа	210
А.А. Анарбаев, З.А. Караева.	
Средневековый жилой дом Ахсикета (IX-XI вв.)	222
М.И. Филанович, С.Р. Ильясова, Л.С. Баратова.	
Некоторые данные о материальной культуре Бинката (Ташкента)	227
М.-Ш. Кдырниязов, Б. Турганов, О. Кдырниязов.	
Предметы вооружения в средневековом Хорезме	238
Е.А. Смагулов.	
К разработке понятия «Сауранский археологический комплекс»: дефиниция, содержание, границы	246

ЗАМЕТКИ

Д. Джуракулова.	
Самаркандская палеолитическая стоянка - эталонный памятник Средней Азии эпохи камня	252
К.А. Рахимов.	
Отопительные и кухонные очаги Сапаллинской культуры (по материалам раскопок арка Джаркутана)	256
А. Горин.	
Монетные находки с Худойдоттепа	261
А.А. Грицина, М.М. Мамбетуллаев.	
С.П. Толстов - выдающийся исследователь древних культур Центральной Азии	264
М.А. Реутова.	
К 60-летию Владимира Дмитриевича Рузанова	268

CONTENTS

The Life Path and Heritage of Academician Y.G. Gulyamov	7
B.K. Sayfullayev The Role of Raw Material in Development of Stone-Making Techniques in Quturbulaq	10
B.K. Sayfullayev, I.M. Qurbanbayev Studying Stone Age Workshops in Qyzylqum (Data example from Yesen 2 and Kok-Ayaz 1, 2, and 3)	15
N.U. Halmatov, K.A. Krakhmal To Problem of Classification of Cultural Layers of the Achyl-Ghar Cave Site	19
A.P. Derevyanko, U.I. Islamov, K.A. Kolobova, D. Flas, A.I. Krivoschapkin, S.V. Leschinsky, K.A. Krakhmal, S.V. Zvints, K.K. Pavlenok, G.A. Mukhtarov Renewal of Archaeological Works on the Multi-Layer Site of Quturbulaq in 2007	25
B.H. Matbabayev, Z.Z. Mashrabov Historic-Archaeological Study of the City of Andijan (some results of works conducted in 2000-2007)	38
V.D. Ruzanov Some Results of Studying Metals of the Zamanbaba Culture	47
L.M. Sverchkov, N. Boroffka The Yaz II Cultural Complex from Bandykhan	50
Julio Bendezu-Sarmiento, S. Mustafaqulov Archaeological and Anthropological Studies at the Jarkutan Cemetery	56
Sh.T. Adylov, D.K. Mirzaakhmedov New Data on History of Early Occupation of the Varakhsha Oasis (issues of periodization and chronology according to results of studies of Varakhsha and its rural suburbs)	61
E.V. Rtveladze Finding of Kharoshti Inscriptions on the Kampirtepa Settlement	79
A.V. Omelchenko Towards Studying the Temple of the Citadel of Paykend	85
Sh.R. Pidayev, M.A. Reutova The Zartepa Paintings	91
Matteo Compareti The Afrasiab Settlement Painting Cycle: Current State of Studies	102
A.A. Gritsina Archaeological Studies in the Basin of Pshaghar-Say	109
A.A. Raumqulov, M.H. Isamidinov, F. Egamberdiyev Early Medieval Pottery from Tortkoltepa	118
A.M. Malikov Ethno-cultural Processes in Soghd during the Early Medieval Period: Turko-Soghdian Inter-influences	128
G.I. Bogomolov The Ghopat-Shah Image in Chach	133
O.Yu. Aripjanov The Playing Bones Findings in Central Asia	142
A.A. Musakayeva, G.I. Bogomolov, V.S. Minosyants, P.I. Gendelman From History of Burial Traditions in the Kushan Bactria: Nauses of Old Termez	149
N.B. Nemtseva Mashads in Islamic World (Historical retrospective)	157
A.E. Berdimuradov, G.I. Bogomolov The Bird-Human Image on the Gravings of the Burial Constructions of Soghdians in North China	171

D.K. Mirzaakhmedov, Sh.T. Adylov, B.H. Matbabayev	
The Results of Archaeological Studies on the Object-P5b at the Quva Settlement	189
Yu.F. Buryakov, G.I. Bogomolov, Em.F. Vulfert	
New Materials on Studying Medieval Nuket and its Suburbs	210
A.A. Anarbayev, Z.A. Qarayeva	
Medieval Residential House in Akhsiket (IX-XI centuries)	222
M.I. Filanovich, S.R. Ilyasova, L.S. Baratova	
Some Data on Material Culture of Binket (Tashkent)	227
M.-Sh. Qdyrniyazov, B. Turghanov, O. Qdyrniyazov	
The Military Objects in Medieval Khorezm	238
E.A. Smagulov	
On Developing the Concept of Sauran Archaeological Complex: definition, content, boundaries	246

NOTES

D. Juraqulova	
The Samarqand Paleolithic Site, the Standard Paleolithic Site of Central Asia	252
K.A. Rahimov	
The Heating and Kitchen Hearths of the Sapalli Culture (data example from the Jarqutan Citadel)	256
A. Gorin	
Coin Findings from Khudaitepa	261
A.A. Gritsina, M.M. Mambetullayev	
S.P. Tolstov, the Great Researcher of Ancient Cultures of Central Asia	264
M.A. Reutova	
To the 60th year anniversary of Vladimir Dmitrievich Ruzanov	268

Коллектив авторов
История материальной культуры Узбекистана
Выпуск 36

Рецензенты:
Д.и.н. профессор Т.К. Ходжайов (Россия)
К.и.н. А.Х. Атаходжаев (Узбекистан)

Печатается по решению бюро Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

Редакторы:
К.С. Загряжская
Технический редактор:
Т.Х. Очиллов
Корректоры:
А.А. Грицина, Д.К. Мирзаахмедов, А.А. Раимкулов
Набор:
М.В. Кондрикова

Издательство “ФАН” АН РУз
100170, г. Ташкент, ул. И. Муминова, 9

Сдано в набор 14.04.2008 г. Подписано к печати 24.10.2008
Изд. № 3-229. Заказ 200. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. лист. 21,28. Уч.изд.л 21,57.
Бумага офисная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
140151, г. Самарканд, ул. Акад. В. Абдуллаева 3.

Издание осуществлено при поддержке
Узбекско-Французской
археологической экспедиции